

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

ОПЯТЬ ВОЙНА

Книга 18

Армагеддон

ТБ
МОСКВА 2021

Серия «Литературно-художественное наследие»
Н.К. Рерих «Великая симфония жизни»
(Автобиография)
Книга 18. **ОПЯТЬ ВОЙНА**

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна,
- исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха,
Москва.
www: rerich9.sitecity.ru
e-mail: tv-larkina@yandex.ru

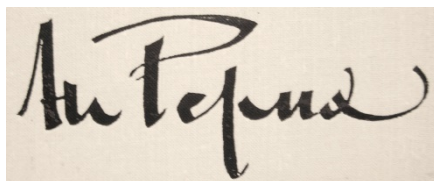
Подготовка электронной версии:
Болдырев Олег Геннадьевич.
Москва.
www: bog2031.ru (Великая симфония жизни Н.К. Рериха)
e-mail: bog2031@mail.ru

Редакционная коллегия:

Ларкина Т.В.
Болдырев О.Г.
Водолажская Т.Ю.
Курганова Е.А.

На лицевой стороне обложки:
Н.К. Рерих. Армагеддон. 1940.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1938 – 1940 гг.)

Книга 18

ОПЯТЬ ВОЙНА

ТБ
МОСКВА 2021

К 150-летию со дня рождения Н.К. РЕРИХА

«Созову всех, когда настанет время действия, всех не забывших меня, всех устремлённых, всех, кто Учение Агни Йоги положил в основание жизни своей. Всем позванным было дано, каждому по вместимости принесённых кувшинов, и каждого получившего спрошу, что сделал он с полученным сокровищем, как приумножил его, не растерял ли и как приготовил себя к тому, чтобы войти в сужденную ему сферу деятельности. Причины, заложенные когда-то, как семена будущих всходов, дадут ростки духовных достижений, которые будут очень нужны в будущем. Мы намечаем действия наши, вернее, следствия их далеко вперёд. И наша забота о том, чтобы сотрудники наши не растеряли ничего из того, что им было дано, но чтобы каждый принёс к сужденному сроку плоды своих устремлений и накоплений».

Гуру¹

¹ Грани Агни Йоги, т. 10. 634 (Гуру).

Великому художнику, философу, путешественнику, археологу и человеку великого сердца, всю свою жизнь отдавшему на служение человечества посвящается ...

С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. 1938 г.

ВВЕДЕНИЕ

1914-1916 г. «Да, думали, что это было последнее безумие. Надеялись, что впоследствии достаточно будет дружественного обмена мнений.

Но вот опять ошиблись. Через четверть века, ровно через четверть века, то есть через целое поколение, вспыхнула эпидемия такого же безумия. И началась эта эпидемия тем же бесчеловечным образом. Опять сброшены бомбы в мирных жителей. Опять потоплены суда, перевозившие мирных путников. Опять разбиты школы и разорваны детские тела.

Конечно, эта война не сейчас началась...».

ОПЯТЬ ВОЙНА

В дымке мреют Смоленские леса. Ясный летний день. Жарко, но в храме прохладно. Кончаем роспись «Царица Небесная». Часть лесов уже снята. Идут предположения, как пойдёт дальше настенное украшение. Вдруг конский топот. Кн[ягиня] Четвертинская спешно влетела на паперть храма и ударила тяжкою вестью: «война». Менее всего гармонировало это убийственное слово с мирною стенописью. Собрались, обсуждали, каждый высказывал свои соображения, которые обыкновенно не оправдываются. Вместо росписи всего храма пришлось ограничиться одною алтарного апсидою с пилонами и надвходными арками. С трудом нашли места в вагоне. Все дороги были запружены войсками. Хотя школьные занятия и начались вовремя, но всюду сразу почувствовался сложный темп. Таков был 1914 год.

В следующем году - выставка искусства союзных народов и основание мастерских для увечных воинов. Казалось бы, в эти мастерские попадали совершенно случайные, неподготовленные люди, что называется, «от сохи». И тут под гром пушек ещё раз пришлось убедиться в несказуемых дарованиях русского народа. Когда изделия этих мастерских были выставлены, то произошло даже недоразумение. Некие скептики начали уверять, что это работы не инвалидов, а каких-то вполне подготовленных прикладных художников. Помню, как обиделись этим руководители наших мастерских, ибо они искренне гордились успехами таких особенных учеников. И с каким восторгом работали инвалиды! Верилось, что эти семена, в них заложенные, дадут прекрасные ростки.

И ещё одно качество русского народа, которое так поражало меня. Среди увечий и болестей всегда находились и шутка, и песня, и самое душевное настроение. Приходившие посетители полагали найти скорбную атмосферу, проникнутую стонами, а вместо этого попадали на дружную работу, пересыпанную шутками и прибаутками. Из школы стали исчезать многие ученики. Послышалось о смертях и о подвигах; сколько самых отборных, подававших надежды молодых художников не вернулось с поля. Говорили, что такой войны больше не будет, что подобное человеческое безумие неповторимо.

Писалась картина «Враг Рода Человеческого», осуждавшая разрушения исторических городов. Ставилась в пользу Бельгии «Сестра Беатриса». Писались призывы ко всем нациям об охране памятников искусства и науки. А пушки гремели. Думалось, что их рёв хочет напомнить человечеству о том, что так

жить нельзя. Что нельзя безнаказанно разрушать достояние народов, нельзя попираť создания человеческого гения. И не в одних музеях или университетах сохранялись памятники человеческих достижений. В каждом доме была хоть одна замечательная вещь, памятная, старинная. Даже в маленьких библиотеках бывали книги незаменимо редкие, и кто мог счесть все эти народные накопления? А что же будем говорить о человеческом живом таланте, который так часто расточительно уничтожался?

Да, думали, что это было последнее безумие. Надеялись, что впоследствии достаточно будет дружественного обмена мнений. Но вот опять ошиблись. Через четверть века, ровно через четверть века, то есть через целое поколение, вспыхнула эпидемия такого же безумия. И началась эта эпидемия тем же бесчеловечным образом. Опять сброшены бомбы в мирных жителей. Опять потоплены суда, перевозившие мирных путников. Опять разбиты школы и разорваны детские тела. Конечно, эта война не сейчас началась. Уже в 1936 году она стала злобно формироваться. Уже истекал кровью Китай под неслышанно чудовищной агрессией. Уже терзались Испания, Абиссиния... Был длинен список насилий. Были поразительные поводы для пароксизма разрушений. Как часто бывает, главные выстрелы загремели не тогда, когда общественное мнение их ожидало. Будем ли надеяться, что бесчеловечные уроки прошлого хотя отчасти изменят к лучшему существующее положение? Злобная разноголосица мало ободряет к таким надеждам.

Первое августа 1914 года встретили в храме, первое сентября 1939 года встретили перед ликом Гималаев. И там храм, и тут храм. Там не верилось в безумие человеческое, и здесь сердце не допускает, что ещё один земной ужас начался. Может быть, опять будем работать для Красного Креста. Опять искусство будет напоминать о том, что недопустимо разрушительство, и опять будем надеяться, что хоть теперь человечество поймёт, где истинные ценности и в чём смысл совершенствования человека.

*Гималаи
3 Сентября 1939 г.*

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974

Н.К. Рерих. Рамайна. 1937.

ВОЙНА

Уже с 1936 года мир вступил в новую войну. Это было подтверждено со стороны французских военных обозревателей. Генералы Азан, Дюваль, Дюфур, Тило и другие пришли к единодушному заключению, что война в особой форме уже навязана миру.

"Эфиопия, Австрия, Испания, Китай, Чехословакия, Мемель, Албания - лишь отдельные боевые участки этого грандиозного поля сражения, где льётся уже горячая кровь и где вместе с пропагандой по радио и тонкой дипломатией пущены в ход танки и чудовищных размеров артиллерия и авиация.

Отличительной чертой этой войны до сих пор была полная и совершенная организованность нападающей стороны. Открытые провозглашения принципа насилия, точное определение целей навязываемой войны, перевод всего хозяйственного и политического аппарата на военные рельсы, согласованность действий военных и дипломатических штабов, стремительность и сохранение инициативы – таковы характерные черты этой организованности.

Пассивность и дезорганизация обороняющейся стороны до последних дней были таковы, что даже определение и фиксирование нападающего клеймились как признаки "идеологической борьбы", как подталкивание к войне. Чехословакия и Албания развеяли мираж наивных мечтаний, и мировое общественное мнение назвало, наконец, нападающего – три тоталитарных государства".

Действительно, когда говорилось о начале войны в 1936 году, никто не придавал этому никакого значения. Неподвижность мышления требовала лишь определённых условий объявления военных действий. В давние времена учтивые французы говорили своим тогдашним противникам-англичанам: "Господа англичане, стреляйте первыми". Но с тех пор не только учтивость, но и вообще все человеческие отношения оказались пережитками. Мы видим на кровавых примерах, какими вновь изобретёнными способами совершаются агрессии. Самая характерная война называется умиротворением, и завоевание называется присоединением. Таково смятение в мире, что даже такое вопиющее понятие, как война, оказывается просмотренным. В базарной суете человечество не заметило, как началась мировая война в разных частях света. Во время кровавейших преступлений некоторые слепцы говорят о том, что мир не нарушен. Никто не поймёт, отчего происходят эти утверждения – от лицемерия или от слепоты. Действительно, мировая война началась в 1936 году. Этот год был замечателен во многих отношениях. Поистине, армагеддонный год.

23 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

Их записного листка Н.К. Рериха:

Народ хочет знать, молодёжь всей земли хочет учиться.

Не сказка, но явь. Кто же восстанет против знания!

В «Литературной газете» говорится:

«Надо воскресить жизнь, деяния и подвиги Киевской Руси.

- Надо воскресить и воспеть дела Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Москвы. Надо заново перечитать всю историю, не доверяясь материалам XIX века, критически относясь к спору славянофилов и западников, проверяя археологию и историографию.

Надо проделать заново огромнейшую работу. Надо двинуться в архивы, надо пойти на Чудское озеро, на Куликово поле, к Бородину, Смоленску, Березине, на Волгу, по сибирским тропам и рекам, на Украину, на Чёрное море, на Кавказ. Надо исходить по всем маршрутам, по которым проходили дружины и полки народа. Собрать малейшие следы, внимательно работать с этнографами, в музеях, записывать песни, сказания».

На эти слова мы отвечали ещё в 1899-1903 годах в статьях «О Старине Моления», «На кургане», «По Старине», «По Пути из Варяг в Греки», «Радость Искусству», и в других зовах и молениях, и познании русских всенародных сокровищ. «Всенародное» - так мы пытались обратить внимание народа на истинные пути познания, на которых куётся народная крепость и непобедимость.

В прошлом году мы утверждали: «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизречённые красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах - мы будем оборонять. Не найдётся такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о её счастье, о её преуспевании всенародном. Через всё, и поверх всего найдём строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить на всех её путях».

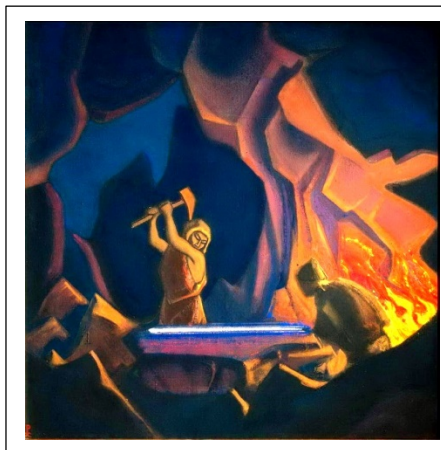
Не устанем твердить об обороне всех сокровищ народных.

Пусть в обновлённой кузнице мужественно куётся меч обороны и плуг труда.

Николай Рерих
24 сентября 1937.

Архив Музея Рерихов, Москва, (машинопись)

**«Не устанем твердить об обороне всех сокровищ народных.
Пусть в обновлённой кузнице мужественно куётся меч обороны и плуг
труда...»**

Н.К. Рерих. Ковка меча 1941.

Н.К. Рерих. Микула Селянинович. 1937. (Ч/б воспр.)

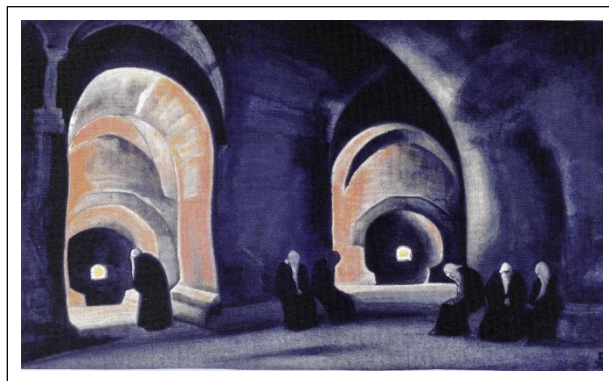
МЕЧИ

Мечи войны не раз пресекали наши самые лучшие возможности. При начале русско-японской войны обстоятельства испортили поступление семидесяти пяти моих картин в Русский Музей. За четыре часа до объявления войны вся эта сюита была приобретена для Музея, затем в силу экстраординарных обстоятельств дело оттянулось, а тут подвернулся Грюнвальд с выставкою в Сен-Луи, и в печальном результате все эти картины рассыпались по Америке и Канаде. Тогда же вследствие войны были навсегда отложены полезные реформы Школы Общества Поощрения Художеств. Великая война, в свою очередь, нанесла многие ущербы нашей Культурной работе. Не состоялось осуществление моего проекта Народной Академии Художеств. Не состоялась моя большая выставка, комитет которой уже работал.

Нынешняя война уже в самом начале своём причинила ущербы. Турне нашей выставки по Индии начало протекать в неестественных условиях. "Фламма" должна была прекратиться, ибо даже высылка этого журнала за границу сделалась невозможной. Хотя осенний номер был выслан подписчикам ещё тридцатого августа, но он уже был возвращен с почты со штемпелем, что "сношения прерваны". При таких противоестественных условиях даже самые лучшие и простейшие начинания должны страдать. Когда мы в своё время указывали на всякие препоны, чинимые Культурным делам во время войны и прочих неурядиц, нам говорили, что наши опасения чрезмерны. Говорили, что музеи существуют, театры действуют... Но вот дожили до того, что музеи должны быть отправлены в какие-то подземелья. Университеты закрываются. Многие театральные постановки, наверное, отменены, хотя среди военных мер кинематограф едет на фронт. Некоторые люди ещё пытаются заявить, что вся Культурная работа нисколько не умалена военными обстоятельствами. Такое заявление, по меньшей мере, будет фарисейским. Военные обстоятельства прямо или косвенно вторглись во всю жизнь. Несмотря на запреты, жизнь дорожает, культурная промышленность сократилась, появились новые орды безработных. Среди всех этих бед появилось ещё одно лицемерие - все тайные враги Культуры нашли новый предлог, чтобы уклониться от всякого участия в просветительных делах. Эти тайные враги Культуры подчас даже страшнее врагов явных.

[1939 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

Н.К. Рерих. Башня ужаса. 1939 г.

1938 г.

ЯНВАРЬ

[Январь] 1938 г. Китай. Кунмин.

Открытое письмо С.И. Лю¹ к Рериху Георгию Николаевичу.

Великая Китайская стена

**Дорогому Георгию Николаевичу
Сердечные поздравления с Новым годом
и наилучшие пожелания.**

от Сергея Лю

1938

Архив Музея Рерихов, Москва

¹ Лю Сергей Иванович (преподаватель русского языка в Пекинском университете и Юго-Западном университете Китая) – ред.

"1938 год - последний год мира. Угрожающее предостережение учёного". Бомбей, 14 августа...»

*1 января 1938 г. «Урусвати»
Н.К. Рерих*

ПАРАПСИХОЛОГИЯ

Новые взлёты мысли порождают и новые слова. Ещё недавно завоевало себе право гражданства понятие психологии – не будем повторять значение этого греческого слова, ибо оно достаточно всем известно. Постепенно психология завоёвывала новые области и проникла в глубины человеческого сознания. Психология связалась с неврологией, обратилась в Институт мозга, коснулась областей сердца и сосредоточилась на изучении энергии мысли.

Уже давно Платон заповедал, что идеи управляют миром, но наука о мысли оформилась сравнительно совсем недавно. Вполне естественно, что потребовалось и новое утончённое обозначение для этой широчайшей области. Таким образом получилась многозначительная надстройка над понятием психологии – родилась парапсихология. Радиоволны, чувствительные фотографические фильмы и многие новые пути науки сроднились с областями парапсихологии, и неслучайно человеческое внимание устремилось к этой высшей области, которая должна преобразить многие основы жизни.

Во времена тёмного средневековья, наверное, всякие исследования в области парапсихологии кончились бы инквизицией, пытками и костром. Современным нам «инквизиторы» не прочь и сейчас обвинить учёных исследователей или в колдовстве, или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения мысли не только подвергался служебным гонениям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя. Также мы знаем, что за исследования в области мысли серьёзные учёные получали всякие служебные неприятности, а иногда даже лишались университетской кафедры. Так было и в Европе и в Америке. Но эволюция протекает поверх всяких человеческих заторов и наветов. Эволюция противоборствует тёмному невежеству, и сама жизнь блестяще выдвигает то, что ещё недавно вызывало бы глумление невежд. Ведь не забудем, что ещё на нашем веку одна учёная академия назвала фонограф Эдисона проделкою шарлатана. Ещё недавно некий врач уверял, что если микроорганизмы требуют такого большого увеличения для изучения их, то они вообще не могут иметь значения и приложения во врачебной практике. Такого рода заявления, как видите, передаются и сейчас печатным словом. Но если косность костенеет, то все живые части человечества неудержимо стремятся к истинному широкому познанию.

Мы узнаём, что в одной Америке сорок профессоров заняты изучением энергии мысли. Перед нами лежит журнал «Парапсихология», изданный под редакцией проф. Рейна (Дьюк. Университет в Сев. Каролине). Проф. Рейн и проф. Макдугал уже много лет работали над передачею мысли на расстояние. Нам уже приходилось отмечать их блестящие результаты в этой области. Теперь же проф. Рейн привлёк к сотрудничеству целую группу интеллигентных студентов и вместе с ними произвел ряд поучительнейших опытов.

Сперва передача мыслей производилась на кратчайших расстояниях в простейших формулах, но затем опыты постепенно перешли и на более далёкие расстояния и сделались сложными и по содержанию своему. В течение нескольких лет было установлено, что мысль, несомненно, может передаваться на расстоянии и для этого люди вовсе не должны становиться какими-то сверхъестественными посвящёнными, но могут действовать в пределах разума и воли. Несомненно, что область мысли, область открытия тончайшей всеначальной энергии суждена ближайшим дням человечества. Таким образом именно наука, называйте её материальной или позитивной, или как хотите, но именно научное познание откроет человечеству области, о которых намекали уже древнейшие символы.

Если мысль мировая направляется по определённому пути, то множество неожиданных пособников могут быть усмотрены наблюдательным умом исследователя. Появились люди, притом самые обыкновенные, которые без приёмника улавливают радиоволны или могут видеть через плотные предметы, подтверждая этим, что орган зрения может действовать и за пределами физических условий.

В Латвии под надзором врачей и учёных находилась маленькая девочка, читающая мысли. Врачебный надзор исключает какое бы то ни было шарлатанство или своекорыстие. В конце концов такой феномен уже перестаёт быть таковым, если и студенты Университета Сев. Каролины совершенно естественно достигают путём упражнений очень значительных результатов.

Также весьма замечательны опыты с недавно изобретённым аппаратом, улавливающим тончайшие до сих пор ещё не уловленные пульсации сердца. Ещё недавно д-р Анита Мьюль рассказывала нам об этих произведённых ею опытах. При этом оказывалось, что высокая мысль чрезвычайно повышала напряжение и утончала вибрации, тогда как мысль обиходная, уже не говоря о мысли низкой, сразу понижала вибрации. Кроме того, было замечено, что объединённая мысль группы людей, составивших цепь, необычайно усиливала напряжение. Доктор Анита Мьюль вынесла также наблюдения из своего недавнего посещения Исландии, Дании, а теперь, вероятно, и Индии, где она находится, даст ей новые импульсы.

Конечно, всякие такие соображения, хотя и подтвержденные механическими аппаратами, продолжают оставаться для большинства «Терра инкогнито». Но по счастью, эволюция никогда не совершалась большинством, а была ведома меньшинством самоотверженным, готовым претерпеть выпад неведжд. Но правосудие истории неизбежно. Имена неведжд, противодействующих знанию, становятся символами постыдного ретроградства. Имя Герострата, уничтожившего произведение искусства, осталось в школьных учебниках, только не в том значении, о котором этот безумец мечтал. Имена неведжд, подавших свои голоса за изгнание из Афин великого Аристиды, не так давно были найдены на раскопках в Акрополе и пополнят собою мрачный синодик неведжд и отрицателей.

Конечно, не забудем, что человек, уловивший радиоволны без аппарата, и теперь ещё угодит в сумасшедший дом, ибо некоторого сорта врачи не могли допустить эту способность. Вообще многие человеческие способности удивят косных ретроградов, и им придётся пережить немало постыдных часов, когда всё, что они отрицали, займёт своё место в области точных наук.

Ещё и теперь передача мыслей на расстояние некоторыми обскурантами считается чуть ли не колдовством. Мы можем привести примеры, когда эта уже установленная десятками профессоров область, вызывает грубые насмешки и восклицания о получении вестей из голубого неба. Не говоря уже о примерах, запечатлённых в литературе многих веков и народов, позволивших напомнить невеждам, что радиоволны, которые уже вошли в их каждодневный обиход, тоже получают, именно, из голубого неба. Плачевно подумать о том, что люди не задумываются над многими очевидными явлениями и о космических основах или законах, лежащих за ними. Как попугаи, невежды не прочь иногда твердить трюизмы, сами не понимая их значения. Так кричащие о вестях из голубого неба не подозревают, что они говорят о том, что уже установлено научными исследованиями и запечатлено аппаратами.

Столько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством. Нелепые запреты, созданные косностью отрицателей, начинают спадать. Ещё вчера мы читали об учреждении особого правительственного комитета для исследования индусской народной медицины. Заветы Аюр-Веды, столь ещё недавно осмеянные, оживают под рукою просвещённых ученых. В Москве основывается Институт изучения тибетской медицины, западные учёные нашли чрезвычайно знаменательным указание среди древних китайских заветов, которые вполне отвечают новейшим европейским научным открытиям. И древняя знахарка, варившая зелье из жаб, нашла себе оправдание в современной науке, открывшей большое количество адреналина именно в этих амфибиях, кроме того, в них уже найдено новое вещество буффонин, очень близкое к дигиталису. Можно приводить множество примеров среди подобных новейших открытий. Ослиная шкура китайской медицины тоже была оправдана в отношении витаминности последними исследованиями д-ра Рида.

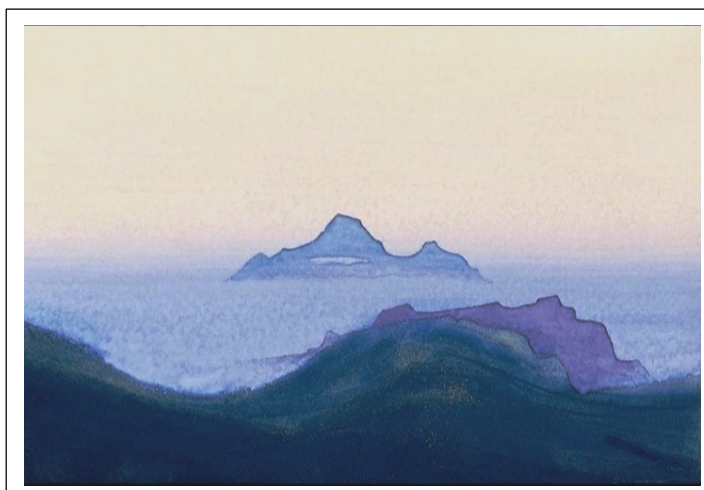
Другой учёный д-р Риил под древнейшими символами установил указания на железы, значение которых сейчас понято и так выдвигается наукою. Таким образом, в разных областях науки древние знания выявляются под новым вполне современным аспектом. Если собрать эти параллели, то получится многотомное сочинение. Но завершительным куполом всех этих исканий будет та основная область, которая сейчас идёт под наименованием парапсихологии, ибо в основе её лежит все та же великая всеначальная или психическая энергия. Мечта о мысли уже оформилась в науку о мысли. Мысль человеческая, предвосхищающая все открытия, уже носится в пространстве и достигает человеческого сознание именно «из голубого неба». Мозговая деятельность человека приравнивается к электрическим феноменам. Ещё недавно биолог Г. Ляховский утверждал, что все этические учения имеют определённо биологическую основу. И таким порядком труд Ляховского подтверждает опыты д-ра Аниты Мьюль с электрическим аппаратом, наглядно отмечающим значение качеств мысли. Даже миф о шапке-невидимке получает научное подтверждение в открытых лучах, делающих предметы невидимыми. Итак, повсюду вместо недавних отрицаний и глумлений возникает новое безграничное знание. Всем отрицателям можно лишь посоветовать – «знайте больше и не затыкайте ушей ваших ватую преступного невежества». Издревле было сказано, что невежество есть прародитель всех преступлений и бедствий.

Будет ли парапсихология, будет ли наука о мысли, будет ли психическая или всеначальная энергия открыта, но ясно одно, что эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий.

Непредубеждённая наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство, этот беспредельный источник всех сил и всего познания. Наш век есть эпоха энергетического мировоззрения.

1 января 1938 г. «Урусвати»

Рерих Н.К. «Обитель Света». М. МЦР, 1992 г.

Н.К. Рерих. Гималаи (Туман, скрывающий горные пространства). 1938.

2 января 1938 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India/ 2-ЯНВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Поистине, каждое Ваше письмо приносит добрую весть. Так и в письме Вашем от 23 декабря приложено радостное сообщение Блюменталья о делах в Таллине. Он не пишет, удалось ли ему предотвратить злосчастное письмо в Р. Музей в Нью-Йорк. А если не удалось, то узнал ли он, на чьё именно имя было это письмо послано. Кстати, по последним сведениям выходит, что всё же нельзя ожидать присылки клише из Америки для монографии. Итак, лучше обойдитесь местными средствами. Очень хорошо, что *Сегодня* поместило заметку о Праге, по-видимому, лёд растаял (как говорит Блюменталь) не в одном Таллине. Посылаю для *Сегодня* записной лист *Парапсихология*. Желательно, чтобы он прошёл без сокращений, которые часто меняют смысл. Также, по просьбе Святослава, прилагаю образчик холста. Не найдётся ли в Риге – ведь Латвия так богата льном – подобного холста, приблизительно такой же ткани, и в таком случае, пожалуйста, пришлите несколько образчиков, указывая ширину холста и его цену. Холст должен быть неподготовленный, и прилагаемый образчик закрашен лишь случайно. Совершенно согласны с Вами, что Асеев напрасно поместил в 9-м выпуске (этого выпуска мы ещё не имеем) сведения о едином фронте с Батуриным. Одно такое хотя бы краткое сведение уже отзовётся на всём положении журнала.

Действительно странно, что Асеев, несмотря и на Ваше предупреждение и на наши определённые советы, продолжает своё «единомыслие» с Батуриным. Для похвалы Батурина место находится, а для осуждения отвратительной книги *Враги Вселенной* место не нашлось. Всё это весьма печально. Пришла книга *Братство* и большой альбом фотографий. Спасибо Вам всем за такие ценные знаки. Добрые, хорошие лица у сочленов. Пусть растёт доброе древо. Очень хорошо, что Вы посоветовали Юлии Доминиковне составить в Каунасе Комитет Пакта не только из членов Общества, но и из местных выдающихся деятелей. Пример Таллина показывает, что местные культурные деятели отозвались. Итак, пусть общественное мнение утверждает идеи созидательства. Прекрасное письмо прислал Карл Оттонович с приложением фотографий и газетных заметок о аурора бореалис (лат. Полярное сияние-ред.). Если будете писать в Харбин, подчеркните, чтобы они интересовались феноменом северного сияния и вообще почаще смотрели бы к северу. Многие удивительные вещи сейчас происходят, но люди очень редко координируют даже самые поразительные явления, как космические, так и общественные. Конечно, мы вполне понимаем, что появление в Риге издания *Оккультизм и Йога* внесло бы новые осложнения, а сейчас так важно укрепить все достижения, получившиеся с Конгрессом. Да будет Вам всем светло. Е.И. и все мы шлём приветы. Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. Минск: Лотаць, 2000.

4 января 1938 г. Рига.

Письмо Рихарда Рудзитиса к Елене и Николаю Рерих

Рига, 4 января 1938 г.

Сердечно дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Хочу начать этот Новый год, посылая Вам, наши любимые Водители, мысли благодарности и духовной радости. Постоянно чувствую, как много незабвенного благословения Ваше Светлое Руководство даёт как в нашей, так и в моей собственной жизни. Сколько тончайших струн духа, какая ширь раскрывается перед нами.

Хотел бы Вам послать радость своего сердца, потому простите, что прилагаю здесь свой реферат, который я прочёл в нашем Обществе в четверг, 30 декабря, вместе с пожеланиями к Новому году.

Хочу Вам здесь привести также прочувствованное приветствие Гаральда нашему Обществу, которое он прислал мне из Зегевольда, куда уехал в «отпуск», но простудился и пролежал в Риге. В этом его приветствии отражались также другие его тогдашние переживания. Мы прочли его вместе с другими приветствиями членам 24 декабря у нашей традиционной ёлки.

«Дорогие Друзья, сижу в своей комнатке, и так сильно, так сильно болит сердце. А за что болит сердце – за несовершенство. Всё сижу, а сердце-то болит и болит. А покрыта боль радостью, той радостью, что есть боль, которая может продвинуться вперёд.

Дорогие Друзья, примем на следующий год – и со всей Торжественностью примем – боль в сердце своё. Да поможет она нам совместно продвинуться и всё сильнее и сильнее объединиться в мощное войско Света, которому не чужд путь Самоотверженности и Жертвы».

У Рождественской ёлки мы пережили много восторженных мгновений. На столике у ёлки мы выставили также Ваши портреты (работы Святослава Николаевича), которые доставили всем нам искреннюю радость. Но хочу Вам здесь поведать ещё о другой неожиданной радости, которую я пережил в тот же вечер. Вернувшись с ёлки домой, я встретил в своей комнате, в углублении у окна, чудесный дорогой дар от членов Общества: синее кресло Владыки и столик с пурпуровой плюсовой скатертью, большой серебряной чашей и книгой *Иерархия* на нём. Было также сопроводительное письмо с подписями всех членов. Всё было так сердечно продумано и прекрасно. Сердце горело в благодарности.

Я так признателен также многим членам за их бескорыстное сотрудничество и продвижение дел нашего Общества. Прежде всего, – нашим «казначейм» Гаральду, Вайчулёнису и также Мисиню за непрестанную материальную (конечно, и духовную!) поддержку, далее, Валковскому за протоколы, прошения и прочие административные дела, г-же Пормалис, машинка которой оказала неоценимую услугу делу нашего Конгресса, она переводила также все приветствия по-латышски и наши письма по-английски, г-же Мисинь за многочисленные переписки, за все дела в связи с Музеем и за корректуру *Тайной Доктрины*, Клизовскому за книги на темы Учения, Абрамовичу за рассылку книг и содержание в порядке нашего храма, Бялковскому за продажу книг и за хранение нашей библиотеки, Стребейко за литографическое издание серии латышских переводов книг Учения (накануне Нового года вновь вышла по-латышски *Беспредельность*, I часть), г-же К.Драудзинь за переводы книг Учения и за добрые советы, Слётовой, Залькалну и другим за корректуру.

31 декабря, за полчаса до закрытия государственных учреждений, мы получили от цензуры разрешение на выпуск *Т. Д.*, II тома. Разрешение получили сразу. Задержка в последний момент произошла в типографии. Беспокоился я, что в прошлом году не успеют окончить, всё же подоспели к сроку. Один брошюрованный экземпляр тотчас послали Вам. Будут посланы также два экземпляра в переплёте, потом посылка задержится на 3–4 недели, пока переплётчик не справится со всеми экземплярами.

В тот же день пришла Ваша посылка от 21 декабря с приветом нашему Обществу и с портретом Е.И. – за этот радостный Дар членам приношу Вам нашу искреннюю благодарность. Привет Обществу (также в латышском переводе) мы прочтём в следующий четверг, 6 января.

7январ. 1938г.

Сегодня снова получили Ваше письмо от 28.XII и письмо Владимира Анатольевича от 27.XII, со всеми приложениями, – сердечное моё спасибо. На следующей неделе придётся начать печатать Сборник приветствий, мои соображения посылаю в письме Владимиру Анатольевичу.

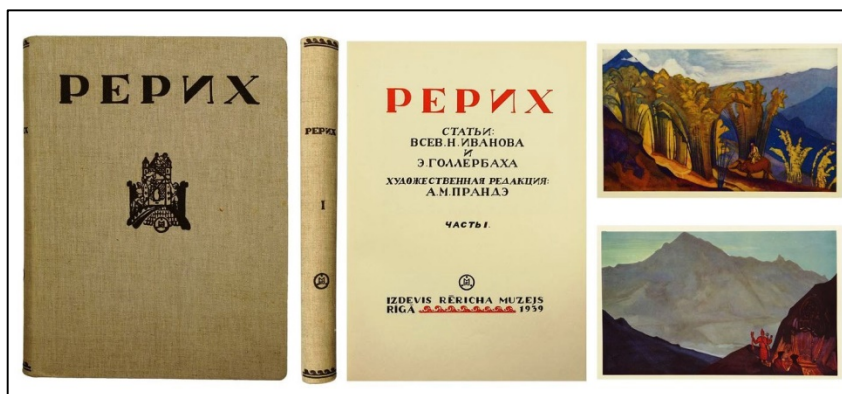
Сегодня вечером получили телеграмму из Америки: «Cliches and books released sent yesterday». Радостная весть. Значит – на сей раз Победа. Наша монография будет весьма богатой, так как кроме этих репродукций туда войдут также пражские, о которых Вам уже писал Гаральд Феликсович.

Шлю Вам самые радостные и сердечные мысли моего сердца.
Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом.
В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

«Наша монография будет весьма богатой, так как кроме этих репродукций туда войдут также пражские...»

5, 8 января 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

5.I.38

Конфиденциально

Родная наша Верная Стража,

В нашем английском письме Вы уже видите, что именно мы подчеркиваем. Во-первых, мы удивляемся, что Плаут не принял во внимание, когда Вы ему рассказали о естественной возможности нашего иска к Х[оршу] и к Учреждениям о больших суммах, следуемых нам. Казалось бы, для адвокатов каждая такая возможность уже желательна. Затем мы подчеркнули, что если письмо к кузену покажется нежелательным или президенту комитета, или publisher'у, или кому-либо из друзей, то оно вообще теряет свой смысл, ибо такие действия могут быть лишь проводимы в полном единомыслии. Вероятно, если кто-либо протестует против письма, то имеет к тому особые и полезные для дела соображения (по своему разумению). На этом и поставим точку. Также мы напоминаем о том, что ждём и надеемся на удачные действия группы, которую имела в виду Альма. Вы видите, что английское письмо до известной степени имеет вид "филькиной грамоты", но писать определеннее и яснее невозможно, и Вы это понимаете. Видимо, Плаут возлагает большие надежды на справедливость ап[елляционного] суда. Вполне присоединяемся к его надеждам, ибо всякие "пляшущие франкенштейны"¹ не будут иметь там места. Но все же телефоны глинообразных существ могут проникать повсюду. Видимо, этот замаскированный преступник достаточно влип в какие-то мрачные апостатские махинации и теперь должен плясать под ведьмовские дудки. Зрелище отвратительное, и когда-то какие-то благородные защитники истины должны восстать и возмутиться. Наверное, за это время у всех у Вас накапливаются новые данные, и доброжелательные маленькие люди приносят вести? Глубоко жаль, что нет доверия к почте, а оповещать непрошенных читате-

лей, хотя бы и об очень хороших делах, не хочется. Если письма доходят как бы нераспечатанными, то это еще не значит, что они не были читаны. Ведь механика и техника находятся на большой высоте. Вообще январь дан как необходимая возможность для накопления новых осведомлений и для укрепления действий. Мы еще не слышали от М[ориса] о положении вещей в Музее. Не знаем, сколько бывает посетителей, через какие “дозоры” эти посетители должны проходить, а также как посещаются всякие пресловутые лекции. М[орис] пишет, что вся атмосфера отравлена. Но не может быть, чтобы какие-то три апостата смогли обладать таким количеством яда, чтобы отравить всю атмосферу. Без сомнения, имеется много спящих друзей, и, например, письмо Клеменса, полученное Дедлеем, лишь показывает, что имеются общественные силы еще не нащупанные, но вполне доброжелательные и активные. Также и клубы, где Вы все не раз выступали, наверное, не отравлены. Вообще все мы должны носить в себе твердую уверенность, что при несломимой устремленности всегда находятся и вспомогательные обстоятельства, которые и подлежат развитию.

8.1.38. Посылаем письмо к Плауту и ответы на deposition. Очень просим немедленно же передать письмо и ответы на deposition Плауту, чтобы в случае каких-либо экстренных замечаний можно бы нам еще телеграфировать. Ввиду того, что сейчас магистрат находится в отъезде, может быть, удастся отдалить deposition до получения телеграммы Плаута. Ведь мы получили письмо от Плаута лишь с последней почтой и могли принять во внимание только теперь его, к сожалению, очень немногие советы. Итак, очень просим дать нам телеграмму касательно ответа до deposition в самый кратчайший срок – ведь это может быть даже до конца месяца. По адресу Фосдика мы послали мой записной лист “Парапсихология”, содержание которого может быть чрезвычайно полезным, когда опять поднимутся глупо злонамеренные разговоры о философии. Также копия этого листа послана Гартнеру с просьбой перевести его и одну копию послать прямо по Вашему адресу. Сегодня уже 8-ое января, но никакого извещения об Адриане нет. После всех суперлативно утвердительных телеграмм и писем из Тульсы было бы бесчеловечно предположить опять какое-то введение в заблуждение. Каждый человек может же базироваться на официально объявляемых ему сроках, иначе вообще никакие дела не могут совершаться. Ведь в данном случае не благотворительность, а дело, подобное тем, которые в области искусства совершаются постоянно в разных странах. Вчера мы получили сведения из Риги, что в последнем номере журнала “Для всех” перепечатана статья Москова в сопровождении снимков с моих картин. Таким образом еще раз видно, что места вовсе не заняты, как уверял нас Греб[енщиков]. Вы совершенно верно характеризуете его и его поведение в Вашем последнем письме. В общем письме я прошу послать в Ригу фотографию с картины “Атлантида”. Из Риги нам сообщают о получении от Вас известия о том, что даже книги сейчас не могут быть продаваемы. Это сведение совершенно чудовищно, ибо если до сентября Дюбуа продавала книги, то почему нельзя продавать книги в октябре и ноябре? Такое запрещение является новым актом вандализма. Не желают ли апостаты сохранить книги и репродукции для одного варварского аутодафе, о котором они, вероятно, мечтают. Запрещение продавать книги лишает Press средств к существованию – это обстоятельство тоже может быть значительным в руках опытного адвоката. Но

фотографию “Атлантиды” всё-таки, думается, удастся послать в Ригу. Вероятно, Фосдик Вам прочтёт письмо от нас, им полученное. Напрасно ему кажется, что нигде нет отзывчивости. Ведь такая отзывчивость обычно обнаруживается или при личных сношениях, или же при продолжительной переписке. Обычно газеты и журналы настолько завалены корреспонденцией, что многое ускользает от внимания. Обратите внимание на письмо Е.И. к Плауту, ибо в нем заключаются некоторые многозначительные извещения. Чудовищна ложь Белокурой, дающей показание о подарке всех манускриптов. Какая нелепость!

Сердцем и духом с Вами,

Р.

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

Н.К. Рерих. Приказ Учителя. 1931.

8 января 1938 г. Гималаи

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

8 января 1938 г.

"Теперь по поводу репродукций. Вполне понимаю Ваши соображения, ибо иногда неудовлетворительная красочная репродукция даже хуже однотонной. Считаю удовлетворительными: *Приказ Учителя*, *Земля Всеславянская*, *Приказ Ригден Джапо*. В *Открываем врата* сравнительно с американскими открытками очень черна даль и пятнисто небо, а также дорога не имеет коричнево-лилового тона. В *Зареве* нет обобщающего красного тона. Если его не усмотрели на открытках, то можно бы посмотреть тональность на большом красочном воспроизведении в монографии 1916 года.

Теперь в отношении больших репродукций. Удовлетворительны *Стрела Саракхи* и *Сергий Строитель*. Остальные семь очень бледны в тоне, грязноваты по краскам, и, видимо, типография не сличала оттиски с воспроизведениями в американской монографии. Особенно пострадали: *Пророк*, *Жар-Цвет*, *Жемчуг исканий* и в особенности *Помни*. Пропали синие тона, т.е. как раз те, о которых столько раз подчёркивалось в литературе. Очень хорошо, что Вы привлекли Пранде к редакции монографии. Он сам художник и много участвовал в журнальных делах, и потому найдёт соответственный язык с типогра-

фией. Казалось бы, и сама типография, даже если заведующий ею человек занятой, должна бы видеть, насколько отличается сделанное ею же *Сострадание* от семи последних отпечатков. Если для *Сострадания* они могли найти более сильные краски, то откуда же получилась такая слабизна и грязноватость при оттисках больших американских клише? Ведь дело не в самих клише, а в разных красках. И при сличении с американской монографией эта разница каждому бросается в глаза. Мы уверены, что Пранде в данном случае сделает всё возможное, именно большие красочные воспроизведения составят мнение публики о монографии. И гордость Государственной типографии должна ей подсказать желание сделать не хуже Америки. Кроме того, большие красочные воспроизведения пригодились бы для отдельной продажи как при Музее, так и в книжном магазине, если таковой осуществится. *Хорошие репродукции можно иметь под стеклом в узеньких тёмно-коричневых рамочках, и за такую картинку можно по местным условиям сообразить продажную цену.* Так же точно могут продаваться и открытки - на тёмно-сером или коричневом картоне. А большие воспроизведения с такими же полями будут вполне внушительны.

Всегда вспоминаем, как широко действовало и имело крупный доход издательство Евгениевской Общины. Мы в этом деле были о самого начала и убеждались, как в течение всего нескольких лет оборот издательства достиг двухсот тысяч рублей в год и на средства содержался целый госпиталь, кроме постоянно увеличивающегося оборота издательства. Если это было возможно в пределах одного государства, то при некоторых международных связях, казалось бы, и теперь подобное издательство должно иметь успех. Часть дохода можно бы дать в пользу какого-либо местного большого благотворительного учреждения, например Красного Креста, или другого широкого национального начинания. А может быть, этим можно сразу заинтересовать все три страны. Евгениевская Община, кроме начавшегося постепенно издательства открыток как современных, так и старых мастеров и исторических памятников, затем имела и издания монографий, издавала каталог Эрмитажа и готовилась к изданию обзоров и других музеев. Было большое культурное дело, которое приносило и большой доход.

Мы, члены Комитета - художники, литераторы и др. культурные деятели, радостно приносили наш безвозмездный труд, видя, какое государственно полезное дело развивается. А началось дело всего с издания десяти открыток. За право воспроизведения картин платили от 10 до 25 рублей, ибо все отзывались на благотворительную цель. Красный Крест хлопотал для этого издательства особое разрешение иметь киоски на железнодорожных станциях и при некоторых общественных учреждениях. В кратчайший срок появились коллекционеры открыток, ибо открытки составляли собою целые серии и каждый собиратель, начав от номера первого, естественно, имел необходимость и во всех последующих. Таким образом, мы были свидетелями, как многие учащиеся - и студенты, и гимназисты - становились систематическими собирателями, и даже в отдалённые деревни проникали легкокрылые вестники искусства. Главная же прелесть такого издательства заключалась в том, что оно началось поистине от зерна горчичного и на глазах росло, доказывая жизненность и насущность искусства. "Осознание красоты спасёт" - этот завет на наших глазах входил в толщу народную. Такие зёрна не теряют своей жизненности, временно они могут задержаться в течение холодных пе-

риодов народных, но затем они опять взойдут урожайно. Вы, может быть, спросите - почему в Америке нечто подобное не осуществилось? Не забудем к этому особые причины. Общественное мнение там довольно слабо выражено. Коллекционеры весьма специфичны. Чаще всего сами они не интересуются собирательством, а для них действуют торговцы со всеми коммерческими обычаями. Кроме того, не забудем и о глубоких апостатских поползновениях, которые были причиной многих замерзаний. Так, например, когда ещё в 1922 году известный индусский деятель Дас-Гупта сказал очень хорошую речь по поводу наших культурных зданий, то апостат Хорш, отведя его в сторону, начал ему шептать, что нет надобности говорить так блестяще о Николае Рерихе. Только теперь Дас-Гупта рассказал нашим друзьям этот эпизод, доказывающий, как давно в тёмной душе апостата таились поползновения к вандализму и ниспровержению нами собранного. Передавая этот эпизод, Дас-Гупта добавил: «тогда же я понял, что передо мною предатель». И этот эпизод на протяжении всех лет был далеко не единственным.

Уже в 1925 году Владыка сказал: «Смотрю, как горит хлеб, вами собранный». А затем, кроме многих Указаний, Вы можете прочесть в третьей части *Мира Огненного* § 59 — этим всё сказано. И лженаследник дел в Америке уже выявился в полном своём безобразии. Многое происходящее в Америке совершенно не укладывается в психологии честных людей, но и в этом отношении Америка и некоторые расы, в ней живущие, представляют собою феномен. Ведь сами американцы в печати называют свою страну парником для всяких гангстеров. Если собрать всё, что пишется и широко печатается самими же американцами, то и сейчас творимое апостатами делается вполне обиходным явлением. Эта маленькая, тесно спаянная преступлениями шайка присвоила шеры, принадлежащие нам и остальным трёсти², хочет обобратить все картины, присвоить результаты всех экспедиций, а притом ещё и попытаться взыскать с нас же все средства, пожертвованные на экспедицию, устроенную учреждениями. При этом апостаты вламываются в чужие помещения, вскрывают замки, похищают документы, устраивают всевозможные вандализмы, например, английское издание Дювернуа было сожжено, о чём свидетельствовал служащий, получивший это приказание. Кроме того, на задней стороне картин Музея ставится вновь сфабрикованное резиновое клеймо о принадлежности картин г-же Хорш. Где же видано такое самоволие, попираание всех человеческих культурных основ и нагромождение всевозможных преступлений с подделкою документов?! При этом домодельные «копии» с несуществующих документов заслушиваются в суде. Мне, получившему юридическое образование, подобные эпизоды кошмарны, а Шклявер, согласно французским законам, полагает, что Хорш уже давно должен бы сидеть в тюрьме. Но, по словам самих американцев, тамошняя законность более чем странная.

Итак, от проектов культурного строительства письмо довело до бездн вандализма и преступности. Эти бездны лишь доказывают необходимость спешных и энергичных культурных созиданий.

Возвращаясь к воспроизведениям — обратите внимание на, по-видимому, новое издание *Твердыни Тибета*. Первое издание, сделанное в Риге, было гораздо лучше и тоньше по краскам, а ведь клише то же самое, и было оно сделано в Риге, значит, весь вопрос лишь в том, чтобы взять те же самые краски.

² попечителям (от англ. trustee).

Вы в полном праве требовать корректуру и делать соответственные указания. Пусть Пранде сравнит последние полученные нами оттиски *Твердыни Тибета* с первоначальным изданием...

Н. Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом.
В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

11 января 1938 г.

Письмо Е.И. Рерих к Святополк-Четвертинской Е.К.

11 января 1938 г.

Дорогая Екатерина Константиновна, очень порадовалась Вашей весточке и узнать, что у Вас всё благополучно. Все мы часто вспоминаем Вас, и Марию Клавдиевну, и милое Талашкино. Последнее время особенно часто припоминаются слова Марии Клавдиевны, сказанные ей клеветнику на Н.К. – «Если Н.К. так решил, значит, так нужно». Для такого ответа нужно было иметь большое сознание и большое сердце. Как мы видим, и то и другое порознь встречаются не часто, а вместе и совсем редко. Слова эти живут в моём сердце, и часто лучшие мысли посылаем Марии Клавдиевне в её новом и более счастливым существовании в потустороннем мире.

О нашей жизни могу сказать, что, как всегда, с утра до вечера каждый из нас занят своею работой. Последнее время с особым напряжением и сердечным волнением следим за всем, что, так или иначе, касается нашей родины. Под знаком опасности войны, несомненно, происходят большие сдвиги и очищение от вредных элементов, и пробуждение национального духа.

Также любопытно следить за возникновением новых договоров между странами. Как быстро сменяются ориентировки! Кто может сказать, которые из договоров окажутся действительными, когда подойдёт решительный момент для выполнения принятого на себя обязательства? Договор Германии с Японией, по-видимому, не оправдал германских надежд. Наши местные газеты пишут, что Германия уже бьёт тревогу, ибо пока что японцы захватили её рынок в Китае и, конечно, никогда без новых концессий со стороны Германии не вернут ей его. Также и Муссолини недоволен заносчивым тоном японцев. Думаю, что Япония доставит нашим бывшим союзникам ещё немало сюрпризов. Очень уж заманчиво овладеть всем тихоокеанским побережьем и подобраться к рынку Индии. Так, Англия ждала врага с Севера, а он пришёл совсем с другой стороны. Так в жизни и бывает: «Человек предполагает, а Бог располагает».

Мы верим, что Высшее Провидение охранит нашу родину от всяких посягательств и возрождённый дух народа сумеет дать отпор всем врагам. Потому мы приветствуем каждое начинание, имеющее целью оборону родины. Когда внешний враг ополчается на родину, все сыны её должны встать на защиту. Как писал Н.К.: «Поверх всех Россий есть одна незабываемая Россия». Но эта Россия ещё не имела времени и возможности выявить свой истинный и чудесный лик. Мы верим в грядущий расцвет нашей родины, и эта вера даёт смысл нашему существованию.

В Индии сейчас широко распространяются пандитами учение и пророчества о приближении конца Чёрного Века. Конец этот приурочен ими к 1942 году. Интересно отметить, что срок этот назван во многих древнейших писаниях. Будем надеяться, что к этому сроку войны прекратятся и наша планета вступит в век мирного строительства. Если Вы спросите меня – верю ли я в

этот срок, ответу – всем сердцем, всем знанием, ибо он соответствует данным астрологии, которую я считаю величайшей наукой. Как недавно ещё люди глумились над астрологией, не понимая её научной основы. Но теперь и этот предрассудок разбит, ибо астроном Харвардского Университета, авторитет которого как учёного признан всеми мящиками себя образованными людьми, указал на несомненное влияние солнечных пятен на физиологию человека. Так, человечество медленно, но всё же продвигается по ступеням лестницы Беспредельного Познания.

Н.К. просит передать Вам, дорогая Екатерина Константиновна, что, к сожалению, присланный «Спас» не Талашкинский, а Голубевский. Потому лучше поместить «Царицу Небесную». Как жаль, что все остальные фотографии пропали!

Юрий просит передать Вам его самый сердечный привет. Он сейчас закончил свой Тибето-английский словарь и кончает первый том огромного труда «История Средней Азии». Святослав преуспевает в живописи, написал несколько новых портретов Н.К. и даже с меня. Мой портрет очень красив по краскам и по сходству, говорят, удачен. Прилагаю небольшой снимок с него.

Вы знаете, дорогая Екатерина Константиновна, как я желала бы повидать Вас. Кто знает, может быть, не так уж долго ждать.

Все мы шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания. Берегите здоровье. Привет наш Василию Александровичу.

Письма Е.И. Перих. Том 6.

Н.К. Перих

ДУШЕВНОСТЬ

Среди странствий на полях Культуры пришлось встретить множество разнообразнейших людей. Можно их делить по самым разным признакам, но сейчас хочется записать по признаку душевного расположения к русскому народу. Одни думают, что у русского народа совсем нет друзей. Другие, наоборот, считают, что друзей много. И то и другое неопределительно. Дружья-то есть, но они очень трудно распознаваемы. Душевная расположенность есть не надуманное, но врождённое качество. Начнём ли мы смотреть по расовому признаку - ничего не выйдет. Начнём ли вспоминать исторические примеры, и на этих данных будут лишь недоразумения. Может оказаться, что целые войны были с друзьями, а всякие притворные вежливости были в кругу врагов. Не сказать ли примеры?

Знаем, как многократно русский народ помогал другим народам, и в большинстве случаев никакой ни признательности, ни душевности не происходило. Русский народ отдавал, почти дарил огромные свои области, но и эти душевные жесты бывали забыты и, может быть, умышленно забыты. Одни - по зависти, другие - по невежеству, третьи - по какому-то неизреченному атавизму не проявляли душевности к русскому народу. Одни рассказывали о развесистой клюкве, о медведях на улицах Москвы, другие изобретали клеветы о пожирании казаками мыла, сальных свечек и даже младенцев. Даже и теперь во многих фильмах, как только дело касается русского быта, можно видеть самые неправдоподобные постановки. Иногда даже невозможно решить, дела-

ется ли это по невежеству или же умышленно по какой-то внутренней враждебности к русскому народу. Большое достижение в том, что сейчас русское искусство и литература в переводах на многие языки широко обошли мир. Всё-таки в сознание читателей и зрителей должны были проникнуть истинные сведения о русской жизни.

Там, где поймут русский народ, там вопреки всяким нелепым атавизмам зародится и душевность. Может быть, мы неправильно употребляем это слово, но оно представляется показательным. Мы уже не говорим о любви, о дружбе, о расположении, но хотя бы зародыш душевности должен послужить на благо, на взаимопонимание и на справедливую оценку души народов. От древнейшей и до новейшей русской литературы можно видеть отображение этой души. Главное же - знать достоверно.

(1938 г.)

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М. 1974 г.

**15 января 1938 г. Наггар, Кулу
Николай Рерих Рихарду Рудзитису**

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India/15-ЯНВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Посылаем для Вашего сведения копию письма нашего к Юлиане Доминиковне и копию письма, полученного нами от Н.Ф. Роота из Таллина. Как видите по содержанию письма Роота, мы сообщаем его Вам доверительно, но считаем, что Вам необходимо знать положение вещей в Таллине. Не будем останавливаться на некоторых выражениях, употреблённых по отношению к А.Д. К[айгородову], – очевидно, в местных кругах имеются разные таинственные подкладки. Не наше дело, хотя бы косвенно, вмешиваться в местные наслоения. Тем не менее полезно бы иметь в нашем музее пожертвованные вещи от Роота и К.Ф. Цейдлер. Оба они были преподавателями руководившей мною школы и потому совершенно естественно, если они подарят нашему музею что-либо из своих вещей. Таким образом, если Вы непосредственно каждому из них, упоминая моё имя, напишете с просьбой пожертвовать для нашего музея что-либо из их произведений, то, во всяком случае, такой шаг будет вполне нормален.

Также можно бы спросить каким-либо способом устно Богданова-Вельского и Виноградова, не желают ли они пожертвовать что-либо из своих произведений. В случае этих последних двух я бы не делал это письменно, ибо если бы они захотели отказать, то не нужно, чтобы в их руках оказался отвергнутый ими документ. Но если бы кто-либо из членов Общества был с ними знаком и посетил бы их с этой целью, то такой шаг способствовал бы доброжелательству. Не будем закрывать глаза, что такие лица могут превратиться в очаги всяких наветов, а может быть, сие уже и происходит. В письме к Рооту Вы могли бы также упомянуть, что, может быть, через его посредство захотел бы что-то пожертвовать и Юрий Репин. Таким образом, это была бы первая ласточка из Финляндии. Вообще, как Вы убеждаетесь из копии письма Роота, необходимо пролить капли благодати всюду, где только возможно, ибо иначе с ростом деятельности могут вырасти и всякие вредящие обстоятельства. А в артистическом мире нет хуже обиды, как вследствие обойдённого самолюбия. Конечно, мы не можем наполнять музей плохими, нехудожественными вещами, но всё, что в пределах художественности, должно иметь доступ,

и в этом смысле мы должны избежать какой бы то ни было намёк о партийности или сектантстве. Наша Школа Общества поощрения художеств прежде всего процветала потому, что была совершенно беспартийной школой с самым широким вмещением. Пожалуйста, сообщите нам со слов Блюменталю, каково положение Беликова в Таллине. Имеются соображения, по которым нам хочется это знать. Вообще будем надеяться, что Таллинское вновь родившееся Общество устоит и не усложнится всякими внутренними делениями и пересудами.

Сейчас получено письмо Шклявера, в котором он сообщает, что он был в аргентинском посольстве и там ни о каком Пакте не имеют никаких сведений. Получается нечто уродливое. Можно ли предположить, что какой-то циркуляр о Пакте попадает в портфель таллинского министра, а в Париже ни о каком Пакте представитель Аргентины не знает. Это положение вещей так же забавно, как и письмо от Писаревой о том, что Каменская нашла в Лиге Наций ещё один Пакт. Шклявер исследовал и это обстоятельство, и оказалось, что речь идёт о чём-то совсем другом, не нарушающем приоритет нашего Пакта. Настолько приходится твёрдо выяснять всякие обстоятельства. При случае сообщите в Таллин, что аргентинское посольство в Париже ни о каком Аргентинском Пакте ничего не знает.

Получили мы № 9 *Оккультизма и Йоги*. Мы совершенно согласны с Вашими замечаниями касательно пресловутого шанхайского издательства. Странно, какими способами Батулин настолько обошёл Асеева, несмотря на Ваши и наши предупреждения. Но ещё одно обстоятельство нас удивило. В журнале имеется под названием *Россия* как бы отдельная статья Всева. Иванова – за его подписью с указанием Шанхая и 1937 года. Спрашивается, когда же Всева. Иванов мог послать Асееву выдержку из его книги, изданной в Риге, в виде отдельной статьи? Если же Асеев самовольно извлёк (без ссылки на книгу) часть её под названием *Россия*, сделав из Всева. Иванова своего сотрудника, то этим он оказал последнему весьма плохую услугу, кто знает, может быть, вплоть до больших неприятностей. Вообще весьма странно, почему Асеев не сделал эту выдержку из книги в виде рецензии со ссылкой на рижское издательство *Угунс*. Если при случае Вы запросите Асеева, когда именно Всева. Иванов прислал ему эту статью, то такое установление обстоятельств будет весьма полезно. Конечно, заметки о книге Бонча-Томашевского и более чем курьёзная заметка о шанхайских «мертвяках», так же как и письмо доктора из Бангкока, лучше бы и не появлялись, ибо они лишь понижают значение остального отличного матерьяла. Очень хорошо, что журнал будет издаваться в Таллине и таким образом это осложнение минует Ригу. Ведь сейчас нужно избежать всяких несвоевременных осложнений, а, наоборот, нужно разумнейшим образом использовать все результаты Конгресса. Мы получили из того же учреждения, где Вавилов, запросы о семенах и пошлём их непосредственно. Нет ли у Вас новостей в этих направлениях, расписок и тому подобно-го? Е.И. и все мы шлём Вам всем всё светлое. Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих /ь 15.1.38

Сообщите, пожалуйста, сохранены ли за Е.И. авторские права на книги Учения, изданные в Латвии, и в таком случае, пожалуйста, пришлите нам копии этих удостоверений на следующие книги: *Мир Огненный*, ч. II и III, *Аум* и *Братство*. В случае, если по местным соображениям невозможно получить

копирайт в Латвии, то тогда после Вашего сообщения мы предложим это сделать Шкляверу в Париже.

Теперь маленькое разъяснение ещё по поводу № 9 *Оккультизма и Йоги* – в рецензии о *Вратах в Будущее* сказано, что во время войны я писал мои так называемые пророческие картины *Дела Человеческие* и проч. Но смысл весь в том, что вся эта серия была написана до войны и последняя картина из неё была окончена в марте 1914 года, т. е. за четыре месяца ДО войны. Ошибочное извещение журнала извращает факт, а кроме того, говорит о крушении, а Вы знаете, что о крушении я никогда не говорил, а всегда о новых построениях там. Пишу это Вам как биографу, а не для Асеева. Пословица говорит: «Что с воза упало, то пропало».

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом.
В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

18 января 1938 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Елене Писаревой

NAGGAR, Kulu, Punjab, India 18-JAN-1938

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ.

Добрый друг наш, дорогая Елена Фёдоровна!

Получили мы Вашу книгу о Е.П.Б.^[1] и пять экземпляров от Раггиса, за которые согласно его счёту перевели деньги в Женеву на имя А.А.Каменской. Книга Ваша доставила нам огромную радость. Именно такое обоснованное сердечное слово о нашей великой соотечественнице сейчас так необходимо. Кроме бывших нападков на неё и на теософию, на днях мы, к прискорбию, увидели и ещё одно нападение. В сборнике, посвящённом памяти о. Георгия Спасского, артистка Германова клеветнула на теософию. При этом клевета получилась двойная. Было задето понятие теософии и оклеветан о. Георгий, который относился к теософии весьма вдумчиво и без всякой враждебности. Спрашивается, к чему артистка, которая должна бы быть более или менее просвещённою, без всякой нужды будет подражать злейшим мракобесам. Прискорбно видеть такое впадение в изуверство. Однажды мне пришлось быть свидетелем, как некий писатель тоже впал приблизительно в подобное же изуверство, а бывший при этом иерарх церковный, махнув рукою, улыбувшись, только сказал: «Ну, кажется, скоро я Вам подрясник подарю». Таким образом, представитель церкви опять-таки оказался вместилищем и просвещёнее якобы культурного деятеля. Вот какие прискорбные эпизоды происходят. В последней почте мы слышали из Парижа, что М.И. Отман тоже весьма негодует на Германову за её злостную вылазку. Таким путём способная артистка сопричислилась ко всяким мракобесам вроде Васьки Иванова, Аристарха Понамарева и тому подобным тёмным игнорантам. Прискорбно наблюдать, насколько медленно оборачивается колесо эволюции. Надеемся, что матерьялы о Пакте дошли к Вам вовремя и сохранно. Тоже странно, что даже, казалось бы, неоспоримое понятие о сохранении культурных ценностей может встречать враждебность. Ох уж эти разрушители-невежды. Между прочим, мы узнали из Парижа, что Пакт, вращающийся в Женеве, вовсе не затрагивает смысл нашего Пакта. Кроме того, мы получили сведение, что будто бы аргентинское правительство представило ещё один Пакт. Когда же наш представитель в Париже лично запросил аргентинское посольство, то там ему ответили, что они ни о каком таком Пакте ничего не знают. Много удивительных эпизодов в ми-

ре. Здесь (хотя Арундель игнорировал наш Балтийский конгресс) милый д-р Казенс отозвался очень хорошо, а затем по поводу выставки в Траванкоре дал о моём искусстве несколько очень вдумчивых статей. Наш Аллахабадский центр выпустил хорошую книгу, а вернакулярная¹ пресса отозвалась таким количеством статей, что, даже по словам наших индусских корреспондентов, им даже не уследить. Часто мы думаем о Вас и шлём Вам наши самые душевные мысли. Да пребудет с Вами Благодать.

Сердцем и Духом с Вами,

Н.К. Р.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом.
В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

18 января 1938 г. Нагар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, India /18-JAN-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Сердечно благодарим Вас за Ваши добрые сообщения от 4-го до 7-го января. Очень тронуты тем вниманием, которое так вдумчиво было оказано Вам членами Общества. Глубокая мысль, заложенная в такой памятке, показывает, что действительно живы основы, которыми живёт Общество, и жив дух человеческий. Спасибо и за копию Вашего новогоднего привета Обществу – именно такими словами укрепляется дух сочленов и искореняется всякая возможность вредных пересудов и разложения.

Посылаю Вам для сведения копию моего ответного письма Н.Ф. Рооту. Итак, повсюду будем сеять всё доброе и превозможем всякие попытки разделений. Посылаем также статью Сиривардхана, о которой Вы поминали в письме к Владимиру Анатольевичу. Вполне предоставляем Вам распределение содержания сборника. Название *Полвека творчества...* будет и короче, а всякая краткость в названиях всегда лучше. Конечно, статья Горного представляет из себя как бы привет, и таким образом, как статья Зенкевича и Хирьякова и Владимира Анатольевича из *Рассвета*, так же как и краткая статья Москова (в том виде, как она при сём прилагается), вполне отвечают назначению. Название газет, может быть, по некоторым соображениям, лучше не ставить, а ограничиться лишь городом, например, печатая статью В.А., можно опустить *Рассвет*, а оставить в скобках Чикаго. Конечно, всё будет печататься по новой орфографии, иначе много куда нельзя будет продвинуть сборник. Сборник можно сопроводить каким-либо новым портретом – например, тем, который был послан вместе с портретами Е.И., или, ещё лучше, прилагаемым тоже новым портретом.

О статье Шауб-Коха, конечно, мы не можем судить, не имея её, но если Вы чувствуете, что она тяжеловата, то, конечно, это нужно принять во внимание. Что касается Радосавлевича, то если её и помещать, то, во всяком случае, не только без библиографии, но и без всяких ссылок, которые могут её утяжелить. Относительно Сипавичюса – Вы, кажется, и предполагали помещать её не полностью. Статью о Латвии посылаем – этот экземпляр последний, и по использовании, пожалуйста, верните. О титулах мы уже писали.

Во всяком случае, Вам на месте виднее по разным местным соображениям, как лучше для общей пользы поступить. Так и сделайте, – мы знаем, что всё сделанное Вами имеет причину и направлено ко Благу.

Очень хорошо, что клише из Америки и книги, купленные Гаральдом Феликсовичем, придут. Таким образом, в Ваших руках будет ещё матерьял, а Пранде досмотрит, чтобы клише были звучно использованы. Конечно, если бы у наших друзей в Нью-Йорке были более отважные адвокаты, то многое совершилось бы гораздо скорее. Беда в том, что всё происходит как-то боязливо и скромно, чем ярые апостаты пользуются, изобретая всякие мерзкие попытки, как, например, было и с клише и с книгами, которые никоим образом, нормально рассуждая, не могли бы быть задерживаемы.

Посылаю Вам также копию моего сегодняшнего письма к Е.Ф. Писаревой. Жаль, что она, по-видимому, оканчивает свой земной путь, и тем более хочется отеплить её добрым словом, тем более, что её последняя книга о Е.П.Б. очень хороша и своевременна.

Вы пишете о выходе второго тома *Т. Д.* Будем ждать с радостью. Из Варшавы Янушкевич пишет, что отзыв в № 9 *Оккультизма и Йоги* о книге Бонча производит смущение умов. Со своей стороны, мы очень жалеем, что и такой отзыв усложняет книгу журнала. Надеемся, что читатели не примут всерьёз некоторые громогласные утверждения книги г. Бонча. Вообще все шанхайские экскурсии Асеева малоудачны.

Очень трогательно обращение Гаральда Феликсовича к сотрудникам. Как сердечно и непосредственно выливаются его строки. Радуемся, что, вероятно, теперь обе посылки портрета Е.И. дошли сохранно. Очень интересно, как выйдет клише со второго отпечатка портрета Е.И., – пожалуйста, пришлите корректуру.

В здешней прессе продолжают появляться интересные статьи, как, например, в большом бенгальском журнале *Бхаратбарса* идут две статьи известного писателя Нарендра Нат Басу (от него было приветствие). От нашего Аллахабадского центра вышла книга об искусстве Анагарики Говинды с текстом Р.Тандана. Теперь все эти имена Вам уже знакомы, поистине Общество международно расширилось. Пусть все члены это обстоятельство вполне учитывают, и при случае применяют с пользой.

Е.И. и все мы ещё раз благодарим Вас за все добрые вести. Да будет Вам всем светло. Шлём Вам всем наши лучшие душевные мысли.

Сердцем и Духом с Вами,

Н. Рерих

Спасибо за 3 тома книги о *Челюскине* и два экземпляра первого тома *Т. Д.*

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. Минск: Лотаць, 2000.

22 января 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

22.1.38

Родная Верная Стража.

Мы порадовались телеграмме о посещении Тарб[ель]. Не удивительно, что ввиду преклонного возраста она не может быть активной сейчас, но очень ценно ее сочувствие и обещание указать кого-либо полезного. Непременно дайте ей прочитать brief, а также посетите потом, чтобы выслушать ее важное мнение о желательном лице. Также Вы дадите прочитать brief и другу Кудашева, который обещал тоже дать свой совет. Не забываем, что Плаут считал, что в ап[елляционном] суде он “будет дома”, очевидно, он имел поводы к тако-

му заключению. Очень хорошо, что, как Вы пишете, Плаут теперь не торопится. При его силах только и возможна тактика отложений и затягиваний. Не правда ли, любопытно заявление Греб[енщикова] с сожалениями, что 17-е ноября было посвящено исключительно судебному делу без намека на ежегодный смысл этих собраний? Но странно, ведь если кто-то ему это высказал, то ведь никому не воспрещалось взять слово и высказаться. Ведь и сам он, как Вы писали, всё время молчал. В его замечании, конечно, есть доля истины, ибо, говоря о судах, грабительстве и нападениях, всегда нужно подчеркнуть и суть дела, ибо тогда особенно будет поразительно, что большое культурное дело подвергается таким разрушительным нападкам. Если говорить только о судах, да ещё как Вы правильно упомянули, с намёком на недостаточность доказательств, то, конечно, энтузиазм многих может быть потрясён. Е.И. посылает Вам книгу Писаревой о Е.П.Б[лаватской]. Е.И. очеркнула в ней нечто полезное для Ваших соображений. Вообще при нападениях на философию нужно очень твердо стоять, опираясь и на нынешние научные достижения. Передача мыслей на расстояние между живыми никак не может быть называема спиритизмом. Само значение слова “спиритизм” уже не приложимо в таком отношении. Повторяем, очень хорошо, что теперь Плаут догадался, насколько полезна ему уже давно подсказанная тактика. Даже малосильный адвокат может всегда изыскать причины протягивания. Пожалуйста, сообщите мне результаты и всякие данные о выставке Б. Григорьева, а также и о Бушене. Нам особенно интересно знать верные факты, ибо на расстояниях все очень преломляется. Так, например, мы слышали об огромном успехе в Америке Бушена, но ведь от огромности и до среднего успеха ещё большая дистанция. Эти сведения важны еще и для того, чтобы судить, чем удовлетворяется эта галерея и вообще какого ее направление. Одно показалось нам странным: что для известного художника, для продажи нужна выставка. До сих пор, в случае известности, продажа происходила вне выставки. Как Вы, вероятно, знаете, от Арс[уны] получилась половина годового взноса (за прошлый год). Это было более чем своевременно, ибо дало возможность произвести некоторые отложенные платежи. Жаль, что затягивание этих взносов дает возможность расплачиваться за прошлое и тем отнимает приложение этих средств для будущего. Переживая один срок, уже думается о следующем. Так или иначе, Адриан начал платежи – будем надеяться, что произойдут и продажи. Посылаем для Фламмы отзыв о “Культуре”. Шлем сердечные мысли.

Духом с Вами, Р.

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

24 января 1938 г. Прага

Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

РУССКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Г-ну акад. Н.К. Рериху. Наггар, Брит. Индия
Прага 25 января 1938 г.

Высокопочтимый Николай Константинович,
Примите выражение глубокой, сердечной признательности за Ваше Новогоднее поздравление, за письмо от 9 ноября и за письмо от 6 декабря, а так-

же за пакет с 7 брошюрами и газетными вырезками, полученными Музеем 20 ноября!

Глубоко тронула меня Ваша, высоко лестная для меня, но, право, мною не заслуженная, характеристика моих литературных трудов. К несчастью, я не могу послать Вам того, что мне самому в особенности дорого, это - моего Яснополянского дневника 1910 г. и книги о выступлении Толстого против войны в 1914 г. Исключительно для пополнения Вашей горной библиотеки позволяю себе послать ещё Вам свою книжку «Духовный путь Л. Толстого» и выборку антивоенных цитат из Толстого на нем. яз., приготовленную мною в 1928 г. по просьбе «Интернационала Сопrotивляющихся Войне».

Со своей стороны, с великим интересом прочёл Вашу статью об обороне Родины. Конечно, я – крайний враг того, чтобы свои же сыны терзали Россию, нанявшись в услужение к чужим хищникам, готовым спасти нашу родину, путём... содействия её окончательной гибели. Но, должен признаться, я отрицаю всякую войну и насилие, пусть такую позицию и считают сектантской.

Свои взгляды на войну я выразил в апреле этого года в реферате, poslanном на всемирный конкурс в Нью-Йорк, устроенный «Обществом Новой Истории». Общество это руководимо быв. Секретарём Абдул-Баха Мирзой Ахмет Зорабом. Реферат назывался: «Как могут народы мира осуществить всеобщее разоружение». В начале ноября оказалось, что мне присудили за этот реферат континентальную премию – за Европу. (Было прислано всего 3208 рукописей и присуждено 40 премий разного размера; я получил 200 долларов).

Позволю себе послать Вам и этот реферат, - просто, чтобы поделиться... раз уж судьбой однажды было суждено мне «выйти в лауреаты»...

Я послал Вам открыточку (21 декабря), в которой поздравлял Вас с Новым Годом и касался состояния присланных Вами из Белграда картин. На всякий случай сообщаю ещё раз, что картины пришли в полном порядке и сохранности. Пятно сзади, - по-видимому, от проступившей при работе над картиной краски, имеется только на одной картине «Монастырь в Тибете».

Королевский монастырь. Тибет. 1932.

Шли картины из Белграда недолго, но, к сожалению, там их долго не выдавали транспортной конторе из музея, якобы, вследствие отсутствия какого-то лица в Музее, уехавшего в отпуск. Пересылка обошлась, действительно, дорого, - отчасти, может быть, вследствие ухищрений двух транспортных контор, белградской и пражской, отчасти, вероятно, вследствие очень громозд-

кой, но зато безукоризненной упаковки в трёх тяжёлых ящиках. Мы глубоко благодарны Вам за доброе обещание прислать 8-10 фунтов, тогда, когда Вам это будет можно. Прошлый, 1937 г., мы закончили с большим дефицитом (до 6 000 крон чеш.) и только поэтому не протестуем против присылки Вами денег, что (т.е. протест) иначе было бы естественно.

Мы окончательно решили отложить торжественное открытие «Зала Академика Н.К. Рериха» до ранней весны. Это зависит от выбора нами зала для Ваших картин: с лучшим освещением, чем то, на котором мы останавливались раньше, но зато требующий некоторых переделок (постройки двух щитков). В связи с этим придётся делать в Музее крупную перестановку предметов, и вот это нас задержало с открытием зала.

Посетители Музея, впрочем, всё же видят Ваши картины. Дело в том, что уже многие специально ради них приезжали в наш замок. Я уверен, что с весной это паломничество усилится. Так, приезжал ради Ваших картин и после опубликовал о них большую статью в газете «Слово» один из членов болгарского посольства в Праге литератор г. Георгиев, с руссифицированным псевдонимом «Моховой» (он жил когда-то на Моховой ул. В Москве). Газету эту я Вам посылаю вместе с другими материалами, заказной бандеролью.

Недавно был у нас также американский посланник в Праге г. Cavi с супругой. Он сразу вспомнил Ваше имя – по Нью-Йорку. И иностранцы, и русские в восторге от Ваших картин. Особенно поражает Преподобный Сергей: внешней выразительностью, глубоким внутренним смыслом, смелостью сочетаний красок, остающихся в то же время нежными и гармоничными (так, как это «доступно только Рериху»). Но не менее поражают большие картины: «Гуга Чохан», «Ченрези», «Меч Чесара [Гесера]», «Тень Учителя», «Ашрам». Мне лично, кроме них всех, особенно нравится «Мать Чингис-хана», с золотым небом, вершиной синей горы вдаль, и с таинственной тенью-фигуркой женщины в крылатой шапке и на маленькой степной лошадке...

Н.К. Рерих. Мать Чингис-хана. 1933.

Было бы очень желательно, Николай Константинович, если бы Вы были добры – для посетителей, задающих эти вопросы, пояснить: 1) Существует ли в действительности часовня Сергея «На путях» в Гималаях, и где, и кто её построил? 2) Где именно в Америке существует написанный Вами храм Преп. Сергея? 3) В каких именно странах находится «Гуго Чохан», «Ченрези», «Ашрам», «Скала с мечом Гесера»? 4) Что означает «Мать Чингис-хана»? 5) Не свя-

зана ли, и если да, то какие, легенды с Мечом Гесера и «Тенью Учителя»? Буду глубоко признателен, хотя бы за самые коротенькие ответы.

И ещё о картинах. Нам посчастливилось найти бесплатного издателя для каталога художественных произведений Музея. Это - молодой, проживающий в Риге художник-график Алексей Илларионович Юпатов. Каталог будет иллюстрированный и выйдет под названием «Русское искусство за рубежом». В нём будут перечислены все, хранящиеся у нас картины, причём должен быть обозначен год создания каждой картины. Я знаю год создания всех Ваших картин, за исключением «Эвереста» и «Кинченджунги», которые были присланы раньше. Будьте добры, Николай Константинович, сообщите, когда написаны эти две картины.

Вы знаете из писем г.г. Лукина и Блюменталю, что оба эти симпатичные рижане посетили наш Музей. Я оч[ень] жалел, что показывал, что показывал им Музей «не в параде». Январь – (самое глухое время в году для Збраслава в смысле туристическом) – наши вакации. Некоторые картины были сняты, я занимался каталогом и инвентарём... Но всё-таки, Музей, кажется, им понравился. А Ваши творения, как и возможность их произведения в рижской монографии, просто их осчастливили. По их отъезде, я заказал у старинной оч[ень] опытной фирмы в Праге «В. Нейберт и Сыновья» клише для 8 красочных репродукций Ваших картин (для монографии), в том числе и репродукцию «Преп. Сергия». Уже после того, как три страницы этого письма были написаны, я получил (вчера, т.е. 24 января), я получил Ваше письмо от 11-го января, в котором Вы указываете, что снимать «Преп. Сергия» для монографии не нужно. Я сейчас же позвонил на фабрику Нейберта, чтобы все работы по изготовлению клише «Преп. Сергия» были приостановлены. Но по счастливой случайности (или потому, что так нужно) оказалось, что в то время, как работы по изготовлению клише для остальных 7 картин идут полным ходом. К изготовлению клише для «Преп. Сергия» фабрика ещё не приступала, «ввиду разницы размера этой картины от остальных». Таким образом, всё вышло согласно Вашему желанию. Об этом я пишу и в Ригу.

Должен, однако, сказать, что картину «Преп. Сергей» Музею хотелось, в виде чёрной репродукции-фотографии, воспроизвести в каталоге наших художествен. собраний. Думаю, что теперь будет с нашей стороны благоразумнее, даже до получения прямых инструкций от Вас, отказаться и от этой мысли. В каталоге мы воспроизводим только по одной картине каждого художника. Издатель стеснил нас числом репродукций, и потому из Ваших произведений мы предполагаем воспроизвести лишь две картины (нам хотелось бы больше), а именно: «Гуго Чохан» и «Ченрези».

С обществом «Манес» у нас пока сношений не было. Думаю, что едва ли стоило бы у них выставлять Ваши картины. Дело в том, что открытие Вашего зала мы обставим так, что оно вполне уравновесит обычную выставку: пригласим знатоков, прессу и т.д.

Я сделаю всё, чтобы помочь рижанам продавать их издания, но боюсь, что это «всё» будет не столь значительно, как было бы желательно. Дело в том, что эмиграция здесь оч[ень] бедна и совсем перестала покупать книги. Единственное здесь русское издание «Пламя» с магазином того же названия, обанкротилось и теперь продаёт свои издания за бесценок. Я уговорился с г.г. Лукиным и Блюменталем, что мы возьмём их издания для продажи в наш Музей. Имея Ваш зал, это будет вполне уместно и интересно. Я думаю, что таким

образом мы сможем серьёзно заинтересовать Вами и чехов, понимающих по-русски. В частности, я надеюсь, что именно дорогую монографию о Вас удастся здесь запустить в ход, и это, конечно, не среди русского, а среди состоятельного и интересующегося художественными изданиями чешского и немецкого общества. Можно будет найти и агентов для распространения монографии.

То, что Вы написали президенту Бенешу о пакте, очень важно. И это, конечно, должно быть и будет осуществлено, когда вопрос об образовании Комитета Пакта станет практически. К сожалению, постоянное развитие нашего Музея до сих пор не даёт мне возможности вплотную заняться вопросом Пакта, тем более, что в Музее (уже простите, если скажу это) едва ли не всё на мне держится. Ах, если бы нашёлся более или менее свободный человек, который бы мог вложить душу в работу пропаганды Пакта! Я приглаываю такого человека, думаю о необходимости начать дело, и надеюсь, что его удастся всё же сдвинуть с места. Наши архитекторы, к сожалению, народ молодой и ещё мало влиятельный в соответственных кругах чешского общества. Д.Н. Вергун оказался «кунктатором» [*лат. cunctator – медлительный, нерешительный человек – ред.*] но повторяю, я продолжаю думать о Пакте и, м.б. это дело сдвинется с места, и пойдёт вперёд неожиданным образом.

Между прочим, всего за 5 дней до получения Вашего последнего письма, я и ректор Русского Университета проф. М.М. Новиков посетили Канцелярию Президента Республики и имели беседы с канцлером президента д-ром Шамалом и директором департамента д-ром Ржигой. Речь шла о финансовой поддержке из средств Канцелярии нашего Музея. Приняты мы были прекрасно, и обещания помощи нам были даны обоими ближайшими этими сотрудниками д-ра Бенеша. Если бы я знал тогда о Вашем письме к президенту, я бы непременно осведомился о его судьбе, или, по крайней мере, о факте его получения. Я буду ждать случая сделать это в другой раз, - м.б., при выражении благодарности за помощь, которую нам окажут. Дело в том, что аудиенция у канцлера всегда запрашивается всегда заранее. А так как непосредственного упоминания о нас в письме Вашем не было, - м.б., лучше подождать другого повода для встречи, тем более, что он, по-видимому скоро представится.

За высланные Вами деньги (5 фунтов) заранее от всей души благодарим, искренно и глубоко восхищённые Вашим великодушием.

Позволяем себе снова поставить вопрос о картинах Станислава Николаевича, которых ожидаем с большим нетерпением, и которые можно будет также (если только это согласуется с Вашим пожеланием) поместить в Рериховском зале. Не напишете хотя бы их названия, чтобы мы также могли внести их в Каталог Музея. Нужны также краткие биографические сведения о С. Ник-че. И, по возможности, срочно!

Посылаю Вам в бандероли с другими материалами №№ «Справочного листка» за всё время с 12 ноября 1937 г., за исключением двух №№ с заметками о нашем Музее, которые прилагаю при этом письме.

На лай Васьки Иванова не обращайтесь, дорогой Николай Константинович, никакого внимания. Мракобесие, к сожалению, живо и до сих пор в известных кругах русского общества. Но что делать? На всякое чихание не наздравствуешься. Клевету будем презирать. Те, кто способен оценить явление Рериха в мире, в оценке своей не ошибутся. А с тех, кто не способен, и взять нечего. Простим их убожество и пойдём дальше.

Позвольте, наконец, бить Вам челом, как ПОЧЁТНОМУ ЧЛЕНУ РУССКОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ и присоединиться от всей души к тем пожеланиям, которые выражены в нашем письме по поводу Вашего избрания!

(Справка: почётным членом Музея, кроме Вас, является лишь владелец Збраславского замка г-н Бартон-Добенин, не только предоставивший Музею бесплатно восемь зал и комнат в замке, но ещё и поддерживающий Музей материально, и вообще, чрезвычайно интересующийся его развитием).

Искренно приветствую также высокочтимую Елену Ивановну и всю Вашу семью!

Искренно Ваш, Вал. Булгаков

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

25 января 1938 г. Прага

Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

Прага 25 января 1938 г.

Г-ну акад. Н.К. Рериху. Наггар, Брит. Индия.

Глубокоуважаемый Николай Константинович,

За последние два года Вами проявлено было исключительное внимание к Русскому Культурно-Историческому Музею при Русском Свободном Университете в Праге. Внимание это выразилось в любезной присылке чрезвычайно ценных книжных и рукописных материалов, бронзовой медали, выбитой в Америке в Вашу честь, «Знамени Пата об охране культурных ценностей, и в предоставлении Музею 15 Ваших картин, являющихся отныне главным украшением и гордостью Музея.

Желая отметить Ваши заслуги в деле развития Музея и выразить Вам свою горячую признательность, Русский Свободный Университет в Праге, по предложению своей Музейной Комиссии, провозгласил Вас ПОЧЁТНЫМ ЧЛЕНОМ РУССКОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ПРАГЕ. Специальный диплом за это звание одновременно Вам препровождается.

Мы надеемся, что таким образом духовная связь Ваша с Музеем, столь им и всей культурной русской колонией в Праге ценимая, станет ещё ближе и неразрывнее.

Пользуясь случаем сердечно приветствовать Вас от имени Русского Свободного Университета и Музея, и пожелать Вам доброго здоровья и дальнейших высоких успехов в деле служения русскому искусству, русской мысли и культуры вообще.

Благоволите принять уверения в глубоком уважении и истинной преданности.

Ректор	М.Новиков
Заведующий Музеем	Вал. Булгаков
Секретарь Университета	Д. Иванцова

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

26 января 1938 г. Рига
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху

26.1.1938

Н.Р.

1. Почему я не послал картины Рооту.
2. Конфликт Роота с Кайгородовым.
Я призывал Кайгородова, чтобы он пригласил в Общество и других друзей Рериха – художников.
3. Беликов. Молодой, энергичный, ещё малоопытный, может ошибаться. Более печальное обстоятельство, что в его группе А. Пеаль. Я предупредил Беликова о нём.
4. Надо объединять в Эстонии. Со своей стороны, мы будем делать, что в наших силах. Блюменталь скоро поедет в Таллин.
5. Сборник [материалов] Конгресса будет похож на *Sirds Gaisma*. Какие репродукции с портретов поместить?
6. Женская секция. Мысль пригласить всех деятельниц культуры Латвии, чтобы писали о женской миссии.
7. Подпись брата Н. Р. о получении письма получена.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом.
В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

29 января 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

29.1.38

Родная наша Верная Стража,

Болели мы душою, видя, как Вам трудно писать. Ради Бога, берегите руку, ведь эти невралгии требуют такого бережного отношения. Увы, не удивляемся невралгии, у кого же из нас сейчас нервы в порядке, а ведь Вам приходится так многое видеть и слышать, которое даже не умещается в письме. Имеем письмо от Дедлея и Джина. Эти добрые друзья подробно описали престранное, если не сказать больше, рассуждение о письме к кузену. Если в этом вопросе не только не было единодушия, но даже выявилось некое воинствование, то, конечно, об этом больше и говорить не приходится. Читаем в Ваших сердечных письмах, и по строкам и между строк, – все видим, все понимаем. Поистине сейчас не только в делах человеческих, но и в космических все стало необычным. Пишут, что 26-го янв[аря] северное сияние было видимо во всей Европе, даже в Португалии. Никогда такого напряжения токов еще не бывало. Странно, что Стоу говорил, что не видал копии нашей декларации 1929-го года. Необходимо, чтобы копии ее были у всех у Вас, ведь скоро все это потребуется. Также странно, что говорилось, будто бы о *lien'e* и на музейные картины, между тем ведь какой-то *lien* упоминался лишь в связи со ста картинами на пятом этаже на хранении. Также странно, что Плаут точно бы не принимал во внимание несомненное постановление Совета Trustees о двухстах, а затем еще о сорока тысячах, не говоря уже о прочих временно одолженных нами суммах Учреждениям. Ведь эта большая сумма вполне подтверждается журналами заседаний и документами. Странно, что всему, что измышляется апостатами, придается необычное значение, а все наши документы игнорируются. Интересны Ваши сведения о Харитонове. Где только приходится Муромцеву встре-

чатся с таким подонками? Ведь Дженеев и Харитонов представляют абсолютный художественный отброс, и даже говорить с ними никому неуместно. Также совершенно непонятно, о каких таких письмах опять болтает дядя Б. Ведь письма же были уже у Мор[уса]. Значит, не говорится ли о каких-то подложных письмах? Во всяком случае интересно прислушаться и к таким шептаниям. Где именно Мур[омцев] мог встречаться и с дядей Б. Очень хорошо, что Вы возьмете письменное удостоверение от мал[енького] человека В. Решительно все данные должны быть собираемы, ибо никогда не знаете, что именно потребуется в борьбе с гангстерами и вандалами. Образец циркуляра апостатов, присланный Вами, превосходит все по своей вульгарности и дурному тону. В наших Учреждениях такая тривиальность не уместна вообще. Спасибо за сведения о Бушене и Григорьеве. Итак, огромный успех Бушена свелся, по большей части, к нескольким рисункам по 25 долларов – “славны бубны за горами”. Очень берегите себя, ибо вандалы мечтали бы все и всех разрушить. Повторяю слово “единение”.

Сердцем и духом,

Р.

Н.К. Рерих, «Письма в Америку». М., изд. «Сфера». 1998.

30 января 1938 г. Рига

Письмо Рихарда Рудзитиса к Рериху Н.К.

Рига, 30.1.1938

Дорогой Николай Константинович!

Посылаю Вам спешно копию письма Беликова, чтобы Вы могли познакомиться с состоянием в Таллине. В конце концов, в настоящее время там имеются *четыре* группы, симпатизирующие Вам и Вашему движению, но которые пока действуют порознь и которые непременно надо было бы объединить и сплотить. Прежде всего – ядро – комитет Общества, потом группа Беликова, далее – Роот, Цейдлер, Раннит и другие художники, не приглашённые ещё в комитет и, наконец, – группа Рудниковой-Милленда. С последней – самое трудное, ибо Вы знаете об отношении Кайгородова и др. к Рудниковой. Может быть, лучший исход, как предполагает и Беликов, что самые устремлённые поступят из Метапсихического общества в его группу, а вместе с ней во вновь образовавшееся Общество.

Не знаю, как благодарить Вас за все заботы о нашем музее и за Ваше обращение к Росту. Полагаю, что, когда Гаральд и Блюменталь поедут в Таллин, они повезут и наши письменные обращения к Росту и другим. Получил Ваше письмо от 18 января со всеми приложениями, сердечное спасибо.

Вчера у нас был разговор с Либертом относительно неудавшихся репродукций с американских клише. Гаральд расскажет Вам подробнее, потому ограничусь следующим. Прежде всего, радуемся, что Либерт идёт на уступки и обещал перепечатать *Помни, Огненный цвет, Перлы достижения*. Полагаем, что он, так или иначе, перепечатает также *Сокровище Мира* и *Ойрота*. Относительно остальных он высказывался, что ни в коем случае не ручается, выйдут ли они лучше, чем на предыдущих оттисках. Но вполне в этом не уверен также относительно пяти упомянутых репродукций. Окончательно условиться мы сможем лишь по выздоровлении печатника, печатавшего эти репродукции (теперь он в больнице). Либерт уверяет, что это лучший знаток своего дела в

Латвии и что он отнёсся вполне добросовестно к своей задаче. (Но мне сказали, что печатание американских клише он передал своему помощнику!) Далее Либерт высказался, что, возможно, клише в течение 12 лет несколько попортились, что у нас другие тона красок, притом и другая, немного более грубая бумага, и пр. Итак, окончательно условиться сможем лишь после некоторого времени. И мы не уверены, согласятся ли в типографии перепечатать все неудавшиеся репродукции 7+2.

Р. Рудзитис

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

ЛИСТЫ ДНЕВНИКА Н.К. РЕРИХА (1938 г.)

НАРОД

С многолюдством народным мне пришлось встречаться во всей моей жизни. В Изваре всегда было многолюдно. Во время охоты довелось встречаться с народом во всех видах его быта. Затем раскопки дали народную дружбу. Поездки по многим древним городам создали встречи самые незабываемые. Потом в Школе Общества поощрения художеств каждый год приходилось встречаться с тысячами учащихся, в большинстве с фабричными тружениками всяких областей. И эти встречи навсегда составили ценнейшие воспоминания, и душа народная осталась близкой сердцу.

В последний раз мы соприкоснулись к русскому народу во время экспедиции 1926 года, когда ехали через Козеунь, через Покровское к Тополеву Мысу, а оттуда плыли по Иртышу и далее до Омска. И в Покровском, а затем на пароходе к нам приходили самые разнообразные спутники. Велика была их жажда знания. Иногда чуть ли не до самого рассвета молодёжь, матросы, народные учителя сидели в наших каютах и толковали, и хотели узнать обо всем, что в мире делается. Такая жажда знания всегда является лучшим признаком живых задатков народа. Не думайте, что вопросы задаваемые были примитивны. Нет, люди хотели знать и при этом высказывали, насколько их мышление уже было поглощено самыми важными житейскими задачами. Народ русский испокон веков задавался вопросом о том, как надо жить. К этому мы имеем доказательства уже в самой древней литературе нашей. Странники всегда были желанными гостями. Хожалые люди не только находили радужный ночлег, но и должны были поделиться всеми накоплениями. Сколько трогательной народной устремлённости можно было находить в таких встречах. Нередко при отъезде какой-то неожиданный совопросник, полный милой застенчивости, стремился проводить, чтобы ещё раз уже наедине, о чем-то допросить.

Горький рассказывает, как иногда на свои вопросы он получал жестокие мертвенные отказы. Невозможно отказать там, где человек приходит, горя желанием знать. В этом прекрасном желании спадает всякое огрубение, разрушаются нелепые условные средостения, и соприкасаются дружно и радостно сущности человеческие. Как же не вспомнить Ефима, Якова, Михаила, Петра и всех прочих раскопчных и путевых друзей. Навсегда останутся в памяти пароходные совопросники, так глубоко трогавшие своими глубокими запро-

сами. В столовую парохода входит мальчик лет десяти. «А не заругают войти?» - «Зачем заругают, садись, чайку попьём». Оказывается, едут на новые места, и горит сердце о новой жизни, о лучшем будущем. Знать, знать, знать!

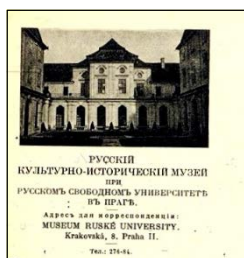
1938 г.

Н.К. Рерих, «Зажигайте сердца». М. 1975 г. (Лист дневника № 51. Из архива Ю.Н. Рериха)

31 января 1938 г. Прага

Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

Прага 31 января 1938 г.

Г-ну акад. Н.К. Рериху. Наггар, Брит. Индия.

Высокочтимый Николай Константинович,

Имея честь препроводить Вам диплом на звание почётного члена Русского Культурно-Исторического Музея в Праге, ещё раз свидетельствую, как мы рады, что дело наше отныне будет развиваться под Вашим просвещённым протекторатом.

Диплом был изготовлен, по заказу Музея, здешним русским художником Борисом Георг. Клодтом, членом известной «художественной» семьи.

Хочу позволить себе сказать ещё два слова относительно воспроизведения картины «Св. Преп. Сергей», в виде фотографии, в каталоге художественных собраний Музея. Нам очень жаль лишиться этой репродукции в нашем каталоге-альбоме. Картина - своеобразна, выделяется из всего другого, имеющегося в Музее и воспроизводимого в каталоге. Она, наверное, будет исключительно нравиться посетителям Музея, именно, за свои художественные достоинства – они будут огорчаться, не находя воспроизведения её в каталоге. Не прав ли я, предполагая, что Вам не хотелось бы воспроизводить в посвящённой Вам монографии этой картины из-а той подписи, которая сделана внизу. Если моё предположение верно (я именно так понимаю Вас, что Вам не хотелось бы в наши смутные дни осложнять чисто-художественное впечатление от картины опубликованием выражения, которое всегда может быть превратно истолковано), если так, то, может быть, можно будет воспроизвести картину в каталоге Музея без этой надписи. Мы бы очень хотели этого. Повторяю, картину Вашу мы очень любим и ценим именно за неё художественные достоинства, цена и символическое значение образа Сергия-Строителя.

Не откажите в любезности, Николай Константинович, - по возможности, теперь же, и если можно, воздушной почтой, - ответить «да» или «нет». Буду Вам глубоко признателен.

Прилагаю здесь и ещё № 1 листка «Русский Зодчий», где есть статейка и о нашем Музее.

Сердечно приветствую Вас и всю Вашу семью.

Ваш душевно преданный, *Вал. Булгаков*

Архив Музея Рерихом, Москва (Машинопись)

ФЕВРАЛЬ

1 февраля 1938 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
1-ФЕВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Только что отправили Вам письмо Владимира Анатольевича, как уже ощущается нужность и следующего сообщения. Посылаем Вам ещё несколько названий картин для присоединения в конец списка картин. Надеюсь, что ещё не поздно, и хотелось бы запечатлеть в книге и последние богатырские картины, которые сейчас в работе. В силу некоторых соображений, если ещё не поздно, выпустите всюду местонахождение *Наггар*. Совсем не нужно подчёркивать, что здесь находятся многие картины, тем более что они всегда передвигаются. Ведь и все предыдущие местопребывания картин сейчас оказываются условными. Вот группа была в Белграде, а теперь переехала в Прагу. Вот Кайгородов сообщал о нахождении моей картины на острове Сааремаа. Кроме того, мы знаем и о вообще погибших картинах, и, может быть, число их гораздо больше, нежели кажется. Знаем из истории, что картины Тинторетто однажды служили для фильтрации воды, которую через них пропускали. Знаем, что были изрезаны картины Саржента, Милле, Репина, знаем и о такой же судьбе моих. Всё это – исторические факты. В 1906 году в Америке осталось 75 моих картин, а из них обнаружили всего сорок. Спрашивается, где же остались остальные 35. Были слухи, что они ушли в разные места, в Канаду, но следы так и затерялись. И даже запросами никто ничего не мог выяснить. Такова карма вещей. Ведь даже не знаем, под чьим именем путешествуют вещи, – иногда они меняют несколько имён. Не забудем также, по миру ходят и подделки моих картин. И это не только копии, но иногда и картины других художников подписывались моим именем. Так, я видел картину Вроблевского, на которой крупными буквами стояла подпись *Рерих* через «ять».

Также видел и огромную картину с подробностями, взятыми из нескольких моих картин, которую собиратель приобрёл за сравнительно большую цену. Это была целая драма. Сейчас мы не знаем местонахождения целого ряда картин: не знаем, где *Три радости*, *Волокит волоком* и многие другие. Несколько вещей, как, например, *Ункада*, погибли во время войны в польских замках, а картину *Зовущий* мы видели в совершенно погибшем виде, сложенную, как платок. Словом, можно продолжать этот мартиролог бесконечно.

В Нью-Йорке происходят безобразия. Школа и *Пресс* временно переехали в другое помещение – ещё более центральное. Об этом помещении уже давно была речь, и оно предлагалось одним из почётных советников наших учреждений. Мало того, что происходит криминальный вандализм, но производится и фальсификация школы. Вандалы преподают фотографию, а руководительницей музыки является Эстер Лихтман, не имеющая никакой квалификации для этого и к тому же абсолютно музыкально бездарная. Вы понимаете, что подстановка того же имени производит смущение умов. Просто какая-то банда гангстеров – пусть эти вандализмы остаются в истории в укор надменной цивилизации. Нью-йоркская борьба затянется на долгое время, а пока нужно не покладая рук работать, строить, созидать. Вы понимаете, что фальсифицированной бездарной школе наши имена совсем не уместны. Удиви-

тельно наблюдать за своеобразным «правосудием», которое меняет в ту и другую сторону свои решения, недаром в газетах писали, что некоторые судебные дела продолжаются более полувека. Конечно, я пишу это для Вас как для биографа, а не для широкого осведомления. Пусть у Вас накапливается для далёкого будущего материал о современной «цивилизации», о подкупности судей, о вандализмах и о прочем сраме человеческом.

Итак, действуйте. Если нащупаете какие-либо клеветы апостатов, отвечайте весьма решительно. Надеюсь, что эстонское письмо в Нью-Йорк не было написано, оно было бы, как Вы и поминали, крайне неуместно. Всего светлого всем Вам.

Сердцем и Духом с Вами,

Н. Рерих

Статья Шауб-Коха для монографии хороша, она не очень длинна – восемь с половиной страниц.

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

«Очень хорошо, что картины “Помни”, “ Жемчуг исканий” и “ Жар-Цвет” будут поправлены на новых отпечатках. Вообще в тех случаях, когда нет оригинала, следует сравнивать с американскими оттисками...»

Помни. 1924.

Жемчуг исканий. 1924.

Жар-цвет. 1924.

11 февраля 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису.

NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India
11-ФЕВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич,

Письма — Ваше от 30 января и Гаральда Феликсовича от 30 января только что получены — большое, большое спасибо. Очень хорошо, что теперь Вы советуетесь относительно монографии с Пранде. Только на месте можно уследить за многими условиями. Конечно, белого ободка не нужно делать. Очень хорошо, что картины *Помни*, *Жемчуг исканий* и *Жар-Цвет* будут поправлены на новых отпечатках. Вообще в тех случаях, когда нет оригинала, следует сравнивать с американскими оттисками. Видно, что всё дело не столько в качестве самих клише, как просто в неудачно выбранных красках. Относительно всех других положимся на компетентность Пранде. Ему на месте виднее, насколько можно достичь лучшего результата. Кроме того, прежде всего приходится принимать во внимание и смету на монографию. Нас потрясли цифры за печатание по американским готовым клише. Во что же тогда выльется печатание всех репродукций с изготовлением местных клише, с набором, переплётном, брошюровкой и прочее. Уложено ли всё это в смету и прикинута ли цена книги, — чтобы не было сюрпризов. Ведь и Либерт, и Пранде, как опытные в этом деле, должны предусмотреть общую картину книги. Нам так хочется, чтобы всё вышло по возможности экономнее и не оказалось бы в тягость.

Нашли ли Вы посланные отсюда семь фотографий серии *Тибет*. По некоторым причинам очень важно, чтобы эти семь однотонных репродукций вошли в монографию. Последовательность их мы уже Вам писали. Во всём остальном мы полагаемся на Ваше и Пранде, и Гаральда Феликсовича, и Либерта общее суждение. Страничку набора для книги приветствий мы получили — там всё ладно, кроме небольших поправок, которые сделаны красным. Очень хорошо, что Вы выпустили из приветствий «соколов», если не поздно, то выпустите их также из списка имён. Привет «оборонцев» печатайте — это очень хорошая молодая организация. Что касается воспроизведений в книге приветствий, то лучше помещать их боком, но ни в коем случае не обрезать. Любопытно, что в Таллине существуют несколько групп. Может быть, для начала не следует пытаться их сразу объединять, ибо по своему внутреннему строению они различны и даже до известной степени противоположны. Если Таска не имеет достаточного энтузиазма, не следует ли ближе привлечь Раннита? Вообще, дал ли Таска эстонскую статью для монографии — если его статья не состоялась, то, думается, Раннит мог бы дать ещё более звучную статью.

Выписка из письма Беликова, присланная Вами, звучит неплохо, но боюсь я одного — по одну сторону его был Гущик, а по другую Пеаль. Два таких привеска сразу усложняют положение вещей. Кроме того, мы не знаем и остальных, участвующих в его группе. Уже столько раз приходилось получать неприятные сюрпризы, что и в этом случае требуется осторожность. Пусть в Таллине всё кристаллизуется, а пока что Раннит, как поэт и писатель, имеющий уже около себя группу своих друзей, будучи при этом природным эстонцем, обращает на себя внимание. Уж очень свиреп Армагеддон повсюду. Все космические и мировые события сгущаются.

Письма с гор. В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.

17 февраля 1938 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф.

17 февраля 1938

Дорогой мой Валентин Федорович,

Поистине, от Вас приходят хорошие вести. Спасибо за письмо Ваше от 24 января с.г. с приложением письма от Правления университета и Музея, а также за бандероль со «справочными листами» и с Вашей интереснейшей книгой, которую мы все прочтём с углублённым вниманием. Так как Вы поминаете в своём письме слово «срочно», то и пишу Вам с сегодняшней же воздушной почтой.

Во-первых, от души поздравляю Вас с премией от Общества Новой Истории. Я знаю всех деятелей этого общества, и Зорабжи, и миссис Чандлер, а среди жюри была мисс Ф. Грант, вице-президент наших учреждений. С интересом прочту Ваши мысли о всеобщем разоружении. Наш девиз «Мир через Культуру», в конце концов, говорит о том же. Полагаю, что и все мыслящие существа должны прийти к заключению, что все братоубийственные инструменты цивилизации должны быть сданы, наконец, в архив позора.

Вполне понимаем Ваше соображение о полезности открытия зала моего ранней весной. На поставленные Вами вопросы о картинах разъясню. Эскизы часовен во имя Св. Сергия Радонежского даны и для Америки, и для Гималаев, и для Дальнего Востока. Гута Чохан (легендарный покровитель здешней древней страны Кулуты) находится перед самым нашим домом. Для картины «Ченрази» взят пейзаж Западного Тибета. Там же находятся и скалы с древними изображениями меча Гессар-Хана.

Когда я писал картину «Мать Чингиз-Хана», я вспоминал из биографии Чингиза, как однажды все друзья от него отшатнулись и мать говорила ему: «Помни, сын, что лишь тень твоя тебя сопровождает». Мысли об одиночестве, может быть, наполняли сердце одинокой наездницы. Чингиз-Хану у меня посвящена целая серия. «Тень Учителя» относится к апокрифам о Христе, когда говорилось, что при прохождении Его следы тени Его не исчезали, а запечатлевались.

Очень счастливо вышло, что воспроизведение картины «Св. Сергий» ещё и не было начато. Думается, что рижское издательство разрешит Вам воспользоваться для каталога (с ссылкой на монографию) воспроизведениями «Гуга Чохана», «Ченрази» или «Матери Чингиз-Хана» по Вашему выбору. Две гималайские картины, присланные мною ранее, относятся к 1936 году.

Прилагаю список картин, которые Святослав предназначил для Музея. Ему хочется послать самый последний мой портрет, и потому сама посылка несколько отложится, но в каталоге уже могут быть картины его перечислены. Вместе с перечнем картин прилагаю и его биографические сведения. Мои у Вас, конечно, имеются; пришлите до печатания предполагаемый текст, ибо имеются добавления, а кое-что и устарело.

Вы пишете, что не следует обращать внимание на лай Васьки Иванова и прочих мракобесов. Действительно, обращать внимание не следует, но когда знаешь эти позорные пределы иуд-мракобесов, продающих за тридцать серебряников все самое святое, то стыдно становится за такие подонки человечества. Недаром в древности такие существа назывались двуногими и почетное слово человек к ним не применялось. Мог бы поведать вам отвратительные иудовы проделки, но пусть это останется пока в недрах ненапечатанных анналов.

Возвращаясь к каталогу, задуманному Юпатовым, хотелось бы, чтобы на нем не лежал отпечаток эмигрантства. Пусть будет эта памятка посвящена русскому искусству как таковому. То обстоятельство, что русское искусство засияло по всему миру, следует представить широко, подчеркнув значение русского искусства как такового. Это будет тем вернее, что многие из нас проявлялись за границей уже с самого начала творчества. Вы помните, что моя первая заграничная выставка была в Праге в 1904 году, а в 1906 году уже были Париж, Милан, Венеция, Вена и прочие центры? Вероятно, скоро пришло Вам оттиск моего Записного листа «Чаша Неотпитая».

Как историк я люблю все периоды культуры, где бы она ни возникала, но как русскому человеку мне особенно близок великий народ русский, которому суждено и великое будущее. Знаю это так же достоверно, как самую ближайшую реальность. Меня называют оптимистом. Но тот, кто в творчестве, тот непременно должен быть оптимистом, ибо мы живём и творим для будущего. Для этого будущего будем мы всячески оборонять нашу Родину, если и не мечами железными, то мечами духа. Ради этой обороны мы должны быть готовы на такие проявления, которые называются славным русским словом подвиг.

Спасибо Вам за Ваше желание помочь распространению наших рижских изданий. Вообще, держите контакт с нашими милыми латвийскими друзьями. Они самоотверженно служат знанию, и красоте, и Знамени Мира. Они так трогательно писали о Вас, и я рад видеть и с Вашей стороны ту же сердечность. Шлем Вам светлые мысли и рады вестям Вашим. Привет друзьям - и русским, и чешским.

Духом с Вами,

Н. Рерих

РГАЛИ. Москва. Фонд Булгакова, 2226, опись 1.

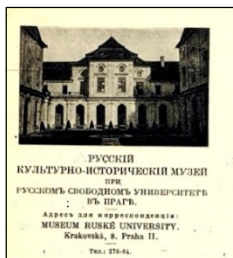
«Тень Учителя» относится к апокрифам о Христе, когда говорилось, что при прохождении Его - следы тени Его не исчезали, а запечатлевались...»

Н.К. Рерих. Тень Учителя. 1933.

21 февраля 1938 г. Прага
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

Прага 21 февраля 1938 г.

Г-ну акад. Н.К. Рериху. Наггар, Брит. Индия.

Высокочтимый Николай Константинович,

Препровождаю Вам официальное подтверждение в получении денег. Дар Ваш имеет большое значение для Музея. Прошлый год мы закончили с дефицитом в 6000 крон. И хотя это был дефицит продуктивный, ибо Музей очень многого достиг и обогатился, но всё же вести его нам очень трудно.

Помимо материального значения Вашего дара, глубоко тронуло нас, как это и отмечает официальное письмо, внимание Ваше к Музею. Спасибо от всего сердца!

Если бы Вы спросили, как мы собираемся покрывать остальную сумму дефицита, то я сказал бы, что есть у меня разные надежды. В частности, на днях я и проф. М.М. Новиков посетили Канцелярию президента Республики и Министерство Народного Просвещения, где обратили внимание на быстрое развитие Музея и на чрезвычайную скромность средств, которыми мы располагаем. И там, и тут мы с особой гордостью указывали на собрание Ваших картин, как на главное и исключительно ценное сокровище Музея. Приняты мы были директором Канцелярии и одним из директоров департамента Министерства исключительно любезно, причём нам обещана была помощь.

От Ассоциации «Фламма» из Нью-Йорка я получил извещение об избрании меня, по Вашему предложению, почётным членом Ассоциации. Не столько эта честь, которую я очень ценю, сколько Ваша инициатива, глубоко тронула меня и переполняет гордостью. Мне кажется только, что я не заслужил этой чести. Во всяком случае, благодарю Вас, дорогой Николай Константинович, от всей души!

Дела Музея подвигаются хорошо. Сейчас как раз устраивается Ваш зал, и в связи с этим производятся некоторые перемещения. Мною и писателем кн. К.А. Чхеидзе готовится к изданию «Словарь русских зарубежных писателей», в котором почётное место отведено и Вам. Работа по составлению каталога художественных собраний Музея также почти уже закончена мною. Оказывается, у нас представлено уже более 70 художников. Снимки 32 картин и рисунков уже произведены и отправлены издателю в Ригу, для изготовления клише. Я решился всё же пока, до получения окончательного ответа от Вас, присоединить к ним и «Преп. Сергия» (без надписи). Меня побудило к этому и то, что в Каталоге Рижского Музея Рериха картина эта, в виде чёрной репродукции, воспроизводится. Но, разумеется, если Вы совершенно против опубликования «Сергия», то он опубликован не будет.

Знаете ли Вы уже о кончине академика С.А. Виноградова в Риге? Она очень потрясла меня своей неожиданностью. Помню, как он играл в карты со Львом Николаевичем в имении Татьяны Львовны Сухотиной Кочеты Тульской

губ., в 1910 г. Наш Музей получил недавно от него хорошую картину «Хмурый день». На днях получили мы картины от худ-ов Ан. Дм. Кайгородова, К.С. Высотского, В.М. Алексеева из Таллинна и Риги.

Надеюсь, что Вы получили наше письмо об избрании Вашем и затем диплом.

Шлю сердечный привет и лучшие пожелания Вам, Елене Ивановне и всей Вашей семье!

Глубоко уважающий и преданный,

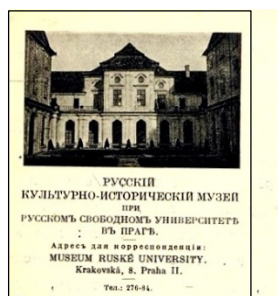
Вал. Булгаков

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

21 февраля 1938 г. Прага

Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

Прага 21 февраля 1938 г.

Г-ну акад. Н.К. Рериху. Наггар, Брит. Индия

Глубокоуважаемый Николай Константинович,

Настоящим имеем честь известить Вас, что Ваш дар Русскому Культурно-Историческому Музею, предназначенный для оплаты расходов по пересылке 13 Ваших картин из Белграда в Прагу, а именно, 699 крон 10 геллеров (4 фунта 19 шиллингов и 2 пенса) Музеем получен.

Позвольте от имени Русского Свободного Университета и Культурно-Исторического Музея, выразить Вам глубокую, искреннюю признательность за Ваше внимание к Музею и желание помочь ему не только достигнуть высокого художественно-научного уровня, но и преодолеть, стоящие перед ним, материальные трудности.

Пользуемся случаем засвидетельствовать Вам глубокое уважение и искреннюю преданность.

Ректор

М.Новиков

Заведующий Музеем

Вал. Булгаков

Секретарь Университета

Д. Иванцова

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

25 февраля 1936 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.

Дорогой Гавриил Григорьевич, спасибо за Ваше письмо от 3-го февраля. Всё, что вы сообщаете о г-же де Во, всё удивительно. Странно представить, чтобы кто-нибудь предпочёл людей, незнакомых и даже никогда невиданных, многолетним друзьям. Неужели такие люди не подумали, насколько просто

чисто низменными инстинктами объясняется происходящее. Вот мы уже дали доверенность адвокатам на взыскание с г. Хорша, присвоенных им наших шер. Теперь же мы послали доверенность вчинять иски против клеветы, ибо и с этим ядовитым злом нужно бороться, как оно того заслуживает.

31-го января должно было быть слушание дела, вчинённого вице-президентом М. Лихтаном против Хорша, но уже несколько раз адвокаты Хорша оттягивают, и потому и это слушание отнесено на продолжительный срок. Такая тактика лишь показывает, что противная сторона старается избежать открытого суждения, а в то же время и наши адвокаты получают новую возможность ещё детальнее войти в дело. Вы правильно замечаете о беспринципности противной стороны. Так, например – накануне предположенного слушания дела, т.е. 30 Янв. злоумышленники сфабриковали в жёлтой прессе невероятную безобразную клевету, основанной на столь же клеветнической заметке, помещённой известным негодяем Поуэлом ещё прошлым летом. И эта мерзкая игра не удалась, ибо все поняли, что заметки были помещены накануне слушания дела, чтобы повлиять на решение судей. Но на следующий день, в день суда, утром, уже вышли пространные опровержения, помещённые нашими друзьями и адвокатами, и злоумышление развалилось.

Вот какими мерами пытаются пользоваться насильники, захватчики и предатели. Но все знают, что там, где тёмные силы особенно ополчаются, там ими замечено нечто светлое и значительное. После отвратительных наскоков служителей тьмы, немедленно получилась светлая реакция. Под председательством уважаемого деятеля майора Стокса составился новый Комитет Друзей Музея. В него вошли редактор Херстовского Америкен г. Меррит, известный писатель Охара Косгрев, г-жа Сутро, вдова большого финансиста, жена проф. Шепперд, - очень влиятельная особа, г-жа Спорборг, пользующаяся большим влиянием женских клубов, писатель Уартон – Сторк и др. лица влиятельного и независимого положения.

Кроме этого Комитета предполагаются и другие образования. Посылаю Вам выписку, сопоставляющую некоторые факты, в простейшем виде, далеко не исчерпывающем все проявления изощрённейшего предательства. Прочтите её и дайте Григорию Гавр. и некоторые друзья ознакомятся с этою, бросающейся в глаза, истиной. Как Вы видите, отвратительные действия своекорыстных апостатов не имеют ничего общего с культурою, а тем более со Знаменем Мира. И сколько преднамеренности обнаружилось в этой попытке присвоения чужой собственности. Но конечно выход четырёх индивидуумов не может иметь значения в культурном деле. Вполне естественно, что некоторые личности не могут воспринять света культуры. Вчера, через Лондон мы получили вырезку из Геральда с письмом некоего Аллана из Руана. Очевидно на это письмо и отвечал Георгий Гавр. в той же газете. Хорошо, что мы получили письмо Аллана, а следовало бы узнать кто он такой, ибо его письмо построено симпатично. Если он интересуется делом, то ведь старый город Руан может дать интересные возможности. Что решает М. Шено? Ведь такое привхождение поэтов и искателей чрезвычайно желательно. Вы пишете, что мадам де Во уговорила и Таубе уйти. Этому можно удивляться, ибо Таубе знает меня и слышал обо мне десятки лет? А в то же время, как Вы пишете, Таубе был шокирован грубой невоспитанностью Эстер Лихтман; а что же он бы сказал, если бы встретился с самим Хоршем, который почему-то принял другое имя, ибо по рождению его фамилия было Леви. То, что Вы пишете о масонах и будди-

стах, показывает лишь полную невежественность лиц, произносящих такую комбинацию, ибо буддист не будет масоном, а масон не будет буддистом.

Как прискорбно убеждаться о всеместном существовании глубоких степеней невежества. Не войны ли доводят человечество до такого одичания и наблюдаемой сейчас преступности. Получаем с каждой почтой много симпатизирующих писем. Между прочим, учреждённое мною Содружество Имени Пр. Сергия прекрасно работает и научают участников настоящему сотрудничеству. Очень милое поздравление получено от кардинала Пачоли, а вчера пришло поздравление от престарелого митрополита Антония. Также много новых друзей оказывается и на дальневосточных островах. Вы правы, что обновление Комитетов принесёт новую жизнь, только это нужно сделать очень поспешно. Надеемся, что здоровье Ваше благополучно и мы все шлём Вам и супруге Вашей и Георгию Гавр. наши сердечные приветы. Будет светла заря после тёмной ночи.

1936 год знаменательный.

Духом с Вами.

Архив Музея Рерихов, Москва.

25 февраля 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Кауну Александру

25-ФЕВ-38

Дорогой Друг,

Ваша добрая весточка из Моронго напомнила мне фразу из Вашей книги о Л. Андрееве. Помните - Андреев говорил о живописи, а я о литературе. Хорошая была эта Ваша книга. Она была там тем более нужна, что об Андрееве было столько превратных суждений, а между тем, его дарование опять будет оценено по достоинству. Столько сейчас переоценок. Вам будет интересно прочесть прилагаемую статью Э. Голлербаха, который сейчас в Москве считается наилучшим художественным критиком. Оценки оттуда особенно интересны. Также на днях нами была получена воспроизведённая в большом формате в сорока тысячах, картина моя «Гонец» (Третьяковская галерея), клише «Известий». Также получили мы только что вышедшую монографию Грабаря о Репине, со многими красочными и однотонными иллюстрациями. А перед этим мы получили два тоже очень хороших тома, посвящённые Юону и Петрову-Водкину. Там, где искусство ценится, там вырастут и лучшие цветы. Видели ли вы превосходное издание «Слово о Полку Игореве», с иллюстрациями Палехских мастеров. Давно иконописание Палеха и Мстеры очень удачно применено для эпических композиций.

С этими положительными знаками плачевно сопоставить вандализмы, сейчас происходящие в наших учреждениях в Нью-Йорке. Основные учредители вандалиськи выброшены, и самочинные захватчики изобретают всевозможные подлоги и клеветнические подвохи. Прямо какой-то танец смерти. Хорош пример для молодого поколения, как бы для того, чтобы показать, что слово культура произносилось машинально невеждами, всегда готовыми именно культуру разрушить. Плохо понимают задачи культуры многие люди из Уолл-Стрита. Получилась отвратительная страница вандализма и ясно, что всякие судебные производства затянутся на долгие годы. А в то время учащиеся будут изумляться, где же она, культура, о которой так много, и в тех же стенах упоминалось и утверждалось. При этом всплыли и некоторые вновь пришед-

шие тёмные личности и получились какие-то тайны мадридского двора. Письма наших сотрудников являются ужасною хроникой и когда-то увидят свет на позор тёмным вандалам. Вообще, в мире творится что-то невообразимое. Газетный лист каждого дня содержит больше безобразий и жестокостей, нежели бывал за целые десятки лет. Тем ценнее видеть культурно дружественные нарастания в Праге, в Эстонии, в Литве и в других странах, не говоря уже об Индии. Что Вы теперь пишете? Куда направляете Вашу мысль. Какое литературное добро творите? Ваши весточки всегда радуют. Пошлите привет З. Лихтман.

Духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва (машинопись)

Слева: Дом в Тойла (Эстония), в котором жил И. Северянин.
Справа: И. Северянин на рыбалке. Тойла-Ору (Эстония), Фото до 1935 г.

28 февраля 1938 г. Toila
Письмо И. Северянина к Рериху Н.К.

Toila, 28. II. 1938 г.

Светлый Николай Константинович, дорогой мой!

Я давно, давно уже хотел написать Вам, но трудно было мне, заброшенному с 1918 г. в глуши и дебрях Эстонии, узнать Ваш адрес. От Алексиса Раннита, эст. поэта, получил его случайно.

Святая интуиция диктует мне эти строки.

Я – верный Ваш соратник: посылно защищаю Божественное. Изнемогаю подчас, падаю – вновь встаю. Так – годы.

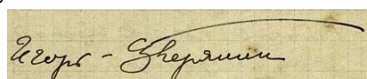
Поэзией не только не интересуются – над ней глумятся. Хроническая безработица – хроническое нищество и голодовка. Поддержки нет. Надежды на неё сникли. Но я не сдаюсь. Сильно мешает мне в моём энтузиазме болезнь сердца. Да и годы не юные. Работать – нигде: в газетах кумовство, кружковщина. Да и они не признают меня: я с юности был протестантом.

Посылаю Вам свою маленькую поэму, своего «Солнечного дикаря». Я воспринял её в 1924 г. Издателя на неё до сих пор не нашлось. О, если бы издать его можно было! Она, опять, так нужна людям, я верю. отдаю её на Ваш суд. Если найдёте полезной, напечатайте её в изд-ве "Alatas", прошу Вас. И гонорар по Вашему усмотрению: сколько найдёте нужным. У меня нет возможности самому издать её. И если пришлёте мне десяток-другой экземпляров, я буду сам ходить по жомам и предлагать людям книгу: в магазинах не купят стихов, никето – никто уже не купит!

Посылаю Вам «Рояль Леандра» - и там есть те жек мысли, что в «Солнечном дикаре». У меня десятки стихов на эту же тему, и все они разбросаны по разным книгам. Хорошо бы собрать их вместе.

Жму Вашу руку, глубокоуважаемый Николай Константинович, жду Вашего ответа с трепетом: от него зависит столь многое в моей жизни. Чувствую, что никто иной, как Вы, поймёт меня, поддержит и подбодрит. Я так обескуражен, измучен и несправедливо обойдён. Теряя последние силы, креплюсь и верю в торжество Света. Живу Чудом – без денег, без здоровья, без работы. Жизнь всякого художника в наше мертвяще-звериное время есть уже всегда Чудо.

Любящий Вас, и верящий в Вас

Igor Vogie. Severjanin.
Estonie. Toila. Postkontor.

P.S.: До 1934 г. я побывал в 14-ти странах, читая стихи и лекции о поэзии. С каждым годом, увы, интерес всюду падал. В последнюю поездку свою я едва свёл концы с концами, когда добрался до Эстонии. С тех пор влачу жалкое существование, описать которое слишком больно. Люди видят в стихах забаву, - нужно заставить их видеть в них насущную необходимость. Для этого необходима энергия, вера в своё дело.

Архив Музея Рерихов, Москва

МАРТ

1 марта 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

1 - МАР- 1938

Дорогой Александр Николаевич,

Спасибо за дружескую Твою весть. Радовались мы все Твоим новым работам. И так, опять в разных странах Ты зажигаешь свет искусства. Опять Мир Искусства оставляет незабываемый Свет в истории искусства. Могу представить себе как прекрасны Твои декорации во всём Твоём вооружении творчества и опыта. И так, будем в разных концах мира утверждать старый завет: «красота спасёт мир». Здесь у меня тоже происходят многие шевеления. Наши художественные очаги в Аллахабаде и Бенаресе действуют и расширяются. Правительство Траванкора приобрело для Гос. Музея Группу моих картин и две картины Святослава. Приятно видеть, что искусство становится нужным, а журналы всё время просят статьи. Так, несмотря на происходящий армагед-

дон, культурное строительство не умолкает. «Идеи управляют миром» - этот Платоновский завет переживает все судороги человечества, которое в трудностях найдёт и новые возможности. Ты пишешь, что Твой патрон – Фома Неверный, а мой – Св. Преп. Сергей Радонежский. Помню, что когда братия изгнала Преподобного из им же выстроенного монастыря, он нисколько не огорчился, но, взяв посох, пошёл на новое строительство. В этом неутомимом строительстве заключено всепобеждающее творчество. Сейчас мы слышим, что восстанавливается Сергиева Лавра. Это решительный знак. Когда-нибудь, когда встретимся, расскажу, расскажу Тебе удивительные знаки, соединившие нас с Именем Преподобного. Теперь о Пакте, охранения художественных и научных ценностей. Ты несколько не понял моей основной идеи. Я вполне согласен с Тобою, что всякие условия Лиги и всякие «некультурные кооперации» (как их называл Масарик) ни к чему не приведут. С этой точки зрения, пакты являются лишь клочками бумаг, и в этом Ты прав. Но моя идея совсем иная. Издавна я был членом Красного Креста, а затем и Французский Красный Крест избрал меня пожизненным членом. Этим путём я мог ознакомиться с деятельностью замечательного Дюнана и со всею историей прекрасного гуманитарного Учреждения Красного Креста. Мне известно, какие нас мешки и всякие пессимистические поругания вызывала, в своё время, эта идея Дюнана. Её обозвали утопией, надсмехались и ругали непрактичность великого Швейцарца. Потребовалось семнадцать лет упорнейших трудов, чтобы добиться первого осуществления этой всечеловеческой идеи. Таким образом, невозможное вчера вдруг сделалось вполне возможным.

Конечно, и сейчас найдутся люди, которые с некоторым злорадством расскажут о том, как ещё недавно итальянские бомбы поражали госпитали Красного Креста. Но эти отдельные жестокости и варварства нисколько не опрокидывают высокий смысл Красного Креста. Обругать и оплевать можно даже самые высокие изображения, но они от этого не унижатся. Разве унизились значение Анжелюса Миллэ, потерпевшего вандальское нападение. Моя идея о сохранении художественных и научных ценностей, прежде всего, заключалась в создании международного импульса и обороне всего самого драгоценного, чем живо человечество.

Если знак Красного Креста всем напоминает о гуманитарности, то такого же смысла знак должен говорить человечеству о сокровищах истинно ценных. От начальной школы и до всех общественных проявлений человек должен усваивать ясное представление о значении искусства и науки. Как Тебе ведомо, такое пикториальное воздействие является одним из самых убедительных и запоминаемых. Таким образом, если школьники от своих первых же дней усвоят значение и Красного Креста Культуры, то, в конечном счёте, произойдёт и сдвиг сознания.

В нашей переписке по этому поводу накопилось много интереснейших данных. Вот теперь мы слышим, что газета Нувел Литерэр открывает целую анкету по этому поводу и обещает дать мнение генрала Гамлэна, Поль Жамо, Уго Оджетти, Филадельфуса и других деятелей. Импульсом к этому обмену послужила статья нашего друга де Ла Праделя об охране творений искусства во время войны. Ещё недавно один видный иностранец, профессор писал мне: "Вы будите, устыжаете и не даёте впасть в пессимизм и уныние". Если человек устыдился - значит, он уже лишний раз подумал о ценности искусства и знания, а ведь о значении этих облагораживающих предметов человечеству не

мешает подумать и утром, и днём, и вечером. Таким образом, моя мысль, прежде всего, была не столько о клочках бумаги, сколько об импульсе углубления человеческой мысли к тому, в чём заключается истинный прогресс.

Если нам, подобно Дюнану, приходится слышать поругания, то это несколько не убавит нашего устремления ко благу. Целый архив литературы и интереснейших мнений является доказательством того, что не тщетны были устремления и труды. Человечеству далеко до мира, и, тем не менее, везде возносятся моления о "мире всего мира". Казалось бы, это величайшая утопия, и, тем не менее, сердце человеческое не молится о даровании войны, хотя она и есть самая гнусная реальность нашего века. Пространственно молятся о мире всего мира, и в этом цементировании пространства уже выявляется светлый оптимизм. Пусть это будет выполнено не для нас, но хотя бы для отдаленного человечества, которое нам заповедано любить.

Можно быть различного мнения о современном состоянии человечества. Можно смотреть на доблести людские более пессимистично или более оптимистично. Но так трудно живётся сейчас людям, злоба и ненависть выливаются из каких-то тёмных недр! Слабые духом не понимают, а люди, даже привычные к добротворчеству, часто бывают разделены нелепыми маленькими предрассудками. В преодолении этих предрассудков нам надлежит подать пример молодым поколениям. Не так уж долго осталось нам трудиться в здешнем мире, и в эти финальные годы надлежит выявить все, чему научило нас общение с самыми разнообразными людьми.

Всякое подозрение, умаление, окаменение не может быть там, где сердце болит. Знаю, что именно Ты поймёшь сказанное. В Твоём долгом и славном служении красоте и знанию много раз болело Твоё сердце, но по-прежнему Ты даёшь радость людям своими творениями и писаниями, и в этой Твоей несломимой песне уже звучит оптимизм. Не можем мы не трудиться и не выявлять устремления сердца нашего. Помимо всяких тёмных знаков у каждого из нас накопилось и множество ценнейших воспоминаний, которые послужат нам и в здешнем, и в тонком мире. Ты знаешь, что мне, как и каждому из нас, приходилось выносить множество клеветы. Ещё недавно один друг из Парижа писал мне, что некие индивидуумы изобретали обо мне такие небылицы, что только разве не сказали, что и картины мои пишу я не сам. Но всё это не имеет значения, ибо правда не ржавеет. Давно сказано: сегодня огорчение, а завтра радость.

Читаем Твои превосходные фейлетоны о Гойе. Кто же сможет так сгущённо и убедительно сказать. Только что получили новое московское издание Грабаря о Репине. Издано внушительно и этот том является лишь началом нескольких дальнейших. Кажется, и Ты состоишь в Парижском Репинском Комитете. Я пожертвовал туда хороший Репинский рисунок, который, надеюсь, должен дать некоторую сумму для нужд Комитета. Таким образом, одновременно, в разных концах мира произносится с почитанием имя Ильи Ефимовича.

Пакетом посылаю тебе несколько брошюр, которые Тебя заинтересуют. Мне сообщали, что Голлербах сейчас очень выдвинулся, как критик. Знаем как Ты занят, но всё же Ты можешь себе представить, как мы, вечером собравшись, читаем Твоё письмо и радуемся этому общению через горы и океаны.

У нас начинают цвести абрикосы, и снег постепенно съедается к вершинам. Передай Анне Карловне от Елены Ивановны и всех нас лучший привет.

Святослав недавно написал отличный портрет Елены Ивановны, а сейчас кончает мой, который пойдёт в Прагу. Не правда ли, какой славный человек Булгаков? Мы недавно читали его значительные книги. Если видишь моих друзей, передай им привет.

Духом с Тобю

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

«У нас начинают цвести абрикосы, и снег постепенно съезживается к вершинам...»

Н.К. Рерих. Гуга Чохан. 1931.

4 марта 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Е.И. Рерих к К. Кемпбелл

4 марта 1938 г.

Моя любимая Катрин,

Вы не представляете, какое потрясение вызвала у всех нас Ваша телеграмма о болезни и диагнозе врачей. Конечно, сердце немедленно обратилось к Великому Учителю за помощью и советом. Как Вы уже знаете, было Указано провести совместную консультацию у терапевтов и невропатологов, поскольку часто нервные болезни дают самые неожиданные и необычные симптомы, которые легко вводят в заблуждение. Если даже врачи будут настаивать на необходимости операции, не беспокойтесь, она пройдет успешно. Возможно, что они посоветуют немного отдохнуть перед операцией – тогда было бы неплохо поехать туда, где в случае необходимости можно будет обратиться в хорошие больницы, но, конечно, врачи должны это предусмотреть. Присутствие Эми также было бы очень полезным. Ее любящая аура поможет создать спокойную атмосферу – это тоже Совет. Моя дорогая Катрин, мы должны всегда помнить о Великой Заботе о нас, и поэтому не стоит так беспокоиться. На смену сегодняшней печали завтрашний день принесет победу и радость. Мы все просим Вас на время отложить все заботы о незаконченных делах и думать только об отдыхе. Решение всех дел в Америке придет необычными путями. Если благодаря отсутствию единения между сотрудниками в Америке враги временно торжествуют, существуют иные, недостижимые для них пути. По-

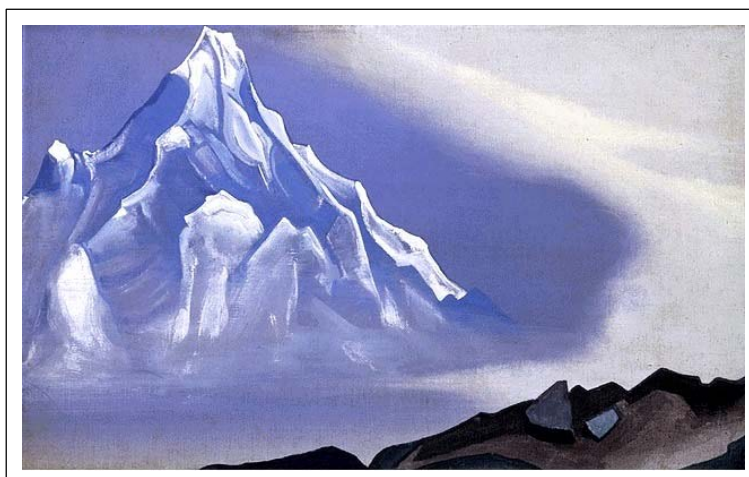
этому не будем смущаться никакими угрозами или оскорблениями. Могут возникнуть такие обстоятельства, которые заставят многих изменить свое направление мысли.

Только что получили новости, что в России восстанавливается Великий Монастырь, основанный Святым Сергием. Людей призывают вспомнить о том, как Святой Сергий, Великий Защитник России, спас страну во время войны с монголами и поляками. Все это вехи. Поэтому радость живет в наших сердцах. Все придет ко времени.

Святослав очень беспокоится о своём друге. Он работает с утра до позднего вечера, готовясь к выставке своих картин. Обстоятельства укажут, где лучше провести ее – в Париже или Нью-Йорке. Так, моя дорогая Катрин, будем радостно смотреть в будущее. Грядущие годы полны перемен. Я счастлива, что могу сказать Вам: ничего опасного Вам не грозит. Как Инге? Представляю, каким ударом стало это для ее нервной системы. Но и это пройдет.

Моя любимая Катрин, прижимаю Вас к сердцу и окружаю всей моей нежностью и любовью.

Письма Е.И. Рерих. Том VI. (Перевод с английского яз.)

Н.К. Рерих. Серебряное царство. 1938.

5 марта 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

5.III.38 /Наггар, Кулу

Дорогие друзья!

К Памятному Дню 24-го марта шлём Вам наш сердечный привет. Обернёмся на прошедший год и вспомним, сколько творческого продвижения за этот срок произошло. За год удачно состоялся Конгресс, на котором еще раз были подчеркнуты Единение, Добротворчество и Дружелюбие. Появились новые издания, произошли художественные выступления. В объединенных беседах Вы встречались, обсуждали полезные предметы и еще более укрепляли культурное сотрудничество. Конечно, в течение этого года ощущались и немалые трудности. Каждый в своей области чувствовал напряжение, но иначе и быть не могло. Не только земные условия были трудны, но и космические знаки были в прошлом году нагнетены. Повсюду замечалось многое

необычное, а северное сияние было наблюдаемо даже на юге Европы, даже в Португалии и в Греции. И в человеческих отношениях замечались как сияния, так и затемнения. В такие напряженные дни особенно необходимо культурное сотрудничество наших Обществ. Очаги добротворчества должны пылать добрым огнем. Если вьюга и вихрь бушуют вокруг жилья, то тем теснее и дружнее сойдутся путники к огню Благому. В бурю караваны бывают особенно дружны. Перед лицом опасности забываются и те маленькие трения и недоумения, которыми пути превращаются в тернистые тропинки.

На опасных утесах никто не будет думать о малых житейских недоразумениях. Даже животные в караванах идут в полной осмотрительности, когда тропа опасна. Во времена трудностей люди дружелюбнее относятся друг к другу, нежели во время сонного благополучия. Содружества наши и собирались не для того, чтобы подремать в тихом безмыслии. Каждое истинное содружество познается именно в дни трудные, в часы тревоги и исканий. Именно в такие часы драгоценно почувствовать присутствие друга, единомышленника, который готов протянуть руку помощи. Крепко и прочно взаимное рукопожатие. Пусть в разных странах, телесно разъединенные морями и материками, но крепко объединенные в духе, друзья сойдутся 24-го марта в сердечной беседе и почувют всю теплоту души, осветятся лучшими огнями и выскажут благодарность Тому, Кто объединил их на светлый труд и славные достижения. Пошлем наши лучшие дружные мысли Тому, Кто незримо присутствует среди нас и знает тайники сердец наших. Побудем вместе в помыслах добрых и будем знать, что если даже у кого-либо сегодня огорчение, то завтра будет радость. Воззовём всею силою духа, чтобы пришла она, эта светлая радость на пути добротворчества и труда.

Сердечный привет Вам от Гималаев,

Елена Рерих, Николай Рерих.

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

Н.К. Рерих

CREDO

Пишут, что не знают моё credo. Какая чепуха! Давным-давно я выражал моё понимание жизни. Ну что ж, повторим ещё раз:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придёт это чувство, но после оно очистит всё человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, куда оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...»

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище миро-

вого значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все «священные врата». Под знаком красоты мы идём радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесём эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее».

Писалось это двадцать лет назад, а говорилось и гораздо раньше, самые, кто говорит, что они не знают, отлично слышали от меня самого. Знать-то они знают, но для каких целей им нужно набросить тень, внести неопределенность. «Клеветайте, клеветайте, всегда что-нибудь останется». А мы всё же будем звать к прекрасному, и ценность творчества будет нашей основой.

1938 г.

*(Лист дневника № 65. Из архива Ю.Н. Рериха)
Н.К. Рерих, «Зажигайте сердца». М. 1975 г.*

Н.К. Рерих. Дозорный Гималаев. (Ледяной сфинкс). 1938.

12 марта 1938 г. Наггар, Кулу

Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к Лукину Г.Ф.

12 марта 1938 г.

Родной наш Гаральд Феликсович, пишем Вам вместе, ибо мыслим одинаково. Читали Ваше письмо к Святославу, а затем получили письмо от 2 марта. Всё Вами сообщаемое напоминает старую историю о том, что профессиональная [травля] на почве зависти является одним из самых отвратительных преступлений человечества.

Если, якобы, просвещённый человек может дойти до такого состояния, чтобы угрожать даже счастью детей, тут уже всякий культурный язык замол-

кает. Остаётся только избрать наилучшую тактику, чтобы через все препятствия достичь конечную победу. Конечно, нельзя действовать разумными доводами и уговорами там, где зависть к материальному успеху и злоба против прогресса. Можно себе представить всю зависть некоторых врачей, у которых за месяц не наберется и десятков пациентов, когда они видят ежедневную длинную вереницу ожидающих очереди к Вам! Вся печенка должна перевернуться!

Конечно, следует накапливать всевозможные добрые отзывы. Но не нужно обращение к главе ставить как последнюю ставку. Не лучше ли письменно запросить департамент, какие именно их требования? Пусть они точно их формулируют письменно, ведь этим Вы покажете, что Вы не прочь *[выслушать]* и их доводы. Если существуют гомеопатические аптеки, то представляется, что гомеопатия, как таковая, допущена. Если же они собираются закрыть всю гомеопатию (вопреки существующему положению во всех прочих странах), то пусть они и на это ответят. Трудно предположить, чтобы они решились изложить это письменно, ибо тем самым поставят себя глупцами перед всем миром. Но если бы они решились на общий запрет гомеопатии, тогда нужно обдумать, какие позиции занять. У нас в бывшей России неоднократно в общественных делах тоже получались подобные сложности. Временно ретроградная оппозиция как бы торжествовала и ожидала, что наше терпение истощится и мы уйдём. Но не тут-то было. Этого желания ретроградов мы не выполняли – оставались на месте и как бы принимали все их требования. Такое положение продолжалось месяцами, но в то же время накапливались новые обстоятельства и новые силы для дальнейшей фазы борьбы. Именно таким путём борьба и доводилась до конца, принося победу. Занятие новых позиций не есть поражение. Перечтите статью «Тактика Адверза» в книге «Нерушимое». Если они настаивают на аллопатии, то ведь и в Учении Жизни сказано, что и этот метод тоже должен быть применяем наравне с гомеопатией. Кроме того, ведь аллопатия аллопатии рознь. От врача зависит доза лекарства и способы применения. Казалось бы, что никто не может возражать, если и аллопатическое средство может быть даваемо небольшими повторными дозами.

Каждый врач имеет свои методы и приёмы. Недаром некоторые общеизвестные медицинские авторитеты употребляли лишь весьма ограниченное число лекарств, и, тем не менее, оставили крупнейшие имена в истории медицины. Может быть, такую тактику удастся выявить ещё ярче мерзкую сторону всего этого дела – именно зависть. И такое яркое выявление ее послужит для конечной победы. Тактика адверза и заключается в доведении глупцов и невежд до абсурда. Очень хорошо, что при бывших разговорах Вы себя держали крайне сдержанно, ибо перед быком нельзя махать красным платком. Прежде всего, нужно до конца узнать всё, на чём строят гонители свои обвинения. Ведь эти поползновения с подставными пациентами рано или поздно тоже дойдут до абсурда.

Пусть завистники видят, что и их средствами Вы можете лечить, ибо, в конце концов, истинный врач, в огромном большинстве случаев, лечит не силою патентованных средств, а великою силою духа своего, которую люди чувствуют и воспринимают. Конечно, служители тьмы особенно приходят в ярость, чуя присутствие такой силы. Из всей истории человечества можно называть бесчисленные тому примеры.

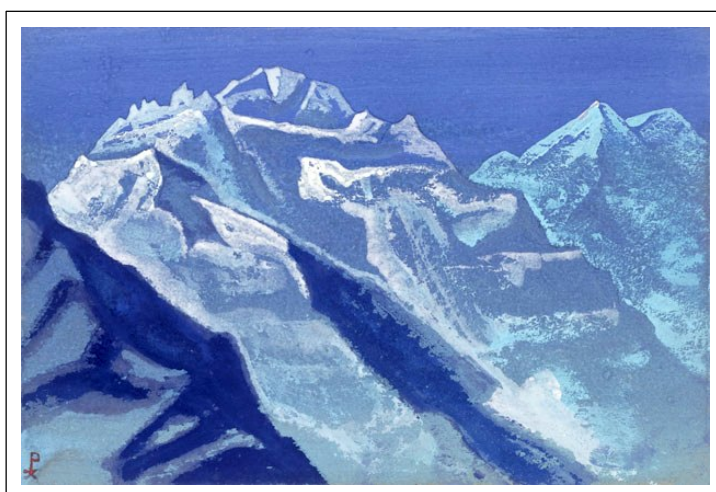
Очень хорошо, что все друзья и сочлены собираются для совместного благожелательного обсуждения создавшегося положения. Ведь из них никто сора на улицу не вынесет. Итак, «будьте кротки, как голуби, и мудры, как змеи», чтобы довести борьбу до победного конца, принимая во внимание все местные условия и настроения. Также действуйте и во всех делах Общества. Осмотрительность всегда и особенно теперь необходима. Пишем на Рихарда Яковлевича, может быть, и Вам это удобнее сейчас.

Шлём Вам, дорогой наш Гаральд Феликсович, мужество, терпение и мудрость.

Сердцем с Вами,

Е.Р. и Н.Р.

Е. И. Рерих. Письма в 9 томах. МЦР.

Н.К. Рерих. Гималаи (Небесные ступени). 1938.

21 марта 1938 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к Северянину И.

21 мар. 19[38] г.

Дорогой Игорь Васильевич.

И радостно, и грустно было мне получить Ваше письмо от 28 февраля. Радость была в том, что Ваше творчество было мне близким и Ваше имя звучало во всех странах, в которых я был за эти годы. Радость была и в том, что Вы прислали и книгу стихов, и манускрипт Ваш - всё это и звучно, и глубоко по мысли, и прекрасно по форме.

А грусть была в том, что Вы пишете и о Вашем, и вообще о современном положении писателей, - я бы сказал, вообще о положении культуры. Дело [об]стоит именно так, как Вы и описываете. Книга стала не нужна. В домах подчас вообще не находится книжной полки, а ведь было время, когда книга была другом дома. Сейчас происходит такой Армагеддон, который захлестывает всю жизнь, во всех её проявлениях. Люди более думают об удушении, нежели о животворении.

Вот Вы пишете об издании Вашей рукописи в «Алатасе». Но это издательство за последние годы совсем захирело. Гребенщиков с великими трудами на своём ручном станке иногда отпечатывает свои книги и радуется, когда во

время его лекций удаётся продать несколько экземпляров. Вот каково положение. Конечно, не только о гонораре, но и вообще об издании в «Алатасе» нечего и думать.

Русские книжные магазины закрываются один за другим. Ещё недавно нам писали из Праги, что последний русский книжный магазин закрывается.

Всё это очень невесело, но приходится брать вещи так, как они на самом деле. Думается, что Вам удобнее и дешевле издать рукопись в Таллине или в Нарве, где есть русские типографии. Для такого издания посылаю Вам пять фунтов стерлингов поч[то]вым переводом.

Вообще делается величайшим секретом, как могут существовать писатели и художники. Когда как-то спросили А. М. Ремизова, как он преодолевает трудности, он ответил: «И сам не знаю как». Ещё остаётся какая-то возможность лекций, которые собирают людей и проталкивают мысли об истинных ценностях. Но огрубение повсюду весьма велико. Всякое стремление и достижение вызывает лишь поношение.

Ещё недавно мы имели на наших глазах ужасающие к тому примеры. История культуры должна заполнить несколько весьма мрачных страниц. Казалось бы, такое положение вещей должно сблизать собратьев по всем областям искусства, а на деле и это не замечается.

Не знаю, прислали ли Вы рукопись как список для меня, или же это есть оригинал для печатания, - потому на всякий случай возвращаю рукопись, если она потребуется для местного печатания.

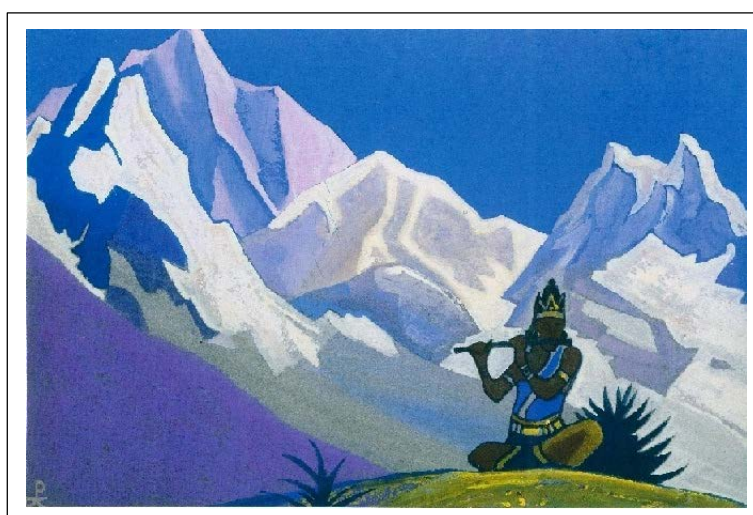
Дай бог, чтобы ближайшие дни не ознаменовались ещё какими-то всемирными ужасами.

Хорошо, что Вы встречаетесь с А. Раннитом, — он мне очень нравится. Знаете ли Вы и латвийского славного поэта Рихарда Рудзитиса?

Всегда буду рад слышать от Вас и о Вас и на этом шлю мой сердечный привет.

Н. Рерих.

Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

Н.К. Рерих. Кришна. 1938.

24 марта 1938 г.
Н.К. Перух

ТВОРЧЕСТВО

Лизипп прежде, чем сделаться ваятелем, был подмастерьем кузнеца. Печаль мыслящей души и горести голодного тела не иссушили сердца великого художника. Нет той засухи, которая может уничтожить зерно творчества, готовое процвести. В самых тяжких трудах народная песня звучит призывом к обновлённому творчеству. Заложено оно в качестве каждого труда. Искусство, знание, труд — сыны того же творчества — ведущего, возводящего.

Задачи искусства с древнейших времён характеризованы самыми различными словами. Как бы ни были разнообразны эти определения, но сущность их всюду сквозит одна и та же. От искусства, прежде всего, требуется убедительность. Говорят, что для убедительности нужно увидеть красиво. Так оно и есть. Увидеть красиво — это значит, и понять наилучшую композицию. Что же такое есть эта композиция? Много говорилось об условном, умышленном сочинении. Говорилось о тенденции, о претенциозной сюжетности, вообще много раз люди хотели выразить своё справедливое негодование против чего-то, что, по их мнению, отягощало и обескрыливало высокое понятие творчества.

Действительно, бывает условное сочинение. Такая композиция всегда будет, в конце концов, утомлять и надоедать. Это будет искусственная композиция. Но существует и другая композиция, естественная и словами неречённая. Художник может увидеть так чётко и строительно, что из его песни, как говорится, слова не выкинешь. Именно так, как бывает в природе, когда самые разнообразные элементы сочетаются в полном согласии. Когда рассматриваешь группу кристаллов, то всегда можно удивляться, как даже при неожиданности форм они образуют стройное убедительное целое. Так бывает и во всём художественном творчестве. Произведения бывают так естественно кристаллизованы, что даже рассуждения о композиции вообще отпадают. В таком кристалле творчества выразится и та убедительность, которая может быть очувствована, но слова будут бессильны её выразить и дать о ней какой-либо рецепт.

Картину, естественно построенную, вы не урежете и не прибавите. Вы не передвинете её части не оттого, чтобы не нарушить «симметрию», но чтобы не лишить её жизненного равновесия. Вам захочется жить с такой картиной, ибо в ней вы будете находить постоянный источник радости. Каждый предмет, источающий радость, уже представляет истинную драгоценность. Вам безразлично, к какой школе или к какому течению будет относиться этот предмет искусства — он будет убедительным проводником Прекрасного и даст вам часы, в которые вы полюбите жизнь. Вы будете признательны тому, кто помог вам улыбнуться жизни, и будете беречь этот иероглиф Красоты. И вы станете добрее не сухим приказом морали, но творческим излучением сердца. В вас пробудится Творец, сокрытый в недрах сознания.

Наука в её лучших открытиях оказывается уже искусством. Такие поразительные научные синтезы навсегда запечатлеваются в человеческом мозгу как нечто покоряюще убедительное. Тогда наука уже не является условной синхронизацией фактов, но победительно устремляется в область новых познаний и ведёт за собою человечество.

Творчество, будет ли оно в знании или в искусстве, словом, во всех областях, руководимых музами классического мира, оно будет увлекательно, то есть убедительно. Наука уже входит в такие необъятные области, как мысль. При этом обнаруживается, что мысль действует по каким-то законам, ещё не произнесённым человеческими словами, но уже ощущаемым в ряде производимых сейчас опытов. Ум мыслителя будет творческим.

От искусства постоянно требовали, чтобы оно было творческим. Это требование более чем справедливо. В конце концов, искусство и не может быть не творческим. Будет ли это сложнейшая картина, будет ли это пейзаж, будет ли это портрет, но, раз это произведение выйдет из-под руки подлинного художника, оно будет творческим. В сложности современных понятий, может быть, и само понимание творчества раздробилось. Иногда люди начинают полагать, что творчество должно выражаться в формах, не имеющих ничего общего с реальностью. Все ещё помнят шутку, подстроенную на одной французской выставке, где картина оказалась написанною хвостом осла. В поисках творчества люди иногда начинают вместо освобождения (ибо творчество должно быть свободно) искать каких-то новых ограничений и условных рецептов. При этом забывается самое основное условие творчества — творчество, прежде всего, не терпит ничего условно навязанного и самоограничительного.

Для примера вспомним хотя бы Гогена. Можно ли его картины назвать условными и нарочитыми? Именно в свободе творчества Гоген перешагнул за все рамки сюжета или каких-либо ограничительных технических правил. Гоген всегда остаётся творческим художником, иначе говоря, всегда остаётся убедительным подлинным мастером. Сила убедительности Гогена не в каких-либо рецептах и рассудочно придуманных правилах. Он творил так же, как поёт птица, которая не может не петь, ибо её песнь есть выражение её сущности. Убедительность Гогена живёт в том, что он был способен увидеть каждую свою картину как часть творческой природы.

Таинственное видение картины именно так, как нужно, именно так, как убедительно, будет всегда далеко за приёмами технических правил. Творцы всех времён и народов создавали произведения, не только интуитивно увидев их в лучшем выражении, но они распространяли своё творчество и на самый материал, из которого они работали. Ваятель, уже увидев глыбу мрамора, творил из неё в лучших пределах. Художник-резчик пользовался каждым качеством куска дерева, чтобы слить его с образами, явившимися творческому глазу. Живописец интуитивно выбирал красочный материал для каждого своего выражения. Художник не мог бы потом объяснить, почему именно ему требовалась масляная живопись, или темперная, или акварельная, или пастель. Так было нужно. Почему оратор повышает и понижает свои интонации? Почему музыкант находит те несказуемые чарующие гармонии, которых он и сам не может уже повторить?

Сейчас много говорят об интуиции. Пишутся труды об интуитивной философии. Ищутся решения проблем не только в вычислениях, но и в интуитивном синтезе. Один художник говорил: «Сделайте так, чтобы поверили». Другой, рассуждая о некотором реалисте, говорил — неужели он должен изобразить даже и всю придорожную грязь, потому что она в реальности существует? Но в то же время не будем говорить и против реализма. Ведь реализм есть стремление к действительности. А действительность даёт и ту убедительность, которую нужно увидеть красиво.

За последнее время также много говорилось о синтезе искусства. В изобразительных искусствах синтез есть не что иное, как конденсация всех добрых возможностей. Однажды Брюллов в шутку говорил, что искусство чрезвычайно легко: «стоит взять нужную краску и положить её в нужное место». Мастер и большой техник, в сущности, сказал правду. Именно, нужно положить краску и сделать так, как нужно. А нечто подскажет, что есть это «нужно». Мастер знает, что иначе и нельзя было бы сделать, а когда вы спросите его, по каким таким законам и правилам он сделал именно так, а не иначе, то никакой художник не объяснит вам, в силу каких законов он поступил так.

Сопоставляя произведения разных времён и народов, мы видим, что нередко самые, казалось бы, разнородные произведения отлично уживаются в общем сочетании. Можно легко себе представить, как некоторые примитивы, и персидские миниатюры, и африканское искусство, и китайцы, и японцы, и Гоген, и Ван Гог могут оказаться в одном собрании и даже на одной стене. Не материал, не техника, но нечто другое позволит этим совершенно различным произведениям ужиться мирно вместе. Все они будут истинно творческими произведениями. При этом все роды искусства — и скульптура, и живопись, и мозаика, и керамика, словом, решительно всё, в чём выразился творческий порыв мастера, будут друзьями, а не взаимоисключающими врагами.

Каждый из нас нередко слышал взаимоисключающие суждения. Кто-то говорил, что он понимает лишь старинную школу. Кто-то запальчиво возражал, что всё должно быть в движении, и потому он радуется лишь модернистам, хотя бы и в резких их проявлениях. Кто-то почитал лишь масляную живопись, а другие преклонялись перед лёгкою акварелью. Кто-то уверял, что он любит лишь «законченные картины», а другие говорили, что для них дороже всего эскизы как первые одухотворенные порывы творца. Кто-то хотел восхищаться лишь монументальными творениями, но другие любовно улыбаются миниатюрам. Одни ограничивали себя грандиозом, а другие находили отдых души и в малых художественных библиотечках. Означают ли всякие такие ограничения и ограниченность души любителя, или же, может быть, эти любители просто засорили свои возможности?

Очень часто и любовование, и собирание зависят от какого-то случайного первого толчка. Когда-то человек, может быть, услышал о том, что картина писана масляными красками, и это выражение запало в его мозг. Ребенок в семье услышал поразившее его слово об акварели, может быть, ему дали ящик с акварельными красками, и из случайного начала потом сложилось внимание именно к этому материалу. Во всех проявлениях жизни, а в особенности в художественных импульсах, часто приходится встречаться с начальной случайностью. Конечно, эти «случайности» часто оказываются далеко не случайными. Человек зазвучал именно на то, а не на другое, и в этом, может быть, выразились его спящие накопления. Пришла весна, и естественно распустились почки, долго спавшие в зимних холодах. Началось новое творчество!

Какое прекрасное слово — «творчество»! На разных языках оно звучит зовуще и убедительно. Оно в самом себе уже говорит о чем-то скрыто возможном, о чём-то победительном и убедительном. Настолько прекрасно и мощно слово «творчество», что при нём забываются всякие условные преграды. Люди радуются этому слову как символу продвижения. Веление творчества покрывает собою все рассудочные шептания о правилах, о материалах, обо всём том, о чём часто рычит пресекающее слово «нельзя». Творчеству всё можно.

Оно ведёт за собою человечество. Творчество есть знамя молодости. Творчество есть прогресс. Творчество есть овладение новыми возможностями. Творчество есть мирная победа над косностью и аморфностью. В творчестве уже заложено движение. Творчество есть выражение основных законов вселенной. Иначе говоря, в творчестве выражена красота.

Сказано — красота спасёт мир. Этой формуле улыбались и сочувственно, и осудительно, но опровергнуть её никто не мог. Есть такие аксиомы, о которых можно удивляться, но не опровергнуть их нельзя. Человечество мечтает о свободе, оно пишет этот великий иероглиф на фронтонах зданий. В то же время человечество пытается всеми мерами ограничить и снизить это понятие. Великая свобода мысли явлена в истинном творчестве. Истинным же будет то, что прекрасно и убедительно. В тайниках сердца, за которые ответственен сам человек, заложено верное суждение о том, что есть истинная убедительность, что есть творчество, что есть Красота.

«Не картина, но правда», — говорил Веласкес.

Вспомним и два прекрасных отрывка из Анатоля Франса:

«Всё, что имеет цену лишь вследствие новизны и некоторого исключительного художественного вкуса, старится быстро. Художественная мода проходит, как и все другие моды. Существуют вычурные фразы, которые хотят быть новыми, как платья, выходящие от известных портных; они держатся только один сезон. В Риме во времена упадка искусств статуи императриц были причесаны по последней моде. Эти прически вскоре становились смешными; надо было менять их, и на статуи надевали мраморные парики. Нужно, чтобы стиль, причесанный, как эти статуи, был перечесываем каждый год. И поэтому-то в наше время, когда мы живём так скоро, литературные школы существуют только немногие годы, а подчас только несколько месяцев. Я знаю молодых людей, стиль которых уже опережён двумя или тремя поколениями и кажется архаическим. Это, наверное, действие удивительного прогресса индустрии и машин, уносящего удивлённые общества. Во время Гонкуров и железных дорог можно было еще довольно часто оставаться на некоторой форме художественного письма. Но со временем телефона литература, зависящая от нравов, возобновляет свои формы со скоростью, лишаящей предприимчивости. Мы скажем с Людовиком Галеви, что единственные простые формы могут спокойно пройти не через века, что было бы слишком много, но через годы.

Единственное затруднение - это найти простой стиль, и должно сознаться, что это затруднение велико.

Природа в том виде, по меньшей мере, в каком мы можем познавать её, и в средах, приспособленных к жизни, не предоставляет нам ничего простого, и искусство не может претендовать на большую простоту, чем природа. Между тем мы прекрасно понимаем друг друга, когда говорим, что такой-то стиль прост, а такой-то - нет.

И я скажу, что если нет простых стилей, то есть стили, которые кажутся простыми, и именно с этими последними связаны молодость и долговечность. Остаётся только изыскать, откуда у них эта счастливая внешность. И подумаешь, конечно, что они обязаны ей не тем, что они менее других богаты разными элементами, но тем, что образуют целое, где все части так хорошо скреплены, что их не различишь. Хороший стиль, наконец, подобен этому лучу света, входящему в моё окно теперь, когда я пишу, и обязанному своей чистой ярко-

стью внутренней связи семи цветов, из которых он составлен. Простой стиль подобен белой прозрачности. Это, конечно, только образ, и известно, как мало стоят образы, если они собраны не поэтом. Но я хотел дать понять, что в языке прекрасная и желанная простота - только внешность и что она слагается единственно из хорошего порядка и главенствующей внутренней экономии речи».

«Если вы хотите вкусить истинного искусства и испытать перед картиной глубокое впечатление, взгляните на фрески Гирландайо, в Santa Maria Novella во Флоренции, "Рождество Богородицы". Старинный мастер показывает нам комнату роженицы. Анна, приподнятая на постели, не молода и не красива, но видно сразу, что она хорошая хозяйка. У изголовья её постели расположена банка с вареньем и два граната. Служанка, стоящая у ложницы, подносит ей сосуд на блюде. Ребёнка только что мыли, и медный таз ещё стоит посреди комнаты. Теперь маленькая Мария пьёт молоко прекрасной кормилицы, молодой матери, милостиво предложившей грудь ребёнку своей подруги, чтобы это дитя и её собственное, почерпнув жизнь у одного источника, сохранили бы в ней одинаковые наклонности и, вследствие общей крови, любили бы друг друга братски. Около неё молодая женщина, похожая на неё, или скорее молодая девушка, быть может, её сестра, богато одетая, с открытым лбом и с косами на висках, как у Эмилии Пии, протягивает руки к младенцу очаровательным движением, выдающим пробуждение материнского инстинкта. Две благородных посетительницы, одетых по флорентийской моде, входят в комнату. Их сопровождает служанка, несущая на голове дыни и виноград, и эта фигура пышной красоты, одетая по-античному, опоясанная развевающимся шарфом, является в этой домашней и набожной сцене какой-то неведомой языческой грёзой. И вот, в этой теплой комнате, на этих нежных женских лицах я вижу всю прекрасную флорентийскую жизнь и расцвет раннего возрождения. Сын ювелира, мастер первых часов, явил в своей живописи, прозрачной, как заря летнего дня, всю тайну этого куртуазного века, когда существовало счастье жить, и очарование жизнью было столь велико, что сами современники восклицали: "Милостивые боги! Блаженный век!"

Художник должен любить жизнь и показать нам, что она прекрасна. Без него мы сомневались бы в этом».

Леонардо заповедал:

«Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Всё, что есть, родилось от природы, и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись — внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу».

«Живописец должен быть всеобъемлющ. О, художник, твоё разнообразие да будет столь же бесконечно, как явления природы! Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твоё произведение как бы новым явлением природы».

В истории перечисляются разнообразные, удивительные труды Леонардо да Винчи во всех областях жизни. Он оставил поразительные математические записи, исследовал природу воздухоплавания, погружался в медицинские соображения. Он изобретал музыкальные инструменты, изучал химию красок, любил чудеса естественной истории. Он украшал города великолепными зда-

ниями, дворцами, школами, книгохранилищами; строил обширные казармы для войск; вырыл гавань, лучшую на всём западном берегу Адриатического моря, и строил великие каналы; закладывал могущественные крепости; сооружал боевые машины; рисовал военные картины... Велико разнообразие!

Но после всего замечательного Леонардо в представлении мира остался художником, великим художником. Это ли не победа творчества?!

24 Марта 1938 г. /Гималаи

Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1978.

Леонардо да Винчи. Сидящий человек. Этюд движения воды. 1510.

Леонардо да Винчи. Битва при Ангиаре. Фреска. 1503-1506.

АПРЕЛЬ

8 апреля 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к З.Г. Лихтман, Ф. Грант, К. Кэмпбелл и М. Лихтману

8.IV.38

Родные наши З[ина], Ф[рансис], А[мрида] и М[орис],

Пишем Вам вместе, в такие решительные дни хочется всячески подчеркнуть, чтобы все были вместе. Письма З[ины] от 17-го по 21-ое марта и от М[ориса] справедливо говорят о чрезвычайно напряжённых обстоятельствах. Конечно, Вы не будете принимать никаких решений, не обсудив всё с Комитетом Защиты. Ведь этот Комитет и образовался не на случай благополучия, но именно для помощи в самых трудных моментах. Без этого Комитета и нельзя было бы принимать каких-либо решений. Иначе члены этого Комитета правильно могли бы сетовать и упрекать, что их мнение не было принято во внимание. Ведь некоторые члены этого Комитета обещали и денежно помогать общему делу, а другие, как Меррит, Косгрев обещали в трудную минуту прийти на помощь посредством достойной прессы. В этом заседании Комитета непременно должны быть созваны все его члены, все желающие принять участие в общественном мнении при виде происходящих жестоких вандализмов. Итак, совершенно необходимо:

1. Созвать Комитет Защиты, обсудить совместно и рекордировать все решения.

2. Также совершенно необходимо созвание Комитета Музея. Этот Комитет имеет выразить постановление о своем полном признании декларации 1929-го года. Также он подчеркнет, что Корпорация для картин была создана исключительно с целью сбережения их. Этот Комитет в определённом постановлении выразится, что, являясь голосом общественного мнения, он будет протестовать в случае если бы Музею угрожал вандализм. Конечно, не следует называть вандализмом закрытие Музея на некоторые дни недели или даже на какой-либо летний месяц. Вандализм есть нарушение и разрушение всего Музея.

3. Школа предполагается на кооперативных началах. При этом не нужно название с нашим именем. Кроме этой Школы возможны частные курсы всех участников ее в других каких-либо учреждениях или организациях. Так, напр[имер], З[ина] могла бы иметь курс свой в Биософском институте или в каких-либо других посторонних учреждениях. Если же Школа невозможна на кооперативных основаниях, то в таком случае каждому придётся озаботиться частными уроками на дому. В случае кооперативной организации преподаватели должны быть полноправными её членами с полным голосом на школьных собраниях.

4. Ввиду того, что в Press'e находятся большие количества книг, открыток и воспроизведений, то следует озаботиться распространить их хотя бы по уменьшенной цене.

Так, напр[имер], Мор[ис], когда поедет в Санта-Фе, может взять с собою для продажи в Арсуне некоторое количество книг и воспроизведений. Комитет Защиты тоже должен знать, какой книжный актив находится в Press'e. Просим прислать нам шесть копий "Основ буддизма", десять — "Messenger" и десять —

маленькой монографии и “Сердца Азии”. При этом имейте в виду, что “Messenger” вполне нами оплачен, также “Основы буддизма” и “Сердце Азии” имели наш взнос. Также как и открытки, напечатанные в Париже, были оплачены нами. Сумму, истраченную на пересылку указанных книг, возместим.

5. Следует иметь в виду, что Стокс на Балтийском Конгрессе выразился как действующий Председатель Р[ериховского] Общества в Нью-Йорке. Таким образом это заявление установило существование этого Общества. Если даже оно не инкорпорировано, то ведь многие худож[ники] и науч[ные] общества живут и без инкорпорации. Во всяком случае очень хорошо, что заявление Председателя Общ[ества] закрепило факт его существования.

6. По-видимому, в 1940-м году предполагается новая реорганизация здания. Не следует ли когда-то, до истечения этого срока, как-то ещё раз зафиксировать различные наши законные претензии? Так, напр., следуемые нам 240 т[ысяч] долл[аров], которые лежат и на том Мастер-Институте Соединённых Искусств, который сейчас захвачен Хоршем. Вы помните, что экспедиция была не только от Музея, но и от Мастер-Института и Корона Мунди. Вообще тот адвокат, который участвовал в первой реорганизации, может дать совет, как не упустить следующие сроки.

7. Во всяком случае, необходимо, чтобы дело (какие бы ни произошли решения суда) продолжалось, хотя бы в тлеющем состоянии, чтобы осталась возможность его возобновления. Кроме этой возможности протягивание дела важно и в смысле общественном, ибо каждая искра дела уже лишает апостатов сознания полной победы. Последнее обстоятельство крайне важно, ибо апостаты продолжают сеять всевозможную клевету. Когда нечто будет продолжать висеть над ними, то и для всех Вас это будет весьма выгодно.

8. Хотя мы понимаем стесненное денежное положение Пл[аута], но всё же удивляемся, что он в первую голову ставит свой гонорар, а не удачное завершение дела. Казалось бы, самолюбие адвоката должно бы заставлять его проявлять крайнюю ярость и находчивость, иначе получается, что обвиняемые оказываются нападающими, а истец – лишь скромным защитником. Напр[имер], миссис Меррик, сама из семьи выдающегося адвоката, пишет нам, что из слов Франсис она вынесла, что наш адвокат хуже плохого. Спрашивается, использовал ли Пл[аут] всякие письма апостатов, находящиеся в его распоряжении? Ведь среди огромного материала писем могут быть весьма показательные, которые могут давать новый аспект делу. Ведь письма были не только посланы отсюда для адвокатов, но, как Зина пишет, ведь и в Нью-Йорке были найдены письма между апостатами, дающие понятия о разных их интимностях. Ведь если апостаты представляют совершенно не относящиеся к делу и даже искажённые выдержки из наших и Ваших писем, то наш адвокат вполне может покрывать эти нападения их же письмами. Вообще получается нечто странное: наш адвокат, по-видимому, скромно умалчивает о нашей общей деятельности, а в то же время адвокаты апостатов всякими клеветническими выпадами стараются представить нас как nobody. Ведь такое извращение действительности уже относится к разряду клеветы. Наш адвокат мог бы рекомендовать такую клевету как подлежащую суду. Хорш может на разных заседаниях суда отговариваться беспамятством, забывчивостью и утерей документов, когда же с нашей стороны представляются его подлинные письма, то ясное их содержание толкуется совершенно произвольно.

Мы были очень рады слышать, что Флор[ентина], как человек житейски опытный, отлично понимает происходящее. Понимают ли действительность также и остальные друзья? Конечно, Вы с её разрешения покажите её письмо и Косгреву, и Мерриту, и Народному – словом, всем, кому надлежит знать его.

9. Видимо, наши адвокаты не вполне поняли, что дела, как и Фл[орентины], и Фосд[ика], и Амр[иды], – решительно все представляют собою одно и то же дело и должны были вестись в чрезвычайном единении, в общем фронте всех адвокатов. Также остаётся совершенно непонятным, каким образом большой адвокат, вызвавшийся помочь и уже обещавший помощь, вдруг спятился, даже не объяснив причины такого более чем странного поступка. Коли причина заключалась лишь в краткости срока, то ведь Пл[аут] говорил, что он легко мог отложить разбор дела на три месяца. Если же существовали какие-то другие причины, то новый адвокат должен был честно сказать их. Мнение такого опытного человека, во всяком случае, послужило бы на пользу. Нельзя ли всё-таки остаться в дружественных отношениях с опытным адвокатом, и не может ли он пригодиться в каких-либо новых фазах дела и вандализма?

10. Наверное, Вы по-прежнему обращаетесь к разным полезным лицам. При этом если бы сами эти лица по занятости, по болезни или по возрасту не имели бы сил энергично вступить, то всегда следует их спросить, не имеют ли они в виду ещё кого-либо, тоже полезного, к которому можно бы апеллировать? Никогда нельзя сказать, что все источники и возможности исчерпаны. Кроме того, нередко можно заметить, что казавшиеся враги оказываются полезными, а в то же время предполагаемые друзья начинают выказывать вреднейшие симптомы.

Нам пришлось убедиться, что некий называвшийся другом полагает труд свой на писание вредных писем. Сам он от этого не только не выигрывает, но явно проигрывает, ибо обращаясь к нашим друзьям, он передаёт свои письма на наши руки, и мы начинаем знать его истинный лик.

11. Совет о единении, данный как единственное условие успеха, остаётся во всей своей силе. Вчера мы получили ещё добрую весть, что второе нападение на докт[ора] Л[укина] окончилось полной его победой. Радостно было видеть, как все сто членов Общества встали за него единодушно. Каждый из них припомнил все возможности, которыми он обладает, и все силы были двинуты в полном единении и без замедления. Произошли очень сильные письма к главе госуд[арства], начались делегации, сборы подписей. Пациенты собирались целыми толпами. Клевета, возводимая на докт[ора] Л[укина], была не только отбита, но он сделался популярнейшим человеком. Враги его дошли до того, что устроили о нём клеветническое радио, и эта выдумка всецело упала на голову самих клеветников, ибо общественное мнение с отвращением осудило их. А ведь в числе врагов, кроме всяких коллег-завистников, были и два министра, и директор мед[ицинского] департ[амента]. Всё дело предоставилось блестящей тактикой адверза. Также важно отметить, что после первой победы все друзья немедленно стали готовиться к новому отражению нападений, и тем легче далась вторая победа. Вот пример блестящего воздействия общественного мнения, единения и взаимного доверия и полного принятия Советов.

Трогательно писал докт[ор] Л[укин]: “Все против меня сейчас, но знаю Рук Водящую и добьюсь правды”. Вот такой на этих же днях совершившийся

пример должен воодушевлять и друзей в Ам[ерике]. И можно видеть, что условие Единения было Дано как нечто наиболее жизненное и действительное. Итак, если мы сейчас опять повторяем тот же завет, то делаем лишь для успеха. Мы разделили письмо на пункты. Сообщите нам происшедшее по каждому пункту в той же нумерации, и тогда легко будет сопоставить. У Вас невралгия, и у нас не легче. Мировое напряжение неслыханно и сказывается, прежде всего, на сердце и всех центрах. Берегите здоровье, храните Единение, оно поможет и здоровью. Все мысли наши с Вами. Письма Ваши приходят открытыми, помните это.

Родные наши, сердцем и духом с Вами. Сохраните мужество в самые трудные дни.

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

25 апреля 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

25 апреля 1938 г

Дорогой Павел Фёдорович,

Спасибо Вам за добрые вести. Очень рад, что Вы будете из нескольких моих книг составлять одну для эстонского издания. Кроме моих книг, Вами названных, не забудьте и другие: «Твердыня Пламенная», «Цветы Мории», «Держава Света», «Нерушимое» и «Сердце Азии». Если у Вас или у Раннита этих книг не имеется, то спишитесь с Рудзитисом в Риге (Stokholmas 35, Mezaparks, Riga), – наверное, они Вам одолжат эти книги, ибо и Вам самому будет приятнее располагать полным материалом. Конечно, кроме полных статей, могут быть и отдельные мысли – цитаты, и таким образом Вам удастся вместить большое количество мыслей. С удовольствием даю Вам разрешение на составление такой книги для эстонского издания. Когда у Вас весь материал подберётся, то, пожалуйста, пришлите мне оглавление на случай, если ещё вспомнится что-либо полезное.

Рад слышать, что собрание общества, как Вы пишете, прошло удачно, и устав может быть уже утверждён. Кроме Вашей группы, у Раннита имеется целая группа выдающихся молодых деятелей искусства всех областей. Такое участие молодых живых элементов нас чрезвычайно радует. Таким образом, перекидывается мост в следующее поколение, а в этом уже заключены прочные устои. Читали мы в «Потоке» Вашу очень интересную статью.

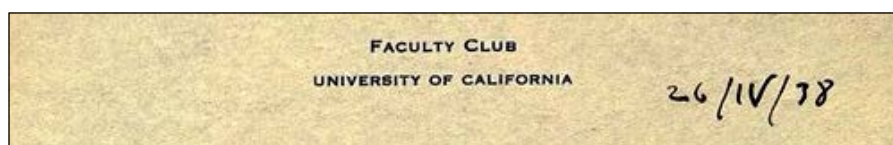
При случае скажите, пожалуйста, Гуцику, что мы весьма одобряем его основные мысли. Между прочим, он поминает тепло Щербова. От души присоединяюсь в этом, ибо все мои первые встречи со Щербовым проходили под добрым знаком. Первая моя встреча с ним относится ещё к временам академическим, когда после моего фельетона «На кургане» Щербов подошёл ко мне в залах Академии и сказал: «А мы вчера хором пропели вашу статью». Помню его карикатуру на мастерскую Куинджи, которую он облёк в образ моей картины «Сходятся старцы». Все карикатуры Щербова являются страницами русской истории последних лет и должны быть изданы отдельным альбомом. Ведь они все появились в одном журнале у Голике и потому собрать их не трудно, а по краскам они вполне поддаются переизданию. Помню, что Шаля-

пин обижался на Щербова, но не будем судить, ибо оба они уже переселились в мир тонкий. Правильно говорит Гущик о необходимости бережности к нашим первейшим лицам. Куприн действительно страдал от небрежения. Помню, как бедствует Ремизов в Париже. За малым исключением, вроде Бунина, многие самые лучшие и тут и там находятся прямо в бедственном состоянии. На расстоянии иногда трудно судить о денежном положении, ибо многие тщательно скрывают его до последней крайности. Но иногда случайно приоткрывается окошко на такие трудности, что сердце болит от невозможности всем прийти на помощь. Сколько трудностей в мире! Держитесь прочно во благо. Шлём Вам искренний привет.

Н.Рерих

Архив П.Ф.Беликова (Машинописная копия)

26 апреля 1938 г. Калифорния
Письмо А. Кауна к Рериху Н.К.

26 / IV / 38

Дорогой Николай Константинович!

Ваше письмо отражает состояние нашей планеты в данный момент: много грустного и тяжёлого, но кое-где просвет. Чувствуется сердечная боль в виду мировой вражды и междуусобия, в виду вульгарного вандализма в храме искусства (между прочим, я давно не получал вестей о положении в музее).

С другой стороны, Вы отмечаете признаки ослабевающей культурной деятельности в Сов. Союзе и других странах. Между прочим, видели ли Вы 1-й том «Избранных сочинений» В. Стасова? Там имеются довольно живые строки о «декадентах». Под этим словом он разумел всех передвижников, по-видимому. Он и Вас причисляет к сему сонму нечестивых.

Спасибо за интерес к моей работе. С грустью должен сказать, что за последние пять лет испытываю какой-то паралич творчества. Меня это глубоко угнетает. Через несколько недель у нас каникулы, до августа. Думаю поработать. Давно собирался написать обзор советской литературы за 20 лет. Не знаю, хватит ли энергии.

С лучшими пожеланиями,

Александр Каун

Спасибо за оттиски и вырезки!

Архив Музея Рерихов, Москва. (Автограф)

МАЙ

2 мая 1938 г. Гималаи

Письмо Н.К. Рериха к Метальникову С.И.

2 мая 1938 г.

Дорогой Сергей Иванович,

С большой радостью читали мы в недавних «Последних Новостях» два фельетона, посвящённые Вашим исследованиям. Особенно приятно нам, русским, что Вы как русский учёный обращаете внимание мира на энергию мысли, на внушение — на все те дары, которые вверены человеку и которыми он так скудно и нелепо пользуется. Живя эти годы среди народа, который больше народа западного понимает значение внутренних энергий, мы особенно чутко прислушиваемся ко всему, что в этом отношении произносится и на западе.

Посылаю Вам мою статью «Парапсихология», написанную первого января этого года. Под этим названием в Америке выходит журнал под редакцией проф. Рейна и Макдуггала. Каждый подходит к изысканию от своей точки зрения. Но общие вопросы от этого только выигрывают, ибо в разнообразии мышления затрагиваются новые круги слушателей.

В моей статье, как Вы увидите, я поминаю, что хотя сейчас будто бы и не средневековье, но передача мыслей на расстояние многими так называемыми интеллигентами считается чуть ли не за колдовство. Увы, я не преувеличиваю, и еще не так давно нам приходилось слышать с запада такое мнение, что «нелепо ждать с голубого неба каких-то энергий». При этом говоривший это в общественном месте забыл, что радиоволны доходят к нам из того же голубого неба, а присутствовавшие не призвали этого невежду к порядку.

Тоже не так давно во время подобного же обмена мыслей на Даль[нем] Вост[оке] один такой умник был спрошен, знает ли он, что такое «армагеддон». Получился самоуверенный ответ: «Конечно знаю, армагеддон есть известное патентованное медицинское средство». Изрекший считался местным интеллигентом. Вот какие зигзаги происходят вовсе не среди далекой инквизиции, а именно сейчас, когда столько говорится о цивилизации и даже культуре.

Много раз мы цитируем Ваши труды. А сами радуемся, что в Вас соединился великий учёный с искренним искателем духовности. В конце концов, в основе всего лежит знание, но носители его принуждены идти очень трудным путем. Дай Вам Бог и Преподобный Сергей сил в ваших светлых трудах. Письмо это как раз дойдет к Вам к Сергиеву Дню. Посылаю Вам снимок с моей картины «Знамя Св. Сергия», которая сейчас находится в Русском Музее в Праге. В конце месяца предполагается открытие моего зала. Очень хороший человек хлопочет в этом Музее — Валентин Федорович Булгаков (секретарь Льва Толстого). Для меня всегда большая радость видеть, когда искусство охраняется и тем создает около новые животворные ростки.

Давно мы не слыхали от Н.О. Лосского. Ожидали мы его новую книгу «Интуитивная философия», на которую подписались, но, по-видимому, она до сих пор ещё не вышла. Для нас большой праздник получать Ваши и Н[иколая] О[нуфриевича] труды. Сейчас вспоминаю: со времени нашей первой встречи и дружбы прошло целых сорок лет, — получается целый юбилей.

Побывали ли Вы в нашем новом помещении в Палэ Ройаль? Мы слышали, что посетители находят новую развеску картин более удачною. Забавная история вышла с моей картиной в Же-де-Пом, которая вдруг исчезла и только недавно опять нашлась. Положительно, вещи имеют свою жизнь, свою карму.

Обрадуйте нас весточкой о вашей жизни и о трудах Ваших. Привет всем друзьям. Одна из моих поэм кончалась словами: «...а врагов и друзей не считай». Поистине, иногда не рассмотришь, особенно на расстоянии.

Всего Вам светлого,

Духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва (машинописая копия)

5 мая 1938 г. Estonie, Toila
Письмо И. Северянина к Рериху Н.К.

Estonie. Toila. /Jgor Severjanin.
Postkontor.

Toila, 5-го мая. 1938 г.

Дорогой мне Николай Константинович!

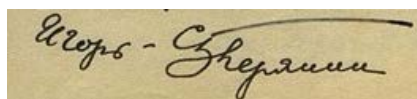
Мне не удалось, к сожалению, ответить Вам сразу: я в постоянных скитаниях по лесам, озёрам и рекам, иногда по две-три недели не бываю дома, от всего мира, такого поглупевшего, и скучаю, отрешённый. Это случается в те счастливые дни, когда я, не признающий вообще института города, уже просто не могу в нём более жить и, прерывая все свои нужды и ожидания неизбежные, от города, увы, зависящие, и городом даваемые, бегу безоглядно в Природу, где сразу же [всё] делалось иным и возрождённым, целиком уходя в ловлю рыбы и созерцания единственной непререкаемой Красоты.

Спасибо Вам сердечное за Ваше бодрящее, чуткое и праведно-мудрое письмо. Спасибо за присланные на издание поэмы, деньги. Не смогу я только, дорогой Николай Константинович, издать её теперь же, как мне хотелось бы: целиком всё пришлось отдать людям, бедным и счастливым, жизнь мою дящим. Теперь они и впрямь помогут мне [за то]. И на душе спокойнее стало. Вы сильно помогли мне, и я трогательно благодарю Вас. А поэму я всё же издам к осени: может быть, те же люди, видя моё отношение к себе, при первой появившейся у меня возможности денежной, помогут мне в издании, оказав кредит. Верю в это, нельзя не верить.

Когда достану некоторые старые мои книги, пришлю Вам с радостью, Вас же благодарю за снимки с Ваших картин – глубоких и пленяющих, и будущих.

Недавно закончил перевод книги Раннита. Работал с увлечением. Он такой трагично-образный и ущемлённый. Вероятно, к осени Вы прочтёте его стихи по-русски: хочет издать к осени. Бальмонт сделает предисловие. Рудзитиса лично не знаю, но книги его чту. Буду в Риге, непременно познакомлюсь с ним.

Шлю Вам привет – голубой и прозрачный, - жму руку и, любя Вас, прошу: - не забывайте и впредь поэта, боготворящего жизнь Земную и верящего в Человека!

Архив Музея Рерихов, Москва

12 мая 1938 г.

А. Яковлев. Автопортрет. 1917.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

Безвременно ушёл Яковлев¹. Когда в Парижском авионе мелькнула поражающая фраза: "Умер художник Яковлев", мы искренне не поверили. Только что перед этим известием мы имели хороший разговор об Александре Евгеньевиче. Кашгарский врач Яловенко, которого судьба забросила в наши горы, услышав нашу похвалу искусству Яковлева, рассказывал о последнем посещении Туркестана художником. Приятно было слышать сердечные воспоминания о высокодаровитом мастере.

Рассказывалось о доброжелательстве Яковлева, о его неустанной работе и о поддержании им высокого духа среди прочих участников Ситроэновской экспедиции. Во время остановок Яковлев нередко украшал стены своими набросками и Щедро давал путевым друзьям свои быстрые портреты и эскизы. Много таких памяток разбросано художником по Азии и всюду его вспоминают сердечно. Все знали Яковлева бодрым и жизнерадостным, и потому известие о смерти его явилось особенно потрясающим. После авиона дошли и газеты, и увы, не осталось сомнения в том, что ушёл ещё один прекрасный художник.

Редет группа "Мира Искусства". Уже нет Дягилева, Головина, Бакста, Браза, Кустодиева, Трубецкого, Чехонина, а теперь уже нет и Яковлева. Творческий путь этого мастера протёк в разных странах. В России его первые картины и незабываемое участие в "Сатириконе". Затем Европа, а потом безбрежная Азия и Африка. Преподавательство в Бостонской Школе, и вот уже конец. Никто не поймёт, почему этот сильный человек должен покинуть землю на пятидесятом году, когда дарование его всё росло, всё обновлялось в постоянных исканиях, и можно было ждать ещё многих прекрасных произведений.

Помню выставку Яковлева в Лондоне в 1920 году - большие выставочные залы были наполнены поразительными картинами из Китая. Какая в них бы-

¹ Александр Евгеньевич Яковлев (род. 13/ июня 1887, Петербург – 12 мая 1938 г. Париж)

ла тонкость и убедительность, и в то же время не было никакого подражания, но повсюду отразилась самобытность. Затем любовались мы выставкой Яковлева в 1934 году в Ситроэновском Музее. Встретились близкие сердцу типы Туркестана и Монголии. Зорким глазом художник ухватывал характер изображаемого и при этом уберёгся от этнографичности и географичности. Это была сказка Яковлева об Азии, так же точно, как ранее он дал волшебную сказку Африки. Перед самую войною он дал в своей обычной сангине мой портрет, и кто знает, где он теперь находится. Мне приходилось говорить о щедром русском даянии всему миру. Поистине, где только не найдёте русского творчества! Когда мы проезжали по Китаю, то в нескольких местах встречались с портретами и этюдами Яковлева и ещё раз радовались, видя, с каким восхищением береглись эти произведения.

Яковлев завоевал твердое положение в русском и в иностранном искусстве. Вспоминаю, как тепло писал о Яковлеве Дедлей Крафтс-Уатсон, лучший критик Америки в издании Дэльфийского Общества. Татьяна Варшер сообщала в своих итальянских фельетонах об учениках Яковлева. Приятно слышать, что бостонцы сохраняют о Яковлеве такую нестираемую память. Участники "Мира Искусства" также сердечно отозвались: Александр Бенуа - в "Последних Новостях" и Добужинский - в "Сегодня". Ценно, когда ближайшие друзья оставят на страницах истории искусства свои утверждения. Особенно же это необходимо при таком художнике, как Яковлев, творчество которого напитало все части света. Правда, существуют прекрасно изданные монографии, посвящённые его творчеству. Каждая такая книга обычно обнимает лишь часть творчества. Но Яковлев был так разнообразен и в темах и в подходах к ним, что невозможно было бы судить его лишь по частичному изданию. Пусть в книгах ситроэновских экспедиций прекрасно отражены некоторые работы Яковлева из Африки и Азии, но ведь это будет лишь очень частичным напоминанием о всём творчестве мастера. Наверное, когда-то выйдут полные монографии, в которые войдут и портреты и картины художника разных периодов. От замечательных рисунков "Сатирикона" и до глубоко вдумчивых портретов вся эта сторона творчества должна быть запечатлена. Молодое поколение будет учиться на этих чётких уверенных линиях. Среди сменяющихся движений искусства творчество Яковлева останется не старым и не ультрамодернистическим, но самоценным, и с годами ценители искусства еще глубже восхитятся этим щедрым и убедительным творчеством.

Редеет группа "Мира Искусства", но все мы помянем товарищей наших в их славном творчестве.

1938 г.

Н.К. Рерих, "Из литературного наследия". М. 1974 г.

17 мая 1938 г.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.

17-МАЯ-1938

Дорогой Боря,
Давно не имели от Тебя вестей и беспокоимся о Твоём здоровье. Ведь всегда у Тебя были разные болести, и хотелось бы знать, как Ты себя чувствуешь. Ведь сейчас наступает летнее время самое рабочее для архитекторов, - нам так

нравились архитектурные проекты, Тобою присланные – широкий размах. Имеем Твой расписки о получении наших писем, но беспокоимся, что не пропал ли Твой ответ в пути. На одной расписке было Т. Рерих, и мы поняли, что, вероятно, это инициалы Твоей жены. Потому думаем, что имя её Татьяна. Шлём лучший привет. Напиши теперь по адресу Musée Roerich, 7 rue de Valois, Paris -1. Нам прислали несколько отлично изданных новых книг, между ними сказки Пушкина с иллюстрациями Палеховских мастеров. Как хорошо, что призваны к работе народные силы, - всегда я об этом думал, и наша школа была истинно народной, Передал ли Ты мой привет нашему милому Аркаше, - вспоминаем о нём и о всех сотрудниках. Святослав написал два моих очень удачных портрета. Один пошёл в Прагу, а другой в Париж. Он хотел бы очень дать портрет в музей у вас, но каким способом его лучше направить. Все мы за работу, не покладая рук. Е.И. часто прихварывает, - с больным сердцем это вполне неизбежно, а докторов хороших здесь нет. Хотелось бы...

Архив Музея Рерихов, Москва [(Окончание письма в архиве отсутствует)]

17 мая 1938 г.

Письмо Е.И. Рерих к З.Г. Лихтман, К. Кэмпбелл и М. Лихтману

17 мая 1938 г.

Родные мои Радночка, Амрида и Морис, сейчас пришло письмо Зиночки от 20 и 21 апреля о посещении адвоката Смита. Считаем, правильно было сказано, что именно сотрудники хотят иметь добавочных Трэстис и даже из числа культурных бондхольдеров, настаивая на культурных, ибо нельзя, чтобы какой-то овощной торговец распорядился и ведал просветительными учреждениями. Больше того, мы готовы предоставить бондхольдерам все управление домом и оставить за собою лишь право заведовать просветительными учреждениями. Мы не имеем никаких притязаний на дом, кроме права пользования теми помещениями, которые необходимы для просветительной деятельности. Между прочим, интересно, откуда Смит слышал, что в 40-м году дом перейдет в руки бондхольдеров? Неужели кто-то допускает, что Хорш допустит это и не найдет возможности купить этот дом по сниженной цене у тех же бондхольдеров? Разве он не имеет такого ловкого адвоката, как Эрнст?

Теперь, надеюсь, родные мои, что этому новому человеку было ярко показано, какую культурную величину представляет собою Н.К. Совершенно необходимо, чтобы это обстоятельство твёрдо запечатлелось в мозгу всех защитников. Именно, нужно ярко обрисовать фигуру Н.К. и ничего не забыть из имеющихся ассетов. Следует перечислить и переслать ему все монографии, библиографический памфлет, все Мессаджи, Декэд, все конгрессы и всю работу по Пакту. Именно, подчеркните, что нет сейчас такого современного художника и культурного деятеля-мыслителя, о котором столько бы писалось во всех странах, как о Н.К. Напомните имена высокопросвещённых деятелей и официальных представителей стран, откликнувшихся на его юбилей. Ведь и сейчас помимо двух монографий, уже печатающихся на русском и английском языках, пишутся одна английским писателем, другая – швейцарским известным биографом. Печатается и сборник приветствий последнего прибалтийского конгресса по случаю юбилея. Все эти издания, да ещё в такие тяжкие времена, конечно, свидетельствуют об исключительной значительности лич-

ности художника. Укажите, какие статьи и блестящие отзывы были и в самой Америке. Ведь книга собранных Морисом отзывов весьма внушительна. Также и здесь, в Индии, печатаются сотни его статей в многочисленных периодиках и просвещённые индусы высоко чтут его творчество во всех областях жизни. Вы знаете, какие чудесные эпитеты сопровождают его имя.

Вспомним то количество обществ его имени, которые распространены по всему миру. Разве всё это не свидетельствует о Личности? Неужели все эти достижения ничто, начиная с России, где он носил высшее звание Академика, даваемое за особые заслуги как в области научной, так и художества? Причём титул Академика вовсе не значит «студент Академии», как это старались доказать враги, пользуясь незнанием судей, но было в России *высшим* званием. Укажите на его многолетнюю деятельность как директора Школы Поощрения Художеств, находившейся под непосредственным покровительством Государя Императора и всей Императорской семьи и имевшей более двух тысяч учеников. Процветание этой исключительной школы, имевшей пять отделений и свой музей, доказывает об организаторском таланте её водителя. Итак, соберите, родные, все ассеты. Ибо, как Сказано: «Нельзя прилагать карликовые мерки к великану».

Если начать судить только на основании подложных бумажек, а также на выманивании мошенником, состоявшим доверенным, под фальшивыми причинами подписей, то, конечно, никакой справедливости ожидать нельзя. Именно, не забудьте подчеркнуть то обстоятельство, что Хорш был полным доверенным нашим и что, находясь за тысячи верст в пустыне, мы не могли оградить себя от его хитро удуманных мошенничеств. Родные, необходимо это повторять людям, и особенно настоятельно нужно делать это с новыми лицами. Я даже советовала бы выписать все ассеты на отдельном листе, чтобы защитник мог всегда иметь их перед глазами. Думаю, что Вы найдёте ещё многое, что добавить к листу и всяких почётных награждений и избраний.

Потому, родные, если судьи положат на чашу весов всю известность Н.К., все его труды по просвещению и, наконец, его безупречную репутацию, которой он пользовался в России и среди выдающихся культурных слоев, а на другую – стендинг Хорша с его жульническими проделками, с его возмутительнейшим брич оф трест, то, мне кажется, только слепой не увидит всей несправедливости, всей гнусности, творимой предателями. Неужели бумажки, в большинстве случаев поддельные, подтасованные или выманенные под фальшивыми предложениями (векселя) и тут же аннулированные, но теперь вновь появившиеся после того, как было заявлено при свидетелях об уничтожении их (векселя), могут перевесить все показания уважаемых лиц? Причём все эти подписи бумажек были сделаны по принуждению, под фальшивым предлогом накануне дня отъезда в Индию, чтобы тем самым лучше подставить ловушку и не дать возможности иного выбора. Вы помните, родные, как на возмущённый протест Зиночки Хорш должен был выдать имеющееся у Вас письмо, которое должно было аннулировать всю задуманную им подлость, причём он сказал, что все векселя им уничтожены.

Неужели же суд, как представитель высшей справедливости, не руководствуется нравственным кодексом и уровнем судящихся, или судимых? Ведь, в таком случае, преимущество или право всегда будет на стороне опытного мошенника! Ведь каждый человек неизбежно судит о людях, более или менее, по себе, потому естественно, что честный человек не может представить себе

всей бездны гнусности и никогда не сможет избавиться от хитросплетённых мошеннических проделок, в данном случае ещё от человека, имевшего нашу полную доверенность, и который на протяжении тринадцати лет чуть ли не в каждом письме и докладе клялся в своей преданности и в том, что он всем обязан Н.К., и прочее, и прочее. Всё это необходимо пояснить новому адвокату, чтобы у него составила яркая картина многолетнего хитро обдуманного преступления.

Также скажите адвокату, что, конечно, противники сильны тем, что у них имеется страна, тогда как мы сейчас не имеем такой защиты. Но страна наша воскресает. Также укажите, что всё это чудовищное ограбление, захват произведений художника, его труда почти за четверть века, будет ярко отмечено в Истории Культуры народов, и если не сейчас, то через несколько лет. Истинно, страна наша воскресает, и в своё время она скажет и найдёт подходящие слова, чтобы заклеить предателей. У нас два талантливейших сына. Неужели кто-то по близорукости думает, что они не встанут на защиту, когда явится возможность! Не скрывайте от адвоката действий Глина. Скажите, что Глин был другом Франсис и имел со мною дружественную переписку. Но после того, как апостаты проникли, благодаря Франсис и мне, к Глину, они, вероятно, спели свою очередную клевету, после которой отношения его к Франсис резко изменились, и, так как я встала на защиту Франсис, злоба их и Глина, их послушной марионетки, обратилась и на нас, и переписка моя с ним пришла к концу. Ничего не скрывайте. Именно предатель пользуется сейчас Глином как своим демми. Можно было бы запросить этого безумца, долго ли он будет пребывать в этом почётном положении.

Родные, прошу Вас, поймите сердцем, почему сейчас говорю только о центральной фигуре. Ибо Сказано, что необходимо создать мощный центр, и тогда приложится и всё остальное. Указано, что ошибка Франсис в её переговорах с известными адвокатами и была в том, что, как всегда, она не сумела ярко обрисовать личность Н.К., и тем не создано фокуса для интересного дела. Конечно, пишу это доверительно и прошу не говорить ей об этом Указании, иначе получите нового и опаснейшего врага. Она больна, это несомненно, и с больного трудно ожидать разумных действий. Будьте с нею крайне осторожны.

Также, родные, следует понять, что из того, что какие-то судьи или адвокаты не знают о деятельности и значении личности Н.К., то, значит, и другие ничего не знают. Попробуйте спросить таких судей и адвокатов имена выдающихся современных художников, учёных или даже политических деятелей в других странах, и они не смогут этого сделать. Специализация, особенно проводимая в англосаксонских странах, лишает широкого образования и необходимого для правильного мировоззрения синтеза.

Вы понимаете о необходимости путешествий и широкого образования именно для судей, этих вершителей судеб множества людей. Самое гнусное проявление нашей убогой культуры – это невежественный судья! Итак, судья должен быть самым просвещённым гражданином своей страны.

Теперь, родная Зиночка, прошу передать мою признательность князю Кудашеву за оказанную помощь. Особенно ценно мне, что эта помощь пришла от соотечественника, и даже от дальнего родственника. Зиночка может показать ему мой портрет. Хотелось бы чем-то отблагодарить его, но не знаю чем.

Во всяком случае, Зиночка не забудет передать ему мою сердечную благодарность и такой же привет.

Гребенщиков продолжает писать двусмысленные инсинуации и твердить что-то туманное о действии Высшей Справедливости. Именно, он видит Высшую Справедливость в разрушении культурных начинаний!!! Но как во время визной эпопеи я на все нападки и неудачи говорила, что посмеётся хорошо тот, кто посмеётся последним, так утверждаю и сейчас. Потому, родные мои, с новым мужеством и более широким пониманием значения Личности Н.К., не говоря уже о памятовании, за что мы сражаемся, и какое мощное Воинство в срок утвердит яркую победу, вступим в новую фазу битвы.

Письма Е.И. Рерих. Том VI

17 мая 1938 г.

Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к К. Кэмпбелл, З.Г. и М. Лихтманам

17 мая 1938 г.

Родные наши, вчера получили письмо Зины от 28 апреля по 1 мая, с описанием вандализма в Музее. Беспokoимся, как прошло Ваше собрание у ассистента прокурора. Ведь от этого зависело, какое направление примет дело о вандализме. Мы хотели написать Мерритту и другим друзьям, но до Ваших сведений о результате Вашего совещания не можем писать, чтобы не осложнить дела. Брат прав, что сейчас необходимы широкая публицити и выражение протеста от Комитета. Мы получили текст протеста, составленный Форманом, – передайте ему, что мы очень тронуты им. Ведь если какие-то формальности о даре нации и не были завершены, то, во всяком случае, все мы восемь лет жили в этом убеждении и не отступаем от нашего слова. Если версия неприемлема некоторым нашим друзьям, то ведь, во всяком случае, Музей был общественным учреждением, а не частной собственностью Хорша. Мы уже давно Вам писали, что Хорш не мог собирать общественные пожертвования на свою частную собственность. Правильно пишет Зиночка, и до сих пор подобные сборы на частную собственность под предлогом общности преследовались законом. Вообще, в каком же положении теперь все лица, которым были посвящены именные комнаты? Как, например, Крен, Сторк и прочие? В каком же положении почётные советники Музея и все жертвователи, которые, как оказывается, жертвовали на частную собственность Хорша, а советники *способствовали своими именами вандализму и ограблению Музея!* Поистине, сейчас выступает весь уголовный элемент этого дела, и брич оф трест уже оказывается не только по отношению ко всем нам, но и по отношению ко всем жертвователям и почётным советникам. Но неужели же непотворение злу настолько вошло в плоть и кровь людей, что они предпочитают оказаться косвенными пособниками зла, лишь бы не побеспокоиться, так творится развал мира. Мы очень рады слышать, что Флорентина приняла обязанности Председателя Комитета Музея. Вероятно, Морис закрепил эту передачу письменно, так же как и передал свой голос кому-либо из Вас перед своим отъездом. Франсис и Морис были Трэсти в корпорации картин и своими двумя голосами имели перевес над голосом Хорша. Также весьма важно, что Хорш у рефери признавал, что корпорация Музея не принадлежит ему, и это было тогда рекордировано. Не считают ли нужным адвокаты, чтобы и мы четверо

прислали свои голоса, передав их кому-либо из Вас? Ведь Морис сейчас находится в том же положении, как и мы, и было бы вполне естественно, если отсутствующие передают свои голоса. Из письма Зины мы поняли, что наш иск о 240,000 плюс проценты может быть подан лишь при личном присутствии. Значит, и всякие измышленные претензии Хорша не могут быть предъявлены здесь. Тогда почему же Плаут беспокоился, чтобы Хорш не набросился на нас здесь? Такие обстоятельства лучше очень выяснить. По всему ходу дела мы видим, что мнения адвокатов весьма различаются. Что одному кажется невозможным и противозаконным, то другому представляется вполне возможным и естественным.

Светик просит передать, что у него никаких обязательств по отношению к Хоршу нет. Во времена Миллера Светик посылал об этом полный меморандум через Зину с копией, и все бумаги должны находиться у Миллера, или у Катрин, или у Зины. Таким образом, совершенно недопустимо, чтобы портреты работы Святослава, а также и его имущество были бы захвачены грабителями. Миллер предполагал заняться этим делом, но хотел объединить его с общим музейным, после происшедшего разрыва с Миллером дело остановилось, но необходимо выяснить, не нужно ли Святославу заявить свои права, иначе грабители могут измыслить какие-то сроки, после которых законные требования окажутся недействительными.

Помните, родные, что во всех делах необходимо следить за сроками, чтобы они не истекли, и вовремя прерывать их соответственными заявлениями. Если сейчас мы не можем вести все эти иски, то в будущем, и даже не очень далеко, мы вчиним их полностью, поэтому узнайте от адвокатов и сообщите нам, какими заявлениями следует прерывать истечение сроков. Иначе и всё имущество Святослава, и наши иски пропадут. Если по исчислению пандитов Кали-Юга оканчивается в 42 году, то ведь и до этого срока многое что происходит и произойдёт. Разве мы можем всем утяжелять письма? Только в последних почтах Ваши письма дошли, видимо, без вскрытия. Пожалуйста, записывайте, кто окажутся истинными друзьями, и кто умоет руки. В таких принципиальных делах часто находятся совершенно неожиданные друзья. В Филадельфии имеется Музей Родена, неужели можно предположить, что, если он оказался бы разграбленным в один день, общественное мнение промолчало бы? Митинг протеста, бывший в 32 году, показал, что люди умеют говорить, когда они хотят. А ведь качество, качество картин с 32 года ведь не изменилось? Ведь картины представляют собою и единственную панораму Азии и, как Сказано, «её нельзя раздроблять». За эти годы всё время идут новые монографии и новые голоса оценки всей деятельности. Вандализм остаётся единственным в своём роде.

Теперь о Школе. Мы ничем не хотим связывать голос преподавателей – если они хотят иметь имя, то это предоставляем им. Которого числа подан Аппил? Если он будет тянуться дальше октября, пусть тянется.

Писали это письмо вместе и вместе шлём Вам бодрость и просим помнить, что поверх земной очевидности существует высшая действительность, которая проявится в высший срок.

Е.И. Рерих. Письма в 9-ти томах. Т. VI. МЦР

Н.К. Рерих. Гималаи (Облачные сны). 1938.

*20 мая 1938 г. Урусвати
Н.К. Рерих*

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Сколько гордости о Культуре! Сколько выпренных слов о цивилизации! Сколько надежд на будущее!

Между тем голос разума твердит, что Культура возможна при расширенном сознании, а цивилизация может процветать на здоровых началах, и лучшее будущее требует обновления жизни.

Раздвоились человеческие искания. С одной стороны - прекрасное овладение энергией мысли, но с другой - удушье не только газами разрушительных бомб, но и газами собственных печей, моторов и фабрик.

В.Татаринов в своём недавнем очерке об опасности из воздуха правильно обращает внимание на многие бедствия, созданные небрежением и непроверенною цивилизацией:

"Каждый день жители городов подвергаются систематическому отравлению наше питание, вредное или полезное, здесь не причём, так как опасность идёт из воздуха. Каждый день мы вдыхаем то дома, то на улице ядовитый газ - окись углерода, и отравление это происходит систематически, но незаметно, потому что газ этого запаха не имеет. Это тот самый газ, к которому прибегают самоубийцы, использующие в таком случае печки, тот газ, который образуется в гигантских количествах при взрывах и пожарах в шахтах, от которого гибнут углекопы, находившиеся в этот момент в шахте, и спешащие им на помощь спасательные партии.

Ряд профессий представляет в этом отношении большие опасности химическая, металлургическая, стеклодувная - и такая опасность существует в каждом заводском, фабричном или промышленном предприятии, где содержание окиси углерода в воздухе превышает соотношение 1 на 90.000.

Всякие лёгкие переносные печи, печи с медленным сгоранием, керосиновые печи, газовые аппараты для нагревания ванн и т. д. способны представить немалую опасность, и за ними нужно тщательно следить. По мнению проф. Пиаво, специально изучавшего этот вопрос, во всех домах старше 15 лет печи должны быть подвергнуты внимательному осмотру для установления, не проходят ли где-нибудь вредные газы. Доктор Фесанжэ описывает два случая таинственной болезни, когда пациенты жаловались на постоянные мигрени, головокружения и слабость и когда никакие средства не помогали. По совету врача, архитектор исправил старые печи, и больные быстро выздоровели.

Опасность может представлять и закрытый автомобиль, столь модный в наше время. Как ни совершенна его конструкция, невозможно предотвратить утечку газов, собирающихся в маленьком и закрытом помещении автомобильной каретки, и женщины, более чувствительные, чем мужчины, часто жалуются на головокружения, приступы тошноты и обморочное состояние.

Но опасность подстерегает нас не только в закрытых помещениях, но и на улице, где дым, поднимающийся из труб, смешивается с отработанными автомобильными газами. В городах, где дома высоки, улицы сравнительно узкие, а автомобильное движение очень развито, результаты могут получиться весьма серьёзные. Анализ воздуха на оживлённых артериях Нью-Йорка показал содержание окиси углерода в пропорции 1 на 10.000, то есть в 5 раз больше нормы, допустимой с точки зрения гигиены.

Каковы последствия такого медленного отравления окисью углерода? Беда в том, что, за исключением резко выраженных случаев, эти последствия проявляются так, что догадываться об их причине весьма трудно. Такое отравление газом, прежде всего, способствует своего рода активизации всех болезней, уже существующих в организме или явно, или в скрытом виде. У людей с плохим пищеварением оно расстраивается ещё больше, причём появляются до того небывшие тошноты. У людей с плохим сном бессонница становится постоянным явлением, у ревматиков учащаются и усиливаются боли и т. д. Одним из курьёзных признаков отравления газом служит ожирение живота - организм защищается от яда отложением жира.

Все эти симптомы настолько не характерны, что не всегда можно догадаться, что причиной их является плохо функционирующая печь. Но медленное и систематическое отравление окисью углерода влечёт за собой и более серьёзные последствия - общую анемию и даже грудную жабу. Несколько случаев грудной жабы, несомненно, вызванной таким отравлением, уже описаны во Франции и Германии.

В декабре 1930 г. вся Северо-Западная Европа, от Финляндии до Дунайской низменности, от Голландии до Центрального плато Франции, была покрыта густым туманом, образовавшимся от смешения влажного морского воздуха с холодными нижними слоями европейской атмосферы. В эти дни поезда шли с большим опозданием, воздушное сообщение прекратилось, и даже пароходы предпочитали отстаиваться в гаванях, так как видимость у берегов не превышала 50 метров.

В живописной долине Мааса, вблизи Льежа, этот туман вызвал настоящую катастрофу. Крестьяне, работавшие на полях, внезапно увидели, как на них надвигается плотная чёрная стена тумана и почувствовали острую боль в горле, сопровождаемую удушливым кашлем. Испугавшись не столько этих болезненных явлений, сколько угрожающей туманной стены, люди бросились по до-

мам. Через несколько часов десятки застигнутых туманом умерли в страшных мучениях, жалуясь, что они как бы сгорают заживо.

Населением овладела паника, никто не решался выходить из домов, окна и двери которых были забаррикадированы подушками, матрацами и комодами. Прибывшие власти организовали медицинскую помощь, поставили в домах баллоны с кислородом, раздали противогазовые маски. Когда туман рассеялся, учёные специалисты и прокуратура начали следствие.

Аналогичные явления были уже известны в окрестностях Льежа в 1911 и 1913 гг. - жертвами тумана стали тогда несколько старых шахтёров и множество домашнего скота. В 1925 г. в Рейнской области, в районе Випперфурта, среди безоблачного весеннего дня внезапно образовался густой, чёрный туман, температура сильно понизилась, а в воздухе запахло хлором и серой. Несколько десятков человек почувствовали приступы удушья, а двое из них - пострадавшие на войне от газов умерли. Погибло много птицы, а в реках всплыли на поверхность тысячи дохлых рыб.

По поводу причин этой "туманной астмы" было высказано множество гипотез - предполагали эпидемию воспаления лёгких, хотя такой эпидемии нигде и никогда не было, эпидемию злокачественного бронхиального гриппа, чумы, пыль, принесённую ветрами из Сахары и губительно подействовавшую на лёгкие, неизвестные ядовитые газы, неизвестно кем пущенные, и так далее.

Сам по себе туман, какой густоты и какой температуры он ни был бы, опасности не представляет и смертей вызвать не может, но в долине Мааса он смешался с ядовитыми парами, поднимающимися из труб многочисленных металлургических и химических заводов. В обычное время эти газы, вследствие своей летучести, уносятся в атмосферу, но в данном случае благодаря резкому понижению температуры они начали охлаждаться и сгущаться и не смогли проникнуть сквозь плотный туман окисей цинка и пары серного ангидрида - те и другие могли оказаться смертельными для дыхания. Достаточно указать на то, что серный ангидрид, смешиваясь с водяными капельками, давал серную кислоту, падавшую на землю.

Выделения фабричных труб в долине Мааса не более ядовиты, чем выделения лондонских заводов, но в Лондоне воздух тёплый, и тёплые восходящие слои его вентилируют атмосферу, унося с собой ядовитые газы...

Случай в долине Мааса, конечно, исключительный, но, к несчастью, жителям больших городов приходится жить в условиях, хотя и не столь исключительных, но, тем не менее, далеко не благоприятных для наших дыхательных путей".

"Опасность из воздуха" действительно является очередным предупреждением. Тут уже не солнечные пятна виноваты, а пятна на совести человеческой. Опытный педагог советует: "не давайте детям опасных игрушек". То же самое говорят и о газах, и о энергиях, легкомысленно вызываемых из пространства. При этом такие предупреждения делаются вовсе не ретроградами, отрицающими все новое. Наоборот, искатели нового хотят, чтобы оно служило здоровью человечества.

Даже без объявления войны разрушаются целые города. А Иден справедливо говорит о приближении времени, когда люди, подобно троглодитам, будут спасаться в пещерах. Предлагают обложить все музеи и соборы мешками с песком для сохранности. Эти мешки, кроме песка, будут заключать в себе и

разочарование в принципах человечности. Говорят о сокрытии художественных сокровищ под землю. Так же мыслили и в глубокой древности, когда хоронили клады под землю.

Не правда ли странно, что при всех современных открытиях мысль должна возвращаться к пещерным троглодитам и к подземным кладам? А как же быть с цивилизацией? А почему возмущаться какими-то бывшими вандализмами, когда и без вандалов можно перечислять отвратительные разрушения, происходящие и сейчас.

"Опасность из воздуха" - правильно. "Опасность от сердец каменных" - и это своевременно. А где же госпожа цивилизация? Почему же она молчит и прикрывает собою всё страшное и губительное?! Пятнами на солнце не отговариваться. Пятна на совести человеческой ещё опаснее.

20 Мая 1938 г. Урусвати

Н.К. Рерих «Листы дневника». М. 1995 г. (Из архива МЦР).

Н.К. Рерих

БУДЕМ БЕРЕЖЛИВЫ

Ушёл Шаляпин. Ушли и Горький, и Глазунов, и Куприн, и Трубецкой, и Кустодиев, и Дягилев, и Браз, и Бакст, и Головин, и Яковлев... Свернулось несколько страниц истории русского искусства, русской культуры. Невольно хочется обернуться и посмотреть, много ли у нас остаётся величин того же поколения и того же значения. Выходит, что окажется их не так уж много - лист окажется не так уж велик по всем отраслям искусства и литературы.

Много раз писалось о бережливости. "Много где проявлялась расточительность. Застрелили А. С. Пушкина и Лермонтова. Изгоняли из Академии Наук Ломоносова и Менделеева. Пытались продать с торгов Ростовский Кремль. Длинен синодик всяких расточительств от давних времён и до сегодня. Довольно. Бережно и любовно должна быть охранена Культура". Нельзя отговариваться тем, что кто-то когда-то чего-то не заметил за сутолокою жизни. Всякое небрежение к Культуре уже непростительно и недопустимо во всевозможных обстоятельствах.

Если человек любит Культуру и, естественно, свою родную Культуру, то он отнесётся со всевозможною бережностью к носителям этой Культуры. Каждый выдающийся деятель Культуры уже является живым памятником её. Люди нередко творят об охране каменных памятников. Но не лучше ли при этом также помыслить и о заботливом охране памятников живых, которые могут ещё во многом приложить свои творческие силы во славу русского народа. Многие скажут: нам всем всюду тяжело. Но ведь эти тяжести будут облегчаться сознанием, что среди нас живут те, которых мы называем учителями в разных областях жизни.

Всегда ли мы бываем справедливы? Не бываем ли мы, по слову Пушкина, "к добру и злу постыдно равнодушны"? Не обходим ли мы молчанием то, что должно бы вызывать самое сердечное суждение? В таком сердечном порыве все мы, несмотря на тяготы жизни, могли бы создать нашим старшим культурным творцам дни спокойные, углублённой творческой работы. Не будем ожидать, пока будут построены целые институты, как было сделано для работы Павлова. Не только широкие материальные возможности, но именно сер-

дечность уберезёт от расточительности, о которой когда-то кто-то устыдится. Будем бережливы.

1938 г.

Н.К. Рерих "Зажигайте сердца". М. 1975 г. (Лист дневника № 69 – из архива Ю.Н. Рериха)

24 мая 1938 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

24 мая 1938

Дорогой друг, Александр Николаевич, Вчера среди писем из Европы промелькнуло одно краткое сведение, которое всех нас поразило. Пишут: «На днях умер художник А. Яковлев». Неужели это наш Яковлев. Не хочется верить, ибо он был в полной силе, и уходить ему ещё рано. Ещё на днях я слышал от одного лица из Средней Азии хорошие воспоминания о Яковлеве. Говорилось о его последней Ситроэновской экспедиция, о быстрых портретах, которые Яковлев щедро оставлял по пути, набросках на стенах путевых ночлегов (о том же говорит и Флеминг в своей книге). Также говорилось, что в то время, когда прочие участники экспедиции чувствовали себя усталыми и удрученными, один Яковлев был всегда деятелен во всяких условиях. Я так радовался этим доброжелательным рассказам, ибо всякое доброе упоминание для меня большая радость. А теперь вдруг краткое упоминание в письме. Невольно думается, не относится ли это к кому-то другому. Но если бы печальная весть была о нашем Яковлеве, то приходится ещё раз подумать, как редет наша группа. Каждый год кто-то уходит. Были какие-то слухи о смерти Яремича, но проверить их было невозможно. Ничего не слышали давно о Сомове. Но недавно были сведения о фресках, написанных Лансере.

Итак, скоро «Мир Искусства» превратится в каких-то могикан. Напиши о Яковлеве, ведь не хочется верить, хотя и первая буква, и фамилия совпадают. Как протекают Твои работы? Повсюду теперь сгущается атмосфера, и в газете каждого дня сообщается, по крайней мере, за десять лет по прежнему масштабу. В наши - горы, конечно, всё доходит в большом запоздании. Но Вы кипите в самом котле событий и, наверное, знаете многое, что мы услышим лишь из вторых рук.

Сейчас у нас стоит неестественная жара, а в Испании снег. Пишут, что на солнце появились какие-то новые огромные пятна, может быть, такие же пятна появились и на совести человеческой. Наверное, если бы мы встретились, то могли бы обоюдно поведать много неслыханных обстоятельств. Помнится, у Тебя предполагались весенние работы в связи с пьесой «Чучела». Всё, что Ты делаешь, нас всех живо интересуется. Вполне ли поправилась милая Анна Карловна? Какие новые победы у Коки? Успокой и скажи, может быть, сведения о смерти Яковлева не отвечают действительности. Меня уже хоронили три раза, и я сам читал большие подробности похорон. Помнишь, когда написали о смерти Марка Твена, он ответил, что это сведение сильно преувеличено. Итак, напиши, а мы все шлём Вам всем наши искренние приветы.

Душевно,

Н. Рерих

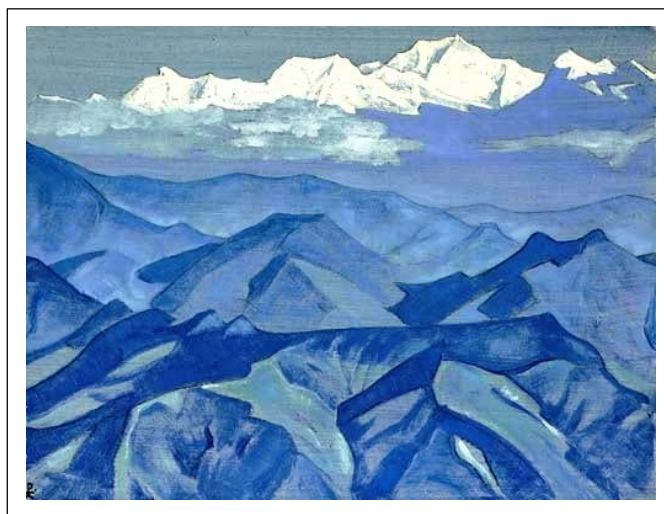
Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

31 мая 1938 г.

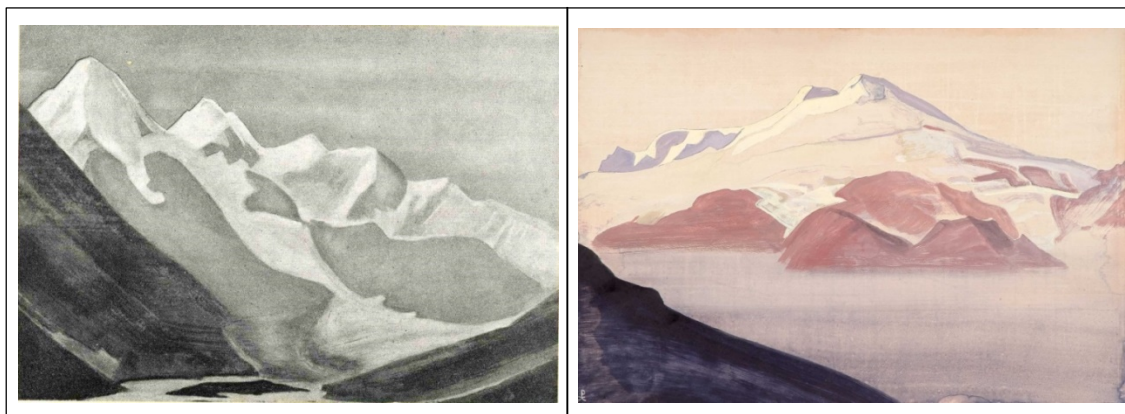
Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф.

31 мая 1938

Дорогой мой Валентин Фёдорович,
Спасибо за Ваше письмо от 7 мая. Каждая страница его полна самых ценных для нас вестей. Глубоко порадовало нас Ваше сведение, что Вы сибиряк и притом большой патриот своего отечества. Вы ездили по горам Алтайским, и мы на таких же лошадках там бывали. Мы большие энтузиасты Сибири, а Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию. Долина между Уймоном и Котандою будет местом большого центра. В Париже, когда Вы посещали наш Центр, Вы, наверное, видели мой этюд *«Белуха»*. Там было три этюда прекраснейших высот Азийских: Канченджунга, Белуха и Эльбрус. Итак, когда мы знаем, что Вы — алтаец, Вы нам ещё и ещё ближе.

Канченджунга 1924.

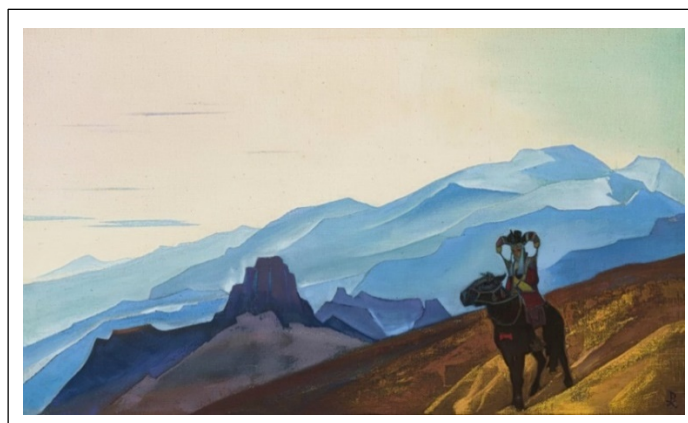
Белуха. 1926. (Ч/б воспроизведение)

Эльбрус. Кавказ.. 1926.

Шлём ко дню открытия зала наши сердечные приветы, как русским, так и чешским друзьям. Как жаль, что Шальда уже не с нами, но, наверное, имеются и другие чешские ценители. Напомните им мою статью *«Злата Прага»*. Уже давно мы знали, что в Праге творится русское дело, а теперь мы ещё знаем, что музеи и университет являются очагами этого дела. Оборона Родины для

всех нас близка, и я очень рад, что Вы оценили мою статью «Чаша Неотпитая», а вот пьяный Борис Суворин разразился ругательствами именно за то, что я сердечно сказал о Родине и народе русском. Боже мой, сколько живет на свете предателей, должно быть, где-то чеканятся специальные тридцать серебряников. Но не будем обращать внимание на всяких гадов. Через все пропасти, через все потоки пронесём любовь и служение нашей Родине. Очень рад слышать, что президент Бенеш тепло отнёсся к Музею. Ведь Музей является общерусским делом, и в этом широком понимании и служении будет истинно созидательное начало. А с Вами ещё встретимся, и, Бог даст, поработаем.

Отлично понимаю, что задача комиссии по собиранию русской старины не легка. Но очень важно, что такое начало положено. Не будем думать, что по щучьему велению могут сразу образовываться многочисленные собрания. Важно заложить зерно, а каждое растение произрастает в своё время. Много вандализма на земле, в разных краях её. Мог бы порассказать Вам в этом смысле очень многое. Может быть, как-нибудь выберу часок и запишу эти соображения в дневнике, а Вы как биограф мой будете знать и такую современность.

Н.К. Рерих. Мать Чингиз-хана. 1933.

Очень хорошо, что и «Мать Чингиз-Хана» будет воспроизведена. Вы правильно отметили смысл этой картины. Что касается до чешской статьи для монографии, то вполне предоставляю это решение нашим рижским друзьям. Когда будете сноситься с ними, то, пожалуйста, помяните, что в существе такая статья могла бы быть сделана в Праге, но упомяните при этом и все затруднения орфографические. Рад слышать, что новая орфография в книге Иванова Вас не смущает. Я так и думал, но всё же иногда ещё встречаются люди, которым этот вопрос кажется краеугольным. Я очень порадовался, увидав новую орфографию и в письмах Н.О. Лосского. Когда увидите его, пожалуйста, передайте им всем наши душевные приветы.

Жаль, если книга Лосского ещё не вышла. И Лосский, и Метальников творят великое дело, и труды их останутся во славу русскую. Недавно мой давний друг А.В. Руманов в письме своём прекрасно помянул Ваше имя. Каждое такое поминание о друзьях особенно ценно. Только добром пройдем, только улыбкою преуспеем. Помню, когда на одной лекции на Дальнем Востоке я тепло помянул Горького, то раздалось человеконенавистническое рычание, а разве Горький не русский, а разве русский народ не остаётся таковым? Будем работать во благо, и Ваши письма для нас являются истинно светлыми вестями.

Спасибо и за Ваше фото. Привет Вашей семье и всем друзьям, русским и чешским. Духом с Вами,

Н. Рерих

РГАЛИ. Фонд Булгакова, 2226, опись 1, дд. 352, 1025, 1026.

Публикуется по изд.: Ариаварта. 1999. № 3. СПб.

В.Ф. Булгаков и дочери Татьяна и Ольга. Фото 1931.

ИЮНЬ

11 июня 1938 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Кауну Александру

11-ИЮНЯ-1938

Дорогой Друг,

Спасибо за Вашу весточку. Вы всегда напомните о чём-то давно прошедшем и любопытном. Стасов считал Врубеля, Серова, Бенуа, Сомова, Бакста, Дягилева и весь «Мир Искусства» декадентами, и всячески оберегал меня от этого общества. Для него было большим огорчением моё приближение к Миру Искусства. Он так надеялся, что его уговоры повлияют и, в конце концов, я перейду к Передвижникам и, может быть, даже восприму их основы. Я нисколько не сердился на Стасова, ибо он и не мог думать иначе, а новшество «Мира Искусства» не могло быть им воспринято.

Я знал целый ряд людей, которые из самых добрых намерений предупреждали против всего прогрессивного. Во всей жизни приходится различать доброе или злое намерение. Вот бандитизм и вандализм Хорша – уже во всех отношениях намерение злое. Он посягнул уже на искусство, произвёл тот самый вандализм, о котором во всём мире люди выражаются одинаково осудительно. Всё кристаллизировалось весьма просто: бандит Хорш пытается завладеть моими картинами. Какие бы фальшивые бумаги ни устраивал, но всё же истина должна восторжествовать. Музей как общественное учреждение существовал 15 лет и имеет за собою целую литературу. Все почётные советники, жертвователи и сотрудники твёрдо знали, что они помогают общественному делу, а вовсе не афере Хорша. В музее были именные комнаты, как например, имени Крэна, Уортона Сторка и др. В каком же положении эти почтенные лица. Нам пишут о многих протестах поступающих против самочинства гангстерских действий Хорша. Наверное, и Вы, как Почётный Советник негодуете

и гремите во имя справедливости. Когда вспоминаешь всю литературу о Музее, с именами множайших художественных критиков, то становится прямо непонятно, чтобы прямо среди бела дня на глазах у всех был разрушаем общественный музей. Если Вам нужны ещё подробности, запросите Зин. Гр. Лихтман, (с/o Gene Fosdick, Box #21, Station "N", New York City) - она знает все новейшие детали. А в то же время, когда Хорш проделывает вандализм, в Америке вспыхнули две наши новые хорошие организации, в Праге открывается в Музее мой зал, в Латвии выходит юбилейное издание и готовится большая монография, в Эстонии печатается сборник, в Литве в Университете происходит торжественное собрание общества. Английский критик и швейцарский академик пишут отличные монографии, начинает выходить трёхмесячник Фламма, в Париже делается много хорошего, а в это же время Хорш бандитствует. Радуюсь Вашим весточкам.

Духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва (машинописная копия)

РУССКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В ПРАГЕ

16 июня 1938 г. Прага

Открытие зала Н.К. Рериха в Русском Культурно-Историческом Музее.

Зал академика Н.К. Рериха в Русском Культурно-Историческом Музее в Праге
16 июня 1938 г.

16 июня 1938 г. Прага

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СТАТЕЙ ЧЕШСКИХ ГАЗЕТ,
Посвящённых открытию отдела «Зала академика Н.К. Рериха»
в Русском Культурно-Историческом музее в Праге.
16 июня 1938 г.

(Перевод с чешского яз.)

«Поладни народна политика» («Дневная национальная политика», самая распространённая в Чехии газета.) Статья под заглавием:

**ЕДИНСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРОСЛАВЛЕННОГО Н. РЕРИХА
ПОМЕЩЕНО БЫЛО В ЗБРАСЛАВЕ.**

«16-го числа сего месяца в Русском Культурно-Историческом Музее в Збраславе торжественно был открыт новый зал, посвящённый произведениям Н.К. Рериха. Это событие, далеко выходящее за пределы Музея, т.к. более значительные собрания картин этого превосходного живописца-символиста имеются только в Париже, Риге, Брюгге и Загребе, если не говорить о Рериховском Музее в Нью-Йорке, насчитывающем более 1000 полотен и рисунков. В Збраславе помещено ныне 15 полотен, главным образом, последней эпохи творчества, т.е. относящихся к Азии (за исключением двух старорусских церквочек и картины Св. Сергия). Это – пейзажи из Гималаев, Эверест, Тибетская крепость, статуя, Мать Чингиз-хана. И прекрасная «Тень Учителя» имеет в себе, в своих красках и общей концепции, что-то азийское.

Как известно, Рерих оставил Россию в 1918 г. и поселился в Америке, затем предпринял целый ряд научно-художественных экспедиций в Индию и Тибет, и влюбился в эти страны. Покинул несколько основанных им научных институтов и поселился в Гималаях, откуда предпринимает новые экспедиции. Этот художник, философ, писатель и общественный деятель давно был в сношениях с Прагой, где состоялась в начале этого столетия его первая заграничная выставка, организованная «Манасом».

Большой портрет художника создал его сын Святослав Рерих, который и послал его, вместе с другими картинами, также в Збраслав.

Кроме картин Рериха, в двух витринах помещены его книги, изданные на многих языках, рукописи и письма, равно как и репродукции картин прежнего времени, находящиеся ныне в разных концах света.....»

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

16 Июня 1938 г. Открытие зала Н.К. Рериха

Слева: Доклад Заведующего Музеем В.Ф. Булгакова о жизни и творчестве акад. Рериха.
Справа: Вступительное слово ректора Свободного Университета в Праге проф. М.М. Новикова.

Фотографии из Архива Музея Рерихов, Москва

17 июня 1938 г. Прага
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

17 июня 1938

Дорогой Николай Константинович,

Спешу сообщить Вам, что торжество открытия Вашего зала в Русском культурно-историческом музее состоялось вчера и протекло в высшей степени удачно - в настроении высокого общего восхищения не только творениями Вашими, выставленными в Музее, но и всем делом Вашей жизни, и общего сердечного уважения к Вам. Несмотря на довольно хмурую и временами дождливую погоду в этот день, значительно сократившую наплыв публики в музей, на торжестве собралось всё же до 150 человек - главным образом, представителей русского и чешского учёного и художественного мира. Прилагаю «лист присутствовавших», обращённый нами в сердечный привет Вам как главному виновнику торжества: его подписало до 130 людей (по недоразумению, как я заметил, три-четыре подписи на двух листах повторяются: подписавшиеся дважды, кажется, подумали, что один лист останется в музее, а другой будет послан Вам), но на самом деле посетителей было больше. Ряд лиц прошёл в замок не главным подъездом, где были выставлены листы, а боковым.

Собрались все в роскошном «барокко-рококо» зале, бывшем рефектарии придворного монастыря, помещавшегося когда-то в замке. Собрание открыто было ректором Русского свободного университета профессором М.М. Новиковым, после чего я выступил с докладом, посвященным Вашей жизни и творчеству. Я сообщил все внешние даты Вашей жизни и победного восхождения Вашего как художника, восхождения, не закончившегося и донныне, характеризовал российский и заграничный периоды Вашего творчества, указал на универсальность Вашей природы, уподобив Вас в этом отношении Леонардо да Винчи, отметил Ваше тяготение и любовь к Востоку, к Азии, помянул о том, что первая выставка Ваша за границей состоялась в Праге, и что Вы тепло относитесь к «Золотой Праге» и Чехословакии, говорил о научных институтах и обществах, основанных Вами в Америке, о Ваших азиатских экспедициях, о Вашей деятельности в качестве писателя - поэта, философа и публициста, об инициативе Вашей в деле учреждения Пакта по охране культурных ценностей и «Знамени Мира», о всей роли Вашей как великого водителя культуры и, наконец, о любви Вашей к России. Аплодисментами было принято заключение моё о том, что, конечно, все собравшиеся единодушно присоединятся к моему предложению о посылке Вам, к подножию Гималаев, сердечного, благодарного привета. Особо поминал я в речи и о получении Музеем трёх прекрасных работ Святослава Николаевича и подробно рассказал о том, как отправлялись они с гор и какой далёкий путь прошли, пока достигли просторных и светлых залов нашего замка.

После этого ректор университета огласил приветственные письма: по-русски - от Рериховской Ассоциации из Латвии и по-французски — от таковой же Ассоциации из Франции. А затем хозяин замка пригласил всех присутствовавших в соседний зал - на гостеприимную, обильную и великолепно сервированную «чашку чая». Что касается осмотра Вашего зала и, вообще, всей совершенно обновлённой к 16-му июня экспозиции Музея, то он продолжался в течение нескольких часов до речей и чая, во время чая и после него: мы нарочно решили - не сталкивать при этом всю публику вместе, чтобы дать всем воз-

возможность действительно внимательно, тщательно и не толпясь, ознакомиться с выставленными Вашими картинами. И мы убедились, что такой распорядок вполне оправдал себя: решительно все успели, без помехи, прекрасно ознакомиться с Вашим залом. Целыми группами, подолгу стояли люди перед Вашими чудными творениями и потом делились с нами и друг с другом полученными впечатлениями. Впечатления эти у всех необыкновенно сильны. Все в восторге от Ваших картин — композиции, тем, красок, полной необычности творчества в целом. Выказывались и такие голоса, что Ваш зал «убивает» весь Музей в целом, ибо настолько мощно и ни с чем несравнимо Ваше творчество. Я с большим удовольствием слушал эти рассуждения, радуясь, что Вы «дошли» до всех, и в то же время отлично сознавая, что и Ваш зал это тоже часть нашего Музея и что открытие его мы можем праздновать как большое торжество Музея.

Должен сказать, что и картины Святослава Николаевича тоже всем нравились. В портрете Вашем, его работы, поражала внутренняя значительность и привлекали краски; оригинальное и гармоничное сочетание тонов (коричнево-золотая завеса, синие горы, тона одежды). «Пастух Кулуты» и «Закат» также оценивались всеми с большой симпатией и признанием их отличных живописных достоинств.

Публика долго-долго не расходилась из Музея. «Рериховский зал» глубоко внедрён теперь в сердца тех, кто его видел, а через них, конечно, слава его очень быстро распространится и по всей Праге. Кстати, печать, как русская, так и чешская, хорошо была представлена на торжестве, и потом я постараюсь собрать и послать Вам отзывы о нём.

Я посылаю вам в этом письме «лист присутствовавших» с сердечным Вам приветом, пояснения к большинству подписей на этом листе, так как иначе Вы бы не могли получить настоящего представления о составе присутствовавших, фотографию части Вашего Зала (технически оказалось невозможно захватить его объективом целиком), фотографии двух ораторов и части публики, находившейся влево от ораторского столика, ещё три фотографии разных залов Музея (по несчастью, фотограф захватил мало пластинок, и не были сняты историческое отделение, архитектурное отделение, библиотека музея и др. помещения), чешское и русское приглашения на торжество, один номер «Справочного Листка», образец репродукции «Матери Чингиз-Хана», а отдельно, заказной бандеролью, посылаю вновь вышедший краткий иллюстрированный каталог художественных собраний Музея. В каталоге не очень хорошо репродуцирован Ваш «Гуга Чохан»; формат картины и формат издания не оказались в счастливом соответствии, хотя фотография сама по себе была очень хороша. Каталог напечатан по новой орфографии, т.к. мы надеемся несколько экземпляров забросить в Советскую Россию, что было бы очень важно.

Прошу также не отказать в любезности передать прилагаемое письмо Святославу Николаевичу. Хотел я ещё приложить отчёт о торжестве для прессы, но думаю, что, может быть, кто-либо из членов Вашей семьи будет добр, с этой целью, слегка подправить и использовать текст этого письма, добавив к нему те или иные данные из пояснений к списку присутствовавших. Вы, к тому же, лучше знаете требования английской печати, чем я, а мне, вероятно, в заметке для газет пришлось бы просто повторяться. Надеюсь, что не очень грешу, не приложив такой отдельной заметки.

Сегодня я целый день чувствую себя счастливым, как-то особо удовлетворённым. Торжество прошло прекрасно, от десятков людей я слышал восторженные отзывы об этом, и я рад, что удалось так хорошо провести всё это дело, что Музей снова укрепился, что Вас будут знать в Праге и что мы подняли — и Вашим залом, и Музеем - значение русской культуры за рубежом. К тому же, Ваше творчество настолько возвышенно, чисто и духовно, что влияние его на самые широкие круги общества не может не быть самым благотворным, не говоря уже о значении его, как великого образца, для чешских и русских художников. Конечно, это - не образец для повторения. Ваше творчество — неповторимо, но, как некий идеал, оно будет всё же поучать и воспитывать художественную мысль. Морально же влияние его приходится учитывать, особенно перед лицом того нынешнего «смятения умов», о котором и Вы пишете. «Красота спасёт мир» - невольно вспоминаются эти слова Достоевского...

Н.К. Рерих. Ашрам. 1931.

Одна деталь. У нас особенно поражала — красотой и своеобразием техники - картина Ваша «Ашрам» (высокие тёмно-зелёные бамбуки и золотое озеро в просвете направо).

Но надо сказать, что хорошо её стало видно только после того, как я, лишь на один день, позволил себе отстранить стекло. Стекло отблескивало и мешало проследить рисунок и все оттенки краски на этой столь глубокого и благородного тона, чудеснейшей, волшебной картине.

Теперь о другом. Напишите, пожалуйста, Николай Константинович, как Вам понравился наш каталог. Для подготавливающегося большого каталога, объявление о котором помещено в малом, мне нужно было бы знать, в каком году написаны Вами этюды «Эверест» и «Канченджунга», которые мы получили непосредственно от Вас из Индии. Буду Вам очень благодарен за это указание.

Анкета наша послана была Вам неправильно, заполнять её не нужно. Сделал это, без моего ведома, сотрудник мой по составлению «Словаря русских зарубежных писателей» К.А. Чхеидзе. Конечно, достаточные сведения о Вас мы находим в имеющейся у нас литературе.

Я получил Ваши письма от 7 и 31 мая и, как всегда, с глубоким интересом и радостью их читал. Наша заочная дружба наполняет меня чувством радости и гордости. Все решительно Ваши мысли о своевременном политическом положении и моральном состоянии мира, а также о средствах борьбы с пороками и язвами цивилизации мне совершенно близки и родственны. Да, и у нас здесь

есть люди, которые в появлении «пятен на солнце» ищут оправдания зародившемуся в мире и всё ширящемуся безумию, но Вы глубоко правы: в пятнах на собственной совести надо искать человечеству объяснения того, что делается. У нас здесь, в Чехословакии, сейчас настроение довольно тяжёлое, ввиду немецких домогательств. Правда, что во главе республики стоят исключительно талантливые и способные вожди — Бенеш и Годжа, и я всё продолжаю верить, что удастся исчерпать конфликт мирным путём. Другое, катастрофическое «решение» вопроса было бы чревато несчастьем для обеих сторон и в особенности несправедливо по отношению к Чехословакии, где мирная трудовая жизнь давно и прекрасно налажена, где несомненно существует мирный социальный сговор и где не только гражданские, но и человеческие права каждого обеспечены и законом, и обычаями страны. За 15 лет, проведённых здесь, я привык с глубоким уважением относиться к характеру и свойствам чешского народа и ныне не могу иначе, как с глубоким сочувствием, относиться к переживаемому им тяжёлому положению.

Когда я думаю о Нашем Музее и о могущей грозить ему, в случае войн, опасности, то я до некоторой степени утешаюсь тем, что Збраславский замок находится в стороне, вне городской черты, вблизи его нет никаких фабрик и промышленных предприятий, и думается, что положение его безопаснее, чем положение пражских музеев, находящихся в центре города. Но, повторяю, верю, что до войны не дойдёт.

В связи с даром президента Бенеша Музею, у меня и у профессора Новикова состоялись весьма дружеские встречи с главными деятелями канцелярии президента: канцлером доктором Шамалом и директором департамента доктором Ржигой. В связи с этим я пришёл к мысли, что, быть может, лучший способ продвинуть в Чехословакии вопрос о Рериховском Пакте заключался бы именно в том, чтобы через этих ближайших сотрудников главы государства довести до его сведения об идее Пакта и об отношении к ней в Америке. Я готов произвести эту попытку, но не могу не видеть, и думаю, что Вы согласитесь с этим, что пока не минует острота политического положения (а она ещё не миновала), не следует и не целесообразно занимать внимание правительственных кругов нашим проектом. И, напротив, как только эта острота смягчится, можно будет обратиться к указанным мною выдающимся чехословацким деятелям с просьбой присоветовать дальнейшие шаги для успешного проведения дела. На этом позвольте пока и закончить.

Ещё раз, от всей души, приветствую Вас, дорогой Николай Константинович, шлю Вам и всем Вашим близким свои лучшие пожелания и благодарю Вас за всё, что Вы сделали для Музея!

Духом с Вами,

Ваш Валентин Булгаков

РГАЛИ. Фонд Булгакова, 2226, опись 1, дд. 352, 1025, 1026.

Публикуется по изд.: Ариаварта. 1999. № 3. СПб.

20 июня 1938 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

20 июня 1938

Дорогой Александр Николаевич,

Прошлый раз я писал Тебе, спрашивая, неужели вести о кончине Яковлева верны, но теперь пришли все газеты, и увы, более сомневаться нельзя. Посылаю Тебе мою заметку о Яковлеве, и, если считаешь нужным поместить её во благо, - так и сделай.

Со всех сторон только и слышишь о разных уходах от земли. Недавно мы получили сведение, что один наш большой друг в Бельгии скончался. Приблизительно всё наше поколение движется к расчёту (так, кажется, говорил покойный Серов). Читал я Твоё доброе слово о Яковлеве, а также памятку Добужинского. Тем дружнее нужно держаться могиканам «Мира Искусства».

Все мы шлём Тебе и милой Анне Карловне наши сердечные приветы - всегда рады получить Твою добрую весточку.

Духом с Тобою, *Н. Рерих*

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

21 июня 1938г. Гималаи
Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к З.Г. Лихтман

21 июня 1938 г.

Родная наша Зиночка, сейчас пришло Ваше письмо от 4 июня, и мы вместе спешим ответить на него с этою же почтою. Название школы может быть и ещё упрощено, если сказать «Рерих Академи оф Артс». Такое название будет новым, и никто не может на него претендовать. Вполне предоставляем Вам идею Музея при школе. Если Вы увидите, что это выполнимо и отвечает желанию всех сотрудников-кооператоров, то пусть так и будет. Конечно, из «Арсуны» не берите картин, ибо они там находятся с целью продажи, а Вы знаете, насколько это обстоятельство сейчас неотложно и насущно. Ваши мысли о разных видах кооператоров вполне отвечают действительности, и в этом отношении поступайте, как Вам будет на месте удобнее. Главное, спаять и сохранить единение кооператоров. Вы совершенно правы, полагая, что хлопоты по содержанию квартир при школе могут явиться большим бременем. Опять же на месте Вы увидите, какой способ легче, ведь всё зависит от конкретных обстоятельств помещения.

Итак, апостатский музей открылся. Любопытно знать полный список экспонентов, а также и статьи газетные, о которых Вы поминаете. Конечно, повсюду бесстыдно торчат тридцать сребреников, ибо уж чересчур велика разница между тысячью картин и 60-ю, которые, судя по Вашему определению, вовсе не шедевры. Вы правильно приводите слова Брэгдона о сопоставлении двух фигур. Если это обстоятельство не бросается в глаза гражданам Америки, то можно лишь искренно удивляться. Неужели кто-то ещё поверит, что Хорш когда-то подарит теперешний состав музея городу? Кто знает, каковы настроения апостатов будут через пятнадцать лет!

Если первый обман произошёл через 15 лет, то, по теории вероятий, то же самое может произойти и в дальнейшем, и на месте музея может оказаться меняльная лавочка или низкопробный трактир. Непременно укажите Смиту и Сибари на любопытные приёмы Хорша, который опять говорит о даре городу,

а сам только что разрушил гораздо больший дар, в котором он сам и его «достойная» супруга расписались в 1929 году. Очень хорошо, если оба адвоката поймут моральное значение Декларации 1929 года. Если бездарный Плаут не мог понять всё психологическое значение Декларации 29 года и всего преступнейшего вероломства (брич оф трест), а Франкенштейн старался всячески это игнорировать, то теперешние два адвоката должны всемерно подчеркнуть как брич оф трест, так и моральную сторону всего этого дела. Думается, что оба новых адвоката именно по природе своей должны выдвинуть сущность дела, а не потонуть в бумажных мелочах и манипуляциях.

Также совершенно непонятно, почему нельзя искать двести сорок тысяч. Не забудем, что эта сумма произошла вследствие экспедиции. Сама же экспедиция первоначально была послана от Мастер Институт оф Юнайтед Артс и от Международного Центра, ибо Музей в то время ещё вообще не существовал, когда мы уезжали из Нью-Йорка. Теперь же, если Хорш претендует на то, что он является единственным владельцем Мастер Института оф Юнайтед Артс, то через это можно его атаковать. Конечно, и это дело потребует весьма долгого времени, но ведь нам для всех дел Указано это протяжение. Для общественного мнения важно, что дело не прекращено, но продолжается. Также важно, чтобы люди знали, что я должен был получить гораздо большие суммы, нежели те, на которые Хорш преступно претендует.

Таким образом, и преступная махинация Хорша в глазах общественного мнения получит совершенно другое значение. Наверное, Сибари поймёт, что особое преступление Хорша заключается и в том, что он, выманив векселя, затем аннулировал их своим письмом и всем нам заявил, что векселя он уничтожил, а в то же время вероломно хранил их и даже, как мы видим теперь, накапливая проценты более десяти лет, не подавая и намёка о своём преступном вероломном замысле. Думаем, что такие опытные адвокаты вполне оценят такую преступную махинацию. Просим Зиночку передать тому и другому адвокату всё это. Кроме того, если нужно моё показание, то если для манускриптов Е.И. может дать показания через здешнего магистрата, то так же точно и я могу это сделать относительно других дел. Конечно, и в том и другом случае адвокаты должны предварительно прислать сюда свои советы и соображения, чтобы вполне координировать. При этом, пожалуйста, имейте в виду, чтобы показание, данное здесь, не явилось прецедентом для исков апостатов тоже здесь. Очень обсудите это обстоятельство со Смитом и Сибари. И тому, и другому дайте монографии и все прочие печатные материалы, которые могут дать им новые крепкие формулы.

Сердечно ценим как верную стражу, так действия Флорентины, Амриды и всех друзей. Вандализм нуждается и в крепких протестах. Вы видите, что тяжёлое дело полезно и для накопления общественного мнения, – ведь и Сибари появился не сразу. Хорошо, что Смит понимает протягновенность. Все наши мысли с Вами, знаем о победе.

Сердцем и духом с Вами.

Е.И. Рерих. Письма в 9-ти томах. Том VI. МЦР

Н.К. Рерих. Зов. 1938. (Ч/б воспроизведение)
(Картина принесена в дар Красному Кресту)

24 июня 1938 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ВАНДАЛЫ

Непрочное стало на Земле. И всегда-то Земля была не очень тверда. Но сейчас особенно сгустились всякие сведения о разрушениях. Из Парижа пишут: "Сегодня был просмотр фильма, снятого в Испании. Показано, между прочим, разрушение, произведённое воздушными бомбардировками в Барселоне. Эти снимки производят гнетущее впечатление. Огромные дома, срезанные как ножом на две половины: одна превращена в щепы, а другая ещё стоит, видны комнаты, уют и всюду трупы, трупы... Или школа: десятки убитых детей и на полуразрушенной кафедре труп учителя. Испанское правительство устроило здесь выставку, показывающую разрушение художественных и исторических сокровищ, а также меры, принимаемые к их спасению. Меры эти, впрочем, сводятся к вывозу, насколько позволяют обстоятельства, портативных вещей за границу и в покрытии зданий мешками с песком. Вероятно, вы читали о проекте "женевских убежищ" для детей, стариков и т. д., в общем, это всё паллиативы. На днях состоялся банкет в Институте Высших Международных Исследований; все считают, что наш Пакт по своему моральному и Культурному уровню во много раз превосходит все обсуждающиеся сейчас предложения, но в то же время все говорят, что эвентуальные противники, которых мы теперь знаем по их деяниям в Испании, и в Китае, и в Эфиопии, заведомо будут нарушать и Пакт о защите Памятников и Женевскую Конвенцию Красного Креста. В краснокрестных кругах, в частности, в этом уверены". Итак, человечество настолько отступило от основ Культуры и цивилизации, что уже и знак Красного Креста теряет своё значение.

А вот ещё письмо: "Действительно, все эти довольно странные рассуждения не имеют ничего общего с нашим Пактом. Мы говорим именно о международном Культурном соглашении, о введении гуманитарного международного принципа, а они говорят о мешках с песком. Идея обложения высоких сооружений мешками с песком так же нелепа, как если бы кто-то предложил уничтожить Красный Крест и вместо того каждого солдата обвязать мешками с

песком. Так же странно звучит и идея подземного захоронения кладов, которая в древние времена иногда применялась. Ещё недавно Иден сказал, что по видимому в недалёком будущем терроризированным горожанам придётся разбежаться по пещерам, подобно троглодитам. Итак, пусть "житейские мудрецы" думают о песочных мешках и о захоронении кладов - чего доброго, может быть, вернуться и к древнейшим закланиям кладов. Всё это настолько далеко от принципа нашего Пакта, что Вам тем легче не только подчеркнуть наш приоритет, но и доказать всю несправедливость этих подходов к мыслям о всечеловеческих творческих сокровищах. Для карикатуристов неиссякаема тема изобразить высочайшие соборы, обложенные мешками с песком доверху, сверх шпица. "Не стройте на песке". Действительно, плохо положение человечества, если оно должно надеяться на пески и должно отставить всякие помыслы о гуманитарных основах. Все происходящее дает Вам и нашим друзьям право очень громко заговорить об истинной охране всенародных сокровищ. Говорят, что страус, чувствуя опасность, засовывает голову под крыло или в песок. Поистине, естественная история даёт множество примеров. Конечно, людям следовало бы многому поучиться и у муравьёв и у пчёл, которые обладают прекрасной организацией".

В каждом из получаемых журналов имеются потрясающие снимки со всевозможных варварских разрушений. Только подумать, что эти документы останутся на срам и позор всего современного человечества! На это могут сказать, что ведь не всё человечество занимается разрушениями. Правда, но делаются эти вандализмы на глазах у всех. Когда же мы подсчитаем процент возмущающихся против происходящего варварства, то, увы, этот процент во всём мире не будет уже таким подавляющим. При каждом уличном происшествии можно наблюдать любопытнейшее деление психологий. Одни чисто-сердечно спешат на помощь, другие приближаются из пустого любопытства, третьи отступают в постыдном небрежении и страхе, а четвёртые ещё и злорадствуют! При каждом вандализме можно наблюдать именно такое же деление. Но ведь не всё ли равно, будут ли вандалы активными или пассивными, в существе своём они остаются теми же некультурными разрушителями. Попустительство мало чем отличается от самого преступления.

Вот об этих пассивных вандалах человечеству тоже пора подумать. На их глазах совершаются всевозможные непоправимые разрушения. В одном случае они произойдут от бомб и так называемой "тоталитарной" войны, а в других они совершатся и без бомб на глазах у всех посредством яда человеческого. Ещё большой вопрос, который яд опустошительнее - будет ли это газовая атака или будет преднамеренное злостное разрушение Культуры. В так называемых "мирных" действиях сейчас происходят немалые антикультурные деяния, а "народ безмолвствует", и толпы так же, как в каждом уличном происшествии, разделяются на четыре разряда. При этом, увы! число стремящихся к обороне Культуры весьма мало, но зато толпа любопытствующих и злорадствующих весьма велика.

Каждый из любопытствующих и злорадствующих находит или, вернее, старается найти причины своего бесстыдного поведения, но они не желают подумать, что в таком образе действия они причисляют себя к вандалам и участвуют в непоправимых разрушениях. Каждый уклоняющийся от содействия обороне Культуры уже навсегда сопричтётся к пассивным вандалам.

Ведь в каждой пассивности имеется своего рода активность, и такая "активность" может быть ещё страшнее и отвратительнее.

Последствия её отзовутся на разложении всей нации. Пусть пассивный вандал не думает, что его промолчание не отзовется где-то актуально. Наоборот, история отыщет не только вандалов активных, но и всех тех, которые попустительствовали и бесстыдно глазели, как при них совершались мучительства и опустошения. Как бессердечны, как жестоки эти молчащие, притворяющиеся глухими, когда человек возопить должен!

Мы говорили об обороне всего ценного для прогресса человечества. Одно - оборона, но совершенно иное - агрессия. Мы звали не обложиться мешками с песком, но противопоставить мощь мысли о Культуре, которая должна предотвратить непоправимые разрушения. Истребляют, разбивают и рассеивают памятники Культуры, а человечество не только попустительствует, но оно складывает страницу истории. И какая это будет мрачная страница! В ней будут запечатлены озверелые разрушители и мучители, а наряду с ними будет сказано, как огромнейшая часть человечества своим бессердечием потворствовала и способствовала вандализму.

Разнообразны способы способствования преступлениям. Можно не сбросить самолично бомбу с аэроплана, но зато изготовить её и изобрести и продавать самые человекоубийственные орудия и вещества. Можно противодействовать Культурным начинаниям, можно разрушать или искажать созидательные мысли и тем способствовать одичанию. Из преднамеренных преступных замыслов может возникать рассеяние, расчленение и уничтожение целых объединенных накоплений. Каждый, кто делом или мыслью будет способствовать таким опустошениям, он навсегда сопричислится к вандалам, опустошавшим дух человеческий.

Страшные дела творятся в мире. Самые истребительные войны уже не называются войнами; непоправимые разрушения называются "переменою политики", и вандалы спесиво изобретают себе новые мундиры и одеяния, считая себя вершителями судеб. Не всё ли равно, каким именно шагом человечество будет спешить к самоистреблению и к братоубийству? Может быть, будет изобретён и особый бег, чтобы поспешить к преступному вандализму. Но неужели же огромное большинство любопытствующих и злорадствующих, этот гнусный терциус гауденс [*«третий радующийся» (лат.) - ред.*], не может понять, что они-то и способствуют всевозможным вандализмам. Попустительство есть соучастие в преступлении.

Возопить должен человек против вандализма!

24 Июня 1938 г. Гималаи

"Рассвет". Чикаго, 11 ноября 1938 г.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих "Листы дневника" том II. М., МЦР, 1995

Н.К. Рерих

ПОТЕРИ

В новейших изданиях старинных мастеров в конце книг приводятся списки исчезнувших произведений. Некоторые из них известны по гравюрам, другие были в своё время копированы, но сами оригиналы по-видимому бесследно исчезли. Это могло случиться и при многих пожарах, и во время всевозможных вандализмов и религиозных гонений, как например, во времена

Савонаролы. Конечно, и до сих пор в самых неожиданных обстоятельствах иногда находят такие "пропавшие" вещи. Стоит вспомнить, что ещё недавно нашли превосходного Вермеера, а в Брюсселе на аукционе за сто франков был куплен несомненный Рембрандт. Кроме уничтожений, старинные картины нередко записывались сверху по совершенно непонятным причинам. Так случилось и с картиной Дюрера, и со многими итальянскими и нидерландскими отличными художниками. Мне лично пришлось купить в совершенно записанном виде хорошего Ван дер Вейдена. Наши дни должны принести ещё большие неожиданности не только со старинными картинами, но и с нашими. Знаем о пропаже "Ункрады", "Сечи при Керженце", "Казани", "Зовущего", "Похода" и многих других картин. Говорили, что в одном польском замке во время войны погибло множество картин и в том числе шесть моих. В то же время на уединённом острове Сааре Маа находят какую-то мою картину. В Швейцарии оказывается эскиз к "Идолам", который давным-давно считался утраченным. Поистине, пути искусства неисповедимы.

Все помнят, как в 1906 году в Америке было на принудительном аукционе за долги комиссионера выставки Грюнвальда продано 800 русских картин. Среди них были и Репин, и братья Маковские, и Мусатов, и много других известнейших художников. Так, до сих пор осталось совершенно неизвестным, куда расплылось все это множество произведений. У меня было в этом числе семьдесят пять этюдов русской старины и картины "Сходятся Старцы", "Псков". Часть из них попала в музей в Калифорнию, но 25 вещей исчезли без всякого следа. Говорили, что они где-то в Канаде. На одном из случайных аукционов в Лондоне мне пришлось видеть две картины Верещагина. Спрашивается, где находится вся его индийская серия? Неисповедима судьба искусства. Вечные странники.

Пропали "Световитовы кони", "Вайделоты", "Предательница", "Заговорщики", "Малэн", "Ункрада", "Зовущий"... А где "Три радости"? Где "Волокут во локом"? Где "Кончак"? Начнёшь считать, и конца нет.

[1938 г.]

Н.К. Рерих. "Из литературного наследия". М. 1974 г.

27 июня 1938 г. Гималаи

Письмо Н.К. Рериха к Северянину И. В.

Дорогой Игорь Васильевич.

Спасибо Вам за Ваше доброе письмо, - оно недавно дошло в наши далёкие горы. Радуюсь Вашим добрым словам о Ранните, ибо и я к нему отношусь с большой сердечностью. Радуюсь и тому, что его стихи будут переведены при Вашем участии. Именно Вы сумеете сохранить характерность его выражений. Всегда радуюсь каждому единению, а тем более единению среди мастеров искусства. Сами видите, какой свирепый армагеддон сейчас гремит. Люди теряют человекообразие и заняты изобретением братоубийственных орудий. Бесчисленны взрывы, как бы и планету не взорвали.

Один мой биограф просил меня спросить, нет ли у Вас ещё каких-либо упоминаний меня вроде как в поэме, Вами нам присланной. Повсюду имеются преданные друзья, которые собирают для всяких симпозиумов характеристики.

В прошлом году Б. Григорьев писал мне с великим отчаянием, как бы предвещая конец всякой культуры. По своему обычаю я возразил ему, что не нам судить, будут ли сжигать наши произведения. Ведь мы вообще не знаем ни читателей, ни почитателей наших.

Помню и другое отчаяние, а именно покойного Леонида Андреева, который писал мне о том, что «говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не вижу». Именно все мы не видим их.

Может быть, и Вам иногда кажется, что у Вас нет читателей. Но даже в нашей горной глуши нам постоянно приходится слышать прекрасные упоминания Вашего имени и цитаты Вашей поэзии. Ещё совсем недавно одна неожиданная русская гостья декламировала Ваши стихи, ведь Вы напитали Вашими образами и созвучиями многие страны.

Все мы находимся в таком же положении. Уж очень щедро было русское даяние. Потому-то так трудно усмотреть и урожаи. Русская музыка, русский образ, русские слова запечатлены во всех частях света. *Нет такого дальнего острова, где бы не отобразилась русскость.* Даже и в трудах, и в трудностях будем беречь Русское Сокровище. Оно так велико и прекрасно, что за ним будущее. Вы, может быть, удивитесь такому оптимизму, но думаю так не только потому, что верю, но и знаю. Много раз мои слова и картины считались пророческими, так и о Русском Сокровище позволю себе пророчествовать светло.

А Россия и все её народы преуспевают. Стравинский писал о кретинизме Европы и Америки. Он живёт в Европе и недавно был в Америке, - ему и книги в руки. А мы будем светло мыслить о лучшем русском будущем. Пока что весь мир, несмотря на зависть, должен был поклониться и русской литературе, и театру, и живописи - всему русскому.

Каждая Ваша весточка будет мне радостью. Шлю Вам душевный привет.
Искренно

Н. Рерих.

Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

«Нет такого дальнего острова, где бы не отобразилась русскость...»

Н.К. Рерих. Гималаи (Три витязя). 1938.

ИЮЛЬ

7 июля 1938 г. Toila

Письмо И. Северянина к Рериху Н.К.

Toila, 7. VII. 1938 г.

Дорогой мой Николай Константинович,
Простите меня за откровенность и, как Воскрешённой, примите её:
Я, моя жена и мой сын Вас гибнем. Пояснений для Вас не нужно: вы и сами всё знаете, да я и писал Вам раньше.

Настаёт двенадцатый час.

Счаемое душу щемящее – Вакх². Ему 16. Трудолюбив, скромн, способен, сердечен, светел. Перешёл во второй класс Госуд. Технич. Учил[ище] Блистательно. Ещё 4 года должен учиться. Будет мастером на заводе. Оклад – 40-50\$ в месяц. Это – наша единственная опора. Уж он-то нас не оставит: *настоящий*. Однако, мы *просто не можем* его поддерживать: мы сами уже без ничего. Самим нет. Для того, чтобы нам всем прочим, здесь нужно 20\$ в месяц, но источники иссякли. Окончательно. Помогите хотя бы единовременно. Я сердце чувствую ежеминутно, – всегда. Жена, талантливейшая русская поэтесса (я пришлю после Вам её невообразимые ститхи) хронически болеет почками. Помочь она нам с Вакхом не может. Она – *надмирная*, она – *внежизненная*. Предвидящая и *нискемная*. Лишь отчасти *моя*. В прошлой жизни *убиенная инфанта*. Эстонка теперь, мыслящая по-русски. И пишущая изысканнейше. Самые короткие стихи. Из недавно на море (Лодки не видно!), В лесных дебрях. Под грозой, в дожде, в бурю. Мы с нею разное. Но я обожаю её. *Неприкосновенная...*

...Я не могу больше. Простите.

Верую в Вас. Не дадите бесславно погибнуть.

Люблю и благодарю

Архив Музея Рерихов, Москва. (автограф)

18 июля 1938 г.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.

C/o Musée Roerich

7 rue de Valois. Paris – 1 (France).

18-июля 1938

Дорогой Боря,

Мы очень рады, что письмо наше дошло к Тебе. Сейчас пишу по следующему соображению. Когда в 1926 году мы были в Москве, ко мне приходил кто-то от Госиздата (к сожалению, не могу припомнить кт о именно) с предложением издать мою автобиографию. Тогда мы спешили с Тибетской экспедицией, и это обстоятельство не получило движения. Теперь мне думается следующее. Следовало бы предложить Госиздату или «Искусству» мою книгу Алтай-Гималаи. Сейчас так много внимания уделяется русским

² Вакх – сын И. Северянина. – Ред.

экспедициям, чему мы очень радуемся, ибо прежде русские достижения часто оставались в пренебрежении. Думается, что большая наша экспедиция вполне своевременно могла бы быть издана по-русски. Интерес к Тибету и Монголии по-прежнему велики, такая книга, пожалуй, была бы ещё лучше, нежели автобиография. Пожалуйста, узнай положение вещей и напиши мне.

В 1924 году в изданиях ВЦИК Советов был издан интересный очерк Кузьмина о моём искусстве. Не знаю, какой и менно это Кузьмин, ибо я знал их несколько. Не приходится ли Тебе с ним вст речаться? Я просил послать Тебе книгу Всеволода Иванова «Рерих Художник Мыслитель» и статью Голлербаха, которая появилась в переводе. Получил ли Ты их?

Читали мы книгу Грабаря и сожалели, что многое обо мне не от-³

Архив Музея Рерихов, Москва.

Н.К. Рерих. Гималаи (Белеющиеся вершины). 1938.

19 июля 1938 г. Гималаи

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

19 июля 1938 г.

Дорогой Павел Федорович,

Спасибо Вам и тем Таллинским друзьям, которые прислали мне книгу «Волга идёт в Москву». Меня очень тронуло понимание друзьями моих патристических направлений. Действительно мы должны знать все преуспевания. Такие монументальные сооружения, как описанный в книге канал, принадлежат уже всей нации, каждому русскому. Также поблагодарите, пожалуйста, Бориса Новосадова за его тетрадь звучных стихов. У него есть несомненный поэтический дар, – пусть он не впадает в пессимизм, ибо каждому удастся приложить свой талант.

Слышали мы, что Вы теперь работаете в книжном магазине, а такая работа есть истинно культурное дело. Сколько полезных семян можно заронить проходящим. Ведь хороший книжный магазин, хотя бы и маленький, уже является очагом культуры. Сколько раз приходилось наблюдать, как книжная лавка становилась своеобразным клубом. И в литературе неоднократно именно фон книжной лавки избирался местом действия. Помните, как у Анатоля Франса самые поучительные беседы происходят именно в книжной лавке. Я

³ Письмо незакончено, т.к. в Архиве представлен только л., л. 1 об. отсутствует.

Вам посылал полученную мною из Америки статью «Будем Бережливы». Мне приходилось слышать из Парижа хорошие отзывы об этой статье. Действительно всем людям, а в особенности деятелям нужно быть напряженно бережливыми. Столько неповторимых ценностей часто уничтожается человеческим невежеством. Получили мы книгу Грабаря, и я очень сожалею, что обо мне сказано многое не отвечающее действительности. И даже приписаны мне слова, которых я никогда не произносил. Другой раз хочется собрать воедино всевозможные печатные выдумки и посмотреть, какая невероятная чепуха пускается по миру. Меня уже три раза хоронили, а некий русский профессор Коренчевский в Лондоне сообщил мне удивительную новость, что я вовсе не Рерих. Вот через такие обезьяньи ласки приходится проходить. Н.Ф.Роот прислал мне номер журнала «Сельское Хозяйство» со своей статьей. Среди сотрудников журнала упоминается Я.М.Шаховской. Нельзя ли узнать, тот ли это Яков Михайлович Шаховской, бывший директором сельскохозяйственной школы во Пскове, и где он сейчас. Постоянно *[приходится]* встречать друзей и родственников в совершенно неожиданных местах. Именно, как я писал в моем очерке «По лицу Земли», прошли русские и много посеяли семян культуры. Ещё раз спасибо за присланную книгу. Шлём Вам наши лучшие душевные пожелания. Искренно,

Н.Рерих

Оригинал письма хранится в ЦГАЛИ, в архиве П.Ф.Беликова находится копия с оригинала.

22 июля 1938 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

22 июля 1938 г.

Дорогой Павел Фёдорович,

Только что послал Вам письмо паровой почтой, благодаря за книгу, как пришло Ваше письмо от 21 июня, которое нас очень порадовало. Прежде всего, шлём привет Вашей супруге. Очень приятно слышать, что она и педагог и агрикультуристка, – оба эти обстоятельства так нужны в служении народу – человечеству. Если же Вы оба одинаково устремлены к Живой Этике, то это может создать истинное семейное счастье. Нередко можно наблюдать печальное зрелище, когда супруги в существе своём совершенно различно мыслят, и тем создаётся домашняя безмерная тягота. Также нас весьма порадовало Ваше сообщение, что Вы работаете в представительстве «Международной Книги». Таким образом, у Вас сложатся связи с лучшими элементами. Пожалуйста, сообщите нам, возможно ли через Ваше представительство выписывать нужные нам книги с обычной издательской скидкой, так как у нас есть издательство. Так, например, сейчас нам хотелось бы иметь Поппе «Грамматика Монгольского языка», Л-д, 1938 г. Кроме того, нельзя ли Вам протолкнуть туда книгу Всеволода Н. Иванова «Рерих: Художник-Мыслитель» – ведь Вс. Иванов хотя ещё недавно был в Шанхае, но он тамошний писатель и ра <...> туда же протолкнуть и статью Голлер[баха] <...> [*Не*]рушимое». Вообще, если сообщите нам эти Ваши новые соотношения, то весьма порадуете. Сейчас совершаются такие спешные процессы и каждый должен думать о приложении к истинному строительству. Присланная Вами книга о канале ещё раз доказывает размеры происходившего народного строительства. Никто не может быть против народного творчества. Может быть, Вы препроводите и прилагаемую статью

«Чаша Неотпитая» туда. Всячески укрепите эту Вашу работу. Удивляюсь, что не получаю писем от моего брата Бориса Конст[антиновича], хотя и имею его расписки в получении моих писем. Кто знает, может быть, его письма где-то пропадают. Ведь это может случаться на разных границах. Мир пришёл в такое состояние, что затруднения могут возникать даже в самых неожиданных местах. Во всяком случае, будьте весьма осмотрительны. Что касается нашего общества в Таллинне, то действуйте без излишней торопливости, избирая наилучшие моменты для полезных выступлений. Вполне естественно, что в летнее время всё затихает. Не знает ли Ваша супруга Я.М. Шаховского (бывшего директора сельскохозяйственной школы во Пскове) – этот вопрос перегонит моё пароходное письмо, в котором я также спрашивал о нём. Если же Вы его знаете, то передайте ему наш привет. Ещё раз шлём лучшие пожелания Вам в Вашем семейном строительстве и будем рады вестям Вашим. Искренно,
[Подпись]

Бандеролью посылаю Вам несколько воспроизведений и статью Голлербаха.

Из архива П.Ф. Беликова

31 июля 1938 г. Калифорния
Письмо А. Кауна к Рериху Н.К.

31-го июля, 1938 г.

Дорогой Николай Константинович!

Спасибо сердечное за хорошее, как всегда, стимулирующее письмо и за печатные книжки. Из Риги получил отчёт о Конгрессе. Мой стол ломается от «Рерихианы». Весь мир всё больше насыщается духом Вашего творчества и Ваших идеалов. В виду этого огромного факта, история с Нью-Йоркским музеем испаряется в пустяк. В самом деле, какое значение может иметь это скандальное обстоятельство, когда всемирный рост влияния и ценности Вашего имени совершенно заслоняют единичные неприятности? Г-н Хорш мне прислал длинное объяснение. С легальной точки зрения, он, может быть, вправе поступать, как он поступает – я в этом не умею разбираться. Но дело, разумеется, не в легалистической казуистике. Больно, что крупное учреждение, моу́зейна, искажает свою первоначальную физиономию. Но повторяю, sub specie aeternitatis (а Ваше дело встаёт в вечности), скандал с музеем теряет всякую важность.

Сердечный привет Вашей супруге и
Святославу Николаевичу.

Александр Каун.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Автограф)

АВГУСТ

1 августа 1938 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к И.Э. Грабарю И.Э.

На штемпелях даты: Paris XY/25.8.38. / Москва почтаamt/29.8.38.

Monsienie Jgor Grabar
с/o Mezhdunarodnaja Kniga 18, Kouznetzky Most
Moskou _U.R.S.S.

Игорю Эммануиловичу Грабарю
«Международная Книга» Кузнецкий Мост № 18
Москва С.С.С.Р.

Exp. Musée Roerich, 7, rue de Valois Paris I (Franse)

Дорогой Игорь, недавно мы вспоминали старые времена. Е.И. хорошо поминала Твой приезд вместе с В[алентиной] М[ихайловной] – она ей очень понравилась, и мы всегда жалели, что разные города и расстояния мешали частым встречам. Не успели мы помянуть Вас дружеским словом, как получаем Твою интересную книгу⁴. Все мы, и Е.И. и Юрий и Святослав прочли её со всем вниманием. Ярko написано и очень хороши воспроизведения. Помнишь в былое время, Тебя называли Вазари. В книге Ты спрашиваешь, почему Ты слышал от меня об Абиссинии, а мы затем поехали на Восток. Дело очень просто. Когда я виделся с Тобой в Москве, действительно предполагалась поездка в Эфиопию, а из Москвы мы поехали на Алтай, ибо Е.И. при её слабом сердце не выносит летнюю жару. Уже во время Алтая выяснилось, что в Абиссинию нам не попасть, и это очень жаль, - там фольклор и древен, и многообразен. Ты пишешь, что слышал о какой-то моей книге с описанием фантастической пещеры. Интересно бы знать, откуда истекла такая легенда. Я такой своей книги не читал. И ещё одно недоумение: Ты говоришь о том, что мои картины предлагались в музей С.С.С.Р. и не были приняты. Скажи мне, пожалуйста, происхождение и этой легенды – о ней я также ничего не слышал. Вообще в мире бродят такие любопытнейшие мифы, и никогда не знаешь, где именно и с какою целью они зародились. Мне приходилось слышать такие небылицы, что прямо диву даёшься. Когда встретимся, а я в это верю, могу рассказать Тебе многое любопытное.

Слышал ли Ты, что умер А.Е. Яковлев. Редает наше поколение. Уже нет Кустодиева, Дягилева, Чехонина, Браза, а теперь ещё ушёл и Яковлев. Так мы и не знаем, отчего собственно он умер. Говорили от какой-то операции, о предполагаемом раке, но ясно одно, что смерть произошла после операции. Бенуа и Добужинский очень хорошо о нём написали. Глаз добрый всегда нужен и особенно доходчив до сердца.

Ты пишешь, что Серов очень не любил меня, спрашивается, зачем же он тогда бывал у нас. При прямоте его характера такая двойственность меня удивила бы, тем более, что с нашей стороны к нему было всегда самое лучшее отношение. Хотелось бы иметь Твою весточку. Мы по обыкновению всё время

⁴ Грабарь И. Э. Моя жизнь. — М.-Л.: Искусство, 1937/ - Ред.

всё за работою. Е.И., несмотря на слабое сердце (здесь и докторов-то нет), очень много пишет и перевела большие книги. Юрий сейчас работает над историей Средней Азии, а Святослав развернулся в очень яркого и сильного художника. Я – всё время пишу новые картины, пишу и книжно. Имеем письма от Бенуа – пусть группа нашего поколения держится тесно и дружественно. Е.И. и все мы шлём В[алентине] М[ихайловне] и Тебе, и Твоей семье (портрет дочери Твоей видели) наши сердечные приветы, и всегда будем рады иметь Твою весточку.

Искренно НРерих.

Отдел рукописей ГТГ, ф. Грабаря 106/10134, 2 л. (Машинопись)

2 августа 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.

2-АВГ-38

Дорогой Боря,

Посылаю Тебе одну статью, которая пригодилась бы для прессы. Очень ценно отметить, что за последние годы всюду особенно подчёркивается русскость моего творчества. Ты знаешь, насколько мне приятна такая оценка. Как видишь, автор прилагаемой статьи поминает очерк Кузьмина. Знаешь ли Ты его, ибо по очерку он, должно быть, очень интересный человек и даровитый. У нас в Школе Поощрения Художеств был Кузьмин, но не знаю, тот ли это. Также всегда вспоминаю из нашей школы Вольтера. Когда мы были в 1926 году в Москве, он написал отличную статью «Как живы заветы Учителя». Как хотелось бы всем этим славным и даровитым сородичам передать весь опыт, накопленный в течение последних лет. Имей в виду, что я написал в Комитет по Делах Искусства о желании моём сделать дар Музею из трёх картин последнего периода - даже последнего года – ведь группа моих картин, имеющаяся в Музее, не может представлять мой последний период, о котором в разных странах так хорошо говорят. Намеченные мною три картины: «Микула Селянинович», «Настасья Микулична» и «Гималаи». Святослав хочет принести в дар мой портрет, им недавно оконченный. Я не знаю настоящего состава Комитета – может быть, ты напишешь мне о нём. Сейчас я работаю над картиной...

3 августа 1938 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к Северянину И.

3 авг. 19(38) г.

Дорогой Игорь Васильевич, читаю Ваше письмо и думаю, думаю, как помочь Вам. По нынешним временам это совсем не так просто. Мои личные средства совершенно истощены, а художественных продаж не предвидится, и журналы гонорара не платят. Впрочем, я никогда не был богатеем. Если бы только можно было знать, где существуют те газеты или журналы, которые ещё платят гонорары, то я употребил бы всё моё доброе стремление, чтобы поместить там или Ваши всегда прекрасные поэмы, или что-либо из моих писаний в Вашу пользу. Но не знаю я таких изданий, а сведения, поступающие из разных стран, более чем неутешительные. В Америке повальный кризис, в Англии, говорят, вся жизнь вздорожала вдвое, а во Франции за помещение статьи не только не платят, но требуют ещё и денежный взнос. Таковы мои сведения. Прямо не знаю, куда обратиться. Вполне понимаю и Ваше тяжёлое положение. Вот и в Париже мой друг А. М. Ремизов жестоко бедствует, а уж чем живёт Бальмонт — и представить себе не могу. Если бы из голубого неба пришла ка-

кая-либо новая возможность, я прежде всего вспомнил бы о Вас; но говорить о голубом небе, когда вместо грома грохочут пушки, это весьма слабое утешение.

Неутешительно также и то, что с каждым днём положение вещей всё ухудшается, и человечество из кожи вон лезет, чтобы навредить самому себе.

Итак, если хоть что-либо с голубого неба свалится, я вспомню о Вас.

Если бы на земле были хоть сколько-нибудь хорошие положения вещей, то Ваши стихи были бы истинным украшением журналов. Но ведь до добра далеко, и красота поэзии для людей сейчас звучит не только отвлечённо, но даже мёртвенно.

А кому сейчас нужны картины? Если является мысль о выставке, то Вам представят такой бесконечный счёт предварительных расходов, что даже удачные продажи не покроют его. Так была идея выставки в Лондоне, но предварительные расходы были представлены в размере одной тысячи фунтов. Где уж тут думать о выставках.

В прежние времена выставки устраивались на комиссионных началах, не вовлекая художников в предварительные расходы, но сейчас и эта обычная практика уже не существует.

А книжные магазины лопаются, как пузыри, у нас за Поволоцким в Париже пропало несколько тысяч франков. Вот какие дела.

Не скрываю от Вас истинного положения вещей, ибо лучше знать всё так, как оно и есть. Всё наше доброе желание с Вами, но кто подскажет, что можно сделать.

Шлём Вам душевные мысли.

Искренно

Н. Рерих.

Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

[7-8] августа 1938 г.

Н.К. Рерих

ТЕАТР

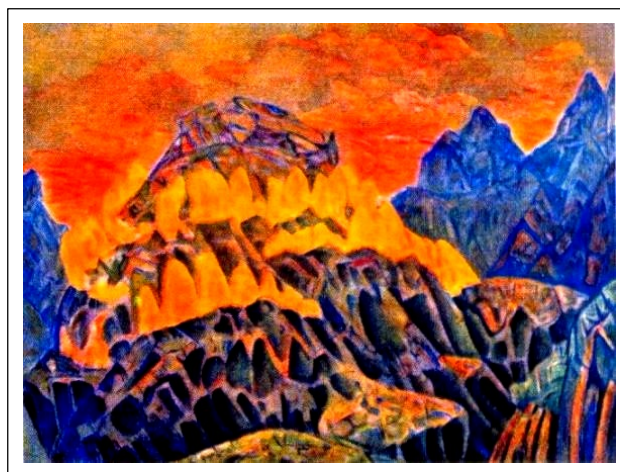
К участию в театре потянул Дягилев. "Половецкий Стан" в 1906 году в Париже дал отличные отзывы. Помню, как сильно написал Жак Бенар. Затем произошёл "Шатёр Грозного" для "Псковитянки" и "Сеча при Керженце" — для симфонической картины "Китеж"; одновременно Бакст делал "Шехеразаду". Помню, как изумился Дягилев, увидав, что мы оба, сами того не зная, сочиняли в красных и зелёных тонах. Тогда же Серов писал тоже для Дягилева занавес — неизвестно, где сейчас остались оба эти панно. Съели ли их мыши или же они подмокли где-нибудь и их разрезали на тряпки — всяко бывает. В Лондоне в 1919 году я видел "Половецкий Стан" в таком потёртом виде, что с трудом мог узнать первоначальный колорит. На небе зияла огромная заплатка. Когда же я спросил, что такое случилось, мне спокойно ответили. "В Мадриде прорвали, там сцена была меньше".

Потом пошло: "Снегурочка", "Валькирия", "Три Волхва", "Фуэнте Овехуна", "Игорь", "Салтан", "Садко", "Весна Священная", "Сестра Беатриса". В Художественном театре "Пер Гюнт". Для Свободного театра были готовы эс-

кизы для "Принцессы Мален". Марджанов очень мечтал об этой постановке. Бенуа хвалил эскизы, но в театре начались какие-то местные передряги, и предстояло закрытие антрепризы. Марджанов шепнул: "Лучше заберите эскизы, как бы не пропали". На том и кончилось. Сейчас серия "Принцессы Мален" разбежалась широко. Кроме русских собраний, отдельные части имеются в Атенеуме (Гельсингфорс), в Риксмусее (в Стокгольме), в Париже и в Америке. Так же широко разбросало и серию "Пер Гюнта". Особенно помню эту постановку, ибо тогда впервые пришлось встретиться со Станиславским и Немировичем-Данченко, и эти встречи остались среди лучших воспоминаний. А сегодня читаем о смерти Станиславского⁵ — ещё одна большая страница перевернута.

Н.К. Рерих. Жилище Гудинга. 1907.

Н.К. Рерих. Заклятие огня. 1907.

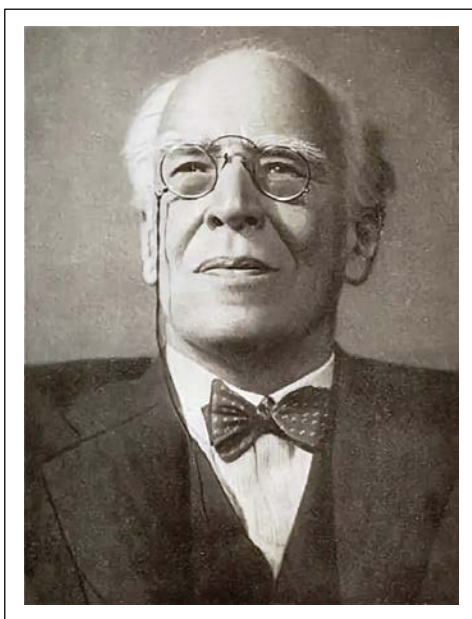
"Кунст унд Декорацион" назвал мои вагнеровские эскизы лучшими среди интерпретаций Вагнера. Не забудется и скандал, происшедший в Париже в 1913 году при первой постановке "Весны Священной". С самого поднятия за-

⁵ Константин Сергеевич Станиславский (5 [17] января 1863, Москва — 7 августа 1938, Москва)

навеса какие-то "джентльмены" вынимали свистки и завывали так, что даже музыка была слышна с трудом. Бросалось в глаза, что свистки были принесены заблаговременно, и свист и гам начинались с увертюры, — значит, всё было припасено заранее.

[1938 г.]

Рерих Н. К. «Листы дневника», т. 3. М., 1996. (Архив МЦР)

Константин Сергеевич Станиславский

Август 1938 г.

Н.К. Рерих

СТАНИСЛАВСКИЙ

Добрый глаз редок. Дурной глаз в каждом доме найдётся.

Мне говорили, что Станиславский заставляет своих учеников: "Умейте в каждой вещи найти не худшее, но лучшее". Чуткий художник знал, что огромное большинство людей с наслаждением служит культу худшего, не зная, как подойти ко всему, что приносит радость.

С великим рвением люди умаляют то, что им не по нраву. Какое долгое время они готовы проводить около того, что им показалось отвратительным. Встреча с чем-то нелюбимым порождает яркие слова, блестящие сравнения. И быстры тогда человеческие речи, и сильны движения. И горят глаза.

Но зато, как медленно-скучны бывают слова похвалы и одобрения. Как страшимся мы найти и признать. Самый запас добрых слов становится бедным и обычным. И потухают глаза.

Удалось испытать одного любителя живописи. За ним ходил с часами и незаметно замечал время, проводимое им около картин. Оказалось, около картин осуждаемых было проведено времени с лишком вдвое больше, нежели около вещей одобренных. Не было потребности смотреть на то, что, казалось, доставило бы ему радость; нужно было потратить время на осуждение. Нако-

нец, я сказал ему: "Теперь знаю, чем вас привлечь. Надо окружить вас вещами ненавистными".

Мы, славяне, особенно повинны во многоглаголении худшего. В Европе уже приходят к замалчиванию худого, конечно, кроме личных выступлений.

Но великие мастера всегда считают: если что показалось плохим, значит, оно не достойно обсуждения. Жизнь слишком красива, слишком велика, чтобы загрязнять себя зрелищем недостойным. Слишком много радостного, много заслуживающего внимания. Но надо знать бодрость и радость.

Надо знать, что нашему "я" ничто не может вредить. Остановившись перед плохим, мы у себя отнимаем минуту радости. Удерживаем себя вместо шага вперёд. Учиться радости, учиться видеть лишь бодрое и красивое! Если мы загрязнили глаза и слова наши, то надо учиться их очистить. Строго удержать себя от общения с тем, что не полюбилось. И у нас жизнь разрастётся. И нам недосуг станет всматриваться в ненавистное. Отойдёт ликование злобы. И у нас откроется глаз добрый.

Эти возвышенные мысли пришли мне на ум после встречи со Станиславским. Он был не только магнетической личностью, но и неутомимым сеятелем всего ободряющего и созидательного. Можно сказать, что он действительно имел глаз добрый.

С грустью в Гималаях мы приняли известие, что Станиславский ушёл с земного плана. Но где бы он сейчас ни находился, он будет счастливее, потому что неослабляемый восторг поведёт его к новым сияющим вершинам.

Несколько великих мужей недавно ушло от нас. Нет больше Шаляпина. Ушли Горький и Глазунов. Нет Трубецкого. Умер Яковлев. Свежая почта принесла известие о смерти Куприна. Вспоминается мастерский рассказ Анатоля Франса о том, что великие души встречаются за земными границами и продолжают там развивать идеи, которые вдохновляли их при жизни. Сколько чудесного вдохновения распространит Станиславский повсюду, где бы он ни оказался. И мы с благодарностью сохраним в наших сердцах память о его незабываемых театральных постановках и тот возвышенный восторг, которым он наполнял каждого, кто встречался с ним.

Несомненно, что все знакомые со Станиславским были тронуты тем, что даже после смерти гроб с телом покойного выставили в траурном зале театра, который всегда был для него настоящим храмом.

(1938 г.)

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

**16 августа 1938 г.
Письмо Н.К. Рериха**

16-АВГ.-38

**В Правление Русского
Культурно-Исторического Музея
В Праге.**

Русский культурно-исторический музей в Праге представляет собою явление глубочайшего значения. Это первый русский музей в Европе. Среди беспредельного русского строительства такой музей является маяком утверждения достоинства русского искусства и науки перед Европой. Русские достиже-

ния прежде бывали представлены на временных международных выставках, а также театральными постановками. Все эти выступления имели огромное значение для осведомления о росте русского творчества. Но всё же они были временными, а теперь Русский музей в Праге является учреждением постоянным, в которое могут сохранно стекаться разнообразные проявления русского творчества. Уже с 1906 года я неоднократно поднимал вопрос о полезности учреждения в Европе отдельного Русского музея или же способствовать учреждению русских отделов при существующих европейских музеях. Каждый из нас имел много случаев болеть о недостаточном ознакомлении Европы и Америки с русским творчеством и с русским народом вообще. Враждебные элементы не переставали сеять самые неправдоподобные выдумки, желая представить русский народ неуспешным, неудачным и отсталым.

Сейчас уже много сделано для правильного ознакомления иностранцев с русскими достижениями, и наш музей в Праге должен являться одним из вернейших средств для такого справедливого ознакомления. Быстрый рост музея доказывает как даровитость его учредителей - Булгаков, Новиков так и всеобщую отзывчивость к этому нужнейшему начинанию. Нужно порадоваться, что музей постоянно обогащается новыми отделами и, таким образом, действительно может представлять русскую культуру. При ограниченности средств, конечно, многое труднодостижимо, ибо приходится ограничиваться ожиданием пожертвований как вещевых, так и денежных. Прекрасно, что теперь уже имеется и краткий каталог. Для дальнейшего роста музея все же необходимо ещё более широкое осведомление о задачах и об истории возникновения этого учреждения. Следует иметь хотя бы краткую брошюру, хотя бы на трёх языках, удобную для широкой рассылки. Ведь нигде за границу не существует такого Русского музея, и потому мы вправе ожидать, что отклик должен прийти из всех частей света. И он может прийти, лишь бы только люди широко знали о неограниченных задачах музея. Русский музей творит общерусское дело.

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

17 августа 1938 г.

Н.К. Рерих

НОВОСТИ

Наугад беру несколько газетных сообщений из последней почты. "Комментарии излишни", каждое сведение говорит за себя. Если же ещё добавим репортажи с полей сражений с востока и с запада, то картина получится армагеддонная. К тому же войны ещё нет - происходит лишь "умиротворение". Какая ирония!

Запишем без прибавлений и убавлений так как есть.

"Невеста в лотерею". Сидней, 23 июля.

По случаю 25-й годовщины со дня основания австралийский город Винтон устраивает торжества и лотерею с небывалым призом: разыгрывается невеста, самая красивая и добродетельная девушка в городе. Билеты продаются исключительно холостякам, которые дают письменное обязательство жениться на девушке, если её выиграют. Городское самоуправление оплачивает

свадебное путешествие и предоставляет молодоженам меблированную квартиру в лучшем квартале города. До настоящего времени продано уже 300.000 билетов, делить которые на десятки части строжайше воспрещено.

"Новорождённый-заложник". Нью-Йорк, 23 июля.

Жена чиновника, Эллис Брюс, родила в городском госпитале в Чикаго младенца. Отец не мог внести требуемой платы, и дирекция госпиталя решила задержать новорожденного до уплаты денег. Брюс обратился в суд. Полисмена, явившегося за младенцем, директор госпиталя выгнал вон. "Заложник" отлично чувствует себя в пеленках и на искусственном питании, но родители в отчаянии.

"Преступность в С. Штатах". Нью-Йорк, 26 июля.

Исполнительный комитет Ассоциации американских адвокатов напечатал доклад с целым рядом статистических данных. Из них видно, что в Соединенных Штатах один из 37 жителей преступник, а 200.000 живущих сейчас американцев в будущем непременно совершат хоть одно преступление. В докладе высчитано, что в Соединенных Штатах каждые 22 секунды совершается одно преступление, что число убийств в 20 раз больше, чем в Англии, соответственно с количеством населения, и что расходы, связанные с поимкой преступников в Соединенных Штатах, в 1937 году увеличились на 6 проц[ентов] по сравнению с 1936 годом.

Число заключённых в тюрьмах Соединенных Штатов, по сравнению с общим количеством населения, во много раз больше, чем во всякой другой цивилизованной стране.

"Планетта - национальный герой". 27 июля 1938.

Из вчерашних телеграмм уже известно, что убийца Дольфуса - Планетта не только объявлен национальным героем в Германии. К Шушнигу предъявлено обвинение, что он допустил осуждение и казнь Планетты.

Планетта и Голивебер, как известно, были повешены по приговору военно-полевого суда. В течение четырёх лет австрийцы праздновали 25 июля память Дольфуса. В этом году впервые праздновалась память его убийц.

Планетта причислен к лику "героев великой Германии", которых национал-социалистическая пропаганда ставит выше Христа. В официальных "заповедях" для гитлеровской молодёжи 24-я заповедь (всего их - 51) составлена в таких выражениях: " - Как умирал Планетта?"

- С возгласом: "Гейл Гитлер! Да здравствует Германия!".

"Лондон проваливается". 26 июля 1938.

Английскими геологами установлено с полной очевидностью, что почва под Лондоном опускается приблизительно на один дюйм в пять лет. При этом бывают периоды, когда это опускание как бы совершенно приостанавливается, и, наоборот, иногда опускание почвы идёт необычайно быстро. Как бы то ни было, но за последние пять тысяч лет почва опустилась свыше, чем на 80 футов.

При исследовании находящихся недалеко от Лондона Мюльберийских болот выяснили, что есть циклы, когда опускание идёт сравнительно быстро; сейчас как раз наступил этот цикл.

Некоторые учёные предсказывают, что ещё нынешнее подрастающее поколение может дожить до такого времени, когда парапет набережной Темзы будет поднят на несколько футов выше человеческого роста, и люди, идущие

щие по набережной, будут только слышать пароходные гудки, но самих пароходов и воды видеть не будут.

"Огненные шары над Швецией". Варшава 14 июня.

27 мая около семи часов вечера замечены в Южной Швеции и над Балтикой у шведских берегов многочисленные спадающие огненные шары. Астрономическая обсерватория в Стокгольме собрала подробные данные, касающиеся этого дождя огненных шаров, и в настоящее время опубликовала.

Общим числом насчитано 493 огненных шара, которые в этот день спали с неба. Все с большим или меньшим треском лопались над землей. Некоторые были так светлы, что ослепляли. Шары эти - вероятно, остатки комет, блуждающие во Вселенной.

"Учёные наблюдают облака на Венере". Флагстаф, Аризона, 12 июля.

Астрономы Лоуэлльской обсерватории наблюдают здесь огромные белые облака на Венере, чтобы разрешить вопрос, что происходит на этом неизвестном мире. Облака совершенно покрывают Венеру, но меняют свою форму и тень, гонимые бешеным ветром. Доктор В. М. Слайфер, директор обсерватории, которая производит спектроскопические исследования, говорит, что, судя по качеству света, отражаемого облаками, можно судить, что они состоят из пыли.

"1938 год - последний год мира. Угрожающее предостережение учёного". Бомбей, 14 августа.

Предсказание, что земля придёт к насильственному концу в течение года, сделано лицом не меньшего значения, нежели доктором Куртом Вильгельмом Мейснером, директором Астрономической Обсерватории Франкфуртского Университета. Он основывает своё суждение на изучении феноменов природы, как участвовавшие землетрясения, исчезновение некоторых морских течений в Тихом океане и изменения климатических условий. Единственное объяснение, которое находит проф. Мейснер, заключается в том, что они вызываются огромной кометой, неожиданное влияние которой обрушится на нас и может потрясти всю солнечную систему.

Комета ещё невидима, но он вычислил её теоретический путь и пришёл к заключению, что она не будет видна до начала будущего года. Тогда, стремясь из пространства с колоссальной скоростью, комета вызовет гигантские приливы и землетрясения, которые в течение одной недели потрясут землю.

Алексей Каррель уверяет, что в близком будущем все люди сойдут с ума.
Куда же дальше?

"А избирают ли королев?" - "Мало того, что даже королев улиц, даже королей школьников выбирать начали".

- "А как сопляжники?" - "Превосходно сопляжничают".

"Пляшут ли человеки?" - "Да ещё как". - "На Титанике тоже плясали".

17 Августа 1938 г. Гималаи

Н.К. Рерих, «Листы дневника». М. 1995 г. (Из архива МЦР).

СЕНТЯБРЬ

*3 сентября 1938 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Кауну Александру*

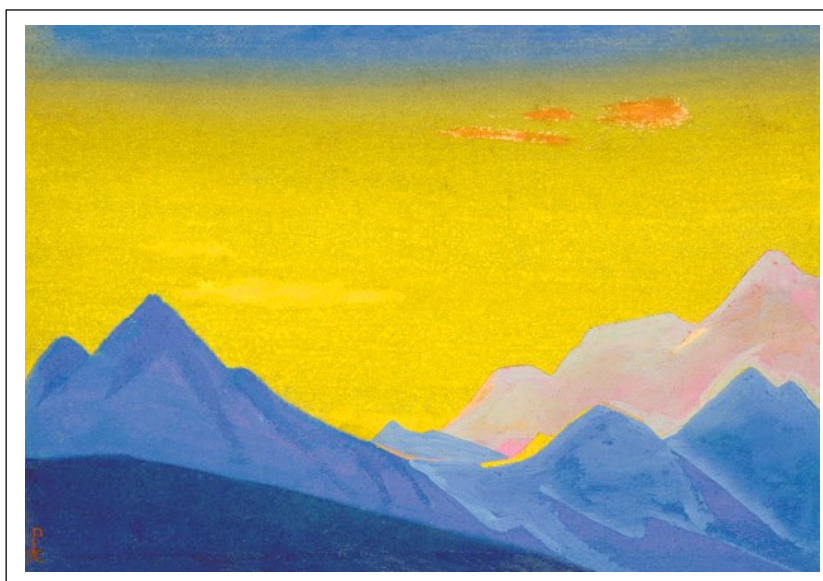
3-СЕНТ.-1938

Дорогой Друг,

Каждая Ваша весточка меня глубоко радует, ибо вижу, что вы по-прежнему преданы вопросам искусства и литературы – иначе говоря, служите культуре. Радуюсь, что Зельта Грамата вам понравилась. Может быть, вы уже получили, или скоро получите новую монографию Конлана. Это английский поэт, живущий под Парижем. Вы павы отмечая, что Нью-Йоркский вандализм не может влиять на весь размах культурных дел. Но всё же не забудем, что Хорш совершил преступный вандализм. Он уничтожил общественный музей, существовавший пятнадцать лет. Он сорвал самовольно со стен более тысячи картин, имевших прочную репутацию. Он бросил их в какую-то темницу - никто не знает куда. Он в лице моём оскорбил русское искусство. Все его гангстерские махинации основаны на подделках и манипуляциях. Он показывает в суде домашнюю, сделанную его женой «копию» с никогда не существовавшего документа о том, что будто бы все мы подарили ему принадлежащие нам шеры. Все мы пять членов совета клятвенно утверждаем, что мы подобной передачи никогда не совершали, но гангстер, имеющий при себе кошелёк, находит самые странные пути для своих подделок. Он, будучи моим доверенным, делает правительству ложный донос о том, что я не платил налогов с экспедиционных сумм. А ведь все знают, что экспедиционные суммы налогу не подлежат. Мало того, он пытается требовать обратно суммы, пожертвованные им учреждениям на предмет экспедиции. Всё что он теперь пытается злонамеренно требовать – это есть экспедиционные суммы. Где же это видано, чтобы кто-то через двенадцать лет начал требовать обратно суммы, пожертвованные им образовательным учреждениям. Если взять весь список его преступлений, то получается неслыханное свидетельство гангстеризма. Можете у Зин. Гр. Лихтман узнать все подробности. Упаси Вас попасться в лапы гангстера. Теперь имеем доказательства, что Хорш сознательно и злонамеренно подготавливал свой преступный вандализм уже в течение 16 лет. Замечательна гангстерская система, чтобы ограбить всех сотрудников дочиста, и клеветать, клеветать и клеветать. Прискорбно, что такая страница останется в истории искусства. Как хотелось бы мне видеть, какой такой новый клеветнический подвох Хорш послал Вам. Конечно, мы много слышали и читали о гангстерах, но ужасно видеть этот тип воочию. Напишите, что Вы думаете о Конлане. Когда получите его монографию. Мы все по обыкновению в работе, каждый в своей области. Все мы рады Вашим вестям. Шлём Вам дружеские мысли.

Духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва (машинописная копия)

Н.К. Рерих. Гималаи (Видение синих пиков). 1938.

4 Сентября 1938 г.

Н.К. Рерих

ВПЕРЕД

Не будет ли каждое воспоминание зовом "назад"? Не остановит ли оно поток продвижения? Не будет ли оно запрудой для течения новой мысли? Если воспоминание может остановить и преградить продвижение, то лучше и не ввергаться в эти бывшие области. Только то хорошо, что может исправить заблуждения и вдохновить к новым исканиям. Среди груд воспоминаний прекрасны лишь те, которые научали быть молодым, сильным, неутомимым. Сделанное нами ранее нельзя любить, ибо оно было несовершенно. Если же кому-то подумается оно совершенным, то пусть покажет он врачу засорившийся глаз свой. Нет беды в том, что прежде сделанное окажется несовершенным. Если оно представилось бы окончательным завершением, то прервался бы путь прекрасных исканий. Не убоимся того прошлого, которое насыщено примерами для будущего. В каждой неудаче уже заложен урок усовершенствования. Иначе к чему сказано: "Благословенны препятствия, ими мы растём". Не сожалеть надо о прокисшем молоке, но и его полезно использовать.

Синтез заповедан во всём. В нём преподано значение сотрудничества и содружества. Специализация полезна, если она служит синтезу. Не может возгордиться один член тела человеческого. Даже самый из них деятельный может существовать при наличии других. Синтез, сложение сил, ведет вперёд. В таком приказе звучит Беспредельность. В ней не может быть поражения. В ней не будет нелепых делений. Не будет рас, классов. Наконец, в ней не будет поколений. Поколения обозначаются там, где ветхость или юность. Но мысль безвременна. Мысль о благе, о знании, о красоте не может быть ветхой. Всякая ветхость даст смрад и гниение и может быть легко распознана. И злоба, и ненависть, и человекоубийство не принадлежат к передовым достижениям. "Вперёд, вперёд", - в этом стремительном приказе далеко позади остаётся всё смрадное и ненавистное. Если же найдётся и нечто старинное - оно будет обновлено пониманием нетленно прекрасного. О красоте мыслит тот, кто

непреклонно вперед устремляется. Он хочет и лететь, и творить, и приобрести к общему благу. В самости нет простора, нет полёта к обновлению. [*"Per aspera ad astra"* («Через тернии к звёздам» (лат.) – ред.).

4 Сентября 1938 г.

Н.К. Рерих "Зажигайте сердца". М. 1975 г.

6 сентября 1938 г.

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

6 сентября 1938 г.

Дорогой Александр Николаевич,

Твои вести от Венецианских Альп были нам вдвойне дороги. Во-первых – как всё, от Тебя идущее, и во-вторых – как напоминание о Венеции. Эта царица морей осталась у нас в памяти как невыразимая сказка. Можем себе представить, как городки, к ней принадлежащие, где ещё нет отравы газолиной или телефонной терзаний. Родовались мы и тому, что вы все вместе. Спасибо за приветы от Анны Карловны и Коки. Не пришлёт ли он снимки со своих постановок – очень хотелось бы видеть и Твои последние работы. Наверное, у Вас имеются какие-либо журналы или фотографии – если пришлёте, всех нас порадуете. Читали мы о выставке Бакста в Лондоне. Интересно, как она прошла. Кстати, в этой же галерее была и Твоя выставка. Будь добр сообщи, на каких, условиях выставки устраиваются.

Читал ли Ты книгу Грабаря. Недавно нам её прислали, и я поразился, сколько он обо мне наврал. Прямо удивительно, к чему так сочинять, если не имеешь в руках достаточно фактов. Я даже ему написал о некоторых несоответствиях. Впрочем, его склонность к сочинительству всем нам давно была известна. Он вспоминает, как видал меня в 1926 году в Москве, но и тут добавляет разные странности. Очень любопытно, что в 1926 году мы с Тобой были одновременно в России, Ты – в Питере, я – в Москве.

Как незаметно бежит время. Ты прав, помяная слова Серова. Особенно радостно, что все мы, ветераны выставок «Мира Искусства» остаёмся дружно, и молодое поколение (у Тебя – Кока, у меня Святослав) продолжает то же дело. Ведь у Добужинского сын тоже в искусстве. Не знаю семейных положений других участников «Мира Искусства». Впрочем, некоторые как-то совсем отскочили. Мне недавно был прислан каталог выставки Судейкина, и к моему удивлению, я прочёл крупный анонс, что Судейкин стал американским художником. Для меня это звучал совсем нелепо. Может ли человек, выросший в русских традициях, стать американцем. Вероятно, местные шовинистические тенденции понуждают к таким странным заявлениям.

Из того, что Ты живёшь во Франции, или я живу в Индии, ещё не значит, что Ты стал французским художником, а я – русским. Твоё почётное место будет навсегда в истории русского искусства и, по счастью, мы не имеем повода отречься от своего. Это уже не шовинизм, а просто исторический факт. Ведь и Добужинский, хотя бы был по паспорту Литовцем, всё-таки остаётся в истории Русского искусства. Недавно в «П.Н.» читали мы заметку о разрушении храма в Талашкино. В то же время из других источников мы слышали, что постройка, и даже фрески существуют. Право, ничего не поймёшь, а, между тем, уже приходилось встречать столько такого, которое объявлялось уже несуществующим. Только что мне писали, что в доме пограничной стражи на Балтий-

ском острове Саара Маа нашлась моя картина. Спрашивается, как она туда попала, и кто завёз её. Пишут, что она будет перенесена в Таллиннский музей. Вообще, удивительна судьба вещей. Мне пришлось видеть мою картину «Зовущий», сложенную как платок, со всеми протёртыми сгибами, и дама, «спасшая» таким путём картину, очень удивилась, когда я сказал о безнадежном состоянии.

В таком же виде кто-то привёз и Песнь о викинге. Целый список пропавших вещей, а затем некоторые из них вдруг появляются в самых неожиданных местах. Покойный В[еликий] кн[язь] Пётр Николаевич рассказывал мне, что во время Великой войны в Польше в одном замке он видел шесть моих картин среди огромного количества картин и всяких художественных предметов, но тогда они отступали, замок был уже кем-то сожжён. Всяко бывает. Очень трогательно сообщаемое Тобю завещание Яковлева, о Капри. Очевидно, он сознавал своё положение и готовился к последнему отъезду. В конце концов, это ведь только переезд, вроде как бы через океан. Чем больше знакомишься с обстоятельствами этой ступени, тем больше видишь её естественность. Люди как-то напугали друг друга всякими мрачными представлениями. У меня как-то был очерк «Жизнь Вечная»¹, в нём были собраны отзывы разных выдающихся деятелей. Недавно некий Август Вагнер запросил моё мнение по этому же поводу. Лишь бы только там иметь возможность встретиться доброжелательно, как и здесь. Кремацию мы все одобрили. Особенно же после того, как мы видели её в Индии, а с другой стороны, ужасались бесконечным мусульманским и китайским кладбищам. В Китае все поля усеяны курганами – могилами. Часто на полях остаются неприкрытые разваливающиеся огромные китайские гробы. Это зрелище довольно люгюберное [мрачное - ред.]. И без того много в мире, а особенно сейчас, мрачного. Всё-таки человечество дичает и культура остаётся какими[-то] отдельными островами. Слишком много отравы в воздухе, и люди ещё не умеют пользоваться доставшимся в их руки вещами и энергиями. Говорят, что смятение от солнечных пятен; может быть оно более того – от пятен на совести человеческой. Единение народов не складывается гекатомбами человеческих черепов. Переносимся мысленно в мирную обстановку Твоего летнего жилья. Запасайся силами к Парижскому бурлению. Сердечный привет милой Анне Карловне, Коке, его жене и всему младшему поколению.

Духом с Тобю

Архив Музея Рерихов, Москва.

¹ См. Н.К. Рерих. «Жизнь Вечная» (20 июля 1935 г. Тимур Хада)

ЛИСТЫ ДНЕВНИКА

Н.К. Рерих

СТИХИЯ

Прислали книгу "Волга идёт в Москву". Грандиозный новый канал останется историческим актом. Какое бы шипение где-то ни происходило, всё-таки дело остаётся делом и притом русским великим делом. По всей истории русской от летописных времён можно находить великие дела, размер которых обозначался лишь в веках. Нам приходилось знакомиться среди раскопок каменного века с системою Петровских каналов. Не забудем, что во время сооружения этих замечательных водных путей вспыхивали целые бунты, и называлось это благодеяние "антихристовым делом".

Стихийно звучат слова поэта Хлебникова: "Ставят новую правду зодчие наши на новых основах". А. Прокофьев скрепляет: "Конечно, повенчано, покрыто... Люди перестраивают мир". В. Саянов подтверждает: "Такое могущество силы, такое судьбы торжество... И память о том сохранили весёлые песни его". Стихийно звучат слова офицера: "Зубами вцепись в свою душу, и даже в минуты отчаяния и безвыходности добейся полного спокойствия и невозмутимости. Это - неотразимо для людей. А люди всё-таки склонны дрожать за свою шкуру. Для них своё логово дороже вселенной. Человек привык только к трём ничтожным измерениям, а беспредельные размахи мира повергают его в ужас. Добейся того, чтобы и смерть не ранила твоей души". Лужницкий с натуры воспроизводит рассказ бывшего бродяги: "Меня очень сильно занимают вопросы международной политики, проблемы завоевания стратосферы и разложения атомного ядра, великие исторические эпохи, жизнь знаменитых личностей... Мне знакомы имена Аристотеля, Бэкона, Ньютона, Моцарта, Бетховена и других великих людей. Я вдумываюсь в образы этих титанов, создавших целые эпохи философии, науки, музыки".

Многообразно народное творчество. Русский народ дал и мудрейшие пословицы, и былины, и плач, и радость. Эпохи запечатляются не убогою роскошью, но строительством. Историк и археолог, вскрывая давнишние города, отмечают прежде всего монументальные здания, водоснабжение, каналы, пути сообщения и все те общественные проявления, которые обозначили сущность этого строительства. По взрывам души народной, по стихийным взлётам последующее поколение исчисляет мощь потенциала. Обветшавшие умы пытаются представить даже лучшие человеческие достижения лишь миражом, подделкою, а то и просто выдумкою. Смелые лётчики завоевали новые пространства. И таких радостей общечеловеческих очень много. Признаем и порадуемся.

[1938 г.]

Опубликовано в журнале "Наш современник", 1967, № 7.

28 Сентября 1938 г.

Н.К. Рерих

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ

"Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкия песни. Под песни рубятся из сосновых брёвен

избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Всё дорожное летит под песни ямщиков", - говорит Гоголь о русской песне. Теми же словами можно сказать и о всех областях русского искусства.

Ещё недавно любовались мы "Словом о Полку Игореве", украшенным превосходными миниатюрами палеховских и мастерских мастеров. А ведь было время и ещё на нашем веку, когда этих мастеров не считали чем-то серьёзным. Так себе, иконописцы! Но стоило открыть дверь этому народному сокровищу, и получились отличные вещи. Кто приближался к русским самобытным кустарям, тот знает, какой неисчерпаемый кладёзь рукоделия и воображения заключён в народных глубинах. За время школьной деятельности мне пришлось встретиться со многими самоучками всегда радуюсь, что на собственном опыте пришлось удостовериться, как даровит народ. Стоит лишь открыть доступ к истинному художеству, и дарования вспыхивают в прекрасных образах.

В будущем году Академия Художеств празднует 175-летие своего существования. Каждый из нас, прошедших академическую учёбу, добром помянет свои школьные годы. Как таинственно зовуще было само здание Академии, предшествуемое на Неве сфинксами и окружённое по всей набережной Васильевского острова такими историческими зданиями, как Горный Институт - с одной стороны, Меншиковские Палаты, Университет, Биржа - с другой стороны.

От самого своего основания - от времён Екатерининских, От Дашковых, от Шуваловых, от наследий гениального Ломоносова стены Академии вместили и Боровиковского, Левитского, Кипренского, Венецианова, Брюллова и всю знаменательную группу передвижников. Нельзя сказать, чтобы Академия отворачивала от себя, ибо имена Репина, Куинджи, Маковских, Матэ, Шишкина, Дубовского и всех, имена которых остались в истории русского искусства - все эти мастера так или иначе прошли через Академию или около Академии. Среди рисунков в Академии на стенах классов можно было видеть целое собрание наших лучших художников - даже такие новаторы, как Врубель, оставили свои памятки на стенах натурального класса.

Нашему поколению пришлось ознакомиться с двумя эпохами Академии. Мы начали работу при старых профессорах вроде Вилливальде, Шамшина, Подозерова, Лаверецкого, Пожалостина и при нас на наших глазах совершилась реформа. Пришли передвижники. Можно было свободно избрать себе руководителя, и традиционный академизм, о котором так много говорилось, сменился свободой работы.

Из всех старых профессоров удержался лишь один П.П. Чистяков. В нём было много от природного учителя. Свообразие суждений и выражений привлекало и запоминалось. Но все мы спешили скорей перейти из натурального класса в мастерскую. Труден был выбор между Репиным и Куинджи не только потому, что один был жанристом, а другой пейзажистом, но по самому характеру этих мастеров. Создалась легенда о розни между репинцами и куинджистами. Но в сущности этого не было. У Репина были Кустодиев, Грабарь, Щербиновский, Стабровский. Почему нам, бывшим у Куинджи, ссориться с ними? У нас Пурвит, Руциц, Рылов, Химона, Богаевский, Вроблевский - каждый был занят своей областью.

В составе профессоров Академии происходили обновления. Пришли Ционглинский, Кардовский и Самокиш. Пришли затем Е. Лансере, Щусев, Щуко. Среди членов любителей были такие доброжелательные собиратели, как гр. Голенищев-Кутузов, Тевяшов, Дашков...

Старо-академическое крыло держалось М. Боткиным. О нём можно бы написать целую книгу. У него были и неприятные черты, но зато он был страстный собиратель. Знал Александра Иванова, Брюллова, Бруни - был свидетелем той "римской" группы, о которой всегда занимательно слышать. Конечно, наша группа, а особенно "Мир Искусства" был ненавистен Боткину. Но такая борьба неизбежна.

Бывали и такие диалоги. Встречаю Боткина, выходящего с выставки "Мира Искусства". Он бросает мне: "Всё сжечь". - "Неужели всё?" - "Всё". "И Серова?" - "И Серова". - "И Врубеля?" - "И Врубеля". - "И Александра Бенуа?" - "И Бенуа". - "И мой?" - "И ваши". - "И ваши нужно сжечь?" Боткин скидывает руками и спешит дальше. Уж эти аутодафэ! До чего они полюбились от самых древних времён! Но эта сожигательская группа в Академии Художеств была в значительном меньшинстве.

Московская группа была представлена внушительно - Суриков, братья Васнецовы, Виноградов. Таким образом, соревнование Москвы и Питера уравновешивалось. Кондаков, Айналов и Жебелев представляли, так сказать, профессорскую группу по истории искусства. Представители семьи Бенуа вносили культурное веяние. Конечно, такие революционеры, как Дягилев, в Академию не могли попасть, и это было жаль - ведь именно такие пламенные деятели могли вносить особенное оживление в деятельность Академии.

Такая работа могла бы иметь огромное культурное значение. Кроме самой Академии, в её ведении находился ряд художественных школ. Из них Киевская (Мурашко), Одесская, Харьковская и другие представляли из себя крупные художественные центры. По всем необъятным просторам могли быть раскинуты целые множества очагов искусства. Сколько утончения вкуса, сколько истинного отечествоведения могло бы быть легко посеяно даже в самых удалённых областях! Конечно, жаль, что так называемые художественно-промышленные школы находились в ведении Министерства Торговли и Промышленности - вне касания художественных центров. С давних времён мы пытались бороться против этого бюрократического разделения. Наш постоянный девиз - "искусство едино" не получал чиновных признаний. Между тем какое замечательное художественно-культурное единение могло бы состояться! Где же можно провести черту между искусством и художественно-промышленностью? Почему пуговица, вышедшая из мастерской Бенвенуто Челлини, должна быть нехудожественным производением, а отвратительная олеографическая картина будет претендовать на высокое искусство? Деление может быть лишь по качеству, безразлично, из какого материала создано произведение. О таких предметах трудно было спорить и в Академии Художеств, и в Министерстве Торговли и Промышленности. А со временем с любовью вносятся в музеи как картины и скульптура, так и художественные иконы и превосходные, вполне художественные изделия кустарей.

В далёких Гималаях, конечно, весьма трудно было следить за всеми русскими художественными изданиями последних лет. Но всё же, кроме превосходно изданного "Слова о Полку Игореве", мы получили хорошие книги о переписке знаменитых мастеров, о лессировке, а также прекрасные монографии

Юона, Петрова-Водкина, два тома, посвящённые Репину, и в последнее время автобиографию Грабаря. Все книги имеют много цветных воспроизведений, и многие из них отличного качества. Самый текст обработан чрезвычайно серьёзно, а библиографический материал собран весьма тщательно. Кроме этих больших изданий, вам пришлось видеть и целую серию общедоступных школьных книг вроде прекрасно написанной биографии Бородина. Таким образом, и школьный возраст может знакомиться с выдающимися Деятелими своей родины.

В Школе Общества Поощрения Художеств, кроме разнообразных мастерских, мы вводили также, и хоровое пение, и очень хотелось обогатить программу введением и музыки. Ведь художественные дарования развиваются так своеобразно. Не забудем, что Верещагин не был принят на экзамене в Академию Художеств, а Куинджи трижды держал экзамен неудачно, и на третий раз из тридцати экзаменовавшихся только он один не был принят. Вот каковы неожиданности жизни. Впрочем, именно тогда был наиболее глухой период академической деятельности. Если же взять списки академических заграничных пансионеров, то можно лишь удивляться, сколько из них не оставили следа в истории русского искусства.

Теперешний юбилей Академии Художеств должен быть не только памятным днём прошлому, но и праздником для будущего русского искусства. Среди всего великого и необычайного пусть Академия Художеств не будет похожа на всякие Академии - но пусть явится деятельным и живым рассадником для всех народных дарований.

Императорская академия художеств. Урок рисования. Фото 1890-х гг.

Вспоминаю 1893 год - экзамен для поступления в Академию. На экзамене была поставлена голова Антиноя. Рисовали три часа и с трепетом подали. С трудом могли дожидаться результатов экзамена. Прихожу в большой вестибюль Академии - там меня встречает один ученик и начинает утешать: "Не в этом, так в будущем году". - "Неужели провал?" - "В списке вас нет". Но тут же стоит швейцар Академии Лукаш - мы его очень любили - он укоризненно усовещивает шептателя: "Чего смущаете, раньше, чем говорить - прочли бы список толком". Принят и даже хорошо! На радостях пошли посидеть в Академический сад - там хорошо бывало в осеннее время, среди золота лип и клёна.

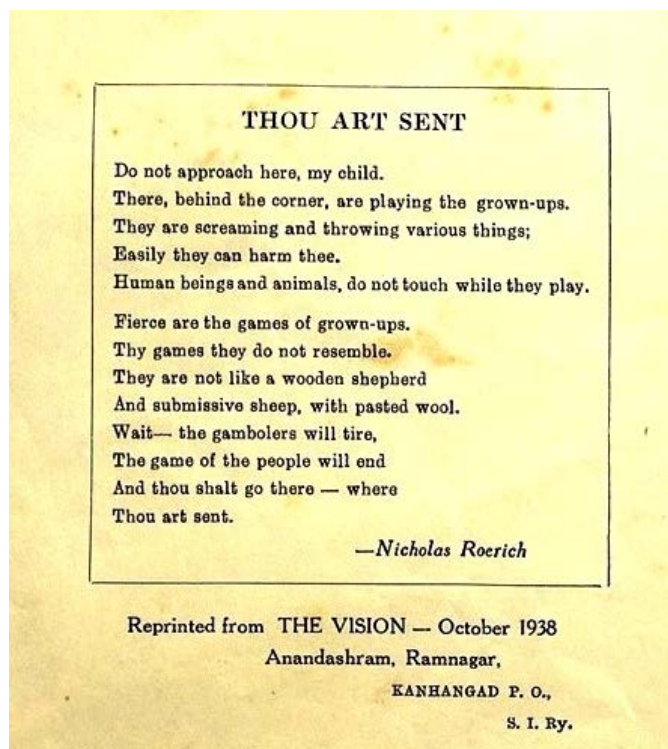
28 Сентября 1938 г. Гималаи

"Октябрь", 1958, № 10

ОКТЯБРЬ

Октябрь 1938 г.

Стихи Н.К. Рериха. Перепечатано из THE VISION – октябрь 1938 года/
Анандашрам, Рамнагар. КАНХАНГАД П. О.

Внизу ссылка:

Перепечатано из THE VISION – октябрь 1938 года/ Анандашрам, Рамнагар. КАНХАНГАД П. О. Лист со стихами Н.К. Рериха, хранится в архиве Музея Рерихов, Москва.

Перевод с русского яз. на английский стихотворения Н.К. Рериха «Послан» (1916):

ПОСЛАН

Не подходи сюда, мальчик.
Тут за углом играют большие,
кричат и бросают разные вещи.
Убить тебя могут легко.
Людей и зверей за игрою не трогай.
Свирепы игры больших,
на игру твою не похожи.
Это не то, что пастух деревянный
и кроткие овцы с наклеенной шерстью.
Подожди — игроки утомятся, —
кончатся игры людей,
и пройдёшь туда, куда
послан.

1916

Н.К. Рерих. «Цветы Морию». Берлин. 1921.

19 октября 1938 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

19 октября 1938 г.

Дорогой Павел Федорович!

Спасибо за письмо Ваше от 9-го. Радуюсь, что Вы держитесь крепко за Вашу работу, – именно её нужно углублять и расширять по возможности. Странно, что новая грамматика Поппе уже распродана, ведь она вышла совсем недавно в этом году_ и вряд ли такое специальное издание могло быть сразу распродано. У Поппе были ещё две грамматики 1931 и 1932 [гг.], но в данном случае мы говорили о новейшей, только что вышедшей. Интересно, что посланная Вами ЗЕЛТА ГРАМАТА дошла по назначению. Может быть, при случае Вам удастся ещё послать не только её, но и книгу Всеволода Иванова. Весьма сожалею, что, как Вы пишете, хулителем оказался не кто иной, как Гущик. Подумайте только, мне он пишет: «Дорогой Учитель», а в то же время за углом произносит хулу и клевету. Жаль видеть, когда способный человек допускает такую мрачную некультурность в своих действиях. Если бы мы знали точнее все его выходки и кривотолкования, мы могли бы ещё более вооружить Вас фактами. Если этот клеветник уже нашептывал Вам один раз, то весьма возможно, что он пожелает продолжить эту же свою мрачную деятельность, и Вам не мешает быть в такой готовности, чтобы немедленно дать твёрдый отпор. Одно дело, если клеветают какие-то гангстеры, а совсем другое, если в ту же грязную бездну ввергается способный русский писатель. Спрашивается, к чему Гущик портит свой собственный путь. Вы пишете, что он Вам показывал письмо Елены Ивановны, в котором она писала ему о мракобесии Ивашки Шаховского (очень хорошо, что он не родственник нашим Шаховским).

Какие же отрицательные выводы можно извлечь из этого письма, которое, по Вашим словам, было для Вас очень поучительно. Что же в нём было сказано худого обо мне, а ведь брань мракобесов для нас всех является лучшей похвалой. Вот в Харбине целая банда яп[онских] наймитов вроде Василия Иванова, Юрия Лукина, епископа Виктора, Аристарха Пономарева клеветает ценою на все тридцать сребреников. Когда же русское дело освободится от всех этих невежественных мракобесов! Мы были рады, что Вы встретились с Яковым Шаховским. В одном он ошибся – к военному делу тяготел всегда Юрий, а не Святослав. Так радостно, когда встречаются хорошие люди. Радуюсь, что и Ваша группа работает, и вполне естественно, что Вы не допускаете туда таких типов, как Гущик. Была ли привезена с острова Сааремаа моя картина в Таллинн, о чём давно писал Кайгородов, но с тех пор мы ничего более об этом не слышали. Итак, крепко держитесь за Ваше теперешнее дело и трудитесь во имя просвещения и правды. Сами видите, как гангрена происходит в Европе, потому будьте во всём осмотрительны. Привет Вашей супруге. Духом с Вами.

Н.Рерих

Архив П.Ф. Беликова

НОЯБРЬ

4 ноября 1937 г. Наггар. Кулу.

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

4 ноября 1937 г.

Наггар, Кулу, Пенджаб,
Британская Индия

Дорогой Друг,

Получил пакеты с дневниками нашего доктора и Портнягина, а также лекции Головина. Не получен ещё дневник Кордаш[евского]. Послан ли он, или же остался в моей файль, в которой он находился вместе с другими дневниками. Во всяком случае, буду просить Вас переслать его сюда.

У нас заболела Е.И. Простуда с очень сильной зубной болью. Вот уже пять дней, как Е.И. лежит в постели с жаром. Е.И. просила меня написать Вам по следующему делу, о котором я уже писал Вам в прошлом году. У Людмилы был счёт в «Банкерс Трэст Ко». Согласно последнему банковскому извещению на счету находилось 480 долл[аров] 59 ц[ентов]. Нельзя ли справиться в Банке о положении счёта. Счёт был открыт на имя: Miss Ludmila Bogdanoff c/o Louis L.Horch, 905 Wfest End Ave[nue], N.Y.

Кроме счета был ещё бонд дома на сумму 874 долл[ара] 50 ц[ентов]. С бондом выяснить, конечно, труднее, но счёт в банке должен был сохраниться, так как с 1930 г. денег с него не выписывали. Возможно, что Леви и тут проделал какую-нибудь гадость. Во всяком случае, это следует выяснить. Пожалуй-ста, напишите нам, как обстоит дело.

Решение рефери нас всех чрезвычайно возмутило. Нужно искать новых людей в новых кругах. Во всём этом сословии адвокатов царствует какая-то круговая порука, из которой выйти чрезвычайно трудно. Нужны адвокаты с крепкими моральными устоями. Вспоминается наша русская адвокатура. Много грязи и клеветы распространялось о России, но такого безобразия всё же не было, и подкупность имела свои пределы. В СПб. были адвокаты, которые умели достойно защищать своего клиента, и, когда нужно было, знали, как произносить звонкие формулы. Даже при самодержавии суд всё же пользовался автономией. У нас же на глазах происходит самая наглая игра закулисных интриг и тайных воздействий. Ведь то обстоятельство, что рефери является приёмным отцом адвоката противной стороны, неужели оно не бросается в глаза? Ведь это обстоятельство следовало бы использовать. Удалось ли Вам найти книгу Головина «Мысли об устройстве будущей Российской вооружённой силы». Не хотелось мне Вас беспокоить с этим, но, увы, издание это распродано и достать эту книгу снова невозможно. Сердечный привет С[офье] М[ихайловне] и Ав[ираху].

Душевно Ваш,

Ю.Р.

Только что получили известие, что здоровье Инге лучше. Очень рады этому обстоятельству. Не откажите передать мои наилучшие пожелания.

Издание МЦР, Москва, 2002.

5 ноября 1937 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

5 ноября 1937 г.

Дорогой Павел Фёдорович!

Очень рад видеть из письма Вашего от 22-го окт[ября], сейчас полученного, что здоровье Ваше оправилось. Благодарю Вас за Ваше приветствие. Ваша мысль о создании группы моего имени в Ревеле должна быть координирована с несколькими подобными же пожеланиями, высказанными в том же городе. Чтобы не произошло невольного столкновения, очень советую Вам списаться с Председателем нашего Латвийского Общества Рихардом Яковлевичем Рудзитисом, который находится в курсе образования Балтийских групп. Хуже всего, когда доброе желание не встречается, но сталкивается с таким же. Вы, может быть, уже слышали, что конгресс в Риге прошёл под знаком хорошего успеха, и таким образом получилось объединение всех Балтийских наших обществ и групп. Особенно приятно слышать, когда эти культурные очаги возгораются самостоятельно в полной самостоятельности. На Конгрессе была прочтена целая серия докладов по разным отделам культуры. Всё это очень хорошо, ибо объединение культурных элементов никогда так не было необходимо, как сейчас.

Из Эстонских газет мы также получили две хорошие вырезки в связи с Конгрессом. Каждое культурное дело для произрастания своего требует продолжительное время и должно нарастать естественно, ибо всякое доброе начинание непременно встретит и противодействие и непонимание. Борьба с невежеством должна быть действенным лозунгом каждого культурного работника.

Желаю Вам всего доброго, искренно,

Н.Рерих

Архив Беликова.

28 ноября 1937 г. Таллинн

Письмо Алексиса Раннит к Рериху Н.К.

Таллинн.

28 ноября 1937

Глубокоуважаемый проф[ессор] Н.К. Рерих!

От имени Союза Эстонских Академических Художников имею радость поздравить Вас - Великого Рыцаря Духа - с Вашим блистательным юбилеем. Союз просит передать своё благоговение перед глубоким откровением Вашего творчества с верою в реальное осуществление Пакта Мира.

С самыми сердечными приветами, преданностью и верою, что эстонские художники никогда не забудут Ваших великих Учений,

А. Раннит².

Архив Беликова.

² Алексис Раннит (Алексей Долгошев) (1914-1985) — эстонский поэт русского происхождения, родившийся в Калласте (Причудье), учился в эстонской гимназии в Тарту.

ДЕКАБРЬ

1 декабря 1938 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

1 декабря 1938 г.

Дорогой Павел Фёдорович,

Спасибо Вам за Ваше доброе письмо от 7-го ноября, только что до нас доплавшее. Мы очень порадовались Вашим намерениям существенно помочь новой Рижской монографии. Вы совершенно правы, что вместо случайных посылок гораздо полезнее устроить нечто в большом размере. Итак, не отягощая себя, сделайте всё, что возможно, для наших Рижских изданий. Грамматику Поппе Юрий уже получил из Парижа, и потому второй экземпляр её уже не нужен. А вот Монгольский словарь, о котором мы писали, был бы полезен. Списки имеющихся в продаже книг я передал Юрию, и если что потребуется – он напишет.

Жаль, очень жаль, что Гущик, как Вы пишете, занимается нашёптыванием и распространением клеветы. Какое это позорное и недопустимое дело, а для способного писателя – в особенности. От нас он ничего дурного не видел. Относительно картины в Сааремаа в своё время Кайгородов писал мне, что директор Таллиннского Музея собирается перевести её в Музей, но с тех пор прошло много месяцев, и не по льду же директор собирается перевозить картину. От Кайгородова я давно уже не имел никаких вестей.

Очень приятно, что Ваша супруга и вся Ваша группа продолжают полезное занятие. Накопление расширения сознания должно производиться с большим терпением и неустанно. Только на значительных промежутках времени можно замечать, как изменилось в лучшую сторону всё мировоззрение. Расширение сознания не есть искание каких-то скоропостижных чудес, но именно обогащение духа, и в этом смысле во всей каждодневности всегда можно применять новое расширенное сознание. Раннит выпускает книгу своих стихов в переводе Северянина. Наверное, Вы её видели, интересно знать о местном впечатлении. Очень хорошо, что и в дни труднейшего Армагеддона ещё можно выпускать сборники стихов и вообще думать об искусстве. Человечество привыкло в случае каких-либо мировых событий, прежде всего, пренебрегать просвещением и творчеством. А ведь без этих двух основ вкрадывается одичание и огрубление, а за ними появляются и разные густики.

Вы пишете, что перестали с ним видаться, и очень хорошо делаете, ибо к чему погружаться в тёмный мир клеветы. И так уже каждый газетный лист отягощён массой клеветы и лжи. Знаем, что Вам нелегко, но кому же сейчас из культурных работников может быть легко. Передайте мой искренний привет и супруге Вашей, и всем друзьям и продолжайте Вашу полезную работу. Духом с Вами.

Н. Рерих

Архив П.Ф. Беликова.

Вышла ещё одна книга о Парацельсе, об Агриппе Неттесгейском, о Раймонде Люлли. Ещё раз рассказывается, каким гонениям подвергались эти замечательные учёные. Странно вспоминать о всех невежественных на них наскоках теперь, когда труды их признаны и издаются внушительными томами. Впрочем, везде ли уже признаны они? В некоторых мрачных закоулках и посейчас считают Парацельса шарлатаном, Агриппу придворным отравителем, а Раймонда - фальшивомонетчиком. Энциклопедии ещё в недавних своих изданиях не стыдились поносить С. Жермена, и лишь в последнем выпуске сквернословие уменьшилось. Недавно скончался профессор Мак Дуггаль³. От него мы слышали, каким порицаниям он подвергался за свои исследования в области парапсихологии. Много крови ему испортили злобные игнорабусы [отрицатели - ред.]

Поучительно наблюдать, как именно свирепствуют эти тёмные силы. Прежде всего, они измышляют всякую ложь. Они не заботятся о каком-либо правдоподобии. У них, кроме лжи, нет другого оружия, и они стараются использовать её в полной мере. Судя по себе, лжецы отлично знают, что адептов лжи множество и метод лжи для всех них будет единственно приемлемым. Так и происходит нескончаемая битва мужественного подвига с лживым невежеством.

Вот мы ещё недавно наблюдали, как свора злобных врачей бросилась на своего даровитого коллегу, в неистовстве стремясь изничтожить его. Поистине, получилась мрачная картина средневековой инквизиции. Бездна лжи была вылита. Были изобретены лжесвидетели. Худшие исчадья человеческого порока были обнаружены, и трудна была борьба за правду. В конце концов, правда победила, но сколько сил было потрачено на восстановление истины! Можно ли до такой степени расходовать чистую энергию? Лжецы были отбиты и приведены к молчанию, но ущерба не понесли. Они заползли в свои тёмные норы, чтобы ещё более изодраться во лжи.

Знаем, сами знаем, как нелегко отбивать натиск лжи. Знаем, сколько сил уходит на отражение злобной своры. Для какой-то особой закалки нужно это состязание с тьмою. Преодоление хаоса происходит во всей жизни. Тень выявляет Свет. Без битвы невозможна и победа. Всё это так. Но как больно видеть неисчислимую затрату сил только на то, чтобы временно заставить примолкнуть отца клеветы и лжи, живущего тлением и разложением.

(Декабрь 1938 г)

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

³ Мак-Дауголл (McDougall), Уильям (22. VI. 1871 - 28. XI. 1938) - англ. психолог, известный гл. обр. своей идеалистич. теорией целевого поведения ("гормич. психология"). Врач по образованию, М.-Д. принимал участие в антропологич. экспедициях, работал в экспериментально-психологич. и физиологич. лабораториях. - Ред.

ХРОНИКА ВОЙНЫ

«ГАЗЕТА ДЛЯ ВСЕХ». Воскресенье, 25 декабря 1938 г.

Вырезка из газеты

НОВЫЙ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ КОНФЛИКТ

Переговоры о возобновлении японских рыболовных концессиях в русских водах Дальнего Востока зашли в тупик, вследствие чего советско-японские отношения вновь сильно обострились. Последнее требование японского правительства, **возобновить рыболовные соглашения до 31 дек., советское правительство отклонило.**

Получив отрицательный ответ, японское командование на Дальнем Востоке приступило к осуществлению ряда мер военного характера.

Из Китая и Южной Манчжурии к советской границе переброшены крупные военные силы и флоту дан приказ, быть готовым к защите японских интересов в русских водах. Налицо, следовательно, новая военная демонстрация Японии, с целью прямыми угрозами добиться возобновления договоров о рыболовстве.

В ответе на японские угрозы, **сов. командование на Дальнем Востоке сосредоточило на границах с Кореей и Манчжурией весьма крупные силы.**

Иностранная печать допускает возможность, что конфликт является началом общего похода Японии, Германии и др. на Россию.

- <> -

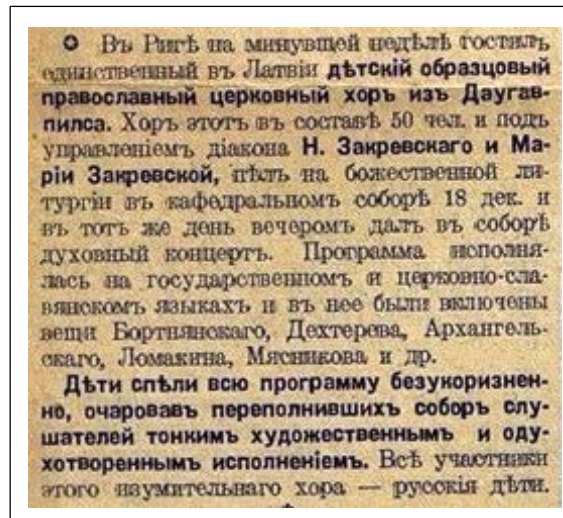

Вырезка из газеты

Русский Свободный университет в Праге, являющийся одним из наиболее крупных и устойчивых русских культурных центров в рассеянии, отпраздновал **15-летие своего существования**.

За 15 лет Русский Свободный университет имел 38.166 учебных и лекционных часов и 514.130 посетителей лекций, собраний, диспутов и т.п.

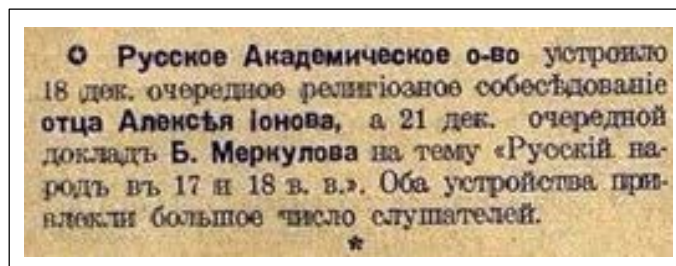
- «» -

Вырезка из газеты

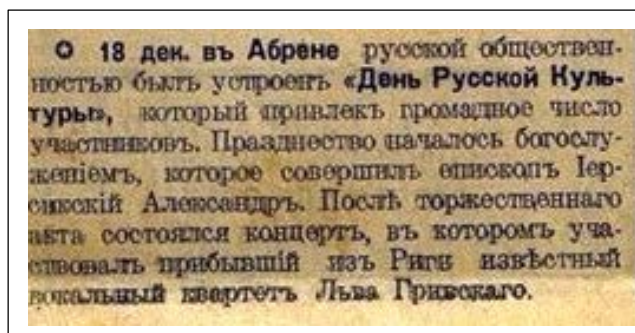
В Риге на минувшей неделе гостил единственный в Латвии **детский образцовый хор из Даугавпилса**. Хор этот в составе 50-ти чел. и под управлением диакона Н. Закревского и Марии Закревской, пел на божественной литургии в кафедральном соборе 18 дек. И в тот же день вечером дал в соборе духоаный концерт. Прграмма ис полнялась на государственном и церковно-славянском языках, и в неё были включены вещи Бортнянского, Дехтерева, Архангельского, Ломакина, Мясникова и др.

Дети спели всю программу безукоризненно, очаровав переполнивших собор слушателей тонким художественным исполнением. Все участники этого изумительного хора – русские дети.

Вырезка из газеты

«Русское Академическое о-во устроило 18 дек. очередное религиозное собеседование **отца Алексея Ионова**, а 21 дек. очередной доклад **Б. Меркулова** на тему «Русский народ в 17 и 18 в.в.» Оба устройства привлекли юольшое число слушателей.»

Вырезка из газеты

«18 декабря в Абране русской общественностью был устроен «День Русской Культуры», который привлёк громадное число участников. Празднество началось богослужением, которое совершил епископ Иерсикский Александр. После торжественного акта состоялся концерт, в котором участвовал прибывший из Риги известный вокальный квартет Льва Гривского.»

- «» -

Архив Музея Рерихов, Москва

Воскресенье, 25 декабря 1938 г.

Статья Н.К. Рериха в «Газете для всех»:

Академик Н.К. Рерих

РУССКАЯ ИКОНА

Теперь все знают, что старая русская икона есть ценнейший примитив. Весь мир ознакомился с этими нашими сокровищами и единодушно восхитился также и со стороны чисто Художественной. Это признание произошло в течение последних тридцати лет. Но ещё в 1900-м году дело обстояло совершенно иначе. Для одних икона была священным предметом, который из почитания можно наглухо забить гвоздями в золотой или серебряный оклад. Нам приходилось видеть чудесную живопись, забитую гвоздями, и варварство это происходило от почитания. Для других икона была какой-то кустарщиной, а прекрасные мастера-иконописцы презрительно назывались богомазами".

Когда мы ездили по Руси для ознакомления с фресками старых соборов и с чудесною иконописью, на нас смотрели как на чудаков. Один злой человек даже написал, что скоро весь обиход, по нашим рисункам, будет "по мотивам чуди и мери". На такие наскоки мы отвечали, что пройдёт несколько лет, и те же хулители будут восхищаться якобы вновь открытыми русскими примитивами. Восхищение это будет не только на страницах научных трактатов по истории искусства, но будет оно в лучших художественных оценках. Мы прибавляли: "И завоят и заохают, - будем их вопление пророчествовать". Так и случилось. Вдруг сделалось принятым ездить по старым монастырям, заботиться о восстановлении древних фресок и восхищаться новгородским, киевским и московским иконным письмом. Открылись глаза на ценнейшую художественную сторону иконописания - вдруг оказалось, что из среды народной постоянно выходили истинные художники. Одни из них оставили нам имена свои, но

большинство прошло безымянно, а ведь и они, эти "знаемые и незнаемые", "писанные и неписанные", были отличными мастерами.

Когда-то нам говорили, что только иноземцы научили русских иконников. Преемственность всегда была и во всём, и нам нечего отказываться от наследий Византии, Востока и Италии. Но никто не скажет, что такие великолепные мастера, как Симон Ушаков, Рублёв, Данило Чёрный "со-товарищи", не были исконно русскими дарованиями. Расширились страницы русской истории искусства. Оказалось, что вовсе не от основания Академии Художеств, но от глубокой древности русский народ уже может гордиться своими художниками, настоящими мастерами, которые с великим искусством изукрашали стены храмов и палат.

1938 г.

(Лист дневника № 60. Из архива Ю.Н. Рериха).

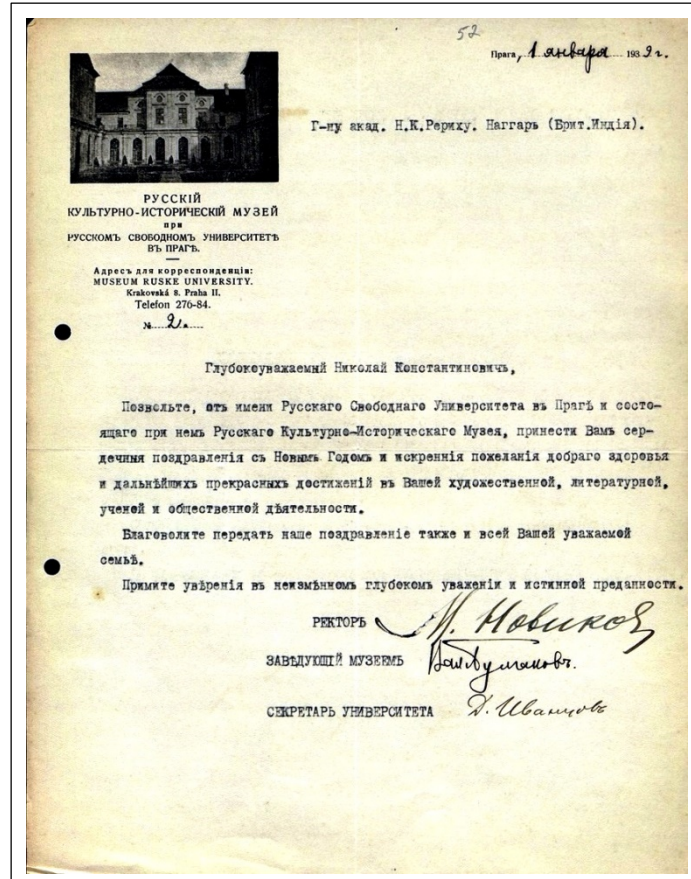

Вырезка из газеты

Архив Музея Рерихов, Москва

1939 г.
ЯНВАРЬ

1 января 1939 г. Прага
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

Автограф письма

Глубокоуважаемый Николай Константинович,
Позвольте, от имени Русского Свободного Университета в Праге, и состоящего при нём Русского Культурно-Исторического Музея, принести Вам сердечные поздравления с Новым Годом и искренние пожелания здоровья и дальнейших прекрасных достижений в Вашей художественной, литературной, научной и общественной деятельности.

Благоволите передать наши поздравления также и всей Вашей уважаемой семье.

Примите уверения в неизменном глубоком уважении и истинной преданности.

Ректор *М.Новиков*
Заведующий Музеем *Вал. Булгаков*
Секретарь Университета *Д. Иванцова*

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

2 января 1939 г. Париж
Письмо С. Ремизовой к Рериху Н.К.

Прежде чем начать писать, я перекрестилась и попросила св. Николу научить.

1939 г. 2 Января.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович, мы очень были довольны получить Вашу карточку – спасибо.

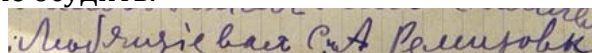
Я несколько времени собиралась написать Вам письмо, но меня стесняло то, что надо писать письмо через Георгия Гавриловича. Он – очень хороший, но то, что я собираюсь написать, я хочу сказать Вам непосредственно, без посредников. Сегодня заходил А.В. Руманов и написал Ваш адрес, чтобы я могла послать прямо Вам; он советует послать по авиону. Должно быть, так мы и сделаем.

Не знаю, с чего начать. Сейчас у меня душа плачет. Если б глаза плакали, наверно было бы легче, а то душа плачет. Жить стало окончательно трудно; у нас никого нет, к кому бы протянуть руки. Вдруг недавно получилась посылка от одного землемера из Алжира, мы его мало знаем, но он прислал посылку, где было кофе, бутылка вина, смоква, а сверху положена иконка Николая Чудотворца, привязанная его матерью из Бари. Стало легче, св. Никола пришёл к нам. Я подумала: я о Вас думаю, хочу написать, мучаюсь, а св. Никола пришёл, это – знак. Вы – тоже в его честь названы, Он, как бы, направляет к Вам. Теперь часто видишь то, чего не должно быть между людьми, а я верю, что человек бывает братом, так и пишу вам, и вы оба – русские, и мы оба – русские, сегодня мы говорили об этом. Так вот, мы – на краю пропасти, на краю гибели, и только Чудо может спасти. Я знаю, что Чудо от Бога, но посылается через человека. И ещё я думаю, Николай Константинович, что Вы любите Алексея Михайловича в самой Вашей нутри, как он Вас любит, и от него мне можно Вам писать. Прошедшая зима была особенно трудная из-за болезни. Каждый день был доктор и сестра, т° держалась высокая 39 дней – Бог спас. Но мы задолжали 1500 fr., заработки у нас всё уменьшаются, книги теперь издаются на счёт автора, Ал. Мих. имеет несколько готовых книг, которые лежат в столе; я получаю за свои лекции 3860 fr. – в год, через каждые 3 месяца $\frac{1}{4}$ этой суммы, частных учеников теперь нет. Если Ал. Мих. напечатают в газете, он, может получить, самое большее, 270 fr. В месяц, - но каждый месяц не печатают. Мы сократились во всём, к нам никто не приходит помогать по хозяйству, у нас нет femme de ménage, ещё года 2 назад приходила 2 раза в неделю, по 2 часа каждый раз, теперь и этого нет, что очень утомляет – всё самим делать, да и здоровья нет. Ал. Мих. начал делать альбомы, где своим прекрасным почерком пишет в единственном экземпляре свою ненапечатанную вещь и её иллюстрирует. Но в Париже так много хороших художников, у которых имя художников, очень трудно продать, если за 100 fr. удаётся продать, то хорошо.

Когда я думаю, как это мы ещё живы, сама удивляюсь. Может быть, можно было бы как-нибудь устроить эти альбомы? Осенью мне принёс разбирать Руманов старинный свиток, и я получила 400 fr., но эта работа, мне близкая, так редко бывает. После того, как я разобрала свиток, Ал. Мих. его переписал своею рукою, чтобы не тратить на машинку, а надо, чтобы понятно было переписано. Но вот особенно остро, что пришёл срок отдавать долг, хотя бы

часть Бог помог отдать! Тогда бы передышка, а так нас опишут, и куда нам преклонить голову?

Пишу всё подробно, потому что душа плачет. Может быть, когда-нибудь, где-нибудь можно устроить с книгой (но где?) или с альбомами? Вообще я пишу, закрывая глаза на то, что мне тяжело и стыдно писать. Я говорю, что мы не одни, что тесть дело до нас Вам с Еленой Ивановной. Ал. Мих. говорит, что я в письме могу сказать больше от души, чем он, поэтому я пишу. А мы оба вам обоим очень кланяемся и просим не осудить.

[Любящие вас С. А. Ремизовы.]

Архив Музея Рерихов, Москва (Автограф)

4 января 1939 г. Прага
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

Прага 4 января 1939 г.

Г-ну акад. Н.К. Рериху. Наггар.

Дорогой Николай Константинович,

Шлю Вам сердечное спасибо за милое и дружеское письмо Ваше от 12 ноября. Оно явилось новым духовным письмом, усиливающим внутреннюю связь между нами. Рад, что мои мысли о Родине Вам близки. В свою очередь вполне согласен и с тем, чем Вы их дополняете: да, немного, сделанное среди родного народа, важнее «многого», развеянного по свету. Итак, не перестанем желать Возвращения и будем верить, что оно совершится скоро.

Благодарю Вас от имени Музея за вновь присланные Вами материалы: Ваши, полные интереса и глубокого содержания, автобиографические очерки, группу новых статей (которые составят, вероятно, Вашу новую книгу), и зимний номер «Флаамы». Всё присоединено к Вашему архиву, помещающемуся в Вашем же зале, в нижней закрытой части одной из стеклянных витрин.

О Грабаре Вы, вероятно, правы, потому что лучше его знаете. Я знал его только поверхностно. Но, тем более, тронул меня Ваш очерк о нём – в воспоминаниях: за гадкий поступок Вы платите великодушием. Можно ли не видеть, кто в данном случае поражён и кто победил! Я и М.М. Новиков очень тронуты, что Вы были добры включить наши имена в статью о Русском Культурно-Историческом Музее. Не знаю, можно ли принимать комплимент в даровитости, но труда, бескорыстного, самоотверженного труда и любви к делу было внесено в строительство нашего Музея, - по крайней мере, с моей стороны, - очень много – без счёту!... Пять лет жизни буквально было положено на это дело. (Ведь работа была начата в самых тяжёлых, невозможных условиях.) Вы понимаете, приветствуете эту жертву – спасибо!

Ваше одобрение книжке «15 лет Р.С.У. в Праге» тоже было здесь высоко оценено. Я доложил о нём ректору Университета, а тот, в свою очередь, - президиуму этого Учреждения.

Предложение Ваше об издании трёхязыковой брошюры о Музее доложено было мною и обсуждалось в заседании Музейной Комиссии Р.С.У. Постановлено было благодарить Вас за Ваше предложение, принять его и осуществить при наступлении благоприятных для этого условий. (На заседании говорилось о трудностях материальных и др.). Мне самому придётся уже проследить за выполнением этого постановления. Пока же мы рассылаем всюду тот русский отчёт о достижениях Музея за 5 лет, который Вы уже имеете. В результате на днях получили пожертвование в 500 крон от одного здешнего банка.

Новая статья о Музее (с упоминанием и о Рериховском зале) появилась только что в литовской русской газете «Новые дни» (Каунас). Не посылаю Вам её, т.к. она написана именно на основании отчёта Университета и повторяет его данные. Только что разослали мы в зарубежную русскую печать заметку об альбоме «Русское искусство за рубежом». В «Парижских новостях» она появилась 30 декабря. В ней упоминается о Вашем предисловии к альбому. Выход в свет самого альбома задержался вследствие затруднений финансового характера и др. Но всё же мы твёрдо надеемся, что в конце января альбом появится. Дело это настолько ответственное, что один-два месяца оттяжки не имеют большого значения.

Хочу ещё сказать, что посылку в Наггар застраховала так неловко (чересчур дорого, без моего ведома, фирма, печатавшая репродукции. Я поручил ей и отправку и Вам, и в Ригу, и вот какая досадная история приключилась. Доктор Лукин пишет из Риги, что Вы не могли принять посылку, и она идёт обратно в Прагу. Когда она здесь получится, я разобью её на две-три посылки меньшего объёма и пошлю Вам как «образец, без цены», надеясь, что тогда не возникнет для Вас никаких таможенных затруднений.

Страна наша, после пережитого недавно, успокоилась. Горе чехов очень глубоко. Они носят его в себе, не проявляя наружно. Ведь, во имя «справедливости», более 1 миллиона их сородичей ушло в Германию. Ужасно также, что страну лишили угля, отрезав копи, так что сейчас, например, не хватило угля пражским заведениям, и все они распущены на несколько дней. (Точнее, продолжены на несколько дней Рождественские каникулы). Отобрана также электрическая станция, питавшая своей энергией Прагу, так что энергия эта значительно подорожала. М[ожет] б[ыть], Вы знаете и то, что в стране нарушено железнодорожное сообщение, так как многие узловые станции отрезаны в пользу немилосердного соседа. Вот это всё очень нехорошо. Этого нельзя ни понять, ни оправдать, как можно понять и оправдать переход к Германии чисто немецких областей. Но чехи трудолюбивы, упрямы, горды и, конечно, приложат все усилия к тому, чтобы устроить свой новый дом наилучшим образом ко благу всех.

Рикошетом переворот задел и нашу семью. Моя жена работала в очень симпатичном чешско-немецком учреждении, учреждённом в Праге (отчасти и при моём участии) местными пацифистами, стремившимися к преодолению взаимного отталкивания и вражды между представителями двух, сожительствовавших в республике, национальностей. Учреждение это устраивало на лето представителей чешской учащейся молодёжи, для практического изуче-

ния языка, в немецких семьях, а представителей молодёжи немецкой - в чешских семьях. Дело это шло блестяще. 90% немецкой молодёжи бывало глубоко удовлетворено пребыванием в чешской среде, - совершенно так, как 90% молодёжи чешской бывало также глубоко удовлетворено пребыванием в среде немецкой. «Немцы – это чехи, говорящие по-немецки» – с бесконечной детской мудрой наивностью писала домой маленькая чешская девочка 1 или 2 месяцев пребывания среди «страшных» месяцев. – «Если бы не газеты и газетчики» - писал студент университета, немец, проведший чудное лето у вновь приобретённых чешских друзей, - то оба народа наши никогда не знали бы вражды и жили бы по-братски». Часто со слезами и с надрывом расставались дети с семьями другого, мнимо-враждебного народа, с которым они успевали за короткий срок глубоко сродниться, родители же, и немцы, и чехи, бывали чрезвычайно довольны успехами детей в чужом языке...

Тысячи и тысячи людей проходили каждый год через посредническую канцелярию «Международной помощи молодёжи», устраивавшую чехов у немцев, и немцев у чехов, и если бы события развивались нормально, если бы не портили дела г.г. политики, одни – близорукостью, другие – жадностью, а все вместе - непомерно раздутым национальным тщеславием, - то, конечно, такое сближение больших масс молодёжи обоих народов, вывело бы их из тупика взаимного недоверия и вражды, и крепко сблизило бы навсегда. Но... г.г. политики положение обострили, понадобилась операция, и теперь оба народа разделены жёсткой границей.

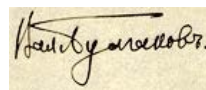
Немцы ... ушли из республики. Тем самым, «миновалась надобность» в работе «Международной помощи молодёжи». Учреждение закрылось, а служащие и сотрудники его, в том числе моя жена, самоотверженно проработавшая там 7 лет, лишилась и работы, и скромного, в беженских условиях, столь существенно необходимого, заработка. Найти другой заработок иностранке в стране, переполненной и русскими, и немцами, и др. беженцами не так-то легко. Вот с каким неприятным сюрпризом пришёл к нам Новый год! Впрочем, мы голов не вешаем и надеемся, так или иначе, рано или поздно, преодолеть этот кризис. Но сначала придётся туговато.

Между прочим, 18 января я читаю в «Кружке по изучению русской литературы» при Рус. Свобод. Университете свою новую драму «ЭДГАР ПО». Не знаю, писал ли я Вам о том, что был ею занят. Тема Эдгара По – та же, особо занимавшая меня тема – трагедия великого человека среди не понимавшего его окружения, которую я разработал и в своей первой драме «На кресте величия».

Появились новые замечательно интересные американские исследования (Мэри Филипс, J.A.T. Ллойда). Их-то я и использовал, при любезном содействии быв[шего] петербургского профессора и милого человека Ив. Ив. Лапшина. 25 ноября мне исполнилось 52 года, и я позволил себе угостить своих личных гостей (в том числе, Лапшина, Новикова, бывш. артистку Александринского театра Ковалевскую и др.) своей драмой. Впечатление было как будто благоприятное, и мне предложено было прочесть драму публично. Очень, очень жаль, что не могу звать Вас, Елену Ивановну и Святослава Николаевича на чтение моего несовершенного творения, как почётных слушателей. Но, может быть, мне удастся иначе Вас с ним познакомить. Сейчас же я помянул обо всём этом, просто, чтобы поделиться с Вами своим житьём-бытьём.

Однако, письмо моё страшно растянулось. Пожалуйста, простите меня за это. Шлю Вам и всей Вашей семье самый сердечный привет и лучшие пожелания!

Искренне Ваш,

[Вал.Булгаков]

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

4 января 1939 г.

Письмо Н.К. Рериха к Буцелу Ф. А.

Дорогой Фёдор Антонович,

Очень радуюсь слышать о Ваших лекциях в Обществе Покровительства животным. Мне не раз приходилось говорить и писать об этих наших «меньших братьях». Жестокосердие должно быть изгоняемо отовсюду. Впрочем, ещё недавно говорилось, что скоро о животных начнут заботиться больше, чем о человеке. Среди матерьялов в Ваших лекциях не забудьте о богатейших источниках фольклора. Народная мудрость в виде сказок, в которых конь является не только другом, но спасителем человека – советником мудрым – помните «Конька Горбунка». В Тибете и Монголии, и в Индии конь несёт сокровище счастья. На скалах запечатлён во множестве этот многозначительный облик.

Вы помните о Жар Птице, о Царевне Лебедь, и о прочих мудрых проявлениях животного мира. В Индусской Панчатантре даны облики мудрых животных: льва, шакала и других. Тибетский эпос говорит о мудром зайце. Китайские предания тоже постоянно говорят о мудром служении животных. Словом, этот матерьял фольклора неистощим и наравне с другими доводами обращает внимание людей на истинную близость животных к ним. В моём очерке «Зверьё», который Вы знаете, я говорю о трогательном эпизоде с верблюдом и о суде обезьян. Об уме собак существует целая литература, и сколько раз эти наши друзья отдавали жизнь свою за хозяина, и делали это совершенно сознательно. Помните трогательный рассказ Тургенева о собаке спасительнице. Действительно, пора бы человечеству осознать, какую важную роль играют животные в эволюции. На греческих монетах – сова, как символ мудрости, а между тем, до сих пор несмышлёные стрелки убивают сов, забывая, какую пользу приносят эти птицы. Примеров изо всего животного и пернатого царства множество, и Вы делаете прекрасное дело, обращая внимание людей на их «младших братьев».

Очень тревожит нас здоровье Елены Ивановны. Её нужен покой, а откуда его взять. Ведь сердце её болит за всё человечество. Тревожно и за Кл. Ст., и за Краук. Тревожно и за дела вообще. Мало верится всяким легко сказанным обещаниям. Нужно, не покладая рук, доводить дела до благоприятного решения. Обещания летают как журавли в небе, а вот хорошее решение, хотя в виде синицы, но в руках, - необходимо. Пусть все сотрудники и друзья соберут все свои возможности – каждый час дорог. Дай Вам Бог успеха и удачи, да будет светло.

Духом с Вами,

Архив Музея Рерихов, Москва

*7 января 1939 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Муромцеву И.Э.*

7-ЯНВ.-39

Родные наши Саночка и Илья Эммануилович,

Сердечно благодарим Вас за Ваши добрые письма и за присланную статью Саночки. Удивительно, как Саночка уловила американский стиль и потому иностранный псевдоним так хорошо подошёл. Решили ли где поместить эту статью? Вспоминается, что Христиан Сайэнс Монитор в Бостоне всегда был благорасположен, также как и бостонский Ивенинг Транскрипт. Может быть, такая статья легче пройдёт не в Нью-Йорке, а в Бостоне или в Филадельфии, или в Вашингтоне. Поразительно, что Америка так хладнокровно принимает криминальный вандализм Хорша. Всё дело полно подделок с его стороны, полно его лжи и преднамеренности. Даже заведомо фальшивые бумаги от него принимаются в суде, а показания Зин. Гр. и Фр. Гр. и Стокса, и всех благонамеренных лиц отвергаются. Получается неслыханная несправедливость, и тёмная страница будет вписана в историю культуры Америки.

Всё это время мы живём в тревоге, ибо уже с осени состояние сердца Елены Ивановны очень ухудшилось. Все эти дни происходят сильнейшие перебои, иногда доходящие через два на третий удар. Врач говорит о необходимости полнейшего покоя, а откуда можно взять этот так называемый покой? Решительно всё, начиная от мировых событий и кончая Нью-Йоркским вандализмом, неминуемо влияет на чуткое сердце. Поистине, вандалы Хорши и грабители, и убийцы. Можно лишь удивляться, как в такой большой стране, как Америка, не найдётся отважного защитника правды, который, подобно Золя, выступил бы на защиту справедливости. Не скрою, и скажу лишь для Вас, что Гребенщиков и Завадские отказались подписать протест против вандализма, а ведь они от нас видели много хорошего. Невольно вспоминается как однажды Куинджи, услышав про злостную клевету о нём, сказал: «странно, ведь я этому человеку никакого добра не сделал». Какая эпика скорби звучала в этом восклицании. Увы, дух человеческий за последнее время среди всяких зверских жестокостей и агрессий очень оподлился.

Слава Богу, если у Вас всё ладно. По нынешним временам это большое счастье и большая редкость, ибо со всех сторон приходится слышать о всяких трудностях. Хорошо, что Ваша молодёжь преуспевает. Читали ли Вы последние книги «Аум» и «Братство»? Дошла ли к Вам благополучно Тайная Доктрина, которую Елена Ивановна Вам послала? Какие большие две книги получились. Этот перевод доставил много труда и даже попортил глаза, ибо английское издание, к сожалению, печатано мельчайшим и бледным шрифтом. Эти две книги, Бог даст, принесут много радости в России. Ведь там теперь творится много замечательного, и страна, возглавляемая Преп. Сергием Радонежским, будет иметь славное будущее.

Мы совершенно не слышали о трудностях в семье Мариночки. Напишите, в чём дело, ведь до сих пор их финансовые дела, кажется, были благополучны. Конечно, особенно в Америке, эти волны жизни так быстротечны, что ничему не приходится удивляться. При случае передайте Мариночке наш общий сердечный привет.

Везде не благополучно, так, например, с Дальним Востоком вообще невозможно переписываться. Письма оттуда приходят не только вскрытыми, но грубо разрезанными, и нужно удивляться, что содержимое вообще не выпада-

ет, а может быть и выпадает частично. При таком положении приходится ограничиваться Эзоповыми баснями, а разве это нормально.

Все мы трудимся изо всех сил, каждый в своей области. Вопреки общему положению начала выходить «Фламма», о чём Вы, конечно, знаете. Наши сочлены в разных странах радуются такому объединительному органу, но в самой Америке распространение его ещё не велико, а в то же время, целые группы подписываются и в Австралии, и в Латвии, и в Литве, и на Дальнем Востоке. При этом некоторые полны такого энтузиазма, что сразу подписываются на два и на три года. Сейчас для Фламмы прислал статью Клод Брагдон, и вообще, в материале недостатка нет.

Все мы мечтаем повидаться с Вами. При скоротечности мировых событий можно ожидать и всяких быстрых оборотов. С кем Вам приходится видаться из Русских. Или больше возвращаетесь в Американской среде. Мы имели ещё весточку от Яши – как странно, что сейчас Изборск называется Ирбоска.

Не имели ли Вы вестей от Лиди и Коки? Пишите, каждая Ваша весточка радостна. Крепко Вас целуем,

Духом с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

7 января 1939 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

7 января 1939 г.

Дорогой Павел Фёдорович,

Спасибо за письмо Ваше от 7-го декабря с приложением листовки о монографии. Чрезвычайно интересно, как удалось Вам протолкнуть листовку, в каком количестве и в какие места, и с какими последствиями. Конечно жаль, что по обстоятельствам пришлось листовку начать с эстонского языка, и неизвестно, разберутся ли получатели в чём дело. Вероятно, и в эстонской печати будут отзывы о монографии. Или Вы сами, или Раннит могли бы это сделать. Интересно, почему именно Вы так сдержанно говорите о Ранните? Конечно, я его совершенно не знаю как человека, но всё, что он до сих пор сделал, было полезно. У него есть какая-то связь с Литвою и Литовской прессою. Что касается до Общества, то, конечно, не столько важно его полицейское утверждение, сколько групповая работа, которая может быть полезна в культурном отношении. Очень желательно поддерживать связь с Латвийским и Литовским обществами. В конце концов Балтика так между собою связана, что и в отношении культурной работы не желательно, чтобы Эстония как-то выпадала из неё. От Кайгородова я давно ничего не имею. Спрашивал его, как обстоит дело с перевозом моей картины из Сааремаа в Таллиннский музей, но всё это замерзло. Интересно, продолжает ли Ваш бывший знакомый свою клеветническую деятельность? Правильно делаете, воздерживаясь от таких общений, которые только могут лишь расстраивать нервы. Жаль, очень жаль, когда способный человек нравственно падает. В Таллинне должно быть ещё несколько бывших учеников Школы Поощрения Художеств, но сейчас не могу припомнить их имен. Если у Вас будут какие-либо новости о беседах Вашей группы, то, пожалуйста, совершенно кратко сообщите их нам для включения в хронику журнала «Фламмы». Кстати, может быть через книжный магазин появится и какая-либо подписка на «Фламму». В Латвии и в Литве этот журнал уже имеет

три десятка с лишним подписчиков. Пусть и в Эстонии останется хотя бы некоторый след этого издания. Присланный Монгольский словарь оказался очень полезным и отлично составленным.

Интересна и книга о стране. Грамматику Поппе больше не нужно, ибо её прислали из Парижа, достав, как видно из штемпеля, на Дальнем Востоке. Приятно слышать, что в Таллинне была выставка книги, ибо книга есть истинный друг человека и нужно всячески проникаться уважением к ней. Все Ваши новости будут получены радостно, и мы уверены, что и Вы, и Ваша супруга, и вся ваша дружеская группа глубоко устремлены к познанию нравственных основ жизни. Весь мир находится в таком неизречённом бедствии, что каждая такая культурная работа должна быть оценена всемерно. Да будет Вам светло, с искренним приветом. Духом с Вами.

Н.Рерих

Архив П.Ф. Беликова

23 января 1939 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

23 января 1939 г.

Дорогой Павел Фёдорович,

Спасибо за Ваши добрые вести от 27-го дек[абря]. Все Ваши сообщения приняты к сведению. Конечно, каждый может быть полезен в особых пределах, и если кто-либо хотя бы статьи переводит, то и это уже ладно. Пусть успешно дойдут посланные Вами листовки.

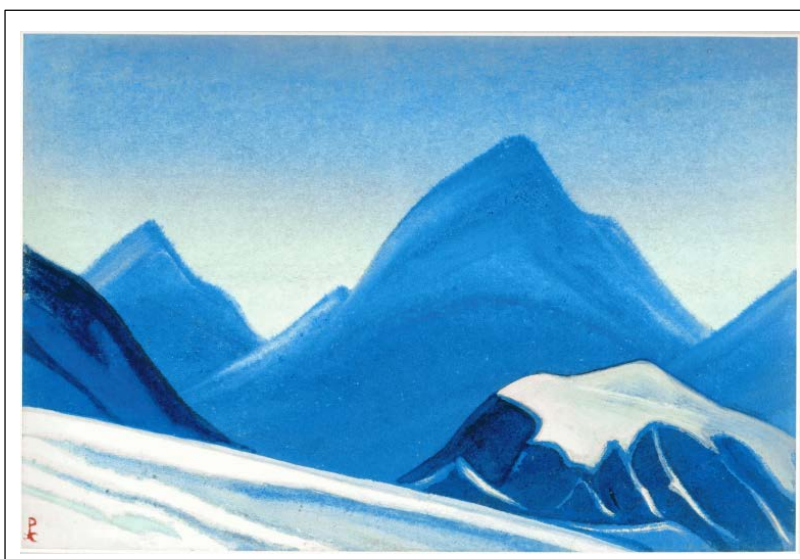
Одновременно с Вашим письмом получилось письмо от К. Гагемейстер, которая деятельно работает в Таллиннском Обществе Психических исследований. Между прочим она пишет, что сейчас Таллинн является наиболее дешёвым местом для печатания книг. Если это так, то при случае сообщите сие нашим Рижским сотрудникам. Ведь общедоступность есть одно из самых главных условий книги. Встречали ли Вы г-жу Гагемейстер – интересно было бы слышать Ваше впечатление. Очень хорошо, если наш Комитет справится относительно перевозки моей картины из Сааремаа в Таллиннский музей. Но при этом нужно бы удостовериться, не является ли эта картина копией или же попросту подделкой – и такое бывает. Спасибо всем пяти подписавшимся под Новогодней карточкой. Пусть такое ядро Вашей группы крепнет и бережно растёт. Подчёркиваю слово «бережно», ибо привлечение новых сотрудников должно быть делаемо очень осмотрительно. Наверное, у Вас имеется связь с Финляндскими, Скандинавскими и прочими книжными магазинами.

Деятельно помогите с книгами нашим латвийским друзьям. Боюсь, что выход монографии запаздывает по типографской вине. Не только лучшее время года упущено, но и события опять-таки сгущаются, что трудно предвидеть, во что могут вылиться новые осложнения. Но, во всяком случае, происходит новый взрыв Армагеддона. Тут всё усложнилось. И солнечные пятна, и метеоры, и подземный огонь, а человеконенавистнические усилия нагнетают мировое положение. Учение Жизни, конечно, всегда нужно, но в такие катастрофические дни оно особенно спешно необходимо. Нет ли у Вас вестей с Родины? – если есть, напишите. Нет ли у Вас и у Вашей супруги хотя бы маленькой фотографии – мы были бы рады иметь ее в нашем сборнике друзей. От Кайгородова ещё целый год я ничего не слыхал, и удивлялся этому, но из Ва-

ших писем вижу, что там всё благополучно – тем лучше. Если существует Комитет, то это вполне достаточно – ибо полицейское утверждение общества не имеет ничего общего со внутренними устремлениями добрых сотрудников. Если встречаете Эстонских сотрудников, пожалуйста, передавайте им мой привет. Интересно, кто ещё в Таллинне или в Финляндии живёт из наших бывших учеников. Шлю Вам и Вашей супруге наши душевные приветы. Духом с Вами.

Н.Рерих

Архив П.Ф. Беликова

Н.К. Рерих. Гималаи (Ледяные волны). 1939.

27 января 1939 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

27 января 1939

Дорогой Александр Николаевич,
Давно не имел от Тебя весточки и даже не знаю, дошло ли моё письмо от 6-го сентября. В нём я писал, что нам так хотелось видеть воспроизведения с Твоих работ, выставленных в Англии, а также с постановок Коки. Называю его по-прежнему, а между тем всё это поколение уже подходит к сороковым годам. Много воды утекло. Читали мы Твой фельетон о «Волшебном Фонаре». Он навеял те же мысли о многих прошедших годах и о том, какие научные достижения за эти годы обогатили человечество. Жаль только, что все эти механические нововведения мало подвинули дух человеческий. Всё-таки такого человеконенавистничества и взаимного недоброжелательства как сейчас, пожалуй, ещё и не было от начала планеты. Каждый газетный лист приносит сведения как бы из сумасшедшего дома. И среди всех этих человеческих смятений тем ярче и отраднее выступают те дружеские связи, которые не проржавели за целые десятилетия. Такое творится на земле, что сил не хватает сидеть вдалеке, и хочется приложить и опыт, и добрые намерения где-то, где они послужили бы на общую пользу.

Почему-то мне вспоминается, как однажды у нас Ты по какому-то поводу взял Яремича под руку и сказал: «Мы - Гусары Смерти». Всё меньше становится таких деятельных гусаров смерти. А между тем, жизнь требует жертвенности. Недавно мы порадовались, читая в Твоём фельетоне о том, что несколько вещей Яковлева приобретены Люксембургским музеем, и в Париже будет его большая выставка. Как ценно слышать о каждом таком продвижении. Несколько дней тому назад я послал Тебе две моих статьи— «Праздник Искусства» (-об Академии Художеств) и «Радость», в которой привёл Твои замечательные слова об Осеннем Салоне. В статье об Академии Художеств мне вспомнился М. П. Боткин, который кричал мне о том, что все наши картины нужно сжечь. Ох, много битв бывало. Надеюсь, что эти статьи до Тебя дошли, - по нынешним временам никогда нельзя быть уверенным в исправности почты. Сегодня посылаю Тебе бандеролью объявление о монографии, сейчас изданной в Риге. Также прошу издательство выслать Тебе и самую книгу. Издатели разделили монографию на три части, и сейчас вышла первая.

Итак, среди всяких ужасов войны раздаются голоса и об искусстве. Может быть, эти напоминания о мирных трудах сейчас особенно нужны, как противоядие всякой злобе, вылезшей из всех щелей. На днях мы получили новое английское издание о Греко. Мой Святослав особенно увлекается этим мастером. Издание это хорошо и тем, что очень общедоступно по цене. Можно удивляться, каким способом достигается такая доступность при 250 репродукциях. Удивляюсь, что «Последние Новости» не издали ещё следующего тома Твоих художественных писем. Конечно, и на газетных листах они приносят свою огромную пользу, но уже с готовых наборов можно бы так легко дать их в отдельном издании, а ведь это для молодёжи было бы истинным путеводителем в понимании искусства. «Гусаров Смерти» осталось уже не так много, а таких деятельных, как Ты, и совсем мало. Непонятно, почему человечество во всех веках всегда оглядывалось назад, но не умело ценить настоящее. И сколько ценнейшего, таким образом исчезало.

Была у меня статья «Будем Бережливы». В ней я задавал вопрос, почему люди ещё согласны иногда подумать о сохранении памятников искусства прошедшего, но совершенно не хотят помыслить о живых памятниках искусства и не умеют создать для них - для этих живых деятелей условия, в которых их творчество могло бы дать наилучшие плоды.

На днях мне попала книга Сикорского, в которой он касается той же темы. Ещё раньше и Пирогов говорил приблизительно о том же и скорбно называл своих гонителей буцефалами. Человечество в этой своей расточительности к людям неисправимо. Казалось бы, в многообразной литературе часто описывались огорчения, причинённые несправедливыми, невежественными осуждениями. И, тем не менее, так было, так есть, и неужели так и будет? Тоже был у меня записной лист о том, что по какой-то одержимости люди подозревают других во всех своих слабостях.

Приходилось слышать, что некие люди называли всех лучших деятелей своекорыстными эгоистами. Увы, мне приходилось слышать, как даже Третьякова обвиняли в своекорыстии. В том же обвиняли и Льва Толстого, и многих замечательных деятелей. Хотелось спросить всех этих обвинителей и клеветников: не потому ли они клеветают, что в них самих сидит та самая ехидна, в которой они обвиняют других. Вообще, должны существовать крепкие законы

против клеветы, иначе молодёжь иногда совершенно теряется в своих исканиях, а тут ещё и земля потеплела, и учёные в недоумении разводят руками - откуда сие.

Вообще, и трудное, но и замечательное время в своей стремительности, лишь бы только лететь в правильном направлении. Напиши, как Вы живёте - что у Тебя нового. Совсем ничего не слышу о Сомове. Мы все в работе, но жаль, что здоровье Елены Ивановны нехорошо, всё сердце. Всем Вам сердечный привет от всех нас. Мысленно часто с Тобою и всегда шлю Тебе мои лучшие мысли.

Сердечно и искренно,

Н. Рерих

Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

ФЕВРАЛЬ

Н.К. Рерих. Древний Новгород. 1936.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

"Новгород - город-музей, насыщенный памятниками русской старины, уцелевшими благодаря тому, что он избежал татарского ига. Лишь в XVII веке шведы частично разрушили Софийскую сторону города. XI и XII века представлены в Новгороде лучше, чем где бы то ни было. Софийский собор XI века, построенный под руководством греков русскими мастерами, является исключительным памятником Культуры. Не менее ценен и построенный в XII веке Антониев монастырь. К XII веку относится Юрьев монастырь. По словам "Известий" (5 января), в последние годы изучение исторических богатств Новгорода особенно усилено. Для этого отпускаются значительные средства. Проведено несколько сессий Института истории Академии наук, посвящённых сокровищам русской Культуры в Новгороде. Издаётся "Новгородский Сборник". В последнее время раскопаны "Рюриково городище", "Словенский холм". Успешно велись раскопки Вечевой площади. Летом начнутся раскопки в Новгородском кремле. Для лучшей организации такого рода работ с 1 января, по

решению Президиума Академии наук, Институт истории приступил к организации в Новгороде исторической секции. В план секции входит, в частности, подготовка издания неопубликованных материалов о борьбе русского народа со шведами". ("Известия", 5 января).

Великий Новгород! "Как много в этом звуке для уха русского слилось!" Тридцать лет пробежало со времени нашей раскопки в Детинце Новгородском. Вспоминаю об Ильмене, Волхове, о всех холмах и буграх, нажитых во времена славы Новгорода. Вспоминаю славного воителя Александра Невского. Вспоминаю Марфу Посадницу и могилу её во Млеве. Верилось, что найдутся люди, которые бережно вскроют и охранят сокровища всенародные. И вот весь Новгород объявлен музеем. Мечта исполнилась.

"Были обладателями всего Поморья и до Ледовитого моря, и по великим рекам Печоры и Выми, и по высоким непроходимым горам во стране, зовомой Сибирь, по великой реке Оби и до устья Беловодные реки; тамо бо беруще звери дики, сиречь соболи".

Трудно поверить, как ходили новгородцы до моря Хвалынского (Каспийского) и до моря Венсейского.

Невообразимо широк был захват новгородских "молодых людей". Молодая вольница непрерывно дерзала и стремилась. Успех вольницы был успехом всего великого города. В случае неудачи старейшинам срама не было, так как бродили люди "молодшие". Мудро!

Но везде, где было что-нибудь замечательное, успели побывать новгородцы. Отовсюду всё ценное несли они в новгородскую скрыню. Хранили. Прятали крепко. Может быть, эти клады про нас захоронены. В самом Новгороде, в каждом бугре, косогоре, в каждом смыве, сквозит бесконечно далёкая, обширная жизнь.

Чёрная земля насыщена углями, черепками, кусками камня и кирпича всех веков, обломками изразцов и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицам и переулкам города, можно из-под ноги поднять и черепок X - XII века, и кусок старовенецианской смальтовой бусы, и монетку, и крестик, и обломок свинцовой печати...

Люблю новгородский край. Люблю всё, в нём скрытое. Всё, что покоится тут же среди нас. Для чего не надо ездить на далёкие окраины; не нужно в дальних пустынях искать, когда бездны ещё не открыты в срединной части нашей земли. По новгородскому краю всё прошло. Прошло всё отважное, прошло всё культурное, прошло всё верящее в себя. Бездны нераскрытые! Даже трудно избрать, с чего начать поиски.

Слишком много со всех сторон очевидного. Чему дать первенство? Упорядочению церквей, нахождению старых зданий, раскопкам в городе или под городом в самых древних местах?

Наиболее влекут воображение подлинный вид церквей и раскопка древнейших мест, где каждый удар лопаты может дать великолепное открытие.

На рюриковском городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, всё полно находок. На огородах, из берегов беспрестанно выпадают разнообразные предметы, от новейших до вещей каменного века включительно.

Чувствуется, как после обширного поселения каменного века на низменных Коломцах, при впадении Волхова в Ильмень, жизнь разрасталась по более высоким буграм, через Городище, Нередицу, Лядку - до Новгорода.

На Городище, может быть, найдутся остатки княжьих теремов и основания церквей, из которых лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславом Владимировичем.

Коломцы (откуда Передольский добыл много вещей каменного века), Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Раком (бывший дворец Ярослава), Мигра, Зверинцы, Вяжищи, Радятина, Холопий городок, Соколя Гора, Волоотово, Лисичья Гора, Ковалёво и многие другие урочища и погосты ждут своего исследователя.

Но не только летописные и легендарные урочища полны находок.

Прежде всего, повторяю, сам город полон ими. Если мы не знаем, чем были заняты пустынные бугры, по которым, несомненно, прежде тянулось жильё, то в пределах существующего города известны многие места, которые могли оставить о себе память.

Ярославле Дворище (1030 г.), Петрятино Дворище, Двор Немецкий, Двор Плесковский, два Готских Двора, Княжий Двор, Гридница Питейная, Клеймяные Сени, Дворы Посадника и Тысяцкого, Великий Ряд, Судебная Палата, Иноверческие ропаты (часовни), Владычьи и Княжьи житницы, наконец, дворы больших бояр и служилых людей - все эти места, указанные летописцами, не могли исчезнуть совсем бесследно.

На этих же местах внизу лежит и целый быт долетописного времени. Всё это не исследовано.

Дико сказать, но даже детинец новгородский и тот не исследован, кроме случайных, хозяйственных раскопок. Между тем детинец весьма замечателен. Настоящий его вид не многого стоит. Слишком всё перестроено.

Но следует помнить, что место детинца очень древнее, и площадь его, где в вечном поединке стояли Княжий Двор и с Владычной стороны св. София, видела слишком многое.

Уже в 1044 году мы имеем летописные сведения о каменном детинце. Юго-западная часть выстроена князем Ярославом, а северо-восточная его сыном св. Владимиром Ярославичем. Хорошие, культурные князья! От них не могло не остаться каких-либо прекрасных находок.

Кроме исконного поселения, на Городище долгое время жили новгородские князья со своими семьями. Московские князья и цари часто тоже стояли на Городище, хотя иногда разбивали ставки и на Шаровище, где теперь Сельцо, что подле Нередицы. Княжеские терема оставались на Городище долго. Вероятно, дворец на Городище, подаренный Петром I Меншикову, и был одним из старых великокняжеских теремов.

Богатое место Городище! Кругом синие заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом - Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что "кустом стоят". Виднеются - Лядка, Волоотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синее Бронница. Всё, как на блюде с золотым яблочком.

Вся южная часть детинца теперь занята огородами. Прежде здесь стояли многие строения и до 20 церквей. Здесь же проходило несколько улиц и главная улица Кремля - Пискупля. Где-то возле Пискупли стоял храм св. Бориса и Глеба, поставленный на месте древней сгоревшей Софии. На этих же огородах были все княжий постройки и самые терема. Как известно, Княжая Башня вела на Княжий Двор.

Трудно все это представить, глядя на пустырь. Не верится старинным изображениям Кремля; не верится рисункам иноземных гостей. На планах, сравнительно недавних (XVIII в.), ещё значатся на месте огорода какие-то квадраты зданий. Куда это всё девалось?

Главная предчувствованная нами задача разрешена. Жилые слои Кремля оказались не перекопанными. Картина древнего Новгорода не тронута. В пустующей южной части Кремля при достаточных средствах можно раскрыть всё распределение зданий и улиц. Конечно, для этого нужны крупные деньги. Но зато какая большая задача будет разрешена. Настоящая народная задача.

На весёлом июльском припеке наблюдаю приятную картину. Рядом помещается неутомимый Н. Е. Макаренко, кругом него мелькают разноцветные рукава копальщиков. Растут груды земли, черной, впитавшей многие жизни. У Княжей Башни орудуют наши рьяные добровольцы: искренний любитель старины инженер И. Б. Михаловский и В. Н. Мешков. На стене поместился со своими обмерами мой брат Борис. Из оконцев Кукуя выглядывают обмерщики Шиловский и Коган. Взвод арестантов косит бурьян около стены. Из новгородцев интерес проявляют Романцев, Матвеевский, о. Конкордин. Хоть посмотреть приходят.

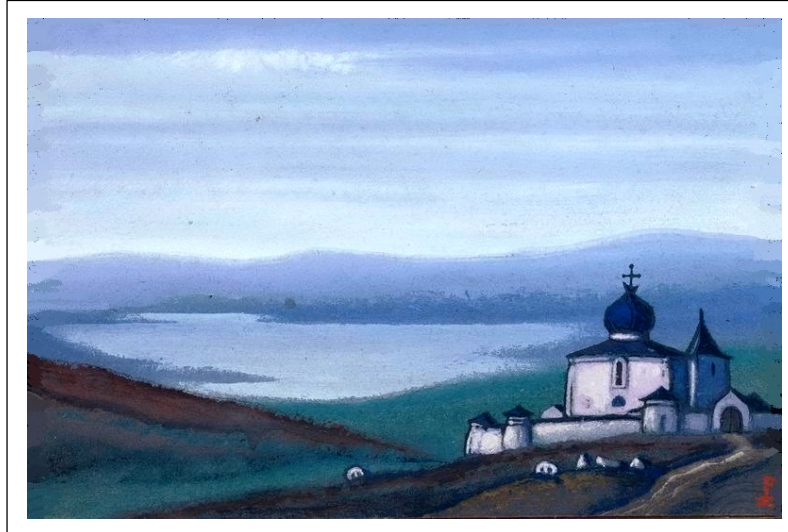
Кроме того, мы знаем, что у Федора Стратилата на Торговой стороне очищают фрески (и хорошо очищают). На Волотове Мясоедов, Мацулевич и Ершов изучают и восстанавливают стенопись.

Кажется, что Новгород зашевелился; кто-то его пытается пробудить... Но для нас радость недолгая. Деньги приходят к концу, и хорошо ещё, что удалось довести широкую траншею до основного материка. С обеих сторон траншеи торчат наслоения разных веков. Сперва остатки каменных построек, потом деревянные строения, частью сожжённые, частью разрушенные. Повсюду находки разных веков. В одном из веков через траншею проходила улица, мощёная деревянными плахами. И так ниже и ниже, до находок скандинавского типа. Является мысль сохранить этот разрез всех новгородских наслоений. Сделать это нетрудно. Стоит лишь над траншеей поставить навес с достаточными водостоками, и для посетителей Новгорода останется прекрасное вещественное доказательство, как наслаивались старинные города. И денег на это сооружение ещё хватило бы. И донизу, до самых первоначальных слоёв, можно бы сделать хорошую лестницу. Идём с этим проектом к губернатору и к удивлению получаем отказ. Основная причина самая оригинальная: по пустырю ходят свиньи, и они могут упасть в траншею. Хоть бы о детях позаботился отец города, а то именно о свиньях. Так на свинстве и кончилось. И последние деньги пришлось на закапывание траншеи потратить.

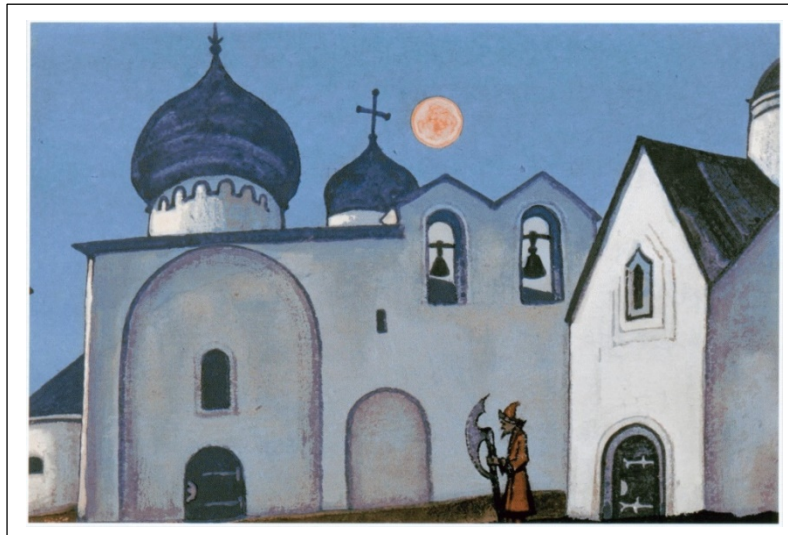
Так записывалось. Верилось, что подземная Русь проявится. Даст народу своему сохранённые сокровища. И вот дожили. Молодое поколение вспомнило о захороненных кладах. Поёт Садко: "Чудо чудное! Диво дивное!"

1 Февраля 1939

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

Новгородский Погост (Северная Русь). 1943.

Н.К. Рерих. Псков. 1935-1936.

Н.К. Рерих

ПСКОВ

Псковский край близок нам по многим причинам. Бабушка Татьяна Ивановна Коркунова-Калашникова была исконной псковичкой. Эти фамилии с древних времён связаны с Псковом. Одни из первых моих археологических изысканий тоже относятся к Псковской области. А область эта очень красива и богата древними поселениями. Вспомним Вышгород и все прилегающие к нему разноцветные холмы, леса, озёра и пестрые пашни. Порховский уезд - один из самых живописных. В нём много старинных усадеб. Одни из самых первых староусадебных впечатлений связаны именно с Порховским уездом.

Помню, как еду на почтовых лошадках в воскресный день по большому селу. Ямщик, уже знающий о моих археологических поисках, советует: "А вы бы зашли сейчас в церковь - там и помещики и земский начальник всех там

увидите". Так и случилось. Сразу я попал в круг местных помещиков, и ближайший из них радушно и настоятельно пригласил остановиться у него.

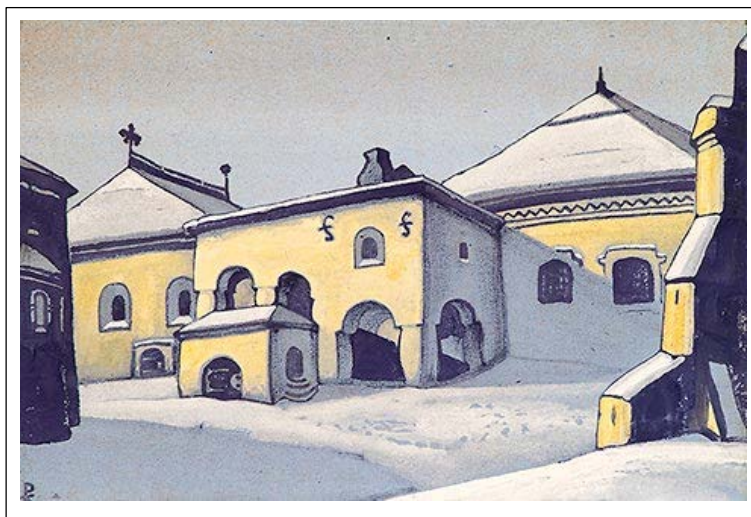
В то же время я услышал происходящий сзади тихий разговор. Жена другого помещика истерически выговаривала своему мужу: "Вот ты всегда опоздаешь. Другие успеют пригласить, а мы не причём". Сконфуженный помещик подошёл ко мне и шёпотом просил не обойти их усадьбу. Зная, что ему грозила бы семейная неприятность, я обещал побывать и у них. Тут же находился и третий помещик, многозначительно напомнивший о том, что его усадьба недалеко и приезжие не обходят его.

Итак, часть времени прошла в первой усадьбе, затем удалось ублагоутворить и вторую семью, а конец раскопок сопровождался незабываемым эпизодом. Когда уже звенели почтовые бубенцы, вдруг из-за перелеска выскочила целая борзая охота. Третий помещик с рогом через плечо и с нагайкой, подбоясь, пересёк дорогу моему тарантасу. "А меня-то забыли - ведь так люди не поступают. Как же прикажете понимать ваше поведение?" Пришлось отговориться спешным вызовом и дать обещание непременно побывать в каком-то ближайшем будущем.

В том же краю на подъезде одной старинной усадьбы красовалась большая надпись, вырезанная славянской вязью: "Незванный гость хуже татарина", что, впрочем, совершенно не отвечало радушному характеру обитателей этого екатерининских времён дома. Там была превосходная старинная библиотека. А сколько древностей было рассыпано в частных домах самого Пскова! Все эти сокровища терпеливо ожидали свою судьбу. Какую судьбу?

[1939 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г. (Из архива МЦР)

Н.К. Рерих. Древний Псков. 1936.

2 февраля 1939 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

2 февраля 1939 г.

Дорогой Павел Фёдорович, спасибо за Ваше доброе письмо от 22-го января. Поистине, вести добрые. Одновременно с Вашим письмом пришло письмо

от Кайгородова и тоже – доброе письмо. Итак, Ваши собрания начались и пусть себе благоприятно продолжаются. Я всегда утверждаю, что всякое содружество происходит не от полицейских предписаний, а рождается в сердцах, и потому совершенно не важен срок, когда общество будет зарегистрировано, если вообще это нужно. Вы, вероятно, слышали о нашем огромном обществе, Императорском Обществе Поощрения Художеств, которое владело пятью домами, имело музей, издательство, выставки и многолюднейшую школу – более 2000 учащихся ежегодно. А первоначально общество началось во времена Александра I и десять лет помещалось в одной комнате. Но зерно было живо и потому произросло в мощное древо. Удивился я словам Раггиса. Казалось бы, каждый хороший теософ (а доброжелательство входит в кодекс теософии) должен бы приветствовать издание «Т[айной] Д[октрины]», тем более что в Женеве никогда не найдётся средств для такого издания. Замечание Раггиса тем более странно, что почти одновременно с Вашим письмом мы получили чудесное письмо от Елены Федоровны Писаревой, в котором она приветствует жертвенный труд Елены Ивановны и издателей. Колоссальную работу Елены Ивановны она называет подвигом и говорит: «Действительно Россия может гордиться своими женщинами, ведь это настоящий подвиг». Вот какова оценка по существу из уст старейшей, преданнейшей делу русской теософки. Неужели же находятся чёрствые сердца, которые вместо того, чтобы порадоваться за всех русских, будут говорить о мёртвых формальностях. Тем более странно, что со времени первого издания «Т[айной] Д[октрины]» уже прошло более пятидесяти лет, кроме того, как Вы понимаете, наши рижские друзья и не помышляют о каком-либо корыстном заработке, но жертвенно дают широким кругам ещё одну светлую возможность. К тому же книга прошла через латвийскую цензуру и издана по всем местным правилам. Но часто бывает, что иссохшие сердца даже вообще не умеют радоваться. А ведь эволюция совершается лишь в радости. Вот пишу это письмо Вам в дни труднейших мировых осложнений. Сейчас даже странно говорить о мире, а вот мы наперекор всему всё-таки произносим это священное слово. Также произносим мы и слово об обороне Родины. Мы будем ужасаться всяким агрессиям и поймём всё прекрасное глубокое значение обороны Родины. Не помню, получили ли Вы мою статью «Чаша Неотпитая». На всякий случай приложу её, а Вы, может быть, найдёте случай протолкнуть её, так же как Вы сделали и с листовками монографии. Спасибо, что помогаете нашим латвийским друзьям в распространении и в отзывах о монографии. Сделайте все, что можно. Крепко держитесь за книжное уважаемое дело. Привет Вашей супруге и всем друзьям.

Духом с Вами.

Р.

Архив П.Ф. Беликова

8 февраля 1939 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

8 февраля 1939

Дорогой Александр Николаевич,

Недавно я писал Тебе, а теперь явился один вопрос, на который мне бы хотелось получить Твой ответ. Одно издательство запросило меня, не может ли оно получить Твою статью о моём искусстве в размере одного-двух фельетонов. Они обратились ко мне с вопросом о гонораре и сами стеснялись Тебя об

этом запросить. Если Ты принципиально ничего против не имеешь, то будь добр, сообщи мне по-дружески размер гонорара за такую статью. Я совершенно не в курсе парижских гонораров и не мог сказать хотя бы приблизительно о гонораре за Твои художественные письма. Но если Ты мне назовёшь цифру, для меня будет большою радостью передать её по назначению, ибо всё, от Тебя исходящее, нам всем чрезвычайно близко и дорого. Вот читаем о смерти Г. Чулкова, вспоминаю, как он приходил ко мне и какие беседы и планы происходили. Вспомнишь об одном - а это было уже тридцать лет тому назад. Вспомнишь о другом - уже было сорок лет тому назад, - возникают такие сроки, которые как-то и не укладываются сразу. Как-то в газете мелькнуло имя Лансере, и стало радостно, что он по-прежнему работает. Имел вести от моего брата Бориса - работает по постройке большого Научного Института; Архитектор Яковлев, товарищ моего брата, действует по восстановлению Царского Села. Постоянно приходится находить в разных странах имена моих бывших учеников, и надо отдать справедливость, многие из них как-то узнают наш адрес и пишут очень сердечно. Вообще удивительно, как время и история стирают всякие ненужные вехи, и повсюду можно взглянуть глазом добрым. Была у меня такая статья под названием «Глаз добрый», посвящённая Станиславскому, - у него была эта ценная особенность, и многие артисты её отвечали. Недавно в одной книжке я читал рассказ, будто бы со слов дочери Третьякова Ирины Павловны, о том, что Грабарь помогал Третьякову собирать галерею. Вот уже недоразумение, ибо Грабарь, как всем известно, появился уже после смерти Третьякова. Удивительно, откуда только берутся всякие такие сведения, которые впоследствии могут лишь вносить смуту и разногласие. И ещё есть у меня один вопрос к Тебе. Сколько, приблизительно, стоит Твой костюмный рисунок? Один собиратель (есть ещё и такие) меня спрашивал, а я не умел ему ответить. Итак, будь добр, черкни мне по первому и по второму вопросу. Шлём Анне Карловне, Тебе и всем Твоим наши дружеские мысли.

Сердечно и искренно,

Н. Рерих

Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993

9 февраля 1939 г. Гималаи
Письмо А.Н. Бенуа к Рериху Н.К.

Дорогой и милый Николай Константинович!

Я действительно заслуживаю величайших упреков за моё затянувшееся молчание. Но вот, настоящая причина та, что мне просто «не пишется». Писание фельетонов в Посл. Нов. становится мне всё более в тягость (в летние месяцы, несмотря на клятвенные обещания редакции, я и вовсе умолкаю), а в своей «корреспонденции» я даже деловые «безотлагательные» письма забрасываю на целые недели и месяцы – до того мне опостылел самый процесс писания. Тут и старость, и усталость с ней связанная, тут и то, что слишком много всяких забот и тревог, от которых так слабеешь душой, что на то, чтобы «отдохнуть в беседе с друзьями» как-то не хватает сил. Мне бы следовало «избрать лучшую часть» и, подобно Тебе, «отсесть в сторону». Может быть, я бы

тогда воспрянул духом. К сожалению, для того требуются огромные средства, на которые я при каждодневной *struggle for life* [(англ.) борьбе за существование – ред.] никак не могу рассчитывать. Вот я Тебе и завидую, а с другой стороны, пытаюсь утешить себя тем, что, пожалуй, я (для такой жизни, как та, которую Ты себе создал, в силу своего характера, не гожусь. Мне эта самая несносная городская суэта как-то нужна – видно, глубоко проникла в самое моё существо отравла!... Да и не выдержала бы этого моя Анна Карловна, ибо для неё жизнь не жизнь, если она не видит ежедневно своих детей и внуков, и не уделяет день или два в неделю друзьям... И всё же непростительно, что я не сразу отвечаю на Твои милые письма, которые всегда меня трогают в самых разнообразных смыслах. Особенно меня трогает то, что у нас с Тобой одно прошлое, что мы даже однокашники! Вот другие два однокашника по Маю, Нувель и Сомов, те у нас обедают по Пятницам (сегодня как раз их день), и что-то приятно встречаться с ними, с кем прошли лучшие годы отрочества юности и молодости! Сколько общих воспоминаний, сколько общих знакомых (из коих, увы, большинство выбыли), сколько общих увлечений! Оба эти «гимназических товарища» в общем пребывают в довольно добром состоянии духа (только вот Костя тот [*ex pedibus laborat* ex pedibus laborat] и с некоторым трудом передвигается – но, к счастью, это не отзывается на его творчестве – он как раз на днях завершил ещё один превосходный женский портрет) и наши симпозиумы проходят весьма оживлённо, а подчас и под сильный смех, которому вторят и обе наши дочери. А разве не смешно хотя бы то, что эти две дамы (вот только нет сыночка, чудный наш Кока живёт вдали от нас – в Милане), каждая имеющая по взрослому сыну, эти же самые особы, что «совсем недавно» сидели крошечными девочками на коленях у этих же «дядей», которых они немножко побаивались и с которыми теперь они за панибрата!? Впрочем, с какой-то точки зрения вообще смешно, что и оглянуться не успели, как сами мы превратились в каких-то Филемона и Бавкиду¹. Вот только нет Юпитера, который нам бы вернул (внешне, физически) эту молодость, которой мы ещё обладаем, но только внутри себя. Это-то смешно, а вот то, что мы потеряли ещё одного нашего товарища, ещё одного превосходного русского художника Бориса Григорьева – это совсем не смешно и в полном смысле ужасно. Ужасно и то, что его агония длилась столько месяцев – с самого того момента, когда, узнав о смерти Яковлева, ему показалось, что и он болен тем же недугом. Тогда я это счёл за чистейшее воображение, за одно обычное Григорьевское чудачество, а вышло, что его чувство было правильно. Он уже так с тех пор не поправлялся.

Мне очень жаль его. Я возлагал на него, как на художника, очень большие надежды – и это, несмотря на то, что за последние годы во всём сказывалась его какая-то «оторванность» от меня. Я считал это за нечто проходящее – благо его творческие силы и его мастерство не ослабевали. И вот теперь такой грубый и жестокий «срыв»!... Я люблю Григорьева и как человека. Многих он озадачивал помянутым чудачеством, его даже иные называли просто хулиганом, невыносимым казалась подчас его самовлюблённость, выражавшаяся в самых наивных формах. Григорьев серьёзно себя воображал чуть ли не за пророка и Учителя с большой буквы и в его «аллокуциях»² на товарищеских сбо-

¹ (Филéмон и Бавкíда — герои античного мифа – ред.).

²Аллоку́ция букв. «обращение с речью» в стиле римской курии – ред.

рищах он бывал резок до грубости (всё в силу такого «исключительного» положения «Учителя»), но меня он почему-то щадил, мало того – окружал каким-то почтением, что не могло меня не трогать. В глубине души, мне кажется, этот самодурный и очень плохо воспитанный человек обладал большой душевной покорностью. Свою жену (женщину редчайших качеств) он ужасно мучал, и всё же я знаю мало примеров такой жертвенной любви, как та, которую она к нему питала (воображаю себе её горе, полную разбитость её жизни!), но, со своей стороны, он её по-своему любил и почитал с трогательной примесью сознания своей недостойности. Всё это ужасная драма, и драмой было для него и то, что, считая (и не без некоторого основания) себя за одного из «великих» людей России и даже мира, он видел, что искусство его «не доходящее», мало того, не может даже ему дать быть как-то минимум обеспеченности. Это унижение он переносил с особой горечью, против него он восставал – но восставая со свойственной ему нелепостью. Бедный, бедный Григорьев!

Конечно, одно из Твоих писем я действительно как будто не получал, хотя это и странно, ведь оно было рекомендовано. Но чудесную Твою статью из Индии и твою «выступающую» рукопись «Радость» я получил. Может быть, следовало бы её предложить Русс. Запискам и Современным Запискам, но без Твоего показа я это не решаюсь сделать. Для газеты же она не годится из-за той длинной цитаты моих слов, которую Ты приводишь, и которая, сама по себе, меня очень трогает.

Обнимаю Тебя. Мы оба с женой шлём наш сердечный привет и пожелания полного и скорейшего поправления милой Елене Ивановне.

Остаюсь сердечно Тебе преданный,

Александр Бенуа.

Архив Музея Рерихов, Москва

**[12] Февраль 1939 г. [День рождения Е.И. Рерих]
Н.К. Рерих**

ЛАДА

Лада - древнерусское слово. Сколько в нём лада, вдохновения и силы! И как оно отвечает всему строю Елены Ивановны. Так и звали её. Когда Серов работал над её портретом, он уверял, что основой её сущности есть движение. Вернее сказать - устремление. Она всегда готова. Когда она говорит об Алтайских сёстрах для всенародной помощи, то в этом призыве можно видеть её собственные основные черты. Принести помощь, ободрить, разъяснить, не жалея сил - на всё это готова Елена Ивановна. Часто остаётся лишь изумляться, откуда берутся силы, особенно же зная её слабое сердце и все те необычные явления, которым врачи лишь изумляются. На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она всё же пыталась лично участвовать и в устроении каравана и в улажении всех путе-

вых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к тому бывало немало поводов самого различного характера.

И живёт Елена Ивановна в постоянной неустанной работе, так - с утра и до вечера. Поболит немного, но быстро духом преодолевает тело, и опять уже можно слышать, как бодро и быстро стучит её пишущая машина. Сейчас друзья хотят издать письма Елены Ивановны. Конечно, часть писем, да и в извлечениях. Если бы всё, то получилось бы много томов.

Особа и необычайна деятельность нашей вдохновительницы. В разных странах целые очаги питаются её помощью, прилетающей на крыльях аэропланов. Она всегда спешит с помощью. Ждут слова утешения, утверждения и пояснения. Даже из друзей многие не знают, что Еленой Ивановной написан ряд книг. Не под своим именем. Она не любит сказать, хотя бы косвенно, о себе. Анонимно она не пишет, но у неё пять псевдонимов. Есть и русские, и западные, и восточные. Странно бывает читать ссылки на её книги. Люди не знают, о ком говорят. По мысли Е. И. возникают женские единения. Особая прелесть в том, что многое возникает, даже не зная истинного источника. Велика радость - давать народу широкое мировоззрение, освободить от суеверий и предрассудков и показать, насколько истинное знание есть путь прогресса.

Лада прекрасное древнерусское имя.

(февр. 1939 г.)

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

Серов. Портрет Е.И. Рерих. 1909.

С.Н. Рерих. Портрет Е.И. Рерих. 1937.

Владимир Алексеевич Щуко.
(5 июля 1878 г. - 17 января 1939 г.)

14 февраля 1939 г.
Н.К. Рерих

ЩУКО

Ещё один. Ещё нет одного из группы "Мира Искусства". Запоздалая газета принесла сведения о кончине известного академика, архитектора В. А. Щуко. Хорошую страницу истории русского зодчества оставил по себе Щуко. Он понимал глубоко русский ампир, он любил итальянский восемнадцатый век. У него был природный тонкий вкус и всё, что исходило от него, было благородно по заданию и форме и прекрасно по жизненной внешности. Незабываемы его театральные постановки.

Щуко участвовал во многих постройках, помогал в устройстве заграничных выставок и доказал себя замечательным педагогом. Мы работали с ним и по школе Общества Поощрения Художеств и по Женским архитектурным курсам. Все эти годы совместной работы вспоминаются особенно сердечно. Щуко умел вдохновить учащихся и приучить их к постоянному труду. У нас в школе он руководил классом композиции, и каждый, посещавший годовые ученические выставки, помнит, как прекрасны и значительны были работы его класса. При этом он не подавлял учащихся какими-либо своими особыми симпатиями. Нет, он давал широкую возможность выражения, и потому каждый мог пробовать свои силы в любом близком ему стиле. Щуко радовался и обмерам храмов, понимал форму ценнейшего фарфора, любил гобелены и давал идеи превосходной мебели.

Ко всем своим архитектурным дарованиям Щуко добавлял ещё и мудрую ровность характера, а сам умел работать и этим своим примером заражал окружающих. Во время множайших дискуссий и совещаний всегда можно было положиться на Щуко, что он не отступит от обдуманного, принятого решения. За время совместной работы мы с ним выдержали немало ретроградных академических натисков, и он понимал, что в этих житейских битвах единение есть первое условие.

За последнее время мне довелось встретить в разных странах несколько бывших учащихся Школы Поощрения Художеств. Казалось бы, за все минувшие насыщенные событиями годы можно бы ожидать забвения. Но, видимо,

руководство Щуко многим помогло в их дальнейшем жизненном пути. И все эти бывшие учащиеся, а теперь уже художественные деятели на разных прищах с любовью и признательностью вспоминали своего учителя. А ведь это бывает не так часто. Волны лет смывают иногда даже очень значительные вехи, и потому живая память уже есть знак чего-то действенного.

При всей своей занятости Щуко всегда умел найти время для всего неотложного. Я не слышал от него мёртвого слова "нельзя". "Если нужно, то и буду", - говорил Щуко и хотя бы с лёгким опозданием, но всё-таки успевал прийти в совещание. Не знаю, была ли посвящена творчеству Щуко монография, если нет, то необходимо бы собрать и запечатлеть труды этого замечательного русского зодчего. Иначе в суете быта опять всё развалится, запылится, растеряется. Сколько раз приходилось убеждаться, как легкомысленно растеривались и расточались собрания, которые для будущих поколений были бы незаменимыми.

Все сотоварищи по Школе Поощрения Художеств сохраняют о Щуко лучшую память. Помню, как на годовом собрании Билибин прочёл оду, обращённую ко всем присутствующим, в которой помянул отсутствовавшего на Римской выставке Щуко словами:

"Но где, однако же, Щуко?
Он в Беренштама воплотился,
и во плоти иной явился
там где-то очень далеко".

Где-то далеко сейчас Владимир Алексеевич. По какому такому радио послать ему весточку и привет и сказать, как сердечно мы его помним.

14 Февраля 1939 г.

Н.К. Рерих «Из Литературного наследия». М. 1974 г.

18 февраля 1939 г. Гималаи
Н.К. Рерих

Чарльз Крэн

ДРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Окончил свой земной путь друг человечества. Говорю о Чарльзе Крэне. Разнообразна и плодоносна была его жизнь, и о нём тепло вспомнят во всех частях Света. Крэн - одно из исконных американских имён. Внешняя сторона жизни Чарльза Крэна богата деятельностью. Увлекаемый любовью к Востоку еще в раннем юношестве молодой Крэн поступает юнгом на парусную шхуну - в этом первом плавании уже выразились все последующие устремления к землям далёким.

Отец Крэна - один из крупнейших индустриалистов Америки - хотел всячески привязать юношу к своему фабричному делу. Уже с пятнадцати лет молодой Крэн привлекался отцом к фабричному станку, чтобы и во время общего образования получить наглядное знание своего индустриального дела. Видим потом близкое участие Ч. Крэна с Вестингаузом, но эта сторона деятельности никогда не могла заполнить душу одарённого широкого деятеля. Постепенно он отходит от непосредственного участия в заводах и фабриках и посвящает себя широкой деятельности дипломата и гуманиста.

Видим Крэна послом в Пекине, где он сумел оставить по себе незабываемую память. Затем он остаётся почётным советником Китайского правительства. Знаем встречи Крэна и дружбу с Ибн Саудом в Аравии и в Ираке с Фейзалом и с главою Египта. Видим Крэна в Индии и несколько раз в России. Всё это внешняя широкая деятельность, но особенно запечатлется внутренняя сторона гуманитарной работы Крэна. Тут мы имеем несчётное количество благодетельных фактов.

Кто посылает на Афон целый пароход разных припасов и тем спасает монастырь от голода и нищеты - конечно, Крэн. Кто помогает Чехословакии и Масарику - именно Крэн. Кто даёт образование множеству студентов в разных странах - конечно, Крэн. И в Сирии, и в Швейцарии, и в Китае студенты и учёные всегда будут помнить о том, кто помог им в их трудных путях. В гостеприимном доме Крэна можно было встретить и учёных, и писателей, и артистов, и дипломатов, и общественных деятелей, словом, выдающихся людей из разных стран. Кому-то устраиваются лекции, кому ангажемент, кому-то концерты. Идёт помощь университетам и музеям... А сколько бесчисленной анонимной помощи рассыпается всюду, где были нужда и несчастье! Поистине, можно сказать, что от Крэна никто не уходил без ободрения и самой деликатной помощи. Черта особой чуткости и деликатности была особым качеством характера Крэна. Его ничто не могло задержать там, где он чувствовал, что может помочь и сделать что-либо полезное. Имя Крэна сохранится на почетных страницах многих научных и филантропических организаций. Крэн был почётным советником и наших учреждений.

Не раз во время своих путешествий Крэн подвергался большим опасностям, но ничто и никто не могли остановить его. В Ираке только по счастливой случайности Крэн не был убит разбойниками. А сколько несправедливых толкований вызывали его лучшие гуманитарные деяния! Необычайна была любовь Крэна к Востоку. Он не только устремлялся к Востоку, но и глубоко любил его красоту. Не мимолётным туристом проезжал Крэн по Азии или Египту, - он входил туда как свой человек, как друг, точно бы давным-давно живший в этих странах.

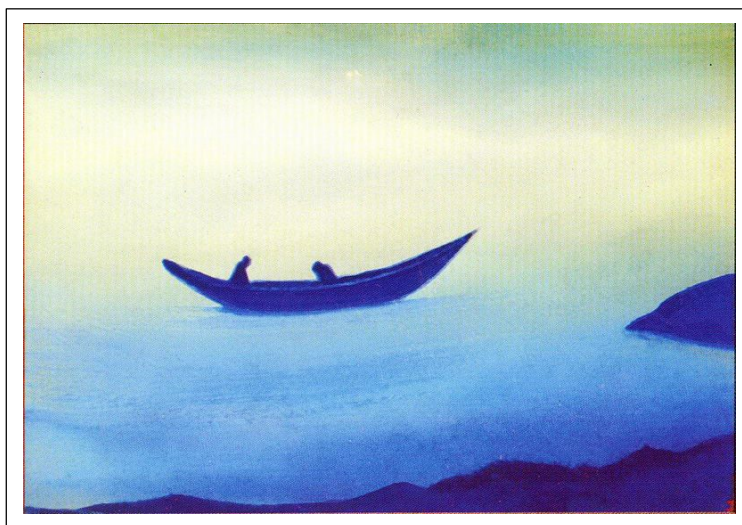
Для нас, русских, имя Крэна особенно дорого. Он много раз бывал в России, знал и ценил народ русский и восхищался русской стариною. Последний раз он был в Москве около двух лет тому назад. У нас лежит замечательное его письмо, в котором рассказаны положительные впечатления этой поездки. Мнение такого знатока души человеческой чрезвычайно ценно. Если бы у народа русского побольше было таких искренних друзей!

Среди собирательства Крэна русское и восточное искусство занимают особое место. У него было много русских картин, были ковры. На стенах его домов и поместий были и Самарканд, и Афон, и Ростов Великий, и Бенарес, и Тибет, и Гималаи - словом, всё, к чему устремлялась его многовещающая душа. В преклонных годах уже после тяжелой болезни Крэн хотел ещё раз приобщиться хотя бы к Ближнему Востоку. В минувшем сентябре он успел побывать в Египте и ещё раз взглянул на величие пирамид.

Перед самым отходом Крэн захотел иметь мою картину "И Открываем Врата". Душа его уже устремлялась к открытым вратам, туда, где живёт вечная красота и где мысль творит будущую счастливую жизнь. Чарльз Крэн опочил 14-го февраля. Память его будет почтена во всех частях света. Его множайшие и разнообразнейшие друзья сохраняют в сердце своем лучшие чувства об этом великом друге человечества.

18 Февраля 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника». М., т. 2. 1995 г.

Н.К. Рерих. Печаль. 1939.

ЧАРЛЬЗ КРЭН³

Горестно соображать об уходе от земли истинно хороших людей. Покойный Чарльз Крэн принадлежит именно к тому прекрасному роду людей, после ухода которых остаётся невосполнимая пустота. С такими выдающимися людьми можно иногда по обстоятельствам долго не встречаться лично, и тем

³ Родился: 7 августа 1858 г., Чикаго. - Умер: 14 февраля 1939 г. (80 лет), Палм-Спрингс

не менее дружба от этого не ржавеет. Вы знаете, что такие люди, такие друзья не предадут, не изменят, и особенно драгоценно в наше колеблющееся, изменчивое время осознавать, что имеется друзья прочные. Здесь ли, на земле, или в мире надземном известного качества отношения остаются нестираемыми.

С особенным чувством можно вспоминать о деятельности таких друзей. В каждом их поступке, кроме общего свойственного им доброжелательства, можно найти и особое ценное устремление. Первый раз имя Крэна встало перед нами уже тридцать лет тому назад во время приезда Крэна в Россию. Вернее, скажем во время одного из его приездов в Россию. Ведь Крэн побывал в России не много не мало, как двадцать четыре раза. Немногие из иностранцев могут иметь такой русский послужной список. При этом во время каждого из таких посещений Крэн, помимо технических дел, творил много добра, умножал культурные сношения и укреплял дружеские связи с народом русским.

Нередко говорилось, что Крэн, наверно, когда-то был русским, ибо иначе трудно было себе представить, чтобы исконный американец до такой степени мог глубоко понимать Россию, положительные качества народа русского, русское искусство и общественность. Это тяготение ко всему русскому не являлось налётным снобизмом, но, говоря о потенциале русского народа, Крэн утверждал свои дружеские чувства, как мог бы сделать это сам русский.

Очень ценно отметить, что Крэн чувствовал Русь не узко, не предвзято книжно, но широко, во всей её азийской мощи и красоте. Крэн понимал и Китай, и не случайно он был почётным советником Китайского правительства. Крэн тянулся к Индии. Не раз проезжал её, воодушевленно впитывал её красоты, знал Индию от юга и до Гималаев. С такою же любовью Крэн бывал и в Ираке, и в Сирии, и в Месопотамии, и в Аравии. Султаны и шейхи понимали Крэна и любили его задушевное слово. Любил Крэн и Египет, и его последняя заграничная поездка была именно в Египет. На склоне лет, едва оправившись от тяжкой болезни, Крэн хотел как бы для какого-то дальнего пути ещё раз запастись лицезрением пирамид, этих стражей вечности.

Удивительно подумать, чтобы человек, по семейным корням как бы привязанный к Западу, до такой степени мог чувствовать Восток. Это не было восточным увлечением или каким-то предвзятым модернизмом, когда во имя какого-то внешнего интереса люди бросаются в африканское или полинезийское искусство или в скурильную японщину, лишь бы удержаться на гребне моды. Крэн не походил на таких эфемерных однодневок. Можно сказать, что в отношении Востока, конечно, включая в него и Русь, Крэн был непоколебимым однолюбом.

Было бы жаль представить Крэна только как филантропа или как государственного деятеля. Несомненно, по природе своей Крэн был художником. Ведь не только те художники, которые поют, играют, пишут, занимаются живописью или скульптурой. В равной мере и все те будут художниками, в душах которых горит пламень красоты. Ко всему красивому и прекрасному неотрывно тянуло Крэна. Вспомним, как восхищался он конфуцианскими напевами. Как помогал он Афонскому монастырю. Эта помощь была не просто внешним актом милостыни. Наоборот, Крэн всегда устремлялся к чему-то прекрасному. Когда он звал меня ехать с ним на Афон, то ведь прежде всего его влекло к древней красоте.

Может быть, не все поймут, почему мы ставим художественность природы Крэна выше всех прочих его земных дел и достижений. Но когда подумаем пристально о том, какое особенное качество всех мероприятий Крэна было очевидно, то согласимся, что в основе всего нужно понимать Крэна как художника. Вот Крэн в кругу друзей слушает квартет Кедрова, и "Новгородские колокола" заставляют глаза его гореть огнём художника. Или Крэн спешит в Ростов Великий послушать знаменитый малиновый звон. Или Крэн увлечённо беседует с монгольской княжной. Или Крэн хочет иметь целую сюиту картин Поленова. Не перечислить все те зовы к прекрасному, которые рождались в сердце Крэна.

И ещё одно очень ценное качество. Крэн не забывал тех областей, к которым у него вспыхивало увлечение. Мы знаем, как через много лет, через длиннейшие промежутки, он опять обращался к старым друзьям и хотел сделать для них что-то сердечно приятное. Такое природное стремление Крэна кого-то обрадовать тоже принадлежит к лучшим качествам его утончённой души. Перед поездками в Россию Крэн всегда вспоминал своих русских друзей, и трогательно было слышать русские имена, которым он собирался доставить радость. Иногда думалось, что ему значат эти как бы случайные мимолетные встречи, но дружба Крэна не ржавела и всё, однажды им признанное, всегда находило в нём живой отклик.

Первая моя личная встреча с Чарльзом Крэном произошла в 1921 году в Чикаго во время моей выставки в Чикагском Институте Искусства. Эта первая беседа была чрезвычайно многозначительна, и продолжалась она в таких тонах, как будто мы уже были лично знакомы в течение многих лет. В конце концов, мы и были знакомы, хотя и не лично, но может быть, более чем лично. Крэн знал моё искусство, а я так много слышал о нём ещё и в России. У русских мало таких сердечных друзей, и потому имя Крэна и многочисленные рассказы о его светлой деятельности постоянно были среди русских. В течение той же беседы Крэн сделал несколько весьма многозначительных указаний о некоторых личностях. Только с годами мы могли убедиться, насколько верен был его суровый прогноз.

С тех пор и в Нью-Йорке и в бостонском имении Крэна "Вудсхол" мы встречались сердечно. Сама обстановка имения Крэна была так близка хорошим русским поместьям. В дружелюбной атмосфере было что-то навсегда привлекающее. Почему-то нам вспоминалось тенишевское Талашкино со всею любовью к искусству и просвещению, которая окружала и семью Крэна. Кроме того, Юрий встречался в Гарварде с Джоном, вторым сыном Крэна. Сам Крэн и его супруга очень способствовали, чтобы и эта дружба молодого поколения тоже укреплялась. Незабываемо и сближение с Mrs Крэн. В ней с первой же встречи почувствовались искреннее доброжелательство и опять та же душевная близость, точно бы мы с ней встречались давным-давно. Елена Ивановна глубоко ценила дружбу Крэнов и радовалась, чувствуя их искренность. Действительно, среди множества холодноватых светских любезностей радушная атмосфера дома Крэнов была притягательна. При своих поездках по Индии Крэн постоянно посещал нас или же, если расстояния препятствовали, то, во всяком случае, пытался ещё раз свидеться. В Дарджилинге совершенно неожиданно для нас появился наш друг. Опять были задушевные беседы, были ознакомления с окрестностями. У Крэна уже в Нью-Йорке находилась моя картина "Ростов Великий", близкая ему по посещению Ростова. Теперь же после

поездки по Индии Крэн захотел иметь мой "Бенарес". Помню суждение Крэна о бенгальских художниках, о семье Тагоров и о многих проблемах Индии. Но каждая беседа не обходилась без толков о России. При этом всегда было трогательно, насколько во всех случаях Крэн проявлял истинную доброжелательность. Иногда можно было думать, что он вот-вот чего-то не поймёт или осудит. Но широкие взгляды Крэна удерживали его от всяких осуждений. Во всём, даже и в великих трудностях, он прилагал добрые меры. И Средней Азией и Тибетом Крэн горячо интересовался.

Во время трудностей нашей Средне-Азиатской экспедиции Крэн всё время волновался о судьбе нашей. В нашем Нью-Йоркском музее была особая комната, посвящённая имени Крэна, в которой была сосредоточена серия из экспедиции по Монголии и Тибету. И Крэн постоянно посещал музей вместе со своими американскими и иностранными друзьями. Мы были так рады, что в список почетных советников музея входило и имя нашего друга. А затем по возвращении нашем в Америку Крэн приветствовал нас, стоя во главе почетного комитета для встречи. Сейчас смотрю на фотографию, снятую во время приёма нас у городского головы Нью-Йорка Уолкера. Рядом со мною в летнем светлом костюме стоит радостно улыбающийся Крэн, и сколько в его лице светлого искреннего радушия! Помню, как во время этих официальных приемов, когда мы катили по улицам Нью-Йорка, окружённые почётным конвоем с сиренами, Крэн продолжал свои рассказы о восточных встречах. Многие могли бы позавидовать Крэну в его молодости духа. Также меня очень тронуло суждение его о значении нашей экспедиции. В то время, когда некоторые были связаны узкопрофессиональными соображениями, среди немногих именно Крэн понимал широкие пути, основанные на искусстве.

После произошли новые неутомимые поездки Крэна как по Востоку, так и опять в любимую им Москву. Преклонные годы и нездоровье часто мешали Крэну в его любимых передвижениях. Но стоило ему хоть немного поправиться, как все предписания врачебные забывались, и Крэн опять устремлялся в земли заморские. Точно бы он почерпал силы и бодрость духа в этих бесчисленных общениях. Без сомнения чувствовал он, что и в России и на Ближнем и на Дальнем Востоке его любят, а любовь - великий источник бодрости и неутомимости. Даже в самые последние дни жизни Крэн был полон бодрых помыслов. По-прежнему ему хотелось и обрадовать кого-то и сделать что-то полезное.

Велико число образовательных учреждений, которым помогал Крэн и помогал весьма существенно. Но кроме этих явных вспомоществований, Крэн широко и незримо способствовал просвещению. Не преувеличивая, можно сказать, что во всех странах, где нам пришлось побывать, мы встречались с людьми, которые благодаря помощи Крэна могли преуспеть.

В Париже узнаём, как некоторые студенты могли кончать образование исключительно вследствие помощи Крэна. Уже не говоря о других европейских странах, не говоря о Сирии и Египте, и на всем Дальнем Востоке пришлось совершенно неожиданно встречаться с этою незримою благою работою Крэна. Вот доктор Бернارد Рид может изучать древнюю восточную медицину благодаря доброй воле Крэна. Наконец, в самом глухом углу Монголии мы встречаем китайского ученого, который работал благодаря той же доброй помощи. А ведь среди путешествий мы могли только случайно встретиться с этими благими знаками. Сколько же их рассыпано по всему лицу земли!

Сколько лекций, театральных ангажементов, концертов и выставок устроено по желанию Крэна! Какие замечательные деятели останавливались в его гостеприимном доме. Жизнь Крэна является показателем замечательных устремлений Америки.

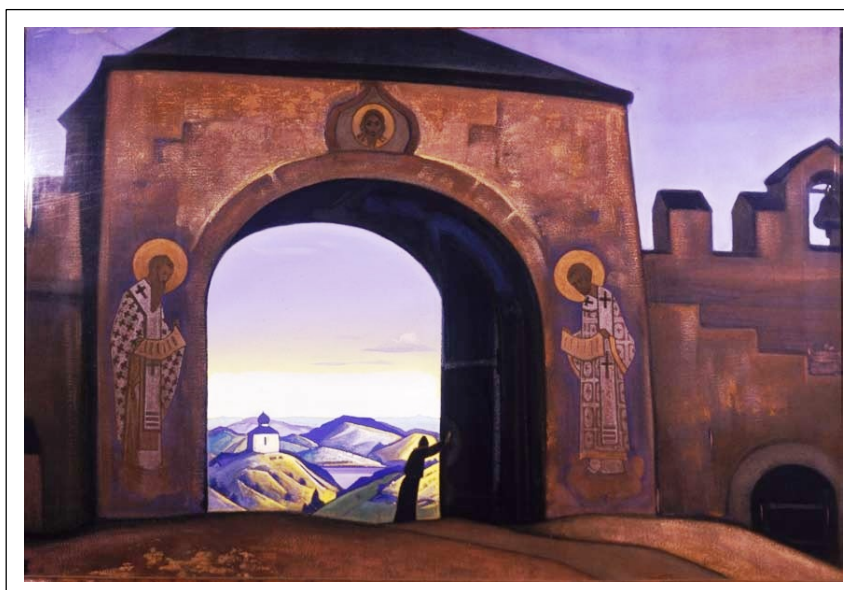
Крэн очень любил искусство Святослава. В последнее время он хотел устроить в Калифорнии и в других частях Америки выставку Святослава и звал его приехать в Калифорнию. В письмах своих Крэн прекрасно отзывается об имеющейся у него картине Святослава "Бабушка и внучка", а затем Крэн заказал ему портрет Елены Ивановны, воспроизведённый во "Фламме" и в Рижской монографии.

Было понятно, что Крэн, любивший Индию и Гималаи, захотел иметь мою "Канченджунгу", ибо эта гималайская вершина особенно его восхищала. Радовался Крэн моему "Гуру Чарака", аюрведическому врачу Индии. Захотел он иметь и "Тибетскую Твердыню". Если бы не грозные снежные перевалы, то Крэн, наверное, побывал бы и в Тибете. Как он любил и ценил эти хранилища древней мудрости! Среди прекрасной калифорнийской природы Крэн всё-таки думал о далёком Востоке. Перед самой кончиной Крэн захотел иметь мою картину "И открываем Врата". Крэн захотел, завещал, чтобы картина эта осталась у дочери его mrs. Брайден, которую он так любил. Много Врат открыл Крэн в течение своей Долгой жизни. Много путников смогли продолжить свой путь только благодаря доброй воле Крэна. И в последние свои земные дни Крэн помнил завет об открытии Врат. Пусть ему и в Надземных его путях откроются Врата Прекрасные.

1939 г. Гималаи

Рерих Н.К. «Листы дневника», т. 2. М. 1995.

«Перед самой кончиной Крэн захотел иметь мою картину "И открываем Врата". Крэн захотел, завещал, чтобы картина эта осталась у дочери его mrs. Брайден, которую он так любил...»

Н.К. Рерих. И открываем врата. 1939.

18 февраля 1939 г.
Письмо А.Н. Бенуа к Рериху Н.К.

18. II 1939.

Милый Николай Константинович!

По небрежности, как моей, так и Анны Карловны, письмо, написанное и запечатанное, пролежало затем больше недели без отсылки – но как раз подошло Твоё письмо от 8 т.м. и, таким образом, я свой ответ и могу приложить к тому. В ответ на Твой вопрос о согласии написать статью о Твоём искусстве я отвечаю: «разумеется, в принципе да – и с особенным даже удовольствием», но только в данную минуту я этим никак не смогу заняться! Не считая всяких очередных дел, я буквально погибаю под бременем «чрезвычайным». Вернулась Ида Рубинштейн и уже затормозила меня, ибо она собирается, наконец, осуществить свои давно затеянные постановки, книга моя вступила в период корректуры и, кроме того, надо готовить вещи для одной выставки. Словом, сейчас не могу. Но я надеюсь, что к весне полегчает. Я бы только желал более точным образом познакомиться с Твоим творчеством, каким оно сложилось после того, что жизнь нас разлучила. Вероятно, кое-что я могу увидеть у Шклявера, но, может быть, и Ты пришлешь кое-какие материалы?

Что же касается гонорара, то за «Худож. Письма» мне платят в Посл. Нов. такие *позорные* гроши (иначе быть не может, ибо это <...> всё благотворительное Учреждение, обличённое маской кормящихся им людей – известная эмигрантская картина), что мне *стыдно* их Тебе называть. Твой же издатель может предложить мне то, что ему свойственно платить в аналогичных случаях и я убеждён, что мы сойдёмся. Цены же мои на костюмы колеблются между 6 и 10 фунтами смотря по значительности и лишь в исключительных случаях (<...> «отделанная» акварелью) достигает 12 и 15 фунтов.

Сказать «некстати», а разве вообще была такая дочь Ирина у Третьякова? Я что-то не помню, а как будто знал семью всю?

Не хочу задерживать отсылку этих писем, а потому кончаю. Анна Карловна благодарит за память и шлёт вместе со мной Вам обоим свои «лучшие дружеские мысли» (прости, что «формулу» спланировал у Тебя, но мне она очень понравилась – по существу же эта формула вполне соответствует нашим чувствам).

Душевно преданный Тебе

Александр Бенуа

Архив Музея Рерихов, Москва

18 февраля 1939 г.
Из письма Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф. (Об А.Н. Бенуа...).

"Жизнь ещё раз показывает, насколько нужна Культурная работа. Вы справедливо негодуете на безобразные действия Бенуа. По этому поводу я получил немало писем. В данном случае он не касается ни Музея, ни наших обществ, но ненавидит наш Пакт об охране памятников Культуры и все мои призывы к Культурному строительству, называя их мессианством! Попросту говоря, он производит подлую подрывную кротовую работу, которая тем отвратительнее, что у меня лежат сладенькие письма его. Думалось мне, что в "Мире Искусства" должен сохраняться хотя бы некоторый корпоративный дух, но отношения Бенуа доказывают, что этого нет. А ну его к шуту!"

МАРТ

1 Марта 1939 г.

Н.К. Рерих

МЕЧТЫ

Многие мечты исполнились. Хотелось приобщиться к Индии, и вот уже шестнадцать лет, как мы связаны с нею. Хотелось познать Тибет, и мы прошли его насквозь. Хотелось пожить в юрте - и в юрте пожил... Мечталось об охране народных культурных сокровищ, и Знамя-Охранитель прошло по миру. Мечталось об искусстве как о светлом посланце, и вот именно искусство шествует по миру и каждый раз, при каждом выступлении поминается, как благодатны воздействия искусства. Мечталось, чтобы русское искусство не только имело свои отделы в иностранных музеях, но чтобы в Европе был Русский музей. И вот такой музей состоялся. Мечталось о том, чтобы великий Новгород, великий Киев и другие исконные русские города были объявлены городами-музеями. И вот и эта мечта исполнилась - великий Новгород уже объявлен городом-музеем.

Недавно Конлан писал, что наша экспедиция была отражением уже давно написанных, предвиденных картин, что же, и это правильно. Конлан вспоминает "Половецкий стан", написанный в 1906 [1908 г.]¹ году, и указывает, что потом мы жили именно в таких же юртах. Вспоминается, что ещё ранее писалось об Индийском Пути. К тому же времени относится и картина "Девассари Абунту", а затем "Граница Царства" (где она находится?). Ещё раньше, в 1904 году, в собрании зодчих уже читалось о необходимости всенародного и всечеловеческого охранения культурных сокровищ. Подобно Красному Кресту, план такого международного охранения прошёл через многие мытарства и препятствия. Но всё-таки теперь - где самими правительствами, а где общественными учреждениями - уже принимается идея Пакта об охранении всего прекрасного и научного. Вспомним и разные другие мечты и по искусству, и по школьному делу, и по многим жизненным проблемам. Немало дум о всех этих областях уже вошло в жизнь. Появились Институты Объединенных Искусств, развились всевозможные кооперативные начинания. Всё это драгоценно вспомнить - значит, думалось по правильному руслу. Выходит, что мечта недаром называется легкокрылой, у неё добрые крылья. И где положите вы границу между мечтой и предвидением? И где граница мысли? И не есть ли всякая действительность следствие мысли? И знаем ли мы, где всходят посе-вы мысли? И в каких таких сроках они претворяются в действительность? Охраним мечту как лучший мост к построению действительности. Дозволяется мечтать художникам и поэтам, но пусть помечтает и всё человечество. Из мечты доброй родится и добрая действительность.

1 Марта 1939 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

¹Из каталога ГТГ: Половецкий стан. 1908. Эскиз декорации к опере А.П. Бородина "Князь Игорь". Премьера 19 мая 1909 г. Париж. Театр Шатле. Бумага на картоне, пастель, уголь, гуашь. 52 x 70,5 см. Слева внизу подпись: Н.Рерихъ 908. ГТГ. Инв. 1620. (Приобретено Сов. галереи в 1909 г.)

9 Марта 1939 г.

Н.К. Перих

ПЕТРОВ-ВОДКИН И ГРИГОРЬЕВ

На днях поминали Щуко и говорили: ещё один ушёл! А теперь нужно сказать: ещё ушли! Сразу два - оба сильные, оба в полной мере таланта, опыта, творчества. Оба они были различны, но потенциал их был велик и серьёзен. Именно это были серьёзные художники. Трудно сказать, кто из них удельно был больше. Стоит вспомнить некоторые вещи Григорьева, и он покажется сильнее, но затем представить крепко спаянные, творчески пережитые картины Петрова-Водкина, и перевес склонится на его сторону. Петров-Водкин не писал "Расея", но действительно работал для народа русского. Григорьев же хотя и много думал о "Расее", но чуждался её, а подчас и громил её огульно и несправедливо. Это было причиной нашего расхождения. Может быть, Григорьев своеобразно любил "Расею", но облик её он дал в таком кривом зеркале, что жалеешь об искривлённости. В своих странствованиях по всем Америкам Григорьев среди всяких столкновений получил и язву раковую. Чили заплатило ему вперед жалованье, но просило уехать немедленно. Рисунки для модных платьев в Гарперс Базар тоже не могли радовать природного художника. В последний раз мы виделись в Нью-Йорке в 1934 году. Григорьев нервно и настойчиво рассказывал об увлекательности работы для модного журнала, но в кипении желчи сказывалось терзание заплутавшегося путника. Всё-то он сворачивал против Расеи, твердил, как хорошо ему за границей, но тут-то и не верилось ему. Всё-то будто бы было хорошо и прекрасно и удачно, но глаза говорили о совсем другом. Ту же двойственность подметил и А. Бенуа, когда писал о последней выставке Григорьева в Париже.

Совсем иначе вышло с Петровым-Водкиным. В самом начале его упрекали в иностранных влияниях. При всей его природной русскости о нём говорили как об иностранце, о французе и старались найти манерность в его картинах. Но манерности не было. Был характерный стиль. Петров-Водкин неоднократно бывал за границей, но не мог там оставаться. Его тянуло домой, а дом его была русская земля. Русскому народу Петров-Водкин принёс своё художественное достояние. Он учил русскую молодежь. Учил искусству серьёзному, учил познанию композиции и техники.

Молодая русская поросль сохранит глубокую память о том, кто и в трудные дни принёс своё творчество русскому народу. Хорошее, крепкое творчество. Не натурализм, но ценный реализм, который может вести сознание народное. Большая брешь в "Мире Искусства" - Яковлев, Щуко, Григорьев, Петров-Водкин. Ушли преждевременно! А сильные люди, сильные художники так нужны!

9 Марта 1939 г.

Н.К. Перих "Из литературного наследия", М. 1974 г.

[Март] 1939 г.

Н.К. Рерих - к столетию М.П. Мусоргского

СЛАВА МУСОРГСКОМУ²

«Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский» - по именам четырёх сестёр Голенищевых-Кутузовых так всегда напевал Мусоргский, работая в их доме над эскизами своих произведений. Матушка Елены Ивановны – та, которую Мусоргский называл Катонский от имени Екатерины, много рассказывала, как часто он бывал у них, а затем и в Боброве у Шаховских – у той, которую он называл Стасенский. Додонский была потом кн. Путятина, а Людонский – Людмила Рыжова.

После последнего пребывания Мусоргского в Боброве произошёл печальный, непоправимый эпизод. После отъезда композитора, который уже был в болезненном состоянии, нашлись целые кипы музыкальных черновых набросков. По небрежению всё это сгорело. Кто знает, что там было. Может быть, там были какие-то новые музыкальные мысли, а может быть, уже и готовые вещи. Сколько таким путём пропадает от простого небрежения и неведения. А кто знает, может быть, где-то на чердаке или в амбаре хранятся и ещё какие-то ценные записки. Мне приходилось видеть, как интереснейшие архивы в каких-то корзинах выносились на чердак на радость мышам.

О Мусоргском вышло несколько биографий, но в каждой из них, естественно, не входили многие характерные черты. Так и мы, если бы Мусоргский не был двоюродным дядей Елены Ивановны, то, вероятно, также никогда не слышали бы многих подробностей его глубоко печальной жизни. Теперь будут праздновать столетие со дня рождения Мусоргского. Наверное, от некоторых ровесников его ещё узнаются характерные подробности. Но в нашей жизни это имя прошло многообразно, постоянно встречаясь в самых неожиданных сочетаниях.

Вот вспоминается, как в мастерских Общества поощрения художеств под руководством Стёпы Митусова гремят хоры Мусоргского. Вот у А.А. Голенищева-Кутузова исполняется «Полководец». Вот Стравинский наигрывает из Мусоргского. Вот звучно гремит «Ночь на Лысой горе». А вот в Париже Шаляпин учит раскольницу спеть из «Хованщины»: «Грех, смертный грех». Бедной раскольнице никак не удаётся передать интонацию Фёдора Ивановича, а пассаж повторяется несчётное число раз. Раскольница уже почти плачет, а Фёдор Иванович тычет перед её носом пальцем и настаивает: «Помните же, что вы Мусоргского поёте». В этом ударении на Мусоргского великий певец вложил всю убедительность, которая должна звучать при этом имени для каждого русского. Из «Хованщины» мне пришлось сделать лишь палаты Голицына для Ковент-Гардена. А вот в далёких Гималаях звучит «Стрелецкая слобода»...

Исконно русское звучит во всём, что творил Мусоргский. Первым, кто меня познакомил с Мусоргским, был Стасов. В то время некие человеки от Мусоргского чурались и даже находили, что он напрасно занялся музыкой. Но Стасов, мощная кучка и все немногочисленные посетители первых Беляевских концертов были настоящими почитателями русского гения.

² Модест Петрович Мусоргский (21 марта 1839 г., Karevo, Россия - 28 марта 1881 г. Санкт-Петербург)

Может быть, теперь и вся жизнь Мусоргского протекла бы под более благоприятным знаком. Может быть, теперь сразу бы поняли и оценили, и озаботились о лучших условиях для творчества. Может быть... А может быть, и опять не поняли бы, и опять отложили бы настоящее признание на полвека, а то и на целый век – всяко бывает. Добрые люди скажут, что невозможно и представить себе, чтобы сейчас могли происходить всякие грубые непонимания, вандализмы и несправедливые осуждения – так говорят оптимисты, – пусть же многие уроки прошлого послужат для улучшения будущего.

Радостно слышать, что русский народ будет праздновать столетие Мусоргского. Значит, оценили накрепко. Будет поставлена «Хованщина». Поймут, что не нужно делать несносных купюр, не следует самовольничать, изменяя текст, – пусть встанет во весь рост создание великого русского творца. Чем полнее, чем подлиннее будем выражать великие мысли, тем большим неиссякаемым источником они будут для всего народа.

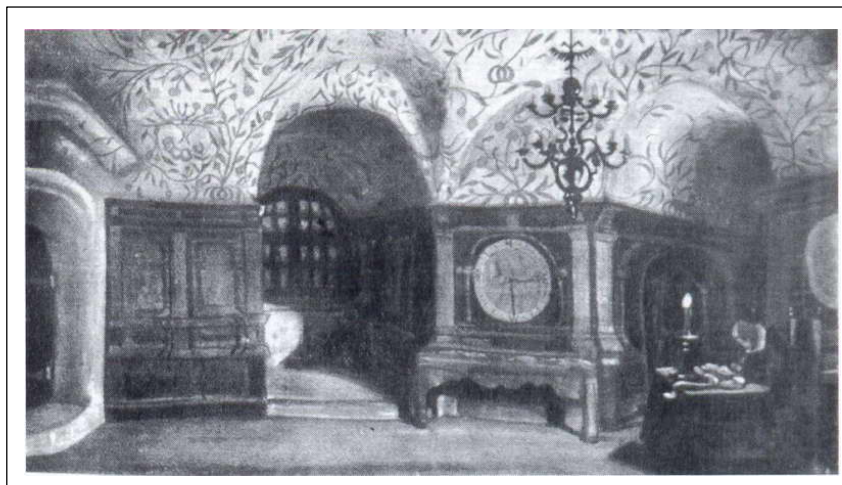
Слава Мусоргскому!

1939 г.

Лист дневника № 78. (Из архива Ю.Н. Рериха)

Публикуется по изданию: Н.Рерих, «Зажигайте сердца». М. «Молодая гвардия». 1975.

«Из “Хованщины” мне пришлось сделать лишь палаты Голицына для Ковент-Гардена...»

Палаты Голицына. 1919. Эскиз декорации к постановке оперы “Хованщина” в театре Ковент-Гарден в Лондоне.

13 марта 1939 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

13 марта 1939 г.

Дорогой Павел Фёдорович,

Большое спасибо за Ваши письма ко мне и к Юрию и за описание Ваших собраний. Очень радуемся не только тому, что собрания продолжаются, но и тому, что Вы принимаете во внимание всякие обстоятельства и делаете из них необходимые выводы. Надеемся, что и Ваша группа вся мыслит таким же порядком. Мы вполне понимаем Ваше сожаление о том, что Рижская монография неожиданно так запаздывает. Вы совершенно правы, полагая, что определённый сезон является чрезвычайно нужным для успеха продажи книг. Этот се-

зон кульминируется перед Рождеством и затем продолжается до половины марта, а затем – уже весна со всеми весенними соображениями. Трудно понять, почему именно типография несмотря на все усилия наших друзей вдруг проявила такую непростительную медлительность. Ведь выход монографии предполагался к 10 декабря, а затем постепенно малыми сроками отложился и по сие время. Невольно даже является мысль о каком-то вредительстве со стороны типографии. Конечно, трудно представить себе причину такого вредительства, но по нынешним временам, к сожалению, можно допустить самые невероятные предположения, а между тем мы так понимаем Ваше соображение о том, что Вам нужно бы уже иметь на руках книгу. Были вопросы и из других стран, но Вы знаете, насколько изменчива человеческая память и добрые намерения. Если не прийти навстречу доброму намерению, то оно попадает в дальний ящик, а потом и в мусорную корзину. Всяко бывает. Интересно, какое впечатление Вы вынесете от знакомства с Гагемейстер и Рудниковой. Мы их совсем не знаем, но Гагемейстер даже хотела устраивать в их обществе группу или отдел моего имени. Тогда же мы написали, что к чему разбиваться, когда налаживалось в Таллинне наше общество. Неизвестно, что получилось из их добрых намерений. Хорошо, если бы Вам удалось послать большую листовку И.И.Бродскому, директору Академии Художеств в Л[енинграде]. Адрес Всероссийской Академии Художеств на Васильевском Острове Вы, конечно, найдёте. Шлём Вам, Вашей супруге и всем друзьям наши лучшие пожелания. Интересны Ваши сообщения о Нарве. Будьте на добром дозоре. Духом с Вами.

Н.Рерих

Архив П.Ф. Беликова

14 марта 1939 г.

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

14 марта 1939

Дорогой добрый друг, Александр Николаевич, Спасибо сердечное за Твое такое славное письмо — такое оно душевное. Так как мне придётся самому указать издателям цифру гонорара за Твою статью, то будь добр, черкни мне, будет ли ладно, если я им назову 1000 ф. Конечно, всё это не спешно, но я люблю всегда, чтобы всё было ясно. Материалы Ты найдёшь в монографии, сейчас выпускаемой в Риге. Я просил, чтобы Тебе монография была немедленно послана. Наверное, «Последние Новости» дадут о ней отзыв. В конце концов, можно несколько претендовать на «Последние Новости». О книге Грабаря они дают целых три фельетона, а на мои три книги хоть бы одно слово. Всё-таки странно такое абсолютное невнимание. Конечно, кроме рижской монографии (в ней будет более ста воспроизведений) можно найти материалы и у Шклявера (7 рю Валуа).

Сейчас читал Твой прекрасный фельетон о Григорьеве. Как хорошо, что ты нашёл такие сильные и добрые слова. Григорьев вполне заслуживает Твою превосходную оценку, а кроме того, он был один из немногих уже остающихся участников группы «Мира Искусства». Удивительно подумать, сколько замечательных Художников из этой группы уже ушло. Дягилев, Бакст, Браз, Головин, Кустодиев, Трубецкой, Чехонин, Яковлев, Щуко, Борис Григорьев, а теперь ещё и Петров-Водкин. Только подумать, что уже одиннадцать сильных художников покинули земную юдоль. При этом все они ушли преждевременно.

Как хорошо, что Лифарь устраивает Дягилевскую выставку. Ведь так часто даже крупнейшая деятельность порастает травой забвения, а ведь с именем Дягилева связана целая эпоха. Я писал Шкляверу, чтобы он со своей стороны всячески помог этой замечательной выставке. Я не знаю, что именно там будет выставлено, но, вероятно, кроме оригиналов будут и воспроизведения эскизов и костюмов. Где остались серовское панно и моя «Сеча при Керженце»? В своё время они очень нравились и должны же где-то находиться. Невежливо предположить, чтобы они были съедены мышами в каком-то подвале. При последующих балетных антрепризах эти панно не выставлялись, значит, они где-то покоятся и, будем надеяться, в сохранности.

Странно подумать, сколько вещей исчезло за эти годы. Может быть, часть их вынырнет когда-то опять, но кажется, что большинство этих странников бесследно пропало. Я лично могу насчитать целый длинный ряд моих пропавших вещей и думаю, что на самом деле этот список гораздо многочисленнее. Когда в 1926 году мы проезжали Омск, то в местном музее к моему изумлению оказалась большая моя неоконченная картина «Строят ладьи». Я отлично помню, что она оставалась в числе многих других холстов в моей верхней мастерской. Значит, всё оттуда разлетелось. Также много картин своевольно распродал Арбенин, которого Ты, наверно, помнишь, а затем мне сообщили, что он умер.

Вообще, когда в художественных словарях читаешь списки пропавших картин, то теперь они делаются совсем не странными. Можно себе представить, сколько прекраснейших картин сейчас погибло в Испании. Также из Китая приходилось слышать о непоправимом разрушении древних памятников. Где людская жестокость и невежество, а где черствая корысть способствовали бесчеловечным разрушениям. Удивительно, что и в наше время среди всяких иногда курьёзных забот об охране искусства можно натолкнуться на самые невероятные грубейшие вандализмы. За последние годы пришлось видеть столько старинных картин, наспех вавилонями вырезанных с подрамников. Приходилось видеть останки картин, сложенных, как носовой платок, протёртых по всем складкам. А тут вдруг уходит с земного плана целая группа мастеров, а ведь не скоро их заменит молодое поколение.

Тебе показалось, что какое-то моё письмо не дошло. И сам я об этом подумал, ибо ещё в августе спрашивал Тебя об условиях, на которых устраиваются в Лондоне выставки. За эти дни мы все переболели инфлюэнцей, как видно, даже в далёкие горы забирается эта непрошенная гостья.

Как хорошо Ты описал Твои семейные собрания, на которых третье молодое поколение уже является участниками. Значит, за исключением Коки, все прочие Твои живут около Вас в Париже. Всё-таки, из всех городов Европы (уже не говорю об Америках), Париж остаётся самым привлекательным для жизни. Уж если где жить в Европе, то в Париже. Конечно, тянет повидать опять и Венецию, и Рим, и Брюгге, и Амстердам, но ведь это всё будет поучительный превосходный проезд, а поселиться в Венеции вряд ли вообще возможно. Мои заметки, которые я посылал Тебе, были, конечно, для Твоего сведения, ибо во всём, что я пишу постоянно упоминается твоё имя. Да и ты, и Дягилев вписали в целую эпоху так много, что теперешняя выставка Павильон Марсан должна отзвучать, как прекраснейшая летопись.

Неужели Ида Рубинштейн опять взялась за Клоделя - за эту чёрную птицу поэзии? Удивительно, что в то время, когда среди более молодых француз-

ских поэтов и литераторов столько прекраснейших имён, а тут ветошь Клоде-ля будет занимать внимание. Читали мы о процессе Жана Кокто, итак, докурился, наконец. Вот тоже пустоцвет. Итак, пожалуйста, черкни мне, о чём я спрашивал в начале письма, и по нашей искренней формуле прими вместе с Анной Карловной наши лучшие мысли.

Духом с тобою,

Н. Рерих

Н.К. Рерих, Письма к А.Н. Бенуа. Вып. 4. СПб. 1993.

18 марта 1939 г. Куньмин

Письмо Лю цзе хун к Рериху Н.К.

Кун-мин (Юн-Нан) 18 марта 1939 г.

Глубокоуважаемый Профессор Николай Константинович.

Жена моя и я шлём Вам, Юрию Николаевичу и всей Вашей семье наш сердечный привет, поздравление с наступающим праздником Св. Пасхи и наилучшие пожелания.

Вас, наверное, удивит, что это письмо Вы получите не из Бейпина, а из далёкого юго-западного края моей родины, из Юн-Нан. Дело в том, что после занятия Бейпина японскими войсками, у нас не было ни желания, ни возможности, долго там оставаться, и мы в августе прошлого года, всей семьёй – я, жена и пятеро детей – выехали оттуда на юг. Мы думали пробраться в тогдашнюю нашу временную столицу, Ханькоу, но развернувшиеся к тому времени военные события заставили нас изменить наш маршрут, и мы, пробыв в Шанхае около двух месяцев, приехали через Гонконг и Аннам, сюда в Кунмин, главный город Кинанской провинции, куда мне предложили приехать преподавать русский язык в университете, организованном из трёх эвакуированных сюда из Бейпина и Тяньцзиня университетов и названном «Юго-западным объединённым университетом».

Таким образом, здесь, в университете, я взялся за свою старую работу, за преподавание русского языка. Здесь мы уже более четырёх месяцев, нашли небольшую квартиру и обосновались. Я работаю в университете, дети поступили в здешние школы, жена дома занимается сама хозяйством. Климат здесь, в Кунмине, хороший, много солнца, тепло. Природа очень богатая и красивая. Кунмин расположен на большой высоте, окружён горами, близ него живописное озеро. Город небольшой, не очень благоустроенный, но живописный. Масса цветов, масса зелени. Я доволен, что нашёл здесь работу, а главное, рад, что вырвался из душной атмосферы, царящей теперь в нашей древней столице. Я теперь в тылу большой многотрудной войны. Настроение здесь довольно хорошее. Большинство нашего народа верит в конечную победу.

Все сознают, что нет другого выхода, как работать, работать и терпеливо сносить все лишения. Работа, терпение и горячая вера в торжество справедливости – вот что нужно теперь нам... и «за грозной тучей приветливый солнца луч блестит»...

Как поживаете Вы. Как Юрий Николаевич. Думаю, что Ваша творческая работа протекает с большим успехом, что дух Ваш, как всегда, бодр. Я был бы безмерно рад получить весть от Вас, и хотя бы из Ваших нескольких слов, переданных на бумагу, почерпнуть живительной силы и бодрости духа, исходящей от Вас. В это время, тягчайшее из всех времён, когда-либо переживавших-

ся моей многострадальной родиной, особенно дороги нашему сердцу такие люди, как Вы, олицетворяющие человеческую Мудрость и Добро...

Примите мой горячий привет и пожелание Вам и Вашей семье всего лучшего, всего светлого.

Искренно преданной Вам,

Я был бы также очень рад получить от Юрия Николаевича хотя бы коротенькое сообщение об его научной работе, и о том, как он поживает.

Мой адрес:

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

«Кунмин расположен на большой высоте, окружён горами, близ него живописное озеро...»

Живописное озеро близ Куньмин (современное фото)

22 марта 1939 г.

Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И.Ф.

22 марта 1939 г.

Дорогой Игорь Фёдорович,

Авион из Парижа принёс нам печальную весть о Твоей горестной утрате, о кончине супруги Твоей. Прими наши душевные соболезнования. Несмотря на дальние расстояния, нас давно разделившие, мы очень часто вспоминаем и Тебя, и всю семью Твою, и, тем более, эта горестная весть нас опечалила.

Из нашего поколения уже ушло много друзей. И за последнее время как-то особенно часто приходится слышать о печальных кончинах. Да сохранит Тебя Бог во славу Твоего прекрасного дарования.

Сердечный привет от всех нас, мысленно искренно с Тобою

Н.К. Рерих

АрхСБ

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

Н.К. Перух

24 МАРТА 1939 г.

Радоваться ко дню 24 Марта. Сойтись к этому с самыми добрыми взаимными пожеланиями. отоплеть друг друга прекрасными устремлениями - укрепиться в содружестве для будущей работы. Не в мирное время, не в лёгкие дни шлём эти пожелания, но ведь радость есть особая мудрость, а в памятные дни нужно принести все свои лучшие намерения. Если у кого горе, то именно в такие дни нужно пытаться исцелить его от горести, и лучшим средством будет общее дружеское пожелание. Если у кого имеется особая радость, то именно в памятные дни он захочет поделиться ею с друзьями. Дружба, содружество - не пустой звук, не облачное рассеяние. Наоборот, содружество есть истинный цемент, на котором устоит даже самое массивное здание. Иногда может казаться, что понятие дружбы есть нечто врождённое, чему не надо учиться. Неправильно - и дружбе, и содружеству, и сотрудничеству нужно учиться. Все эти качества нужно воспитывать в себе в постоянном труде. Взаимное доверие, без которого не может быть и дружбы, тоже должно быть развиваемо. Всякие неискренние улыбки пусть будут уделом невежд, которые не знают об основах бытия. Но каждый приобщившийся к Живой Этике, понявший необходимость нравственных основ, отлично понимает, что искренность и сотрудничество будут теми прочными устоями, на которых складывается совершенствование.

Дорогие друзья, в памятный день 24 Марта мы сойдёмся в разных частях света и пошлём наши лучшие мысли Тому, Кто в вечном труде и в вечной красоте слагает счастливое будущее. И это счастье не будет чем-то недвижимым и закаменелым в самости и своекорыстии - оно будет радостным напряжением всех светлых качеств. Пусть в этот день каждый просмотрит свои светлые качества. Если он найдёт в себе новое благодатное зерно, пусть порадует. И придёт он к друзьям своим не на холодное бездушное совещание, но для огненного и прекрасного общения. Призовём все свои силы, чтобы служить человечеству. Не будем препинаться о человеческие заблуждения, но будем надеяться, что удастся по всей земле посеять те благодатные семена, которые называются добром. Это семя добра нуждается в прекрасной оправе и потому, призывая к добру, будем служить и красоте. Красота и добро - ключ к радости. Радоваться в день 24 Марта!

Листы дневника М. МЦР. 1995 г. Т.2.

24 марта 1939 г.

Н.К. Перух

РАВНОДУШНЫЕ

Одного из митрополитов спросили, как удалось ему в преклонных годах сохранить здоровье и молодость. Он простодушно сознался: "Ничего близко к сердцу не принимал". Также когда спросили правителя, из какого источника черпает он свои силы, он ответил: "Из равнодушия". Жизнь показала, что в обоих случаях метод равнодушия был неуспешен. Некий деятель говорил, что с годами он в некоторых отношениях стал прохладнее. На это я возразил ему,

что именно с годами, с накоплением опыта человек должен становиться огненнее. Подводя итог своей деятельности, человек непременно будет пламенно спешить завершить всё, им предпринятое, а потому и отношение его ко всем обстоятельствам, ко всем людям не будет становиться прохладнее.

Уж эта прохлада! Уж это равнодушие! Ведь в них заключается замирание энергии и выступает позорное безучастие. Пушкин навсегда бросил человечеству укор: "К добру и злу постыдно равнодушны". Каждый из нас бывал свидетелем, как разрушались самые полезнейшие, самые прекраснейшие начинания вследствие окружающего равнодушия. Кто же поощряет всякие преступления, всякие вандализмы и все позорные действия? Прежде всего весь этот ужас земной жизни поощряется равнодушными. Они не принимают к сердцу всё вокруг происходящее. Иначе говоря, они живут без сердца или, еще вернее, живут бессердечно. Мир наполнен потрясающими событиями. Свершает их сравнительно небольшая кучка озверелых людей. А всё множество земное молчит, охает в подушку и не представляет себе, что именно его безмыслие, его мертвенность способствуют самым ужасным преступлениям.

Равнодушные люди полагают, что где-то и кто-то сделают что-то. Но себя они не считают содеятелями. Не считают они себя деятелями прежде всего потому, что не хотят брать на себя ответственность за всё происходящее. Они не хотят думать о будущем, ибо пытаются ускользнуть от этого будущего и надеются, что как-то всё уладится. Некоторые правительства полагают: "Подождём - увидим". А из этого лукавого обождания потом происходят непоправимые бедствия.

Проходят тысячелетия, а класс равнодушных людей не только не уменьшается, но, может быть, даже возрастает. Какое зло заключается в мёртвом состоянии, "к добру и злу постыдно равнодушны".

24 Марта 1939 г.

Рерих Н.К. «Листы дневника», т. 2. М. 1995. (Архив Музея Рерихов, Москва)

31 марта 1939 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

31 марта 1939 г.

Дорогой Павел Федорович,

Очень порадовало нас Ваше письмо от 19-го марта. Приятно слышать о Вашей деятельности, которая так развивается. Как я уже и писал Вам – крепко держитесь за это Ваше книжное дело. Такое дело стоит поверх всех человеческих делений, и Вы имеете возможность приносить столько пользы, а, кстати, и завязывать новые хорошие сношения.

Вы спрашиваете, рассылать ли монографию по незнакомым редакциям и журналам. Думается, что не стоит рисковать, а лучше двигать по тем направлениям, где уже имеются хотя бы предположительные добрые вехи.

В своем объявлении Вы сообщаете, что статья Голлербаха была в журнале «Искусство». Об этом у нас не было сведений и хорошо бы знать, когда именно она была, а может быть, иметь и экземпляр этого номера. Радостно слышать, что и во время собрания у Кайгородова Вы охраняете основы. Хуже всего, когда могут вторгаться какие-то посторонние, если не сказать больше, элементы. Также Вы поступаете совершенно правильно, не делая лишних вра-

гов. Вы уже знаете, что А.А.Каменская и Е.Ф.Писарева прекрасно отозвались о «Тайной Доктрине», изданной в Риге. Таким образом уже не может быть никаких недоразумений с Раггисом, который очевидно не знал, что это издание будет так сердечно принято председательницей Русского Т[еософского] О[бщества]. Значит теперь можно двинуть это издание по всем полезным направлениям. Вы сами видите, как своеобразно разрастается Армагеддон. Недальновидные люди полагают, что если где-то еще не загремели пушки, это значит, что мир существует. Но ведь мирное дело не только нарушается громом пушечным, но главным образом ненавистью, которая одурманила сердца человеческие. Не видно никаких улучшений в мировых настроениях, наоборот, нарыв загоняется внутрь и, значит, есть опасность гангрены. Когда мы говорим о мире, мы имеем в виду истинный мир, а не только пушечный. Об этом истинном мире нужно говорить при каждом удобном случае, ибо война вовсе не заповедана человечеству. Очень интересны Ваши сведения о новом магазине в Н[арве]. Также приятно слышать о развитии библиотечного дела. Ищущих и стучащихся душ немало, но, к сожалению, они так разрознены и рассыпаны по белому свету, что очень трудно их собирать. Потому-то каждый культурный очаг, каждая библиотека, каждый книжный магазин уже являются прекраснейшими вехами на путях культуры. Книжное и художественное дело стоят особняком в мировой торговле. Обе эти области уже не базар, но храм, где происходят обмен и познание всего самого высокого. Обращайте внимание на молодежь. Ведь для нее от самых молодых лет строятся все культурные очаги. Будем ждать Ваших добрых реляций. Духом с Вами.

Н.Р.

Игорь Северянин говорит по радио – не скажет ли он о монографии?

Архив П.Ф. Беликова

АПРЕЛЬ

9 апреля 1939 г.

Н.К. Рерих

GOOD FRIDAY³

Говорят, что бандиты предпочитают нападать под праздник, когда их менее всего ожидают. Впрочем, бандиты - не поэтическое выражение. Не лучше ли сказать - пираты. Но и это слово не звучит громко. Лучше всего - корсары! Оно и звучно и выразительно. Накануне праздника подплывут, и разрушат, и разграбят.

И не нужно обращаться к дальним векам. Ведь и сейчас можно слышать о таких же кровавых похождениях. Может быть, именно в Страстную пятницу менее всего ожидают корсарских набегов. Особенно поразительно, если к Страстям прибавятся пушечные залпы и взрывы. Корсары всегда "правы" со своей точки зрения. Или они повесят или их повесят.

Неужели и сейчас, в этот самый час, где-то корсары уже делят добычу? И еще что-нибудь разрушается и кто-то убивается. А в день, когда человечество скорбит о совершенном предательстве, именно в этот день где-то происходит

³ * Страстная пятница.

жестокое кровопролитие?! Да, происходит! Да, неповинные страдают! И кто-то лицемерно прикидывается глухим и слепым, чтобы не услышать вопли жертв. А Пилат требует "чистой" воды, чтобы еще раз умыть руки. Привычные руки!

Найдутся и такие, которые будут уверять, что совершаемая жестокость не важна. Скажут, что во имя индустрии и коммерции следует промолчать. Посоветуют так согнуть спину, чтобы превратиться в камень, или надеть такую шкуру, чтобы походить на овцу. Впрочем, и овцу зарежут. Не лучше ли спрятаться под грудой отбросов? Хорошо, что противогазная маска похожа на свиное рыло.

Газеты предпочитают не сообщать мрачных новостей под праздник. Законодатели разъезжаются удить рыбу. Вода не должна быть мутной. Но для корсаров такой разъезд - сущая выгода. Набег успеет совершиться. На месте не поймают. А там окажется, что у Фемиды глаза завязаны. Вокруг каждого закона поле оставлено. "Закон, что дышло, - куда повернёшь, туда и вышло". Народ сложил поговорку.

Некоторые захватчики, почти что корсары, почтены памятниками. О корсарах сложены поэтические легенды. Был итальянский балет "Корсар". Были песни о разудалых разбойниках. Фильмы воспевали проворство и безнаказанность гангстеров. Но один сюжет до сих пор был упущен. Корсарство ещё не совершалось в Страстную пятницу! Но и эта особенность уже предусмотрена. Писатели уже не могут претендовать на оригинальность, если их корсар, подбочась завопит: "Для нашего дела лучше всего Страстная пятница!"

9 Апреля 1939 г.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

21 апреля 1939 г.

Н.К. Рерих

МИР В МАСКЕ

Повсюду выдаются маски - волею судеб они почему-то похожи на свиные рыла. Может быть, скоро дипломатические заседания будут происходить в маске. Может быть, подобно маркизе Гонзага, приславшей Цезарю Борджиа сто масок в подарок, скоро будут изобретены рождественские подарки в виде масок. Не подумайте, что говорим против предохранительных мер. Конечно, мир пришёл в такое ужасное состояние, что каждый человек чувствует себя более охранённым, если при нём в особом кармане будет находиться маска.

Да, обстоятельства таковы, что человечность и человеколюбие куда-то скрылись, а на место их выдвинулись охранённые какими-то законами всевозможные человекоубийственные "изобретения. Каждый день, а может быть, и каждый час целые страны трепетно ожидают налётов, которые должны отравить всё сущее. Изобретена особая тоталитарная война. Война против всего живого, против всего сущего.

Может быть, в каких-то давних сентиментальных веках идея тоталитарной войны была бы названа варварским изобретением. Впрочем, и сами так называемые варвары прежних времён вовсе не задавались целью вести тоталитарную войну. Теперь же цивилизация настолько продвинулась, что понятие тоталитарной войны введено в ряд научных понятий. Без всякого ужаса люди за несколько лет привыкли к такому понятию. На каких-то заседаниях

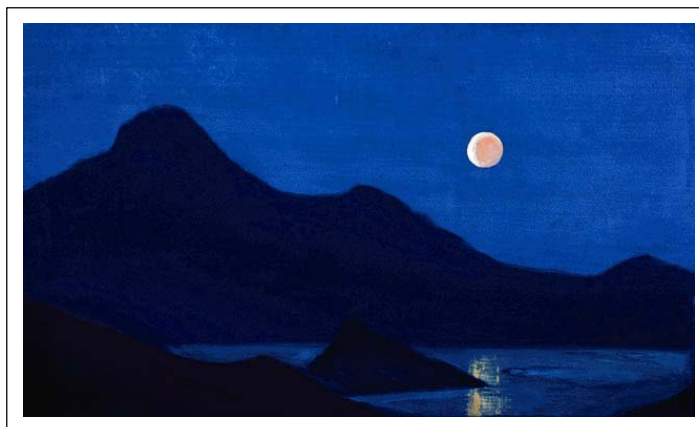
оно произносится с научным спокойствием, и дипломаты как бы согласились между собою в неизбежности и таких бесчеловечных проявлений.

Появились средства самоохраны. Правда, они несколько напоминают времена троглодитов, когда люди спасались в подземные пещеры, рыли, как кроты, подземные ходы. И теперь роются те же подземные катакомбы. Но всё должно идти вперед, и потому человечество озаботилось изобретением маски как единственного средства спасения. Прежде надевали маску, когда шли на какое-то таинственное предприятие или же старались быть неузнанными. Маска - символ притворства, измены. Теперь же таинственные предприятия сменились каждодневною непрерывною опасностью, и весь мир надел маску.

Весь мир оказался вынужденным надеть свинообразную личину. Правда, некоторые юмористы ещё сквозь слёзы шутят по поводу этой мировой маски. Но какой трагизм, какой гранд-гиньол заключён в понятии всемирной маски! Мир - в маске! Вот до чего дожило человечество. Наряду с этим происходят всемирные ярмарки и базары, люди пляшут... Может быть, скоро мы услышим о костюмированном вечере, о маскараде, на котором все присутствующие должны быть в предохранительных масках. Страшен символ наших дней - мир должен надеть маску. Мир - в маске. Чего же больше?!

21 Апреля 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

Н.К. Рерих. Затмение. 1939.

24 Апреля 1939 г.

Н.К. Рерих

"ПАРИЖ"

"Париж" горел. Конечно, это не тот пожар, о котором говорил Нострадамус, но всё же пожар чрезвычайно показательный. Мало того, что сгорел или был подожжён один из лучших океанских пароходов, но на нём были погружены художественные сокровища для Нью-Йоркской ярмарки. Пишут, что эти произведения искусства уже снимались с горящего парохода, и оценивались они в 25.000.000 долларов. Конечно, это чисто человеческая оценка, а по существу своему эти художественные сокровища не могут быть расцениваемы никакими долларами.

Случившееся напоминает мне о моём докладе Римскому конгрессу в 1930 году. В докладе я обращал внимание на три возникшие опасности для художе-

ственных произведений. Во-первых, опасность от каких-либо покушений при перевозках и от всяких вандализмов. Во-вторых, опасность от временной перевозки произведений в чуждые им климаты. Нам самим приходилось наблюдать, как губительно действовали различные климаты на картины и резные статуи. В-третьих, опасность, возникающая от рентгенизации.

Эта последняя опасность, возникшая, можно сказать, за последние дни, очень чревата последствиями. В конце концов, никто не знает последствий рентгенизации. Мне самому приходилось слышать мнение врачей о том, что рентгенизация абсолютно безвредна. Когда я спрашивал: "Неужели такой мощный луч не оказывает ни положительного ни отрицательного воздействия", мне с серьёзнейшим видом возражали, что последствий никаких не замечено. Спрашивается, как скоро ожидалось эти последствия? При рентгенизации человека допускалось, что в исключительных случаях могут быть даже смертельные последствия. Правда, говорилось, что таких последствий на тысячу одно, но всё же они были зарегистрированы.

Кто же может утверждать, что рентгенизация картин, которая стала таким модным явлением, не окажет разлагающего следствия через некоторое время, и кто же может определить это время? В докладе своём я предлагал не торопиться с рентгенизацией лучших картин, пока в продолжение многих лет люди сами не познают свойства этих сильнейших лучей. Пусть бы уж производили опыты над третьестепенными старинными картинами, но всегда, когда слышишь о рентгенизации Рембрандта, Голбейна, Дюрера и других первоклассных мастеров, всегда западает опасение, поблагодарят ли за эти опыты будущие поколения?

Гибель "Парижа" вызывает в памяти многие бывшие размышления. В Сан-Франциско выставлены редчайшие произведения Леонардо. Наверное, приняты исключительные меры для их охраны. Но ведь и на "Париже" тоже, вероятно, все меры осмотрительности были приняты. Кроме художественных произведений, на "Париже" было погружено золото на 75.000.000 долларов. Конечно, при желании можно накопать из земли ещё большие миллионы золота, но художественных сокровищ, доверенных океану, уже никто не мог бы возместить.

Сейчас много опасностей в мире. Исчезают целые страны, но, чтобы усилить впечатление современного трагизма, сгорает пароход, который должен был перевезти неповторимые художественные сокровища на ярмарку в Америку. Предметы искусства спешно снимались с парохода уже во время пожара. Ещё раз вспыхнула предупреждающая лампочка. Счастье, что удалось спасти сокровище, но ведь могло случиться и обратное, и ко всем происходящим вандализмам мог прибавиться и ещё один страшный, ужасающий.

24 Апреля 1939 г. Гималаи

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

Н.К. Рерих

БУДУЩЕЕ

Вы спрашиваете меня о будущем некоторых стран и кончаете словами Бернарда Шоу, что "красный человек степей победит". Отвечу Вам вне геогра-

фических ограничений. Сейчас и страны переименовываются и границы народов единого человечества колеблются.

Армагеддон, разгоревшийся в 1936 году, напомнил человечеству, какие именно основы создадут светлое будущее. Победит тот, кто сумеет покрыть механическую цивилизацию истинною Культурой.

Человечество переживает труднейший период переоценки ценностей, когда Культура проникает в широкие массы и совершается сдвиг сознания. Каждый деятель, понимающий значение Культуры, знает, насколько нелегко бороться с ветхими предрассудками и идти навстречу новому сознанию, открытому в сердцах молодых.

Во всей моей деятельности мне довелось близко встречаться с молодёжью и удостоверяться, насколько легко и естественно они мыслят об обновлении жизни, пока в них не проникнет ханжеская зараза предрассудков. Дети от самых ранних лет любят, когда им поручается работа взрослых, но по мере роста они заражаются "детскими" играми, вроде гольфа, футбола, кулачных боёв. Свиноподобное занятие валяться и бороться в грязи, к удивлению, находит своих энтузиастов. Такое времяпрепровождение, конечно, никто не назовёт культурным, ибо здоровый физический спорт не имеет ничего общего с безобразием приведённых уродств.

Победит тот, кто любит труд и понимает, что не золото, но именно трудовая единица является истинною ценностью. Преуспеют те народы, которые понимают красоту труда и не стремятся во что бы [то] ни стало иметь "гуд тайм". Конечно, может быть в отупении "гуд тайма" они стремятся прикрыть свою духовную нищету. Истинное доброе время может быть в возможности непрерывно творить свой любимый труд. Ведь и отдых заключается не в отупении, но в разумной смене труда и в накоплении новых впечатлений и творческих мыслей.

Происходящие переселения и переустройства имеют глубокое значение. В трудностях своих народы своеобразно преуспевают в сложении лучшего будущего.

Вы спрашиваете также о положении в Европе нашего Пакта о Сохранении Культурных ценностей. Кто-то ему радуется, а некоторые не понимают его просветительного смысла. При начале европейской войны французские газеты вспомнили о Пакте. Впрочем, не забудем, что и идея Красного Креста осуществилась лишь через семнадцать лет, а казалось бы, уже чего проще она! Во всей жизни мы видим, что наиболее нужное встречает и наибольшие затруднения.

Победит тот, кто в основу поставит великое сотрудничество, любовь к труду и преданность Культуре. Искусство, наука и познание силы мысли приблизят светлое будущее.

[1939 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г. (Из архива МЦР).

28 апреля 1939 г. Париж
Письмо Серафимы Павловны Ремизовой к Рериху Н.К.
Приложение: Письмо А.М. Ремизова

1939 г. 28 Апреля

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович, Христос Воскресе! Ещё не прошло пасхальное время, и хочется с Вами обоими похристосоваться. За это время так много пережито. Чувствовали вы или одна Елена Ивановна, что у нас было 14-го Февраля? Со мной случился "accident": Я поскользнулась, потеряла туфлю (очень большую).и упала на штепсель, на меня упала тяжёлая лампа, так, что я схватилась не за стол, а за шнурок от лампы. Когда я поднялась с помощью А[лексея] М[ихайловича], мы увидели лужу крови возле стола; А.М. пошёл к соседям этажом ниже, у них есть телефон, чтобы позвонить доктору, это было 10 часов вечера. Аитов сказал, что это дело хирурга, и чтобы я позвонил хирургу от его имени и просил приехать его. Так и сделали. В ожидании хирурга (он обещал). К нам пришли 3 наших соседки. Мы встретили, открыв дверь. Наконец, в 12 часов ночи приехал хирург, посмотрел мою рану, рана была на лобу очень близко от глаза и от виска, ... до кости в 3 сантиметрах. Он зашил рану без наркоза, так как в этом месте нельзя ничего впрыскивать. Боль была несусветная, но я не пикнула, я напрягла все силы и не стонала, ничего, так что доктор удивился моему терпению. Ещё 2 раза он приезжал, менял повязку, и потом снял швы и сказал, чтобы я теперь приходила к нему, он всё время боялся заражения крови, но всё, Слава Богу, прошло благополучно. Была опухоль глаза и синяки по всему лицу, теперь остался шрам на лобу. Боже, сколько было боли и страдания. Он взял недорого – 400 fr. за всё, но для нас это было очень чувствительно. Один раз он ведь в 12 ч. ночи приехал! С той поры я боюсь всего и боюсь носить эти большие туфли и принуждена носить рваные, так что в дождь не выхожу. Я тогда очень ослабла от потери крови, но теперь уже ничего. Когда некоторые боятся войны, и что с ними будет, я всегда говорила: всё в воле Божьей, и рассказываю этот случай – дома получила рану, которая могла быть смертельная и опасная для глаз. Очень хотелось всё это всем рассказать, много мыслей по этому поводу у нас появилось. Я тогда же сказала: наверно, Елена Ив. что-то почувствовала. Как бы хорошо было, если бы, если бы можно было передавать на расстояние и мысли и случаи.

Потом пришла Пасха, я уже без повязки, всё тихо и хорошо. Потом надо было делать вечер чтения А.М. , который делается каждый год весной, чтобы заплатить налог, который всё увеличивается, и какие-то дыры заткнуть. Этот вечер был неудачен, т.к. люди боятся войны, и не ходят на вечера. Но читал А.М. очень хорошо, один рассказ будет напечатан в журнале «Русские записки». Называется «Лунатики». Не знаю, получаете ли вы этот журнал. Очень было жалко, что вас не было на чтении, ятак волновалась, и мне надо было помощь душевную, чтобы я знала, что тот, кто понимает, здесь.

Вообще, мы так хотим всех видеть и говорить с вами лицом к лицу. Какой чудесный альбом – книгу, которую мы получили из Риги Ваш – у меня в душе восторг и радость. Ещё прислали серию открыток, одна лучше другой. Я хочу написать в Ригу, чтобы прислали ещё серию или 2, в зависимости от их стоимости. Я и раздаю и пишу на этих открытках, и больше никаких не хочется употреблять.

Сейчас Ал. Мих. будет вам писать. Он хочет ответить на ваши вопросы о газетах.

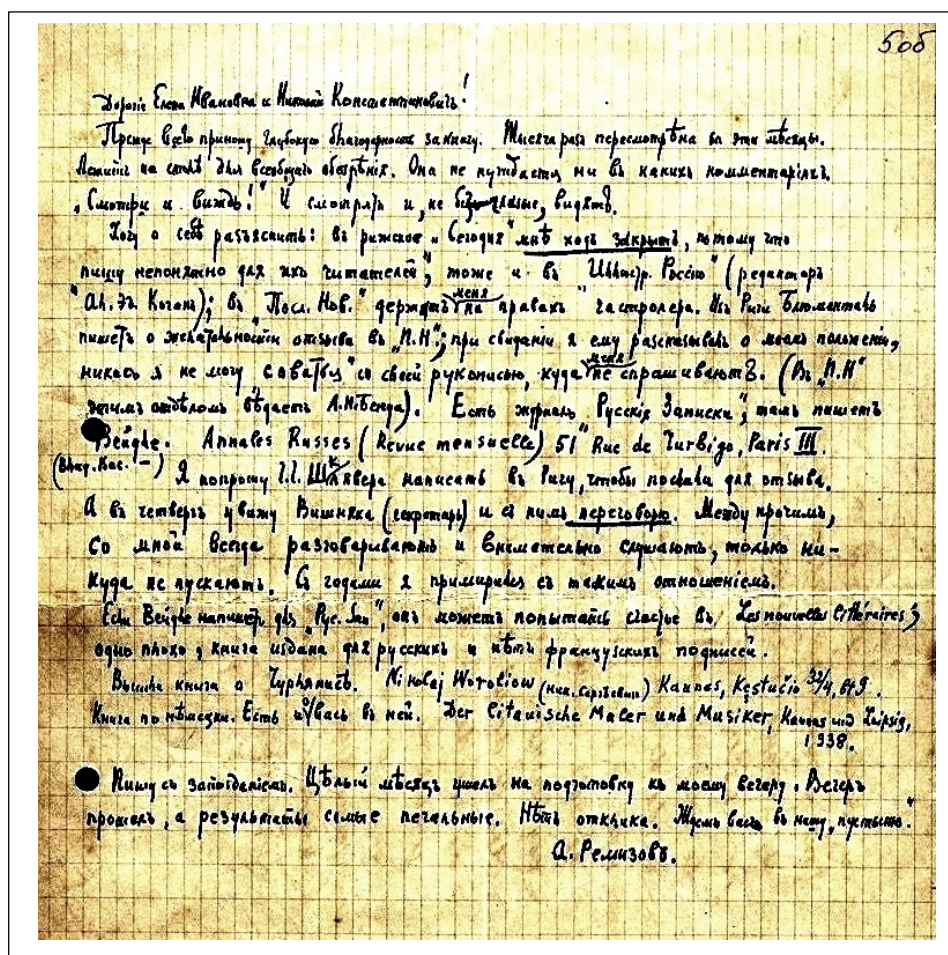
Напишите нам, у меня сейчас такое трудное время, это – следствие вечера. Спасибо вам всем.

Кланяюсь вам и вашему дому,

С. Ремизова

Приложение:

Письмо А.М. Ремизова к Рериха Е.И. и Н.К.

Автограф письма А.М. Ремизова

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Прежде всего приношу глубокую благодарность за книгу. Тысяча раз пересмотрена за эти месяцы. Лежит на столе для всеобщего обозрения. Она не нуждается ни в каких комментариях. «Смотри и виждь»! И смотрят, и безглазые, видят.

Хочу о себе разъяснить: в рижское «Сегодня» мне ход закрыт, потому что пишу непонятно для их читателей, то же и в «Иллюстр. Россию» (редактор Ал.Эд. Коган); в «Посл. Новостях» держат меня на правах гастролёра. Из Риги Блюменталь пишет о желательности отзыва в «П.Н.» при свидании я ему рассказывал о моём положении, никак я не могу соваться со своей рукописью, куда меня не спрашивают. (В «П.Н.» этим отделом ведаёт А.Н. Бенуа). Есть журнал «Русские записки», там пишет Вейдле. Annales Russes (Revue mensuelle)

51 Rue de Jurbigo, Paris III. Я попрошу Г.Г. Шклявера написать в Ригу, чтобы послали для отзыва. А в четверг увижу Вишняка (секретарь) и с ним переговорю. Между прочим, со мной всегда разговаривают и внимательно слушают, только никуда не пускают. С годами я примирился с таким отношением, если Бейдле напишет для «Рус. Зап.», он может попытаться счастье в Les nouvelles Ciffereires; одно плохо, книга издана для русских и нет французских подписей.

Вышла книга о Чурлянисе. Niholai Woroliolof (Ник. Сергеевич) Kaunas, Kęstučio 32/4 bt 9. Книга по-немецки. Есть и о вас в ней. Der Citauische Maler und Musiker, Kaunas und Leipsig, 1938.

Пишу с запозданием. Целый месяц ушёл на подготовку к моему вечеру. Вечер прошёл, а результаты самые печальные. Нет отклика. Ждём вас в нашу «пустынь».

А. Ремизов

Архив Музея Рерихов, Москва (Автографы)

31 апреля 1939 г. Нагар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Лю Сергею Ивановичу

Нагар

31-АПР.-1939

Дорогая Людмила Николаевна и Сергей Иванович,

Мы были очень рады получить Вашу добрую весточку от 18 марта. Мы не только не удивились о том, что вы переменили местожительство, но и сами предполагали это, ибо невозможно было оставаться там, где Вы жили. Очень рады, что вы опять заняты Вашим прежним делом и можете приносить большую пользу, - ведь и Китай, и Русский народ всегда были объединены внутренней дружбой. Мы восхищаемся героизмом Китая, который так мужественно борется против свирепой агрессии. Мы по-прежнему работаем, не покладая рук, каждый в своей области. За это время было уже несколько выставок картин, прошедших удачно. Только что в Латвии вышла моя большая монография со 148 репродукциями. Я был бы рад послать Вашему Университету две мои книги «Врата в будущее» и «Нерушимое», но не знаю, как их направить, чтобы они благополучно дошли.

Юрий тоже весьма успешно работает. За это время он закончил большой труд по-русски «Историю Средней Азии», а также «Амдосский диалект» и несколько научных статей. С нашими даль[не]-вост[очными] друзьями переписка, вследствие местных условий, значительно сократилась, но всё же иногда имеем вести, из которых видим, насколько трудно живётся. Можно сказать, что у Вас дело сложилось особенно удачно, ибо в такое трудное время Вы смогли вернуться к своему основному любимому занятию. Смотри в будущее, можно радоваться, сколь много пользы могут принести Ваши лекции. Вы так хорошо знаете свой предмет и любите русскую литературу, что посеете эти зёрна с особенною любовью. Во время нашей тибетской экспедиции мы ли вблизи Ансиджау и Ланджау, а теперь там вместо медленного караванного движения уже положены большие дороги и даже действуют воздушные линии. Как это всё замечательно. Конечно, во всём мире свирепствует армагеддон. Каждый газетный лист наполнен такими потрясающими событиями, которые прежде не случались даже в течение целого десятилетия. Интересно, имеются русские в том месте, где Вы живёте. Одно время писали, что в Китае

находится одно большое русское военное лицо. Так ли это. Мы очень рады, что в нашу последнюю экспедицию все сношения с китайскими властями протекали под таким добрым знаком. Дай Бог, чтобы эти добрые отношения крепили и в будущем. Хорошо, что вся Ваша семья с Вами, а то так часто теперь приходится слышать о невольных семейных разделениях. Всегда будем рады слышать о Вас и надеемся, что когда-то придёт и встретиться. Шлём Вам всем наши добрые пожелания.

Искренно

Н.Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись с автографом)

МАЙ

1 мая 1939 г.

Н.К. Рерих

САМОЕ УТОМИТЕЛЬНОЕ

Больше всего утомляют человеческие выдумки. Посмотришь книгу Грабаря, наврал. Развернёшь американскую газету - налгали, да ещё как! Заглянешь в толстый журнал - опять небылицы. Советуют: "Да просто не читайте!" Легко сказать! И хотел бы, но оно просто само в руку лезет.

Иногда выдумки - явно злобные, вредительские. Но не реже и по невежеству. С неизвестною целью: "Прост, как дрозд, нагадил в шапку и зла не помнит". По существу - пусть бы себе болтали, но есть в таких измышлениях нечто утомительное. Точно бы микроб ядовитый.

В то же время, враньё настолько размножается, что люди привыкают вообще не оскорбляться. "Брань на воротах не виснет". Выходит, что за клевету вообще преследовать нельзя. Помню, как некто возмущался клевете, назвавшей его шпионом, а присутствовавшая особа с завистью заметила: "Вот, если бы обо мне так прокричали".

Увы, многие были бы в восторге хоть как-нибудь, хоть чем-нибудь привлечь "общественное внимание". Они скажут: "Быль молодцу не укор", - хоть бы на час привлечь внимание. А чьё внимание? Какого чудища внимание? Об этом и нужды нет.

Помогают и фильмы. Разбой и грабеж и насилие в них так часто воспевалось. Говорят, теперь этот разбойный элемент изгоняется. Но он уже влез в жизнь. На этот дымный пламень уже налетели бабочки и мушки и моли. Жажда необычного обуяла. А необычность добра и трудна, и путь к ней скучен для многих.

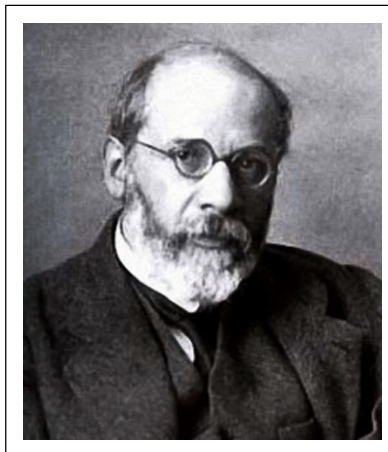
От рутинной скуки хоть извергом назови - лишь бы произошло что-то необычайное. И вот где-то в недрах быта зарождаются тёмные вымыслы. Доносы, жалобы чеховского человека щедро рассыпаются. Иногда клеветник сам не знает, к чему налгал он? Вот эти-то человеческие омывки и гнетут. Порождается утомление или, вернее, омерзение.

Вы знаете, что никогда не найдёте ехидну, породившую клевету. Знаете, что, может быть, произошло коллективное позорное "творчество". Всё это знаете, но легче не станет. Мучительно думаете: за что? зачем? к чему?

Никакой труд не даст такое утомление, как созерцание человеческого позора. Противоречия удручают, но клеветнические измышления всегда будут самым утомительным. Позор человечества!

1 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

А.Н. Бенуа. 1940-е гг.

10 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих

БЕНУА

Вылез из парижской тины дед Бенуа. Брызжа слюною, обвинил меня в гордости, в честолюбии, в тщеславии, невесть в чём... В припадке злобности с действительностью не считался. Выходит, что Тибет мы прошли из гордости. На горы всходили из тщеславия. В Монголии, в Китае были из честолюбия. Никаких познаний не было. Ничего не любили. Ни к чему не стремились. Ничему не учились. То же самое приходилось слышать о Льве Толстом, о Павле Третьякове, о Мечникове, о Метерлинке... Выходило, что все действовали лишь из рекламы и тщеславия.

Дедушка Бенуа, вредно сердиться на восьмом десятке. К чему ведёт? Теперь получают письма из разных концов. Пишут:

«Ползучие вылезают из всех щелей, очевидно, чувствуют падение своё. Бенуа весь и проявился - каким был всю жизнь, только не всем и не всегда себя показывал в настоящем своём виде. Увидев живую книгу, не выдержали задерживающие центры - выявил себя целиком. Читая эту статью, можно проследить, как постепенно наливалось это существо злобой, завистью и негодованием. Бумага хороша, печать приятная, репродукции безукоризненны и обложка без претензий, а вот текст свалил несчастного Бенуа. Бедный, бедный Александр Бенуа - не выдержал, прорвало!»

Не знал его близко, но почему-то никогда не понимал, почему Бенуа считается русским человеком. По некоторым его писаниям можно было понять, что его тяготит связь с русским народом, с русскостью, и с тех пор осталось какое-то неприятное чувство к этому человеку».

Из другой стороны сожалеют: «В какое ретроградство впал Бенуа. Одряхлел что ли? Экая зависть!».

Ещё пишут: «Как и следовало ожидать, статья вышла препротивная. В предыдущих письмах я сообщал, что нападки здешних интриганов сосредоточились на тексте монографии. Но Бенуа воспользовался случаем, чтобы сделать несколько неприятностей, пересыпав статью личными замечаниями в самом развязном тоне и, кроме того, постаравшись, с явным лицемерием, как бы вбить клин между Вашими сотрудниками и Вами. Лифарь снова шумел против Бенуа, назвал его "неудавшимся талантом"».

Не однажды Бенуа давал обо мне необоснованные, вредительские сообщения. Когда летом 1926 года Бенуа и мы были на Родине, он ухитрился дать в московских газетах измышленное известие о том, что Папа меня проклял. Спрашивается, к чему такое сочинительство?

Впрочем, нам не привыкать стать. Уже три раза меня хоронили. Подобно Марку Твену приходилось говорить, что "это слегка преувеличено".

Несчастливые заклинания произнёс Бенуа. Эх, Александр Николаевич, вредно сердиться на пороге восьмого десятка. "Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав".

10 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995.

Н.К. Рерих

ЗНАЙТЕ

Знайте, что даже самый лучший, казалось бы, самый неоспоримый поступок ваш может быть уродливо и злонамеренно истолкован. Мало того, человеконенавистники попытаются измыслить такое, чего вы не только никогда не делали, но о чём даже и не думали. Неизвестно, возросла ли злонамеренность вместе с механической цивилизацией или же это свойство всегда было на всех ступенях рода человеческого. Спрашивается, что же можете вы поделать даже в том случае, если услышите об источниках этой клеветы? Если за морями, за океанами люди выказывают свою ненависть, то, как же можно воздействовать на эти отбросы человечества?

Из Парижа пишут: "В день моего возвращения был завтрак, и Обухов, не приглашённый, заглянул так же, как он делал это и в прошлых годах. Во время разговора он сказал, что Ларионов, Гончарова, Бенуа распространяют, что вы стараетесь выманить деньги от различных правительств посредством какой-то "мистификации". Присутствовавшие, услышав это, разразились смехом, к которому и самому рассказчику пришлось присоединиться".

«Из Нью-Йорка пишут: "Ничтожный Стерн (из фирмы Эрнста) недавно явился к Джаксону со всеми рекордами, чтобы доказать правоту Хорша. Джаксон ему сказал, что знает все эти рекорды, которые ему ничего не доказали. Тогда Стерн сказал: "А что вы скажете на тот факт, что Хорши потеряли девочку, которая умерла оттого, что профессор сказал, что раз его картина висит в её комнате, ей не нужна врачебная помощь и она будет исцелена". На это Джаксон сказал Стерну: "Я всегда верил в целительную силу искусства, но если бы это случилось с итальянским крестьянином, преданным католиком, которому кардинал Пачелли обещал бы своим присутствием исцелить больную, я бы поверил, но Хорш из Уолл-стрита, обтёршийся повсюду - вы мне должны

рассказать что-то более правдоподобное". Стерн ушёл ни с чем, ибо Джексон выказал ему открытое презрение". Очень хорошо, что мерзкая клевета встречается презрением и смехом, но французы говорят: "Клевещите, клеветайте, всегда что-нибудь останется".

Прделки бандита Хорша нам уже достаточно ведомы, но трудно допустить, что Бенуа, Ларионов и Гончарова - художники уже на склоне лет, выказывают низость своей природы, порождая мрачную клевету.

[1939 г.]

Рерих Н.К. Листы дневника, т. 2.М.: МЦР, 1995. (Из архива МЦР)

12 мая 1939 г.

Петр Пильский
СЕДОЙ ВЕКОВОЙ ТУМАН

(О новой монографии «Рерих». Изд-во музея Рериха в Риге)

Сокрытая всемогущая, таинственная сила мудро и спокойно властвует над миром. В картинах Рериха этот единый, многосложный и величавый образ молчаливого всеведения каменных, неотвратимых пророчеств воздвигнут, будто вековечный памятник истине, и, кажется, эти массивы хранят в себе письма наших судеб.

Гималаи, Тибет, Монголия, храмы, древность, ее городища, воскрешенные фантазией художника, ее постройки и крепости, взлетающие на вершины гор, монументальные твердыни, их неразгаданная душа заставляют трепетать сердца: каким-то чудом роднят и соединяют нас с темными, безмерно отдаленными эпохами, чуть ли не с днями сотворения мира. В своих основах этот мир един и непоколебим, подчиненный неистребимым законам бытия.

Есть что-то особенно внушительное и неотразимое в этих полусимволических картинах, в ощущениях первобытности. Встают и дышат нездешним дыханием блаженные, грозные выси и черные пещеры, древняя мистическая жизнь чувствуется повсюду - и в картинах, отражающих Монголию, Тибет и Гималаи, но также и в святых и тихих мотивах православия: «Прокопий Праведный отводит тучу каменную», «Сергий строитель», «Ранние звоны». Грозные предвестия сменяются молитвенною умирительностью, чудесной наивностью сладкой, успокаивающей веры. Небольшая церковь, звонницы, хоругви, бесчисленное количество мерцающих свечей - раннее утро. Примем картину, как отражение действительности. Но в таком толковании она сузит свой внутренний глубокий смысл: «Ранние звоны» - символ. В нём воплощается светлое пробуждение человеческих душ.

Смирением и покоем веет от картин «И Мы». Два инока, рядом медведь, снега - «И Мы не боимся». Потом с ведрами на коромыслах идут из монастыря вниз к реке три монаха:

«И Мы трудимся». На третьей картине - они в лодках тащут сеть - «И Мы продолжаем лов».

Есть в этой книге о Рерихе снимок с картины «Звенигород» - небольшой храм, звонницы, заснувшая тишь.

Повсюду расстилается явное и тайное отшельничество. В рериховской галерее переплетаются массивность и свет, струятся нездешние, чистые озаре-

ния, и над всей этой глубиной, неподвижностью, над окаменелыми пророчествами и святыми настроениями земли распластала свои крылья вечная мудрость.

Все эти дни, в разные часы я перелистываю книгу «Рерих» - удивительная, непреодолимая сила впечатлений! Для ее оценки не подходит ни одно из знакомых привычных слов. «Очаровывает?». Не то. «Оболяет?» — Совсем неверно и ничего не говорит это слово, ничего не определяет. «Покоряет?» Это было бы почти точно. Почти, но не совсем. Властвование Рериха приходит в нашу душу с исключительной, редкой скромностью. Эти шаги неслышны. Голос художника спокоен. В нем великая убежденность, а кто уверен в своей правде, тот не ораторствует и не кричит. Меж тем эта страстность, напористость бывают часто и в живописи.

Рерих в высшей степени искренен. Ему дан великий талант прозревать. Через внешнюю оболочку он умеет чувствовать биение сердца и сокрытую жизнь одинаково у живых существ, как и каменных громад.

Для него космос — одно целое. Эту формулу он может не выразить словами. Она, само собой, вытекает, когда мы посмотрим хотя бы несколько его картин. Это особенное знание. Но и это слово не охватывает сущности и глубины рериховского творчества. Это ещё — провидение. Э. Голлербах верно характеризует творчество Рериха, как знание вещей видимых и обличение вещей невидимых, этого художника, сосредоточенного и строгого, без «улыбки» и без «игры».

Его произведения пророчествуют - строго напоминают о великих истоках нашей жизни, нашей культуры, бытия и духа, о седой, но не мертвой древности, о мире остывшем, но не погибшем, о недвижных свидетельствах возникновения мира. Нет ничего давящего, нет ничего сумрачного. Это - не пророчества гибели, а памятники, поставленные самой природой не гаснущему солнцу высочайшей благодати, любви и жизни: она не знает конца. Среди неподвижных окаменелостей реет и светит божественное ликование, манят и успокаивают световые пятна, и каждый камень, каждая глыба согреты своим внутренним теплом, живут своей жизнью, отдельной, непохожей на другие жизни. В своих неуклюжих формах, неотесанных, грубых, и в то же время ласковых, они дышат и тихо пламенеют. Предстает великий мир одиночества и величаво-мудрой красоты. Горы роднятся с небом.

Через Рериха, его провидения древности, её мистической души раскрываются пред нами следы и тайны давней, засыпанной песком истории и сказочных её форм, - восток, но и наш север, - скандинавская, скифская, русская жизнь, мифология, пронизанная в картинах Рериха неподчёркнутым, глубоким, возвышенным религиозным чувством. Дело не в самих сюжетах, не в мотивах той или иной картины: религиозное чувство, религиозное искусство отличаются своей проникновенностью. Это то, без чего данный художник не в силах творить. Сопричастный к религиозному искусству может нарисовать собаку или зайца, - всё равно: мы почувствуем в картине скрытое, не несомненно религиозное горение. И Рерих в своем искусстве кажется молящимся в уединённом монастыре среди немых массивов гор, в заповедной стране. Эти горы, эти камни обладают своей собственной душой, - «у него есть камни мрачные и грустные, гордые и заносчивые, скромные и примирительные». И облака - то лёгкие, невинные и радостные, то грозные, зловещие и торжественные.

В каменных глыбах, в каменном веке своим чутьём Рерих разбирается как проницательный геолог. Гимназистом 4 класса он уже производил самостоятельные раскопки, тогда искал свои образы в уснувших пластах земли. И он нашёл их в могиле - золотые вещи X века. И потом производил раскопки в Новгородской губернии, а в своём отчёте нарисовал эту поэму прошлого: «Забудем сейчас яркое сверкание металлов: вспомним все чудесные оттенки камня... Вспомним желтеющий тростник... Вспомним тончайшие плетения... Эту строгую гамму красок будем вспоминать все время, пока углубляемся в каменный век... Щемяще-приятное чувство - вынуть из земли какую-нибудь древность, непосредственно первому сообщить с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой, вековой туман. С каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство... Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти — бесконечная жизнь!»

Душу Рериха, его творчество, его большой талант приковала и захватила навсегда одна непобедимая сила: зачарованность вечно-сущим.

Поэтому самое отдалённое прошлое для него реально, как сегодняшний день. Он - поклонник и певец этого прошлого, его земли, его подземных сил, его дыханий. Неизменно Рерих погружён в самого себя, и в этой душе отражён весь мир, — его мир. Как бы ни была глуха мёртвая и тёмная чащоба древности, каким бы диким ни представлялся нам древний человек, его стояние пред жизнью, божеством и уяснением вековечного смысла жизни, спокойно так же, как и у нас. Но Рерих не склонен рисовать этого человека большим. Рериховский человек мал. С виду слабый, рядом с громадами камня, он предстаёт любопытствующим исследователем мира, разгадывающим его смысл.

И на огромном каменном пласте, среди горных скатов — едва заметна фигура человека: как мал он, как бессилён, как затерян он, владелец тёмных тайн, угадывающий пути, странствия, сокровенный смысл своей жизни и этих громад (Лахул). Зловещи и страшны «Священные Пещеры», вперившие, как многоглазый ужас, свои пустые взоры. Иные картины в своём замысле кажутся пророческими. В предверии войны он пишет своего «Ангела Последнего», видение, возникшее из страшных времен, скорбное и неумолимое предвестие роковых несчастий. На картине «Армагеддон» толпа в своём следовании — один за другим - воздела руки, молящие, просящие, будто в предчувствии и знании завтрашней беды.

Необычайно силён Рерих в отражениях восточных мотивов, восточного колорита, величавого и воздушного, загадочного и легкого — «Рерих открыл миру окно в Россию, окно на восток».

Эта книга о Рерихе вводит нас в рериховский мир, даёт ключи к пониманию и разгадке рериховского таланта — ещё точнее рериховской стихии. Превосходно изданный том включил больше 100 картин Рериха, среди них много прекрасно выполненных цветных репродукций. Этот большой, исключительный по своим результатам труд совершён преданностью, пафосом и самоотверженностью Рериховского музея в Риге. Поучительны статьи Э. Голлербаха, В. Н. Иванова и надо воздать искреннюю хвалу А. М. Правде за его художественную редакцию. Эту хвалу нужно принести и государственной типографии, ее талантливому руководителю Л. Либерту, радующему нас за последнее время отличными художественными изданиями. Только соединёнными усилиями и трудами многих возможно было выпустить такую книгу о Рерихе, замечательном художнике с мировым именем, философе в своих за-

мыслах, мудреце и проникновенном, спокойном провидце тайн земли и человеческой истории, человеческого вечного духа, таинственных и глубоко скрытых истоков бытия природы и человека.

В этом течении и смене веков наивность и острота первобытной угадки сплелись с культурой и знаниями современности, шепот древности, ее подсказ и напутствия становятся услышанными в наши дни — нашим внутренним слухом благодаря Рериху, через Рериха, — открыты и дарованы его творчеством, его гением. Вместе с его видениями мы переселяемся в далёкий мир, где тускло брезжит погасающая звезда первых дней творения, где когда-то раздался первый удивлённый и обрадованный крик человека. Этот свет, этот голос, это вхождение в мир преобразились в рериховских картинах, воздвигших перед нами «Земли Славянские» и «Мать Чингиз-хана» у синих гор, «Св. Бориса и Св. Глеба», будто каменное изваяние головы — «Сон Востока», русские сказочные типы и «Монгольского Ламу», робкие и покорные, на согнутых коленях «Монгольские танцы», «Монастырь в Тибете» под тёмно-синим звездным небом и «Лик Гималаев», безжалостный лик, образ каменных громад, провалов и впадин и тут же «Сострадание» — трогательный и умильный мотив, рассказывающий о том, что опасности, даже роковые, не становятся последней обречённостью для земных существ.

У Рериха мир, загадочный и ясный, зловещий и воздушный, воздвигается из тьмы веков.

Газета «Сегодня», 1939 г., 12 марта (Эстония, Таллинн)

15 мая 1939 г. Гималаи

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

15 мая 1939 г.

Дорогой Павел Фёдорович,

В каждом Вашем письме заключено что-то строительное и бодрое. Вот и И.Г. Блюменталь о Вас всегда помянет добрым словом. Сам он деятельный и открытый к правде. Потому и в Вас он ценит эти качества. Не знаю, выдаете ли Вы Гущика? Если Вам случится его увидеть, пожалуйста, передайте ему благодарность мою за присланную мне книгу «Забывтая тропа». Книга, так же как и все его прежние, хороша; много в ней внимательности и к природе, и к человеческим обычаям. Право жаль, если даровитый человек так неразборчив на слова и оценки, как Вы о том пишете. Казалось бы, с годами человек должен становиться всё бережнее и умудрённее, злость никаких добрых качеств человеку не прибавит. Кстати, человек должен с годами понимать, что есть великая ответственность за каждое его деяние, за каждое слово, за каждую мысль. Посылаю Вам газетные вырезки, а также не для печати один из последних моих листов дневника «Самое утомительное». В некотором предвидении захотелось отметить, как много вредят друг другу люди, болтая без всякого разбора все что придёт в голову. Прав был народ, когда сложил пословицу «прост как дрозд – нагадил в шапку и зла не помнит». А из такой простоты иногда вырастает препротивный чертополох. Вероятно, Вам в Вашем живом деле много приходится встречаться со всякими подобными суждениями и их последствиями. Но крепко держитесь за Ваше книжное дело – столько прямого и косвенного добра Вы творите через книгу. Интересно Ваше сведение о покупке монографии президентом и его сыном. А вот в некоторых других местах не могут

стерпеть местонахождение авторов статей. Казалось бы, всегда нужно судить по существу, а тут выходит, что судят по каким-то косвенным условным причинам. Впрочем, при нынешнем Армагеддоне повсюду происходит такое смятение, что слово «справедливость» выпадает из словаря.

Читал я и радовался статье Новосадова в «Газете для Всех». Передайте ему мой привет. Он даровитый человек. Пусть навсегда удержит в себе широту взгляда и бодрость. В жизни много сложностей, но не в прошлое, а в будущее нужно устремлять взгляд. Пишите про все Ваши достижения – письма Ваши такие содержательные. Много ли у Вас друзей среди юного поколения – ведь для них все слагаем и боремся. Пусть будет миру хорошо. Привет Вашей супруге. Духом с Вами.

Н.Рерих

Архив П.Ф. Беликова

Н. Богданов-Бельский. Деревенские мальчики.1936.
(Гос. худ музей Латвии. Рига)

16 мая 1939 г. Рига

Письмо Н. Богданова-Бельского к Рериху Н.К.

Рига 16 мая 1939 г.

Глубокоуважаемый и дорогой

Николай Константинович!

Я был очень обрадован и сердечно тронут вашим тёплым приветствием по случаю моего семидесятилетия.

Я всегда высоко чтил Вас как художника и как человека, и потому мне особенно дорого Ваше приветствие. Будучи на открытии Музея Вашего имени в Риге, я приятно обрадован был, увидев талантливые работы Вашего сына; он прекрасный рисовальщик и портретист. Хорошо и приятно то, что он является продолжением Вашего направления и стиля в живописи, оставаясь в то же время индивидуальным.

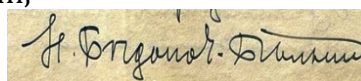
Живя в Риге, я с интересом и радостью издали слежу за Вашими успехами по всему Миру. От всей души желаю Вам ещё много лет радовать и питать духовно Ваших бесчисленных почитателей.

Что касается меня, то я очень рад, что мне удалось устроить свою жизнь в Латвии, где я в восточной её части могу писать живых и интересных крестьянских детей. Этот род жанра и даст мне успех на выставках в Европе. Я теперь работаю почти исключительно на воздухе и, как мне кажется, я значительно продвинулся вперёд в области пленэра.

О Ваших бывших товарищах и соратниках по искусству Вы, конечно знаете из газеты «Сегодня».

Ещё раз желаю Вам всего, всего хорошего и прошу передать мой сердечный привет Вашему семейству.

Глубоко Вас уважающий и сердечно преданный,

[Н. Богданов-Бельский]

Архив Музея Рерихов, Москва. (Автограф)

17 мая 1938 г.

Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к К. Кэмпбелл, З.Г. и М. Лихтманам

17 мая 1938 г.

Родные наши, вчера получили письмо Зины от 28 апреля по 1 мая, с описанием вандализма в Музее. Беспokoимся, как прошло Ваше собрание у ассистента прокурора. Ведь от этого зависело, какое направление примет дело о вандализме. Мы хотели написать Мерритту и другим друзьям, но до Ваших сведений о результате Вашего совещания не можем писать, чтобы не осложнить дела. Брат прав, что сейчас необходимы широкая публицити и выражение протеста от Комитета. Мы получили текст протеста, составленный Форманом, – передайте ему, что мы очень тронуты им. Ведь если какие-то формальности о даре нации и не были завершены, то, во всяком случае, все мы восемь лет жили в этом убеждении и не отступаем от нашего слова. Если версия неприемлема некоторым нашим друзьям, то ведь, во всяком случае, Музей был общественным учреждением, а не частной собственностью Хорша. Мы уже давно Вам писали, что Хорш не мог собирать общественные пожертвования на свою частную собственность. Правильно пишет Зиночка, и до сих пор подобные сборы на частную собственность под предлогом общественности преследовались законом. Вообще, в каком же положении теперь все лица, которым были посвящены именные комнаты? Как, например, Крен, Сторк и прочие? В каком же положении почётные советники Музея и все жертвователи, которые, как оказывается, жертвовали на частную собственность Хорша, а советники *способствовали своими именами вандализму и ограблению Музея!* Поистине, сейчас выступает весь уголовный элемент этого дела, и брич оф трест уже оказывается не только по отношению ко всем нам, но и по отношению ко всем жертвователям и почётным советникам. Но неужели же непотворение злу настолько вошло в плоть и кровь людей, что они предпочитают оказаться косвенными пособниками зла, лишь бы не побеспокоиться, так творится развал мира. Мы очень рады слышать, что Флорентина приняла обязанности Председателя Комитета Музея. Вероятно, Морис закрепил эту передачу пись-

менно, так же как и передал свой голос кому-либо из Вас перед своим отъездом. Франсис и Морис были Трэсти в корпорации картин и своими двумя голосами имели перевес над голосом Хорша. Также весьма важно, что Хорш у рефери признавал, что корпорация Музея не принадлежит ему, и это было тогда рекордировано. Не считают ли нужным адвокаты, чтобы и мы четверо прислали свои голоса, передав их кому-либо из Вас? Ведь Морис сейчас находится в том же положении, как и мы, и было бы вполне естественно, если отсутствующие передают свои голоса. Из письма Зины мы поняли, что наш иск о 240,000 плюс проценты может быть подан лишь при личном присутствии. Значит, и всякие измышленные претензии Хорша не могут быть предъявлены здесь. Тогда почему же Плаут беспокоился, чтобы Хорш не набросился на нас здесь? Такие обстоятельства лучше очень выяснить. По всему ходу дела мы видим, что мнения адвокатов весьма различаются. Что одному кажется невозможным и противозаконным, то другому представляется вполне возможным и естественным.

Светик просит передать, что у него никаких обязательств по отношению к Хоршу нет. Во времена Миллера Светик посылал об этом полный меморандум через Зину с копией, и все бумаги должны находиться у Миллера, или у Катрин, или у Зины. Таким образом, совершенно недопустимо, чтобы портреты работы Святослава, а также и его имущество были бы захвачены грабителями. Миллер предполагал заняться этим делом, но хотел объединить его с общим музейным, после происшедшего разрыва с Миллером дело остановилось, но необходимо выяснить, не нужно ли Святославу заявить свои права, иначе грабители могут измыслить какие-то сроки, после которых законные требования окажутся недействительными.

Помните, родные, что во всех делах необходимо следить за сроками, чтобы они не истекли, и вовремя прерывать их соответствующими заявлениями. Если сейчас мы не можем вести все эти иски, то в будущем, и даже не очень далеко, мы вчиним их полностью, поэтому узнайте от адвокатов и сообщите нам, какими заявлениями следует прерывать истечение сроков. Иначе и всё имущество Святослава, и наши иски пропадут. Если по исчислению пандитов Кали-Юга оканчивается в 42 году, то ведь и до этого срока многое что происходит и произойдет. Разве мы можем всем утяжелять письма? Только в последних почтах Ваши письма дошли, видимо, без вскрытия. Пожалуйста, записывайте, кто окажутся истинными друзьями, и кто умрет руки. В таких принципиальных делах часто находятся совершенно неожиданные друзья. В Филадельфии имеется Музей Родена, неужели можно предположить, что, если он оказался бы разграбленным в один день, общественное мнение промолчало бы? Митинг протеста, бывший в 32 году, показал, что люди умеют говорить, когда они хотят. А ведь качество, качество картин с 32 года ведь не изменилось? Ведь картины представляют собою и единственную панораму Азии и, как Сказано, «её нельзя раздроблять». За эти годы всё время идут новые монографии и новые голоса оценки всей деятельности. Вандализм остаётся единственным в своём роде.

Теперь о Школе. Мы ничем не хотим связывать голос преподавателей – если они хотят иметь имя, то это предоставляем им. Которого числа подан Аппил? Если он будет тянуться дальше октября, пусть тянется.

Писали это письмо вместе и вместе шлём Вам бодрость и просим помнить, что поверх земной очевидности существует высшая действительность, которая проявится в высший срок.

Е.И. Рерих. Письма в 9-ти томах.. Т. VI. МЦР

18 мая 1939 г.

Н.К. Рерих

ГОРОДА ПОГЛОЩЁННЫЕ

"Группа исследователей взяла на себя задачу исследовать конвейскую бухту в Уэльсе, чтобы разыскать исчезнувший город Лис-Гелит, который в IV столетии после Р.Х. погрузился в морскую пучину.

В связи с этим английская печать вспоминает о различных других бесследно исчезнувших городах во всех частях света. Всего несколько недель тому назад уровень воды в Каспийском море настолько понизился, что из воды появились развалины – по-видимому, остатки древнего города Карабашагера. В Вест-Индии Порт-Ройяль так часто становился жертвой пожаров, землетрясений и наводнений, что обитатели в конце концов покинули его и построили на некотором расстоянии новый город. Но и теперь в водах Карибского моря можно видеть дома старого Порт-Ройяля. Крыши исчезли, но столы, стулья и другая домашняя утварь уцелела, так как её покрыли кораллы.

Другие затонувшие города были обнаружены под водами Эгейского моря, Мёртвого моря и Сарагосского моря. Жестокие бури на Северном море лишили Германию многих цветущих городов и даже целых островов. Так, например, на севере Фризских островов наводнением был разрушен город Рундхоль. Наводнение 1634 г. поглотило целый остров Нордштрланд. Наводнение, происшедшее в день Нового года в 1865 г., вызвало гибель города Альт-Вангерооге. В Англии сохраняются воспоминания о затонувшем городе Денвиче. Ежегодно устраивается паломничество на то место на морском берегу, где когда-то стоял город".

И на берегу Ла-Манша, как говорят, ещё можно во время отлива видеть развалины древнего города. Но не только на окраинах Европы знают об исчезнувших поселениях. Сказ о всяких подводных Китежах прошёл и по Руси и по всей Азии. Сплетаются ещё видимые подводные развалины с преданиями об Атлантиде, и сказки становятся явью. А ведь ещё совсем недавно об Атлантиде не принято было вообще говорить. Только упоминание Платона о гибели последнего острова этого материка ещё давало возможность иногда скромно заикнуться о бывших материках. Но теперь об Атлантиде создана уже огромная литература в тысячах томов. Из пыли древности встали рассказы и о других поглощённых землях. Какие же новые поглощения готовят узорчатые, словно огрызанные берега Европы?

18 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

ОСТАНКИ

На горных путях к Хотану мы видели несколько пещер, когда-то служивших обителями буддийских отшельников. Их тёмные отверстия иногда высились на отвесных скалах так, что и подступа к ним не было. При землетрясениях и обвалах все ступени исчезли, и теперь эти тайники остались в воздухе, делясь своею тайною лишь с орлами и грифами. Спуститься с вершины горы к ним на верёвках было бы целым сложным предприятием. В нижних пещерах кое-где сохранились остатки стенописи, которую не удалось ещё уничтожить мусульманам и кострам каракиргизов. Впрочем, кроме таких фанатиков, стенопись имела и многих других врагов в лице учёных, которые вырезали "ради науки" целые произвольные куски фресок. Так, например, одна большая фигура Бодисаттвы оказалась так четвертованной, что часть её попала в Лондон, часть осталась в Дели, а сапоги приютились в Хотане. Кроме этих всех врагов, фрески имели ещё одного, а именно мышей. Известно, что в подвалах Берлинского музея много фресок, штукатурка для которых делалась на соломе, было съедено мышами. Трудно решить проблему, как поступать с монументальными древностями. Рассекать ли их на части, чтобы они волею судеб рассыпались по музеям, или же находить средства, чтобы памятники давних расцветов искусства оставались нетронутыми - в том виде, как их соорудили первоначальные создатели. Кто знает, не превратятся ли пустыни опять в жилые места? Не назовёт ли кто-либо в будущем всех разрушителей памятников каким-либо нелестным эпитетом? Жаль было видеть обобранные, полусожжённые стенные украшения пещерных храмов. Ведь эти фрески были не только хороши в художественном отношении, но в них оригинально срослись заветы Индии и Ирана с несомненными также китайскими воздействиями. Каждое созерцание великих разрушенных останков наполняет какую-то неизбывную печалью. Чувствуется, что эти памятники без всяких вторжений могли бы почти в целом виде дожить до нашего времени и дать полную картину расцвета искусства на тех местах, которые рукою человека превращены сейчас в безотрадные пустыни. Шум подземных потоков напоминает, что живоносная влага не покинула эти места и по первому желанию человека готова опять выйти наружу и оплодотворить лессовые пески.

Особенное впечатление на нас произвели останки пещерного монастыря около Кучар. По небольшому ущелью вы попадаете как бы в обширный амфитеатр, в стенах которого находились многие храмы и жилые кельи.

Чувствуется вся древность этого места, по которому прошли и буддисты, и несториане, и манихеи. Фрески почти все обобраны или искалечены, но чувствуется, насколько богата была первоначальная стенопись. Сейчас уже не во все пещеры можно войти. Подступы обвалились, а нижние этажи завалены. Когда вы проходите по верхним пещерам, вы чувствуете по гулкому отзвуку, что внизу должны находиться ещё какие-то помещения. По теперешнему состоянию развалин к этим скрытым хранилищам нелегко добраться. Потребовалась бы большая инженерная работа, чтобы не вызвать новых разрушительных обвалов. Кроме стенописи, вы видите, сколько изображений скульптурных украшало когда-то монастырь. Теперь от них остались одни пьедесталы, иногда с обломками ступней. Вот в обширной пещере было изображение паранирваны, вот на узких карнизах между пещерами стояли многие извая-

ний. Внизу по всему пространству разбросан щебень и мелкие куски строительных материалов. Нет-нет и среди мусора проглянет маленький осколок фрески. По всему чувствуете, что это место было когда-то величественным, населённым и любовно украшенным.

Наверное, умирание такого центра было сопряжено со многими драмами. Не одно вражеское вторжение нанесло разрушительный свой удар. Заманчиво стучать по стенам и по полу и убеждаться о каких-то скрытых пустотах. Ведь там могут быть ещё целые книгохранилища. Вспоминается, как в Туанханге монах совершенно случайно нашёл множество ценных рукописей, составивших известность французского ученого. Так же и Козлов в Харахото по счастливой случайности открыл главное хранилище. Помним, как один исследователь говорил, что сбитый с толку многими противоречивыми данными он в отчаянии закрутился на месте древнего города и, "случайно" остановившись в изнеможении, решил именно тут попытать счастье, и ценнейшее хранилище было открыто. Вот и здесь, в долине Кулу, где-то скрыты древнейшие манускрипты. Упорное предание говорит об этом, совпадая и с историческим икоборством Ландармы. Но какая счастливая "случайность" приведёт и к этому открытию? В долине было, по словам китайских путешественников, четырнадцать монастырей. А где они?

[1939 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

20 мая 1939 г.

Н.К. Рерих

НОВИЗНА

Прислали каталог американской выставки Сальвадора Дали. Некоторые друзья сомневались, что может появиться после сюрреализма? Но вот оно и появилось. Дали сам пишет о своём искусстве, что оно основано на паранойе, то есть на безумии. В этом смысле нужно отдать справедливость новизне Дали. Среди всего множества новейших течений искусства со всеми приклеенными к ним рецептами никто не решался назвать своё искусство безумным. Но вот такой смельчак нашёлся. Американцы обрадовались и такой новизне и, как говорят, нарасхват раскупили его картины. Кстати, сам Дали, который, очевидно, является очень "практичным" человеком, поясняет, что в каждой из его картин заключено несколько картин. Значит, каждый отважившийся купить его картину тем самым приобретает сразу полдюжины картин и может их рассматривать в зависимости от своего настроения.

Конечно, имеются разные специфические любители новизны. В последних газетах пишут, что среди "золотой молодежи" Америки в последнее время развился забавный обычай есть живьем золотых рыбок. Говорят, что некий любитель проглотил в один присест восемьдесят золотых рыбок. Вероятно, этим "подвигом" он хотел закрепить за собою прозвище "золотой молодежи".

Мало ли по свету ходит скоропостижных новаторов. Возьмите список "новых течений" последних лет, и вы получите ряд самых странных названий. При этом большинство этих названий сами по себе ничего не будут обозначать. Но в пространных манифестах будут рассказаны туманные изложения, опрокидывающие все бывшее.

Обернёмся к истинным новаторам давних времен. После прекрасных в своём роде Беллини появляются Джорджоне и Тициан. Несомненно, они оказались самыми поразительными новаторами, но никаких рецептов своей новизны они не писали. Таким же естественным новатором оказался Греко. И он никаких манифестов своей новизны не писал. Просто он делал так, как только и мог сделать. Другую песнь он и не мог бы пропеть.

Просмотрим и дальнейших таких же естественных новаторов. Все они работали так, как могли. Им не приходилось ни извиняться за особенности своего творчества, ни поражать буржуазную робость грозными манифестами. Могли ли иначе работать Мане, Ван Гог, Гоген, Врубель? Говорят, что Ван Гог был безумен. Может быть, врачи и находили это, но сам Ван Гог никогда бы не стал настаивать на безумии своего искусства. Итак, всё движется вперёд. Художник для успеха своего должен назвать своё искусство сумасшедшим и, как показала последняя выставка Дали, его новый рецепт оказался весьма действенным. Буржуазы опять были побеждены. Всяко бывает. Анатолий Франс, озарённый мудрою улыбкою, замечает: "Всё, что имеет цену лишь вследствие новизны и некоторого исключительного художественного вкуса, старится быстро. Художественная мода проходит, как и все другие моды. Существуют вычурные фразы, которые хотят быть новыми, как платья, выходящие от известных портних; они держатся только один сезон. В Риме во времена упадка искусств статуи императриц были причесаны по последней моде. Эти причёски вскоре становились смешными; надо было менять их, и на статуи надевали мраморные парики. Нужно, чтобы стиль, причёсанный как эти статуи, был перечёсываем каждый год.

Хороший стиль, наконец, подобен этому лучу света, входящему в моё окно, теперь, когда я пишу, и обязанному своей чистой яркостью внутренней связи семи цветов, из которых он составлен. Простой стиль подобен белой прозрачности".

«20 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

22 мая 1939 г.

Н.К. Рерих

ТУШИТЕЛИ

Всё человечество делится на два вида – тушителю и вдохновителю. На каждого доброго, жизнерадостного вдохновителя найдётся десяток мрачных тушителей. Кто их знает, – откуда они берутся?!

Можно бы думать, что всякие земные невзгоды притупили в них доброту и радость. Но среди тушителей найдутся и такие, кому живётся неплохо. Казалось бы, и судьбой не обижены и пути им не закрыты, никто их не ущемляет, а вот подите же! – сами из кожи вон лезут, чтобы хоть что-нибудь умажить. Выгоды они никакой не получают. Наталкиваются на чувствительные удары, но всё же продолжают своё вредительство.

Кому вредят? За что вредят? Вероятно, и сами подчас не знают. Уж не болезнь ли особая? Может быть, "завистливая лихорадка" или "судорога ненависти"? Не придумать ли звонкое латинское название? Среди врачебной помощи можно прописать ледяной душ, пока не одумаются.

Некоторые отнесут такие эпидемии к зависти. Но это не определительно. Казалось бы, двуногий может завидовать лишь человеку. Но можно убедиться, что тушители извергают злобную слюну решительно против всего сущего. Даже солнечный день – и тот оговорят. В любом строении найдут хоть что-нибудь им ненавистное.

Повсюду проявились два типа. Одни начинают обсуждать от хорошего, но другие даже первое слово своё направят в осуждение. Они не будут искать доказательств. Просто, де, не нравится. И в этом заскрипит самая ржавая самость.

Тушителей не исправить. Как бы неизлечимая мозговая болезнь. Кто знает – может быть, хроническое разжижение мозга. Но опасность в том, что эти носители микробов заражают всё на пути своем. Как говорится, "и трава не растёт на следу их".

Они прикидываются авторитетами. Запасаются иностранными терминами. Окутываются лживою ласковостью. Полны всяких уловок – лишь бы повлиять на слушателей, лишь бы протолкнуть разложение в мозг молодежи. Они особенно охотятся за молодёжью. Опасайтесь!

Опасайтесь всех тушителей на всех путях их. Идите не с теми, у кого "нет" на первом месте. Пусть светлое "да" ободрит и поможет найти лучшую тропу. Вдохновение – жизнь. Разложение – смерть. Красиво само слово "вдохновение". Ко злу – совращение. К добру – вдохновение.

22 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих «Молодому другу». М. 1993 г.

23 мая 1939 г.

Н.К. Рерих

ВОЙНА

Уже с 1936 года мир вступил в новую войну. Это было подтверждено со стороны французских военных обозревателей. Генералы Азан, Дюваль, Дюфур, Тило и другие пришли к единодушному заключению, что война в особой форме уже навязана миру.

"Эфиопия, Австрия, Испания, Китай, Чехословакия, Мемель, Албания – лишь отдельные боевые участки этого грандиозного поля сражения, где льётся уже горячая кровь и где вместе с пропагандой по радио и тонкой дипломатией пущены в ход танки и чудовищных размеров артиллерия и авиация.

Отличительной чертой этой войны до сих пор была полная и совершенная организованность нападающей стороны. Открытые провозглашения принципа насилия, точное определение целей навязываемой войны, перевод всего хозяйственного и политического аппарата на военные рельсы, согласованность действий военных и дипломатических штабов, стремительность и сохранение инициативы – таковы характерные черты этой организованности.

Пассивность и дезорганизация обороняющейся стороны до последних дней были таковы, что даже определение и фиксирование нападающего клеймились как признаки "идеологической борьбы", как подталкивание к войне. Чехословакия и Албания развеяли мираж наивных мечтаний, и мировое общественное мнение назвало, наконец, нападающего – три тоталитарных государства".

Действительно, когда говорилось о начале войны в 1936 году, никто не придавал этому никакого значения. Неподвижность мышления требовала лишь определённых условий объявления военных действий. В давние времена учтивые французы говорили своим тогдашним противникам-англичанам: "Господа англичане, стреляйте первыми". Но с тех пор не только учтивость, но и вообще все человеческие отношения оказались пережитками. Мы видим на кровавых примерах, какими вновь изобретёнными способами совершаются агрессии. Самая характерная война называется умиротворением, и завоевание называется присоединением. Таково смятение в мире, что даже такое вопиющее понятие, как война, оказывается просмотренным. В базарной суете человечество не заметило, как началась мировая война в разных частях света. Во время кровавейших преступлений некоторые слепцы говорят о том, что мир не нарушен. Никто не поймёт, отчего происходят эти утверждения – от лицемерия или от слепоты. Действительно, мировая война началась в 1936 году. Этот год был замечателен во многих отношениях. Поистине, армагеддонный год.

23 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

24 Мая 1939 г.

Н.К. Рерих

ЗНАМЯ МИРА

Просят собрать, где имеются знаки нашего Знамени Мира. Знак триединности оказался раскинутым по всему миру. Теперь объясняют его разное. Одни говорят, что это – прошлое, настоящее и будущее, объединённое кольцом Вечности. Для других ближе пояснение, что это религия, знание и искусство в кольце Культуры. Вероятно, и среди многочисленных подобных изображений в древности также имелись всевозможные объяснения, но при всём этом разнообразии толкований знак как таковой утвердился по всему миру.

Чинтамани – древнейшее представление Индии о счастье мира – содержит в себе этот знак. В Храме Неба в Китае вы найдёте то же изображение. Тибетские "Три Сокровища" говорят о том же. На знаменитой картине Мемлинга на груди Христа ясно виден этот же знак. Он же имеется на изображении Страсбургской Мадонны. Тот же знак – на щитах крестоносцев и на гербах тамплиеров¹. Гурда, знаменитые клинки кавказские, несут на себе тот же знак. Разве не различаем его же на символах философских? Он же на изображениях Гесэр-хана и Ригден-Джапо. Он же и на Тамге Тамерлана. Он же был и на гербе Папском. Его же можно найти и на старинных картинах испанских и на картине Тициана. Он же на старинной иконе Св. Николая в Баре. Тот же знак на старинном изображении Преподобного Сергия. Он же на изображениях Св. Троицы. Он же на гербе Самарканда. Знак и в Эфиопии и на Коптских древностях. Он же – на скалах Монголии. Он же на тибетских перстнях. Конь счастья на Гималайских горных перевалах несёт тот же знак, сияющий в пламени. Он же на нагрудных фибулах Лахуля, Ладака и всех Гималайских нагорий. Он же и на буддийских знаменах. Следуя в глубины неолита, мы находим в гончарных орнаментах тот же знак.

Вот почему для Знамени всеобъединяющего был избран знак, прошедший через многие века – вернее, через тысячелетия. При этом повсюду знак употреблялся не просто в виде орнаментального украшения, но с особым значением. Если собрать вместе все отпечатки того же самого знака, то, быть может, он окажется самым распространённым и древнейшим среди символов человеческих. Никто не может утверждать, что этот знак принадлежит лишь одному верованию или основан на одном фольклоре. Бывает особенно ценно заглянуть в эволюцию человеческого сознания в самых разных его проявлениях.

Там, где должны быть охраняемы все человеческие сокровища – там должно быть такое изображение, которое откроет тайники всех сердец людских. Распространённость знака Знамени Мира настолько велика и неожиданна, что люди чистосердечно спрашивают, был ли этот знак достоверным или он вымыслен в позднейшие времена. Нам приходилось видеть искреннейшее изумление, когда мы доказывали распространённость этого знака с древнейших времен. Теперь человечество в ужасе обращается к троглодитному мышлению и предполагает спасать в подземных хранилищах, в пещерах своё достояние. Но Знамя Мира именно говорит о принципе. Оно утверждает, что человечество должно согласиться о всемирности и всенародности достижений человеческого гения. Знамя говорит: "noli me tangere" – не прикасайся – не оскорби разрушительным прикосновением Сокровища Мира.

24 Мая 1939 г.

Рерих Н.К. Листы дневника, т. 2.М.: МЦР, 1995.

Н.К. Рерих

ТРИУМФ ЭЛЛАДЫ

8 мая лондонские газеты сообщили об удивительных находках в Дельфах, которые, по мнению французских и греческих археологов, являются самыми ценными из всех когда-либо обнаруженных в Греции, да, вероятно, и в мире. Сокровища были найдены учёными, когда, сняв несколько плит, которыми вымощена священная дорога к Храму Аполлона, они открыли большой подвал со скульптурами из чистого золота и слоновой кости, относящимися к шестому веку до Рождества Христова. Сокровища были когда-то помещены в колодезь, скрытый под священной дорогой. Верхний слой, под которым они были найдены, состоял из пепла. Следовательно, их поместили в колодезь во время большого пожара. Были также обнаружены золотые одеяния, или покровы для изваяний, много золотых фибул, серёг и дисков или плоских брошей с изящно вырезанными на них изображениями животных. Продолжая раскопки в северном направлении, археологи обнаружили ещё один колодезь с предметами из бронзы и золота. Французский археолог Пьер де ла Кост-Месалье заявил, что все сокровища, найденные в обоих колодцах, носят явный отпечаток влияния Востока и что они, очевидно, были созданы в греческих колониях Малой Азии.

С этими находками связаны три обстоятельства, достойные внимания. Первое. Можно было ожидать, что поблизости от величественного античного

Храма Аполлона обнаружат нечто прекрасное. И теперь это свершилось. Второе. Предсказывалось, что в какой-то знаменательный день в Дельфах будут найдены значительные ценности. И вот они найдены. Третье. Заявление французского археолога весьма показательно.

На значительной части территории Индии обнаружено влияние Эллады. А теперь мы слышим авторитетное заявление о том, что новые археологические находки в таком центре, как Дельфы, носят явные следы влияния Востока. Не следует забывать, что эти находки относятся к периоду расцвета эллинского искусства. А если мы теперь рассмотрим соответственно эллинское влияние на Востоке и восточное влияние в Греции в период её процветания, мы можем сделать весьма интересный вывод. Великий Восток был колыбелью эллинского искусства - не менее великого, которое заложило основы для будущего апофеоза искусства.

"Это - на будущее", - говорил Софокл. То же самое можно сказать об эллинском искусстве и философии вообще. Стоит проследить, какие элементы "на будущее" воплощены в творениях таких эллинов, как Фидий, Пракситель, Лисипп, Апеллес и другие, принадлежащие к мощной фаланге представителей всех видов изящных искусств. Эллинское искусство было живо связано с философией, вернее с философами. К тому же и искусство и философия были жизненно важными. Пифагор, Платон, Анаксагор, Сократ и все выдающиеся мыслители, которых почитал весь мир, сами были в полном смысле слова художниками. А разве Перикл - великий вождь своего народа - не был истинным покровителем Красоты и Разума? А у какого ещё народа было девять Муз - покровительниц всех видов искусства и знаний? Недаром во все времена во всех странах эллинское искусство всегда почиталось как высшее проявление человеческого гения. И мы знаем, что величайшие мыслители Эллады были всегда связаны с Египтом, Индией и всеми очагами мудрости. В основе этих взаимоотношений было отнюдь не подражание, а духовное родство Великого и Прекрасного. Мы видим великую эпоху Гандхары*. Мы знаем, какое сильное влияние оказала Эллада на скифское искусство. Вспомним эллинское влияние в Египте, Малой Азии и по всей Азии. Поистине, благодаря своей неистощимой убедительной жизненности эллинское искусство повсюду находило почитателей и последователей. До недавнего времени обычным правилом в академиях художеств было сначала копировать классические эллинские скульптуры, а уж потом переходить к эскизам с натуры. Но я всегда советовал и советую делать наоборот: постигать эллинское искусство после уроков эскизов с натуры, потому что лишь зрелый ум может оценить истинное величие эллинского художественного наследия.

Я пишу эти строки в величественных Гималаях. Далеко внизу серебряной лентой извивается река Биас. У этой самой реки Александр Великий остановился в своем походе на Восток. Итак, даже здесь, в Гималаях, живёт память об Элладе. Весь юг России тоже полон неувядаемых эллинских шедевров. Там, где были основаны эллинские колонии, сейчас процветает искусство. Это несомненно дар Богов, что Красота живёт в тех местах, где были эллины. Истинное величие там, где жизнь и искусство неразрывны. А этот союз ведёт к бессмертию!

[1939 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г. . Перевод с английского).

25 мая 1939 г.
Письмо Н.К. Рериха к Альбуэрно Хосе.⁴

25 Мая 1939.
Хосе Альбуэрно / Буэнос-Айрес

Дорогой друг,

Хочу задать Вам один небольшой вопрос, на который, как жителю Буэнос-Айреса, надеюсь, Вам будет не так уж трудно ответить. Несколько лет назад шесть моих картин были переданы в аренду музею Буэнос-Айреса. Я не знаю, выставлены ли они в экспозиции, и поэтому прошу Вас узнать у директора, где в настоящее время находятся эти шесть картин? Если они имеются в каталоге, пожалуйста, узнайте, и пришлите мне копию. Но, возможно, они, по какой-то причине, временно находятся на хранении. Этот вопрос имеет для меня значение, так как среди них есть одна картина - "Весна Священная" - репродукция которой мне очень нужна для английского журнала. Надеюсь, Вам не доставит много хлопот, чтобы сделать этот запрос. Заранее Вам благодарен.

Как обстоит дело с "Агни Йогой"? Мы всегда будем рады получить от Вас весточку.

В Духе с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва. (Перевод с англ. яз.)

27 мая 1939 г. Narva – Yoesuu. Esthonia
Письмо И. Северянина к Рериху Н.К.

27. V. 1939 г.
Jg. Severjanin. Vabaduse, 3
Narva – Yoesuu. Esthonia.

Мой дорогой Николай Константинович!

Так давно не писал Вам, но всегда помнил и светлел при воспоминании о Вас, а таких людей так немного осталось в эпоху осабачивания человечества, в эпоху трёх основных лагерей вселенной, в сущности никогда непримиримых между собою...

Большое сердечное спасибо Вам за прекрасный портрет Ваш, пересланный мне Раннитом. Я поместил его около Римского-Корсакова, Рахманинова, Блока и нескольких других Бессмертных, конечно, предварит. застеклив.

О себе сказать нового ничего не приходится. Нужда, как и раньше, совершенно вопиющая, и, если и жив ещё, то лишь благодаря С.В. Рахманинову, даровавшему мне зиму и часть весны! Но теперь, увы, его дар иссяк, и я снова решительно ничего не имею.

Бог спасал меня, своего песнопевца, до сих пор. Я верю, он и впредь мне поможет. Самое страшное – страдания семьи. И это видеть прямо-таки мучительно.

⁴ Albuerno Jose - издатель, деятель Рериховского движения в Аргентине.

Даже самая ничтожная сумма, изредка посылаемая друзьями, даёт мне бодрость и радость, друзей-то почти нет у меня.

Состояние моего здоровья вынудило меня переехать из деревни в город Narva – Yoensuu, (это бывший Гунгербург), где я поселился на окраине, на берегу Нарвы, недалеко от «Уголка» Случевского. Знакомый врач заходит теперь часто ко мне и пользуется меня gratis. Изредка приезжает Раннит, вторую книгу стихов которого готовлю к осени. Только трудно работать в моих условиях. А работать я могу и умею.

Не забывайте беспутного поэта, пишите хоть иногда из Своей Святой Красоты Праведной!

Переклик с Вами поддерживает готовый из тела испариться дух.

Всегда Ваш, всегда с Вами,

[Игорь Северянин]

Архив Музея Рерихов, Москва (Автограф)

ИЮНЬ

3 Июня 1939 г.

Н.К. Рерих

ШОВИНИЗМ

Шовинизм - очень опасная эпидемия. К прискорбию нужно сказать, что и в наш цивилизованный век эта болезнь распространяется по миру яростно. Постоянно вы можете слышать из самых различных стран, что национализм понимается в виде шовинизма. Всё и доброе и худое, прежде всего, отстукивается в области Культуры. Так и в данном случае: национализм, понимаемый в виде шовинизма, прежде всего, отражается в искусстве и в науке, и приносит с собою не рост, но разложение. Постоянно приходится слышать о том, что в той или другой стране должна быть какая-то своя Культура, отличная от всех прочих, должно быть какое-то своё ограничительное искусство и какая-то своя особенная наука. Точно бы искусство и наука могут отойти от Бесчеловечности и замкнуться в предрешённые, узкие рамки. Спрашивается, кто же такой будет брать на себя эти предрешения? Кто же во имя какой-то мёртвой схоластики может лишать искусство и науку их живых, неограниченных путей?

У русских всегда было много недоброжелателей. А между тем именно в области отношения к шовинизму Русь могла бы дать много прекрасных примеров как из прошлого, так и из ближайшего времени. Вспомним, как доброжелательно впитывала иноземные достижения Киевская Русь, затем Москва и всё послепетровское время. В Московской Третьяковской галерее имеется и иностранный отдел. Собрания Щукина, Морозова, Терещенко, кн. Тенишевой и всей блестящей плеяды русских коллекционеров имели превосходные произведения иностранного искусства. Никто не сетовал на них за это, наоборот, все радовались, что таким путём молодые поколения даже и в пределах своей Родины имеют возможность знакомиться с лучшими иностранными достижениями. При этом можно было видеть, что русскость нашего искусства вовсе не страдала от такого обилия иноземных образцов.

Там, где сильна сущность народа, там нечего беспокоиться об угрозе подражания или обезличивания. Там, где живёт строительство, там все примеры и все пособия будут лишь желанною помощью. Здоровый организм переварит всё новое и даст своё выражение души своего народа. Шовинизм будет лишь знаком позорной боязливости или зависти. Кроме прискорбных знаков шовинизма, сейчас замечается и эпидемия переименований. Только что исчез Сиам и появился для удлинения Маунг-Тай. При этом указывается, что Сиам есть слово иностранное и потому должно было быть заменено. Не знаем, на каком именно иностранном языке слово Сиам имело своё значение. Может быть, в наименовании Маунг-Тай скрыты какие-то магические созвучия и они помогут быстрому и прекрасному росту этой древней страны? В таком случае мы даже перестанем жалеть всех школьников, которым по неизвестным для них причинам приходится переучивать многие названия. А географические карты, по нынешним временам, должны перепечатываться почти ежегодно. Кто знает, может быть, и Греция задумает переименоваться в Элладу. Если такое переименование обнаружит в Греции философов и художников, равных её классическим прообразам, тогда пусть вместо Греции будет Эллада. А школьники могут понатужиться и заучить и это переименование.

Если переименования происходят от какого-то своеобразного шовинизма, тогда они были бы одним из самых грустных явлений нашего века. Конечно, при римлянах Париж назывался Лютецией, и многие английские города имели римские названия. Но нельзя же себе представить, что в силу каких-то желаний Париж исчезнет и заменится или древне-галльским словом, или каким-то неожиданно современным. Не будем думать, что эпидемия переименований тоже является каким-то особым видом опаснейшей болезни человечества. По счастью, слово "шовинизм" никогда не было почётным. Так же точно алкоголизм или наркотизм и всякие другие "измы" не произносятся с восторгом, а если и говорят, то с каким-то явным или тайным устыжением. Интересно бы припомнить, при каких именно обстоятельствах и кем именно изобретено слово "шовинизм". Мы слышали, что и гильотина была изобретена ради милосердия. Шовинизм был изобретён ради мирового торжества культуры.

3 Июня 1939 г.

Н. К. Рерих. "Россия", М. МЦР, 1992.

[7 июня] 1939 г.

Н.К. Рерих

ПРОЧНАЯ РАБОТА

7-го июня русское радио сообщает: "Профессор Фролов, руководитель мозаичной мастерской при Академии Художеств, основанной Петром Первым, работая несколько лет, закончил большого размера мозаичную картину на сюжет Рериха "Битва с варягами".

В ближайшем будущем профессор Фролов будет руководить работами над самой большой мозаичной картиной в мире для Дворца Советов". Очень отрадно, что опять призывается к жизни прочная работа. Мозаика с давних времён как одно из ценных наследий Византии была облюбована русскими строителями. Жаль, что большая часть древних русских мозаик разрушилась вместе с зданиями во время всяких невзгод и вторжений. Но и то, что оста-

лось, оказывается не хуже, чем мозаики в Палатах Рогеров в Палермо. Видно, что к работе призывались хорошие мастера, и было стремление к истинной монументальности. Неоднократно приходилось работать с Фроловым над стенными украшениями. Сооружали мы мозаики и для Почаевской Лавры, и для Пархомовки, и для Шлиссельбурга, и для Талашкина. Каждая из этих мозаик вызвала многие соображения, при этом всегда радовало стремление Фролова внести какое-либо полезное нововведение. Уже давным-давно он переложил на мозаику один из эскизов моего морского боя. Думается, что теперешняя его работа основана на варианте той же картины. Итак, выходит, что что-то изрезывается, а почти в то же время что-то складывается в прочной каменной работе. Для русских климатов мозаика подходит как нельзя более. В конце концов, что же другое, как камень, ближе ответит монументальным строениям? Кроме разнообразной смальты, у нас так много превосходных самоцветов с самыми замечательными отливами красок. Уже пробовали слагать из уральских самоцветов целую географическую карту и, как слышно, впечатление было очень грандиозное. В Италии, где так много превосходнейших мозаичных изображений, за последнее время Венеция сошла к более фабричному производству. И это жаль, ибо таким путём второклассные строители будут думать, что самые ничтожные орнаменты могут заслуживать векового запечатления. Меня всегда радовало, что при нашей Академии Художеств была и мозаичная мастерская, помещавшаяся в отдельном, уютном строении. Таким образом, мозаика не была рассматриваема как какое-то коммерческое прикладное ремесло, а именно как одна из лучших форм высокого искусства.

1939 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

Н.К. Рерих. Бой. Эскиз для мозаики. 1906.

18 июня 1939 г. Куньмин
Письмо Сергея Ивановича Лю⁵ к Рериху Ю.Н

Кунмин⁶, 15 июня 1939 года.

Дорогой Юрий Николаевич,

Большое Вам спасибо за письмо от 31 апреля и за оттиски Ваших статей. Очень рад за Вас, что Ваша научная работа протекает успешно, и что заканчиваете (или уже закончили) свой труд «История народов Средней Азии». На каком языке Вы его издаёте, на русском или английском. Где он издаётся, где склад издания. Меня этот труд очень интересует, и мне очень хотелось бы его приобрести.

Тема чрезвычайно интересная, но, полагаю, очень трудная. Если не ошибаюсь, на эту тему на русском языке имеется только работа Иоакимфа. Ваш труд вызовет несомненный интерес среди разнообразных кругов. В силу исторических и географических условий, ваш труд вызовет живой интерес и у нас, в Китае.

Вы говорите, что работать теперь трудно в научно-исследовательской области, так как сокращается число экспедиций и количество издаваемых книг. У нас теперь с книжным вопросом безмерно тяжелее. Все книгохранилища остались на той стороне фронта. В глубоко[й] провинции, где мы теперь работаем (Сычуань, Юннан [провинция Юньнань – ред.] и др.) не было больших книгохранилищ, а достать теперь книги и трудно, и дорого. Крупные издательства были тоже в тех центрах, которые захвачены. Правда, некоторые издательства переведены сюда, но работать им здесь весьма трудно. В особенности тяжело приходится тем лицам, которым необходимы русские книги, например, мне. Русских книг достать совершенно невозможно. Если помните, будучи в Пекине, я задумал словарь – русско-китайский. За три года работы мне удалось “сделать” только 20 тысяч слов, а словарь рассчитан на сто тысяч слов. Здесь продолжить эту работу не могу, так как почти нет никаких пособий. А, между тем, работа нужная. Вы себе представить не можете, какой у нас здесь большой интерес к русскому языку, и не только у молодёжи. Как пример, - у меня на уроках русского языка, на первом курсе, сидят три наших профессора, два химика и один специалист по педагогике. Сидят и старательно учатся русскому языку. Надо сказать, однако, что русскому языку у нас уделяется очень мало времени, всего по три часа в неделю на трёх курсах. Книг нет. Приходится самому печатать на машинке. Это обстоятельство отнимает очень много времени, так что “для себя” времени остаётся очень мало. Несмотря на это, очень хотелось бы продолжать работу со словарём, но отсутствие пособий препятствует этому...

Показателем интереса к русскому языку может служить также то, например, обстоятельство, что составленная мною “Русская грамматика” уже выдержала три издания, готовлюсь к четвёртому. Интерес к русскому языку, и ко всему вообще русскому, объясняется главным образом тем, что в переживаемое нами время, взоры многих и многих поневоле обращаются на запад, к нашему великому Евразийскому соседу, как к возможному и естественному союзнику в нашей напряжённой борьбе.

⁵ Лю Сергей Иванович (преподаватель русского языка в Пекинском университете и Юго-Западном университете Китая) – ред.

⁶ Куньмин — городской округ в провинции Юньнань на юго-западе Китая, - Ред.

Кто знает, быть может, действительно, это нам – двум великим мирным народам суждено очистить мир от жесточайшей угрозы со стороны бешено агрессии...

Имеете ли возможность теперь следить за советской прессой. Мне изредка удаётся доставать отдельные номера московских газет. Интересный процесс совершается там: там слово “Родина” склоняется всё время во всех падежах, насаждается “патриотизм”, пересматривается отношение к родной истории, героями провозглашены не только Иван Сусанин (под этим именем сделана новая постановка оперы “Жизнь за царя”), Пожарский и Минин, но и Александр Невский, Дмитрий Донской, Кутузов, Суворов и другие. Говорят о РУССКОМ искусстве, о русской культуре...

Современная молодёжь в России теперь воспитывается под знаком любви к родине, патриотизма. Не правда ли, интересно и показательно.

Шлю горячий привет. Жена и дети также шлют Вам привет. Будьте здоровы.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

ИЮЛЬ

Русский отдел на Всемирной выставке в Нью-Йорке.
30 апреля 1939 г.

7 июля 1939 г.

Н.К. Рерих

ДРУЗЬЯМ-ХУДОЖНИКАМ

Велика радость слышать об успехе Русского отдела на Выставке в Нью-Йорке. Пишут, как высится русское здание, и какие толпы восхищаются самоцветною картою Российских необъятностей. Нам столько раз в разных странах приходилось убеждаться, насколько мало представляют себе иноземцы русские пределы. Когда мы указывали на сравнительных картах эту шестую часть света, то в ответ мы получали искреннее изумление. И теперь Русский отдел высится в Нью-Йорке как притягательный маяк.

И ещё одно своеобразное признание слышится. Злошептатели - ведь всюду найдутся завистники и клеветники - негодуют, как можно было допустить, чтобы Русский отдел доминировал над всеми прочими зданиями вы-

ставки. В этом возмущении сказывается необычное признание. Так же точно с огромным успехом прошел и Русский отдел на минувшей выставке в Париже. Восхищались и хорами и театром. Знатоки говорят, что русский народ есть наследник чудесного будущего.

Пишут теперь, что мир всего мира зависит от русской мощи, от русского решения. Европейские журналы пестрят изображениями жизни народов Союза. Бодрые овладетели воздухом уже сделались великим примером. Идут стройные ряды воинства, и чувствуется в несломимости их защита Родины. О русском искусстве вновь громко заговорили. В то время, когда Запад утопает в сюрреализме и параноизме, русские художники утверждают реализм жизни, исторический реализм, из которого растёт здоровое совершенствование. Дружные усилия исследователей открыли многие древние сокровища, захороненные в Российских пределах.

Опять встали советы мужей Новгорода, и в охране этой старины звучит бодрая новизна. Оценены народом Мусоргский, Репин, Павлов и все, кто поработал на ту славу, которая теперь уже понимаема всеми народами. Многие пережито, многое строится, и народ ценит все реальные события прошлого, которые ведут к блестящему будущему. Александр Невский, Сергей Радонежский, Ломоносов, Кутузов, Суворов, Пушкин - все, потрудившиеся для подвига русского, оценены народным поклоном.

В здешних далёких горах - в Гималаях - помнят, как и в Индии прошли русские, и Афанасий Тверитянин давно, в пятнадцатом веке, и Долгорукий при Акбаре оставили легенды, а теперь эти предания оживлены новыми преуспеваниями русскими. Во всех признаниях русские художники всех областей имеют почётное место. Ещё раз реально было доказано, что искусство является великим связующим звеном международным.

Мы помним, при каких трудных условиях зачинались эти мирные завоевания русского искусства. Власть имущие, бывало, вовсе не желали признать значение художества во всех его проявлениях. Но ведь расцветы народов прежде всего выражались в их творчестве, в их созидательстве, в их искусстве. Это творческое строительство проникает во все слои жизни и становится близким даже самым далёким странам. При этом, как всегда, народ русский далёк от гордыни. О себе он говорит мало, но то, что он делает, само шествует по миру, и перед этим великим носителем склоняются люди в искреннем приветном поклоне.

В этом году Российская Академия Художеств справляет памятную годовщину своего основания. Всем нам, связанным званием своим с этой Академией, радостно послать друзьям-художникам душевный привет.

Радостно вспомнить, что, говоря о годовщине Академии, уместно восстановить в памяти и все пути искусства русского. Прошло то время, когда искусство считалось чем-то прикладным, низшим. Теперь, наконец, после долгих настояний, уяснили себе люди, что народное творчество, лежащее в основе всей жизни и всех продвижений, есть подлинное искусство. Во время Великой войны в мастерских для увечных воинов мы могли наблюдать, как быстро усваивали искусство взрослые люди, об искусстве как бы никогда и не помышлявшие. Но оно живо в них, и стоило лишь дать толчок, чтобы цветы творчества прекрасно распустились.

Довелось наблюдать и в школе, среди тысяч учащихся, пришедших большею частью от земли, от фабрик, от всех областей труда, как быстро это

молодое поколение делалось настоящими художниками. Потом многие из них возвращались к своему трудовому станку, но их особенно ценили опытные мастера, потому что во все отрасли производства они вносили основу искусства. Народы Союза все прилежат к искусству, именно творческому искусству. И в этом источнике заключается неисчерпаемость. Когда мы говорили "Чаша Неотпитая", то именно думалось о том великом будущем, которое уже осуществляет народ, полный творчества и строительства.

Привет всем друзьям-художникам, писанным и неписанным, знакомым и неизвестным, сынам великого народа!

7 июля 1939 г.

Н.К. Рерих "Зажигайте сердца". М. 1975 г. Лист дневника № 116. (Из архива Ю.Н. Рериха)

27 июля 1939 г.

Н.К. Рерих

РУССКАЯ СЛАВА

О русских изделиях сложились многие легенды. Мы слышали, что павловские ножи отправлялись в Англию, где получали тамошнее клеймо, чтобы вернуться на родину, как английское производство. Мы слышали об "английских" сукнах из нарвской и лодзинской мануфактуры. Слышали о "вестфальской" ветчине из Тамбова. Слышали о "голландских" сырах из русских сыроварен. Слышали, как некий аграрий потерял ключи от своего амбара, а затем, когда выписал лучшее зерно из Германии, то в мешке нашёл свои потерянные ключи. Также слышали мы, как ташкентские фрукты должны были прикрываться иностранными названиями, чтобы найти сбыт на родине. Тщетно некоторые продавцы пытались уговорить покупателей, что русские продукты не только не хуже, но лучше иностранных, но русские люди по какой-то непонятной традиции всё же тянулись к английскому, французскому, немецкому.

Когда мы говорили о российских сокровищах, то нам не верили и надменно улыбались, предлагая лучше отправиться в Версаль. Мы никогда не опорочивали иностранных достижений, ибо иначе мы впали бы в шовинизм. Но ради справедливости мы не уставали указывать о великом значении всех ценностей российских.

В неких историях искусства пристрастные писатели восставали против всех, кто вдохновлялся картинами из русской жизни. Потребовалось вмешательство самих иностранцев, преклонившихся перед русским искусством, перед русской музыкой и театром и признавших гений русского народа. Вспомним, какую Голгофу должны были пройти Мусоргский, Римский-Корсаков и вся "славная кучка", прежде чем опять-таки же иностранными устами они были высоко признаны. Мы все помним, как ещё на нашем веку люди глумились над собирателями русских ценностей, над Стасовым, Погоскою, кн. Тенишевой и всеми, кто уже тогда понимал, что со временем народ русский справедливо оценит своё природное достояние. Помню, как некий злой человек писал с насмешкою "о стульчаках по мотивам Чуди и Мери". Ведь тогда не только исконно русские мотивы, но даже и весь так теперь ценимый звериный стиль, которым сейчас восхищаются в находках скифских и луристанских, ещё в недавнее время вызывал у некоторых снобов лишь пожимание плечей.

Теперь, конечно, многое изменилось. Версальские рапсоды уже не будут похулять всё русское. Русский народ оценил своих гениев и принялся приводить в должный вид останки старины. Новгород объявлен городом-музеем, а ведь в прошедшем это было бы совсем невозможно, ибо чудесный ростовский Кремль с храмами и палатами был назначен к продаже с торгов. Только самоотверженное вмешательство ростовских граждан спасло русский народ от неслыханного вандализма. Так же было и в Смоленске, когда епархиальное начальство назначило к аукциону целый ряд церковной ценной утвари, и лишь благодаря вмешательству кн. Тенишевой эти предметы не разбежались по алчным рукам, а попали в тенишевский Музей.

Можно составить длинный синодик всяких бывших непризнаний и умалений ценностей русских. Потому-то так особенно радостно слышать о каждом утверждении именно русского природного достоинства народа. К чему нам ходить на поклон только в чужбину, когда у нас самих лежат в скрынях непочатые сокровища? Посмотрите на результаты русских археологических экспедиций за последние годы. Найдено так много научно значительного, и широко раздвинуты познавательные рамки. Затрачены крупные суммы на реставрацию Сергиевой Лавры, Киевской Софии и других древнейших русских мест.

Волошин пишет книгу "Великий русский народ", где воздаёт должное деятелям земли русской от Олега и до Менделеева по всем разнообразным строительным областям. Для меня лично все эти утверждения являются истинным праздником. Ведь это предчувствовалось и запечатлелось во многих писаниях, которым уже и тридцать и сорок и более лет.

Верилось, что достойная оценка всех русских сокровищ произойдёт. Не допускалось, чтобы народ русский, такой даровитый, смыслённый и мудрый не вдохновился бы своим природным сокровищем. Не верилось, чтобы деятели, потрудившиеся во славу русскую в разных веках и во всех областях жизни, не нашли бы достойного признания.

И вот ценности утверждены, славные деятели признаны, и слава русская звучит по всем краям мира. В трудах и в лишениях выковалась эта непреложная слава. Народ русский захотел знать, и в учёбе, в прилежном познании он прежде всего оценил и утвердил своё прекрасное, неотъемлемое достоинство. Радует сердце о Славе Русской.

27 Июля 1939 г. Гималаи

"Литературные записки". Рига, 1940

АВГУСТ

1 августа 1939 г. Буэнос-Айрес

Диплом Почётного члена Комитета Культуры Аргентины.

**Комитет Культуры Аргентины
присваивает сеньору Николаю Рериху Звание почётного члена
за интеллектуальные и плодотворные
действия в пользу духовного единства Америки.
Дано в Буэнос-Айресе в первый день тысяча девятьсот тридцать девя-
того.**

Comite CULTURAL ARGENTINO

**Esta entidad confiere al señor Nicolas de Roerich
El titulo Miembro Honorario
Por sus valores intelectuales y su fecunda
Acción en favor de la unidad espiritual y la pas de Amtrica.
Dado en Buenos Aires el dia primero de mil novecientos treinta y nueve**

Архив Музея Рерихов, Москва

**4 Августа 1939 г. Гималаи
Н.К. Рерих**

"МИР ИСКУССТВА"

В Париже закончилась дягилевская выставка, устроенная Лифарём. Выставка прошла с большим успехом. Мы все мысленно поблагодарили Лифаря за этот превосходный почин и пожалели, что размеры выставки заставили ограничиться лишь балетом. Даже не могли быть включены оперные постановки дягилевской антрепризы. Кроме того, вся широкая деятельность Сергея

Павловича должна быть отмечена. Целая эпоха русского искусства прошла под знаком Дягилева и группы художников.

Удивительно подумать, что за последние годы из этой группы уже покинули так многие земную юдоль. И все они ушли преждевременно среди неизбывного и восходящего творчества. Уже нет Бакста, Браза, Головина, Кустодиева, Трубецкого, Чехонина, Яковлева, Щуко, Бориса Григорьева, Петрова-Водкина, а теперь совсем недавно ушёл и Сомов. Творчество каждого из этих художников своеобразно, и тем не менее всё же понятно, что они принадлежали к одной сильной группе, ознаменовавшей собою целое движение русского искусства.

Разбросаны по разным странам остальные участники "Мира Искусства". В СССР - Лансере, Яремич, Билибин, Грабарь. В Париже - Гончарова, Ларионов, Коровин, Александр Бенуа, Серебрякова, Остроумова, Стелецкий, на юге Франции - Малявин. Стал литовцем Добужинский, а Судейкин - американцем. Пурвит - в Риге. Память Чурлёниса очень почтена в Литве. Может быть, кто-то и в Праге или в Белграде...

Перебираю письма от Бориса Григорьева, Александра Бенуа, Ларионова, Билибина и других соучастников по выставкам "Мира Искусства". Хотя и разнообразны были устремления, но в письмах чувствовалась некоторая корпоративность. Это всегда радовало, напоминая о старых гильдиях. Ведь тоже разнообразны были старинные мастера и все же они собирались под знаком своей гильдии, и такой сильный рой помогал среди бытовых переживаний.

Общество "Мир Искусства" сложилось среди особых условий. Сперва были выставки, устроенные самим Дягилевым. Затем произошло объединение с Союзом Московских Художников, но это объединение просуществовало недолго. Вследствие какой-то статьи Бенуа, которую москвичи нашли крайне несправедливой, произошли трения, и группа "Мир Искусства" организовала отдельное общество. Устроились выставки в зале Общества Поощрения Художеств, в доме Пушкина, а также в Москве. По примеру Дягилева бывали и заграничные выставки, как например, в Венском Сецессионе, где ряд наших художников были избраны почётными членами. Наряду с выставками нашего общества происходила и растущая театральная деятельность Дягилева. Многие наши сочлены оказались избранными в члены Осеннего Салона. Антреприза Дягилева сделала целую эпоху на Западе. Если собрать всю литературу, посвящённую этим манифестациям русского искусства, то получился бы огромный том, который всегда будет настольным для каждого историка искусства.

Вот уже более тридцати лет этой художественной работе. А если считать от первых общественных выступлений Дягилева, то и сорок лет наберётся. Теперь многое бывшее кажется очень простым, логично сложившимся. Последнее, т. е. логичность движения, несомненно, но было бы неправильно сказать, что она была завоевана легко и просто. Как и подобает для каждого значительного движения, почин Дягилева был встречен с крайним возмущением. Жалею, что не сохранились статьи московских газет хотя бы о Дягилевской выставке 1903 года. Чего только там не было написано! Как только ни нападали на комиссию Третьяковской галереи, состоявшую из Серова, Боткина и Остроухова, за сделанные на этой выставке приобретения для Третьяковки! Помню, как некий писатель, уже не зная, на чём выместить своё негодование, восклицал: "Одни имена-то чего стоят!" А затем, встретившись со мною в

Москве, он очень извинялся, объясняя каким-то непонятным для меня незнанием чего-то. То же самое произошло на этой же выставке и в столице. Несмотря на то, что лучшие голоса, как гр. А.А.Голенищев-Кутузов, В.В.Розанов и другие культурные писатели, поняли и поддержали выставку, всё же нападки желтой прессы были велики. Видимо, где-то было позволено ругать выставку. Главное негодование исходило из Академии Художеств, и разгневанный М.Боткин кричал, что выставку нужно сжечь.

Весело теперь вспоминать всякие такие изречения, но в своё время они доставляли немало хлопот. После статей Буренина А. И.Куинджи очень разбеспокоился. Покачивая головою, он говорил: "А всё-таки это нехорошо". На мои доводы, что было бы ещё хуже, если бы Буренин принялся хвалить, Куинджи всё же покачивал головой. Теперь так же весело вспоминать и скандал на первом представлении "Весны Священной" в Париже. Санин, весь вечер не отходивший от меня, умудрённо шептал: "Нужно понять этот свист как своеобразные аплодисменты. Помяните моё слово, не пройдёт и десяти лет, как будут восторгаться всем, чему свистали". Многоопытный режиссер оказался прав.

Своеобразно работала группа "Мир Искусства". Внешне могло показаться, что никакого единения нет, но по существу все шли к тому же достижению. Потому-то и само движение в глазах зрителей всё же оставалось определённым. Вот мы жалеем, что Лифарь мог показать лишь часть всего движения, а именно балет. Но ведь и эту часть еле мог вместить огромный зал Лувра. К тому же из-за расстояний и прочих особых условий многие материалы даже и этого отдела не могли быть использованы. А во что же вылилась бы эта русская манифестация, если бы можно было показать полностью и другие отделы движения! Конечно, на выставках скучны бывают всякие сборники сведений, но когда дело идёт о целом движении, которое оставляет за собою неизгладимые следствия, то и такие сведения были бы уместны.

Вообще близится время, когда движению "Мира Искусства" должно быть посвящено какое-то издание, в котором будут помянуты все области искусства, где потрудились художники "Мира Искусства". Сообщают, что в Лондоне издается книга о балете за пятьсот лет. В ней будут помянуты и дягилевские балеты. Книга, вероятно, будет интересная, но опять можно будет пожалеть, что запечатлется лишь один отдел искусства. Без сомнения, должна быть издана книга всего движения "Мира Искусства". В нём потрудились и композиторы, и певцы, и балетные артисты, и писатели, и живописцы - словом, представители искусства всех родов. Подумайте о такой книге. Не говорите, что для неё нет средств - это сейчас общепринятая отговорка. Всюду сперва должна быть проявлена воля, а к ней приложатся и средства. Образуйте ядро. Начните собирать материалы. Всего найдётся в таком изобилии, что придётся лишь выбирать. Так и вижу мысленно большой том с надписью "Мир Искусства".

И ещё одна мечта. За эти десятилетия выросло сильное младшее поколение. Оно разбросано по разным странам, но в существе его обозначаются основы "Мира Искусства". Среди молодых многие уже отличились на выставках, преуспели в театральных постановках, и картины их находятся уже в лучших музеях. Суждено ли им идти вразброд, чураясь друг друга? Или же они могли бы в каком-то внутреннем или внешнем единении продолжить движение "Мира Искусства"?

Может быть, несправимо думать о каких-то сотрудничествах и содружествах для вящей общей пользы, когда весь мир тонет в человеконенавистничестве. Может быть, младшее поколение не нуждается ни в каких единениях, но мысля путями истории искусств, мы всё-таки вспоминаем о мощных трудовых гильдиях, которые способствовали расцветам искусства. Опять-таки говорим не о каком-то делении, но о деле общерусском. Само искусство в сущности своей неделимо, и призрачны все разделы, нанесённые случайностями быта. Никакие ни географические, ни этнографические условия не могут разрубить древо искусства. Стравинский может работать в Париже, а Прокофьев - в Москве, а русское Искусство и от того и от другого получает свою прибыль. Мечта о единении младшего поколения пусть зарождается в пространстве. Как и принято во всех веках, сперва её найдут неисполнимой и ненужной, а затем через малое количество времени она покажется вполне уместной, если только подумать доброжелательно. Так же точно пусть кто-то доброжелательно подумает и о книге "Мир Искусства".

4 Августа 1939 г. Гималаи

Н.К. Рерих "Художники жизни". М. МЦР 1991 г

9 августа 1939 г. Нагар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Лю Сергею Ивановичу

Нагар / 9-АВГ.-1939

Дорогой Сергей Иванович,

Спасибо Вам за Ваше доброе письмо от 18-го июня. Вы, вероятно, уже получили книги, которые я послал Вам для Библиотеки Вашего Университета. Пожалуйста, передайте их с моим приветом в знак моей симпатии к Китаю. Вы совершенно правы, говоря. Что Китай может найти друзей только в одном направлении. Во всех прочих направлениях дружба окажется призрачной и корыстной. Между народом русским и Китаем издавна были добрые отношения, и это обстоятельство теперь должно получить особое значение. Все деятели, подобные Вам могут вносить свою лепту в укрепление этой дружбы. Если бы даже и были бы какие-то малые недоразумения, то ввиду основной огромной задачи, они должны быть забыты. Почти одновременно с Вашим письмом мы получили добрые сведения от д-ра Кенга - нашего сотрудника по экспедиции 1935 года. Он, как известный ботанист определил, что наша экспедиция нашла шесть новых растений, при этом одно из них, как он пишет в Вашингтонском научном журнале, было названо моим именем. Мне было приятно получить эту весточку из Китая от известного китайского учёного, ибо в этом заключался знак дружелюбия.

А я во всех моих писаниях так часто подчёркиваю насущность этого понятия. Слышали мы, что на монгольских полях образовалось целое кладбище яп[онских] самолётов. Таким образом, агрессоры получают то, что они и заслужили своими наглыми действиями. Смешно было читать в газетах их похвальбу и враньё о том, что они сбивают сотни аэропланов. Все, даже нечастные [к] военному делу, отлично понимали, что это невежественные и неправдоподобные выдумки. Как хорошо, что Вы и семья Ваша можете заниматься любимым Вами профессорским делом. Именно Вы можете убедительно рассказать и о народе русском, и о русской литературе. Вы не внесёте ничего раздражающего, но наоборот, приложите все силы для справедливого взаимного понимания.

Мы все за работу, каждый в своей области. Европа опять переживает армагеддонные дни, и опять нужно всеми силами напомнить о культуре.

Посылаю Вам несколько вырезок, и шлём Вами Людмиле Николаевне и всей семье наши сердечные приветы.

Духом с Вами, *Н.Рерих*

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись с автографом)

10 августа 1939 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Лю С.И.

Наггар. Kulu, Punjab, Br. India
10-го Августа 1939.

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Иванович,

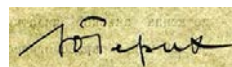
Очень рад был получить Ваше письмо от 18 июня и приобщиться к бодрой атмосфере Кунь-мина, несмотря на все препоны военного времени. Верю, что Вашей стране и моей родине суждено положить предел услиям врага. Ведь напряжённая война является часто преддверием грядущего расцвета всех сил, творческих и созидательных, народа.

Вы спрашиваете о ходе моей работы по истории Средней России. Писал я её на русском языке. Ибо как-то устал от иностранных языков. В основном работа закончена, т.е. доведена до конца Юаньской Династии (1368 г.). Остаётся дополнить её данными об археологических находках последнего времени, ибо события истории народов Средней Азии излагались мною не только на основании письменных источников, но и к характеристике различных эпох привлекались памятники прошлого. В последнее время в этом отношении большая работа проделана на Родине, но получать оттуда книги и журналы довольно трудно. Всё это требует времени. Местные же библиотеки не содержат книг на мою тему. Издание моего Тибетско-Английского Словаря также остановилось – больше одной трети подписчиков было из Китая. Как видите японская агрессия отразилась и на моей работе.

Вы совершенно правильно отметили процесс, происходящий у нас на Родине. Подошло новое поколение и изменилось отношение к прошлому, и вспомнили героев дней минувших, а в том числе, и прадеда моего Кутузова, над могилой которого вновь стоят Наполеоновские знамёна.

Шлю Вам и всей Вашей семье сердечный привет. Всегда рады Вашим вестям. Где сейчас находится Ваш симпатичный соотечественник, которого мы встретили у Вас на обеде в Бейнине.

Искренне Ваш,

Архив Музея Рерихов, Москва

12 Августа 1939 г. Гималаи
Н.К. Рерих

"МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ"

"Море волнуется"! Есть такая игра. Сядут в круг. Один по жребию остаётся в середине. Неожиданно он крикнет: "Море волнуется!" Все вскочат и меняются местами. Но кто-нибудь замешкается и останется без места. находчивость, самодеятельность состязается. И никто не знает, кто займёт лучшее место.

Вспоминаю о наших обществах, центрах, комитетах и группах. Никто не решил бы, где движение разрастается и где потухнет. Да и навсегда ли? Иногда при самых, казалось бы, удачных условиях группа распадалась и замирала. Но нередко из самого малого зерна вырастает крепкое дерево. Дерево Культуры. В Литве такое дерево было посажено.

В Белграде умер первый председатель нашего общества, ректор Университета Иованович. Кашанин оказался совершенно невозможным. Группа Дукшинской как бы замолкла. Но вот в неё вошли сербские художники и музыканты, и опять началась культурная работа. В Нью-Йорке Хорш оказался жуликом и вандалом. Но вместо одного учреждения вспыхнули три: "Фламма" в Индиане, "Арсуна" в Санта Фе и Р[усская] Академия в Нью-Йорке. Казалось, что центр в Филадельфии как-то заглох, но вот слышим, что опытные люди хвалят его работу. В Загребе - смутно. Началось содружество звонко под председательством Мажуранича, он был президентом Югославского Сената. Но настали перемены, Мажуранич ушёл, а без него и Загреб примолк, притаился. Надолго ли?

Конечно, в каждом изменении имеются и новые возможности. Из-за Кашанина удалось помочь Русскому Музею в Праге. Затем появилась Коимбра. Никогда не узнаешь, где и когда и при каких обстоятельствах возникнут новые возможности. Вот примолк Тюльпик в Брюгге. Но не забудем, что благодаря ему устроились в Брюгге две международных конференции нашего Пакта и он же ископал у Городского Муниципалитета дом для Музея. Каждое благое дело не должно быть забыто. Кто знает, какие местные заботы тревожат пограничный Брюгге, этот несравненный город-музей?

В Париже в нашей французской Ассоциации тоже были всякие смены, но в этом году вошли в состав Совета новые члены всех родов искусства. Комитет Пакта вновь напомнил европейским и азиатским государствам о своевременности Пакта Охранения Культурных ценностей. Кто знает, когда опять приступят к этому неотложному соглашению.

Особенно выдвинулась деятельность Балтийских стран. В Риге растёт Музей, расширяется издательство, идут беседы и лекции. После первого конгресса, устроенного в 1937 году нашим Латвийским Обществом, в текущем году наши Общества участвовали на общепалтийском конгрессе. Задушевно работа Литовского Общества, имеющего свои группы в нескольких городах, так же, как и Латвийское Общество. Эстонская группа имеет собеседования и тоже предполагает приобщиться к издательству. В Варшаве были удачные лекции и выступления в журналах.

Группы на Дальнем Востоке, несмотря на труднейшие местные условия, работают. В Шанхае издаются два бюллетеня, и можно радоваться самодеятельности, особенно же зная тяжкие материальные условия.

В Индии - Р[усский] Центр искусства и культуры в Аллахабаде устроил ряд выставок, вечеров и лекций. В Бенаресе изыскиваются средства для нового помещения. В Мадрасе "Интернационал студентов Р." встретился с любопытными бытовыми затруднениями из миссионерских кругов. Когда-нибудь и об этом расскажем.

Сотрудник в Буэнос-Айресе не только издал книгу по-испански, но и устроил ряд журнальных выступлений. Отзываются сотрудники в Финляндии, в Португалии, в Болгарии, в Австралии, в Новой Зеландии, в разных краях земли. Чуется, что вопросы Культуры насущны.

Одно - замолчит, другое - вырастет. Недоумения и трудности сменяются преодолениями и приходом новых друзей. Среди них - молодые и телом и духом. По почину "Флаамы" Общества имеют свой орган - иллюстрированный трехмесячник. Пусть растёт сотрудничество и обмен мыслями. Лишь бы не помешали бесчеловечные события. Но Феникс Культуры всегда жив. Из пепла восстанет. Привет содружникам! "Море волнуется", но ведь это жизнь, движение.

12 Августа 1939 г. Гималаи

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г. (Из архива МЦР)

12 Августа 1939 г. Гималаи

Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к Рудзитису Р.Я.

12 августа 1939 г.

Родной наш Рихард Яковлевич, только что получили четыре экземпляра моих «Писем». Сердечное спасибо за чудесное издание, но неужели же все экземпляры будут в таком нарядном переплёте? Не слишком ли это щедро, и я этим немного смущена. Кроме шести, которые Вы пошлёте в Индию, мне очень хотелось бы, чтобы Вы от моего имени послали в Америку пять экземпляров по следующим адресам: две копии на имя Зинаиды Григорьевны Лихтман, одну для неё, и другую для Мориса Моисеевича Лихтмана, одну на имя мисс Ингеборг Фричи [Box 2087, Danbury Connecticut, USA], четвёртую мистеру Гартнеру [Box 1765, Tulsa, Okla, USA] и пятую [миссис Сане Муромцевой, 219, Montclair Avenue, Montclair, New Jersey, USA].

Мы были так рады в последних письмах Гаральда и Ивана Георгиевича читать такие сердечные мысли о единении. Оно всегда ценно, а сейчас оно совершенно необходимо. Можно чаще перечитывать самые первые книги Учения, в них много указаний о будущем. Если бы от новых друзей в библиотеку Музея поступили в дар какие-либо художественные издания (у них их много), то это можно лишь приветствовать. Чем больше обогатится библиотека – тем лучше. К тому же всякий знак дружелюбия приносит свои плоды. А когда эти знаки в правильном направлении, то удача ещё более усугубляется. В свою очередь, можете спросить знакомых, какой бы сделать книжный дар и их библиотекам. Таким образом, несколько экземпляров монографии может протолкнуться через их канал. Теперь, когда отношения с друзьями ещё улучши-

лись, то можно бы при случае опять поднять вопрос о монографии на выраженных ими в начале условиях.

Как трогательно, что наш милый Клементий Станиславович так прекрасно старается закрепить единение и постоянно напоминает о Щите. Радуюсь, что он находится в таких высоких настроениях, они облегчат и его страдания. При свидании передайте ему нашу ласку и нашу радость о нём.

Большая для нас радость, что Вы так устремлённо и с такой бережностью работаете над доверенным трудом. Книга эта будет иметь совершенно исключительное значение. Ни разу ничего подобного не было выполнено. Но, преследуя историческую основу, Вы как поэт сумеете сохранить и надземное очарование высокого Понятия. Привожу несколько Бесед, которые ещё не так скоро дойдут до Вас. «§ 491. Вы знаете, что без надземных чувствований нельзя преобразить жизнь. Никакая работа не может быть возвышена без воображения. Обратите внимание на хорошее слово – "воображение", оно не вымысел, не уловка лукавства, но нахождение высших образов, реализация высших понятий. Воображение всегда реально и правдиво. Невозможно представить, где живёт эта правда, но она существует. Не думайте, что истинное воображение возможно во зле, нужно доброе устремление. Каждое зло сложит искаженные образы. Калейдоскоп нуждается в гармоническом движении, так и в созерцании высоких образов требуется открытое сердце. Каждое затемнение внесёт извращение представления. Так опять связаны законы физические с основами психическими. Но даже самые высокие достижения должны быть забыты здесь, часто среди самой тяжкой нужды. Нередко богачи задумываются – почему их жертвы должны быть так облегчены? Они полагают, что жертва может быть лишь денежная, но они забывают, что прекрасная задача им доверена – сочетать монеты с высокими заданиями, но для этого нужно воображение. Многие ли стремятся повисить в себе это качество? Мыслитель поучал: "Каждому человеку дано заглянуть в Чертоги Божественные, но пусть приучит глаз смотреть в сияние Неба и распознавать всю жизнь пространства. Кому Небо пусто, тот имеет пустое сердце"».

Следующая беседа может относиться ко всем предающимся йогическим упражнениям и при этом не позаботившимся очистить свое мышление и расширить сознание.

«§ 487. Вы знаете, что воспитание мысли должно происходить последовательно. Каждый может представить себе тот ужас, когда сила мысли достанется злонамеренному человеку. Потому нравственное образование должно предшествовать учению о мысли. Невозможно ограничиться внешними приемами познания силы мысли, иначе мы будем творить злых колдунов. Давно учения предусматривали, чтобы злой человек не допускался до йогических упражнений. После, когда нравы огрубели, появились люди, овладевшие некоторыми внешними приемами и не позаботившиеся прежде очистить свое сознание. Конечно, и для очищения сознания нужно сосредоточение мысли, но такая мысль будет внутренней, без внешних посылок.

Люди мало понимают, что нельзя грязными руками брать за чистое дело. Казалось бы, такое условие понятно каждому, но в жизни оно применяется редко. Люди не думают – чисты ли их руки, и тем могут создать самые вредные химизмы. Люди прикрываются самыми громкими названиями, но таят внутри себя низкие намерения. Сколько злоупотреблений происходит!

Нужны самые разумные меры, чтобы не проникали приемы мощи к злоумышленникам.

Подумайте, насколько и Наши труды затемняются, когда вмешиваются люди, овладевшие некоторыми приемами йоги с дурными намерениями!

Мыслитель указывал: "Сперва поймём добро и тогда пошлём его в мир"».

Получили ли Вы последнюю посылку «Надземное» до параграфа 470? Как Ваше самочувствие? Что Ваша милая семья? Шлю ей мои лучшие мысли и ласку будущим воительницам духа. Привет сердца Элле Рейнгольдшне, очень, очень часто думаю о ней, и так хотелось бы повидать её и обо многом переговорить, но и это придёт. По-прежнему все события послужат лишь на пользу Великому Космическому плану, и потому все принявшие Щит Света спасены будут. Чудесные вести приходят издалека. Храмина Духа скоро утвердится. Ничто не должно устрашать. Растёт новая волна интереса к Швеции, и многие директора могут очень ошибиться в своих лукавых расчётах. Щит хранит Вашу милую страну. Самый сердечный привет от всех нас. Знаем, как Вы ведёте Общество во благо.

Сердцем с Вами,

Е. и Н. Р.

Е.И. Рерих. Письма. Т. VI. МЦР.

20 Августа 1939 г. Гималаи
Н.К. Рерих

СОКРОВИЩА РОССИЙСКИЕ

"Художественные сокровища России" - назывался журнал нашего Общества Поощрения Художеств. Первое слово длинно. Можно бы короче: "Российские сокровища искусства" или "Сокровища русского искусства". Пожалуй, последнее лучше, ибо упор на "сокровищах".

Долго эти сокровища были под спудом. В своё время журнал не мог окупить себя, даже несмотря на пособие. Конечно, тогда и посещаемость выставок была в среднем от пяти тысяч, в лучшем случае, до двадцати тысяч. Теперь же слышим о сотнях тысячах посетителей. Значит, народное сознание сдвинулось.

Лучшая мерка просвещения - по численности народного участия в общественно-научных и художественных делах. Суждения народа о разных родах искусства всегда были задушевные. В то время, когда в высших классах профессия учителя и художника была под сомнением и усмешкою, народ уже любил художника.

Мастерство кустаря вносило радость искусства под любой кров. Мы при поездках по российским необъятностям много раз убеждались, что паспорт искусства есть самый лучший, самый сердечный. Сейчас происходит то, о чём мы лишь могли мечтать. За последние годы вскрыто множество сокровищ. Число научных экспедиций выросло. Много выходит полезных художественных изданий, печатаются они во многих тысячах и быстро расходятся. Нашёлся покупатель! Народ захотел читать. Поразительно звучат миллионные цифры изданий Пушкина, Гоголя, Толстого, Салтыкова, Тургенева, Горького...

Нашлись трудовые гроши, чтобы внести в дом ценимого писателя. Умножаются музеи.

"Перемелется - мука будет". И вот питательная мука произошла. Была мука, а произошла мука. Без трудности и труд не увенчается. Хотите самое реальное - этим самым наиреальнейшим будут сокровища народные. Сокровища науки и искусств.

Опять нужно издавать журнал: "Сокровища российские". Бесконечен материал. Издание пойдёт по всему миру. Дорого стоят павильоны на международных ярмарках. Как бы успешны они ни были, но через несколько месяцев всё пойдёт на слом. Пресыщенная ярмарочною сутолокою толпа не запомнит всего, ей мимолетно показанного. Но летопись "Сокровищ" долго проживёт в книгохранилищах. Многие достижения, разрозненные в отдельных книгах, слились бы в летописи в мощное и красивое описание народных трудов.

Нарастёт новый подъём собирательства и бережливости. Летопись не только войдёт на полки книгохранилищ, но проникнет увлекательно в каждый дом. Малыши от первых лет накрепко запечатлеют завет: "Сокровища российские".

20 Августа 1939 г. Гималаи

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

«Художественные сокровища России» - периодическое издание, выпускавшееся раз в месяц в редакции именитого художника-живописца Александра Бенуа в период с 1901 по 1907 годы.

СЕНТЯБРЬ

2 сентября 1939 г.

Письмо Е.И. Рерих к Вайчулянису К.С.

Родной наш Клементий Станиславович, очень порадовали Вы меня Вашей весточкой. Как-то еще ближе почувствовала Вашу милую моему сердцу душу. Очень люблю читать те строки в письмах друзей, которые касаются Вас. Каждый раз они приносят какую-нибудь новую, трогательную и любовно подмеченную чётточку в Вашем облике. И вот эта любовь так прекрасна. Друзья остро чувствуют, как Вы нужны им, и потому мы, может быть, эгоистически, но не отпустим Вас так скоро в иной и прекрасный мир.

Радует несказанно то обстоятельство, что боли, как я понимаю, уже меньше мучают Вас. Истинно, луч Великого Владыки шлёт Вам помощь.

В тяжкие дни, переживаемые всем миром, большое утешение находят друзья, собираясь около Вас и слушая Ваши спокойные и мудрые слова. Иван Георгиевич и Гаральд Феликсович писали о Вашем полном доверии к Силам Света. Это доверие есть самое большое сокровище, в нём всё счастье и все достижения. И, действительно, когда приходится быть свидетелями общего безумия, особенно ярко встает путь, указанный в Учении Жизни, и сердце понимает то сужденное, которое покроем Щитом Света все ужасы уходящего черного века. Трогает меня и Ваша любовь к Ш. Часто открываю первую часть «Листов Сада Мории, думается, что многим яснее становятся знаки указанные.

Писали друзья и о Вашем мудром миротворчестве. Низко кланяюсь Вам на этом, дорогой Друг наш, ибо это редчайшее качество сейчас ценнее, чем когда-либо.

Не знаю, во сколько времени и как дойдёт до Вас эта весточка, всюду принимаются уже меры, как во время войны. Но Силы Света стоят на страже и охранят и спасут всё самое ценное.

Спасибо от всего сердца и Вашей милой дочери за её добрую весточку. Если и она будет извещать меня о Вашем самочувствии, буду ей очень благодарна.

Да хранит Вас Превышний. Знаю, какая великая помощь посылается Вам. Храните торжественность, ибо, истинно, великое время переживается планетою. Просветленное сознание не будет смущаться преходящими настроениями. Бывают такие положения, когда «как ни кинь, все выходит клин» или когда все события служат лишь на пользу того, что должно быть охранено и возвеличено. Истинно, Храмина Духа утвердится.

Посылаем Вам, дорогой Друг, нашу сердечную энергию, пусть она вольется в общий поток чудесных энергий, направленных к Вам от любящих сердец. Благословение Высшее да пребудет с Вами.

Духом и сердцем с Вами.

Архив Музея Рерихов, Москва

3 сентября 1939 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ОПЯТЬ ВОЙНА

В дымке мреют Смоленские леса. Ясный летний день. Жарко, но в храме прохладно. Кончаем роспись «Царица Небесная». Часть лесов уже снята. Идут предположения, как пойдёт дальше настенное украшение.

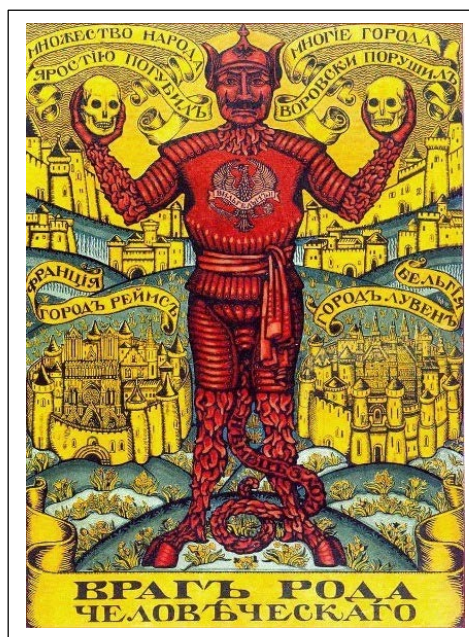

Вдруг конский топот. Кн[ягиня] Четвертинская спешно влетела на паперть храма и ударила тяжкою вестью: «война». Менее всего гармонировало это убийственное слово с мирною стенописью. Собрались, обсуждали, каждый высказывал свои соображения, которые обыкновенно не оправдываются. Вместо росписи всего храма пришлось ограничиться одною алтарною апсидою с пилонами и надвходными арками. С трудом нашли места в вагоне. Все дороги были запружены войсками. Хотя школьные занятия и начались вовремя, но всюду сразу почувствовался сложный темп. Таков был 1914 год.

В следующем году - выставка искусства союзных народов и основание мастерских для увечных воинов. Казалось бы, в эти мастерские попадали совершенно случайные, неподготовленные люди, что называется, «от сохи». И тут под гром пушек ещё раз пришлось убедиться в несказуемых дарованиях русского народа. Когда изделия этих мастерских были выставлены, то произошло даже недоразумение. Некие скептики начали уверять, что это работы не инвалидов, а каких-то вполне подготовленных прикладных художников. Помню, как обиделись этим руководители наших мастерских, ибо они искренне гордились успехами таких особенных учеников. И с каким восторгом работали инвалиды! Верилось, что эти семена, в них заложенные, дадут прекрасные ростки.

И ещё одно качество русского народа, которое так поражало меня. Среди увечий и болезней всегда находились и шутка, и песня, и самое душевное настроение. Приходившие посетители полагали найти скорбную атмосферу, проникнутую стенами, а вместо этого попадали на дружную работу, пересы-

панную шутками и прибаутками. Из школы стали исчезать многие ученики. Послышалось о смертях и о подвигах; сколько самых отборных, подававших надежды молодых художников не вернулось с поля. Говорили, что такой войны больше не будет, что подобное человеческое безумие неповторимо.

Н.К. Рерих. Враг рода человеческого. 1914.

Писалась картина «Враг Рода Человеческого», осуждавшая разрушения исторических городов. Ставилась в пользу Бельгии «Сестра Беатриса». Писались призывы ко всем нациям об охране памятников искусства и науки. А пушки гремели. Думалось, что их рѣв хочет напомнить человечеству о том, что так жить нельзя. Что нельзя безнаказанно разрушать достояние народов, нельзя попираť создания человеческого гения. И не в одних музеях или университетах сохранялись памятники человеческих достижений. В каждом доме была хоть одна замечательная вещь, памятная, старинная. Даже в маленьких библиотеках бывали книги незаменимо редкие, и кто мог счесть все эти народные накопления? А что же будем говорить о человеческом живом таланте, который так часто расточительно уничтожался?

Да, думали, что это было последнее безумие. Надеялись, что впоследствии достаточно будет дружественного обмена мнений. Но вот опять ошиблись. Через четверть века, ровно через четверть века, то есть через целое поколение, вспыхнула эпидемия такого же безумия. И началась эта эпидемия тем же бесчеловечным образом. Опять сброшены бомбы в мирных жителей. Опять потоплены суда, перевозившие мирных путников. Опять разбиты школы и разорваны детские тела. Конечно, эта война не сейчас началась. Уже в 1936 году она стала злобно формироваться. Уже истекал кровью Китай под неслыханно чудовищной агрессией. Уже терзались Испания, Абиссиния... Был длинен список насилий. Были поразительные поводы для пароксизма разрушений. Как часто бывает, главные выстрелы загрели не тогда, когда общественное мнение их ожидало. Будем ли надеяться, что бесчеловечные уроки прошлого от отчасти изменят к лучшему существующее положение? Злобная разноголосица мало ободряет к таким надеждам.

Первое августа 1914 года встретили в храме, первое сентября 1939 года встретили перед ликом Гималаев. И там храм, и тут храм. Там не верилось в безумие человеческое, и здесь сердце не допускает, что ещё один земной ужас начался. Может быть, опять будем работать для Красного Креста. Опять искусство будет напоминать о том, что недопустимо разрушительство, и опять будем надеяться, что хоть теперь человечество поймёт, где истинные ценности и в чём смысл совершенствования человека.

3 Сентября 1939 г. Гималаи

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974.

Н.К. Рерих. Самолёт (Ковёр-самолёт). 1939.

3 сентября 1939 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ОХРАНИТЕЛЯМ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Громы Европейской войны требуют, чтобы опять было обращено живейшее внимание на охрану культурных ценностей. Пакт о таком охранении находится на обсуждении в целом ряде европейских государств и уже подписан двадцатью одной республикой Америки. Конечно, при начавшихся военных действиях уже невозможно ожидать, чтобы какие-то соглашения во время самой войны могли произойти. Тем не менее, деятельность наших комитетов во всякое время должна быть плодотворной. Вспоминая положение охраны культурных ценностей во время войны 1914 года, мы должны сказать, что в настоящее время этому важному вопросу уделено несравненно большее внимание со стороны правительств и общественных учреждений. Без сомнения, работа наших комитетов, благотворно возбуждая общественное мнение в этом преуспевании, оказала своё влияние. Кроме правительственных распоряжений именно общественное мнение является первым охранителем национальных сокровищ, имеющих всемирное значение.

В течение прошлой великой войны мы прилагали посильные меры, чтобы обратить внимание на недопустимость разрушений исторических, художественных и научных памятников. Затем в течение недавних столкновений, как, например, в Испании и Китае, нам приходилось слышать об упоминании и приложении нашего Пакта. Так же и теперь все наши комитеты и группы дру-

зей, которым близка охрана всенародных сокровищ, должны, не покладая рук, не упуская ни дня ни часа, обращать общественное внимание на важность и неотложность охраны творений гения человеческого. Каждый из нас имеет большие или меньшие возможности для распространения этой всечеловеческой идеи. Каждый имеет связи в печати или состоит членом каких-либо культурных организаций, и да будет его долгом сказать повсюду, где он может, доброе и веское слово об охране всего, на чём зиждется эволюция человечества. 24 Марта наш комитет предпринял ряд шагов перед европейскими правительствами, обращая внимание их на неотложность охраны культурных ценностей. Такой призыв, как видно, был чрезвычайно своевременным.

Пусть же теперь каждый сотрудник в культурном деле припомнит все свои связи и возможности, чтобы посылно укрепить общественное мнение, ибо оно, прежде всего, является хранителем мировых сокровищ. Друзья, действуйте спешно!

3 Сентября 1939 г. Гималаи

Рерих Н.К. «Листы дневника» т. 2.М. 1995.

Н.К. Рерих

МЕЧИ

Мечи войны не раз пресекали наши самые лучшие возможности. При начале русско-японской войны обстоятельства испортили поступление семи-десяти пяти моих картин в Русский Музей. За четыре часа до объявления войны вся эта сюита была приобретена для Музея, затем в силу экстраординарных обстоятельств дело оттянулось, а тут подвернулся Грюнвальд с выставкою в Сен-Луи, и в печальном результате все эти картины рассыпались по Америке и Канаде. Тогда же вследствие войны были навсегда отложены полезные реформы Школы Общества Поощрения Художеств. Великая война, в свою очередь, нанесла многие ущербы нашей Культурной работе. Не состоялось осуществление моего проекта Народной Академии Художеств. Не состоялась моя большая выставка, комитет которой уже работал.

Нынешняя война уже в самом начале своём причинила ущербы. Турне нашей выставки по Индии начало протекать в неестественных условиях. "Фламма" должна была прекратиться, ибо даже высылка этого журнала за границу сделалась невозможной. Хотя осенний номер был выслан подписчикам ещё тридцатого августа, но он уже был возвращён с почты со штемпелем, что "сношения прерваны". При таких противоестественных условиях даже самые лучшие и простейшие начинания должны страдать. Когда мы в своё время указывали на всякие препоны, чинимые Культурным делам во время войны и прочих неурядиц, нам говорили, что наши опасения чрезмерны. Говорили, что музеи существуют, театры действуют... Но вот дожили до того, что музеи должны быть отправлены в какие-то подземелья. Университеты закрываются. Многие театральные постановки, наверное, отменены, хотя среди военных мер кинематограф едет на фронт. Некоторые люди ещё пытаются заявить, что вся Культурная работа нисколько не умалена военными обстоятельствами. Такое заявление, по меньшей мере, будет фарисейским. Военные обстоятельства прямо или косвенно вторглись во всю жизнь. Несмотря на запреты, жизнь дорожает, культурная промышленность сократилась, появились

новые орды безработных. Среди всех этих бед появилось ещё одно лицемерие - все тайные враги Культуры нашли новый предлог, чтобы уклониться от всякого участия в просветительных делах. Эти тайные враги Культуры подчас даже страшнее врагов явных.

[1939 г.]

Архив Музея Рерихов, Москва

4 сентября 1938 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ВПЕРЁД

Не будет ли каждое воспоминание зовом "назад"? Не остановит ли оно поток продвижения? Не будет ли оно запрудой для течения новой мысли? Если воспоминание может остановить и преградить продвижение, то лучше и не ввергаться в эти бывшие области. Только то хорошо, что может исправить заблуждения и вдохновить к новым исканиям. Среди груд воспоминаний прекрасны лишь те, которые научали быть молодым, сильным, неутомимым. Сделанное нами ранее нельзя любить, ибо оно было несовершенно. Если же кому-то подумается оно совершенным, то пусть покажет он врачу засорившийся глаз свой. Нет беды в том, что прежде сделанное окажется несовершенно. Если оно представилось бы окончательным завершением, то прервался бы путь прекрасных исканий. Не убоимся того прошлого, которое насыщено примерами для будущего. В каждой неудаче уже заложен урок усовершенствования. Иначе к чему сказано: "Благословенны препятствия, ими мы растём". Не сожалеть надо о прокисшем молоке, но и его полезно использовать.

Синтез заповедан во всём. В нём преподано значение сотрудничества и содружества. Специализация полезна, если она служит синтезу. Не может возгордиться один член тела человеческого. Даже самый из них деятельный может существовать при наличии других. Синтез, сложение сил, ведёт вперёд. В таком приказе звучит Беспредельность. В ней не может быть поражения. В ней не будет нелепых делений. Не будет рас, классов. Наконец, в ней не будет поколений. Поколения обозначаются там, где ветхость или юность. Но мысль безвременна. Мысль о благе, о знании, о красоте не может быть ветхой. Всякая ветхость даст смрад и гниение и может быть легко распознана. И злоба, и ненависть, и человекоубийство не принадлежат к передовым достижениям. "Вперёд, вперёд", - в этом стремительном приказе далеко позади остаётся всё смрадное и ненавистное. Если же найдётся и нечто старинное - оно будет обновлено пониманием нетленно прекрасного. О красоте мыслит тот, кто непреклонно вперед устремляется. Он хочет и лететь, и творить, и приобщиться к общему благу. В самости нет простора, нет полёта к обновлению. [*"Per aspera ad astra"* («Через тернии к звёздам» (лат.) – ред.).

4 Сентября 1938 г.

Н.К. Рерих "Зажигайте сердца". М. 1975 г.

Руины Варшавы. (Фото 1939 г.)

Н.К. Рерих

ЗАБОТА

Разрушена Варшава. Погибли тысячи мирных жителей. В старинном городе было немало зданий, хранивших в себе исторические воспоминания. Немало было художественных собраний. В домах хранились семейные реликвии музейного значения. Радио передаёт, что весь город в развалинах. Вина лежит и в защищавших, и в нападавших. Положим, что защитники города оправдываются тем, что они ожидали помощь от союзников, которая не пришла. Подумали ли нападавшие о неповторимых исторических, художественных сокровищах - не знаем. Вспоминается, что во время Египетской кампании Наполеона при войске находилось несколько учёных, которые помогли охранить некоторые памятники. Все знаем об открытии Шампольона, которое оказалось ключом к дальнейшей египтологии. Этот пример невольно вызывает вопрос: имеются ли и теперь при армиях учёные-эксперты, которые тут же на месте могут подать совет об охране культурных сокровищ. Если Наполеон мог подумать о сотрудничестве учёных, то ведь сейчас тем более можно бы установить такой учёный совет при войсках. В Данциге волею судеб уцелела Артусова зала, а в Варшаве исчезли многие народные сокровища. Вспоминаем не только о музеях и исторических зданиях. В каждой семье имеются родовые художественные предметы. Приходилось наблюдать, как такие предметы оказывались семейным средоточием. Иногда одна такая реликвия уже объединяла людей, которые иначе недружелюбно разбежались бы. Говорить об охране народных сокровищ как будто уже должно стать тавтологией. Но вот мрачная действительность ещё раз доказала, что эти заботы насущны. Невозможно подвергать исторические города современным разрушительным осадам. Пусть геройские подвиги проявляются вокруг крепостей, которые и созданы для военного применения. В прошлую великую войну русские войска, оказавшие чудеса храбрости в крепостях польских областей, добровольно отошли от Варшавы, дабы не подвергать город опасностям разрушения. К сожалению, этот пример не оказался достаточным для современного положения дела. И защитники и нападающие одинаково должны понимать, что исторические города не должны быть местом битвы. Если бы при армиях находились учёные комитеты экспертов, то многое могло быть спасено. А спасти народное достояние необходимо.

[1939 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г. (Из архива МЦР)

Н.К. Рерих

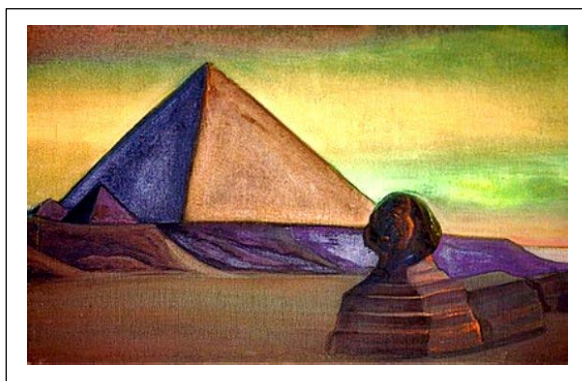
ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ

Из Парижа пишут: «У нас был Раймонд Вейсс, директор юридического департамента Института Кооперации, который полностью подтвердил сведения о германском давлении на второстепенные государства в целях заставить их отклонить Пакт». Чудовищно слышать, что могут находиться препятствующие в деле охранения творений гения человеческого. Помним, что во время последней международной конференции Пакта среди тридцати шести стран, единогласно поддержавших Пакт, не прозвучали голоса представителей Германии и Англии. С тех пор произошли в мире многие события, к сожалению, вполне подтвердившие неотложную насущность Пакта. Мы удивлялись, слыша, что некоторые голоса не прозвучали при обсуждении этого, казалось бы, близкого всему человечеству предмета. Если даже некоторые люди по каким-то своеобразным соображениям не желали присоединиться к единодушному решению, то ведь непозволительно даже не участвовать в обсуждении. Правда, нам приходилось слышать, что главным препятствием для некоторых государств было, что идея Пакта исходила от русского.

Мы достаточно знаем, как для некоторых людей, по какому-то непонятному атавизму, всё русское является неприемлемым. Не сказать ли примеры? Также мы слышали от некоего компетентного лица, что дуче [Бенито Муссолини – ред.] охотно занялся бы Пактом, если бы идея была предоставлена ему, чтобы исходить исключительно от него. Среди огромного количества корреспонденции, связанной с Пактом, можно найти многие любопытные показания. Из таких же своеобразных соображений Джилберт Мэррей затрепыхал против Пакта и получил отповедь в парижской газете "Комедиа". Во время трёх международных конференций и всяких обсуждений мы находились в Гималаях или в глубинах Азии, и только почта, иногда очень задержанная, доносила к нам разнообразные сведения. Поучительно было видеть, как люди делились на способствующих и препятствующих. Способствующие были не эгоистами, а около препятствующих всегда крутились какие-то личные соображения. Ох, уж эти человеческие документы! Ох, уж эти лукавые улыбки и кинжалы под плащом! А в мире творится такое, что ни жизнь человеческая, ни памятники искусства и науки уже не находятся в безопасности. Удвоим усилия на охранение Культурных ценностей!

(1939 г.)

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

Н.К. Рерих. Египет. 1939.

ОКТАБРЬ

19 октября 1938 г.

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф.

19 октября 1938 г.

Дорогой Павел Федорович!

Спасибо за письмо Ваше от 9-го. Радуемся, что Вы держитесь крепко за Вашу работу, – именно её нужно углублять и расширять по возможности. Странно, что новая грамматика Поппе уже распродана, ведь она вышла совсем недавно в этом году и вряд ли такое специальное издание могло быть сразу распродано. У Поппе были ещё две грамматики 1931 и 1932 [гг.], но в данном случае мы говорили о новейшей, только что вышедшей. Интересно, что посланная Вами ЗЕЛТА ГРАМАТА дошла по назначению. Может быть, при случае Вам удастся ещё послать не только её, но и книгу Всеволода Иванова. Весьма сожалею, что, как Вы пишете, хулителем оказался не кто иной, как Гущик. Подумайте только, мне он пишет: «Дорогой Учитель», а в то же время за углом произносит хулу и клевету. Жаль видеть, когда способный человек допускает такую мрачную некультурность в своих действиях. Если бы мы знали точнее все его выходки и кривотолкования, мы могли бы ещё более вооружить Вас фактами. Если этот клеветник уже нашептывал Вам один раз, то весьма возможно, что он пожелает продолжить эту же свою мрачную деятельность, и Вам не мешает быть в такой готовности, чтобы немедленно дать твёрдый отпор. Одно дело, если клеветают какие-то гангстеры, а совсем другое, если в ту же грязную бездну ввергается способный русский писатель. Спрашивается, к чему Гущик портит свой собственный путь. Вы пишете, что он Вам показывал письмо Елены Ивановны, в котором она писала ему о мракобесии Ивашки Шаховского (очень хорошо, что он не родственник нашим Шаховским). Какие же отрицательные выводы можно извлечь из этого письма, которое, по Вашим словам, было для Вас очень поучительно. Что же в нем было сказано худого обо мне, а ведь брань мракобесов для нас всех является лучшей похвалой. Вот в Харбине целая банда яп[онских] наймитов вроде Василия Иванова, Юрия Лукина, епископа Виктора, Аристарха Пономарева клеветает ценою на все тридцать сребреников. Когда же русское дело освободится от всех этих невежественных мракобесов! Мы были рады, что Вы встретились с Яковым Шаховским. В одном он ошибся – к военному делу тяготел всегда Юрий, а не Святослав. Так радостно, когда встречаются хорошие люди. Радуемся, что и Ваша группа работает, и вполне естественно, что Вы не допускаете туда таких типов, как Гущик. Была ли привезена с острова Сааремаа моя картина в Таллинн, о чём давно писал Кайгородов, но с тех пор мы ничего более об этом не слышали. Итак, крепко держитесь за Ваше теперешнее дело и трудитесь во имя просвещения и правды. Сами видите, как гангрена происходит в Европе, поэтому будьте во всём осмотрительны. Привет Вашей супруге. Духом с Вами.

Н.Рерих

Архив П.Ф. Беликова

20 Октября 1939 г. Гималаи
Н.К. Рерих

СПАСИТЕЛЬНИЦЫ

Н.К. Рерих. Ведущая. 1932.

Лет тридцать тому назад один антиквар прислал мне на просмотр фламандскую старинную картину с совершенно необычным сюжетом. Вдали виднелся средневековый город, а на первом плане целая толпа женщин шла, высоко подняв свои одеяния. Оказывается, картина изображала некий эпизод из осады города, когда защитники уже отчаялись в успешности, а женщины вышли в этом виде, желая устыдить неприятеля. История уверяет, что этим порядком город был спасён. Таково понимание о спасительницах. Несколько подобных же вариантов было запечатлено и в литературных произведениях. Но совсем другое передают нам из недавних событий в Индии.

В один памятный день предполагалось предотвратить вход в общественное учреждение, которое своею непрерывившейся деятельностью нарушало торжественность часа. И вот в воротах этого учреждения появилась молодая девушка и со сложенными молитвенно руками встала неподвижно, заграждая вход. Никто не дерзнул пройти сквозь эту благородную стражу. Конечно, не замедлил появиться мотор с блюстителями порядка, и мужественная спасительница входа была увезена. Но не успел скрыться мотор со своею добычею, как на этом же месте появилась в той же молитвенной позе другая девушка, и опять никто не посмел нарушить этот бессменный дозор. И вторая героиня была увезена, но на её место нашлась третья самоотверженная защитница... Какая утончённость и возвышенность мышления сказывается в таком вдохновенном дозоре!

Увы, какие-то моторы или копыта не остановятся перед такою духовною преградю, но найдутся и те чуткие души, которые преклонятся перед молитвенно неприступною защитю. В наши дни, когда приходится узнавать о невероятнейших и грубейших злоухищрениях, странно и вдохновляюще было слышать простой рассказ о девушках-спасительницах. Вивекананда говорил, что пятьдесят женщин совершат то, что не под силу будет пятидесяти тысячам мужчин. Высокая правда выражена в этих словах. Не все поймут её, и кто-то загопочет, представляя себе, как будут уничтожены эти спасительницы механическими ухищрениями злобы. Пример тому можно находить на страницах ежедневных газет. Но пути правды несказуемы. Очевидность - одно, и дей-

ствительность - другое. Именно она слагает эволюцию. Слава самоотверженным спасительницам!

20 Октября 1939 г. Гималаи

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2.

21 Октября 1939 г.

Н.К. Рерих

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Превозмогаю невралгию. Читаю старых друзей - Бальзака, Анатоля Франса, письма Ван Гога. Светик правильно замечает, что в его письмах нет ничего ненормального. На него нападали отдельные припадки безумия. Да и было ли это безумием или же протестом против окружающего мещанства? Ван Гог был у Кормона. Там же побывали и Гоген, и Тулуз-Лотрек, и Бернар. Не испортил их Кормон.

Перечитываю былины в новом московском издании с отличными палеховскими иллюстрациями. Народ познал свои сокровища. Замечательна былина о Дюке Степановиче, где сопоставляется богатство Галича с Киевом. Выходит, что Галич много превосходит Киев и зодчеством, и товарами, и всем великолепием. Добрыня принял портомойницу за матушку Дюка - в таком богатейшем наряде она была. Впрочем, и в "Слове о полку Игореве" превозносится богатство и мощь Галича. Старое достояние Руси.

Вот опять русский народ объединён с Галицкой старинной областью. Наверно, произойдут раскопки. Ещё что-нибудь замечательное выйдет наружу. Показания былины о Дюке и "Слова о полку Игореве" недаром устремляют внимание к галицким взгорьям. И Угры и Болгаре имели причины стремиться в этих направлениях.

Любопытно, кто первый направил палеховцев и мстерцев в область былинной иллюстрации? Счастлива была мысль использовать народное дарование в этой области. Помню, как на нашем веку этих даровитых мастеров честили "богомазами". Впрочем, тогда ухитрялись порочить многие народные достояния. Доставалось нам немало за любовь к народному искусству. Правильный был путь наш. Не пришлось с него сворачивать.

И Настасья Микулична - величественный образ русского женского движения - давно нам был близок. Характерно женское движение в русском народе - в народах Союза. Выросло оно самобытно, как и быть должно. Женщина заняла присущее ей место мощно, как поленица удалая. Радостно читать, как индус пишет о своём пребывании в землях Союза. Народы волею своею показали здоровое, преуспевающее строительство. Как вспомнишь об это историческом строительстве, и невралгия полегчает. Привет народам Союза! Привет Родине!

21 Октября 1939 г.

Из литературного наследия, М. 1974

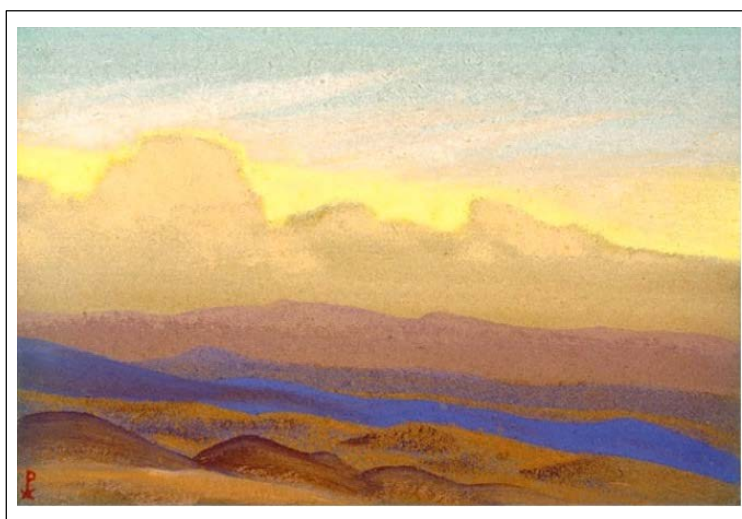
«И Настасья Микулична - величественный образ русского женского движения - давно нам был близок...»

Н.К. Рерих. Настасья Микулишна. 1938.

*22 Октября 1939 г.
Н.К. Рерих*

МИРАЖИ

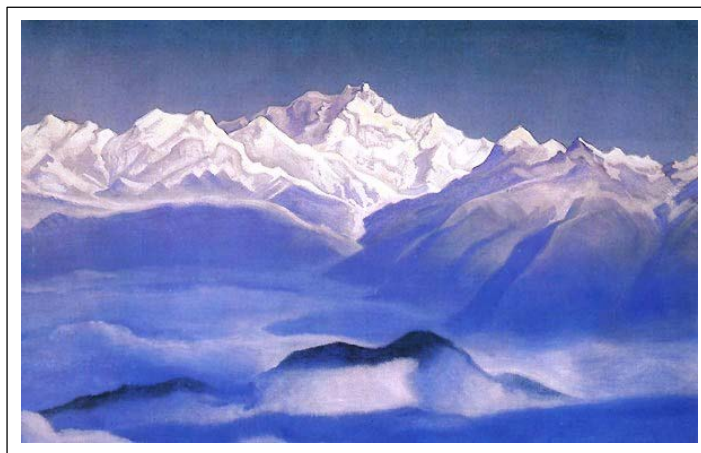
Н.К. Рерих. Пустыня. 1938.

Стоянка была в открытой безводной пустыне. За барханами раскинулись приветливые миражи. Небывалые светлые озёра, рощи деревьев, даже точно бы виднелись стены жилья. Врач экспедиции, прежде не выдавший миражей, негодовал: «Зачем ночевать среди песков, когда в полутора верстах и вода, и топливо, и даже жильё!» Уговоры не подействовали, и наш спутник зашагал по песчаным кочкам к призрачному озеру. Часа через три он вернулся сердитый и молча заперся в палатке.

Сколько миражей! И какие привлекательные! Много опыта надо иметь, чтобы отличить очевидность от действительности.

Много неожиданностей и не в пустыне. На Ладожских островах мы пустились бродить. Кружили долго. Любовались скалами, вереском, елями, соснами, чудесными заливами. Наконец увидели заманчивую скалу и решили влезть на нее. Карабкались с трудом и предвкушали за вершиною новые дали. Вошли, преодолели и оказались перед кухней нашего дома. Тоже своего рода — мираж.

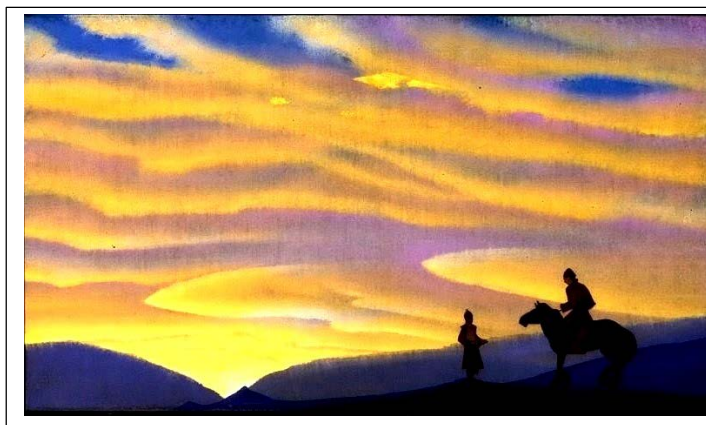
И сейчас вокруг нас вершины, подле которых Монблан окажется карликом. На многие островерхние зубцы не всходил человек. Вот бы взобраться! Но знаем окрестности. Знаем, что с вершины увидим давно знакомые долины, к которым ведут удобные дороги. Но найдутся и те вершины, откуда откроются новые всходы, и стоит преодолеть их и не пожалеть сил.

Н.К. Рерих. Гималаи. (Голубые горы.) 1939.

В Трансгималаях иногда с перевала открывались бесчисленные вершины, всё в блеске снегового убора. Глаз уже не мог охватить строения этого каменного океана. Кто знает, где явь и где мираж? Узкою тропой проходят путники. Вожатый каравана не даёт удалиться в непроходимый лабиринт.

Изумляясь несказанному великолепному разнообразию вершин, вы уже готовы признать все вероятия. Ночью, когда полыхает Гималайское сияние, вы готовы к любой сказке. Но нет больших сказок, нежели сама жизнь.

Н.К. Рерих. Голос Монголии. 1937.

Среди скал через самый стан медленно проходит серна со своим малышом. Не спешит, её ещё не научили страшиться. На гребнистой вершине чётко выступают очертания каменных баранов с огромными рогами. Не бегут. Охотники опускают ружья и любуются.

За миражами достигнем и явь. За сказкою будет действительность. Доверчиво пройдём через станы по пути к новым вершинам. Там услышите сказание о Шамбале.

22 Октября 1939 г.

Рерих Н.К. Из литературного наследия М., 1974

Н.К. Рерих. Святейшая Тангла. 1939.

24 Октября 1939 г.

Н.К. Рерих

ВСТРЕЧИ

Одна писательница после целого вечера расспросов, прощаясь, горестно заметила: «А самого-то главного и не сказали». Правда, не сказано самое главное. Да и как его скажешь? Одни засмеют. Другие вознегодуют. Третьи и не выслушают! Записать бы для пьесы, для фильма. Но как уложить всё разновременное, разноязычное? Как-то следовало бы сделать. Нужно и время найти, и затворить уши на день сегодняшний. Нелегко это.

Уж на что уединились. У последней почтовой станции. На границе Тибета. Тут-то бы и собрать всё «самое главное». Но мирские неурядицы и сюда достукиваются. И здесь ждутся газеты. И сюда спешат передать радио, со всеми его выдумками. Долетают телеграммы - теперь уже с цензорскими разрешительными пометками. Может быть, кое-что и не доходит. Где-то друзья негодуют о неполучении ответа, а их весть где-то застряла в цензуре.

Неурядицы всюду. И помочь нельзя, и мыслями собраться невозможно. Чувствуешь, как многое где-то выходит рыбьим хвостом. И черепки дребезгом своим заглушают «самое главное». Не повторится оно. Искры его тухнут в тучах пыли. Неужели не удастся запечатлеть? Только подумать, какие чепуховые причины мешали собраться и записать. Не всё и записать можно. Каждый день

даёт своё разрешение и своё запрещение. Многие записи порывались. Ещё на днях сожгли целые корзины рукописей. И то не ко времени, и это не к месту. Но с годами уходят подробности, уже не схватить их. Основа не только не тускнеет, но даже укрепляется в памяти!

Уже если в горной глуши не собраться, то где и когда? А самое главное, самые ценные встречи замечательны своею потрясающей неожиданностью, своею убедительною несравнимостью. И на людной улице столичного города, и в толпе музейных посетителей, и в банке, и в гостинице, и на горной тропе, и в шатре, и в юрте... Где только не были те встречи, которые преображали жизнь. И скажешь ли это «самое главное» проходящим? И найдёшь ли слова, которые удовлетворят, перечитывая?

Смута мира кипит. Нет таких гор, куда бы не достиг стон убиенных. Как же сказать «самое главное»?

24 Октября 1939 г.

Рерих Н. К. «Листы дневника». М.: МЦР, 1995. Т.2

30 Октября 1939 г.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«...Наш эпизод, длившийся без малого год, становится лишь одним из показателей современной «цивилизации», быстро утрачивающей всякую человечность»...

ПРОПУСК

Дело с визами причинило нам не только бесчисленные хлопоты, но, больше того, оно нанесло неизгладимый вред для наших просветительных учреждений. Всё визное дело и само начало его было несказанно безобразно. Весною 1930 года мы возвращались из Нью-Йорка в Индию, где в то время была Е.И. Обратились к британскому консулу в Нью-Йорке, он как-то странно замаялся и предложил нам, раз мы едем через Европу, взять визу в Лондоне. Мы последовали консульскому совету, но когда прибыли в Лондон, то нам в Министерстве Иностранных Дел сказали, что виза нам вообще не будет выдана. Тут-то и началось памятное визное дело. Семнадцать государств хлопотали о выдаче нам визы. Необоснованный отказ вызывал всеобщее справедливое возмущение. Один дипломат передавал, что на обеде в Букингемском дворце старшина дипломатического корпуса воскликнул: «Всё-таки это дело более чем странно!», и все поняли, что имелось в виду наше визное дело. Кроме иностранных правительств и лучшие английские представители много раз посетили улицу Даунинг с самыми сильными заявлениями. Так, в одно время там побывали герцог Соммерсетский, кардинал Бурн и архиепископ Кентерберийский, лейборист Тревельян... Писали Гордон Боттомлей и Гальсворти... Хагберг Райт, директор Лондонской библиотеки, написал своему правительству чрезвычайно сильное письмо, заканчивая его словами, что он надеется, что «разум возьмёт верх». Масарик нам сообщал: «Джентльмены, мы наткнулись на Альбион». Дело о визе нашей так разрослось, что его возили по коридорам Министерства в тачке. Наконец я спросил определённо, когда будет выдана виза. Нам ответили, что она выдана не будет (опять-таки без всяких объяснений). Я спросил: «Это окончательно?» И господин в жёлтом жилете отве-

тил, низко поклонившись: «Окончательно!» Тогда я сказал: «По счастью, в мире нет ничего окончательного».

Наш друг, французский посол Флорио, разразившийся целой нотой по поводу наших виз и имевший об этом целые длительные словопрения с британским правительством, посоветовал нам возвращаться в Париж, тем более, что Президент Думерг назначил нам аудиенцию. В Париже продолжалась эта война на ставку крепости нервов. Некоторые эпизоды её, несмотря на трагизм, были даже забавны. Так, когда шведский посол граф Эренсверг сделал своё представление по нашему делу, ему было сказано, чтобы он не беспокоился, так как и посильнее Швеции державы не имели успеха.

Ввиду болезни Е.И. наши французские друзья посоветовали нам ехать в Пондишери, откуда было всё же ближе до наших Гималаев. Перед нашим отплытием из Марселя мы дали телеграмму британскому министру Гендерсону о нашем отъезде в Пондишери, на что он телеграфировал нам, что это «принято во внимание». Кроме французской визы во все пять французских владений в Индии мы запаслись ещё португальской визой в Гоа и в португальское селение около Бомбея. Британский консул в Пондишери был чрезвычайно встревожен нашим приездом, тем более, что по местному обычаю приезжие в Пондишери имели возможность посещать и Мадрас. Британский консул озабоченно спрашивал нас, что мы будем делать, если виза всё же не будет выдана. Мы сказали, что приобретём имение в Пондишери, а затем будем ездить во французский Чандранагор (в 20 милях от Калькутты), в Гоа, в Каракал и в другие места, согласно нашим визам. Наши сожители по гостинице в Пондишери уверяли, что на деньги, потраченные на одни телеграммы, можно выстроить целый большой дом.

Визное дело началось необъяснимо безобразно, но и также необъяснимо вдруг закончилось. После месяца пребывания в знойном Пондишери мы в одно прекрасное утро на площади увидели чапраси (служащего) британского консула, бегущего к нам, махая какой-то бумагой. Оказывается, виза от вице-короля. В последнее свидание с нами британский консул удивлённо спрашивал: «В конце концов, скажите, что всё это значит?» Мы отвечали: «Если даже вы не знаете, то, как же нам знать?» Некоторые злые языки поговаривали, что всё то дело устроено нами же для рекламы, настолько непонятен был этот нелепейший эпизод от начала до конца. Но кто возместит потраченное время и огромные расходы, вызванные всеми этими перипетиями? Когда смотрю на толстенную папку нашего визного дела, то даже невероятно бывает вспомнить все вреднейшие человеческие попытки пресечь культурную работу. Но с тех пор в мире произошло столько всяких злостных ухищрений, что наш эпизод, длившийся без малого год, становится лишь одним из показателей современной «цивилизации», быстро утрачивающей всякую человечность.

30 Октября 1939 г.

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

НОЯБРЬ

*1 ноября 1939 г. Гималаи
Н.К. Рерих*

ПРОДАЖА КИНЖАЛОВ

Много лет тому назад я читал чей-то рассказ о подсовывании кинжалов. Некий человек, присутствуя при ожесточённой ссоре, старался подсунуть враждующим кинжалы. Тогда думалось, неужели могут существовать люди, допускающие такое злокозненное одолжение смертоубийственных орудий? Но вот прошли годы, и мы воочию увидели, как продаются не только наркотики, но и братоубийственные оружия. Вы, мол, деритесь, а мы вам доставим всё необходимое, чтобы вам удалось успешнее посеять семена смерти и раздора. Да, да, да, мы видим, что такое снабжение оружием не только существует, но даже прикрывается учеными терминами вроде строгой нейтральности и пацифизма.

Допустим, что какие-то люди настолько озверели, что они из-за корысти своей будут снабжать всех враждующих оружием. Но действительность ещё мрачнее. Не только происходит снабжение оружием и всякими вредоносными веществами, но в то же время самым ханжеским образом произносятся сладкие слова о мире. Кто знает, может быть, среди этих ораторов о мире найдутся даже и фабриканты оружия и всего того, что способствует войне. Сидя в раззолочённом отеле, улыбаясь за бутылкою шампанского, безопасно говорить о мире, в то же время, заботясь о ковке мечей и о наиболее удобном снабжении ими всех воюющих. Среди падений человечества такое гнусное лицемерие особенно потрясающе. А ведь оно существует, и участники его, улыбаясь, перекидываются гольфными шарами или выезжают на «мирную» рыбную ловлю. Страшно подумать, что такое лицемерие проникло в массы человечества гораздо шире, нежели можно себе представить. Вот говорят о необходимости учреждения особых Министерств Мира. Любопытно, будут ли эти министерства также заботиться о том, чтобы препятствовать распространению наркотиков и всяких смертоубийственных приспособлений? В некоторых странах почему-то не существует министерств народного просвещения. Не нужно ли, чтобы раньше Министерств Мира были бы учреждены министерства народного просвещения?

Прежде чем надеяться на восстановление мира, нужно озаботиться просвещением народа. Не являются ли распространения оружия одним из самых утонченных видов гангстеризма, о развитии которого правильно сетуют некоторые страны. Может быть, просвещение осветит и язвы лицемерия. Мир уже в маске. Неужели должна начаться и лукавая продажа кинжалов?

1 Ноября 1939 г.

Рерих Н. К. Листы дневника М.: МЦР, 1995. Т.2

6 ноября 1939 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

6-XI-39

Добрейший Владимир Анатольевич!

В письме Вашем от 4-го сего ноября Вы спрашиваете о подробностях возможного продолжения Вашей секретарской работы. К сожалению, то, что Вы высказали во время Вашего последнего с нами разговора, что мы эксплуатировали Вас и вообще хотели бы, чтобы все работали на нас даром, и все те недопустимые выражения, которые, к нашему великому изумлению, Вы допустили в отношении Елены Ивановны и меня, предрешили невозможность дальнейшего сотрудничества, как Вы, видимо, и сами это понимаете.

Также Вы сообщили нам, что Ваша помолвка остаётся в полной силе, но невеста Ваша так невзлюбила Индию, что более не вернётся в эту страну. Таким образом, это её решение накладывает на Вас, как мы это понимаем, обязательство найти ту страну, которая бы ей понравилась, и мы в деле Вашей женитьбы никоим образом не желаем быть каким-либо затруднением. Потому мы вполне идём Вам навстречу в выборе Вами новых планов жизни, тем более, что в нынешнее экстраординарное мировое положение и при особо затруднённом финансовом вопросе ни мы, и никто вообще не может давать гарантий за будущее. Потому, например, если бы Вы решили избрать новую страну, которая более отвечала бы Вашей невесте, мы готовы оплатить Ваш личный билет до места, Вами избранного.

Мы знаем, что нет обычая оплачивать содержание во время отпусков частных служащих, и Вам был дан по Вашему желанию трёхмесячный отпуск с сохранением жалованья. Что же касается до разницы в десять дней от 1 октября до 11 октября, т. е. до дня Вашего отъезда в отпуск, то эта разница зачислилась бы в Ваше январское жалованье. Но так как Вы желаете теперь же получить эту разницу, то мы препровождаем её Вам при настоящем письме, что и будьте добры подтвердить.

Конечно, и вопрос о *Фламме*, которая, вследствие военных обстоятельств, прервалась, должен быть решён незамедлительно и денежный остаток и остающиеся №№ журналов должны быть отосланы президенту «Фламмы» Джину Фосдику на его усмотрение. Мы ожидаем Вас в любой день после двенадцати часов, чтобы привести всё в порядок.

Всего доброго.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

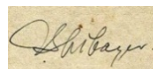
7 ноября 1939 г.

Письмо В.А. Шибяева к Рериху Н.К. (на англ. яз.)

7 Nov - 1939

Doar Prof. de Roerich, Abdul Gani brought your letter of the 6th inst. Early this morning and wants a receipt at once, so I am sending it enclosed.

I shall reply to the other points Of your letter later. Yours very sincerely and respectfully

[В. Шибяев]

Have sent through Abdul Gany some postal articles Which arrived last nigth.

Перевод на русский яз.:

Уважаемый профессор Рерих, Абдул Гани принёс Ваше письмо от 6-го числа сегодня рано утром и хочет немедленно получить квитанцию, поэтому я посылаю её в приложении.

Я отвечу на другие вопросы Вашего письма позже. Искренне и с уважением
[В. Шибает]

Через Абдулу Гани, который прибыл вчера вечером, мы послали некоторые статьи почтой.

Архив Музея Рерихов, Москва.

9 ноября 1939 г. Гималаи

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к членам Латвийского общества Рериха

9 ноября 1939 г.

Доверительно

Дорогие Друзья, получено письмо от Р[ихарда] Я[ковлевича] от 19 октября с замечаниями о сборнике. Сама идея сборника хороша. И если подберётся удачное содержание, то может быть полезный мост культуры. Из телеграммы Вы уже знаете о желании нашем, чтобы мои статьи, выбранные для сборника, были показаны и новым друзьям. Ведь нужно избегать всяких нареканий. Если бы какие-то статьи других авторов, по-вашему, не укладывались в первый сборник, то ведь их легко отложить, не обижая авторов, как бы для следующего выпуска.

Было бы жаль, если первый выпуск оказался бы дисгармоничным. Мы вполне понимаем, что статья Дуцмана [*тяжела*] своими нагромождениями. Не знаем, какая такая статья «Двор», есть ли это имя автора или же это название статьи? В тех случаях, когда самолюбие авторов не позволило бы статью сокращать, то лучше бы её отложить на будущее. Конечно, статьи о балтийском искусстве могут быть вполне консонансны и с другими статьями об искусстве народов. Обращайте внимание на тех из новых друзей, которые хотя бы отчасти отзвучат на книги Живой Этики. Ведь среди них могут такие ищущие души оказаться.

Родной Рихард Яковлевич, теперь очень доверительно, только для Вас, Гаральда, И.Г и близких друзей, которым Вы найдёте нужным при надобности сообщить. Владимир Анатольевич [*Шибает*] едет в Ригу. Но не как наш вестник. Дело в следующем. Уже некоторое время мы замечали в нём резкую перемену, которая доходит до того, что после целого ряда лет принципиального вегетарианства он стал ярким мясоедом. Вместе с тем ярко процвели те черты, которые были у него в зачатках. Вы помните последнюю страницу в «Чаше Востока», строка 10-я сверху – так это и случилось. От книг «Живой Этики» отошёл. Появилась болезненная скрытность и невероятная подозрительность и даже, увы, привирание, и в больших размерах, так же как и поражающая изворотливость. Последние годы обнаружилось устремление к романтическим приключениям и к женитьбе. Началась переписка со многими особами в разных странах. Делалось это через какие-то клубы – мы были совершенно не в курсе происходящего. Кульминировалось всё это, когда в начале октября он неожиданно сообщил, что он женится, уже помолвлен год и невеста его из Америки приехала уже в Индию. Всё было сделано по переписке, никогда он её не видал, и до помолвки он переписывался с нею лишь в течение полугода. Мы

узнали лишь, что она служила тайписткой в Нью-Йорке и была иудейского вероисповедания. Хотя мы были весьма поражены такими неожиданностями, но, конечно, принимая во внимание странности его характера, выразившиеся за последнее время, мы не могли ничего посоветовать, ибо всё было бы принято за оскорбление и насилие. Он получил с сохранением жалованья трёхмесячный отпуск и 11 октября отбыл в ближайшее место, где мог бы быть оформлен брак. Затем мы узнали, что он снял недалеко от нас небольшой дом, несмотря на то, что у него был свой дом, выстроенный в то время, когда он собирался вступить в брак с г-жою Кесберг. На одну ночь он приехал с прибывшей особой в этот дом, а затем мы узнали, к изумлению, что на следующее же утро эта особа отбыла обратно в Америку. Конечно, этот экстраординарный эпизод поразил всех жителей долины. Через несколько дней он пришёл к нам в крайне возбужденном состоянии и заявил, что помолвка его остаётся в полной силе, но что его невеста так невзлюбила Индию, что сюда более не вернется. Затем с его стороны без всякого нашего повода разговор принял непозволительный характер, и он стал обвинять нас в том, что мы его эксплуатировали, и тому подобные грубые и тяжкие нелепости сделали дальнейшее сотрудничество невозможным. Тем более что он не нашёл нужным даже извиниться. Среди разных нелепостей мы узнали, что он создал мою художественную и литературную репутацию в Индии! Прилагаю для Вашего личного сведения копию моего письма к нему, которая выяснит Вам наши последние формулы. Был получен совет от Великого Владыки, что ему нужно уехать, в силу его этой одержимости. Вчера он пришёл и заявил, что он поедет в Ригу повидать родителей, и мы ему даём проезд. Всё это совпадает с самым трудным временем, и он знал о наших финансовых затруднениях. Он остаётся здесь ещё некоторое время, чтобы ликвидировать своё имущество, которое немалое. Среди прочих вещей более полутора тысяч книг, которые везти невозможно, и он будет ликвидировать их здесь. Сообщаем всё это Вам, ибо Вы должны быть в полном курсе дела. Особые черты его характера не позволяли во многом доверять ему. Так, например, некоторые Ваши письма ему не читались, и в таких случаях передавались лишь общие места.

Вот какие дела происходят в Армагеддонное время. Официальная версия отъезда будет, что он уезжает в долгий отпуск, чтобы посетить родителей. В каких настроениях он доедет, трудно себе представить, но злобы в нем сейчас немало. Таинственная неудача в его женитьбе окрасила и все другие отношения в безобразные цвета. «Фламма» прерывается из-за невозможности посылать её за границу. Всё печатное не может быть посылаемо отсюда, хотя из других стран сюда мы получаем свободно. Но отсюда ни печатные материалы, ни деньги не могут быть посылаемы. При первой возможности мы перешлём все остающиеся номера и материалы «Фламмы» Фосдику. Может быть, там захотят напечатать зимний выпуск этого года, ибо деньги на него имеются. Только что мы имели сведения от Фосдика о новых подписчиках, тем более обидно прерывать дело растущее. Но по Армагеддонным обстоятельствам и не то бывает. Пожалуйста, сообщите о причинах перерыва «Фламмы» как местным подписчикам, так и друзьям, с которыми Вы в переписке. Особенно сообщите Е. Инге, чтобы она сейчас не посылала денег для «Фламмы» и не писала на имя Владимира Анатольевича. Конечно, по нынешним обстоятельствам нельзя себе представить, когда явится возможность переслать все материалы «Фламмы» Фосдику, а без них не выйдет. Почтовые трудности

настолько велики, что мне нужно было переслать в Европу две небольших картины, но вот уже два месяца, как невозможно получить разрешение на отсылку двух небольших Гималайских пейзажей. Конечно, такие же всякие трудности ощущаются сейчас в большинстве стран. С какой радостью читали мы Ваше «Братство Св. Грааля». Читали ли Вы книгу о Сен-Жермене Купер-Оклэй, в которой приводятся страницы из дневника маркизы д'Адемар, они очень интересны. Может быть, о них можно было бы включить. Пришло еще 20 копий монографии. Сейчас пока больше не посылайте. Продолжаются очень хорошие отзывы. Можно видеть, как восторженно принимают монографию люди доброжелательные и совсем нам незнакомые лично. Надеемся, что книжные разговоры И.Г. протекают успешно. Так нужно, чтобы это дело было успешно. Всё будет ко благу. Щит Света охранит всех устремлённых к заветам Культуры. Сердечные мысли наши с Вами всеми. Храните в сердце мужество и самое крепкое доверие. Очень ценим каждую Вашу весточку. Сердцем и духом с Вами».

«Елена Ивановна Рерих. Письма». Том VI. М., МЦР, 2006.

14 ноября 1939 г.

Н.К. Рерих

ВРЕДИТЕЛИ

"И зачем врёт человек?" - возмущался Тургенев. А газетчик Амфитеатров, очевидно, зная сущность вещей, говорил: "Хотя об этом и писали в газетах, но оно оказалось правдой".

Чем дальше, тем больше пишется неправды. Иногда так нескладно преподносится, что можно диву даваться - неужели кто-то поверит? Но, должно быть, верят, если эти нагромождения измышлений растут.

Может быть, всё это призраки? Тогда беру хотя бы всё, о нас написанное. Чего только не наврали! И глава Коминтерна, и глава Фининтерна, и перевоплощение Преподобного Сергия Радонежского. Прямо дико становится. Похоронили уже три раза, а может быть, и больше всего не усмотришь. Не только перевирали мои писания, но перепечатывали мои статьи уже без имени... Всего было. Про Елену Ивановну писали всякую ложь. Наконец, сказали, что она "самая опасная женщина в Азии" - вот до какой звонкости доходило. Среди клеветников было немало людей, которым нам довелось добро сделать. Заявлял не раз, что не отвечаю за все, мною не подписанное. Но разве это остановит писак?! Подчас и конца краю не найдёте. Кто мог выдумать, что мы взяли в плен Далай-ламу? Однако это рассказывалось в Париже на большом обеде, и вероятно ерунда поползла по городу.

Обычный совет - не обращайтесь внимания! Мы-то и не обращаем, но люди-то под полою перешептываются и по-своему приукрашают.

Особый вид двуногих - вредители. Что же это за племя? Или особый зоологический вид? Распадаются они на многие секции. Есть вредитель-доносчик или из платной выгоды или из искусства для искусства. Есть вредитель-завистник. Ночь спать не будет, пока не наврёт. Есть вредитель-дурак - и себе навредить готов, лишь бы произнести нечто злобное. Есть и вредитель служебный. Вредительствует по должности. Множество подклассов! Цивили-

зация расплодила этих микробов. Думают, что Культура их изведёт. Но и под Культурою иные понимают разведение бацилл. Смутное время! Повсюду можно находить вредительство всех рангов. А Культура загнана в подвалы, в пещеры. Даже в бюджетах Культура обойдена. А в Культуре - и свет и радость. Так нужна радость!

14 Ноября 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.
(Из архива МЦР).

Н.К. Рерих

НУЖДА

Говорим, что Дягилеву было трудно со средствами, а разве нам самим легче было?! Сколько раз искали деньги на самые необходимые нововведения в школе и частенько ни копейки не находили. Нужен был неотложный ремонт дома и всего-то на пять тысяч рублей. Нечаев-Мальцев сказал Ильину — председателю финансовой комиссии: «Делайте, а деньги найдутся». Все поняли, что миллионер хочет покрыть этот расход. Когда же в конце года Ильин сообщил о перерасходе бюджета на пять тысяч, тот же Нечаев-Мальцев пожевал губами и сказал: «Жаль, значит, деньги не нашлись». И другие пять тысяч нужны были на надстройку мастерской. Никто не отозвался. Наконец старуха Забельская дала эти деньги, усмехнувшись при этом: «Если уж от министров получить не можно, то уж, верно, нам придется раскошелиться».

При возникновении новых расходов Комитет всегда предлагал повысить плату учащихся. Указывалось, что если расширятся мастерские, то Общество имеет право ожидать сочувствия со стороны учащихся, тем более что у нас было шестьсот бесплатных. Действительно, так и было, но менее всего хотелось отягощать учащихся, среди которых было много неимущих. Плата в нашей школе была самая низкая, и эта основа должна была быть нерушимой. Составление бюджета было самым злосчастным днем. Знаешь о всех нуждах, а доходные статьи - не резиновые! Советуют - «прибавьте на художественные аукционы или на выставки». Но такие прибавки проблематичны. Легко приписать ноль, а как его выполнить! А если народ не придет на аукцион или не захочет купить на выставке? Комитет Общества затруднялся иногда выдать стипендию в двадцать пять рублей и делил её на две. Хороша была стипендия в десять рублей! Инспектор и руководитель класса Химона получал сто рублей. Когда же он заболел и я просил Нечаева дать пособие, то получился ответ, что нужда - лишь от неправильного распределения бюджета. Велик бюджет - в сто рублей! Сколько хлопот было, чтобы устроить полуслепому Врубелю нищенскую пенсию в пятьдесят рублей!

Со стороны всё выглядело пышно. Две с половиной тысячи учащихся. Восемьдесят преподавателей. Два дома - на Морской и в Демидовом переулке. Четыре загородных отделения. Превосходный Музей, собранный Григоровичем. Выставки. Высокие покровители, именитые члены, и за всем этим нужда, пресекавшая все лучшие начинания. Бывало, что Комитет спорил долго, кому дать пятнадцать и кому десять рублей. Помню, долго спорили об Анисфельде. Наконец я сказал, что доходы членов Комитета за время спора много превысили обсуждаемую сумму. Анисфельд получил пятнадцать рублей. Ужасна нужда в делах просвещения! Но, несмотря на все стеснения, школа наша про-

цветала. Разительный контраст представляла Школа Штиглица. Превосходное здание, огромный капитал, высокие жалованья, щедрые заграничные командировки - словом, казалось бы, все преимущества! А между тем народ не любил Штиглицевскую школу и предпочитал нашу. Живее было у нас! Никого не зазывали. Объявлений о школе не печатали, а всегда было полно. Преподаватели лишь жаловались на переполнение. Поистине, «трудности рождают возможности».

Когда мы говорили о «Народной Академии», мы опирались на реальное положение. Наше учреждение не входило ни в одно ведомство. Было само по себе, и это очень озабочивало Государственный Совет. Каждый год ко мне приезжал чиновник, предлагая приписаться к любому ведомству. «Куда хотите - или к Императорскому Двору, или к Народному Просвещению, или к Торговле и Промышленности. Куда хотите, но не можем же мы для вас держать отдельную графу - точно особое министерство». Начинались соблазны усиленною пенсией, чинами и орденами. Чечевичная похлебка была заманчива, но того дороже была нам свобода. Всегда я спрашивал соблазнителя: «Если припишемся куда-либо, то ведь оттуда будет прислана программа и придёт какой-то инспектор?» Мне отвечали: «Но ведь это пустая формальность, канцелярская отписка». Но мы были достаточно умудрены, и никакая похлёбка не действовала. Иначе, похлебав, пришлось бы потом расхлёбывать. Правда, наш исключительный устав был для многих бревном в глазу. Григоровичу в своё время удалось провести неподведомственное положение Общества и Школы. Ради этого стоило потерпеть даже и нужду.

[1939 г.]

Рерих Н.К. Листы дневника М.: МЦР, 1995. Т.2

17 ноября 1939 г.
Н.К. Рерих

СУДЬБЫ

Роден только тридцати семи лет был впервые принят на выставку. Через три года он получил медаль третьей степени. Заметьте, третьей степени! Затем последовали общеизвестные скандалы с неприятием его памятников Гюго, Бальзака и Героев Граждан. Кроме того, Роден был обвиняем в том, что он вообще не умеет работать и делает муляжи вместо того, чтобы лепить. Потребовалась целая комиссия испытанных скульпторов, которая, исследовав работу Родена, удостоверила оригинальность искусства великого скульптора. Когда мы были в мастерской Родена, невозможно было представить себе, чтобы этот самобытный, бодро уверенный мастер должен был проходить такие голгофы непонимания.

То же самое происходило и в первый период творчества Пюви де Шаванна. Одиннадцать лет он был непринимем на выставки. Гоген умер накануне ареста, да ведь и Фидий скончался в тюрьме. А судьба Модильяни? Сколько судеб! Говорят, в Париже живёт пять тысяч поэтов, ни разу не напечатанных. Перед многими молодыми захлопнуты двери.

Удивительно подумать, что так называемые Академии в разные века отличались тою же неприязнью ко всему даровитому и выходящему из рамок

обычного. Любопытнее всего то, что эта же странная особенность сказывалась не только в художественных Академиях, но и в научных.

Можно привести длинный список имён, обойдённых Академиями.

Нам могут сказать, что несправедливость Академий по отношению Ломоносова или Менделеева уже отошла в область прошлого. Но как же быть тогда с супругами Кюри, которые ещё не так давно на наших глазах почувствовали на себе типичную академическую несправедливость.

Куинджи трижды не был принят на экзаменах в Академии. Последний раз из тридцати экзаменовавшихся двадцать девять было принято, и единственный Куинджи испытал на себе судьбу многих талантов. И Верещагин не мог поступить в Академию.

Опять-таки допустим, что все эти "памятки" относятся к прошлому. Но как бы сделать, чтобы в новых Академиях, в Академиях будущего такая более чем странная традиция не повторялась? Сейчас празднуется юбилей Российской Академии Художеств. Надо думать, что сложатся такие обновленные традиции Академии, когда путь истинных дарований будет всячески облегчен. Пусть Российская Академия будет истинно новой. Новой - для молодых.

Изумляемся судьбам бывшим. Понимаем все творившиеся несправедливости, но ведь можно себе представить и бережливое отношение к талантам, когда Академии станут не осудителями и гонителями, но утонченными поощрителями и дальнозоркими провидцами тех, которым суждено стать народной гордостью и мировыми ценностями. Судьбы - в руках человечества.

17 Ноября 1939 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г. (Из архива МЦР)

20 ноября 1939 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

20.XI.39

Родные наши, сейчас получена Ваша телеграмма. Очень хорошо, что традиционный день 17-го ноября был отмечен дружеским собранием в Академии. Пусть это будет светлым знаком на фоне мрака и ужаса. Удивляемся, что Джексон за всё лето не удосужился написать мне ни одного письма. Также странно, что вопрос о соглашении тянулся так долго и будто бы не вызвал никаких дополнительных разъяснений. Точно бы кому-то хотелось довести дело опять до крайнего предела. Какой же совет можно подать отсюда, когда на месте всё делается по каким-то непонятным и несправедливым доводам? Может быть, Джексон найдёт какой-то пункт, который должен вызвать дополнительное обследование – investigation? Вы можете представить положение вещей друзьям, ибо трудно сказать, не имеется ли какой-то таинственной зависимости этого дела от дела, которое ведут теперь друзья? Когда мы имеем дело уже не с живыми человеческими законами, а с какими-то лживыми подвохами, то трудно судить, в какой зависимости находятся дела между собою. Конечно, не только крупных сумм, но даже и самых мелких не имеется. И с этой стороны ничего не придумаешь. Но если Джексона не обошли преступники, то он, как местный законник, должен дать какой-либо совет. Ведь он же производил и солидное, и энергетическое впечатление, о чём мы читали. Невозможно же предположить, чтобы в самый последний момент он оказался абсо-

лютно безоружным и индифферентным. Когда он знакомился с делами, то, конечно, он чем дальше, тем больше понимал, что всё это дело, подстроенное преступниками, вызывает и особые меры противодействия. Преступники заручились таинственными покровителями, которые вторгаются и насилуют сферу суда. Невозможно опять повторять всё дело сначала, ибо Вы знаете его так же, как и мы, а местами даже лучше нас, ибо всё время жили в Нью-Йорке, тогда как мы находились в таком далёком отсутствии, что долгое время даже бывали вне возможности почтовых сношений. Но по-прежнему остаётся странным, где же экспедиционные суммы, данные американскими учреждениями, о чём широковещательно писалось и печаталось?

Неужели же не бросается в глаза, что Хорш оперирует какими-то резиновыми суммами? Если поверить ему, то он дал 1117000 долл[аров] на Учреждения, как он сам сообщил в report'e к Хорнеру. Затем он уверяет, что купил картин на 150000 долл[аров], требуя с меня какие-то мифические 200000 долл[аров], и, кроме того, бесстыдно заявляет, что его письмо от 8-го дек[абря] 24-го года касалось каких-то совсем других сумм (и, вероятно, не менее значительных). Сложите теперь все эти хоршевские фабрикации и посмотрите, какая нелепая резиновая цифра получится. Наконец, когда-то должно это потрясающее обстоятельство броситься в глаза. Неужели же Плаут не мог спросить, к каким именно обоснованным цифрам относится письмо Хорша? Вы ведь помните, что Хорш вначале пытался не признать свою подпись, а затем внезапно выдумал новую ложь, что это письмо касается каких-то других сумм. Чем дальше, тем больше бросается в глаза какая-то неслыханная, вопиющая несправедливость. В одном из своих писем Стокс именно так и выражается о неслыханной несправедливости. Но в каком же мире мы живём, где возможны такие ужасы попрания всякой нравственности? Конечно, может быть, и Джаксон Вам скажет, что не желает утруждать себя изысканием каких-то новых и действительных путей; по нынешним временам всего ожидать можно. Судя по газетам, многие дела тянутся десятками лет, и в это время изыскиваются новые соображения и доказательства. Мы сами неоднократно читали о таких делах. Но в нашем деле – всё необычно. Никто даже не интересуется новыми доказательствами. Спрашивается: сумеет ли Дж[аксон] веско ответить на клевету "Сена", или же он какою-то индифферентностью даст лишь повод ещё раз повторить и углубить все злобные наветы? Мы писали Вам в сентябре, прося, чтобы ввиду цензурных условий не посылать сюда длинных легальных бумаг, но ведь это не значило, что Дж[аксон] мог бы запросить нас кратким, но содержательным письмом о некоторых, вероятно, неясных ему пунктах. Ведь всё дело так ясно и так просто, что лишь злая воля может так нагло извращать истину. Итак, может быть, или Дж[аксон], или друзья найдут какое-то обстоятельство, которое даст возможность новых изысканий? Всё так нелепо вокруг этого дела; так, например, Рокфелл[еровский] Институт уверял Вас о том, что у них никаких следов петиций наших Учреждений не было. Но у нас нашлись копии этой переписки, и мы Вам их послали. Остаётся подумать, что кто-то скажет, что и копии эти ненастоящие. Имеются ещё письма Уоллеса, но для кого они представляют интерес?

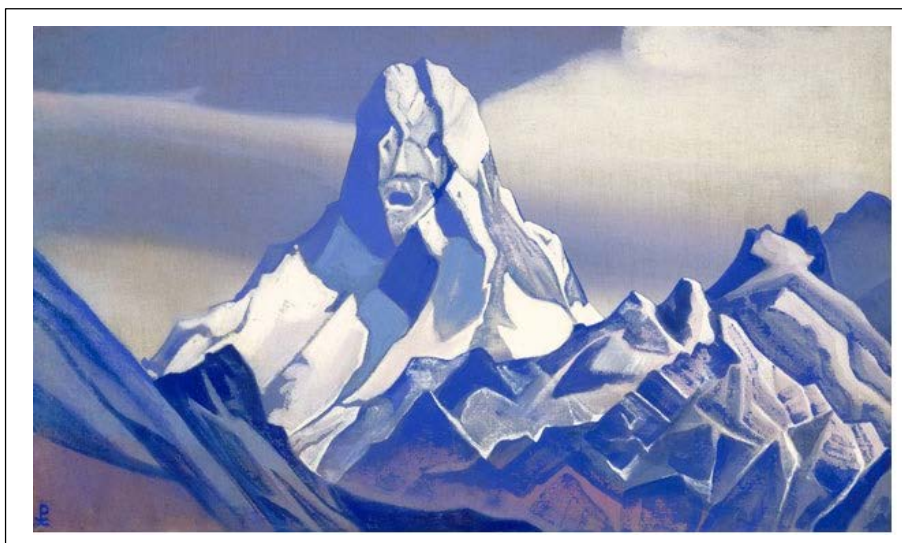
Казалось бы, наступающий год для кого-то является решительным, но где же те люди, которые могли бы заинтересоваться? Никаких Золя не нашлось. Впрочем, о чём говорить, в местной газете мы читали на первой странице торжественное благовещение с восстановлением Алькапоне и о его

водворении в его роскошной вилле. Военные обстоятельства отражаются на всём. Многие из-за них откладываются и видоизменяются, но, по-видимому, и в этом отношении наши дела находятся в особом положении, и ничто не принимается в расчёт, и все даже служит на пользу врагов. Казалось бы, за последнее время и Вы имели несколько дружественных контактов, которые доказывали, что в Америке находится много не выявившихся, но благорасположенных друзей. Deposition, сделанная нами у консула, совершенно ясно говорит о нашей безусловной правоте. Неужели же эта заверенная официально deposition вообще не принимается во внимание? Если клерк невнятно её читает на суде, то ведь копия её имелась у адвокатов, и они могли выдвинуть наиболее значительные обстоятельства. В мире так многое делается, иногда под видом, малопонятным людям, совершаются большие подвижки. Складываются новые отношения, и с этой стороны много хороших знаков. Неужели же по неумению или индифферентности адвокатов могут происходить такие вопиющие несправедливости и даже, вернее, какие-то организованные преследования? Вот уже истина, что путь Культуры - путь Голгофы. Остаётся написать книгу об этой Голгофе под названием "Правда", пусть она пройдёт по миру и устыдит тех, кто вольно или невольно вбил гвоздь в возвеличение преступников и грабителей. Не нужно ли ещё каких-либо от нас данных, показаний и удостоверений? Может быть, адвокатам приходит в голову какое-то новое соображение? Хотелось бы в отношении Америки закончить письмо чем-то ободрительным. Это ободрительное может заключаться лишь в новых друзьях, они имеются, и, может быть, в новом удачном помещении будут завязываться полезные соотношения.

Последние Ваши известия о Джеконе были благоприятны для соглашения - в чём же дело? А тут и почтовые сообщения становятся так затрудненными! Хотелось бы и Вам, и всем друзьям нашим высказать наши сердечные чувства, чтобы Вы почуяли, как дух наш устремлён к Вам, понимая всю Вашу тяготу, но нет светлого достижения без устремленного труженичества. Храните мужество, переживём и это.

Рерих

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

Н.К. Рерих. Дозорный (Ледяной сфинкс). 1938.

25 ноября 1939 г.

Н.К. Рерих

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Реализм есть отображение действительности. Казалось бы, чего проще. Между тем, какая же это будет действительность? Реализму противопоставляется натурализм. В этом заключается как бы желание подчеркнуть особые качества реализма. Должно быть, авторы этих формул хотят подчеркнуть, что натурализм есть слепое подражание природе, тогда как реализм выражает сущность действительности. Говорят, что портрет реален тогда, когда он изображает не случайный какой-нибудь аспект лица, но именно когда он отображает сущность характерную и убедительную. В последнем слове и заключается различие между глубоким осмысленным реализмом и случайно поверхностным натурализмом. В реализме непременно будет участвовать истинное творчество, тогда как натуралист будет рабом случайного миража. Из реализма будет рождаться здоровое развитие искусства, тогда как натурализм приведёт в тупик. О качествах настоящего творческого реализма следует глубоко подумать, чтобы молодёжь не осталась в каком-либо заблуждении. Натурализм пренебрегает композицией, тогда как реализм не исключает такого творческого начала. Композиция должна быть воспитываема в художнике. С самых первых своих шагов в искусстве молодой художник должен развивать в себе эту способность. Наряду с мастерскими, в которых преследуются этюдные задачи, должны происходить беседы о композиции. Они не должны оставаться в пределах словообмена, но должны закрепляться сочинением эскизов. Молодёжь должна запасаться такими эскизами. Существует заблуждение, что раньше человек должен законченно научиться рисовать и живописать, а уже потом думать о композиции. Забывается, что нет предела мастерству рисования и живописания, и никто не может дерзнуть утверждать, что он этому уже вполне научился. А кроме того, может случиться любопытнейший внутренний процесс, который захлопнет навсегда вход в композицию. Можно наблюдать, что многие, которые сизмальства не потянулись к эскизам, утратили эту способность. Всё должно быть воспитываемо и образываемо. Нельзя думать, что какие-то совершенства упадут с неба в готовом виде. Также и понимание истинного убедительного реализма не приходит сразу, а будет синтезом множества прозорливых вдохновений.

25 Ноября 1939 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

27 ноября 1939 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. Рериха в Америку

27.XI.39

Родные наши, мы послали Вам телеграмму, прося напомнить Джексону, что вследствие военного времени возникают всякие трудности, и обычно в делах эти экстраординарные обстоятельства принимаются во внимание, и многое откладывается на время войны. Не забудьте, что мы находимся в

стране воюющей, в которой даже условия обычных сношений весьма затруднены.

Так, например, я должен был послать две небольшие картины в Швейцарию, и с сентября до сих пор ещё не получено соответствующее разрешение. Привожу это как иллюстрацию экстраординарных условий. Кроме того, Вы уже знаете, как нерегулярно и в перемешку доходят письма. Но, очевидно, вандалы именно хотят воспользоваться экстраординарными условиями для своих темных проделок. Хорш, несомненно, через разных “покровителей” толкает правительство не только к несправедливым решениям, но и торопит с какими-то разгромами. Хорш весьма заинтересован, чтобы первый разгром произошёл как бы от лица правительства. Ведь тем самым будет как бы доказано, что суммы были не экспедиционные, а картины были куплены Хоршем и, значит, принадлежат ему. Наш друг Стокс правильно заметил в одном из своих писем сюда, что он потрясён такими явными несправедливостями. Действительно, каждому честному человеку бросается в глаза, что с нашей и Вашей стороны никакие показания и свидетельства не принимаются во внимание. Но Хоршу разрешается оперировать сфабрикованными им документами, копиями с несуществующих бумаг, разрешается произносить всякую мерзкую ложь и клевету, разрешается ставить на обороте картин фальшивые штампы. Все дело показало, насколько по таинственному мановению руки Хоршу разрешается всё, а Вам и нам даже самые веские обстоятельства не служат доказательством. Даже документальное письмо Хорша, которое меняет всё дело, не принимается во внимание. Никто даже не мог спросить двух определённых вопросов: во-первых, к каким суммам относится письмо Хорша от 8-го декабря 1924-го года, и, во-вторых, где же экспедиционные суммы, если полученные нами на экспедицию деньги являются частными присылками Хорша и, по его версии, платою за приобретённые им картины? Неужели же судьям не почуялось всё тёмное поведение Хорша? Только судья О’Малей распознал нашу правоту, и затем судья Коллинс воскликнул о том, что Уоллес тревожил его по телефону в связи с поступками Хорша. За все эти годы осталось в тайне престранное покровительство Уоллеса Хоршу. Вы писали о каких-то их сношениях. Но теперь становится ясным, что, пользуясь военными обстоятельствами, предполагается устроить какой-то разгром в пользу Хорша. Мы не раз читали о делах, которые даже в мирное время тянутся целые десятилетия. Спрашивается, почему же в нашем случае даже экстраординарные мировые обстоятельства не принимаются во внимание?

Кроме того, теперь трое друзей готовят свой иск Хоршу. Не торопится ли он со своими новыми махинациями, чтобы прямо или косвенно осложнить иск наших друзей? Не кажется ли Вам странным, что в течение всего лета шли какие-то переговоры (и будто бы благоприятные) о соглашении с Вашингтоном? Можно было понять, что переговоры закончатся успешно, и вдруг сообщается об отказе. Всё это показывает на нечто тайно происходящее. Лишь бы только, кроме всего прочего, интересы друзей не пострадали. Посылаю для Вашего личного сведения один из моих записных листов. История повторяется, но в ещё более безобразном виде.

Теперь Вы видите, насколько своевременно было сохранить Комитет Друзей и собрать протесты против вандализма. Даже зная положение вещей, всё же думается, что экстраординарные мировые обстоятельства должны быть приняты во внимание. Вы ведь знаете, что мы стараемся разыскать ста-

рые письма, имеющие отношение к делу. Вы понимаете, что эти розыски также чрезвычайно затруднены мировыми обстоятельствами. При ином положении дела можно бы уже лично поехать, но сейчас и передвижения временно затруднены. Пожалуйста, переведите для друзей эти строки. Ведь из них многие, вероятно, не представляют себе всех существующих затруднений. Вот милый Джин Ф[осдик] сетует на неполучение отсюда писем и трогательно ожидает присылки осеннего выпуска "Flamma". Пожалуйста, скажите ему о всех затруднениях и поблагодарите его от нас за все сердечные чувства, им выраженные. Уже ему послано извещение о перерыве "Flamma" и полный отчёт о движении сумм и об остатке. Как жаль, что события так отразились на удачно начатой "Flamma". Ещё хорошо, что Академия, как Вы пишете, начинается под добрым знаком. В рождественском номере "Flamma" должно было быть много об Академии. Будем бороться до конца и не опустим оружия перед окончательной и успешной битвой. О здоровье и не спрашивайте, но и это переживем. Одна наша радость – в единении друзей и в приближении сроков. Пополняйте ряды Ваши новыми и молодыми. Не всё так мрачно, как иногда может казаться. Делайте дружбу с музеями, с учреждениями, именно сейчас она может быть особенно полезна. Шлём Вам самые лучшие, самые сердечные мысли и пожелания. Храните здоровье.

Сердцем и духом с Вами,

Рерих

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

ДЕКАБРЬ

4 декабря 1939 г. Гималаи

Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф.

4 декабря 1939

Дорогой Валентин Федорович,

Только что я писал нашим друзьям о том, что вряд ли можно ожидать Вашего письма - Вы так заняты, а тут-то и прилетела Ваша весточка. Может быть, кто-то укорит меня в излишней сентиментальности, но нас всех глубоко тронуло, что Вы бессменно стоите на дозоре искусства и культуры. Хочется сказать Вам к этому самый горячий привет. Рады слышать, что и переустройство Музея послужило к его пользе. Ближайшее соседство государственного музея тоже хорошо и даже привлечёт новых посетителей. Радовались мы, что Лосский неутомимо продолжает читать лекции в университете, а ведь года его немалые. При свидании передайте им всем наши приветы. Хорошо, что Вам удаётся продвигать и монографию. Так обидно, что из-за внешних обстоятельств издание претерпевает затруднения. Жизнь ещё раз показывает, насколько нужна культурная работа. Вы справедливо негодуете на безобразные действия Бенуа. По этому поводу я получил немало писем. В данном случае он не касается ни Музея, ни наших обществ, но ненавидит наш Пакт об охране памятников культуры и все мои призывы к культурному строительству, называя их мессианством! Попросту говоря, он производит подлую подрывную кротовую работу, которая тем отвратительнее, что у меня лежат

сладенькие письма его. Думалось мне, что в «Мире искусства» должен сохраняться хотя бы некоторый корпоративный дух, но отношения Бенуа доказывают, что этого нет. А ну его к шуту! Покойная Мария Клавдиевна Тенишева всегда называла его Тартюфом, очевидно, она знала его природу. Меня нисколько не трогает оценка Бенуа и ему подобных. На наших глазах и Толстого, и Третьякова, и Менделеева, и Куинджи всячески поносили, но всё это, как Вы правильно замечаете, лишь пыль, несущаяся за устремлённым всадником. Каждый должен не только творить в своей области, но и быть на дозоре о культуре.

Ваш портрет с Толстым я видел в хайдерабадском журнале «Мира», но сейчас по условиям почты не могу выслать печатного. Эта Ваша карточка с Толстым всем нам очень нравится, и Толстой, и Вы так характерно запечатлены в труде. Мы все трудимся, и даже сейчас протекает ряд удачных выставок.

Великое счастье — в такое сложное время всё же можно глубоко уйти в работу. Вы пишете, что посетители музея помнят мою первую выставку. Об этой выставке я храню самые светлые воспоминания. Во время её обнаружили совершенно невидимые, но трогательные друзья. Пожалуй, мало кто из них дожил до наших дней. Но пришли, конечно, новые, молодые. А с молодыми почему-то у меня всегда были особенно добрые отношения. Вы будете рады узнать, что наши сотрудники, несмотря на трудное время, приступили к изданию литературно-художественного сборника. Одно кончается, а другое начинается, как в добром лесу поднимается новая и здоровая поросль. Напишите о своих трудах. Наверное, многое пишете и, как всегда, затрагиваете прекрасные темы. У Елены Ивановны Ваша книга «Духовный Путь Толстого» всегда на рабочем столе. Отличная, сердечная и справедливая книга. Среди многих умалительных, пристрастных характеристик великого писателя, в которых участвовали, к сожалению, даже его семейные, Ваши слова о нём звучат, как голос светлой, утверждающей правды. Мелкие умы не видят истинную сущность жизни. Человек всегда судит лишь от себя, ради себя и для себя. Те же житейские мудрецы любят говорить: так было, так есть и так будет. Скажем: к сожалению, было, к ужасу ещё есть, но пусть не будет. Иначе как же быть с эволюцией? Мы все живём в будущем и в этом находим единственный смысл бытия, и тем сильнее радость труду. Ведь ничто не может воспрепятствовать этой радости. Перед зарёю ночь особенно темна.

Жаль, что почтовые сношения затруднены. Друзья тянутся друг к другу, имеют сказать сердечные слова, хотят помочь и поддержать, но это становится почти невозможно. Тем дороже, когда слышишь, что культурная работа продолжается и даже дает новые ветви. О Культуре мы говорили изначально, и будем утверждать это же и до скончания. Без Культуры человечество обратится в двуногих.

Когда найдёте время, пишите и знайте, что Ваши весточки читаются нами с великой радостью. Привет Вашей семье и друзьям.

Сердечно с Вами,

Н. Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва

7 Декабря 1939 г.
Н.К. Рерих

ОБЗОРЫ ИСКУССТВА

За последнее время за границей на разных языках появилась целая серия обзоров русского искусства, как общих, так и в отдельных областях. Казалось бы, это должно радовать во всех отношениях. Мы всегда мечтали о прославлении русского искусства среди всех народов, и каждый рассказ об искусстве родины должен быть нам очень ценен. Всё-таки оказывается одно "но". За малыми исключениями, эти обзоры очень тенденциозны и пристрастны. Вместо широкого и справедливого исторического обзора почти все иностранные авторы избирают себе одну какую-то группу и, фаворизируя ей, попирают и стараются умалить всё остальное. Иногда избранная группа модернистична, другой раз избирается группа самая старая, но и то и другое не может дать чужеземным народам веское и справедливое представление о развитии искусства нашей родины. Совершенно не понятно, к чему некоторые писатели для прославления одного явления непременно должны охаить всё остальное. Так или иначе, все явления искусства имеют свою преемственность. Некоторые шаги новаторов бывают очень стремительны, и, тем не менее, для полного понимания их необходимо знать и всё бывшее. Кажущиеся противоречия искусства делаются ещё более обоснованными, когда мы знакомимся с их истоками. Критика есть справедливое определение художественного произведения, так, по крайней мере, должно быть. Неразумно выдвигать что-либо поруганием всего соседнего. Многие обзоры искусства придётся пересмотреть, предпосылая широкий и доброжелательный взгляд. Не нужно думать, что сказанное относится лишь к русскому искусству, и в других обзорах часто можно найти тот же недостаток. В последнем номере чикагского журнала "Юнити" доктор Кезинс справедливо отчитал американского писателя Ван-Луна за его пристрастное суждение об искусстве Индии. На пространстве более полутысячи страниц, всего две из них уделены искусству всей Индии, и притом с самыми невежественными замечаниями. Оставлены без внимания такие незабываемые творения Индии, как фрески Аджанты, сказочное величие Эллары или Элефанты, фееричность Гольта-пасса¹, красота Амбера, Агры, суровый грандиоз Читора и Гвалиора, все эллинистические и персидские влияния - всего не перечислить. Только небрежная рука высокомерного осудителя могла забросить многовековое искусство в небрежении. Поистине, "распространение неверных сведений есть особо вредное невежество".

7 Декабря 1939 г.

"Литературные записки", Рига, 1940

Н.К. Рерих

ЗНАЙТЕ

Знайте, что даже самый лучший, казалось бы, самый неоспоримый поступок ваш может быть уродливо и злонамеренно истолкован. Мало того, человеконенавистники попытаются измыслить такое, чего вы не только никогда не делали, но о чём даже и не думали. Неизвестно, возросла ли злонаме-

¹ Гольта-пасса. Архитектурный памятник XVI-XVIII вв. близ Джайпура.

ренность вместе с механической цивилизацией или же это свойство всегда было на всех ступенях рода человеческого. Спрашивается, что же можете вы поделывать даже в том случае, если услышите об источниках этой клеветы? Если за морями, за океанами люди выказывают свою ненависть, то как же можно воздействовать на эти отбросы человечества?

Из Парижа пишут: "В день моего возвращения был завтрак, и Обухов, не приглашённый, заглянул так же, как он делал это и в прошлых годах. Во время разговора он сказал, что Ларионов, Гончарова, Бенуа распространяют, что вы стараетесь выманить деньги от различных правительств посредством какой-то "мистификации". Присутствовавшие, услышав это, разразились смехом, к которому и самому рассказчику пришлось присоединиться".

«Из Нью-Йорка пишут: "Ничтожный Стерн (из фирмы Эрнста) недавно явился к Джаксону со всеми рекордами, чтобы доказать правоту Хорша. Джаксон ему сказал, что знает все эти рекорды, которые ему ничего не доказали. Тогда Стерн сказал: "А что вы скажете на тот факт, что Хорши потеряли девочку, которая умерла оттого, что профессор сказал, что раз его картина висит в её комнате, ей не нужна врачебная помощь и она будет исцелена". На это Джаксон сказал Стерну: "Я всегда верил в целительную силу искусства, но если бы это случилось с итальянским крестьянином, преданным католиком, которому кардинал Пачелли обещал бы своим присутствием исцелить больную, я бы поверил, но Хорш из Уолл-стрита, обтёршийся повсюду - вы мне должны рассказать что-то более правдоподобное". Стерн ушёл ни с чем, ибо Джаксон выказал ему открытое презрение". Очень хорошо, что мерзкая клевета встречается презрением и смехом, но французы говорят: "Клеветайте, клеветайте, всегда что-нибудь останется".

Проделки бандита Хорша нам уже достаточно ведомы, но трудно допустить, что Бенуа, Ларионов и Гончарова - художники уже на склоне лет, выказывают низость своей природы, порождая мрачную клевету.

[1939 г.]

Рерих Н.К. Листы дневника, т. 2.М.: МЦР, 1995. (Из архива МЦР)

10 декабря 1939 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

10.XII.39

Родные наши,

Пришли письма Зины от 18-го ноября и Дедлея от 21-го. Письмо Зины очень радостное, особенно же весь эпизод с портретом. Можно себе представить ярость трио, вдруг получивших такое многозначительное для них напоминание. Радостно, что и первое Ваше собрание в новом помещении прошло так хорошо. Расскажите нам, кто именно был из друзей и преподавателей? Будем верить, что в новом центральном помещении обнаружатся и новые хорошие возможности. Пожалуйста, укрепляйте отношения со всеми друзьями, с художественными критиками, с музеями и с прочими общественными учреждениями. Нельзя забросить ни одного, ведь никогда не знаете, откуда может прийти что-либо полезное. Выясните отношение Музея Современного Искусства. Очень жалею, что не могу послать им мой взнос на 1940-й год, ибо сейчас все денежные переводы совершенно затруднены. Даже в такую союзную страну, как Франция, и то всякие переводы пришли в крайне затрудненное состо-

яние. Ещё недавно мы получили обратно один журнал, посланный в начале августа в Латвию с наклейкой из Англии, что “сношения с Германией прекращены”. Таким образом, всякие посылки стали невозможны, и кто знает, какие письма сюда или отсюда могут и вообще теряться. Письмо Дедлея совсем не радостное, и отношение адвокатов поражает. Вернее, подтверждает ещё раз всё нам и Вам известное об этом сословии. В денежном отношении остаётся лишь одна возможность около картин, находящихся в Арсуне. Только что им послано извещение, что из 56 картин, там находящихся, 22 останутся в Арсуне, а остальные 34 предназначаются для Академии в Нью-Йорке. Соответственное письмо написано Е.И. в Арсуну, так как все эти картины являются собственностью Елены Ивановны. Среди 34 упомянутых картин находится и две больших – “Звезда героя” и “Оттуда”. Остальные представляют экспедиционные этюды и потому являются особо интересными. Цены за большие картины были по пяти тысяч, а за остальные по 350. Но, конечно, по нынешним временам могут быть сделаны значительные уступки. Может быть, у Вас найдётся человек, который за известную комиссию может их продавать для уплаты адвокатам? Может быть, и Бринтон заинтересуется такою продажей? Пожалуйста, от моего имени подарите английскую монографию – об этом я упоминаю в моем письме к нему. Может быть, Конлан попросит у Вас для подготовляемой им монографии [мой] статьи “Спиноза” и “Гёте” - конечно, только для временного прочтения. Посылаю ему манускрипты, предназначавшиеся для несостоявшегося зимнего выпуска “Flamma”. Он прочтёт их и перешлёт Вам. Постепенно всё имущество “Flamma” будет переслано в Америку. Но сейчас, как Вы уже знаете, пересылать что-либо печатное отсюда невозможно. В лучшем случае посылка в потрепанном виде вернётся, а то и вообще пропадёт. Ясно представляем себе, почему Хорш всячески вводит правительство в заблуждение касательно налогов с экспедиционных сумм. Преступник хочет доказать, что картины эти не относятся к экспедиции, а составляют его личную собственность. Если правительство берёт с них налог, то этим косвенным путём доказывает, что эти суммы были не экспедиционные, а была лишь частная покупка. Конечно, против этой несправедливости имеется очень веское доказательство. Все эти картины входят в состав декларации, под которой подписался и Хорш, о посвящении Музея нации. Картины эти все перечислены в каталоге Музея, а декларация говорит о картинах, значащихся именно в этом каталоге. Каждый мало-мальски находчивый адвокат, конечно, воспользовался бы таким документом с подписью Хорша, но можем ли мы надеяться, что адвокаты воспользуются хотя бы таким в их пользу доказательством? Во время ведения дела Плаутом всё время можно было поражаться тому, что он занимался какими-то незначительными деталями, а самое важное и веское упоминалось лишь мимоходом. Во время войны обычно все дела откладываются и происходят всякие моратории. Если бы мы находились в нейтральной стране, то, может быть, эти обстоятельства и не принимались бы во внимание в полном объеме, но ведь мы находимся в стране воюющей, все условия которой экстраординарны. Неужели же адвокаты даже и это не принимают во внимание и не выдвигают соответственно? Ведь теперь, когда идёт также и дело, поднятое тремя друзьями, то и все остальные дела не должны явиться затруднением для этого нового дела. Опасаемся, как бы и Плаут не навредил и не распродал бы документы, находящиеся у него. Наверное, многие документы ему давались лишь на просмотр, но могли быть и такие, которые оставались у него в

оригинале. А ведь от такого человека, как Плаут, оказывается, всего ожидать можно. Как жаль, что в своё время некоторые друзья не хотели порвать с ним и передать дело в другие руки, тем более, что и сам Плаут будто бы отказывался. Всё это чрезвычайно волнует, и тревожит, и сказывается на здоровье. Пусть новое помещение принесёт и новых друзей; так хорошо, что Вы теперь оказались в центре культурной жизни Нью-Йорка. Будьте мужественны, ибо все делается к лучшему, и последнее слово в делах ещё далеко не сказано.

Да будет Вам светло, духом и сердцем с Вами,

Рерих.

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

15 декабря 1939 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих – членам Латвийского общества Рериха

15 декабря 1939 г.

Сердечно любимые Друзья, благодарим И.Г. за его письмо от 22 ноября. В нём много интереснейших, неотложных соображений. Итак, сборник теперь, вероятно, уже вышел, надеемся, что друзья его поддержат, иначе это было бы несправедливо. И.Г. говорит уже о втором выпуске сборника. Но ведь раньше нужно управиться с первым выпуском. Нужно найти лучшие пути для его продвижения. Ведь может случиться, что опять кто-то где-то скажет, что и на эту книгу нет покупателя. Все эти вопросы нужно выяснять очень ясно и определённо. На имя Р[ихарда] Я[ковлевича] мною послана серия записных листов. При надобности некоторые из них могут идти как фрагменты подготовляемой книги «Жизнь». Если бы кое-что предполагалось для сборника, то опять-таки проверьте впечатление друзей. Вы пишете, что друзья многое обещают и пока ничего не делают. Это соображение очень многозначительно, и спрашивается – кто же мешает друзьям сделать то книжное пожертвование, о котором почти год тому назад они сами высказались? Теперь, как Вы пишете, они по собственному почину говорят о выставке. Это тоже не должно быть сказано на ветер. Если они сами подняли вопрос о выставке, то Вы имеете полное право настойчиво интересоваться и движением этого дела. Конечно, выставка не может быть без присутствия автора. Это обстоятельство даёт Вам новую возможность для определённых бесед. В конце концов, что же может значить отсутствие ответа на многие письма? Конечно, сюда писать им трудно, но Вам на словах вполне могут быть переданы всякие соображения. И Вы напишете нам о выставочных делах. Предполагаю, что могут быть всякие недоразумения, основанные на ложно истолкованных данных, но в беседах Вы можете многое нащупать и выяснить, ибо достаточно знаете биографический материал. Было бы крайне несправедливо, если друзья будут от Вас ожидать трудов и внимания, а сами палец о палец не ударят. Сотрудничество должно быть полное. Вопрос о выставке нельзя просто бросать в пространство, как безответственное крылатое слово. Многие могут прокричать об этом проекте досрочно, и великий вред может получиться. Если выставка была бы решена твердо в принципе, то тогда опять-таки потребуется время для выяснения и выполнения разных подробностей. Даже и здесь выставки потребовали значительное время,

прежде чем осуществиться. Определённость нужна во всех вопросах. Ведь должны найтись и люди, искренно заинтересованные в культурном деле.

Теперь о монографии. У нас, кроме четырёх фунтов, посланных Конлану на объявления в «Студио», накопилось 300 рупий. Кроме того, Е.П. Инге прислала 15 долларов, за которые банк нам выдал 48 с половиной рупий. Это своё пожертвование Инге назначала на дальнейшие выпуски «Фламмы», но так как «Фламма» пресеклась, то, может быть, она захочет перенести эту сумму на приобретение от Вас каких-либо книг, – спишитесь с нею об этом. Как жаль, что нет никаких возможностей перевести указанные суммы Вам. Можно бы переводить эти суммы не свыше пяти фунтов на Париж, но, спрашивается, на кого именно? Может быть, у Вас есть какое-либо лицо там, или банк, или учреждение? Может быть, из Латвии кому-то нужно заплатить в Париж и таким образом эти денежные почтовые переводы могли бы нечто сбалансировать? Ведь бывают же торговые обмены. Впрочем, сделайте как лучше. Есть заказ из Алжира, но просят послать наложенным платежом, и эта комбинация по нынешним временам невозможна. Положение таково, что мы сюда получаем из разных стран и книги, и газетные вырезки, но отсюда печатные материалы посылать не позволено. Так, например, журнал «Божественная жизнь» (со статьёю Дикмана), посланный Вам ещё в первой половине августа, на днях вернулся обратно с курьёзной надписью, что сношения с Германией прерваны. Спрашивается, причём тут Германия? Вспоминается, как в 1924 году мы хотели послать денежную помощь умиравшей в Таллинне Крыжановской и банк отказался это сделать, уверяя нас, что Ревель находится в России.

Как трогательно пишете Вы о Клементии Станиславовиче. Мы постоянно держим его в мыслях, изумляясь, какую мужественную и благотворную деятельность он проявляет даже среди страданий. Скажите ему, как мы о нём постоянно заботимся и радуемся, какой пример проникновения в Учение он подаёт окружающим. Очень хорошо, что Гаральд, как Вы пишете, оторван от своего дела всего на месяц. Мы тревожились, не отвлечён ли он новою службою надолго от своей работы. Драгоценны для нас и Ваши слова о Р. Я. – сердце поэта широко вмещающе и прозорливо. Нет ли у него машинной копии его статьи об «Общем Благге»? Да будет Вам всем светло. Радуйте добрыми вестями. Пришлите хотя бы один второй том «Писем».

Сердцем и духом с Вами. Устремимся в светлое будущее.

Е.И. Рерих. Письма в -9 томах, Т. VI.

18 декабря 1939 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

18.XII.39

Родные наши,

Получили Ваши письма от конца ноября, а также телеграмму о том, что дело № 1 отложено на февраль. Будем надеяться, что адвокаты воспользуются этим временем, чтобы скомбинировать удачные данные. Если они проштудируют deposition, то они найдут много возможностей для дальнейших оборотов дела. Кроме того, они могут обратить внимание суда на то, что и в данном случае Хорш жонглирует теми же самыми картинками в разных обстоятельствах. Те же картины то оказываются будто бы его собственностью, а в то же время по декларации 1929-го года, под которой подписалась и чета Хоршей,

картины эти определённо входят в состав Музея. Что бы ни говорили недоброжелатели, но декларирование *[этого]*, как постановления Совета Музея, имеет своё значение, и адвокаты, конечно, могут ссылаться на него. Также надеемся, что и военное экстраординарное положение должно быть принято во внимание. Мы знаем, что во время прошлой войны такие обстоятельства всегда принимались во внимание, а ведь мы находимся не в нейтральной стране. Очень надеемся, что адвокаты всё это примут во внимание. Мы уже писали Вам, что Хорш вводит правительство в заблуждение с преступной целью, чтобы этим порядком доказать какие-то свои, им сфабрикованные, права на картины. А ведь это обстоятельство может косвенно повлиять и на дело, которое ведут друзья. Что касается до ста картин, переданных Е.И. Катрин, то эта передача, во всяком случае, законна. Во-первых, по нашей семейной традиции все мои картины принадлежат Е.И., но, кроме того, Е.И. имеет мою полную доверенность, выданную ещё в 1933-м году. Таким образом, Е.И., во всяком случае, имела полнейшее право распорядиться этими картинами. А к довершению всего и сам Хорш знал об этой доверенности и пересылал деньги за проданные картины непосредственно Е.И., и при этом занимал у неё деньги, не спрашивая меня об этом, хотя адрес мой он и знал. Обо всём этом я уже писал Вам, но для адвокатов, видимо, это нужно повторять. Любопытный эпизод со Ст., о котором пишет Зина, нам совершенно напоминает эпизод с моим бывшим учеником болгаринном Георгиевым, который посетил нас здесь в 31-м году. Он очень чтит меня, был в полном восторге от свидания и душевного приема, восхитился Гималаями и с великим энтузиазмом, радостно рассказал о своих впечатлениях в Париже. Но там его искренняя радость произвела как раз обратное впечатление и вызвала яростную клевету и нападки. Люди не озлобляются лишь, когда слышат, что кто-то умирает с голоду. Когда ослепшему Врубелю дали маленькую пенсию, то Куинджи скорбно добавил: "Ну если ослеп, тогда уже, может быть, помогут". Но даже пахарь знает, что коня нужно кормить, иначе он сдохнет, пашня запустеет, и хлеба не будет. В июне у нас были Казинсы, и мы их встретили сердечно. Им тем более у нас понравилось, что перед этим они заехали к некоей даме, которая предоставила им столь убогую обстановку, что старики должны были сами выполнять работу суипера (ассенизатора). Конечно, по такому сравнению они тем более оценили наш скромный комфорт. Сам Казинс без дрожи в голосе не мог вспомнить пребывание у странной дамы. Если мы вспомним, что предоставленный нами им мальчик суипер стоит пять рупий, то есть доллар и двадцать центов, в месяц, то гостеприимство может простираться на такую сумму. Вы знаете, как мы против роскоши, и потому даже удивительно слышать, что кто-то может намекать о каких-то излишествах. А с продажи картин, которая произошла лишь в этом году, нужно отдать 20 процентов устроителю, три тысячи рупий неизбежному сотруднику, нести все расходы по транспорту, налоги и прочее. Так что Вы понимаете, как усыхает сумма. А о размерах транспорта можно сказать, что отправка картин Святослава в Америку обошлась более 800 рупий. Кто-то скажет, что можно прекратить культурную работу в Париже, но Вы представляете себе, что скажут те же Хорши, узнав, что даже маленькие очаги деятельности прекращаются. Уже не говоря о том, что этот центр для будущего очень нужен. Вы сами знаете, как требуется поддержать культурные нити, а в особенности, когда происходят такие разрушения. Если мы питаемся здесь картинами, то и в Америке имеются картины, которые, как

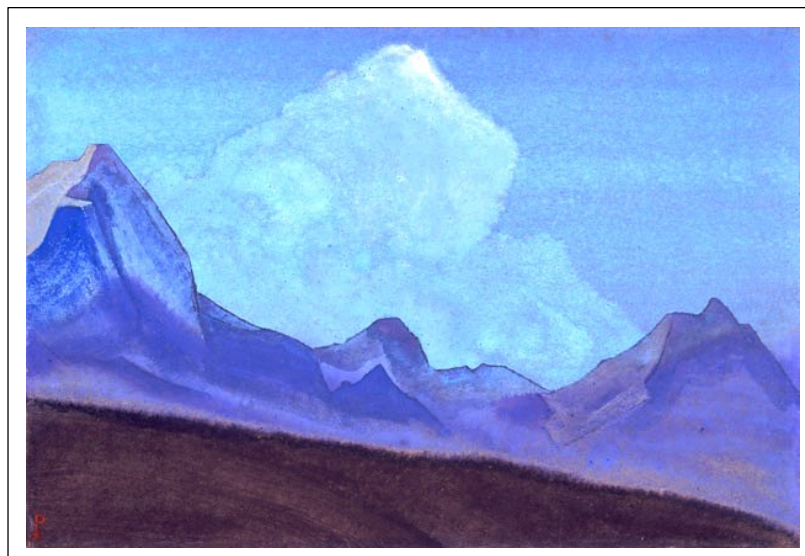
я уже писал, могут идти в уплату расходов. Невозможно представить, чтобы после всех выставок, после Музея и всех книг в такой большой стране, как Америка, не было бы покупателей. Неужели нужно подобно Элсхемиусу впасть в паралич, чтобы появились покупатели? Больно слышать, когда осуждения исходят от друзей. Кроме возможности продажи картин, может быть, что-то ещё можно получить из банка, за которым пропадает ещё некоторая сумма, и это могло пойти на дела. Больно было читать переданные Вами речи друзей. Хорошо, что Вы делаете новые контакты для Академии. Новые связи принесут и новые возможности. Какое отношение Вы встретили в Музее Модернистического Искусства, как они приняли монографию, которую я просил Вас передать? Хорошо, что Комитет Музея существует – он может пополняться так же, как и протест. Карнеги Холл полезен своею центральностью. Неуклонность и светлое горение в проведении дел есть залог успеха. Копии писем Уол[леса] посылаю – может быть, пригодятся. Но Золя еще не показался. Храните пуще всего здоровье и пламень сотрудничества. Помните, что и Высшие Силы не могут помогать там, где не явлено сотрудничество.

Шлём Вам всё Светлое.

Сердцем и духом,

Рерих.

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

Н.К. Рерих. Гималаи (Созвучие очертаний). 1939

30 декабря 1939 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха в Америку

30.XII.39

Родные наши,

Письмо Ваше со вложением вырезки из "Monitor'a" пришло чудесно скоро. Теперь мы отвыкли получать такие быстрые письма. Хочется поспешить с несколькими соображениями. Вы пишете о том, что Бил говорил о продаже картин. Это обстоятельство заслуживает неотложных соображений. Спраши-

ваются, о каких именно картинах он мог говорить? Если о ста картинах, принадлежащих теперь Катрин, то ведь передача их Е.И., во всяком случае, закончена по двум основаниям: первое, так как все мои картины являются собственностью Е.И., и она, естественно, ими распоряжается, а второе, что у Е.И. имеется моя полная доверенность с 1933-го года и, таким образом, и на основании этого документа Е.И. может распоряжаться всем. А самый факт отдачи этих картин был закреплён письмом Е.И. и Катрин ещё в первой половине лета 1935-го года. Так что об этих картинах не должно быть и речи. Если же переданные Вами слова имели в виду музейные картины, то наша общая декларация, как постановление членов Совета Музея, остаётся неизменным моральным документом. Было бы более чем странно, если бы какой-то вопрос о продаже картин этих произошёл именно со стороны друзей. Наверное, Эрнст таким оборотом дела весьма возрадовался бы, ибо это дало бы им повод углубить их вандализм. Кроме того, если Бил является ближним другом враждебных адвокатов, то нет ли между ними сговора, чтобы самое губительное предложение произошло именно от адвокатов друзей? Если даже с какой-то странной, “законной” стороны наша декларация почему-то игнорируется, то ведь как постановление Совета Trustees Музея она всё же является действительным постановлением, которое не было никаким другим постановлением опровергнуто. Протест, под который Вы собрали и собираете подписи тоже базируется именно на этой декларации – постановлении Совета Музея.

Не забудем также, что на том же основании существует и Комитет Музея. Кстати, об этом Комитете. Флорентин[а] была его Председателем, и потому теперь нужно заместить её. Думается, что Зина, в качестве одной из основательниц Музея и бывшая всё время trustee, может занять это место. Впрочем, как всегда во всех наших общественных делах, мы предоставляем решить это Вам на месте, но Комитет Музея, во всяком случае, должен существовать. Он всегда был нужен, а теперь он станет совершенно необходимым. Тревожит нас денежный вопрос в Америке. И можно лишь удивляться, что именно в этой огромной стране, в которой собрано две трети всего золота мира, именно этот вопрос стоит так неразрешимо остро. Вот мы хотели разрешить его посредством соглашения с Арсуной, и из этих предполагавшихся средств можно было бы ответить некоторым нуждам, а теперь дело пришло в первобытное состояние. Из тридцати четырёх картин, посылаемых по адресу Академии, должно же быть что-нибудь реализовано. Ведь во всех странах мы лишь существовали картинами. Кроме того, значительная сумма пропадает за банком, и неизвестно, когда именно он предполагает выплатить её хотя бы по частям. Будем надеяться, что банк закончит свои выплаты, которые тоже должны идти на общее дело. Кроме того, Крейн заказал мне для своей дочери картину, которая накануне отправки отсюда была остановлена телеграммой Броди вследствие смерти Крейна. Таким образом, эта последняя воля покойного родственника не была выполнена. Теперь и книга моя в Америке, вероятно, не будет издана “Викингом”, и, таким путём, и на этот гонорар нельзя рассчитывать. Остаётся только удивляться, что именно в Америке такие правдоподобные полочки или откладываются, или вообще распадаются. А уже мы не говорим о всех тех огромных суммах, которые, согласно постановлению, остаются за Учреждениями. Любая фабрикация Хорша принимается судами и всякими легковерными индивидуумами, а что касается нас всех, то почему-то ничто не

принимается во внимание, даже две с лишком тысячи моего жалованья и те захватываются. Где же граница несправедливости?

Дедлей выражает удивление поступками В.А.Ш[убаева] и не понимает, какие могут быть причины. Причин несколько, среди них находится и денежный вопрос, ибо он увидел, что нельзя рассчитывать на прибавку жалованья; другая причина тоже экстраординарная, именно его немецкая ориентация. Вы будете глубоко удивлены, узнав, что его родители из Риги репатриировались в Германию. Это объясняет многое. Вы знаете, что наша ориентация совершенно другая. Люди, которые своё личное благополучие ставят превыше всего, конечно, никогда не могут удержаться на пути Служения. Не удивляйтесь молчанию Гаральда. Кроме того, что у них теперь совершенно тоже экстраординарные условия, он также был призван на военную службу как доктор, и ему даже пришлось пребывать этот срок в казармах. Всё это, конечно, выбивает из колеи, и мы также значительное время не имели от него сведений. Везде невероятные осложнения, которые будут лишь усиливаться. Люди достаточно слышали об Армагеддоне, но когда он настал, то они не признают его. Счастье в том, что некоторые страны выйдут из этой ужасной битвы значительно раньше других.

Первую часть письма, где говорится о картинах, переведите для адвокатов. Конечно, Катрин может знать все письма, так же, как и Инге. Надеемся, что адвокаты где-то сильно подчеркнут злодеяния Хорша, совершенные им в качестве моего *fiduciary*. Такое сильное напоминание может явиться не только убедительным для судей, но и будет прерыванием срока – так, по крайней мере, было бы в прежнее время на нашей родине. Ведь этот суд, и может быть, ему еще предстоит. Узнайте, кто именно неведомый друг в “Monitor’e”? Таких незримых друзей много, но они рассеяны, и если бы они были собраны – представили бы силу. Как Вы видите, эпидемия разъединённости является главным бедствием и рушением мира. Нам удалось через полк[овника] М[ана] послать четыре пакета осеннего номера “Flamma” Джину.

Да будет Вам светло, храните мужество. И это пройдёт.

Сердцем и духом всегда с Вами,

Рерих.

Публикуется по изданию: Письма в Америку. М. Сфера. 1998 г.

Н.К. Рерих

БОЛЬНОЙ ГОД

Этот год оказался больным во всех отношениях. Все мы переболели. Если подсчитать все болести, то выйдет, что ими была занята большая часть года. И сердце, и невралгия, и гланды, и зубы, и глаза, и всякие раздражения слизистых оболочек, и лихорадки. Удивительно, как всё сгустилось, и в каких неожиданных формах. Впрочем, и всё в мире столкнулось неожиданно. Отовсюду пишут о плохом здоровье. Всюду жалуются. А положение всё усложняется.

Конечно, и в прошлом было немало болезней - и печень, и пневмония, и всякие виды инфлуэнцы. Требовался и Кисловодск, и Нейенар. Врачи - Двукраев, Романовский, Цейдлер, Бертенсон иногда даже устрашали. Бодрее всех был Двукраев. Его формула - "ближе к земле" запомнилась.

Лучше всего мы чувствовали себя на тибетских нагорьях; казалось, мы были окружены всякими опасностями и невзгодами, но весь путь устояли в палатках, на крепчайшем морозе. Удивительно, как выдержала Е[лена] И[вановна]. Только раз в Нагчу было у ней такое воспламенение центров, что можно было опасаться - как выдержит. На морозе - огнём горела. Но и это прошло. Вообще азийские просторы - целительны. Вспоминаем и финские снега 1916-17. Они переломили отвратительную пневмонию. Морозно было в Сердоболе и на Ладожских островах. Пыхало северное сияние, и звенел и благоухал снежный воздух. Не раз на Гималаях вспоминали мы эти снежные сияния.

Н.К. Рерих. Полуночное. 1940.

Здесь превосходен горный воздух. Здесь горные сияния, названные Гималайскими свечениями. Целая сказочная горная страна. Почему же этот год выдался таким больным? Люди ли его отравили? Снизились ли потрясающие пространственные токи? Не удивимся, если ожесточенная, свирепая мысль человеческая отравляет пространство.

В университетах теперь начали изучать мысль и мозговую деятельность. Наконец-то признали, какую мощною энергией обладает человечество. Уже давно знали, что взрывы могут вызывать дождь. Таким путём познаётся энергетическая основа. Может быть, скоро поймёт человек, что его мысль есть рассадник и вреда и блага.

Весь словарь лукавства и предательства произнесен потрясённым человечеством. Но не в произнесении, а в мысли несказанной главная сила. Кто знает, на какие расстояния действует мегафон мысли? Много новых разновидностей болезней сейчас в мире. Многие не опознаны. Некоторые принимают вид эпидемий. Не мысль ли их творит? Больной нынешний год.

1939 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

1940 г.

«Самое ужасное – это невежество в действии»

В. Гёте

«Настал Армагеддонный со-рокой год. Планета больна»

Н.К. Рерих

Н.К. Рерих. Армагеддон. 1940.

* * *

«Когда рабское чувство является на позор Мира, тогда нужно ждать смены эпохи. Разве можно представить себе, что ожидание Майтрейи через четыреста тысяч лет возможно? Слова не раз причиняли заблуждения. Нельзя себе представить Землю, погружённую во мрак ещё тысячелетия. Можно представить прогрессию зла, потому даже самый свирепый Армагеддон есть спасение. Не могут мудрые не томиться в духе». (Мир Огненный, ч. 2-120)

1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

БОЛЬ ПЛАНЕТЫ

«Самое ужасное - это невежество в действии» (Гёте).

Настал Армагеддонный со-роковой год. Давно мыслилось о недуге планеты, а сейчас оказалось, что планета действительно трагически воспалена. Землетрясения, наводнения, незапамятные холода, неожиданная жара, засуха, губительные бури, пожары повсюду показывают на аномальные условия. В разных частях планеты одновременно бушуют войны, и твердь потрясается неслыханными взрывами. Учёные прилежно изобретают ядовитые вещества, губительные газы и смертоносные орудия. Но не говорят эти учёные, насколько их злые изобретения уничтожают жизненность самой планеты.

Гибнет множество людей, разрушаются неоценимые культурные сокровища, но, мало того, губится жизненность самой планеты. Кто может рассказать точно, что именно убивается в воздухе, в водных глубинах и в недрах земли? Можно грубо сказать, что уничтожается много животных, мною птиц и рыб, но этот ответ ещё ничего не объясняет и не даёт размеров происходящего. А сколько же исчезает полезных микроорганизмов, если вычислено, что каждый подводный взрыв уничтожает всё живущее на огромное расстояние. То же самое происходит и в воздухе, и настолько же отравляется и почва. Говорят, что происходит война нервов. И это суждение лишь частично. Происходит нечто гораздо более знаменательное, что отразится на молодых поколениях. Люди лицемерно кричат об агрессиях. При этом самые завзятые агрессоры особенно громко возмущаются. Журналы полны самыми позорными, преступными сообщениями. Поистине, агрессия проникла во все слои человечества. Вот перед нами испытанная на себе агрессия. Её совершает американский еврейский маклер Хорш на глазах у всех, и Правительство Америки всемерно поддерживает агрессора. Фабрикуются и подтасовываются разные бумажки, даются лживые клятвы, совершаются доносы и вероломства; можно подумать, что это даже не частный случай, а нечто отражающее положение вещей во многих странах. Заслуживающий доверия учёный Алексей Каррель предупреждает о росте преступности, о признаках вырождения и предвидит эпидемии безумия. Эти наблюдения относятся к первой половине тридцатых годов. Последующие события и поведение человечества лишь подтверждают грозные выводы учёного. А в то же время в фальшиво раззолоченных залах отелей, в нудном танце движутся жители Земли. Эти пляски и пиры напоминают древние сказания. Кто-то говорит о переустройстве мира, о часе великом, об ответственности человечества, но нет дела плясунам, и фиглярам, и мрачным растлителям до будущего планеты. Не самим ли им придётся ужаснуться рушениям и обвалам, к которым и они приложили руку? Планета больна! Пришёл со-роковой год!

1940 г. Гималаи

Рерих Н. К. Листы дневника, т. 2. М., 1995.

Н.К. Рерих. Тревога. 1939.

Н.К. Рерих

ТРЕВОЖНО

Уэллс правильно замечает: «Ни один завоеватель не может изменить сущность масс, ни один государственный деятель не может поднять мировые дела выше идей и способностей того поколения взрослых, с которым он имеет дело. Но учитель - я употребляю это слово в самом широком смысле - может совершить больше, нежели завоеватели и государственные главы. Они, учителя, могут создать новое воображение и освободить скрытые силы человечества».

И ещё отлично сказал Уэллс во время обеда Комитета моей выставки в Лондоне в 1920 году. Подняв стакан, он утвердил: «Не будем думать, что в мире благополучно. Может наступить такое разрушение, такое одичание, что вот такой простой стакан окажется редкостью». Гремела победа, а взор мыслителя устремлялся вперёд. Пришёл Армагеддон. Умиравший Тагор горюет о разложении человечества. Радхакришна огненно предупреждает, насколько неладно с образованием молодёжи. Многие голоса поднялись против разлагающего «гуд тайм», отравляющего молодёжь. Петен опять предупреждает большую Францию, что необходимо сбросить стремление к роскоши, наслаждениям и к увеселениям, и углубиться в реконструкцию страны и жизни. К этому трудному подвигу имеются молодые силы. Но пусть во всём умении проявятся учителя, около которых молодые искатели могут собираться.

Слово «единение» так часто твердилось, что попало в разряд труппизмов - самое опасное место. А для единения нужна любовь, а где она? Нельзя ли прибегнуть к другому, тоже прекрасному понятию - «сотрудничество», а за ним высятся «содружество». Тревожно расходовать такие основы, а вдруг и они будут заперты в подвал труппизмов? И почему из словаря зла ничто в эти темницы не попадает? Так живучи злые поношения. Взрывы зла потрясают бедную землю. Царствует золотой Молох¹. Одно утешение: во всей истории торжества Молоха бывали недолги. В пыль обращались надутые, напыщенные царства, кичливо считавшие себя «пупом земли». Но истинное средоточие мира оказывалось в труде. Радость труда! Радость познания учителя! «Заря близка, но ещё ночь». Долгая ночь. Душно. Тревожно.

1940

«Утренняя Звезда». Москва, 1993, № 1

1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

СО-РОКОВОЙ ГОД

В этом со-роковом году у нас много памятных дней. Некоторые общества наши отмечают своё десятилетие. За эту декаду в них произошли многие перемены, впрочем, это неизбежно, ибо жизнь есть поток, стремительный, изменчивый, шумящий. За десятилетие ушли некоторые полезнейшие деятели. Всегда будем хранить их светлую память. Некоторые учреждения раздробились и даже переменили названия. В конце концов, все эти жизненные волны

¹ В индуизме и буддизме — совокупность всех добрых и дурных дел, совершенных индивидуумом в предыдущих существованиях и определяющих его судьбу в последующем.

в общем масштабе малозначащи, лишь бы продолжалась и углублялась основная Культурная работа.

В этом же году исполняются и двадцатилетия многого. Музейное турне по Америке. Встреча с Зиной Фосдик и Морисом Лихтманом. Сейчас Морис в Санта-Фэ, работает в "Арсуне", а Зина, несмотря на разные трудности, открыла Академию Искусств в Нью-Йорке. Вот уж поистине верный страж. Там, где другие отступают, убоявшись житейских волн, она неутомимо строит новые полезные очаги. А ведь противодействующих сил много.

Всё Культурное, прежде всего, подвергается недоверию, злорадству и всяким разрушительным попыткам. Вот и в военных смятениях, прежде всего, страдают Культурные начинания. Точно бы человечество думает, что без знания и красоты оно может прожить. Привет Зине, привет содеателям Академии, ведь началась она в труднейшее время.

Время настолько трудное, что когда мы получаем весть из Латвийского Общества о вечере в память Мусоргского, даже невольно удивляемся, как это удаётся среди всяких нахлынувших превратностей. Неутомимые Рудзитис, Лукин, Блументаль, Буцен, Драудзинь и все деятельные сотрудники даже в эти дни чрезвычайных событий издают новые книги и заботятся о росте Музея.

Поистине, можно порадоваться светлому строительству. Именно оно уместно тогда, когда житейские мудрецы охладевают ко всему Культурному, созидательному. Точно бы молодое поколение, для которого мы все работаем, не подрастает и в эти смутные времена.

И в других группах, вопреки мрачной очевидности, продолжается работа. Вот в Шанхае, преодолевая денежные трудности, решили продолжать сборник "Культура". Зная, как участникам трудно, можно особенно радоваться такой решимости. Обстоятельства многое потрясли. Угасла "Фламма", временно приумолкли некоторые учреждения. В Париже картины сокрыты в подвале. Может быть, и в Брюгге происходит нечто подобное.

Ещё одно двадцатилетие - первому пароходному билету на Индию. В Музее Тривандрума открывают особую нашу комнату. Они и не знают, что это совпадает с памятным для нас сроком.

А вот и ещё уже крупнейший срок. Двадцать четвёртое Марта 1920 года останется для нас и для всех сотрудников и сокровенным и самым сияющим Днём всей нашей жизни. Во всех Обществах отмечается этот День как основа, как светлое начало. Именно в этом со-роковом году наши Друзья особенно вспомнят день 24-го Марта. Никогда ещё этот День не проходил в такой грозе и молнии, как сейчас. Тем сердечнее и вдохновеннее все мы скажем в этот День -

"Я - твоё благо.

Я - твоя улыбка.

Я - твоя радость. Я - твой покой.

Я - твоя крепость. Я - твоя смелость.

Я - твоё знание".

1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих "Из литературного наследия", М. 1974 г.

9 января 1940 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

9.I.40

Родные наши, вчера, наконец, приехал магистрат, и мы могли засвидетельствовать подтверждение бумаги, которая находится у Вас. Таким образом, если бы даже Хорш закинул или уничтожил для каких-то своих злоумышленников бумагу, привезённую в 1934-м году, то у Вас, во всяком случае, будет её подтверждение, которое может быть полезно. Ведь теперь, когда бумаги находятся в самых различных местах и часть их, наверное, осталась в руках Хорша, можно всегда ожидать или пропажи, или затерянности среди всяких разновременных бумаг. Очень удачно, что магистрат ещё заехал к нам, ибо он переводится на другую должность в другую местность, и всегда получается “междущарствие”, пока водворится новый. Вероятно, адвокаты с трудом представляют себе, насколько трудно здесь бывает засвидетельствовать бумагу. Помимо того, что основное местожительство магистрата не здесь, а в Кулу, он постоянно бывает в продолжительных разъездах, и тогда, конечно, не может засвидетельствовать бумагу.

Посылаем приложенную бумагу почтой и надеемся, что ничего с аэропланом не приключится, – по нынешним временам всего ожидать можно. Подтвердите получение.

Как видите, Армагеддон всё сгущается, но, тем не менее, необходимо отстаивать культурные дела. Мы только что получили от Музея Модернистического Искусства книгу Пикассо – как видно, музей очень деятелен. Удалось ли Вам повидать директора, презентовать ему монографию и, кстати, выяснить их отношение? Может быть, они находятся в заблуждении, навеянном со стороны трио, а может быть, они просто далеки от всего происходящего.

Скажу пример, насколько даже знакомые люди далеки от действительности. Только что пришло письмо от дочери Крейна, в котором она пишет, что вследствие огромных расходов по налогам и всяким переменам она очень жалеет, что не может приобрести картину, и ей остается лишь любоваться ею в Музее, когда она бывает в Нью-Йорке. Если к тому же вспомним о присылке портрета Е.И., то становится ясно, насколько люди, даже знакомые, не знают о положении вещей. Итак, оповещайте доброжелательных людей, собирайте новых и молодых, во времена Армагеддона необходим особо неустанный дозор о культурных делах. Любите молодых – ведь если сегодня они ищут путей культуры, то ведь завтра они будут руководителями просвещением страны.

Сейчас получили печальную телеграмму об уходе от Земли одного из старейших членов Латвийского Общества Кл. Ст. Вайчуляниса. Глубоко жалею о таком чудесном человеке, незаменимом сотруднике. Никто, как он, не умел поддерживать единение и дать благожелательный и широкий совет. Даже в самые последние минуты среди тяжких страданий (уже год как он мучился от рака в мочевом пузыре) он не переставал заботиться и делах общества и дал много особенно нужных советов в связи с нынешним местным положением. Молодые сотрудники поистине могли брать пример с такого неустанного, преданного делу культуры и Учения деятеля. Поразительно, что каждое 24-е число он освобождался от своих мучительных болей, и врачи ожидали конец год тому назад и утверждали, что продолжение его жизни есть необъяснимое для них чудо. Но он был так нужен молодым в переходное время и внёс много понимания момента.

Может быть, Вы получили второй том “Писем” Е.И., хотя к нам он ещё не дошёл. Несмотря на трудное время, Общество действует энергично и даже выпустило новый сборник, посвящённый культурно-художественным вопросам соседних стран. 14-го декабря должно было состояться чествование памяти Мусоргского с обширной программой. Вероятно, на днях дойдёт к нам и об этом сообщение. Просто беда, насколько нерегулярна почта. Жаль, что жители разных стран всё ещё не представляют себе нерегулярности жизни. Вероятно, в нейтральных странах современные события отражаются очень мало. Из Шанхая дошло сведение, что местная группа всё же решила продолжать выпуски “Культуры”. Жалеем о “Flamma”, послали Конлану манускрипт материала зимнего номера, и он перешлёт его Вам. Отсюда настолько трудна пересылка журнала, что, несмотря на особое разрешение, вторично посланные номера в некоторые страны опять вернулись обратно. Из-за этого мы не рискуем переслать в Либерти ящик с материалами “Flamma”, ибо это будет сопряжено с большими расходами, и вдруг может с полпути вернуться обратно.

Как иллюстрацию почтовых расходов приведу пример, что пересылка местной посылки стоимостью в восемь рупий обошлась в пять рупий. О таких соотношениях далёкие друзья тоже не знают. Удастся ли Джаксону убедительно воздействовать против несправедливости? Неужели эти несправедливости должны стать хроническими? Кто-то переслал нам пачку американских журналов, описывающих ужасные преступления, теперь в стране совершающиеся. Настоящий кошмар. Просмотрев их, ещё раз убедились, как трудно ожидать справедливости. Там же увидели и портрет Эрнста, и многое стало ясно.

Да будет Вам светло.

Шлём Верному Стражу и всем близким нашу любовь,

Рерих.

Архив Музея Рерихов, Москва

10 января 1940 г.

Н.К. Рерих

ВАЙЧУЛЯНИС

Краткая телеграмма: «Клементин скончался». Окончен земной путь замечательного человека. Друзья справедливо горюют об утрате такого преданного и устремлённого к добру сотрудника. За него можно лишь порадоваться, ибо окончены его земные страдания, и в обновлённом, утончённом теле он начинает новую работу на благо человечества. Истинное чудо в том, что при тяжкой болезни организм мог целый год бороться. Но к этому были особые причины. Посмотрим, сколько добра за этот год страдающий жестоко Клементий Станиславович успел совершить! Сколько единения он внёс среди друзей, сколько широких благостных советов он оставил ближним и дальним друзьям и сотрудникам. Точно бы именно для трудных переживаемых дней он сохранялся, чтобы самоотверженно озаботиться об укреплении истинного единения и добротворчества среди близких. С восхищением вспоминаем, в каких душевных тонах сообщали нам друзья о его преданности общему делу. Как даже в самые трудные для осознания дни, когда происходили многие колебания, он оставался твёрдым и мужественным и не терял широту воззрений. Это

особенно трогательно, когда мы знаем его каждодневную обиходную работу, которая могла бы заглушить возвышенные устремления.

Мало ли людей, которые погружаются в тину повседневности и стараются оправдать эту обиходность своё равнодушие к возвышенным устремлениям. В истории мы знаем примеры, когда выдающиеся деятели несли в жизни каждодневную рутину, но это нисколько не умаляло их высоких достижений. Точно бы для назидания давались такие примеры победы над обиходом жизни. Эти деятели имеют особо глубокое значение, ибо они в назидание прочим вносят в жизнь высокое качество всего ими делаемого. Они не только совершенствуют себя, но и совершенствуют окружающее. В лице Клементия Станиславовича мы видим добрый пример, как жизненная рутина не только не снизила его устремления, но даже как бы являлась побуждением к его мыслительным полетам. Друзья и сотрудники сохраняют о нём самую светлую память и не раз припомнят, как даже в самые трудные часы Клементий Станиславович умел сказать простое слово, которое бывало самым нужным и целительным.

Итак, с одра болящего исходило целение. Запомним этот благостный пример в истории нашего Общества и пошлём нашему Другу самое душевное пожелание в его новых светлых преуспеваниях. Наша признательность и неизменная любовь пусть сопутствует ему на светлых путях.

10 Января 1940 г. Гималаи

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

Н.К. Рерих. Гималаи (Ушедшие в вечность). 1940.

10 января 1940 г.

Н.К. Рерих

ФЛОРЕНТИНА СУТРО²

Ушла добрая, крупная деятельница. Америка может добром вспомнить Флорентину Сутро. Она успевала сделать добро в самых разных, неожиданных концах страны. Да и одна ли Северная Америка тепло помянет энергичную де-

²Флорентина Сутро [Florentine Scholle Sutro (Mrs. Lionel Stro)] (18.11. 1864, Сан-Франциско – 20. 12. 1939 г., Нью-Йорк)

ятельница? Её добрая рука протягивалась в разные страны и умела помочь многому культурному.

Сутро была не только благотворительницей, дающей от избытка, но именно широкой деятельницей. Её имя связано с учреждениями, посвящёнными миру. Умела она живо подойти к великому общечеловеческому понятию, зная, что лишь действительно можно укреплять мир, а не голым доброжелательным словом.

Также Сутро была директором Школы Этики. Одно это показывает её внутреннее устремление. Для неё Этика была не модным поверхностным понятием, но глубокою основой жизни. Имя её связано и с госпиталями, и с художественными учреждениями, со школами и музеями, с переселенцами и со многими жизненными проблемами. С уважением и радостью следили мы двадцать лет за этою кипучею деятельностью, и всегда эта деятельность была доброжелательной.

Возьмите хотя бы её автобиографию «Мои первые семьдесят лет». Разнообразной была жизнь Флорентины, и со многими выдающимися деятелями ей пришлось встретиться. Эти её знакомцы и друзья были чрезвычайно разнообразны, но о каждом она нашла благожелательное и правдивое слово. В книге рассказаны многие поездки. В каждой стране Флорентина умела найти характерные основы и рассказала о них просто и душевно, ибо смотрела она глазом добрым.

Одной из самых последних её поездок было обширное путешествие по русским землям, с юга до севера. Прекрасно разобралась Флорентина Сутро в сложной жизни и опять-таки нашла правильное и характерное суждение. Прошлым летом неутомимая деятельница успела слетать в Южную Америку, куда привлекли её общественные интересы. Для неё возраст не был преклонным, и с молодою подвижностью она откликнулась на всё животрепещущее.

В каждом её намерении была заключена глубокая идея. Хотя бы вспомнить идею кооперативного дома, в котором должны были найти приют как сотрудницы и пайщицы бедные труженицы и молодые матери, которые могли оставить своих детей на время рабочих часов под призором дежурной товарки.

Сохраняем глубокое по смыслу письмо Флорентины, в котором она говорит о проблемах мира, указывая на своё несогласие с некоторыми поверхностными обществами этой идеи. Деятельная душа не мирилась с бездейственными речами. Где была Флорентина Сутро, там было ДЕЙСТВИЕ, и действие доброе и неутомимое. Она умела быть другом верным и любила доводить дело до конца. Особенно отметим её стремление к справедливости и горение исправить, где только возможно, попорченную правду. Все эти качества нечасто встречаются.

На новых дальних путях поможет ей всё добро, которое она успела сделать в своей земной жизни. Поможет ей неисчерпаемая деятельность, которая была её отличительной чертой. Сердечный привет в её новых надземных путях.

10 Января 1940 г. Гималаи

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

ТУДА И ОТТУДА

Теперь главный вопрос наш об ушедшей, всем нам дорогой. Вполне понимаем всю вашу горечь, но для ушедшей лучше будут ваши добрые сердечные мысли о ней, без посылок горестных. Она ведь остро чувствует и видит вас. Ведь только разница в вибрациях плотного и тонкого плана препятствует более тесному и осязаемому общению. Древние народы гораздо лучше понимали смысл перемены бытия, нежели современные цивилизованные мудрецы. Сколько раз повторено в древних Учениях о том, что смерти не существует, но есть лишь смена оболочек. "Мы не умрём, но изменимся". В этой краткой формуле всё сказано, но люди как-то не обращают внимания на это основное утверждение закона бытия. Вы пишете, что стремитесь скорее перейти в Тонкий Мир. Правильно, что вы думаете об этом переходе, ибо сознание должно быть к этому подготовлено, но чем-либо ускорить этот переход по следствиям будет равносильно неудачной преждевременной операции. Каждый должен выполнить своё задание в плотном мире; невозможно оказаться дезертиром! Все элементы, входящие в состав наших оболочек, плотной и тонкой, должны закончить естественно своё земное выявление, чтобы тем самым беспрепятственно приобщиться к жизни в Тонком Мире. Ушедшая, обладавшая таким чутким сердцем и приобщавшаяся к искусству, конечно, пребывает в прекрасных сферах с лицами, близкими ей по духовным устремлениям. Именно в сферах духа притяжение особенно остро действует. Ведь дух, прежде всего, магнит.

Прекрасное сердце как выразитель духа является лучшим проводником или мостом среди сфер. Мысль как тончайшая энергия является основой Тонкого Мира, и добрая мысль есть крепчайшая творческая сила. Там всё творится мыслью, и мыслью же всё разрушается. И земные мысли имеют такое же назначение, потому что можно себе представить, как важно посылать в пространство мысли созидательные и прекрасные. Вам это должно быть особенно близко, ибо вы всегда говорили о глазе добром. Несомненно, и все тяжкие условия Армагеддона должны тоже очень отягчать вас. Ведь вы особенно чутки на всякие мировые волны. И кому сейчас может быть хорошо? Уже не говорим о житейских условиях, которые у каждого из нас потрясены, но сердце болит за все бедствия мира, увы! подготовленные самими людьми. Само пространство вопиёт. В письмах с разных концов Земли сообщают о необычных космических явлениях. В шуме битв многие из этих знамений особого времени тонут. Но чуткие сердца ощущают их, и никогда не было такого болезненного напряжения, как сейчас. Планета тяжело больна. Равновесие мира держится лишь одной страной, и радостно, что там кипит строительство. И во время битв каждый должен думать о строительстве и вносить его в своей области. Никто не знает, когда и где понадобится приложение его труда и опыта. Девиз "всегда готов" особенно должен быть повторяем сейчас. "Всегда готов, на дозоре во имя общего блага".

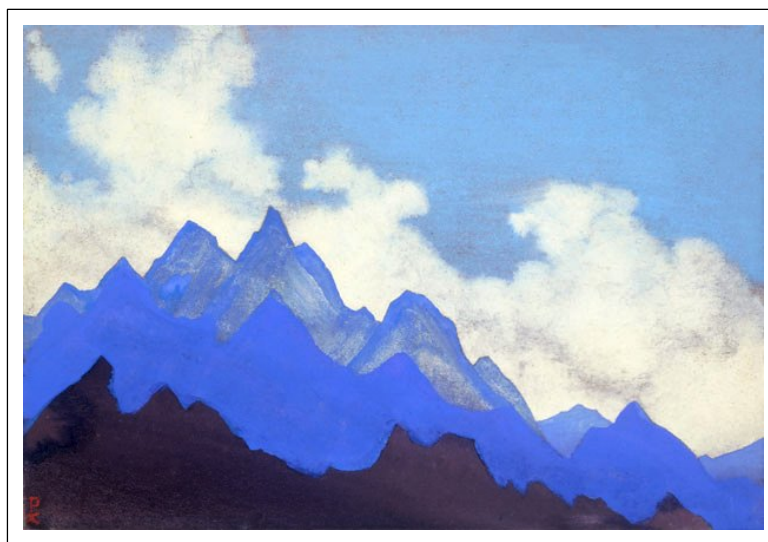
Ваш словарь добра всегда был так велик, и сейчас вы должны почерпнуть оттуда выражение доброй бодрости, которая принесёт благо многим друзьям известным и неизвестным. У каждого из нас много этих неизвестных друзей, и мысль о них где-то сотворит что-то доброе. Эти добрые мысли сплетутся с прекрасными тончайшими мыслями "оттуда", и получится контакт сильный.

Воздействия "оттуда" непрестанны, а люди вместо того, чтобы принять их благодарно, стараются отмахнуться, как от мух назойливых. И в этой своей необдуманности и небрежности люди часто лишают себя лучшей помощи. Вот и ваша дорогая ушедшая, конечно, уже шлёт вам бодрые, благие мысли. Она то знает, когда свидится с вами. И вы должны встречать её мысли такими же благими чувствами. Вопль горя вовсе не помогает ни ей, ни вам самим.

Когда люди отъезжают в дальнейшее путешествие, близкие провожают их добрыми пожеланиями и ждут новой радостной встречи, так и тут. Помните - "как внизу, так и наверху", и эта аксиома вечной непрерываемой жизни должна быть всеми твердо усвоена. Жизнь продолжается в тонких формах и, увы, часто даже слишком отражающих наше земное пребывание. Всё это аксиома, но столько в земном быту нагромоздилось всяких искажений и самых диких представлений, что прекрасный смысл непререкаемых трюизмов и аксиом затемнился. Человек, переходя, не проваливается "в хладную бездну", но продолжает свой путь, применяя все накопления. Ей там хорошо, и вы помогите ей своими добрыми мыслями.

[1940 г.]

Н.К. Рерих "Обитель света". М. 1992 г.

Н.К. Рерих. Гималаи. Венец земли. 1939.

16 Января 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

СКРЫНЯ

И ещё одна легенда превратилась в явь. Считали, что сказание о Парсифале, о Граале есть чистейший вымысел. Но чешский учёный недавно нашёл в иранской литературе пятого века книгу "Парси Валь-Намэ", где рассказана, в манихейском понимании, легенда о Парсифале, о Граале. Юрий в своей истории Средней Азии предполагал, что Грааль связан с манихейством. Предположение было правильно, и находка чешского учёного его вполне подтвердила.

Но больше того, молодой швейцарский учёный в Пиренеях около Монсегюра нашёл пещеры с изображениями, относящимися к Граалю и к тампли-

ерам. Это тот самый Монсальват, который часто поминается в связи со сказаниями о Граале.

Нужно быть признательным швейцарцу. Нелегко было проникать в глубокие пещеры. Даже по немногим снимкам можно убеждаться, что требовались и горная сноровка и смелость. Наверно, в тех же местах могут быть найдены ещё изображения и предметы ритуала. Катары, альбигойцы и разные ещё не вполне осмысленные секты могли вращаться у мощных стен Монсегюра.

Вот и времена Меровингов и Каролингов тоже ещё не вполне разгаданы. Суждения историй колеблются. Вот Хлодвига различные историки снабжали самыми противоречивыми эпитетами. Он и мудрый, и прозорливый, и святой, он же лукавый, корыстный, предательский.

Опять найдутся корни легенд. Лишь бы искали их без предрассудков и суеверий. А искать нужно в самых неожиданных местах. Хуже нет быть связанным какими-то ветхими предубеждениями.

Манихейство пока остаётся одним из самых загадочных учений. Судя по ярким преследованиям, культура его была добрая, и искания истины были широкие. Со временем ветви могли запутаться, но основа была глубока.

Во время азийских экспедиций пришлось открывать многие ветви старинных сказаний. Пусть это лишь ветви, ибо до корней не докопаться, а всё-таки велика радость выпрямить согнутое и переплетённое веками. И нигде столько не захоронено, как в Азии. Истинная скрыня!

16 Января 1940 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

23 января 1940 г. Гималаи

Письма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

23.I.40

Родные наши,

Спасибо за письмо Зины от 25-го дек[абря], только что полученное. Действительно, даже воздушные письма идут медленно. А ведь прежде они иногда доходили в пятнадцать [дней] и даже ещё раньше. Правильно Зина поминует добром Флорентину. Это был верный друг.

Мы не вполне поняли Вашу прошлую телеграмму о разных бумагах. Послали мы Вам и в копиях, и в оригинале, всё у нас к этому [времени] бывшее, и надеемся, что вследствие Вашего отъезда эти документы не затеряются. Это письмо, пожалуй, уже дойдёт к Вам в конце Вашего пребывания в Лос-Анд[желесе]. Опять Вы увидите новых людей. Если бы Вы встретили проф[ессора] Неппера, сына нашего приятеля, он был проф[ессором] в Университете, то передайте ему мой привет. Пожалуйста, сохраните у себя brief Джексона по делу "Sun" – когда-то всё это потребуется. Удивительный суд, который не принимает во внимание ни расстояния, ни события и даже не даёт возможности высказаться за правду. Конечно, по нынешним временам даже хорошо, что это дело пока останется под судом без всякого движения. Надеемся, что мировые события будут приняты во внимание и в деле Джексона, которое должно было слушаться в феврале. Вы писали, что по этому делу, кажется, предполагалось Ваше показание, но, видимо, и оно отложено.

Не удивляюсь, что с “Викинг Пр[есс]” ничего не вышло. Уж очень странно многое происходит, а между тем все три книги – и “Алтай–Гималаи”, и “Шамбала”, и “Твердыня Пламенная” распроданы. Мы знаем людей, которые хотят их приобрести, а издательства им отвечают, что книги распроданы. Таким образом, остаётся лишь “Сердце Азии”, которое, как Вы знаете, пролежало захороненное. На широкий рынок эта книга так и не попала. А между тем люди так тянутся сейчас к этим темам. Успех убогой “Шангрилы” лишний раз это доказывает. Но беда в том, что обычно спрос не встречается с предложением.

Зина пишет, что друзья успели сделать между собою соглашение, которое так сейчас пригодится ввиду смерти Флорентины. Действительно, опасно иметь это дело в руках Рок, о которой Вы так определённо пишете. Надеемся, что и Стокс окажется того же мнения. Ведь теперь все прочие движения по делу друзей должны решаться двумя участниками. Будем надеяться, что Стокс поймёт соображения Катрин. Наверное, трио теперь воображают, что после ухода такого твёрдого и верного друга, как Флорентина, произойдёт замешательство, во время которого им удастся углубить их вандализм. Опять повторяю, что военные экстраординарные обстоятельства должны бы дать новые, не предвиденные адвокатами противников, возможности. Даже в газетах мелькают сведения о разных мораториях, всяких отложениях и замедлениях, в особенности же ввиду затяжного характера войны. Адвокаты наших друзей могли бы извлечь из этих обстоятельств максимум пользы. В некоторых странах до сих пор психология не изменилась и люди как бы ещё не чувствуют размеры событий и внешних, и внутренних.

Посылаю Вам для “Рассвета” заметку к тридцатилетию смерти А. Куинджи. Ввиду общего интереса она может быть помещена, даже несмотря на военные времена. Пожалуйста, пришлите мне оттиски, ведь и газеты, и журналы сюда из разных стран доходят. Только отсюда для посылки печатного слова требуется разрешение, которое трудно получить. Впрочем, за последние дни, кажется, разрешены эти посылки в Америку, почему мы и попробовали послать в Либерти осенние номера “Flamma”. Интересно, дойдут ли они? Это разрешение посылать распространяется на Францию, Британию и Америку, но остальные страны, хотя бы и нейтральные остаются под запретом. Даже с разрешением осенние номера “Flamma” уже третий раз посылаются в Латвию, надеемся, что на этот раз они дойдут. Так жаль, что “Flamma” угасла, но Вы видите, насколько невозможно печатать её здесь. Удивляемся, что Зиночка не получила второго тома “Писем” Е.И. Впрочем, кажется, нигде ещё его не получили, и до нас он ещё не дошёл. Думается, что хорошо бы дать эту книгу Муромцеву, и мы писали в Ригу, чтобы она оттуда была им послана, но об этом ещё не имеем подтверждения от Саны. Хорошо, что Вы получили от Лукина invoice. Мы не удивляемся задержке, ибо он на это время был призван на военную службу и находился вне города. Как дела в Академии? Не удивляемся, если потребуется некоторое время, прежде чем новый контингент и преподавателей, и учащихся наладится. Ведь этот контингент должен прийти из совершенно новых кругов. Не слышали ли Вы, что творится в стане трио? Видимо, всё там пожухло – время от времени не худо бы осведомляться о происходящем там, чтобы быть в курсе дела.

Состоялся ли контакт с Музеем Модернистического Искусства? Может быть, и ещё с какими-либо художественными и культурными учреждениями завязались связи? Радуемся Вашей дружной жизни и шлём Вам, как всегда,

наши лучшие мысли и чувства. Храните спокойствие и мужество, всё будет хорошо.

Сердцем и духом с Вами,

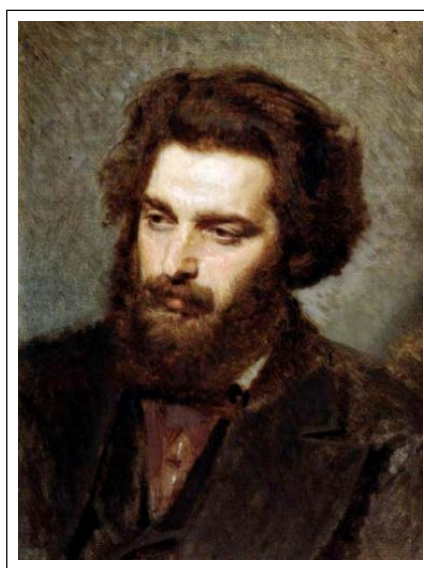
Рерих.

Письма в Америку

«Посылаю Вам для “Рассвета” заметку к тридцатилетию смерти А. Куинджи...»

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И.А. КУИНДЖИ

(15 (27) января 1842, Карасёвка, Мариупольский уезд, Екатеринославская губерния, - 11 (24) июля 1910, Санкт-Петербург,)

И.Н. Крамской. Портрет А.И. Куинджи. 1872.

КУИНДЖИ

(К тридцатилетию со дня смерти)

Быстро бежит время. Уже тридцать лет минуло, как скончался Куинджи. Ушёл большой художник, большой человек, большое сердце. Незабываемый!

Тяжко кончался Куинджи. Невольно поминалась народная пословица, что «добрые люди трудно помирают». Болезнь сердца, удушье со страшными болями, всё это сломило крепчайший организм. Болезнь развивалась быстро, и в 1910 году уже не оставалось сомнения, что фатальный конец близок. Летом меня вызвали из Прибалтики ввиду ухудшения болезни. Я застал Архипа Ивановича нагим, сидящим на постели, а вокруг него помещалось несколько членов Академии - Беклемишев, Позен и другие. Архип Иванович говорил странные вещи, и я сразу понял, что он от страданий своих не в себе. Отозвав Беклемишева, я обратил внимание на эту новую сторону болезни, но Беклемишев замахал руками и сказал: «Ничего подобного». Не успел он вернуться к своему месту, как Куинджи позвал служителя, санитаря Петра, и, указав ему на сидевших членов Академии, горько сказал: «Пётр, ты простой человек, по-

смотри, что за люди меня окружают». После этого Беклемишев понял. Конечно, только припадки боли вызывали возбуждённое состояние, и тогда мышление туманилось. Но боль утихала, и Куинджи пристально вглядывался в нас и говорил: «Этто, давайте сегодня говорить глупости». Бывали и жуткие минуты: так, когда я и Зарубин дежурили ночью, Архип Иванович вдруг привстал на постели и, вглядываясь куда-то между нами, глухо спросил: «Кто тут?» Мы ответили: «Рерих и Зарубин». - «А сколько вас?» - «Двое». - «А третий кто?» Было жутко. Архип Иванович хотел повидать всех своих учеников. Но сделать это было очень трудно. В летнее время все были в разъезде. Вроблевский был в Карпатах, Пурвит в Риге, Рущиц за Краковом, Богаевский и Латри - в Крыму, и остальные все далеко. Я сделал целое расписание - кому и куда написано. В минуты облегчения от страданий Архип Иванович требовал этот лист и обсуждал, когда к кому могло прийти письмо, когда, кто, откуда мог выехать, по какой дороге. Осведомлялся, нет ли телеграмм, спрашивал: «Но ведь они торопятся? Они знают, что спешно?» Это было очень трагично. Куинджи любил учеников. Это была какая-то особенная любовь, которая иногда существует в Индии, где понятие Учителя - Гуру облечено особым пониманием. Незадолго до конца в припадке боли Куинджи пытался выброситься из окна. Значителен и мудр был лик его в гробу.

Куинджи, посылая денежную помощь бедным, добавлял: «Только не говорите от кого».

Куинджи однажды услышал, что ученики между собою называли его Архипом. Когда все собрались к чаепитию, он сказал, улыбаясь: «Если я для вас буду Архипкой, то кем же вы сами будете?» Учительство, подобное Гуру Индии, сказывалось в словах Архипа Ивановича.

Куинджи умел быть суровым, но никто не был таким трогательным. Произнеся жестокую критику о картине, он зачастую спешил вернуться с ободрением: «Впрочем, каждый может думать по-своему. Иначе искусство не росло бы».

Куинджи знал человеческие особенности. Когда ему передали о некоей клевете о нём, он задумался и прошептал: «Странно! Я этому человеку никакого добра не сделал».

Куинджи не только любил птиц, но и умел общаться с ними. Болезни его пернатых друзей сильно его огорчали. «Сильный дифтерит у голубя - тяжёлый случай! Вот и подклеенное крыло у бабочки не действует!»

Куинджи умел при надобности осадить вредные выступления. Когда Матэ стал высказывать в Совете наущения Репина, Куинджи прервал его словами: «Пусть лучше сам Илья Ефимович нам расскажет».

Куинджи умел защитить неправо пострадавшего. Ученики Академии часто не знали, кто смело вставал на их защиту. «Этто, не трогайте молодых».

Куинджи выказал большую самоотверженность, когда великий князь Владимир и гр[аф] Толстой предложили ему немедленно подать в отставку за защиту учащихся. Друзья советовали ему не подавать, но он ответил: «Что же я буду поперёк дороги стоять? Вам же труднее будет».

«Коли загоните в угол, даже овца кусаться начнёт» - так знал Куинджи природу человеческую.

«Одни способны написать даже грязь на дороге, но разве в том реализм?» - говорил Куинджи, изучая свет луны.

«Сделайте так, чтобы иначе и сделать не могли, тогда поверят», - говорил Куинджи об убедительности.

Когда пришла весть, что адмирал Макаров сам выходит на разведку из Порт-Артура, Куинджи очень взволновался и говорил: «Нельзя ли телеграмму послать, ведь его заманивают на мины». Предвидение!

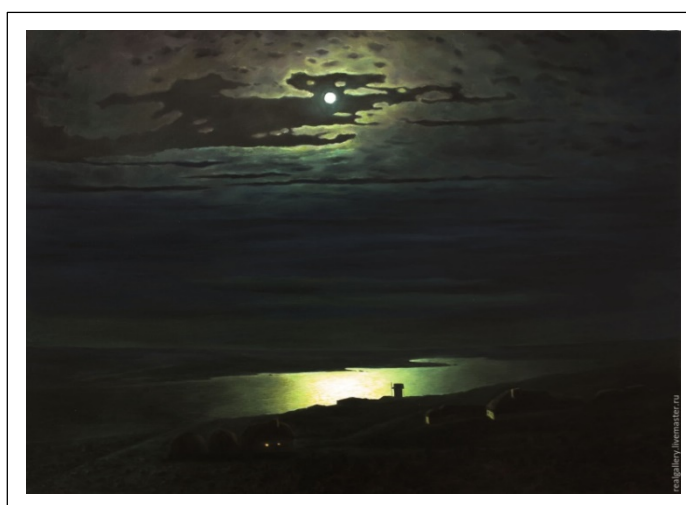
Однажды с Куинджи говорили о чудесах авиации. Он вздохнул: «Хорошо летать, прежде бы научиться по земле пройти». Он-то умел по земле ходить.

Когда же Куинджи слышал оправдания какой-то неудачи, он внушительно замечал: «Этто, объяснить-то всё можно, а вот ты пойди да и победи».

Прекрасную победу одерживал Куинджи, когда писал приволье русских степей, величавые струи Днепра, когда грезил о сиянии звёзд...

1940 г. Гималаи

«Литературные Записки». Рига. 1940

А.И. Куинджи. Лунная ночь на Днепре. 1880.

24 января 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

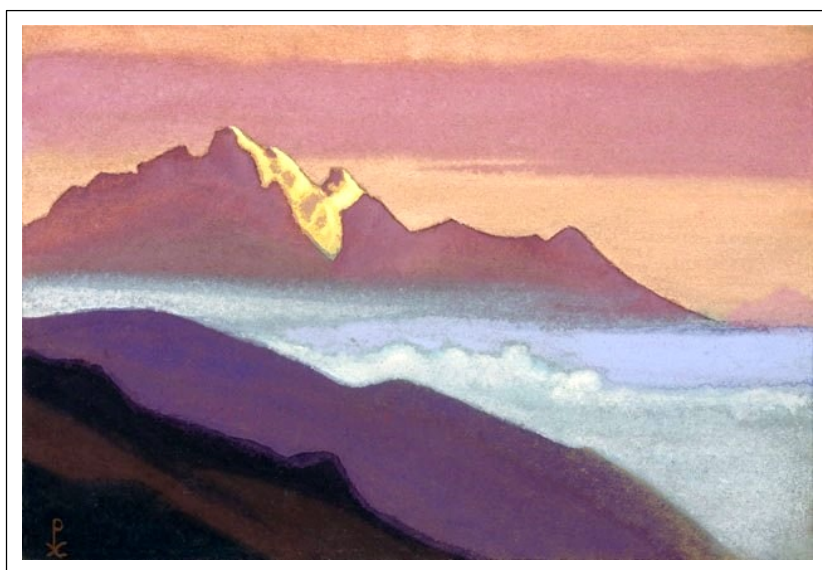
КРУЖНЫЕ ПУТИ

Французский учёный Анкетиль Дюперрон в 1754 году поступил рядовым в роту Ост-Индской Компании, чтобы в Индии прикоснуться к древней мудрости. За незнанием санскритского языка он с персидского перевода, в свою очередь, перевёл "Упанишады" на латинский. Этим латинским переводом пользовался Шопенгауэр за неимением ничего другого. Можно себе представить, насколько при таком тройном переводе должно было искажаться значение тончайших оттенков индусской философии. Само имя "Упанишады" после "персидского перевода уже значилось как "Упнекхат". Из этого можно заключить и о многом прочем. Иногда удивляются, почему Шопенгауэр как бы неточно обошёлся с индийскими философскими ценностями. Но можно ли этому удивляться, зная, каким круглым путём, через несколько условных переводов, он мог подойти к сокровищнице Индии. Неточные переводы натворили много бед и подчас на целые столетия носили вредные ошибочные толкования. Теперь исследователи снисходительно пожимают плечами, когда встре-

чаются с неверными толкованиями, происшедшими в минувших временах. Но ведь только пытливый ум и добросовестность учёного позволит ему разобраться в этих нагромождениях. Обыватели же надолго ещё остаются в мираже неверных и несправедливых суждений. Религиозные писания и исторические данные очень пострадали. Но кроме неверных переводов и умышленных толкований, могут быть и сознательные подделки. Известны случаи, когда ради фанатических или патриотических целей сооружались целые многозначительные манускрипты, которые вводили в заблуждение даже опытных учёных. Можно бы привести примеры из восточной литературы. Кроме того, ещё до сих пор продолжающиеся рассуждения о Краледворской рукописи показывают, как глубоко могут внедряться заблуждения. Легкомысленно поступают некоторые современные писатели, допуская сознательно искажение истины из зависти, злоумышления и небрежения. Конечно, всем известна печальная судьба газетного листа, но всё же это зеркало лжи попадает в книгохранилища. Когда-то исследователь, полный добрых намерений, столкнётся с невероятнейшими противоречиями и злоречиями, и какие же выводы он может сделать из мохнатого конгломерата относительных и, по большей части, злобных суждений. Никогда ещё печатное слово не доходило до таких извращений, как сейчас. Изобретаются какие-то особые министерства пропаганды. Кто-то хотел уточнить их цель и назвал министерствами лжи. Ко всем прочим кружным путям человечества добавился ещё один путь - сознательной лжи. Марк Твен говорил, что заблуждения бывают - прощительные, непрощительные и статистика. Можно ли усложнять пути будущих исследователей?! Допустима ли сознательная ложь!? Или она является каким-то уродливым и непременным атрибутом "цивилизации"?

24 Января 1940 г.

Н.К. Рерих. "Из литературного наследия". М. 1974 г.

Н.К. Рерих. Гималаи (Неприступная твердыня). 1940.

28 Января 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

НАШЕ ЛАТВИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Исполняется десятилетие работы нашего возлюбленного Латвийского Общества. Обернёмся на всё сделанное друзьями в течение этой плодотворной декады. Длиннен и содержателен будет отчёт о всех делах Общества. Можно сказать, что самые разнообразные Культурные стороны жизни были благожелательно затронуты и осмотрены глазом добрым.

Ещё раз утвердим главную, единственную основу этого деятельного Содружества. Собрались все во имя Культуры, и каждый принёс все свои лучшие устремления на эту Культурную, трудовую пашню. Совершенно естественно, что основы Этики занимают в Культурной программе основное положение. Человек, мыслящий о Культурных преуспеваниях, строит своё продвижение именно на этических основах. Добро, доброжелательность, глаз добрый для Культурного человека не есть неопределённые условные символы. Такой мыслитель знает великие реальности и прилагает их во всех проявлениях жизни.

В то время, когда ещё шаткие мировоззрения дробятся в ссорах и недоразумениях, все преданные делу Культуры понимают, что единение есть единственная основа строительства. Они знают, что единение будет тем живым сотрудничеством, которое позволит строить лучшие задания, минуя всякие подозрения и пристрастия. Всё это мы говорили многократно, и все наши друзья, члены Общества, знают эти наши основы. Но к десятилетию работы позволительно ещё раз сказать те же самые слова, которые каждому из нас близки и насущны. Пусть всё ясное утвердится ещё яснее. Сказать об основах жизни есть радость, а ко Дню памятного позволительно радоваться даже и в трудные времена.

В деятельности своей Латвийское Общество в широком размахе отметило не только достижения своих сородичей, но и уделило должное внимание мировым величинам - строителям всемирной Культуры. Ничто узкое не может оставаться в Культурной программе. Прекрасное понятие всеобъемлющей Культуры ведет к познанию здоровой эволюции. Вполне естественно, что за десять лет осознание эволюции должно сильно продвинуться. Благо, если эта пашня может быть обозрена глазом добрым.

Среди сотрудников Общества могут быть различные душевные настроения, даже до известной степени противоположные характеры. Иначе и быть не может, ибо если песчинка каждая индивидуальна, то индивидуальность человеческая щедра и многообразна. Разновидность сотрудников не только не мешает успеху дела, но должна именно способствовать ему, внося богатство выражений и разнообразие подходов мышления. Обмен мнений необходим в каждом общественном деле. В учреждениях, не близких Культуре, такой обмен может принимать даже воинствующий аспект. Но в обществе, посвящённом знанию и художеству, в содружестве Культурном обмен мнений должен быть лишь желательною обработкою темы. Пусть выражаются индивидуальности, но пусть при этом сохраняется та соизмеримость, о которой много сказано в книгах Живой Этики.

Будем помнить, что всем нелегко, а при происходящих мировых событиях всем очень трудно. Пожалеем друг друга. Пусть любовь к ближнему под-

скажет лучшие слова, которые могут согреть страдающее сердце. Собираемся к общему очагу не только для познания, но и ради сердечности, которая исцеляет раны душевные. Десятилетие есть уже половина целого поколения. Через много бурных потоков прошли наши друзья. У каждого многое было пережито, и, нужно думать, многое положительное сложилось. В познаниях Основ, конечно, расширялось и сознание, и в этом преуспеванном развитии можно встретить новую декаду со светлую надеждою и уверенностью.

Армагеддон бушует, и все друзья уже давно знали о его неизбежности. Во время таких мировых борений и целые народы и отдельные деятели чувствуют тяготу сугубую. Не знающий страшится этой тяготы, ибо он не слышал о грядущей Заре. Но те, кто среди взаимных общений, в дружбе и сотрудничестве, уже знали смысл грядущего, те не будут потрясены сложностью проблем. Незнающим и смущённым можно сказать - не ссорьтесь, особенно же в часы такого небывалого напряжения. Но друзьям не приходится говорить это, ибо они знают о неизбежности напряжения великого. Они знают о боли планеты, знают о заблуждениях человечества.

Итак, в грозе и молнии встретим новое десятилетие. Ещё крепче утвердимся на основах истинно понятой Культуры и скажем друг другу самое сердечное и ласковое слово. В добре придёт и вернейшее решение. Не отринем Руку Водящую. В труде добром поймём, примем и продолжим преуспевание. Шлём радость к десятилетию прекрасной работы нашего Латвийского Общества.

28 Января 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М., 1995. (Из архива МЦР)

30 января 1940

Письма Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

30.1.40

Родные наши,

За это время пришло письмо Зины от 29-го декабря и страннейшая и длиннейшая телеграмма от Гринбаума, Вольфа и Эрнста. Из этой телеграммы мы ничего не могли понять. Спрашивается – откуда же появилась эта Белокурая, которая раньше не появлялась самостоятельно? Спрашивается, каким таким кредитором она может быть – вообще в этой телеграмме чуеться новый грязный поход гангстеров. Телеграмма сюда шла более трех суток, а 1-го февраля Вы уезжаете в Лос-Анджел[ес], потому мы решили послать Вам спешную телеграмму, а длиннейшее содержание полученной телеграммы мы перетелеграфировали Джаксону, и обе эти телеграммы стоили нам свыше ста рупий. Может быть, таинственное содержание телеграммы вовсе не касается Джаксона, но так как в телеграмме стоит мое имя, то он сейчас является единственным прикасающимся лицом к нью-йорк[ским] делам. Может быть, за последние дни у Вас произошли события, о которых мы ничего не знаем, и странное привхождение ведьмы для Вас уже объяснимо. Неужели же ее интимный друг и покровитель Хорш подарил ей какие-то дела? Или же злоумышленно нечто совсем новое? Будем ждать Ваших пояснений. Думается, что происходит новая грязная попытка [нападок] на картины. Наверное, гангстерам хотелось бы воспользоваться военным временем и под шумок злобно расправиться с картинами. Брэгдон в своем последнем письме опять говорит о

его встречах с людьми, которые стремятся увидеть мои картины и ужасаются, слыша о зверском поступке гангстеров. Многие забыли или вообще не отдают себе отчета, что в темницу брошена тысяча картин, составляющих собственность нации. Ведь даже те, которые любят искать легальные зацепки, признают, что наше общее постановление – декларация, во всяком случае, имеет моральное значение. Если полноправное постановление Совета Trustees не имеет значения, то, значит, и все постановления Совета не имели и не имеют значения. Тогда спрашивается, к чему происходит комедия официальной инкорпорации и на всех бумагах подчеркивается, что Учреждение инкорпорировано? Неужели в Америке все это лишь бутафория и по желанию “инспирированного” судьи может интерпретироваться во всех направлениях?

За эти годы мы явились свидетелями чудовищных несправедливостей. Даже Стокс, избегающий всегда сильных выражений, не мог не написать, что в этом деле проявлена величайшая несправедливость. Слышанное ли дело, чтобы суд принимал во внимание и базировал свое решение на домашней копии сфабрикованного “документа”, никогда не существовавшего и потому на суде не предъявленного? Сфабрикованные поддельные бумаги принимаются во внимание, а подлинное письмо самого Хорша игнорируется. Помните, что Хорш вначале на суде пытался сказать, что его подпись поддельная, и лишь потом не решился утверждать эту свою новую ложь, но при помощи советчиков своих стал утверждать, что содержание его письма относится к чему-то другому. По странности суда никто не допросил Хорша, к чему же такому другому его письмо относилось. Какая потрясающая картина недобросовестности и вопиющего пристрастия! К сожалению, с Гималаев остается лишь поражаться, что и в теперешний век воочию можно видеть несправедливость, с которой сложены многие древние сказания. За этими темнейшими знаками скрывается и художественный аспект происходящего. Правда, в истории можно видеть примеры, как в войнах уничтожались библиотеки, музеи и всякие культурные памятники. Но не приходилось нам читать, чтобы тысяча картин одного мастера бросалась бы в темницу, а народ безмолвствовал. Тысяча картин есть труд многих лет. Пословица говорит, что унция мозгов весит больше, чем тонна мускульной грубой силы. А сколько же унций творчества нужно потратить на тысячу художественных образов! Ведь это целые годы труда невосполнимого! Брэгдон пишет, что люди ужасаются, но, добавим, ужасаются они шепотом, а улыбаются гангстерам при встречах явно. По человечеству, нельзя же допустить, чтобы один гангстер с двумя своими супругами мог обокрасть ближайших сотрудников, обокрасть нацию и глумиться над общественным мнением. Когда в недалеком будущем вся эта гнусная эпопея будет вновь пересматриваться, то в каком же свете предстанут таинственно инспирированные судьи? И как будет торжествовать судья О’Малей, который пошел против своих коллег и подал свой одинокий голос за правду! Как характерно для нашего века, что за правду из пяти судей был лишь один. Тяжек путь эволюции. Вероятно, в пути находится Ваше письмо с подробностями, о которых Вам говорила Рок. Наверное, Флор[ентина] не забыла Зину. Февраль будет тяжек, соберем доблесть и мужество. Уносят здоровье вести. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом с Вами,

Рерих

Н.К. Рерих. Письма в Америку. Москва, «Сфера». 1998.

30 января 1940 г.
Н.К. Рерих

АМЕРИКА

Думается, что происходит новая грязная попытка [нападения] на картины. Наверное, гангстерам хотелось бы воспользоваться военным временем и под шумок злобно расправиться с картинами. Брэгдон в своём последнем письме опять говорит о его встречах с людьми, которые стремятся увидеть мои картины и ужасаются, слыша о зверском поступке гангстеров. Многие забыли или вообще не отдают себе отчёта, что в темницу брошена тысяча картин, составляющих собственность нации. Ведь даже те, которые любят искать легальные зацепки, признают, что наше общее постановление - декларация, во всяком случае, имеет огромное моральное значение. Если полноправное постановление Совета Треста не имеет значения, то значит и все постановления Совета не имели и не имеют значения. Тогда спрашивается, к чему же происходит комедия официальной инкорпорации, и на всех бумагах подчёркивается, что учреждение инкорпорировано? Неужели в Америке всё это лишь бутафория, и по желанию "инспирированного" судьи может интерпретироваться во всех направлениях?

За эти годы мы явились свидетелями чудовищных несправедливостей. Даже Стоке, избегающий всегда сильных выражений, не мог не написать, что в этом деле проявлена величайшая несправедливость. Слыханное ли дело, чтобы суд принимал во внимание и базировал своё решение на домашней копии сфабрикованного "документа", никогда не существовавшего и потому на суде не предъявленного! Сфабрикованные поддельные бумаги принимаются во внимание, а подлинное письмо самого Хорша игнорируется. Помните, что Хорш вначале на суде пытался сказать, что его подпись поддельная, и лишь потом не решился утверждать эту свою новую ложь, но с помощью советчиков своих стал утверждать, что содержание его письма относится к чему-то другому. По странности суда, никто не допросил Хорша, к чему же такому другому его письмо относилось. Какая потрясающая картина недобросовестности и вопиющего пристрастия! К сожалению, с Гималаев остаётся лишь поражаться, что и в теперешний век воочию можно видеть несправедливость, о которой сложены многие древние сказания. За этими темнейшими знаками скрывается и художественный аспект происходящего. Правда, в истории можно видеть примеры, как в войнах уничтожались библиотеки, музеи и всякие культурные памятники, но не приходилось нам читать, чтобы тысяча картин одного мастера бросалась бы в темницу, а народ безмолвствовал.

Тысяча картин есть труд многих лет. Пословица говорит, что унция мозгов весит больше, чем тонна мускульной грубой силы. А сколько же унций творчества нужно потратить на тысячу художественных образов!

Ведь это целые годы труда, невозполнимого! Брэгдон пишет, что люди ужасаются, но добавим - ужасаются они шёпотом, а улыбаются гангстерам при встречах явно. По человечеству нельзя же допустить, чтобы один гангстер с двумя своими супругами мог обокрасть ближайших сотрудников, обокрасть нацию и глумиться над общественным мнением. Когда в недалёком будущем вся эта гнусная эпопея будет вновь пересматриваться, то в каком же свете предстанут таинственно инспирированные судьи! И как будет торжествовать судья О'Малей, который пошёл против своих коллег и подал свой одинокий

голос за правду. Как характерно для нашего века, что за правду из пяти судей был лишь один. Тяжек путь эволюции!

30 Января 1940 г.

Н.К. Рерих, Листы дневника. М., 1995 г. (Из архива МЦР)

ФЕВРАЛЬ

7 февраля 1940 г.

Письмо Н.К. Рериха в Америку

7.П.40

Родные наши,

Пришло письмо Зиночки от 8-го янв[аря]. Зиночка совершенно правильно передаёт мнение адвоката о том, что если бы не было таинственного протектора, то мы давно бы выиграли дело, и трио получило бы по заслугам. Это мнение правильно, но такая же бездна несправедливости царствует в мире. Порядочным людям прямо дышать невозможно. Тот же адвокат что-то говорит о разделе картин между друзьями и предателями. Но согласие Ваше, наше и двух друзей значило бы, что мы отказываемся от декларации 1929-го года. Наша опора в том, что мы все считаем постановление Совета Trustees незыблемым. Ведь никакого отказа со стороны нации не было. И до сих пор во всех странах молчание всегда считалось знаком согласия. Даже существует стариннейшая пословица: "Молчание есть знак согласия". А Древний Рим, откуда произошла эта пословица, всегда считался большим законником. Впрочем, теперь, за смертью Флорентины, во всём ведении дела, вероятно, произойдут изменения. Да и участие самой Рок ещё не выяснено. На всякий случай посылаем Вам по одному экземпляру двух изданий каталога – у нас у самих больше не остаётся. Потому Вам полезно из склада иметь под рукою хотя бы по несколько копий каждого издания.

Мы Вам не ответили телеграфно на Вашу телеграмму с запросами о передачах и доверенности, ибо мы немедленно послали Вам всё к этому имеющееся у нас, а засвидетельственная копия доверенности уже ранее была послана Катрин. Особенно важно, что как эта доверенность, так и бумага о передаче относится к 1933-му году, то есть перед моим отъездом в Америку и задолго до возникновения всяких дел. Теперь, вероятно, и засвидетельствованная передача уже Вами получена. Также обратите внимание, что моё письмо от 33-го года о передаче не было засвидетельствовано, но по закону Пенджаба, где мы резиденты, такого засвидетельствования и не требуется. Совершенно достаточно письма. Об этом мы получили точное подтверждение и от нынешнего магистрата, и местного адвоката. Ведь мы здесь живём по местным условиям и законам, но, во всяком случае, полная засвидетельственная доверенность покрывает всё. Не телеграфировали мы Вам также и потому, что не только все письма и телеграммы идут через цензуру и это может вызвать промедление – ведь времена особенные. От Джаксона мы получили телеграмму о том, что он примет меры охранить наши интересы и против самозванного кредитора. Но в этой телеграмме не упомянуто, имел ли он консультацию с Вами, – о чём мы ему подчёркивали. Как мы уже писали, мы вынуждены были телеграфировать прямо ему, ибо были не уверены, дойдёт ли телеграмма до Вашего отъезда. Мы ломаем голову, откуда произошло это подставное лицо, ибо, как Вы знаете, мы с Белокурой вообще никаких дел не имели. Очевидно,

произошла какая-то новая тёмная фабрикация и гнусное дело обогатилось ещё одним эпизодом. Надеемся, что Джаксон всё-таки повидался с Вами и теперь находится в курсе. Хотя если он друг Гринбаума, то он получит своеобразные пояснения. Будем надеяться, что его действия не будут так же своеобразны. Это письмо, вероятно, придёт к Вам по Вашему возвращению, и Вы можете проконтролировать действия адвокатов. Статью Кауна, которая не так уж плоха, всё же не посылайте ни Конлану, ни Шкляверу, ни в Ригу. Вы уже знаете, что Шкл[явер] призван и служит простым солдатом. Мы хотим, ввиду времени военного, почти прикрыть Центр. К сожалению, всё же придётся платить за помещение для склада картин и некоторую субсидию Шкл[яверу], который получает полфранка в день как солдат. Если были в русских газетах какие-либо мои статьи, то, пожалуйста, их пришлите. Помнится, Вы писали, что статья "Мир Искусства" появилась в "Рассвете". К нам печатное слово доходит, но отсюда посылать его затруднительно. Относительно Шибаяева остаётся официальная формула, что он находится в долговременном отпуску, впрочем, весь этот эпизод не имеет особого значения. Он уже давно говорил об Австралии или Новой Зеландии, может быть, он хочет осуществить это, ибо натурализуется брит[анским] подданным. Ничего толком о нём не знаем. Вы пишете, что Стокс состоит председателем Общества Друзей, но когда я говорил о Комитете, я имел в виду не Общество Друзей, а Комитет Музея, в котором покойная Флор[ентина] была председателем. Потому-то мы и предлагали, чтобы после Флор[ентины] вполне естественно Вы могли бы быть председательницей этого Комитета. Сам же этот Комитет ещё будет очень нужен при дальнейших перипетиях дел. Ведь этот Комитет является как бы выражением общественного мнения. Теперь при многих музеях в разных странах имеются такие комитеты, которые добровольно находятся на страже интересов учреждения. Повторяю, что этот Комитет будет очень нужен. Он может быть и не слишком многочислен, ибо это не Общество, а Комитет.

Опять у Е.И. сильнейшие сердечные перебои, и мы оберегаем её от писания. Конечно, все многообразные события чувствуются сердцем, и нужна особая бережность в таком возрасте. Много везде трудностей, отовсюду о них пишут, но всё же приближаемся к светлому будущему. Пословица говорит: "Из-за кустов леса не видно". Так и сейчас многие совершенно не понимают, где же строевой лес, закрытый всякими зарослями, а он стоит и, может быть, именно сейчас мощнее, чем когда-либо.

Шлём нашему Верному Стражу самые сердечные мысли, спасибо Дедлею за письмо, радуемся Вашему счастью. Передайте наш душевный привет Катр[ин], С[офье] Мих[айловне] и Инге. Храните мужество, всё придёт.

Сердцем и духом с Вами, Рерих.

Письма в Америку

14 Февраля 1940 г.

Н.К. Рерих

НАРОДНОСТЬ

Дорогой друг, Ваша весточка нас всех очень порадовала. Вы мыслите правильно. Ваше соображение о "Слове о Полку Игоре" не только своевременно, но оно нужно, как никогда. Вы утверждаетесь в истинном национализме, без которого народ не может преуспевать. Может быть, Вы помните мою

статью "Неонационализм" - она была в первом томе сытинского издания. Давно думалось, и вот осуществляется. Там же была и "Русь подземная". Мыслим на тех же путях, ибо они были правильны. Хочется, чтобы Вы прочли мои недавние статьи: "Русская слава", "Русский язык", "Русские сокровища", "Друзьям-художникам". Последнюю найдёте в сборнике "Мысль", только что изданном нашим Латвийским Обществом. Непременно прочтите этот сборник. Вы правильно возмущаетесь выходкой Бенуа, об этом я получил много писем. Мне она понятна. Кроме милюковской затхлости, жгучее еврейство (Ваше выражение) Бенуа не может принять Ваш или, вернее, наш образ мысли. Об этом мне писали. Бенуа - западник, версалец, ватиканец, а я - русский азиец, и это мне иноземцами не простится. К тому же весь клан Бенуа нам враждебен от школьной скамьи. Вредители! А ну их к шуту!

О Вашей отличной статье даже Ремизов мне написал осудительно. А ведь он-то мог бы понять русскость. Такова пропасть. Но мы издавна служили народу русскому и "не убоимся".

Н.К. Рерих. Весть Тирону. 1940.

Сейчас пишу картины "Весть Тирону" - призыв к обороне Родины,

Н.К. Рерих. Новая Земля. (Новгородцы) 1940.

и "Новая Земля" - новгородцы в Арктике. Ещё одна моя русская картина теперь в Музее Траванкора - "И открываем врата". Мой "Микула Селянинович"

прошёлся здесь по четырём городам. Благо, что Ваши научные рефераты читаются. Вот бы и научные труды Юрия должны бы напечататься. Скажите об этом. Как бы двинуть и монографию! Может быть, у Вас есть пути? Написана ещё картина "Армагеддон". Вот уж, поистине, "Армагеддон", да ещё какой! Ваши три письма, о которых Вы поминаете, не дошли. Много вестей пропало. Почта неестественна - мы ведь не в нейтральной стране. Но всё же пишите и радуйте. Сейчас столько смущения повсюду, что радость особенно нужна. Хороша радость, живущая в красоте и научной реальности. На просторах русских столько ещё не вскрытого. Пусть Микула богатырски выоривает русскую славу. Всё, что найдёт народ русский, будет к украшению и прославлению. Русь захороненная, Русь подземная, покажись во всём величии!

14 Февраля 1940 г.

Рерих Н. К. Листы дневника, т. 2. М., 1995. (Из архива МЦР)

16 февраля 1940 г. Наггар, Кулу

Письмо Н.К. и Е.И. Рерихов к Рериху С. Н.

Родной наш Светуня, вчера была большая радость, - получили твоё большое письмо и три раза прочли его. Так каждая подробность нас интересовала. Шло твоё письмо восемь дней. Будем ждать твоих дальнейших известий, как дело с большим портретом, ведь это уже целое предприятие! Вполне понимаем, ты не собираешься в Апреле в Америку, ибо раньше полезно применить все местные возможности. От Оака никаких новых сведений нет. Даже не знаем, сколько было продано монографий. Вероятно, он хочет по разрешению вопроса Хайдер[абада] дать общий отчёт. Краски тебе отосланы 14-го февраля. Холстов до получения твоей телеграммы не посылаем - ведь они шириною три с небольшим фута, и для большого портрета негодились бы.

Получаем утверждения, что в Хайд[ерабаде] тоже ожидается успех. Вообще, о всём твоём путешествии имеем самые лучшие подтверждения, сердце радуется. Радостно было слышать, что тебе нравится твоё окружение и что люди все хорошие, это такая редкость! Говорил ли ты с Куз. о выставочных программах, ведь всё должно быть заготовляемо заблаговременно. Когда будешь проезжать Бомбей, сделай дружбу с Америк. Экспрессом, ведь теперь можно только через него. Также, пожалуйста, спроси там, возьмутся ли они переслать в Либерти Индиана Фосдику (конечно, самым дешёвым тарифом) один ящик архива «Флаамы»? Там всякие остатки, оттиски и бумаги, которые не имеют никакой рыночной стоимости. Страховать, конечно, не нужно. Если для отправки потребуется какое-то местное разрешение, то могут ли они хлопотать его а Бомбее?

Шклявер пишет, что Конлан писал ему, что «Флаамма» будет продолжаться, откуда такая сказка? Вообще из Парижа только вопль - присылайте денег, даже сама Шклявериха записала с упоминанием о 15-ти летней службе Г.Г., а о делах ни ползвук! Это всё показывает, что дел и вообще не было, а лишь богodelья. Не забудь дать телеграмму, когда ты выезжаешь. Ведь письмо идёт восемь дней. Если у тебя не происходит перемен сроков, то это письмо будет последним. Не забудь посылать телеграммы по приезде в Хайдер. и в другие большие пункты. Масик беспокоится, если долго нет сведений от тебя, хотя и получает всё время такие добрые вести о тебе. Все очень тронуты памятью о

них. Наш Ант. Ф. простудился и, кажется, собирается нас заразить. Еле уговорили остаться в карантине. Он понимает его для всех, но не для себя.

Снег ещё лежит местами в саду, но заметно потепление. Очень сейчас красиво. Видел ли ты доктора Соммеруэла? Которую именно картину он купил? Вообще, как висят наши картины, и состоялось ли открытие, о котором Кузен так широковещательно писал? Тампи писал о фотографии, снятой при твоём приезде, но мы её ещё не получили. Был ли тебе полезен Тампи, и какое он занимает место?

В день маминого рождения пришёл замечательный знак. Худай Берды прислал тибетскую танку – Будда утверждающий, хотя и не очень старый, но работы хорошей, а Ант. Ф. уверил нас, что это прислано в подарок. Но на другой день пришло письмо о том, что эта танка прислана на просмотр и на экспертизу. Было маленькое разочарование, но всё же знак Будды Утверждающего вошёл в наш дом. Влад. Анат. Сообщил своему адъютанту Уту, что он женился в Лагоре. По сведениям, привезённым Ант. Ф. он всюду приглашается на обеды в качестве секретаря Н.К. Р., и там он очень пользуется этим титулом. Уехал отсюда, забрав все свои вещи, не простившись и даже не написав письма. Запрашивал нас о своих родителях, нам пришлось ответить ему, что по сведениям полученным они «репатриировались», на это от него не было никакого отклика.

Получено письмо от Зины с подробностями о завещании Фл. Сутро. Как ты уже знаешь, она оставила нам две с половиной тысячи долларов, причём было оговорено, что в случае, кто-либо из нас умрёт раньше её, то эти деньги должны перейти к Зине!! Можешь себе представить чувства Зины, ибо ей, по видимому, ничего не оставлено. Также добавлено, что после смерти дочери Сутро мы получаем снова по две с половиной тысячи долларов, об Зине ни слова. Но слепой ученице Мейер оставлено десять тысяч, с которых она будет получать по тысячи в год, и такая же сумма после смерти дочери. Зина очень сомневается, что удастся получить папину часть. Вот и все наши новости. Пошлём тебе письмо из Калифорнии.

Обнимаем, и крепко, крепко целуем и посылаем самые добрые и светлые мысли. Родной мой Птенчик и сомневаться не должен в своём успехе.

Твои П.[асик] и М.[асик]

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

17 февраля 1940 г.

Письмо Н.К. Рериха в Америку

17.II.40

Родные наши,

Это письмо, наверное, уже застанет Зину в Нью-Йорке, опять в разгаре битвы за правду. Последняя тёмная выдумка о том, что Белокурая является кредитором, оказывается одной из самых злостных. Ведь ни у Вас, ни у нас с этой личностью никаких дел денежных не было. Кроме того, никакой ответственности у меня не имеется, и это наши адвокаты должны прочно запомнить. В подтверждение Вы теперь имеете целый ряд соответствующих документов. А, кроме того, ещё от отъезда моего на Дальний Восток, уже в 1933-м году, Е.И. имела полную доверенность – заверенная копия её имеется у Катрин. Совершенно не понимаю, почему Виль говорит о каком-то разделе му-

зейных картин? Если shares Корпорации сейчас делятся пять против двух, то ведь без всякого раздела большинство может постановить всю неделимую судьбу картин. Никогда не бывает, чтобы Корпорация выдавала бы меньшинству всё, что это меньшинство пожелает. В каждой Корпорации голосует большинство, и голоса меньшинства вообще не имеют значения. Потому нам кажется, что, не является ли этот Виль тоже подставленным лицом Эрнста и Гринбаума, тем более, как Вы пишете, он уже забежал на поклон к ним и спрашивал разрешения взяться за это дело. Уже этот один поступок показывает, насколько ненадежен такой адвокат. Этот его поступок должен быть не только оповещен друзьями, но и должен быть где-то и как-то записан. Ведь такой человек не может внушать доверия, и если дело будет в руках такого двоерушника, то ведь опять произойдет лишь перевод денег. Что думают по этому поводу друзья? – ведь это дело чрезвычайной важности. Беспокоимся, достаточно ли вооружен Джаксон для своих схваток с Гринбаумом? Впрочем, наверное, Вы успели ему выяснить всю злокачественную сущность Белокурой и её подставную роль? Является вопрос, из каких же денег заплатить Джаксону? Сейчас остаётся единственная возможность сделать это из денег, оставленных Сутро. Может быть, дочь Сутро каким-то способом может авансировать часть для этой срочной цели? Отсюда трудно сказать, как поступить в этом денежном вопросе, а Вам на месте виднее, что можно и как лучше сделать. Другого источника, кроме денег Сутро, не придумать. Тем более, что дочь Крейна написала, что вследствие больших наследственных пошлин на имя она не может выполнить желание отца. А о продаже картин в Арсуне, конечно, нет ни слуху ни духу.

Такие-то дела! Пожалуйста, скажите при случае Брэгдону, Пелиану и другим друзьям, чтобы они не огорчались, не получая наших весточек. Пусть все помнят, что мы живём не в нейтральной стране и почта неестественна. То же самое скажите и милому Джину в Либерти. А кроме всех почтовых условий я сейчас без секретаря. Все пробуем найти возможность и переслать через Америку экспресс-ящик с останками "Flamma". Но по нынешним обстоятельствам даже такая простейшая посылка затруднительна.

С каждым месяцем, конечно, все эти обстоятельства будут лишь осложняться. Так, например, Ваше январское письмо пришло значительно раньше декабрьского письма, а кроме того, ощущается, что некоторые письма вообще не доходят. Всё это крайне затрудняет ведение каких-либо дел, недаром чрезвычайные военные обстоятельства всегда во всех странах принимались во внимание. Сейчас очень часто мы получаем в письме конец какого-то эпизода, а начало его и значение не доходят вообще или в лучшем случае приходят много позднее. Но многие корреспонденты не хотят понять эти экстраординарные условия и спрашивают от нас ответа на то, о чём мы вообще не знаем. Поистине Армагеддон! И теперь это слово начинает всё чаще упоминаться. И ещё у нас одно большое огорчение. У Е.И. необычно усилились перебои сердца, и обычное лекарство почему-то не действует. Всячески оберегаем Е.И. от писания на машинке и вообще от всяких неприятностей, ибо всё это вызывает трепетание сердца. Состояние это продолжается уже четвёртую неделю, и вся сердечная область очень наболела. Отовсюду идут просьбы о деньгах. В том числе и усиленные настроения от Шкляв[ера]. Оказалось, что Г.Г. забран простым солдатом, и нет никаких возможностей перевести его на более сносное положение. В последнем письме сообщается, что старик Шкл[явер] находился

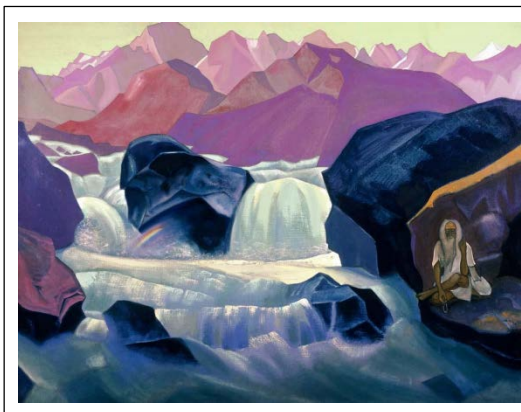
между жизнью и смертью - так на него повлияло суровое положение сына, здоровье которого тоже плохо. Так тяжело отказывать в денежных просьбах, ибо знаем, что положение многих людей прямо трагично, но что же делать!!! Кто-то всё ещё думает, что у нас имеются какие-то возможности помогать. Да, времена поистине армагеддонные. В Риге тоже нелегко, ибо умерший на днях Вейчулянис всегда по мере сил поддерживал Общ[ество]. Сейчас от всех друзей, от всех сотрудников требуется хранить величайшее Доверие, ибо и Армагеддон ведёт к тем же благим сужденным достижениям, но, к сожалению, не все это могут понять. Имеются и добрые знаки, но их нужно усмотреть. Как бы хотелось Вам о них рассказать! Вернулись ли Катрин с Инге, и как её здоровье? Поцелуйте их от нас. Привет милому Дедлею, обнимаем Вас и просим по-прежнему хранить мужество и здоровье.

С любовью,

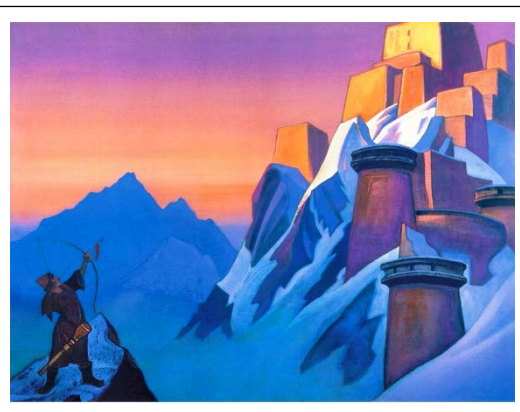
Рерих.

Письма в Америку

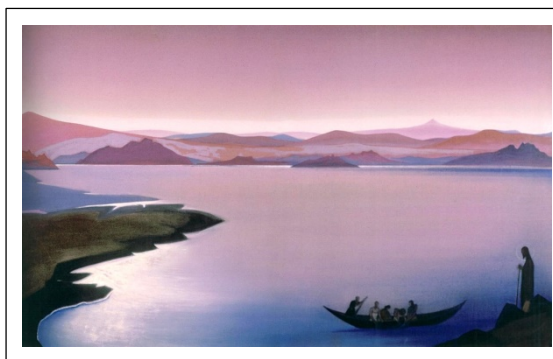
«17 февраля в Читралайан Траванкора открыт наш зал. Там теперь и "Сантана", и "Шамбала Даик", и "Генисаретское озеро", и "Брамапутра", и русская "Открываем врата", и "Пламенные мысли"...»

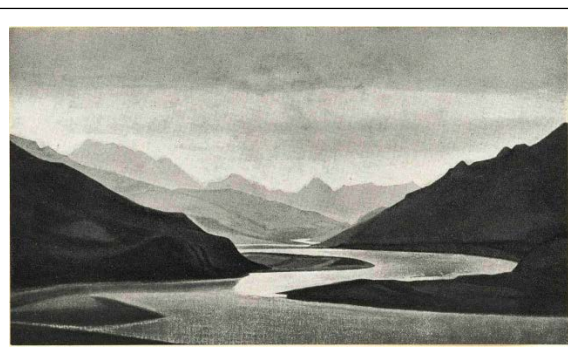
Сантана. 1935-36.

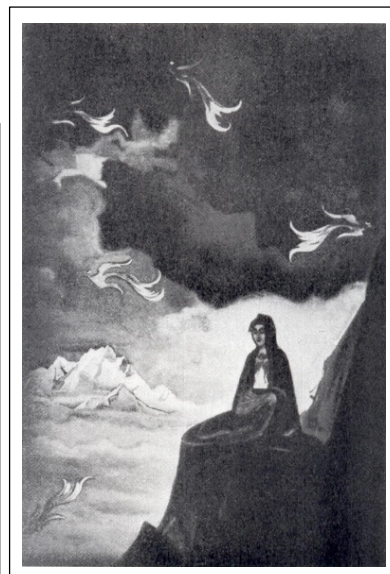
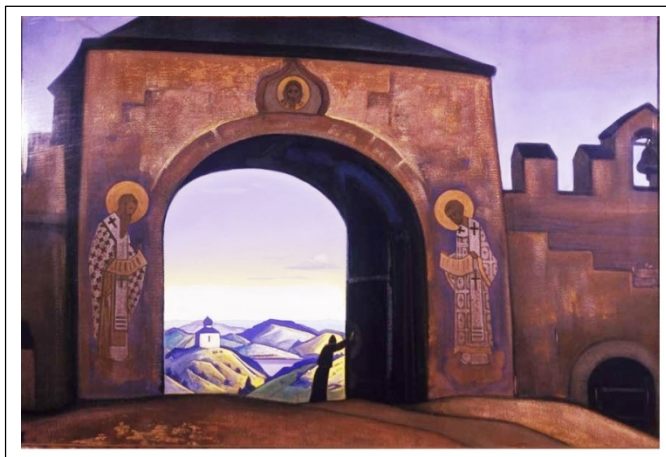
Шамбале Даик. 1938.

Слева: Генисаретское озеро. 1939.

Справа: Брамапутра. До 1939. (Ч/б воспроизведение в Монографии Конлана. Рига. 1939.)

Слева: И открываем врата. 1939.

Справа: Пламенные мысли (Мысли огненные). 1934. (Ч/б воспроизведеие)

Н.К. Рерих. Философ. Тишина. 1940.

Н.К. Рерих

СТРАННИКИ

Брлич, секретарь нашего содружества в Загребе, сообщает, что мои картины находятся в Галерее Современного Искусства и для них будет отдельная комната. Такое же сведение из Музея Буэнос-Айреса. 17 февраля в Читралайан Траванкора открыт наш зал. Там теперь и "Сантана", и "Шамбала Даик", и "Генисаретское озеро", и "Брамапутра", и русская "Открываем врата", и "Пламенные мысли"... В Гайдерабаде тоже несколько крепких вещей: две - "Гималаи", "Видение", "Замок Такура", "Тревога", да ещё несколько поменьше. В Мейсоре - "Майтрейя". В Бомбее - "Гималаи"... По Индии разошлось уже более шестидесяти вещей. Но что случилось с картинами в Китае? Там был вариант "Открываем врата" - в Пекинском Музее; были "Гималаи" - в Академии наук в Нанкине; был "Кремль Московский"... Всё куда-то вывезено, если вообще существует. Что с "Князем Игорем" в Гонолулу? Куда пойдут картины Крэна и Сутро? У Крэна: "Ростов Великий", "Бенарес", "Гималаи", "Твердыня"... У Сутро -

"Гималаи", "Перевал" - всего четырнадцать картин. Не знаю, где группы картин, бывших у Молло и Левинсона - оба они померли. В Париже картины сейчас - по подвалам. Каково-то положение в Брюгге? Прочно ли в Праге? Сейчас были запросы для музеев в Новой Зеландии и в Софии. Но по нынешним временам даже и посылать почти невозможно. Во Франции искусство скрывается в Овернских пещерах. Дожили! Пути многих картин останутся неизвестными. Как в воду канут. Вовсе не найти, словно их никогда и не было. Нередко вещи сохраняются лучше, чем в Овернских пещерах. Об этих странниках можно написать занимательную книгу. Вот в книжном переплёте заделан отличный эскиз Рубенса. Вот под скверным пейзажем сохраняется второй холст с превосходным портретом Брюллова. Вот находится среди старого хлама отрезанная часть картины Парентино... А сколько записанных картин! Среди таких записей можно различить не только вандализмы, но и сознательные сбережения. Иногда отличная картина спешно замазывалась, чтобы охранить её от посягательств. В таких сокровенных заботах чувствуется целая страница истории, желание спасти, когда кругом уже бушуют разнузданные страсти. Вот находим у маленького швейцарского антиквара чернецовскую картину из Наполеоновской сюиты. Никому не понятен сюжет. Странник стоит в углу заброшенный. Каждый странник хранит свою тайну. Странники, вечные странники!

(1940 г.)

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

26 февраля 1940 г.

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку

26.II.40

Родные наши,

Сейчас дошло письмо Зиночки и Дедлея от 15-го по 17-е января.

Посудите сами, можно ли регулярно вести какие-либо дела, когда письмо Зины от 29-го января доходит 20-го февраля, а письмо от 15-го января приходит лишь 26-го февраля. Из-за такой нерегулярности совершенно изменяется весь аспект дела, и наверное, и Вы не бываете вполне уверены, какие именно Ваши письма к нам или наши к Вам доходят, если вообще не пропадают. На всякий случай начнем с этого письма нумерацию писем, просим и Вас при ответе на это письмо уже начать нумерацию. Вы пишете, что в Америке не принимают во внимание никаких военных условий. Это ещё могло бы отчасти касаться нейтральных стран, но страны, так или иначе вовлеченные в орбиту войны, не могут не ощущать на себе многие ненормальности. Впрочем, о чём говорить, когда Вы сообщаете, что в brief'e для суда 84 страницы отводится лжесвидетельству Хорша, а на мою долю всего остаётся 24! Этот как бы предвестник какого-то злонамеренного решения дела. Доносчик и лжесвидетель, вероломно использующий данную ему доверенность, несомненно, будет найден правым. А о настоящей правде никто и слушать не пожелает. Впрочем, за целый ряд лет мы уже привыкаем к тёмному потоку лжи, который несётся не только в наших и Ваших делах против всех нас, но и захлёстывает все народы посредством всяких лживых радио и всяких учреждений для misinformation. Будем надеяться, что Джаксону удастся ввести крепкую драматическую ноту и воспользоваться случаем, чтобы наконец спросить суд о всех злостных фабрикациях Хорша. Также, может быть, он спросит: откуда и под чьим покровительством происходит такая очевидная предвзятость во всём

деле? Вы писали, что адвокаты правильно замечают о том, что без таинственного покровителя Хорш уже давно получил бы по заслугам. Нам говорили из Парижа, что не может быть такого суда, в котором принималась бы во внимание доподлинная "копия" с никогда не существовавшего документа. Но в нашем деле законы, видимо, не писаны. Позорный Франкенталер постановляет своё решение именно на основании этой сфабрикованной Хоршами "копии". Куда же дальше идти! Также совершенно непонятно, где и каким образом были мне передаваемы суммы на экспедицию, финансируемую американскими учреждениями, если пресловутое письмо Хорша от 8-го дек[абря] 1924-го года имеет в виду какие-то другие суммы, о которых никто даже не спрашивает Хорша. Наконец, никто будто бы не может спросить на суде: что же именно случилось в июле 1935 года, когда Хорш под защитой таинственного покровителя решил начать свою преступную атаку? Также точно: что может означать новая злокачественная махинация, в силу которой такая мрачная личность, как Эстер, претендует быть нашим кредитором? Знаем только, что мы гостеприимно давали ей кров и открыли перед ней двери к возможностям. Неужели не имеют никакого значения все её письма, в которых она, будучи более чем взрослой, расточала суперлативы к Е.И.? Также, неужели не имеют значения все суперлативные письма четы Хоршей, копии которых и оригиналы имеются у Вас? Даже странно подумать, чтобы такие явные документы, как письма, ими самими подписанные, совершенно не принимались во внимание на суде! Где же предел всяким таинственным воздействиям? Остаётся лишь подумать, что трио завлекло своего таинственного покровителя в такие финансовые дебри, что он терроризирован. А, может быть, попросту говоря, он участвует в их шайке. Кто знает, но, во всяком случае, все неслыханные мрачные подробности этого дела невольно наводят на всякие мысли. У нас не имеется копии с бумаги, засвидетельствованной Жарвисом в Калькутте. Вы с Франсис тогда же увезли эту бумагу в Нью-Йорк. Может быть, сведения о ней имеются в музейных файлах, которыми заведовал Морис, но мы все бумаги посылали в Нью-Йорк. Разве не был Хорш нашим fiduciary? Многое могло бы быть найдено у него полезное для освещения дела. Очень интересна выписка, Вами присланная. В руках адвоката она может быть весьма полезной, ибо он может действовать обратной тактикой, и тогда Хоршу нужно будет доказать, почему сказанное в присланной Вами выписке неверно. Когда получили сегодня Ваше письмо от 15-го янв[аря], мы думали, что в этом конверте уже будет разъяснено по поводу злонамеренной выходки подставной кредиторши Эстер. Ломаем себе голову, кто за новое подставное дело? Но никакой property я вообще не имею. Сто картин с четвёртого этажа принадлежат Катрин, о чём Вы знаете. Что же касается картин в Музее, то Вы также знаете, что они не составляют мою собственность. Может быть, всё-таки Джаксон удумает лучший исход, чтобы сохранить мою сумму от Сутро? Пожалуйста, запомните, что, захватив моё экспедиционное жалованье, они захватили в том числе и 300 долларов, потраченных Институтом на ботаническую экспедицию, результаты которой ими были приняты. В конце концов эти 300 долл[аров] должны были бы быть спрошены с Агрикультуры. Может быть, Джаксон сейчас почему-либо не хочет об этом говорить, но затем всё же пусть он подумает, что неуместно бросать сумму в 300 долл[аров]. По нынешним временам эта сумма весьма значительна. Мы запросим магистрата, когда он приедет в Кулу, чтобы засвидетельствовать присланную Вами доверенность для Зины. Только что полу-

чили извещение, что он приезжает 9-го марта. Уже в прошлом письме мы писали о том, что из этих сумм можно уплатить адвокатам. Очень хорошо, что Вы собираете и новых друзей. За эти годы могло подрасти новое поколение деятелей, и среди них могут быть честные, непредубеждённые люди. Ведь молодые всегда Указывались.

Итак, происходит опять свирепая битва за правду, будем надеяться, что Джаксон не обманет Ваше и наше доверие. Такое огромное количество материала в руках адвокатов. Какие именно документы находятся ещё в руках Плаута? Надеемся, что оригинал письма Хорша от 8-го дек[абря] 1924-го г. находится у кого-либо из Вас, ибо в свое время мы просили не доверять этот оригинал. Пусть и в труднейшие дни Армагеддона светло продолжается Ваша культурная работа. На этом и шлём Вам наш душевный сердечный привет,

Рерих.

Родные мои Зиночка и Дедлей, очень тронута была письмом Дедлея, в котором он так просто, так сердечно пишет о выпавшем на его долю счастье, несмотря на тяжкие армагеддонные дни. Родные наши, от всего сердца радуюсь Вашему счастью. Храните его, как самый редкий, самый прекрасный цветок. Нет ничего прекраснее духовного единения. Все силы духа устремите на укрепление этого единения. Пусть оно растёт на основе данного Вам Учения Жизни. Ценим нашего верного и милого Стража и радуемся, что он не одинок, и силы его возросли, и бдительность приобрела двойную зоркость. Конечно, моя доля денег С[утро] должна пойти на расходы по делам. Как нам ни трудно, но твёрдо знаю, что помощь придёт. Так было, так и будет. Н.К. уже написал все деловые соображения, потому не буду повторять их. Но мне хотелось бы, чтобы Зиночка передала майору Ст[оксу] мою глубокую благодарность. Он, видимо, не любит писать, потому и мы не пишем ему, чтобы не затруднять его ответами, но пусть он знает, как мы ценим всё сделанное им для дел В[еликого] В[ладыки]. И сейчас, когда сроки так приблизились, особенно радостно сознавать, что друзья не отступают, но продолжают идти твёрдо. Так и дойдём до сужденного, до сужденной победы.

На днях отослала просмотренную копию "Аум". Теперь вся книга закончена. Также мне хотелось бы знать, дошла ли до Зиночки последняя посылка "Надземного", которая кончалась на 499-м параграфе. Пока не получу подтверждения, не буду посылать. Начала уже собирать "Надземное" для печати, через год книга должна быть издана, конечно, с пропусками. Получила ли Зиночка второй том моих "Писем"? Если нет, следует запросить друзей, чтобы они выслали. Запрошу их и я.

Спасибо за желание внести 10 долл[аров] членского взноса в Музей Модернистического Искусства. Пожалуйста, удержите их потом из денег Сутро. Просим также послать наш привет мисс Мигер в Бостон и сказать, как мы все одобряем и любим её журнал. Такие культурные очаги чрезвычайно нужны.

Между прочим, необходимо Вам иметь под рукою хотя бы по две или по три копии всех книг и каталогов, которые издавались в наших Учреждениях и в других издательствах. Ведь могут быть запросы, а книги и без того слишком долго оставались в темнице. Под лежащий камень вода не течёт. Больно думать о затраченных зря деньгах. Ведь сейчас все три книги, изданные Стоксом и Бостонским издательством, по словам издателей, уже разошлись. Так что неверно было бы думать, что спроса нет. А лондонское издание "Алтай-Гималаев" сразу же разошлось.

Думая о нашем деле, всё же становится жаль, что адвокаты не собрали вместе все жалобы лиц, обобранных Хоршем. Ведь это сразу установило бы яркую оценку этой личности. Как он обобрал и Святослава!

Радуемся от всего сердца, что Вы ищете новых контактов. Только через людей приходят новые возможности. Но ищите без предубеждения, ищите среди молодых.

Берегите здоровье, ибо токи очень тяжкие. Вот и я почти четыре недели испытывала сердечное недомогание и не могла писать на машинке. Сейчас уже лучше, но перебои ещё замечаются.

Привет Софье Михайловне. Крепко обнимаю Вас обоих.

Сердцем с Вами,

Е.Р.

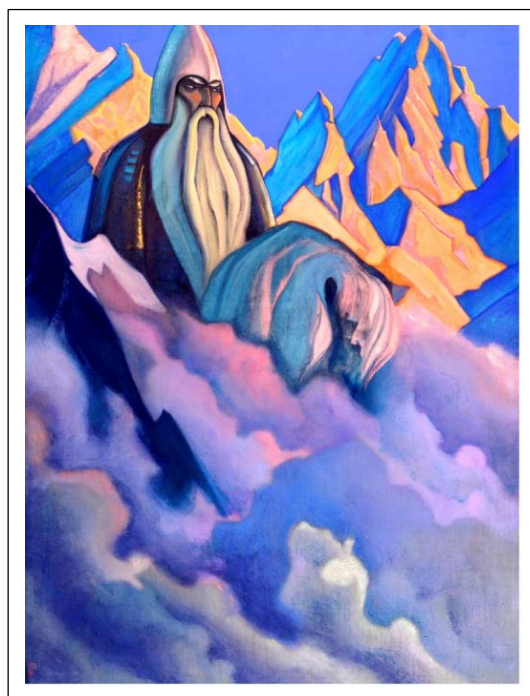
Н.К. Рерих Письма в Америку (1923 –и 1947). М.: «Сфера». 1998.

МАРТ

Март 1940 г.

Н.К. Рерих о русском народе.

«Даны народу русскому и герои во всех веках. Народные богатыри от Микулы, от Святогора уже складывали твердыни...»

Н.К. Рерих. Святогор. 1938.

РУССКОСТЬ

За последнее время в нескольких странах появились статьи о моей русскости, о моих русских картинах, о моих писаниях во славу народа русского. По сердцу были мне эти отзывы, авторы которых иногда оставались мне неизвестными.

Во всех наших странствиях мы могли на многих пробных камнях проверить наши русские задания. И чем дальше шли, тем драгоценнее выступали для нас героические черты и дарования народа русского у всех необозримых равнинных, поморских, лесных и нагорных очагов. Во всём разнообразии ликов, наречий, одежд сказалась та же мощная целина, та же чаша неотпитая, которая поднята во славу великого будущего.

Злобная зависть, чудовищные наветы, ярое желание умалить - все чужеземные наскоки лишь доказывают, как глубоко оценивается мощь русская. "Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть", - давно сказано. Народ русский может представить такой послужной список, в котором даже слепые прозреют красоту русского сознания.

Поднялось и племя молодое, поросль, трудами себя утвердившая. Русская древность тоже обновляет и укрепляет сознание. Каждая экспедиция, каждая раскопка, каждое внимание к народному эпосу - всё лишь говорит о новых возможностях, да о каких возможностях! Шире широкого! "Город строят"! И нет конца этому городу. В истоках - Новгород, и в будущем Новгород, овеянный знанием и творчеством. Культура русская из-под спуда показалась во всём величии своём.

Уже не шовинизм ли? Нет, от этого чудовища охранился народ русский. Он не знает умалений, не забросает грязью чужие, ладные достижения. Да живёт всё полезное на потребу человечества! Не спустимся, чтобы затемнить чьё-то достижение. Милости просим - пусть растёт всё прекрасное. Сблизимся со всем ладным и созидательным. Пора и своё знать.

Растёт народ русский и качеством и количеством. Отпустила ему судьба несметные богатства - пусть возьмёт из недр всё сокрытое. Даны народу русскому и герои во всех веках. Народные богатыри от Микулы, от Святогора уже складывали твердыни. За славу народа русского боролись Александр Невский, Сергей Радонежский, Минин, Пожарский, Суворов, Кутузов, Пушкин, Менделеев, Мусоргский, Римский-Корсаков, Репин, Толстой, Павлов - и не перечить! И народ русский воздаёт поклон своим героям.

Народ собирает свои ценности. Новые каналы, новые машины, новые строи позволяют народу шибко шагать. Все ценности научат народ одолеть всё тёмное. "Сходятся старцы", сойдётся и молодёжь. Поклон всем героям! Привет молодым!

Март 1940 г.

Архив Музея Рерихов, Москва

***3 Марта 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих***

ДРУЗЬЯ!

Пришло письмо от И. - она, видимо, знает Алтаева. Ждёт моего указания по поводу одного мятущегося мальчика. Алтаев знает, что я пишу Вам. Пусть он передаст, что стихи и устремления мальчика трогательны. Пусть он прочтёт всю серию А. И. - книги, наверное, имеются у Алтаева. Помочь мальчику следует, и, прежде всего, нужно укрепить его добрые устремления. Заработок у него имеется, значит, всё дело в упрочении его мысленного творчества. Хорошо делает И., подбодряя первые шаги творчества. Жаль, что мальчику не пришлось кончить школу. Дисциплина всегда необходима, а способности по-

могли бы ему скорей довершить первую ступень образования. Задатки возможного совершенствования налицо. Видимо, уже имеется навык к труду, а эта каждодневная пранаяма - лучшее лекарство от всех слабостей.

Пишут, что характер у него строптивый. Пусть помнит старую поговорку: "На сердитых воду возят". Если не удалось докончить школу - пусть сам довершает образование. Пусть не считает себя несчастным. Всякое уныние пресекает лучшие возможности.

Помню, как Куинджи осуждал каждое уныние: "Коли повесите нос книзу, то и небо не увидите". Трудная жизнь есть благо. Она закаляет доспех. Пусть мальчик читает. Пусть прочтёт "Твердыню пламенную" - она у кого-нибудь имеется. В ней он найдёт мои советы и благопожелания. Пусть и Алтаев скажет мальчику слово о бодрости труда, о несломимости.

Энергия неисчерпаема, лишь бы помнить о целесообразности. Вероятно, и самому Алтаеву трудно, и каждый подвиг нелёгок. И в этой трудности благо. И всем Вам нелегко. Знаем это. В дни Армагеддона всем трудно. И нечего скрывать от себя, что испытание мира безмерно. Дело не только в войне, но в убийстве мысленном. Кто-то думал, что в этом году всё кончится. Что кончится? Как кончится? Почему кончится? Ведь огромен посев всяких причин. Безмерны и следствия порожденные. Думаем о Вас. Посылаем мысли, а почта становится всё хуже. Крепитесь и любите друг друга. Сейчас каждое зёрнышко единения уже благо непобедимое.

3 Марта 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

Март. 1940 г.

III.40

Родные наши!

Зина, Франсис, Катрин, Инге, Дедлей, Морис, Стокс, все Вы и многие другие знают всю ложь Луиса Хорша, Нетти Хорш и Эстер Лихтман. Вы все отлично знаете, что деньги, которые Хорш пытается искать с меня, вовсе не были взяты мною, но представляют из себя суммы на экспедицию, которая была финансирована Американскими Учреждениями. Вы знаете, что Хорш вынудил меня дать ему векселя как бы для каких-то его технических обстоятельств, и тут же он дал письмо 9 дек[абря] 1924-го года, аннулирующее эти векселя. А теперь этот лжец и клеветник вводит суд в заблуждение, говоря, что это его письмо относится к каким-то другим суммам. И никто его не спрашивает, какие же это были другие суммы? Это лишь один из ярких примеров лживости и злонамеренности Хорша. Такую же ложь он выказал и в деле с картинами, которые вовсе не составляют его частную собственность, как он, желая их присвоить, теперь лжёт, а являются собственностью нации, охранённые Paintings Corporation, созданной для безопасности этих картин. Казалось бы, Хорш ясно показал, что картины эти не его собственность, когда он подписывал постановление Совета Музея - декларацию 1929-го года. И в этом случае Хорш лжёт и даже вводит в заблуждение правительство Америки, уверяя, что картины эти - его частная собственность. Найдя адвоката, по нравственности своей похожей на него самого, Хорш лживо пытается доказать, что Мастер-Институт Объединённых Искусств вовсе не наше общее Учреждение, а его личная соб-

ственность. При этом он при помощи жены своей совершает подделку и копирует домашней “копией” с никогда не существовавшего документа. Необъяснимыми, таинственными способами Хорш достигает, что суд принимает его подделку, тогда как, казалось бы, ни в одном суде всего мира не могут принять во внимание никем не заверенную домашнюю фабрикацию. Перечислять все лживые, преступные махинации Хорша – значило бы цитировать все Ваши и наши дела с ним. Каждый из нас может добавлять ещё множество прискорбных эпизодов, в которых Хорш, его жена и Эстер Лихтман оказались злонамеренными, своекорыстными лжецами. Совершенно непонятно, почему голословные, подтасованные лжесвидетельства Хорша принимались судом, тогда как все Ваши достовернейшие показания оставались в небрежении. Правда, были и такие судьи, которые признавали всю Вашу и нашу правоту, но, как часто бывает на Земле, они оставались в меньшинстве.

Правда, некоторые юристы утверждали, что если бы не появился известный Вам всем “покровитель” Хорша, то правда восторжествовала бы. Ведь судья Коллинс даже возмущался, что этот покровитель понуждает его телефонами к одностороннему решению. Ведь все эти многие факты не прошли бесследно, и когда-то, к стыду очень многих, они выйдут наружу. Печально, что около культурных, образовательных дел, около идеи Мира и Охранения всечеловеческих ценностей обнаруживается человек злонамеренный, как Хорш.

Когда Вы перечтёте книги, посвящённые нашим Конвенциям в Бельгии и Вашингтоне, когда Вы восстановите в памяти книгу о десятилетии наших Учреждений, три ежегодника Музея, Бюллетень Музея и прочие издания и брошюры, – то Вам со всею поразительностью ещё раз станет ясно, какая злобная, предумышленная агрессия совершена Хоршем и его двумя сателлитами. Встает вопрос, неужели в современном цивилизованном и даже иногда культурном мире возможны такие преступления Хорша? Ведь, кроме ограбления целого ряда лиц, кроме вероломства, ибо он был нашим доверенным (fiduciary), он обманул также и общественное мнение.

К довершению, по поступкам Хорша выходит, что и экспедиция, организованная и финансируемая Учреждениями, вовсе не была таковой, хотя об организации экспедиции широко им же опубликовано и в документах Учреждения, и в прессе. Впрочем, вероятно, Хорш скоро скажет, что мы все вообще не существуем, что никакого Учреждения Объединенных Искусств мы вообще не основывали, а он является всемирным знатоком искусства, Гейдельбергского Университета доктором и мало ли ещё какую ложь изобразит этот клеветник. Удивительно, что на суде ни судьям, ни адвокатам не пришло в голову спросить, что же такое случилось в июле 1935-го года, когда Хорш начал свою преступную агрессию? Во время судопроизводства выяснилось, что агрессия эта не произошла мгновенно, но тщательно и злоумышленно подготавливалась от самого дня привхождения Хорша в наши общие дела. Увы, теперь всем нам ясно, что Хорш буквально от самого начала своего привхождения уже фабриковал и подтасовывал многое, чтобы в удобный для себя срок произвести незапамятную в истории культурных Учреждений агрессию. Уже не говорю о том, что тысяча картин вообще игнорируется и около них, вероятно, задуман какой-то исключительный вандализм, особенно же пользуясь теперешними мировыми экстраординарными обстоятельствами.

Нет меры лжи и злонамеренности Хорша. Иногда, читая в прессе о всяких преступлениях гангстеров, думается, что такие типы утрированы и злодеяния

их писательски приукрашены, но то дело, в котором мы были ограблены, изгнаны из нашего же Учреждения и оклеветаны, доказывает, что преступность может достигать крайних пределов, и Хорш является со своими двумя сателлитами яркими показателями современного нравственного упадка при общественном равнодушии. Но правда всё же восторжествует! Давно сказано, что Бог платит не по субботам. И лучшая наша общая крепкость в том, что мы знаем нашу правоту. Найдутся судьи, подобные судье О'Малею, которые установят истину.

Родные наши, посылаю Вам это конденсированное утверждение, и Вы семеро, все пострадавшие от Хорша, прочтёте его, и пусть оно сохраняется под рукою, ибо надобность в нём может явиться. Конечно, можно было гораздо крепче сказать о покровителе Хорша и о pincomпроор'ах, верящих лжи и клевете, но это оставим до другого раза.

Зина, вероятно, обратила внимание на то, что в завещании Сутро выражено пожелание, чтобы завещанные мне деньги были употреблены на образовательные цели? Ввиду этого желания покойной, думается, что никто не может наложить руку на эту сумму, иначе это было бы нарушением воли завещателя. Конечно, теперешнее соображение не касается суммы Е.И., о которой Вам уже написано. Интересно, что думают адвокаты в моём случае! Было бы странно, если бы, несмотря на волю завещателя, кто-то, хотя бы даже правительств, могли бы изменять желание завещателя. Впрочем, местная юридическая практика настолько сложна и непонятна, что вряд ли логика может быть принимаема во внимание. Так хочется, чтобы опять могла начаться строительная культурная работа. Сейчас пришло письмо Конлана, в котором он говорит о продолжении "Flamma" и приводит очень лестное о "Flamma" мнение известного английского писателя Повиса. Не забудьте, что у нас лежит четыре готовых красочных воспроизведения с индусских картин в трёхстах экземплярах, уже оплаченные, и ждут, когда нам удастся послать ящик с материалами "Flamma". Конлан ужасается, что письмо из Либерти он получил через месяц. Можете себе представить, как трудно вести дела и срочную корреспонденцию. Конечно, хорошо, что есть идея продолжения "Flamma" хотя бы в двух выпусках в год или даже как ежегодника. Но не отягощайтесь чрезмерно денежно. Мы понимаем, что "Flamma" может быть и органом нашей Академии. Но примите во внимание, что на имевшихся рижских, шанхайских и даже индусских подписчиков в силу мировых обстоятельств сейчас рассчитывать невозможно, повсюду свои трудности. Может быть, Вам удастся как-нибудь протолкнуться в Южн[ую] Америку, но, Вы правы, что на Трудн[ого] Челов[ечка], в этом случае, полагаться совершенно невозможно. Итак, опять битвы, да принесут они хотя бы какие-нибудь светлые данные! Да будет светло.

Духом с Вами,

Рерих.

Родная моя Зиночка, хотя и пишем все письма вместе, но всё же хочу добавить страничку от себя. Считаю, что всё сказанное о Хорше следует перевести на англ[ийский] язык и прочесть поименованным в письме друзьям. Иногда изумляешься, насколько корыстолюбие и ненависть могут ослеплять людей, они ради удовлетворения своей ненависти совершают самые губительные для себя же поступки. В скольких странах среди многочисленных друзей имя Хорша стало уже именем нарицательным для всяческого вероломства! В нескольких записях и дневниках имя это вошло на страницы как имя клевет-

ника и предателя! И Вы уже знаете, что предателям не удаётся осуществить своих честолюбивых мечтаний. Они изгнали душу [из] Учреждений, и всё строительство, мало того, что обесцветилось, но постепенно разлагается. И куда пойдут предатели через несколько лет? Карма захлестнёт их. И кто знает, не придётся ли им снова менять фамилию или же вернуться к настоящей их фамилии – Леви, которая, кстати говоря, столь распространённая, что за нею легче укрыться.

Все восставшие против Света поражены будут. Бывшая Справедливость не бывает поругана, и если в былые времена иногда требовался длительный срок для возвратного удара, то сейчас при мировом переустройстве или расплате по счетам срок этот стремительно сокращается; чем ближе к сроку, тем скорее сворачивается свиток кармы.

Родная моя Зиночка, мы писали, что мою долю из денег Флор[ентины] следует употребить на дела. Вам виднее, как всё распределить. Ждём приезда магистрата для удостоверения моей подписи и вышлем документы немедленно. Всё так спешит, и большие перемены близки и в нашей жизни. И мы скоро сдвинемся. Возможно, что Святослав поедет в Америку, но прошу Зиночку, очень прошу, никому об этом не говорить. Всё брошенное в пространство ранее срока очень вредно. Родная моя, не так уж долго ждать подвижек во многом и во многих делах. Держитесь дружно, но мой совет – Трудн[ому] Человечку ничего не говорить о будущих планах. При её неуравновесии можно ожидать всяких неожиданностей. Радует нас Ваше счастье с Дедлеем. Храните здоровье, учитесь спокойствию при буре. И такое спокойствие не так уж трудно приобрести, когда знаем о Руке Водящей. Стоящий на Башне видит больше, нежели сидящий в подвале. Нужно ли повторять такой трюизм, но если говорю, значит, в этом есть нужда. Люди не различают между Башней и подвалом. Они, вопреки очевидности, не обращают внимания на голос с Башни. Также нужно твердить о доверии – с Башни видней.

Будем помнить это, и поспешать в действии, окутанном полным спокойствием. Крепко обнимаю мою Зиночку, привет ближайшим друзьям – Катрин и Инге, Эни, Дедлею и С[офье] Мих[айловне] – самый сердечный.

Верю, что все дождутся дня светлого,

Елена Рерих.

Н.К. Рерих Письма в Америку (1923 – и 1947). М.: «Сфера». 1998.

24 Марта 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

НЕДОПИСАННОЕ

Чего только не бывало на нашем веку! Жили без телефонов, без электричества, без моторов, без радио, без витаминов, без джаза... О воздушном сообщении не помышляли. Впрочем, даже Фош уже не так давно не признавал военного значения аэропланов. Наполеон отверг пароход. Французская Академия обозвала эдисоновский фонограф "уловкой шарлатана". А лорд Брум попросту выразился против значения пара. Странны такие страницы недавней истории. Предрассудки жили прочно, да и посейчас живут, прикрываясь иностранными словечками. Историю учили по Иловайскому. Запомнили, что история мидян темна и непонятна, и что Катон умер при щебетании птиц. По

географии не успели пройти Сибирь, но зато заучивали многие иностранные фабрики. В сельских школах со слезами зубрили о пассатах и муссонах, но географию родины знали слабо. Пережили отлучение Толстого от церкви, и такое бывало. Присутствовали при изгнании Куинджи из Академии. Всего было. На нашем веку Достоевский в остроге сидел. Вот и такое было. Врубель погибал в нищете... Страшно умирал Некрасов... Вот, несмотря на послы и на всякие резолюции, у всех на глазах американская таможня продала с торга восемьсот русских картин.

А вот ещё памятный случай о пожаловании Нового Адмиралтейства Обществу Поощрения Художеств. Общество нуждалось в помещении, и великий князь Пётр Николаевич решил просить Императора о пожаловании или места, или дома для разрастающихся нужд Общества. После доклада приезжает ко мне весёлый: "Государь Император пожаловал Обществу Новое Адмиралтейство!" Я так и онемел и почувал беду. "Вы кажется не рады?", - спрашивает Пётр Николаевич. "Рад-то я рад, но предвижу хлопоты с Морским Ведомством". "Но ведь это Высочайшее повеление". Написали мы Морскому Министру и получили отповедь. Об этом эпизоде больше и речи не было. Покойный Д. В. Григорович был неиссякающий кладёзь всяких бытовых эпизодов. Жаль, что ему не пришлось оставить свои дневники. Жаль, что и Вагнер (Кот Мурлыка) не записал своих встреч с Достоевским, с Некрасовым и Аксаковым. Приходилось слышать от Н.П. Вагнера о любопытных психологических наблюдениях Достоевского. Очень славно говорил он о русском народе. Часть этих замечательных мыслей вошла в "Дневник писателя". О Менделееве тоже не записано, а когда-нибудь об этом пожалеют. Незабываемая повесть о нежелании Академии Наук избрать Менделеева в члены тоже должна быть освещена. Уход группы Крамского из Академии Художеств не запечатлён достаточно. Скучно рассказано о Бородине и о Римском-Корсакове. Неужели ждать каких-то юбилеев, когда многое позабудется?! Видали, как спешно перерываются архивы накануне годовщин. Костомаров, Кавелин, Ключевский, мало ли кто не были рассказаны! Наверно, крылатые мысли, брошенные в беседах, особенно осветили бы этих замечательных русских деятелей.

Постоянно всплывают давно слышанные памятки. И не только печальные, но и очень бодрые и радостные. Где же собраться их записать? А сегодня 24 Марта - день-то какой!

24 Марта 1940 г.

Архив Музея Рерихов, Москва

Н.К. Рерих. Гималаи (Земное и Небесное). 1940.

ПЕВЕЦ НЕВИДИМОГО

Н.К. Рерих. Аллал Минг.1920. Автоматический рисунок.

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Изливается напиток, стремящийся утолить жажду странника духом:

Благие струны поют Хвалу Небесной Обители.

Радует всякая тварь расцветанию Благого Искания.

Мудрые несут дары Благого Искания.

Напиток, податель жизни, изольётся в сосуд сердец.

Радуйтесь, радуйтесь, радуйтесь!

Певец Невидимого

Публикуется по изданию: Откровение, (1920-1941). М. «Сфера». 2002.С.7.

Н.К. Рерих

24 МАРТА, 1940

Дорогие Друзья, этот День будет особенно памятным. Ровно 20 лет тому назад началась Живая Этика. Вы знаете, как полно это Учение Жизни вместило все Бытие. Именно этот год протекает в грозе и молнии, в буре Армагеддона. И тем более каждый может применить основы нравственности среди происходящих смятений. Мировые события дают возможность выдержать испытание вместимости сознания. В тихое мирное время многое дремлет, и люди забывают об основном начале Мироздания, о вечной борьбе с хаосом. Жить в опасности не есть преувеличение. Хаос - не отвлечённое понятие, но этот опасный химизм вторгается во всю земную жизнь. Безумие людское является сильнейшим проводником его. И не только способствуют ему люди, но и порождают его особую ядовитость.

Принявшие Учение Жизни тем самым возложили на себя великую ответственность, как за себя, так и за окружающее. Лучший Щит не может защитить, если он не поднят. Не мыслящим возникающие проблемы кажутся нерешимыми, но Вам в широком кругозоре уже показано и благое решение. Там, где царит смущение, Вы усмотрите истинное растущее строительство. И не

для себя одних Вы осознаете совершающееся, но и для молодых поколений. Только там, где существует глубокая забота о молодых поколениях - там и верный залог прекрасного будущего. И поймём это значение прекрасного во всей его полноте, ибо нет такой жизни, в которой бы оно не могло быть выражено и приложено. И сколько из нас узнают себя в этих молодых поколениях и будут признательны самим себе!

Существует заблуждение, что во время войн и смятений Культура должна быть отставлена и даже как бы забыта. Но ведь именно мировые напряжения требуют особого внимания к росту Культуры. Возрождение и расцвет человечества происходили во времена высокой Культуры. Не забудем, что эти эпохи не явились неожиданно - но углублённо подготовлялись лучшими мыслителями. Потому и во время войн будем готовить истинный мир, во всей его просветлённой деятельности. Пусть красота самоотверженного, неустанного труда будет щитом верным.

Будьте строителями прекрасных мостов! Повсюду найдите Слова ободрения и призыва к напряжённому строительству. Не отгоните, не закройте дверей стучащимся. Там, где незнание, там знание может быть насаждено. Не огорчайтесь незнанием, но смотрите на него, как на лучшую пашню. Незнание часто лучше кичливого малого знания; от незнания, минуя среднее знание, могут построиться мосты к Высшему.

Мы всегда говорили к 24 Марта о терпении и доброжелательстве. Вот и теперь пошлём всем друзьям привет на тех же основах. Но сейчас особенно добавим зов о доверии и преданности Великому Учителю. Привет сердца всем друзьям!

Н.К. Рерих. Листы дневника. М., 1995 г.

Обложка книги Н.К. Рериха «Цветы Мории».
Справа – Последняя стр. книги заканчивается словами:
«Радуйся! Радуйся! Радуйся! Ловец, Трижды посланный»

АПРЕЛЬ

Н.К. Рерих. Вестник от Гималаев. 1940.

*8 Апреля 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих*

МОЛОДОМУ ДРУГУ

Мой молодой друг, вы спрашиваете о методах работы. Не терзайте себя методами, лишь бы вам вообще хотелось работать. Работайте каждый день. Непременно каждый день что-то должно быть сделано. По счастью, работа художника так многообразна, и в любом настроении можно сделать что-то полезное. Один день будет удачен для творчества. Другой - для технических выполнений. Третий - для эскиза. Четвёртый - для собирания материала. Мало ли что понадобится для творчества! Главное, чтобы родник его не иссякал.

Если же начатое не понравится - отставьте. Не уничтожайте. Под настроением можно порешить и нечто пригодное. Пусть постоит у стены. Придёт час, и этот осуждённый изгнанник может понадобиться. Многооко восприятие. Вчера взглянулось одним оком, сегодня глаз увидел нечто неожиданное, а завтра покажется что-то совсем новое. Не судите сразу. Пусть в ходу будут несколько разных вещей. Одну отбросили, другую вытащили. Да и когда можем мы сказать, что вещь кончена? В конце концов, она никогда не кончена. Лишь обстоятельства заставят расстаться с ней.

Главное, чтобы в саду художества росли многие виды растений. Не бойтесь постоянной работы. Напрасно сидеть у берега и ждать попутного вдохновения. Оно приходит мгновенно и неожиданно. И не знаете, какой луч света или звук, или порыв ветра зажжёт его. Всему - милости просим. Вода - на мельницу! Лишь бы колесо крутилось и жернова работали.

Колесо жизни. Или, как индусы скажут, сантана - поток жизни. И столько кругом чудесного, что не перестанете радоваться. И не постареете. И творчество будет постоянным отдыхом. Хорош удел художника. Так называемые муки творчества - самые сладкие муки. И не забивайте себя в безысходный угол.

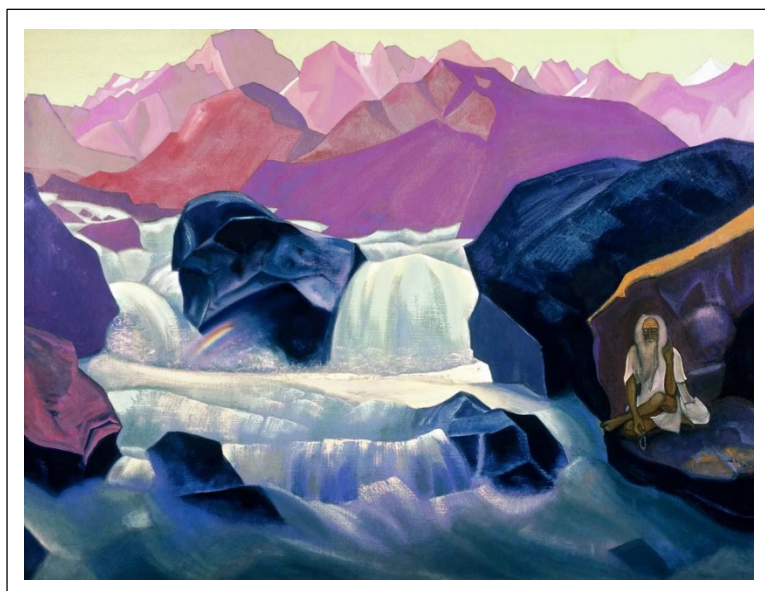
Веселей любите труд. В самом несовершенстве работы заключён источник следующего творения. Кто знает, где самодовление и где импровизация? Одно рождается из другого. Вы же, как пчела, собирайте мёд отовсюду. Будьте всегда самим собою. Поймите, что в творчестве вашем и отдых, и обновление, и радость.

Дайте радость и кому-то вам неведомому. Дать радость - это как увидеть восход солнца. Будьте проще и любите природу. Проще, проще! Вы творите не потому, что "нужда заставила". Поёте, как вольная птица, не можете не петь. Помните, жаворонок над полями весною! Звенит в высоте! Рулите выше!

8 Апреля 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974.

«Колесо жизни. Или, как индусы скажут, сантана - поток жизни. И столько кругом чудесного, что не перестанете радоваться...»

Н.К. Рерих. Сантана. 1935-36.

8 Апреля 1940 г.

Н.К. Рерих

ЕЩЁ АМЕРИКА

Пришло второе письмо от Зиночки из Лос-Анжелеса от 2-го Марта. Очень рады, что впечатления от поездки складываются хорошие. Не сомневались, что в разных местах Америки имеются друзья, явные и скрытые. И прикасания к ним очень полезны для всех дел. Хорошо, что Зине удалось установить и связь с книжным магазином. Кто знает, может быть, там можно хоть немного продвинуть монографию. Из-за военного времени рижским друзьям так трудно с денежными вопросами, и потому каждое продвижение монографии для них сейчас большое благо. Если будете писать Кошиц, передайте ей наш общий привет. При всей её сумбурности сердце у неё доброе. Рады, что её обстоятельства сложились удачно. А где же Мара и Шуберт?

Теперь Вы уже опять в разгаре нью-йоркских битв с тёмными силами. Чувствуем, что будут какие-то злые нападения на картины. Конечно, сто картин, бывших на 4-м этаже, безусловно принадлежат Катрин, так как Е. И. совершенно законно летом 1935 года их передала в её собственность. Что же касается до картин Музея, то адвокатам придётся обратиться к нашей общей декларации 1929 года, которая была также вписана и четою Хоршей. Из этой декларации совершенно ясно явствует, что картины, согласно зелёному каталогу Музея, не могут быть частною собственностью Хорша, ибо и они, участвуя в этой декларации, определённо утвердили, что картины, о которых говорит декларация, не есть их частная собственность. В этом смысле декларация как постановление Совета Музея является чрезвычайно важным документом.

Если бы Стоке опять начал говорить о том, что правительственного ответа на декларацию не последовало (хотя весь текст декларации и не предполагал ответа), то можно ему сказать, что как постановление Совета Музея, никогда не отменённое, декларация имеет важное законное значение. Если бы Хорш на основании ранее им сфабрикованных и подсунутых бумажек стал уверять, что картины есть его частная собственность, то, во всяком случае, декларация, как акт позднейший, аннулирует все его прежде подстроенные махинации. Это обстоятельство адвокаты должны использовать в полной мере. Не нужно ли, чтобы я прислал ещё одно удостоверение, что картины Музея не являются ни моею, ни чьею-либо частною собственностью? Впрочем, это обстоятельство достаточно ясно из факта и текста самой декларации. Только бы адвокаты не упустили этого соображения. Также, вероятно, адвокаты найдут случай, чтобы ещё раз запечатлеть тот поразительный факт, что Хорш, будучи нашим доверенным, действовал против нас. По-видимому, Плаут не сумел использовать и этот потрясающий брич оф трест. Впрочем, во многих отношениях Пл[аут] действовал точно бы был адвокатом противной стороны. Конечно, при всяких существующих таинственных подпольных влияниях, в которых принял участие член кабинета, нечего удивляться потрясающей несправедливости, совершающейся на глазах у всех. Плаут не только захватил документы, но и как бы нарочно пропустил срок в деле с газетою.

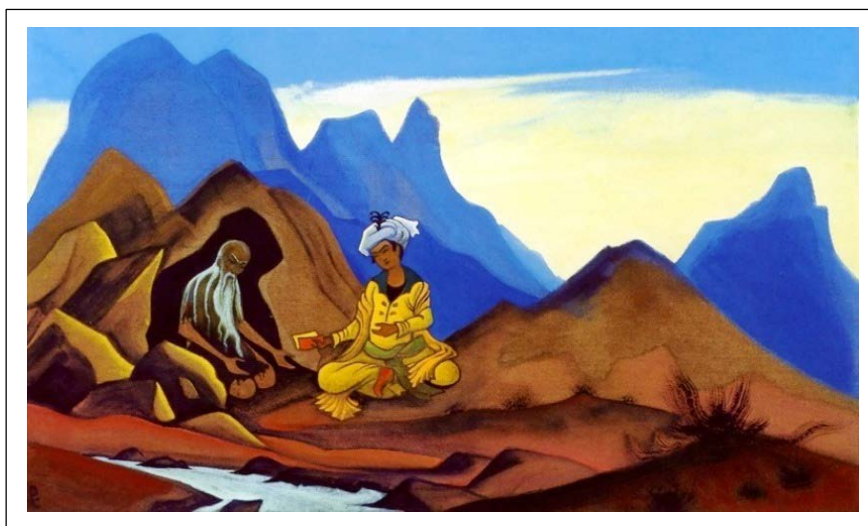
Всё это наводит на печальные мысли и спрашивается, с кого же искать и эти убытки? Будем надеяться, что Джаксон правильно использует все материалы, у него находящиеся, и не подпадёт ни под чьи влияния, а также и Смайт не упустит сроков. По-видимому, дело о ста картинах, принадлежащих Катрин, и о манускриптах Е. И. находится в руках См[айт]. Вероятно, в пути уже находится Ваше очередное письмо, разъясняющее, каким образом появилась мрачная фигура подставной Эстер. Если Хорш ей сделал какие-то сверхъестественные подарки, то не обратил ли Джаксон внимание судьи именно на их (т. е. подарков) неестественность.

Это письмо долетит к Вам уже во время выставки Святослава. Надеемся, что все пройдёт успешно, ведь от этого зависят и некоторые будущие выступления. Выясняется, что некоторые письма теряются в пути, а другие приходят в нарушенном порядке. Вообще нарушился мировой порядок, и во всём мире должны это осознавать. Другьям в Америке, а, прежде всего, Джину скажите, что мы сосредоточим корреспонденцию на Вас и Дедлей. И при случае передайте другьям наши искренние приветы. Пусть пеняют не на нас, а на экстраординарные обстоятельства. И ещё одно грустное обстоятельство - сердце Е. И. нас тревожит: по определению врача, неполадки в клапане. Да и мне нужно

повидать специалиста, которого в Индии нет. Буквально держимся лучами Блага. Относительно картин из Арсуны, значит, из 56 там бывших 22 остаются там, а 34 на Вашем попечении в Академии. Повторяю, что очень хорошо, что Вам удалось оживить некоторых калифорнийских друзей. Ведь нужно укреплять новые кадры друзей.

8 Апреля 1940 г.

К. Рерих, Листы дневника. М., 1995 г. (Из архива Музея Рерихов, Москва)

Н.К. Рерих. Искандер и отшельник. 1938.

* * *

Однажды великий Акбар провёл черту и попросил своего мудреца Бирбала, чтобы тот сократил её, не урезывая и не касаясь концов её. Бирбал параллельно провёл более длинную линию, и тем самым линия Акбара была умалена. Мудрость заключается в проведении более длинной линии.

Когда видите апофеоз суеты наших дней, иногда чувствуете бессилие сократить этот пустой водоворот, эту бесполезную трату сил и возможностей. Только представляя более длинную черту истинного действия и деятельности, мы можем уменьшить ужас нашего времени - триумф суеты.

Мы должны помнить: молчание двигает. Слово же даёт импульс к движению. Молчание - заставляет, слово - увещевает

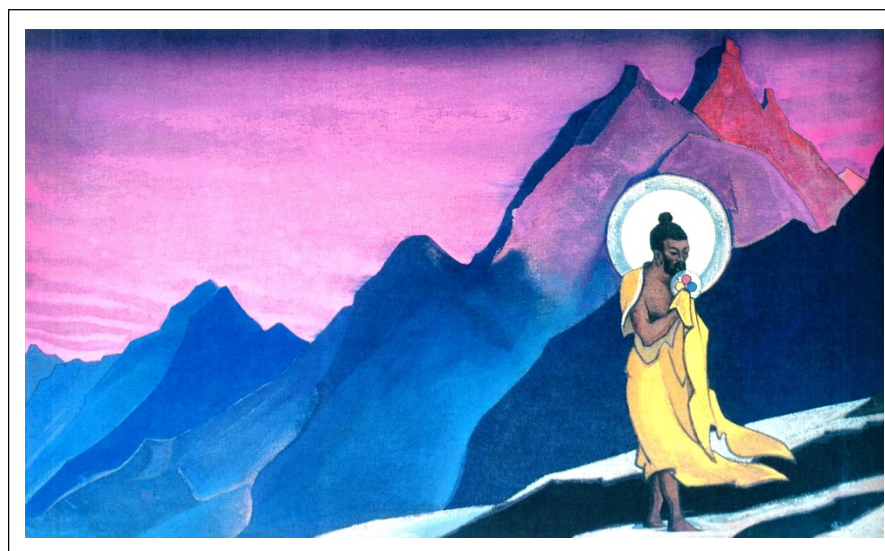
Величайшие мировые действия творятся в глубоком молчании, лишь прикрытые докучливым шумом и лживой поверхностью звука. Великие упражнения происходят при задержанном дыхании; чем учащённее дыхание, тем сильнее трата энергии. Кто в действии может задержать дыхание, тот уже властелин мировой энергии - той энергии, которая действует и творит в мироздании.

Есть два вида тишины: беспомощная тишина инертности, которая знаменует распад, и тишина могущества, которая управляет гармонией жизни. Тишина могущества присуща спокойствию владыки. Чем она совершеннее, тем глубже мощь и тем больше сила действия.

В этой тишине нисходит истинная мудрость. Мысли людей представляют смесь правды и лжи. Истинное проникновение замарано лживым пониманием. Истинное воображение извращено лживым представлением. Истинная память

загромождена лживыми мыслями. Поверхностная деятельность ума должна остановиться, и молчание заменит беспокойство. И затем в тишине - в этой беззвучной глубине - приходит озарение. И истинное знание становится безошибочным источником истинного действия.

Истинное действие, невидимое для глаз суетливых толп, сказывается лишь на последствиях. Лишь по последствиям вы видите земными глазами, насколько значительнее и длиннее черта истинного действия сравнительно с суетой. (Н.К. Рерих, «Действие» 1922 г., Нью-Йорк)

Н.К. Рерих. Бхагаван. 1932.

«На каменистой поверхности не различить человеческих следов. Невозможно прочесть мысли людей, а тот, кто может, - молчит! Возможно, во время ваших странствий вы встречали многочисленных путников - неведомых странников, скромно одетых и молчаливо идущих по пустыне, в жару и холод, к своим неизвестным целям. Не думайте, что если одеяние скромное, то и сам незнакомец незначителен! Если глаза его полузакрыты, не надо думать, что и взгляд его не пронизателен». (Н.Рерих, «Шамбала сияющая»)

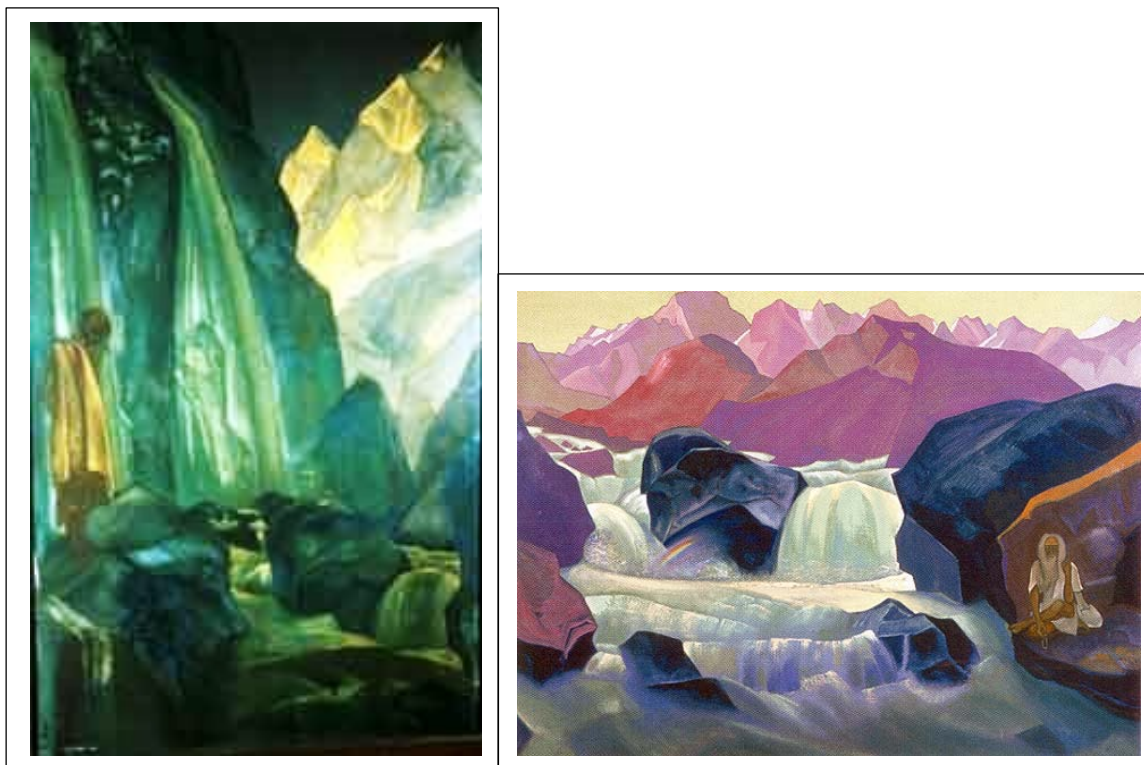
Н.К. Рерих. Лао-цзы. 1937.

*«Поток жизни - сантана - прихотлив и щедр.
Поток распыляется в отвесном водопаде, чтобы по-
том опять собраться в русло. Где и когда?...»*

САНТАНА

"Скажем врагам: не плюй против ветра". Речение знакомо и со слов Будды и со слов Ницше. Вряд ли Ницше знал заветы Будды, но кто знает, может быть, и слышал. Ведь и Вагнер хотел сделать вместо "Парсифаля" буддийскую мистерию. Извилисты пути. Не отличить, где заимствование, а где ещё какой-то новый уклон мысли. Вагнер говорил Листу: "Теперь заткни уши, эти две страницы от тебя взяты". А сколько аналогий вольных и невольных среди творений старых мастеров. Для новой концепции брали из лучших источников. Может быть, бывали вдохновлены именно этой деталью. "Для чистых - всё чисто".

Часто художник даже не помнит, где он увидел какую-то подробность или в природе или в чьём-то творении. Бывает, что и в природе нечто остановит внимание, потому что где-то, когда-то уже было увидено. Бывает и наоборот. Если композитор вспомнит чудесную народную песнь от этого не пострадает его произведение. Иначе и Бетховен, и Мусоргский, и Римский-Корсаков были бы повинны в некоторых своих вдохновениях. Если художники иногда не признают своё собственное произведение, то где же вспомнить что-то поправившееся десятки лет назад?

Н.К. Рерих. Сантана. 1928 г. / 1938 г.

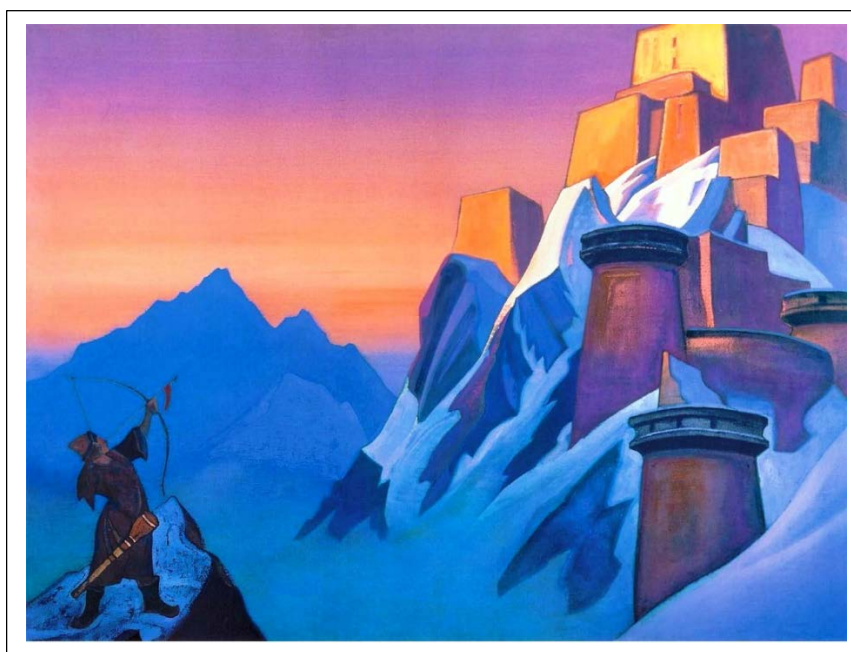
Поток жизни - сантана - прихотлив и щедр. Поток распыляется в отвесном водопаде, чтобы потом опять собраться в русло. Где и когда? Леонардо писал: "Не брани меня, читатель, потому что предметы бесчисленны, и память

моя не может вместить их так, чтобы знать, о чём было и о чём не было говорено в прежних заметках, тем более, что я пишу с большими перерывами, в разные годы жизни". Да и как упомнить все струи сантаны? Где отметить все прибрежные скалы, из которых каждая и на солнце и при луне горит самоцветом? Сколько среди них будто бы подобных, но различны они и лишь возбуждают похожий отзвук. "Помню, где-то видал, но где и когда"? И к чему помнить все извилины и перевалы? Не лучше ли сохранить синтез сияний, сложенных щедростью природы? Истинный реализм - в передаче убедительного смысла виденного. Пусть зритель стоит перед действительностью, и нет ему дела, как она достигнута.

Сантана - поток жизни. Где и когда и кому пригодится всё записанное? Но видели, как оно становилось нужным. Даже цензоры, поставленные для пресечения, полюбив прочтённое, нередко радовались.

[1940 г.]

Архив Музея Рерихов, Москва.

Н.К. Рерих. Вест Шамбалы. 1939.

Н.К. Рерих «Листы дневника»

ПРОРОЧЕСТВО

Тамдинг принёс с базара книжку на хинди "Парахамса Нараяны" о пророчествах, касающихся настоящего времени и ближайшего будущего. Очень любопытно, ибо совпадает во многих частях и с другими слышанными пророчествами в Монголии и Тибете. Затем передавали пророчество Баба касательно тех же времён и событий, но в ином варианте, который показывает, что источники были какие-то иные. Наконец, Теджрам принёс пророчество сикхов Гуру Говинда, в котором упомянуты ещё более интересные подробности. А

ведь это пророчество очень старое. Сикхи, очень почитающие своих Гуру, уже выполняют часть этого предсказания.

Незадолго раньше в местности ходила запись одного учёного брамина, разными вычислениями определившая скорое наступление Сатья Юги - она должна начаться в 1942 году. Этот же срок упоминается и в других предсказаниях. Удивительно подумать, насколько где-то в толще народной происходит какое-то замечательное течение, которое прорывается наружу в самых удивительных формах. Ко времени все эти легенды, пророчества, предания сплетаются в один многозначительный венок.

Сложный ход событий, казалось бы, протекающий поверх человеческой логики, находит ясное объяснение. Остаётся вспомнить речение, что "сказанное так же верно, как под скалою Гума лежит пророчество". Кто найдёт его? Исследуя все эти части народной мозаики, можно удивляться разнообразию источников её. Ведь говорят разные народы, языки которых совершенно различны, а между тем высказанные сроки и данные странным образом совпадают. Когда вы слышите одну часть этих прозрений, вам может показаться, что это какая-то чисто местная легенда, и неопытный слушатель отнесёт её в ряд сказок и досужих небылиц. Но совсем иное чувствуется, когда вы складываете вместе слова многих народов, сказанные на протяжении нескольких веков. Эти люди фактически друг друга не знали, и мыслили они в совершенно разных направлениях. А старинные языки их многих слов, а в особенности слов современных нам, вообще не имеют. Но под всем этим разнообразием чувствуется одна мысль, одно таинственное знание и прозрение. К тому же авторы многих таких пророчеств почти безвыездно находились в своих ашрамах и монастырях, иногда вообще не соприкасаясь с внешним миром. Кто-то отнесётся научно к этой живой легенде, творимой многими народами. Под разными именами можно узнавать те же местности и те же события. Теперь уже поняли, что фольклор составляет интересную научную область. Так же точно и многозначительность народных пророчеств делается научным достоянием. Ведь не в какие-то отдалённые века творится живая народная легенда, но она куётся и сейчас и мудро толкует о мировых событиях.

(1940 г.)

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М., 1995 г. (Из архива МЦР).

Н.К. Рерих

МИСТИЦИЗМ

В разных странах пишут о моём мистицизме. Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чём эти люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасаюсь этого неопределённого слова – мистицизм. Уж очень оно мне напоминает английское мист – то есть туман. Всё туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определённости и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне сдаётся, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познание, а что-то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределённость – вредоносна.

В древности мистиками назывались участники мистерий. Но какие же мистерии происходят сейчас. И не назовём же мы мистериями научное познание, которое в последние годы двинулось в области надземные, приблизилось к познанию тончайших энергий. Спрашивается, в чём же всякие пишущие видят мой мистицизм. Если припомним мои картины, то даже сами названия вряд ли будут соответствовать этому людскому обозначению. Припомним от самого начала: «Богатыри», «Ушкуйник», «Гонец», «Восстал род на род», «Сходятся старцы», «Бой», «Город строят», «Сергий Строитель», «Гималаи», «Жемчуг исканий», «Монгольский Цам», «Конфуций», «Лао-Тце», и из самых последних – «Тревога», «Снегурочка», «Река жизни», «Настасья Микулична», «Микула Селянинович»... Или вспомним очерки: «Борьба с невежеством», «Парапсихология», «Болезнь клеветы», «Песни Монголии», «Чингиз-Хан», «Школьный учитель», «Прекрасное единение», «Старинные лекарства», «Врата Мира», «Чаша неотпитая», «Оборона», «Горький», «Толстой и Тагор» ... Всё это достаточно казалось бы определённо и зовёт к познанию.

Правда, мы радуемся каждому достижению, будет ли это в области искусства или науки. Мы глубоко интересуемся передачей мысли на расстояние и всем, сопряженным с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым, с Райном, с Метальниковым. Область мозга и сердца, так выдвинутая сейчас учеными мира, не может быть названа дымчатым словом мистицизм, но есть самое реальное научное познание. Для невежд, вероятно, любое научное открытие есть мистицизм и сверхъестественность. Но тогда и Каррель, Крукс, Оливер Лодж, Пипин и все реальные учёные будут тоже мистиками.

Н.К. Рерих. Вести от Гималаев. 1940. (Эскиз)

ИЮНЬ

1 Июня 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ВСТРЕЧИ

Дорогой друг, в вашем Апрельском письме Вы спрашиваете о моей переписке с Нижинским, Стравинским, Метерлинком, Мясиным... Увы, мои архивы не со мной, и многое, может быть, вообще не существует. Нынешний Армагеддон тоже не будет способствовать сохранности архивов. Архив до 1916 года остался в доме Общества Поощрения Художеств, где мы жили. Затем кое-что осталось в Прибалтике, в Америке, даже в Китайском Туркестане и даже в Тибете, когда погибал наш караван. В глубинах Азии остались и несколько картин и эскизов. Люди, у которых они находились, уже оказались где-то на новых местах. Кто и как за пятнадцать лет разберётся в этих путевых вехах? За это время вы спокойно жили под Парижем, и, конечно, вам кажется, что и у нас все архивы в добром порядке. Но когда смотрю на сундуки и ягтаны, то встаёт в памяти, как они передвигались и на верблюдах, и на конях, и на яках. Выдержки из писем Тагора, Леонида Андреева, Бориса Григорьева, Бенуа, Судейкина вы уже имеете. Пишут, что Судейкин недавно предлагал своё сотрудничество с нашей Академией в Нью-Йорке. Боюсь, что письма Стасова, Горького, Григоровича, Репина не сохранились.

Метерлинк очень сердечно отозвался на наш Пакт. "Соберём вокруг этого благородного движения все наши моральные силы, которыми мы можем располагать", - сказал Метерлинк. Я слышал, что он очень одобрял мои эскизы к "Принцессе Мален", "Сестре Беатрисе", к "Пелеасу и Мелисанде", к "Слепым". К "Принцессе Мален" было четырнадцать эскизов. Разлетелись по многим музеям - в Стокгольме, в Гельсингфорсе, в Москве, в Нью-Йорке, в Небраске... У Левинсона в Париже был один. Где он теперь? В Монографии 1916 года воспроизведены несколько, но первая картина не была вовремя снята. Много вещей не были сняты, а теперь и слайдов не найдёшь. Всё же из Монографии 1916-го и из книги Эрнста кое-что можно переснять. Бенуа особенно одобрял эти сюиты. Каждому отвечает что-либо, ему присущее. Для меня Метерлинковская серия была не только театральными эскизами, не иллюстрациями, но вообще композициями на темы, мне очень близкие. Хотелось в них дать целую тональную симфонию. У Метерлинка много синих, фиолетовых, пурпурных аккордов, и всё это мне особенно отвечает.

Посещение Фландрии и несравненного Брюгге мне дало глубокие настроения, подтвердившие образы, уже ранее возникшие во мне. Столько всегда грезилось. Когда зять и ученик Римского-Корсакова Штейнберг писал для "Сестры Беатрисы", я просил его построить вступление на теме старинного карильона в Брюгге. Цел ли наш Музей? Из Праги сообщили, что там музей цел.

Вот и серия "Пер Гюнта" давно уже выросла в мечтах. Когда Станиславский предлагал мне поехать в Норвегию перед постановкою "Пер Гюнта", я сказал: "Раньше сделаю все эскизы, а уже потом съезжу". Артисты Художественного Театра поехали в Норвегию, а после подтвердили, что мои настроения были правильны. Мне хотелось уберечься от всякой этнографии и дать общечеловеческую трагедию. Странно, почему-то не пришлось делать на

Шекспировские и Гётевские темы, а ведь столько заманчивого, величественного.

Эпику великих народных движений я дал в «Весне Священной», и в либретто, и в декорации. Для первой и второй картины были особые декорации, но ради удешевления оба акта ставились в первой декорации. Уж это удешевление! А вторая декорация была нужна. В ней всю сцену занимало ночное небо, на котором разметалась косматая туча в виде гигантской головы.

Н.К. Рерих. Эскизы декорации к «Весне Священной». 1910. (Внизу: вторая декорация).

В Монографии 1916 года она была воспроизведена в красках. Вы пишете, что Мясин искажил моё либретто в американской постановке. Мясина знаю мало. Не знаю о либретто, ибо на репетиции и на представлении я не был – спешил в Лондон. Тогда Мясин преподавал балетные танцы в нашем Институте Объединённых Искусств. Всё может быть, ведь и Стравинский теперь уверяет, что за десять лет до моей идеи «Весны Священной» видел её во сне.

В экспедициях, в разъездах невозможно следить за всякими печатными изречениями. Иногда через много лет случайно доходят перлы выдумки. Ведь меня уже три раза похоронили, и приходилось говорить, подобно Марку Твену, что это сведение сильно преувеличено.

С Большом я встречался в двух постановках – в «Половецких плясках» и затем в «Снегурочке» в Чикагской Опере. Всегда он относился внимательно и старался принять во внимание все соображения. С Фокиным несколько раз хотел сотрудничать, но обстоятельства всегда мешали. Он написал отличную статью по поводу моей выставки в Копенгагене. Не забудется смелое обновление русского балета, данное Фокиным. С Нижинским были встречи, и добрые встречи. В них всегда участвовал Дягилев. Хвалю Лифаря за выставку в Лувре, посвящённую Дягилеву.

Жаль, что там был лишь один мой эскиз к «Половецким пляскам» из Музея Виктории и Альберта.

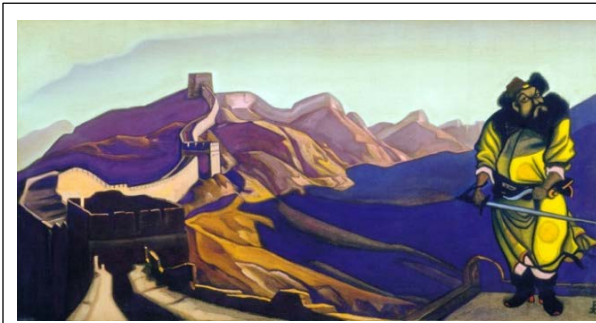
Н.К. Рерих. Половецкий стан. 1909. Музей Альберта и Виктории.

Конечно, в Гималаях не услышишь обо всём, что творится по миру. Декорация к «Половецким пляскам» в 1906 в Париже дала мне много друзей. Основной эскиз декорации был приобретён Серовым для Московской Третьяковской галереи. Варианты в «Виктории и Альберте» и Музее Детройта. Из дягилевской постановки в Париже «Князя Игоря» два эпизода незабываемы. Первый – дружба с Саниным. Очень ценю этого режиссёра. Даже в опере ему удавалось передать жизнь народных масс и избежать всякой условщины. Славный, душевный человек. Второй эпизод – костюм Кончака для Шаляпина. Труден был Фёдор Иванович. Никогда не знаешь, к чему придерётся. Груб был, но ко мне всегда относился ласково. Оценил мой скифо-монгольский костюм. Умел и надеть его.

После успеха «Игоря» с «Половецкими плясками» и удачных выставок Бенуа назвал мои выступления «барсовыми прыжками». При давнишней враждебности Бенуа ко мне такой отзыв был верхом похвалы. «Монтекки и Капулетти» - так называли многие клан Бенуа и наши группы. Одно могу сказать, что не от меня шла эта рознь. Много раз я пытался водворить мир. Миротворчество всегда было в моей природе. Раздор для меня отвратителен.

Вы правы, что «Снегурочка», как и всё творчество Римского-Корсакова, мне близка. Сколько замечательного мог ещё дать Николай Андреевич, ведь его последние вещи – «Салтан». «Золотой петушок» и «град Китеж» шли в восходящем аккорде. «Салтана мне хотелось дать в индийской гамме. Сама сказка имеет восточную канву, а кроме того, в то время мы уже мечтали об отъезде в Индию. Бичам и Дягилев очень хвалили эскизы к «Салтану», и только банкротство Бичама помешало этой постановке в «Ковент-Гардене». Той же участи подвергся и «Садко», а мне его хотелось сделать. Палаты Садко, Новгородская пристань, корабли – всё это мне так знакомо. Теперь эти эскизы разлетелись и никогда не сойдутся вместе. Что в Калифорнии, что в Нью-Йорке, что в Буэнос-Айресе. Корабль Садко был у сэра Хагберга Райта в Лондоне. Жаль, хороший, культурный человек он был. Какое множество полезных деятелей померло за последние годы. Вот и Брайкевич умер. Хороший был собиратель. У него Серовский портрет Елены Ивановны. Куда пойдёт его собрание? Где осталась моя «Сеча при Керженце» и Серовской панно, сделанные для Дягилева? Не съели ли мыши?

Рад слышать, что Лиао полюбил мою "Настасью Микуличну". В красках она лучше - вся на огненном облаке. Видимость её немного азийская. Но ведь и богатыри князя Владимира и восточные богадуры тоже не далеки друг от друга. Сейчас у меня три китайские картины.

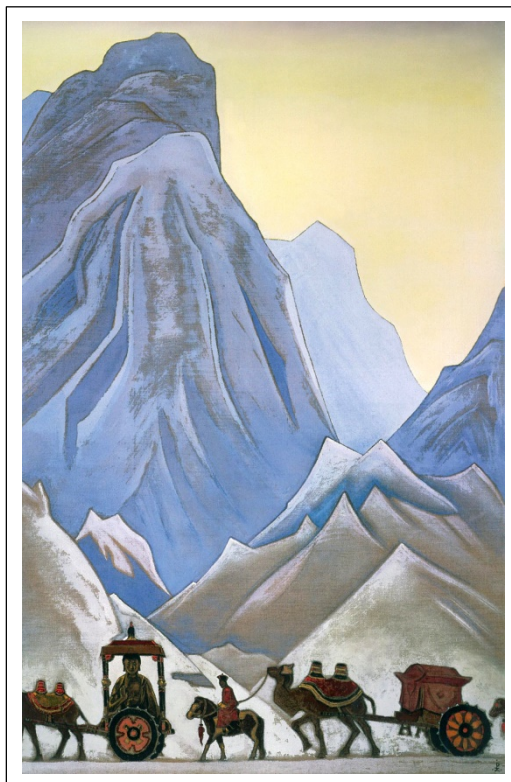
Н.К. Рерих. Героика Китая. 1937.

Победные огни (Цветы Тимура). 1930-е -1940.

"Китай" - воин на башне великой стены.

"Победные огни" - дозорные огни на башнях гобийских.

"Приданое княжны" - караван везёт Будду.

Н.К. Рерих. Приданое китайской принцессы Уэн-Чинг" (Вэн-Чин). 1928-29.

Жалею, не имею снимка с последней картины "Весть от Гималаев". Ладья в предутреннем тумане удалась. Есть тишина, и дальние горы светятся.

Н.К. Рерих. Весть от Гималаев (Направляясь домой). (1940)

И ещё вам был бы близок "Ярослав Мудрый" (для мозаики). Если бы появилась опера, посвящённая этому строителю Киева - то эта сцена в верхнем тереме очень пригодилась бы. Помните, три дочери Ярослава были королевами Европы. Одна - за королём Франции, другая - за конунгом Скандинавским и третья - за королём Венгрии. Вот как! Летопись отмечает про Ярослава: "Заложил Ярослав град великий Киев, в нём же Золотые Врата"...

Н.К. Рерих. Радовашеся Ярослав граду Киеву. 1938.

Вот бы фильму поставить! Имели огромный успех фильмы: "Александр Невский" и "Пётр Великий". Киевская Русь тоже могла бы дать отличный сюжет. Палаты были, может быть, лучше палат Рогеров в Сицилии. Всё это надо знать.

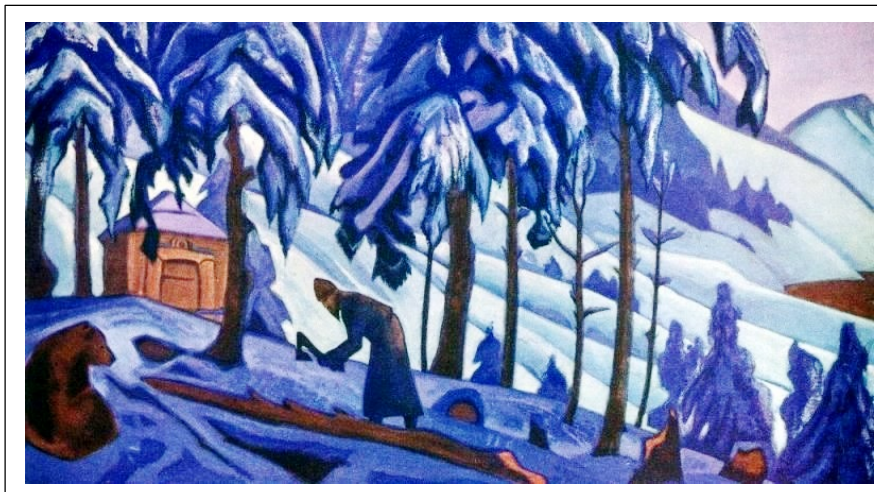
Вы спрашиваете, нет ли у меня здесь либретто "Весны Священной"? Конечно, нет, как и многого другого. И где это многое осталось? Ведь живём мы на границе Тибета. За двенадцать миль от нас последняя почтовая станция. Сейчас почта стала очень странной, как и все дни Армагеддона. И год-то сороковой!

1 Июня 1940 г. Гималаи.

Рерих, Н.К. Из литературного наследия. М., 1974

**"Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Её, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!»**

А.С. Пушкин. Бородинская гоовщина. 1831.

Н.К. Рерих. Сергей-Строитель. 1940.

10 Июня 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

НЕ ЗАМАЙ!

В нашей изварской библиотеке была серия стареньких книжечек о том, как стала быть Земля Русская. От самых ранних лет, от начала грамоты полюбили эти рассказы. В них были затронуты интересные, трогательные темы. Про Святослава, про Изгоя Ростислава, про королеву Ингегерду, про Кукейнос - последний русский оплот против ливонских рыцарей. Было и про Ледовое Побоище, и про Ольгу с древлянами, и про Ярослава, и про Бориса и Глеба, про Святополка окаянного. Конечно, была и битва при Калке и пересказ "Слова о Полку Игореве", была и Куликовская битва, и Напутствие Сергия - Пересвет и Ослабя. Были и Минин с Пожарским, были и Петр, и Суворов, и Кутузов... Повести были собраны занимательно, но с верным изложением исторической правды. На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов. Всё это запомнилось, и хотелось сказать, смотря на эту картину: "Не замай!".

Впоследствии, изучая летописи русские и знакомясь с древней литературой, которая вовсе не так мала, как иногда хотели злоумышленно представить, приходилось лишь уже более сознательно повторить тот же окрик - "Не замай!". Пройдя историю русскую до самых последних времён, можно было лишь ещё более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое утверждение встает ярко.

Сколько новых, незаслуженных оскорблений вынес народ русский! Даже самые, казалось бы, понятные и законные его действия зло толковались. То,

что в отношении других стран деликатно умалчивалось, то вызывало яростные нападки иноземного печатного слова. При этом потрясающе было видеть неслыханное враньё, которое никогда не было опровергнуто. Малейшая кажущаяся неудача русская вызывала злобное гоготание и поток лжи, не считающаяся с правдоподобием. Всё это остаётся во внутренних архивах.

Останется также и то, что победы русские были исключены на Западе из исторических начертаний. А если уже невозможно было не упомянуть об удачах, о строительстве русского народа, то это делалось шепотом в самых пониженных выражениях. И об этом остались нестираемые памятки... Для иноземных катастроф находились в международной печати самые выпренные восклицания. Понесённые удары провозглашались победами, и преувеличению не было границ. Обо всём этом тоже остались печатные листы - бумага всё терпит, а сознание людское всё принимает, что отвечает его внутреннему желанию.

Но не помогло обидчикам русского народа всё это кусательство. Всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует это на хребте своём. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов. Отскакивали разные вредители и поработители, а народ русский в своей целине необозримой выоривал новые сокровища. Так положено. История хранит доказательства высшей справедливости, которая много раз уже грозно сказала - "Не замай!"

Об этом можно бы написать поучительное историческое исследование. Будет в нём сказано о том, как народ русский не только умел претерпеть, но и знал, как строить и слагать в больших трудах славное будущее своей великой родины. Ох, хотели бы стереть с лица Земли пятую часть Света! Искажаются гримасами враждебные личины, слыша сведения о достижениях русских. Судьба неуклонно слагает великий путь народов русских необъятностей - не замай!

"Сильна ли Русь?
Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор,
Её, беснуясь, потрясали
Смотрите ж: всё стоит она".

10 Июня 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". 1974 г.

14 Июня 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Пюви де Шаванна одиннадцать лет не принимали на выставку. Родена обвиняли в неумении лепить; будто бы одна из лучших его статуй была муляж. Гогена лишь смерть избавила от тюрьмы. Он имел неосторожность вступить за женщин, отправляемых на Таити в дома терпимости. Ван Гог, посланный Евангелическим Обществом для изучения быта рудокопов, был уволен. Он слишком сердечно отнёсся к тяжким условиям рудниковой жизни. Манэ претерпел жестокие гонения. Можно бы привести потрясающие примеры из "культурной" жизни всяких стран. Модильяни помер с голода. Даже Сарджент должен был спешно обратиться из Парижа, так ему досталось за один из лучших

его портретов. Зачем оглядываться в далёкие века, когда Фидий был брошен в темницу, если и теперь можно находить образцы гонений на лучших представителях человечества. Откуда эти глубины несправедливости? Неужели в природе человеческой где-то прочно гнездится эта проказа? Вспомним, как Леонардо взывал к терпению, когда ему приходилось выносить потрясающие гонения, доходившие до обвинений в шпионстве, в измене.

Гонители не считаются с правдоподобностью. В них самих правда не живёт, и потому и мерило правды им не знакомо. Ярость несправедливых суждений возрастает особенно в дни больших потрясений. Разнуздываются мрачные страсти, и двуногие в бешеной пляске выискивают, кого разодрать, что изничтожить. И сколько сладкоречивых ханжей науськивают злобных вредителей! Правда, формально отменены инквизиция, застенки, костры и многие изысканные средства мучительства. Но телесные муки с успехом заменяются психическими голгофами. И которые мучения сильнее? На каких весах взвесить? Какими мерами явить, где проявлено наибольшее мучительство? Бездну мучений принёс Армагеддон. Потоки обездоленных потекли по миру. Упрекают войну. Но не исследуют причины войны. Среди них нашлись бы такие, которые заставили бы покраснеть даже самых бледнолицых.

О следствиях легче думать, но к причинам ум не оборачивается. Прост закон, что каждое следствие имело свою причину. Но многим правителям дум человеческих такая логика неприятна. Даже несносна! Беззаботные, безответственные люди полагают, что несправедливость забудется, и, если нужно, они снова придут с лукавыми приветями. Но не тут-то было. Семя несправедливости очень живуче. Народ знает издавна эту неизбежность... "Как аукнется, так и откликнется". Много лукаво аукались, так же оно и откликается. Да ещё в самый неожиданный час. Переполнилась чаша лукавства и несправедливости. Армагеддон!

14 Июня 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих, Листы дневника. М., 1995 г. (Из архива МЦР)

15 Июня 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

АМЕРИКА

Пробуем послать весточку через Пасифик. Обстоятельства настолько изменчивы, что трудно знать, какой путь окажется лучшим. Как Вы знаете, воздушная почта временно отменена. Вероятно, и Вы найдёте, с Вашей стороны, путь для наилучшего сношения, хотя паромный путь будет чрезвычайно долг, и это нужно принять во внимание. Ещё недавно, как Вы писали, адвокаты, не принимая во внимание событий, настаивали на поездке, но теперь надо думать, что даже самые тугодумы поймут, каковы обстоятельства.

С тех пор, как выяснилось, что Хорш является правительственным служащим, всё дело принимает совершенно особый аспект. Вы уже писали, что, по-видимому, он будет стараться избегать всеми способами произнесения его имени на суде, и даже вообще упоминания о нём в связи с совершенными им мошенничествами. Все негодные и неприемлемые попытки на соглашательства, делаемые им через Г., показывают, что Хорш обеспокоен, ибо правительственному служащему оказываться мошенником неуместно. Очень замеча-

тельно, что он старается сделать последнее ограбление так, чтобы Вы ему выдали какой-то дженерал-релиз и навсегда отказались бы от своих к нему правильных и справедливых требований. Действительно, служебное правительственное положение Хорша вовлекает не только его самого, но и его правительственного покровителя, который может оказаться в позорном положении. Хорш-служащий, оперирующий поддельными бумагами, ограбляющий целые группы людей и дающий ложные показания. Каждый здравомыслящий адвокат горячо ухватился бы за все эти обстоятельства. И внешние обстоятельства как бы способствуют такому обороту дела - неужели же и теперь адвокаты всё ещё не хотят воспользоваться наилучшими неоспоримыми фактами? И не только в музейных делах, но и в деле Джаксона такой оборот вещей может внести неожиданную диверсию. Вы писали, что Джаксон включил в свой бриф, что Хорш был доверенным лицом, и он же был информатором, давшим ложные показания. Какова бы ни была таинственная снисходительность покровителя Хорша, но всё же существует же какая-то мера предела зла! Наверное, всё это Вы принимаете к ближайшему сведению и всюду, где только можно, восстанавливаете истину. Ужасно, что бедные бондхолдеры [держатели облигаций – ред.] были так обездолены Хоршем. Неужели же все они являются такими робкими овечками, что позволяют нагло издеваться над собою?!

15 Июня 1940 г.

Н.К. Рерих, Листы дневника. М., 1995 г. (Из архива МЦР)

18 июня 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

Парад вермахта в Париже. Фото 1940 г.

ПСИХИЧЕСКИЙ КАНИБАЛИЗМ

Париж пал. В самый день падения дошло к нам оттуда запоздалое, вероятно, последнее письмо. При нём были стихи о цветах. Ещё были стихи из Парижа...

В этом же письме сообщалось, что Ларионов распространяет отвратительную клевету. Будто бы после моего ухода откроется нечто ужасное. По обычаю всех клеветников, Ларионов не говорит, что именно, а просто так - нечто ужасное. Начните его допрашивать, и он скажет, что так говорят, что Бенуа так полагает, что в Париже так думают... Понесёт такую околесину, что ничего не поймёшь. Но одно останется ясным, что Ларионов хотел вредительствовать. Казалось бы, и во многих картинах моих, и в двенадцати книгах моих, и в монографиях жизнь моя достаточно явлена. Скрывать нечего. Слушать всякие клеветы недосуг. Но всё же поражает, что гнездо клевет таится в самом же "Мире Искусства". Неужели дух корпорации отлетел?

Не влияет ли болото, загнившее в Париже? И всё парижские бедствия - не образовались ли они от той же болотистой почвы, от ненавистничества, от утери человечности?

Скверно и душно, когда властвуют клевета, наговоры, пересуды, словом, всякий психический каннибализм. Впрочем, и физический каннибализм ещё существует во славу современного человечества! Но чванство «прогрессом» чудовищно! Мы не едим людей — вот какое достижение! Всё-таки современные троглодиты не могли обойтись без каннибализма, и потому созданся особый вид психического каннибализма во фраке и смокинге.

Там, где ещё царит любая форма каннибализма, не может быть культуры. Если культура будет загнана, как жалкая приживалка, она не сможет воздействовать на человечество. Как же назвать человека, считающего себя культурным и совершающего антикультурные поступки? Не пора ли пересмотреть значение слова культура!

Прикрываться высоким словом и заниматься психическим каннибализмом будет разложением человечества. Какие бы фраки и звезды ни надели эти разлагатели человечества, они всё же останутся психическими каннибалами. «Спасайте культуру» - этот зов не есть отвлечённость, но призыв к спасению человека. Со-роковой год!

18 Июня 1940 г. Гималаи

Н. К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М., 1995 г.

22 Июня 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

БЕЗУМИЕ

Пишут с дальней окраины: «Неужели и сейчас какие-то люди живут-прозябают, как будто в мире ничего не случилось? Что же ещё должно случиться, чтобы люди насторожились, подобрались и подумали: можно ли так дальше существовать. А ведь есть такие, которые живут, как прежде, и ни о чём не желают подумать». Действительно, что же должно стрястись, чтобы человек возопил: «Так дальше нельзя!» Старик Петен громко возопил, что в бедствиях Франции виновата жажда к удовольствиям, обуявшая французов со времени прошлой войны. Маршал прав, именно весёлое время, показная дешёвая роскошь, развал семьи, всякое «гуд тайм» разлагают народы.

Студенты Оксфорда заявляют, что не будут защищать родину. Посмотрите широко распространённые журналы: «Жизнь» (Америка) и «Лондонская жизнь» (Англия). Какую же жизнь они отражают? Неужели народам нужна такая пошлость? И как растолковать издателям, что развратители народа под-

лежат самой страшной каре. «Сопляжники», гольфисты, кулачные бойцы, все породители пошлости - придёт вам конец. Борцы, обмазанные грязью, может быть, наиболее показательны для степени падения человечества. На посмешище, теряя человекообразие, бесформенные оголтелые шуты копошатся в грязи. Когда читаем о позорных неистовствах Папы Борджиа, думаем, что это всё давно прошло и сейчас уже невозможно. Так ли? Не происходит ли нечто подобное в новых одеждах и в других наименованиях? Сообщают, что сейчас, в самый трагический час войны, Англия устраивает традиционные скачки. Без Дэрби не прожить! Правда, читали «Пир во время чумы», но ведь поэт говорил об единичном, групповом эксцессе, а тут массовое безумие. Обывательщина, мещанство одолели. Можно понять, отчего Бернард Шоу горько шутил, сказав: «Понимаю Провидение, если Земля была создана как междупланетный сумасшедший дом». И ещё: бедные страны преуспели, богатые загнили. Не в золоте правда. Многие возмутятся, если скажете, что истинная ценность в единице труда. Зачем труд, когда люди мечтают о безответственных наслаждениях? Давно сказано: «И будет последний день золотым». В переустройстве мира будут основой труд, творчество.

22 Июня 1940 г. Гималаи

«Прометей» Москва, 1971. Т.8

24 июня 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ВЕЛИКОМУ НАРОДУ РУССКОМУ

Гонец о восстании гнал в челне уже сорок три года назад. Затем сходились старцы - народоправный совет. На следующий год шёл в гору поход за родину. Наконец, строили город. И на строительстве - поклон великому народу русскому.

Так ждалось, так предвиделось и так увиделось. «Город строят!» И какой чудесный, мощный! Не в суеверии, но в знании прислушался народ. Приложил к земле ухо богатырское. Осмотрел в кулак холмы окрестные. Собрались народы союзные, строить решили. Чаша неотпитая! Открыла земля недра. В обновлённом мышлении русский богатырь Иван Сотысячный встретил восход Красна-Солнышка.

«Сходятся старцы» были сопровождаемы былиною. Кончалась она так:

*Старцы земель Новагорода
Сойдутся под дубом развесистым,
Ворон на дубе не каркает.
За лесами заря занимается.
Засияет, блеснёт Красно-Солнышко,
И проснётся земля наша Русская.*

«Богатыри проснулись» сейчас пишется. Посвящается Великому Народу Русскому. Когда-то слагали былину «Как перевелись Богатыри на Руси», но тогда же верили, что проснутся они в час сужденный. Выйдут из гор, из пещер и приложатся к строительству народному. Вот и пришёл час. Вот народные богатыри город строят.

Илья Муромец встал. Добрыня побывал в Галиче. Микула зачал новую пашню. А Настасья Микулична многих перегнала. По поднебесью летает на страх злым. А зависти-то сколько за морями! За морями - земли великие. Только нам недосуг до них. Свою целину не объехать, свою скрыню не убрать.

Лежит передо мною «Слово о полку Игоревом», отлично украшенное палеховским мастером. Само «Слово» как бы горестное, но оно лишь напоминает, как из беды встанет народ и неустанно начнёт строение. Великому Народу Русскому ничто не страшно. Всё победит - и лёд, и жару, и глад, и грозу. И будет строить на диво.

«Город строят».

«Проснулись богатыри».

24 Июня 1940 г. Гималаи

«Наш современник», 1967, № 7

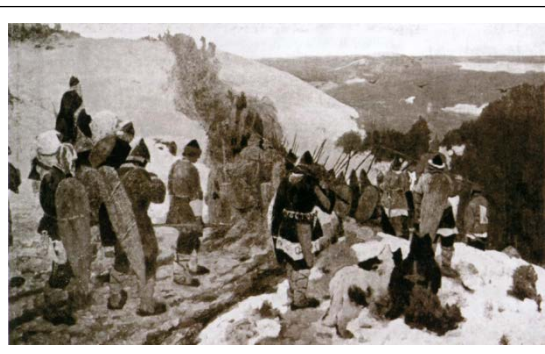
**Гонец / Сходятся старцы / Поход / «Как перевелись Богатыри на Руси» /
Микула Селянинович / Настасья Микулична / Город строят /
Богатыри проснулись**

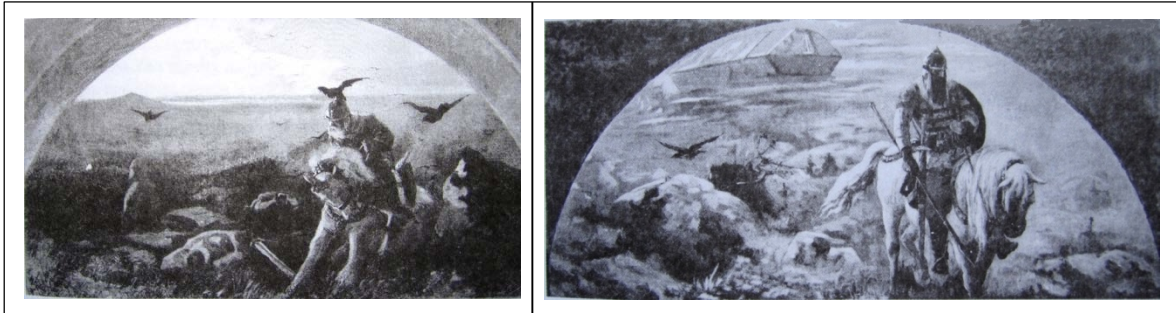
Гонец. 1897.

Сходятся старцы. 1897-1892.

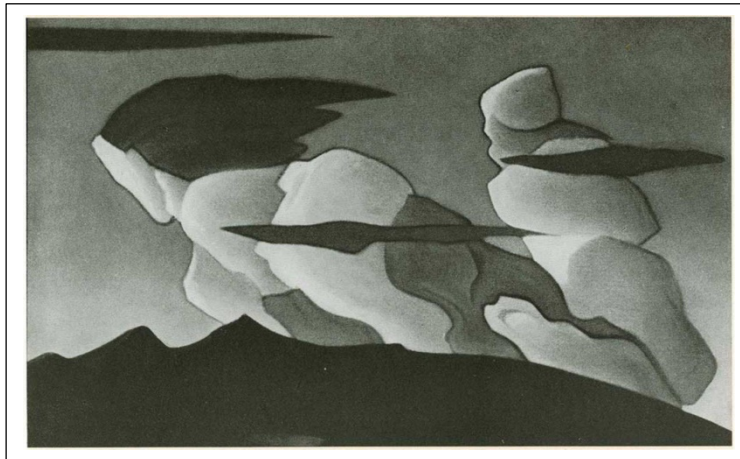
Поход. 1899.

Как перевелись богатыри на Руси. 1896.

Илья Муромец едет от гроба Святогора. 1896.

«Недавно написал я картину «Великий Пахарь – Микула Селянинович». Над тёмным силуэтом земли возносится в облачно-небесном облиции богатырь труженик. Пашет и посеет потом. И пожнёт жатву» (Н.К. Рерих к Гребенщикову от 24.04. 1937 г.)

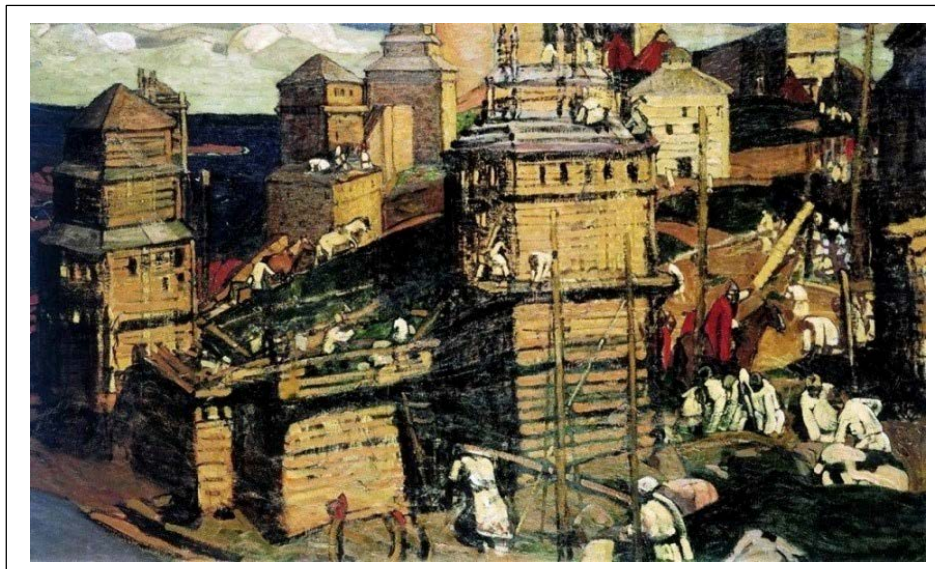
Микула Селянинович. 1937.

«Илья Муромец встал. Добрыня побывал в Галиче. Микула зачал новую пашню. А Настасья Микулична многих перегнала. По поднебесью летает на страхе ЗЛЫМ...»

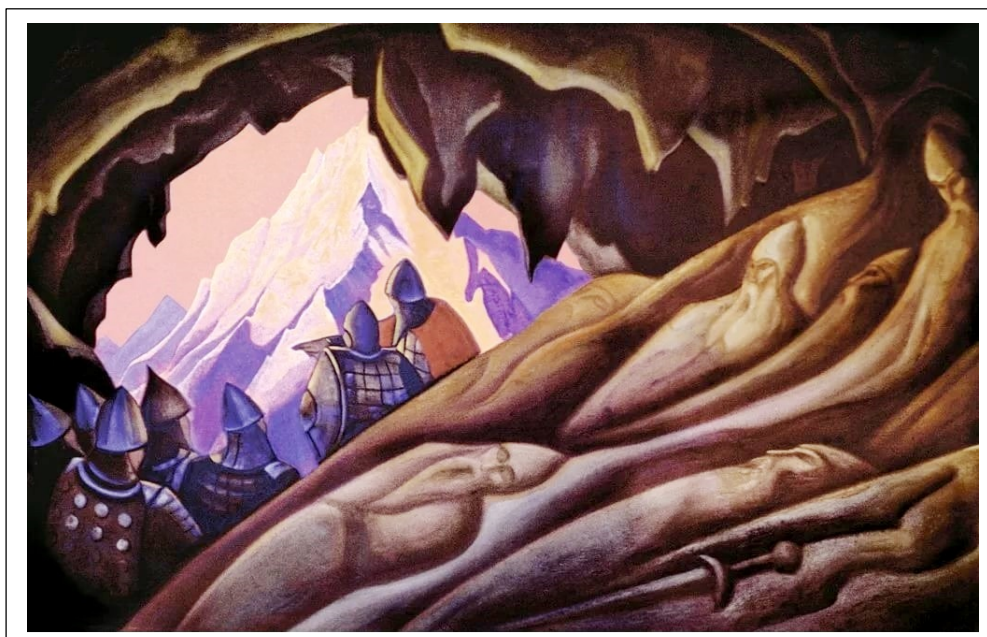

Настасья Микулична. 1938.

*«Русскому ничто не страшно. Всё победит - и лёд, и жару, и глад, и грозу. И будет строить на диво.
«Город строят».
«Проснулись богатыри».*

Н.К. Рерих. Город строят. 1902.

Н.К. Рерих. Богатыри проснулись. 1940.

ИЮЛЬ

3 июля 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих о Листах дневника.

«В садоводстве есть так называемый мавританский газон. Среди трав вкраплены многие цветы, и получается замысловатый ковёр, как сказка восточная. Раскинутые цветики сами дают узор, как на тысячетравных гобеленах. Вот и в жизни нельзя препятствовать, где и куда и как западут слова. Пусть себе разлетаются...»

ПОСЕВ

Спрашивают, почему Листы моего дневника появлялись в самых различных журналах и газетах? Ответ очень прост - не могу уследить в разных странах, где перепечатываются мои Листы. Некоторые появились много раз и по-русски, и по-английски, и по-французски, и по-болгарски, и по-испански, и по-португальски, и по-немецки, и по-литовски, по-тамилски, по-урду, по-сингалезски, по-гуджрати... Бывали даже и такие забавные случаи, что Листы появлялись без моей подписи. Чего только не бывало! Следует ли препятствовать? Кто знает, где и в каких условиях сказанное принесёт лучшую пользу. Может случиться, что издание само по себе и неважное, но мимоходом попадёт в добрые руки. На широких путях, на которых толпится человечество, встречи бывают самые неожиданные.

Сколько отличных людей было найдено там, где и ожидать нельзя. В садоводстве есть так называемый мавританский газон. Среди трав вкраплены многие цветы, и получается замысловатый ковёр, как сказка восточная. Раскинутые цветики сами дают узор, как на тысячетравных гобеленах. Вот и в жизни нельзя препятствовать, где и куда и как западут слова. Пусть себе разлетаются. Жалуются иногда, что не знают читателей. Да ведь и не нужно их знать. Всё сотворится в несказанном разнообразии. Лишь бы творить. Лишь бы сеять. Лишь бы пожелать добро. Так нужно спешить. Так требуются напутствия, что и час пропустить нельзя. Не только жизнь, но и само достоинство, честь названную придется в опасность поставить, когда неотложно нужно помочь. Не для себя же делается, но для тех и невидимых и неизвестных. Главное же - для молодых. Племя молодое - хорошее! Каждый по-своему вперёд стремится. В потоке жизни всё многообразно и цветисто.

Говорят некоторые, что вести дневники не следует. Кому, мол, они нужны? И в этом не нам судить. Каждый жизненный опыт кому-то нужен. Жалею, что отец не вёл записей. Много бы было нам яснее. А если бы прадед записал свои военные дела из времён Петровских, то это оказалось бы ценнейшим. Вот и каждое письмо Голенищева-Кутузова, прадеда Елены Ивановны, теперь ищется, а ведь и в амбаре они успели поваляться. А где записи Мусоргского? Сгорели. Разве ладно?

Каждый посев нужен. Не будем предрешать, но будем сеять. Трогательны бывают неожиданные отклики.

3 Июля 1940 г.

Рерих Н.К. Из Литературного наследия. М.: 1974 г.

4 Июля 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

УБЕРЕГИТЕ

«В феврале с.г. был прочитан в Белградском Научном Институте доклад Н.О. Лосского, явно указывающий на ту близость, с которой подходит философия к Теософии. Так, знаменитый философ называет в нём тело - системой союзников нашего «я», упоминает об истории до-человеческой жизни души, о перевоплощении, предпочитая ему, однако, термин Лейбница "метаморфозы"; заменяет пропасть между духом и материей введением нового термина "материально-психоидный процесс" в отличие от "материально-психического". Некоторые его выражения как бы взяты из учения о духовной алхимии: победа над собой, важность воображения, а не воли в работе над собой, самоперевоспитание путём воображения положительных черт и даже - "деятельная сублимация устремлений"». Так пишут в журнале.

Порадовались, что наш друг Николай Онуфриевич деятелен, несмотря на все нынешние преграды и препоны. Всякие меры у нас не только затрудняют передвижения, но и почта стала совсем странной. Теперь уже цензура и для внутренней переписки.

Одному подивились мы в докладе Николая Онуфриевича - зачем ему потребовалось такое количество иностранных слов? Точно бы наш богатый и гибкий русский язык не может обойтись без трёхэтажных давних подражаний иноземному. Зачем тревожить старика Лейбница, когда русские выражения так красочны и целесообразны. Преуспевают русский народ во многом, пора ему подумать и о красоте языка. Именно этому великому народу дано и великое слово подвиг. Ни в одном ином языке нет такого понятия, во всей его возвышенности и поступательности.

Подвиг дан тому, кто может устремляться во имя общего блага. Русский народ уже много раз доказывал своё бескорыстие, и потому он удостоен и подвига. В подвиге народ сбережёт свои сокровища. Среди красот он увидит и красоту языка. Подобно санскриту, русский язык особенно пригоден для выражения возвышенных понятий. Зачем брать в долг, когда собственная захороненная казна неисчерпаема. Красота языка есть великое искусство. Возвышенно мыслящий может и сказать прекрасно.

4 Июля 1940 г. / Гималаи

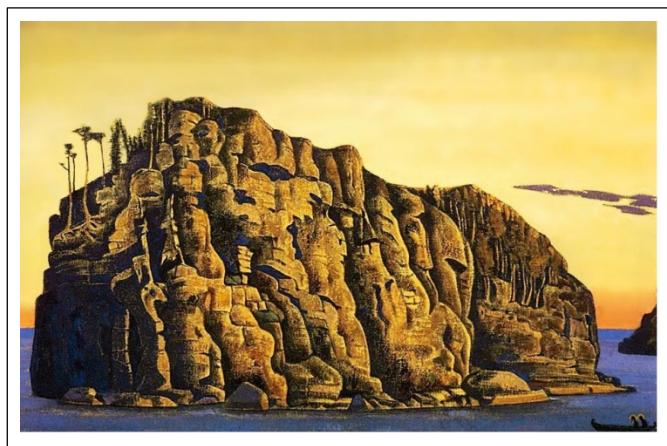
Рерих Н.К. Россия. М.: МЦР, 1992

Н. Рерих. Буквица «Я». 1896.

7 Июля 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

*«Помню, когда мы были на Ладого, на «Святом
Острове» почудилось настроение отрезанности...»*

Н.К. Рерих. Святой остров. 1917.

НА ОСТРОВЕ

Сперва мы оказались отрезаны от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава; о смерти Янушкевича узнали случайно много позднее. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия, Болгария. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк. Из Женевы Шауб-Кох ещё двадцатого Мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. Всё нельзя. И на родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали? Кто жив, а кто уже перекочевал в лучший мир? Наконец обнаружилось, что и в самой Индии началась цензура. Оказалось, что цензором в Кулу не кто иной, как местный полицейский. Вполне ли грамотен? Проявил он свой досмотр тем, что по небрежности вложил свою записку в письмо ко мне. Хорошо ещё, что не всунул что-либо иное.

Итак, культурная работа обрезается. Правильно ещё в Сентябре поняли, что существование «Фламмы» невозможно. Огромное большинство подписчиков недостижимо. Мелькнуло, что книжный магазин в Риге кончается. Значит, читатели на военном положении. Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам на старых рубцах. Будет что-то новое, но когда? И сколько энергии потребуется, чтобы опять начать новую пряжу. Точно бы на острове оказались. Помню, когда мы были на Ладого, на «Святом Острове» почудилось настроение отрезанности. Наверное, многие друзья, живущие в нейтральных странах, не вполне понимают нашу степень отрезанности. Печатное заграничное слово ещё недавно доходило, а от нас печатного слова посылать нельзя. Говорят, и радио будет воспрещено. Что же

ещё будет отрезано? Столько спешного могло быть в пути и в какую бездну оно провалилось?

7 Июля 1940 г. / Гималаи

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974

23 Июля 1940 г.

Н.К. Рерих

ГРАБИТЕЛЬСТВО

Друзья, Вы называете мошенничество Хорша неслыханным. Да, оно неслыханно в своей предательской подлости. Хорш подошёл к нашим учреждениям, надев умильную маску сотрудничества. Как теперь все мы убедились, он с первых же дней начал свои подземные манипуляции. Средства экспедиции оказались его деньгами, лишь ссуженными. Появилась «копия» с несуществующего документа, по которому все члены Совета учреждений подарили Хоршу все свои акции и права. Картины, принадлежащие Музею, вдруг оказались частной собственностью Хорша, хотя и он, и жена его подписали единогласную декларацию об этой музейной собственности. Вероятно, Хорш сбросил бы маску и показал свою волчью сущность много раньше, но он выжидал, пока закончится дело с комитетом бондхолдеров.

В Июле 1935 года без всяких поводов со стороны членов Совета, в моё отсутствие, Хорш явно приступил к давно задуманному грабительству. Он объявил учреждения своей частной собственностью. Изгнал всех первоначальных учредителей. Закрыв Музей и задумал вандализм над картинами. Сделал ложный донос Правительству о якобы неуплаченных налогах, хотя указанные суммы как экспедиционные налогам не подлежали. При этом Хорш, будучи моим доверенным, во время моего отсутствия вносил за меня налоги в Америке. Не перечислить всех мошенничеств и грабительств, содеянных Хоршем над членами Совета, над жертвователями и над бондхолдерами. За деньги нашёлся и соответственный адвокат Эрнст, ведь доллар - король. Нашлись и подпольные пути к судьям, и один из них - Коллинс - даже возмутился такими насилиями и таинственными телефонами. Всё было пущено в ход, и даже сфабрикованная Хоршами «копия» с несуществующего документа (никем не заверенная) была принята судьями во внимание. Древни сказания о судьях неправедных!

К довершению, Хорш таинственными путями нашёл покровителя в лице Уоллеса - министра земледелия. Неслыханно, чтобы министр до того старался обелить преступления Хорша, что даже сам звонил к судьям, прося их решать по его министерскому хотению. Такие проделки редки в истории человечества. В конце концов, Уоллес дал Хоршу крупное служебное положение. Очевидно, происходят такие тёмные делишки, в которых и министры имеют свою долю. Теперь газеты сообщают о предположенном назначении Уоллеса Вице-Президентом Штатов. Куда же дальше? Имеется письмо, в котором Хорш пишет, что Уоллес готов сообщать ему заранее финансовые сведения о государственных мероприятиях. Куда же дальше? O tempora! O mores!¹

23 Июля 1940 г.

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

¹ О времена! О нравы! (лат.)

Н.К. Перух

ОПЯТЬ АМЕРИКА

Зина, Франсис, Катрин, Инге, Дедлей, Морис, Стоке, все Вы и многие другие, и многие знают всю ложь Люиса Хорша, Нетти Хорш и Эстер Лихтман. Вы все отлично знаете, что деньги, которые Хорш пытается взыскать с меня, все не были взяты мною, но представляют из себя суммы на экспедицию, которая была финансирована американскими учреждениями. Вы знаете, что Хорш вынудил меня дать ему векселя как бы для каких-то его технических обстоятельств, и тут же он дал письмо 8 декабря 1924 года, аннулирующее эти векселя. А теперь этот лжец и клеветник вводит суд в заблуждение, говоря, что это его письмо относится к каким-то другим суммам. И никто его не спрашивает, какие же это были другие суммы? Это лишь один из ярких примеров лживости и злонамеренности Хорша. Таковую же ложь он выказал и в деле с картинами, которые вовсе не составляют его частную собственность, как он, желая их присвоить, теперь лжёт, а являются собственностью нации, охранённой Пейнтингс Корпорешен, созданной для безопасности этих картин.

Казалось бы, Хорш ясно показал, что картины эти не его собственность, когда он подписывал постановление Совета Музея - декларацию 1929. года. И в этом случае Хорш лжёт и даже вводит в заблуждение Правительство Америки, уверяя, что картины эти его частная собственность. Найдя адвокатов по нравственности своей, похожих на него самого, Хорш лживо пытается доказать, что "Мастер Институт Соединённых Искусств" вовсе не наше общее учреждение, а его личная собственность. При этом он с помощью жены своей совершает подделку и манипулирует домашней "копией" с никогда не существовавшего документа. Необъяснимыми таинственными способами Хорш достигает, что суд принимает его подделку, тогда как, казалось бы, ни в одном суде всего мира не могут принять во внимание никем не заверенную домашнюю фабрикацию.

Перечислять все лживые, преступные махинации Хорша - значило бы цитировать все Ваши и наши дела с ним. Каждый из нас может добавить ещё множество прискорбных эпизодов, в которых Хорш, его жена и Эстер Лихтман оказались злонамеренными, своекорыстными лжецами. Совершенно непонятно, почему голословные подтасованные лжесвидетельства Хорша принимались судом, тогда как все Ваши достовернейшие показания оставались в небрежении. Правда, были и такие судьи, которые признавали всю Вашу и нашу правоту, но, как часто бывает на Земле, они оставались в меньшинстве. Правда, некоторые юристы утверждали, что если бы не появился известный Вам всем "покровитель" Хорша, то правда восторжествовала бы. Ведь судья Коллинс даже возмущался, что этот покровитель понуждает его телефонами к одностороннему решению. Ведь все эти многие факты не прошли бесследно и когда-то к стыду очень многих они выйдут наружу.

Печально, что около Культурных, образовательных дел, около идеи Мира и Охранения всечеловеческих ценностей обнаруживается человек злонамеренный, как Хорш. Когда Вы перечтете книги, посвящённые нашим Конвенциям в Бельгии и Вашингтоне, когда Вы восстановите в памяти книгу о десяти-

летия наших учреждений, три ежегодника Музея, Бюллетень Музея и прочие издания и брошюры, то Вам со всею поразительностью ещё раз станет ясно, какая злобная, предумышленная агрессия совершена Хоршем и его двумя сателлитами. Встаёт вопрос, неужели в современном цивилизованном и даже иногда Культурном мире возможны такие преступления Хорша? Ведь, кроме ограбления целого ряда лиц, кроме вероломства, ибо он был нашим доверенным (федушери), он обманул также и общественное мнение. К довершению, по поступкам Хорша выходит, что и экспедиция, организованная и финансируемая учреждениями, вовсе не была таковой, хотя об организации экспедиции широко им же опубликовано и в документах учреждения и в прессе. Впрочем, вероятно, Хорш скоро скажет, что мы все вообще не существуем, что никакого Учреждения Объединенных Искусств мы вообще не основывали, а он является всемирным знатоком искусства, Гейдельбергского Университета доктором и мало ли ещё какую ложь изобретёт этот клеветник. Удивительно, что на суде ни судьям, ни адвокатам не пришло в голову спросить, что же такое случилось в Июле 1935 года, когда Хорш начал свою преступную Агрессию? Во время судопроизводства выяснилось, что агрессия эта не произошла мгновенно, но тщательно и злоумышленно подготавливалась от самого дня привхождения Хорша в наши общие дела.

Увы, теперь всем нам ясно, что Хорш буквально от самого начала своего привхождения уже фабриковал и подтасовывал многое, чтобы в удобный для себя срок произвести незапамятную в истории Культурных учреждений агрессию. Уже не говорю о том, что тысяча картин вообще игнорируются, и около них вероятно задуман какой-то исключительный вандализм, особенно же пользуясь теперешними мировыми экстраординарными обстоятельствами. Нет меры лжи и злонамеренности Хорша. Иногда, читая в прессе о всяких преступлениях гангстеров, думается, что такие типы утрированы, и злодеяния их писательски приукрашены, но то дело, в котором мы были ограблены, изгнаны из нашего же учреждения и оклеветаны, доказывает, что преступность может достигать крайних пределов и Хорш является со своими двумя сателлитами яркими показателями современного нравственного упадка при общественном равнодушии. Но правда всё же восторжествует!

Давно сказано, что Бог платит не по субботам. И лучшая наша общая крепость в том, что мы знаем нашу правоту. Найдутся судьи, подобные судьё О'Малей, которые установят истину.

Кроме грабительства, подделок, лжесвидетельства и вероломства, Хорш отягчил свои преступления и тем, что внёс смуту в просветительное дело - смутил молодых малых. Можно убеждаться на нашей Академии в Нью-Йорке, на "Фламме" в Индиане, на "Арсуне" в Санта-Фе, на нашем Центре в Филадельфии, как даже при скромных средствах может жить дело Культуры, честно внося свою лепту неотложной полезности. Правильны были наши программы. Успех Музея Современного искусства в Нью-Йорке это вполне доказал. Если бы только довелось соприкасаться лишь с хорошими сторонами Америки! Впрочем, мы уже с 1923 года - в Индии, в Азии.

[1940 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М., 1995. (Из архива МЦР)

Н.К. Рерих

ТАГОР

ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ

Д-р Рабиндранат Тагор видит корень зла
в «Новой Тенденции»

Шантиникетан. 25 июля [1940 г.]

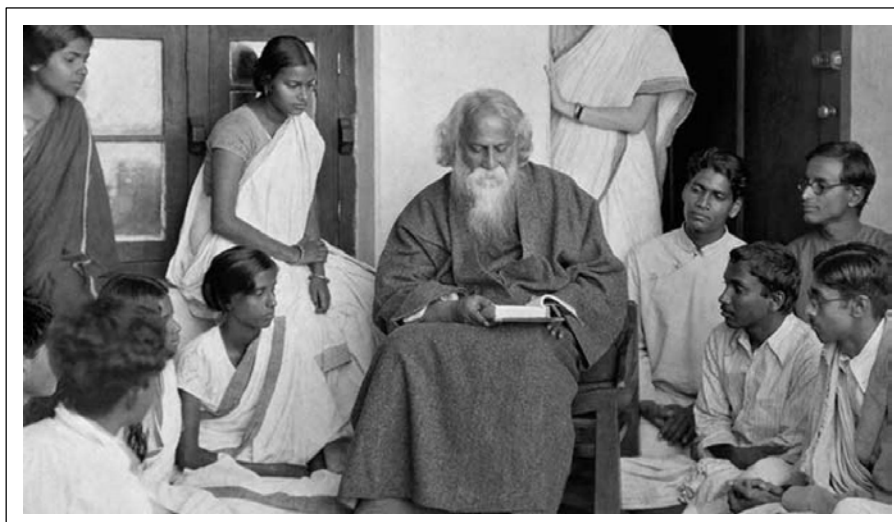
«Современная тенденция издёвки над такими великими истинами, как любовь и мир, несёт в себе семена разрушения», - сказал вчера д-р Рабиндранат Тагор во время утренней службы в храме.

«Нынешние безжалостные времена подавляют благороднейшие душевные порывы, - заметил поэт. - Пагубная война - порождение циничного презрения к миссии любви и мира, превосходно изложенной в "Упанишадах". Помните всегда, что лишь от скудоумия набрасываются на величие, которого не могут достичь. А оскверняя всё великое и доброе, человек лишь доказывает своё ничтожество».

Поэт призвал своих слушателей не поддаваться новой моде, поднимать на смех то, что было и остаётся священным. «До конца своих дней, - добавил он, - я не устану умолять вас свято верить в идеалы этой жизни (ашрама), о которых я говорил вам. Во имя этих идеалов я много страдал и терпеливо переносил многое, что в основном останется лишь в памяти. Прежде чем ваши нежные и восприимчивые души зачерствеют, мне хотелось бы, чтобы вы осознали то, к чему я стремлюсь вот уже 40 лет. Я хочу, чтобы вы приобщились к нашему учению (садхана), свободному от пошлости и грубости современной эпохи. Несмотря на свою немощь, я воспользовался предоставившейся мне возможностью, чтобы снова поведать о моей непоколебимой вере в shantam, shivam and advaitam»².

[1940г.]

Н.К. Рерих. Листы дневника. т. 2.М. 1995 г.(Из архива МЦР)

Рабиндранат Тагор с учениками в Шантиникетан.

² Мир, милосердие и единство (санскр.)

29 июля 1940 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха в Болгарию

СОТРУДНИКУ

Дорогой Сотрудник, только сейчас дошло Ваше сердечное письмо от 20 Мая и Ваш прекрасный доклад. Наверное, он будет напечатан, и тогда пришлите мне несколько копий. Вы видите, как медленно сейчас действует почта; могу представить себе, сколько времени потребуется, чтобы это моё письмо дошло до Вас. Как всегда, при мировых потрясениях, прежде всего, страдает культура во всех её видах. Тем радостнее мне было прочесть в письме Вашем, что Вы читали доклад Ваш в таком избранном собрании, и это ещё раз доказывает, что Болгария, которая всегда была близка сердцу русскому, звучит на искусство. Привет всем Вашим сотрудникам и добрым слушателям. Вероятно, и молодёжь горит тем же устремлением к прекрасному творчеству. В этом будет залог её преуспевания. Вы спрашивали о методах художественного, преподавания. Главное будет в широком раскрытии возможности. Лучший учитель сумеет усмотреть особенности индивидуальности ученика и любовно толкнёт его по пути правильных поисков. В моём очерке о творчестве, который, помнится, я посылал Вам, я касался неисчерпаемого источника творения. В академиях наших бывала довольно обычная ошибка, когда молодёжь учили рисовать и писать, пренебрегая композицией. *Каждому из нас известны примеры, когда человек, углубившийся в рисунок или краски, забывал о том, для чего он изучает эти средства. Конечно, и рисунок требует постоянного совершенствования, а краски, как упражнения для скрипача, должны быть утончаемы непрестанно. Но и то и другое приложимо тогда, когда развито чувство композиции.* Говорю не об условных методах композиции, не о всяких пирамидальных или сферических построениях, но имею в виду естественную композицию, которая даёт произведению качество убедительности.

Невозможно земными словами выразить, что есть убедительность. Только сущность человеческая звучит на неё, и тогда произведение остаётся жизненным навсегда. Композиция лежит в основе всех художественных задач. Будет ли это пейзаж, или портрет, или сложное историческое задание, или так называемое отображение реальной жизни — решительно во всём будет необходимо чувство композиции. Оно поможет увидеть задание красиво. Оно позволит избежать условную красоту и найти черты красоты. Задание уложится так, что нельзя будет ни передвинуть, ни отяготить ничем лишним. К сожалению, понятие композиции, как и многие человеческие понятия, часто искажено и осложнено. Творчество должно быть свободно, как песнь. Естественно, что и каждая песнь должна иметь свой ритм, свою стройную дисциплину, так должно быть во всех видах творчества. Истинный Учитель откроет ученику широкое понимание искусства вне условных, преходящих форм. Будет почтено старое искусство, будут и в новейшем найдены наиболее удачные, убедительные выражения. Дешёвая формулировка или, как говорят французы, «лёгкая формула», пусть будет избегнута учениками. Пусть они находят свой стиль, но не впадутся в шаблон почерка и в потворство вульгарности. Знаем многочисленные примеры, когда «лёгкая формула» навсегда пресекала здоровые поиски. Пусть полюбят начинающие процесс труда, ибо труд неразрывно связан с совершенствованием и творчеством. Каждый вступивший на

путь художника, конечно, знает, как нелегок этот путь - сколько на нём утесов, и острых скал, и гибельных потоков. Но недаром искусство называлось священным. Без него человечество не вышло бы из животного состояния.

Невежды до сих пор считают искусство роскошью, но само понятие роскоши безобразно. В нём - распад и разврат. В происходящем переустройстве мира все разрушительные атрибуты роскоши должны быть отвергнуты. Радость труда, радость творчества для совершенствования и истинного украшения жизни должна одержать победу. Именно во дни Армагеддона мы должны особенно бережливо отнестись ко всей культуре во всех её проявлениях. Нередко замечаемый распад происходит и оттого, что человечество высмеяло все лучшие устои Бытия. Невежественное отрицание отвергло и достоинство человеческое. Вместо того чтобы облагородить механические открытия и изобретения последнего времени, человечество в заблуждении своем обратило и эти мощные возможности лишь на разрушение. Но не будем останавливать мысль на разрушении, а подумаем о том, какое светлое обновление жизни в руках нового поколения. Порадуемся, что творчество должно лежать в основе этих сужденных преуспеваний. Будьте бодры и радуйте меня добрыми вестями.

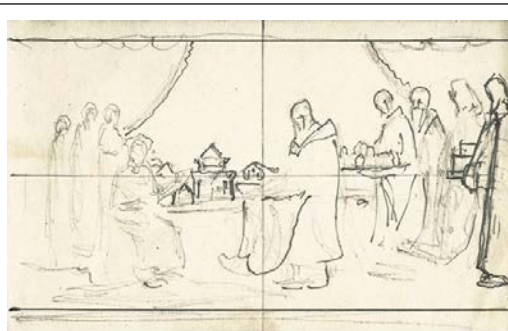
29 Июля 1940 г. Гималаи

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974.

«Конечно, и рисунок требует постоянного совершенствования, а краски, как упражнения для скрипача, должны быть утончаемы непрестанно. Но и то и другое приложимо тогда, когда развито чувство композиции...»

Радовашеся Ярослав граду Киеву. (Ч/Б воспр.)

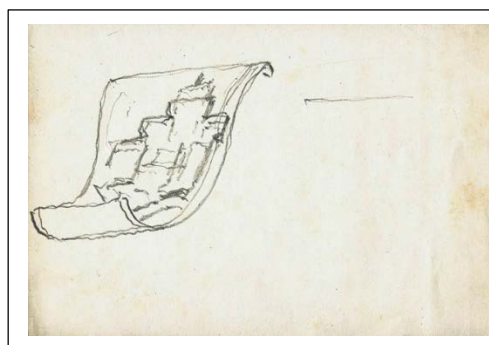
Общая композиция.

Ярослав.

Мужская фигура со свитком.

Свиток.

АВГУСТ

2 августа 1940 г.

Н.К. Рерих

АМЕРИКА

Вот уже и Август, а до нас лишь дошло Ваше письмо от 29 Мая, вероятно, и наши письма совершают такое же длительное путешествие, а может быть, и вообще теряются в пути. Полагаем, что многие посылки не доходят, но только через долгое время можно узнать об этом. Так, например, ещё до начала войны нами была выписана и заплачена новая книга о балете, изданная журналом «Студио» в Лондоне. Нам писали, что эта книга была выслана, но до нас она никогда не дошла. Мы слышали, что там было очень хорошо сказано о моём творчестве и было несколько иллюстраций. Может быть, Вам пришлось где-нибудь видеть эту книгу? Вероятно, у вас есть многое сообщить нам о всяких текущих делах. Те лица, которые ещё недавно утверждали, что и сношения и даже проезд очень легки, теперь, вероятно, убедились в том, что наши сообщения были правильны. Люди мало-помалу понимают, насколько экстраординарны нынешние времена.

Не зная о Ваших текущих делах, можем лишь говорить о том, что полезно во всех отношениях. Наверное, друзья уже оформили бумагу, которую они решили выдать Инге. Наверное, Вы оформили Комитет Музея, ибо не может быть, чтобы Комитет за смертью Флоры вдруг перестал существовать. Ведь Стоу числится и сам себя числит председателем Р[ериховского] Общества, а Комитет, где председательницей была Флор[ентина], является совершенно особым учреждением. Итак, и грабитель, и его покровитель, вероятно, находятся в предвыборной агитации. Удивительно слышать, что, несмотря на всякие недопустимые проделки, лицо может быть предназначаемо для высокого положения. Попадутся они когда-нибудь в мошенничество, и тогда вся деятельность грабителя и всех сателлитов получит яркое освещение. Поэтому нужно очень зорко следить за всем, что происходит около этой банды.

Несмотря на летнее время, которое прежде бывало затишьем в делах, наверное, теперь полно деятельности. Собирайте новых друзей, и особенно молодых. Около Академии должны быть молодые, ибо только это условие даёт возможность будущего преуспевания. Не гонитесь за общественным положением этих молодых, ибо будущее за ними. И в комитетах пусть будут не только одни заслуженные лица, но и молодые. Не устанем говорить об этом, ибо вся наша деятельность была связана с молодёжью. Многообразно выросла наша молодежь, и радостно слышать, как многие из них преуспевают каждый в своей области. Конечно, теперь почти все почтовые сношения прекратились. Вероятно, вы чувствуете это несколько меньше, чем мы, но, должно быть, повсюду переписка нарушилась.

Ко всем прочим осложнениям и потрясениям прибавляется и то, что люди находят извинения не заниматься культурными делами. Много говорится о культуре, а, в сущности, очень многие стараются найти случай отмахнуться. Нам прислали номер журнала «Тайм» от 15 Апреля. В нём поразительная статья о некоторых современных нравах. Советуем найти этот номер и прочесть. Вот куда заходит человечество вместо культурных преуспеваний. Иногда нам говорили, что положение культуры вовсе не так опасно, как кажется, но такие статьи, так же как и книга Алексея Карреля «Неизвестный Че-

ловек», доказывают, что глубокое падение нравов вовсе не свидетельствует о воцарении культуры. Много напряжения в пространстве. Конечно, здоровье Е.И. реагирует на эти потрясения, и всё это время она не выходит из жёсткой невралгии. А вы знаете, насколько эти боли мучительны и мало поддаются каким-либо средствам. Ведь само пространство стонет от всего происходящего, и чуткий человеческий организм должен отзвучать.

Мы послали Вам набор оттисков статей до самого последнего времени, но дойдёт ли он и когда доплывёт, даже и предположить это невозможно. Только что появилась отличная статья о Монографии, и её мы тоже приобщили к посланному набору оттисков. Нет ли и у Вас движения с книгою? Если сейчас Вам нельзя получить от издательства ещё экземпляры, то можно принять заказы на будущее и иметь готовый список. Очень жаль, что мировые обстоятельства так помешали этому изданию, которое только что стало расходиться. Во всяком случае, не упускайте каждую возможность где-то сделать и в этом отношении что-либо полезное.

Нет ли каких-либо разговоров и о картинах? Само собою разумеется, что Академия должна брать 15% с продажи, впрочем, об этом мы, кажется, уже писали. Прислана ли картина «Звезда Героя» - как бы о присылке её вообще не забыли.

На обратной стороне каждой картины был номер со значком (или круг, или два круга, или треугольник, или квадрат); если Вы мне пришлёте эти обозначения, то я смогу Вам дать первоначальные и точные названия картин.

Можем представить, как и Вы все напряжены при каждодневных потрясающих известиях. Тем не менее, в полной бодрости продолжайте созидательную культурную работу и накапливайте кадры сотрудников.

2 Августа 1940 г.

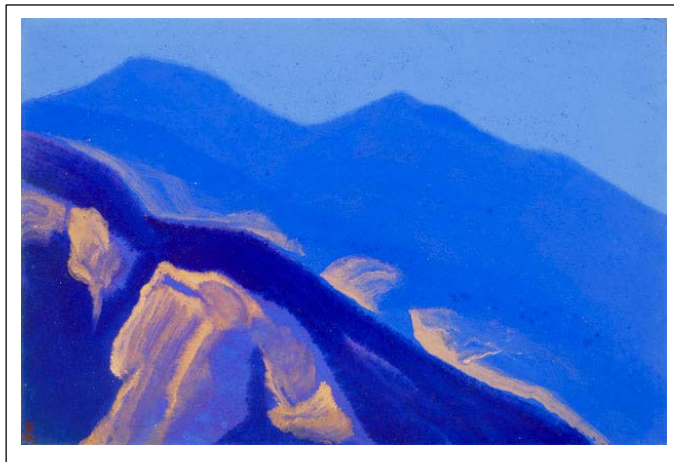
Рерих Н.К. Листы дневника (М.: МЦР, 1995. Т.2

«Прислана ли картина «Звезда Героя» - как бы о присылке её вообще не забыли...»

Н.К. Рерих. Звезда героя. 1936.
(Музей Николая Рериха, Нью-Йорк)

«Пошлём привет новым пахарям. Нужды нет, что ещё вчера мы их не знали, но сегодня с восходом красна-солнышка мы порадуеться новым сотрудникам...»

Н.К. Рерих. Гималаи (Всплески света). 1940

Н.К. Рерих

СБЛИЖЕНИЕ

Сближение, дружелюбие, успех! Вражда, распад, разрушение! Соберите всё положительное, и оно пристанет к первому берегу. Назовите всё тёмное, и оно станет уделом второго, мрачного и себя пожирающего. "Concordiae parvae res crescunt, discordiae - magnae dilabuntur"³, - учили всех нас в школе и поручали запомнить. Правда, все запомнили об успехе и возжелали его. Мало кто придал значение дружелюбию. Совсем мало подумали над смыслом сближения. Иногда, люди мечтают об общем благе - мечта самая успокоительная и ласкающая! Но что же нужно сделать для осуществления её?

Необходимо и доброе сближение со всеми деятельными трудниками. Это уже многим не понравится. Не лучше ли сближаться с друзьями только? Но с друзьями вы уже близки. Для широкой пашни нужно расширять и круг друзей. Подозрительность, недоверие шепчут в робкое ухо: "Как бы не ошибиться? И к чему искать новое, неизвестное, когда можно пребывать в уютном кружке друзей. Там можно сохранить сердечность и не бояться натолкнуться на рифы непонимания".

Очень лукавые успокоения! Лучше расширим добрую пашню до соседних границ. Пошлём привет новым пахарям. Нужды нет, что ещё вчера мы их не знали, но сегодня с восходом красна-солнышка мы порадуеться новым сотрудникам. Каждый пахарь добрый будет сотрудником, ибо ценность труда есть ценность всемирная. Без сближения разве распознаём друг друга? На дальних расстояниях и очертания изменяются, и сама человечность невидима. За камень, за пень примете дальнего путника. И можно ли улыбнуться далёкой точке на снеговой равнине? Улыбка есть знак близости. Кто-то не усомнился, доверился, приблизился, и только тогда засияла улыбка - это знамя общего блага. Если даже понапрасну расточите вашу улыбку, ваш привет, ваше доброе пожелание - не беда. Среди сокровищ человечества неистощимы и улыбка, и

³ При согласии малые дела (государства) растут, при раздорах - великие разрушаются. (Словарь лат. крылатых слов)

привет, и доброе пожелание. Около них раздобрее почва и вырастут прекрасные, целительные травы. Добрыми мыслями куётся добротворчество, ради него нужно напрячь все силы, всё умение, всю целесообразность. Для деятельного добротворчества необходимо сближение. Ладный, добрый доспех у каждого добротворца. Он смел, он радостен, он неутомим, ибо мыслит об общем благе. Вперёд!

1940 г.

"Литературные записки", Рига, 1940.

5 Августа 1940 г.

Н.К. Рерих

НУТРО

Случалось так, что Горький, Андреев, Блок, Врубель и другие приходили вечерами поодиночке, и эти беседы бывали особенно содержательны. Никто не знал об этих беседах при спущенном зелёном абажуре. Они были нужны, иначе люди и не стремились бы к ним. Стоило кому-то войти, и ритм обмена нарушался, наступало молчанье, и торопились по домам. Жаль, что беседы во ночи нигде не были записаны. Столько бывало затронуто, чего ни в собраниях, ни в писаниях никогда не было отмечено. То же и с Куинджи. В собрании — он один, а в одиночной беседе вставал совершенно иной облик — самый ценный и неповторимый.

В эскизах тоже отображается то, что в картинах уже заслоняется множеством соображений. Большая часть эскизов и набросков теряется. Иногда целые пачки таких листиков летят в корзину. А кто-то будет спрашивать, но где же эскизы? Не писались же картины без предварительных заметок! Много — в огне. На днях застал Елену Ивановну за уничтожением большей части архива. Как отцветшие осенние листья, летели записи и письма в корзины. Всё уносило в жертву Агни. Ведь жаль? Ну, а кто стал бы разбирать эти наслоения десятков лет? Справедливо Е. И. заметила, что и мой архив тоже принесён в жертву Агни и с эскизами, и с рисунками.

Итак, нутряная жизнь рассеивается. Знаки её или сгорят, или умолкнут вместе с ушедшими собеседниками. Ушли, ушли, ушли! — слышится из всех стран. Даже удивительно смотреть на длинные списки имён, а самих-то человек уже здесь и нет. Вот и сейчас каждое письмо требует двух-трёх месяцев, если вообще дойдёт! На телеграммы нет ответа, и не знаем, дошли ли? При таких встрясках всякие архивы кажутся осенними листьями. И природа тоже негодует. Ливни, смыты дороги. Газета не пришла. Радио нередко по горным условиям замолкает или возмущенно шипит, чтобы не передать облыжные выдумки — плоды министерств «пропаганды». Не бывало столько выдумок. Не потрясалась так нутряная жизнь.

Особенно удивительно наблюдать лики человека на людях и наедине. Спадает всё заставленное, намозоленное, насильное. Много значительнее человек в беседе одиночной. При доверии к собеседнику не боится человек сказать нутром. Лучшие слова, заветные мысли — не для всех.

5 Августа 1940 г.

Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974.

СЕНТЯБРЬ

Н.К. Рерих. Гималаи. 1940.

1 Сентября 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ГODOВЩИНА

Пришла годовщина войны. Мир пережил за год столько событий, как никогда. Газетные листы выдержали на себе столько лжи, как никогда. Соберите за год заголовки газетных широковещений, и вы будете потрясены этими ложными прозрениями и сообщениями. Сколько было лжепророчеств и выдумок! Сколько утверждений, никогда не исполнившихся! Эта страница миражей тоже будет неповторенной в истории человечества. Каждодневно вопило радио, и люди, наконец, привыкли к гиперболам и туманностям. А разрушений-то сколько! Точно бы мир решил перестроиться и в спешке с грязной водой выплёскивал и детей из ванны. Нет человека, который не был бы затронут Армагеддоном. Не говорим о тех, кто и на чужих бедствиях ухитрился лукаво нажиться. Есть и такие чудовища. Но множества людей пострадали, кто материально, кто нравственно.

Каждый из нас в своём личном кругозоре наблюдает, сколько разрушительного происходит. Особенно пострадала Культурная работа. В лучшем случае, дела отложены или сокращены, а то и вовсе пресечены. Уже год, как прекратилась "Фламма". До Декабря ещё находились оптимисты, мечтавшие о возобновлении "Фламмы", но действительность показала, что и думать об этом было невозможно. Почти все подписчики оказались вне почтовых сношений. Окончательно рухнула надежда на издание тибетского словаря. Подписчики оказались вне досягаемости, а многие из них вообще перестали существовать. Не состоялась книга в Коимбре. Видимо, замёрзла монография в Женеве. В эту заколдованную страну и посылок не принимают. Что с монографией Конлана? И где сам Конлан? Где письма Е. И.? Вся корреспонденция прекратилась. Книга о балете вообще не дошла. Нет сведений, где и какие статьи за год напечатаны. Посылка целой серии статей на Дальний Восток, вероятно, не дошла - уже полгода нет подтверждения. Красок от Лефранка не достать. Холст - на исходе. Нужных фильм для фото не имеется. Юрий хотел ехать в Тибет - нельзя. Даже местные сообщения затруднены, а цензура писем замедляет все обороты. Понимаем, что всё имеет свои причины, но от этого не легче.

А сколько замыслов погребено и вряд ли возродится! Выставки затруднены. И в Америке выставки Святослава страдают из-за экстраординарных условий. Из всех выступлений пока остаётся ещё печатание статей в индустриальных журналах. Но все ли эти журналы долго выдержат? Вопросы, нерешённые проблемы кругом. Неправы и те немногие, которые стараются вообразить, что ничего не случилось. Ох, как много случилось! Пришёл со-роковой год! Приключился Армагеддон!

1 Сентября 1940 г. Гималаи

Рерих Н. К. Листы дневника, т. 2. М., 1995. (Из архива МЦР)

10 Сентября 1940 г.

Н.К. Рерих

ЗА ЧТО?

Не однажды русский народ имел поводы опасаться Америки. Между тем с русской стороны в истории остались многие симпатии к Заокеанию. Хотя бы вспомнить знаменательную русскую эскадру в Бостоне во время борьбы Севера с Югом. Незабываема дружеская уступка части Калифорнии и форта Росс, где ещё до сих пор видны следы русского пребывания. Также забываема уступка Аляски со всею её златоносностью и Алеутских островов. Много в чём русский народ выказывал своё доброе отношение к Америке. Но не то было со стороны Америки в лице её правительств. Не забыто враждебное поведение Теодора Рузвельта во время русско-японского столкновения. Почему-то весь клан Рузвельтов не по-доброму относился ко всему русскому. Не забыты и антирусские поступки Шифа и всей его группы банкиров.

В истории искусств остался разгром Русского художественного отдела после Всемирной выставки в Сен-Луи. Пропало восемьсот русских картин. Некоторые полагали, что Америка не симпатизировала именно царской России, но вот теперь русский народ воспринял новую форму правления, а синодик враждебностей не прекратился. Разгромлен Русский Музей. Вандализм совершён над тысячью русских картин. Разгромлен Русский павильон на Международной выставке в Нью-Йорке. Русский народ вынужден был вообще отказаться от участия на выставках в Америке. Особенно печально, что последние разгромы и вандализмы совершались с ведома, и даже при участии правительственных кругов. Этому имеются доказательства. Возникает вопрос: за что? Неужели зависть к великой Русской Целине, к русским неизжитым богатствам, к дарованиям русского народа и к растущим молодым силам великой страны?

Оптимисты скажут, что организация Хувера помогала во время русского голода. Но ведь это не было специально актом по отношению к русскому народу. Такие же филантропические деяния совершались американскими деятелями и в Китае, и во многих других странах. Отдельные друзья всего русского, как, например, Чарльз Крэн, всячески выказывали свою дружбу, но правительственные круги, несмотря на смену партий, оставались и скрыто, и явно враждебны. Прав был Молотов в своей последней речи, указывая, что улучшения в русско-американских сношениях не произошло. А ведь доброе русское сердце всегда было готово на искреннее сотрудничество. Спрашива-

ется, откуда же эта северо-американская враждебность? За что? За что? За что?

10 Сентября 1940 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

«В грозе и молнии, в разрушениях и в бедствиях...»

Букингемский дворец после налёта немецких бомбардировщиков. Лондон, 13 сент. 1940 г.

Сентябрь 1940 г.

Н.К. Рерих

ДОГОВОР

Мировые события не раз напоминают об охране культурных ценностей. В жёсткой форме происходят эти напоминания. В грозе и молнии, в разрушениях и в бедствиях. Сколько непоправимого совершается.

Договор об охране ценностей человечества выявил три группы людей. Одни в бессердечии просто отмахнулись! Другие пустились в нелепые рассуждения, может ли знамя охранять ценности и не нужно ли нарисовать знак и на крышах? Точно бы эти люди не знали, что и знак Красного Креста сам по себе не может защитить, но является напоминанием и взывает к совести человеческой. Третьи вполне поняли смысл договора и осознали, что знамя есть знак, есть символ общечеловеческих сокровищ. Знак объединяет и ведёт к следующим мерам. Соглашения эти так же возможны, как международный почтовый союз, пути сообщения, Красный Крест и прочие человеческие договоры, многолетне уже испытанные.

Мы давно указывали на идею городов-музеев, которые, лишённые всяких военных условий, признаются неприкосновенными. Некоторые русские города уже объявлены такими музеями. Во время наших двух международных конференций в Бельгии идея неприкосновенности исторических городов живо и благожелательно обсуждалась. Путеводный знак вёл к дальнейшим естественным мерам.

Случилось почему-то, что Берлин и Лондон холодно отнеслись ко всем этим суждениям. Сейчас с удивлением можно видеть, что именно эти два центра перебрасываются разрушительными снарядами. Не знаем, что именно повреждено в Берлине, но, вероятно, разрушения не малы. Среди скудных газетных сообщений о Лондоне мелькают повреждения дворцов Кензингтонского

и Букингемского, Холланд-хауза, некоторых музеев и до сотни церквей, среди которых есть и старинные. Размеры опустошений могут возрастать.

Будто бы Италия предложила Греции, что Афины не будут бомбардированы, если, в свою очередь, и Рим не подвергнется налётам. Если это так, то ведь недалеко и до соглашения о неприкосновенности некоторых городов. Может быть, сами события двинут естественные меры охраны мировых сокровищ.

[1940 г.]

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974.

[18 сентября] 1940 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ПАМЯТКИ

Иногда кажется, что разные памятки никогда не забудутся, а на деле в волнах житейских многое совершенно стирается. И не только ненужное стирается, но нередко и очень значительное.

Шестнадцатого Декабря 1916 года мы выехали в Финляндию. Карелия была хороша для моих нескончаемых бронхитов и пневмоний. Вернулись, началась работа с Горьким. Мелькнуло приглашение быть министром Изыщных Искусств. Но ползучая пневмония в начале Мая опять заставила ехать в Карелию, где у нас ещё с Декабря было снято именье Юхинлахти в ладожских шхерах. Затем события совсем перервали сношения, а тут приглашение от профессора Бьорка выяснить положение Русского художественного отдела, оставшегося в Швеции после выставки в Мальме в 1914 году. Затем Стокгольм, а там Хагберг Райт и выставка в Лондоне. Роберт Харше приехал с приглашением музейного тура по Америке. Пусть и там пройдет весть о русском искусстве.

В первой половине 1923 года исполнилась наша давнишняя, заветная мечта - Индия, Средняя Азия. Около половины Мая 1926 года наша экспедиция через пограничный пункт в Козеуне перешла на родину, а тринадцатого Июня мы уже были в Москве. В отчёте нашего Музея приведены выдержки из моего письма оттуда. Дружеские встречи со многими и давними и новыми друзьями. В беседах с Наркомпросом и Наркоминделом и другими деятелями обсуждались художественные и научные работы экспедиции. Выражались пожелания о дальнейших работах уже на родине.

В первой половине Сентября с Алтая мы выехали на Ургу, где и пробыли до 13 Апреля - первого возможного караванного пути через Монголию на Тибет. Святослав, который в это время оставался в Европе и Америке, рассказывает, как сердечно наши учреждения приветствовали и приезд Московского Художественного Театра, и русские сельскохозяйственные и промышленные миссии. Не прерывались сношения с родиной, и хотя и затрудненно, но все же нам удавалось по запросу Сельскохозяйственного Института посылать различные полезные семена от нашего Гималайского Института.

С письмами всегда было очень трудно. Иногда они доходили, а иногда неизвестно где и почему проваливались. На моё приветствие к Юбилею Академии Художеств получился ответ от Бродского, но осталась неизвестна судьба писем и в Московский Художественный Театр, и в Комитет по делам Искусства, и к Щусеву, и к брату Борису... Дошла ли моя книга до Потёмкина, получил ли монографию и письмо Молотов? - не знаю.

Парижский полпред выразил нашему секретарю пожелание о подарке для Московских Музеев четырёх моих картин. С нашей стороны это пожелание было приветствовано. Но в водовороте событий оно повисло в воздухе. Точно так же осталось в воздухе обращение нашего Комитета в Верховный Совет по делу Пакта.

Наши друзья в Латвии всё время сохраняли дружественные отношения с местным полпредством. При этом не забудем издание двух выпусков сборника «Мысль». На нашу последнюю телеграмму мы уже не имели ответа. Вообще перерывы почтовых сношений отвратительно отражаются на всём. Иногда чувствуете себя как бы на необитаемом острове. Обрывки долетающих сведений часто искажают истинное положение вещей. Где именно и что именно теряется - это уже поверх человеческого воображения.

Почему же эти памятки встали именно восемнадцатого Сентября Сорокового года? Всему есть причина. С Дальнего Востока пришло письмо Алтаева. В нём он сообщает, что в № 1 «Русской Газеты» в Риге 28 Июня была добрая заметка об издании наших друзей. Удар по струнам отзвучит.

Не знаю, дошла ли моя «Земля обновлённая»? Напечатана она была тридцать лет назад, но сказанное и сегодня годится. Особенно значительно проверять мысли через несколько десятков лет. Не придётся ли отказаться от чего-то? Не было ли уклона или сдвига? Или же было продвижение по верному пути? Хорошо, если было последнее. Радостно не отказываться, но утверждаться.

1940 г.

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974

Н.К. Рерих

ЗЕМЛЯ ОБНОВЛЁННАЯ

Вспомним, как думалось тридцать лет тому назад. Более десяти лет назад, с великого пути из варяг в греки, с Волхова, я писал: "Когда же поедут по Родине во имя красоты и всенародного чувства?" С тех пор, учась у камней упорству, несмотря на всякие недоброжелательства, я твержу о красоте народного достояния. Твержу в самых различных изданиях, перед самую разнообразную публику.

Ещё слишком много сердец закрыто для искусства, для красоты. Ещё слишком много подложного находится в обращении. Попытаемся разобраться! Главное, не будем же, наконец, закрывать глаза на очевидное. Мы научены всякими неудачами. Много превосходных слов оказалось под незаслуженным запретом. Многим поискам дано несправедливое толкование. Но душа народа стремится ко благу. Народ начинает отыскивать клады земли. В сердечном предвидении народ от преходящего идёт к вечному.

Конечно, найдутся злые люди и назовут новые ясные чувствования пустыми мечтами. Разрушители! На каком языке доказать им, что стёртые монеты национализма заменяются чудесным чеканом новых знаков? Индивидуальность, свобода, мысль, счастье - всё принимает этот зов. Братство народов! Не ошибка сейчас поверить в рост глубокого, здорового чувства - неонационализма. Сознаемся, что название ещё не удачно. Оно длинно. В нём больше старого, чем нового. В обозначении нового понятия, конечно, необходимо участие слова "земля". Принадлежность к почве надо подчеркнуть очень ясно. Не

столько определённые люди, сколько их наслоения являются опорой нашему глубокому чувству. Мощь развивается в столкновении острой индивидуальности с безымянными наслоениями эпох. Вырастает логическая сила. Около силы всегда гнездится и счастье. Пока трудно заменить неонационализм новым словом. Не это важно. Необходимо сейчас отыскать признаки обновленного национализма.

Значительно вот что: именно теперь культурные силы народа небывало настойчиво стремятся узнавать прошлое земли, прошлое жизни, прошлое искусства.

Отстаиваются все случайные толкования. Новое чувство родит и новые пути изучения. В стремлении к истине берут люди настоящие первоисточники. Становится необходимым настоящее знание. Не извращённое, не предумышленное знание! С ужасом мы видим, как мало, как приблизительно знаем мы всё окружающее, всю нашу жизнь. Даже очень недалекую. От случайных (непрощенных) находок потрясаются самые твёрдые столпы кичливой общепризнанности. В твердых залогах знания мы начинаем узнавать, что ценна не отдельная национальность. Важно не то, что сделало определённое племя, а поучительно то, что случилось на нашей великой равнине.

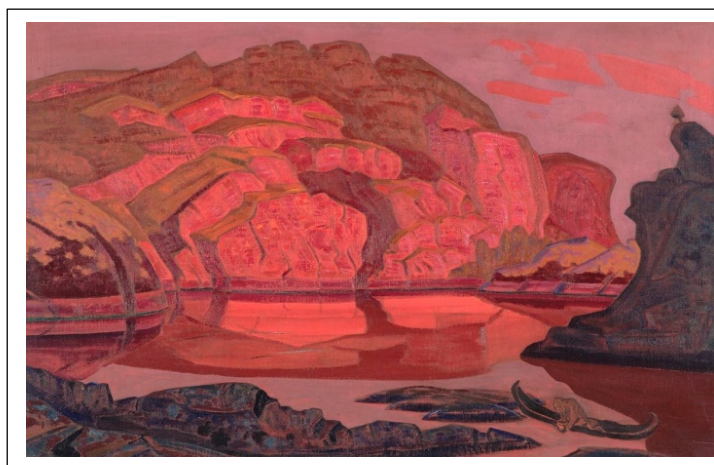
Среди бесконечных человеческих шествий мы никогда не отличим самого главного. В чём оно? Не всё ли равно, кто внёс больше красоты в многогранник нашего существования.

Всё, что случилось - важно. Радостно то, что красота жизни есть, и дали её велики. Древняя истина: "победит красота". Эту победу можно злоумышленно отсрочить, но уничтожить нельзя. Перед победою красоты исчезают многие случайные подразделения, выдуманные людьми в борьбе за жизнь. Знать о красивых, о лучших явлениях жизни хочет сейчас молодёжь. Ей - дорогу. С трогательно искренностью составляются кружки молодёжи. Кружки молодёжи в высших учебных заведениях готовят полки здоровых и знающих людей. Знаю, насколько упорно стремятся они знать и работать.

Помимо казённых установлений, общество идёт само на постройку искусства. Создаются кружки друзей искусства и старины. Сложилось общество друзей старины. В Смоленске кн. М. К. Тенишева составляет прекрасный Русский Музей. По частному начинанию общества архитекторов-художников создан Музей Старого Петербурга. В Киеве основывается Общество друзей искусства. Будет нарастать художественный музей, собранный по подписке. Давно, с завистью, мы смотрели на пополнения музеев за границей на подписные деньги. Для художника особенно ценно желание сохранить его произведение, высказанное большою группою лиц. Такими реальными заботами только может народ выразить свою действительную любовь к искусству. Наше искусство становится нужным. Приятно слышать, как за границу глубоко воспринимается красота нашей старины, наших художественных заветов. С удовольствием узнаю, как Грабарь и другие исследователи сейчас стараются узнать и справедливо оценить красоту старины. Понять всё её великое художественное чутьё и благородство.

Только что в "Старых Годах" мне пришлось предложить открыть всероссийскую подписку на исследование древнейших русских городов Киева и Новгорода. Верю, что именно теперь народ уже в состоянии откликнуться на это большое, Культурное дело. Миллион людей - миллион рублей. Мы вправе рассчитывать, что одна сотая часть населения захочет узнать новое и прекрасное

о прежней жизни страны. Такая всенародная лепта во имя знания и красоты, к счастью, уже мыслима. Надо начать. Настало время для Родины собирать свои сокровища. Собирать! Собирать хотя бы черною работою. Разберём после. Сейчас надо сохранить. Каждому из нас Родина представляется то малою, то непостижимо большою. Или кажется, что вся страна почти знакома между собою. Или открываются настоящие бездны неожиданностей. Действительно, бездны будущих находок и познаний бесконечно велики. Приблизительность до сих пор узнанного позорно велика. О будущем собирательстве красоты, конечно, надлежит заговорить прежде всего художникам. Лишь в их руках заботы о красоте могут оказаться не архивом, но жизненным, новым делом.

Н.К. Рерих. Клад захороненный. 1917.

Кладоискатели поучают: "Умей записи о кладах разобрать правильно. Умей в старинных знаках не спутаться. Умей пень за лешего не принять. Не на кочку креститься. Будешь брать клад, бери его смело. Коли он тебе сужден, от тебя не уйдёт. Начнёт что казаться, начнёт что слышаться не смотри и не слушай, а бери свой клад. А возмёшь клад, неси его твёрдо и прямо".

Русло неонационализма чувствуется. Придумаем движению лучшее название. Слова отрицания и незнания заменим изумлением и восхищением. Сейчас необходимо строительство. Новые границы проводятся в искусстве. Пёстрый маскарад зипуна и мурмолки далеко отделяется от красот старины в верном их смысле. Привязные бороды остаются на крюках балагана. Перед истинным знанием отпадут грубые предрассудки. Новые глубины откроются для искусства и знания. Познают, как нужно любить то, что прекрасно для всех и всегда.

Заплаты ветхие, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человека. Время строить сущность земли. Под землю не спрятать того, что нужно народу.

1940

Рерих Н.К. Листы дневника, т. 2. М., 1995.

28 сентября 1940 г. Гималаи
Н.К. Рерих

АНТИФОБИН

Беда в том, что ненависть возрастает. Эта болезнь скверная, затяжная, а часто неизлечимая. Причину этого мрачного явления ищут в Армагеддоне, в войне, которая уже столько лет отравляет растущее поколение. Война-то войною! От войны нечего ждать душевных и сердечных благ, но, кроме того, можно убеждаться, что война растравила многие внутренние воспаления человеческие, которые притаились в глубоких недрах. Кто знает, может быть, и в том благо, что разные внутренние нарывы обозначатся, и будут подлежать лечению.

Наряду с ненавистью воспряла и отвратительная сестра её - подозрительность. Всё заподозрено, всё охаяно, всё осквернено. Можно ли сейчас говорить о Гёте, о Шиллере, о Вагнере, как бы не попасть в пятую колонну! Можно ли слушать еврейские хоры Мусоргского или «Кадиш» в исполнении Кошиц, это будет уже юдофильство. Всевозможные фобии разрослись. Среди англичан пресловутая русофобия не только не вымерла, но даже как-то окрепла. Вообще вся Европа, да проще сказать, весь мир, полны всяких фобий.

Смеху достойно, что люди говорят о каких-то свободах, а сами сковали себя невероятными предрассудками - фобиями. С одной стороны, находят множество всяких витаминов для оживления и оздоровления, а в то же время сами же люди мертвят себя всякими фобиями. Может быть, какой-нибудь учёный найдёт эту глубоко угнездившуюся бактерию и отыщет достаточный антипод для её уничтожения.

Правильно, что всё сейчас должно быть на научном основании. Но ведь и сама биология говорит нам, насколько вредны разъедающие человеческие пагубные привычки. А разве все эти фобии, вся эта ненависть и все её порождения не являются сквернейшими и опаснейшими привычками?! Не доказано, чтобы какая-либо фобия была врождённым свойством.

Взрослые - те самые, которые болтают о человечности, о справедливости, о свободе, - они-то и заражают младшее поколение своими отвратительными фобиями и человеконенавистничеством. Экое длинное слово - «человеконенавистничество», а следствия его ещё длиннее. Сваливать на войну нечего, ведь она является лишь следствием извращённой психологии.

Дело в том, что словарь зла переполнился. Зло обычно заключается не только в каких-то вопиющих преступлениях, но в самом каждодневном домашнем обиходе. Злословить, поносить, клеветать, унижать - всё это может быть допущено в лощёной форме в любом обиходе. А слова о добре, о взаимопонимании, об искренности будут, прежде всего, сочтены именно за неискренность. Вот куда вползла ехидна ненависти, что даже слово о добре много где будет неуместным.

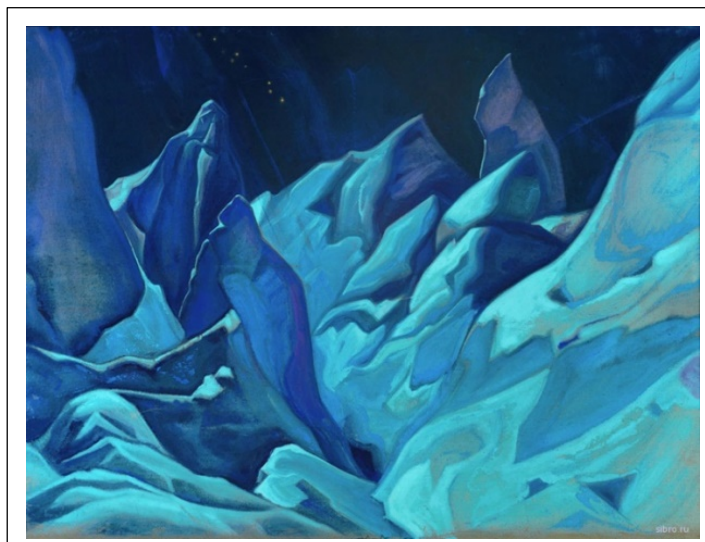
Милые учёные, наряду с витаминами найдите и антифобин, чтобы непреложным научным методом уничтожить разлагающие фобии. Беда в том, что ненависть возрастает. Лукавство, лицемерие множится!

28 Сентября 1940 г.

ОКТЯБРЬ

*У М.. много башен и явлений стражи
по склонам Гималаев.
Считайте - никто без спутников не пройдёт
снежную стражу.
Гиганты среди льдов следят за рекою мира.
Льды чистым огнём цветут, и воздух насыщен озоном.*

Зов. 133

Н.К. Рерих. Стражи ночи . 1940.

«Шамбала – необходимое место, где духовный мир сочетается с материальным. Как в магните бывает точка наибольшего притяжения, так ворота духовного мира открыты в Обитель гор» (Озарение)

*5 Октября 1940 г.
Н.К. Рерих*

«ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО»

«На границе тридесятого царства стоит великан - дикий человек. Ни конному, ни пешему не пройти, не проехать» - говорится в народной сказке. Ещё во времена Академии в мастерской Куинджи вздумалось мне написать такую картину. У каждого из нас было своё окно, всё обвешанное сладкими итальянскими этюдами прошлого века. Каждый в такой закутке разрабатывал свои задания. Чем разнообразнее они были, тем больше радовался Куинджи. Мой «дикий человек» на ярко-лимонном небе очень разил среди прочей обстановки. Не думал я, что такой выход из общепринятых рамок влезится. Но, видимо, вышло наоборот. Куинджи привёл в мою закутку Айвазовского. «Кто это у вас тут сказки рассказывает? - дружелюбно воскликнул маринист и долго разглядывал моего великана. - Сказка, настоящая сказка. Правда и сказка - все вместе».

Гималаи (Каменный страж). 1938.

Гималаи (Дозорный). 1939.

С тех пор мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридесятые царства. Высились нерукотворные великаны - и грозные, и ласковые, и гордые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много видавший путник. С караваном когда-то он пересекал Гоби и Цайдамы и дивился самому белоснежному Ергору.

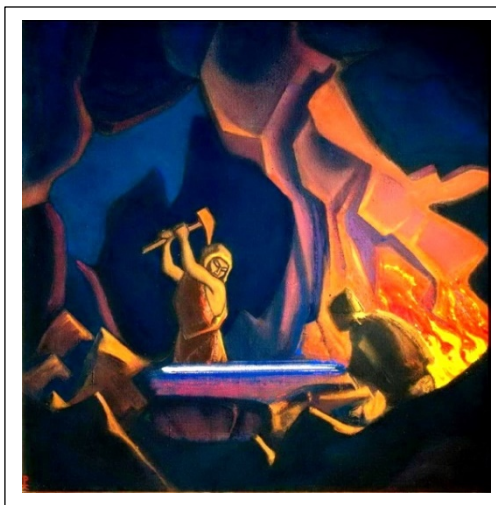

Н.К. Рерих. По Ергору едет всадник. 1927.

Сказание пришло из яви. Караванщики предупреждали: дальше не ходи! Разве не о тридесятном, заповедном царстве они предупреждали? В сказках и имена-то азиатские, и шатры степные, и палаты заморские. Всё это видел сказнитель. От правды будней увлекал к правде нерукотворных просторов. Не правда, что сказка - удел богатеев пресыщенных. Множества трудящихся бедняков черпали силы и надежду в сказке-правде. Кто узнал сказку, тот умел постоять и за правду. Сама будничная работа преображалась. Некоторые суровые вожди надевали личину, уверяя, что сказка жизни и вообще всё искусство им несносно, а сами в тиши плакали, побеждённые красотой. Красота не опиум, но крылья преуспевания. Ведь в каждом человеке живёт мечта о тридесятном царстве, о стране прекрасной. И разве не будет правдой сказать о просторах, в которых каждый побывать может. Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом и звуком о существующем.

Есть ли такой земной житель, который не знал бы о сказке, о мечте прекрасной? Умножаются силы, если ведомо, что мечта эта где-то претворилась.

И битва с великаном легла. И меч-кладенец куётся. И звучит песнь преодоления и победы.

Н.К. Рерих. Ковка меча (Нибелунги). 1940-41.

На днях почитаемый Гуру Синг, уходя, вдруг задержался и подал свой посох. Добрый посох из ладного бамбука. Все поняли, что в этом даре - лучшее пожелание.

Чем бы ни затуманилось тридесятое царство, но оно живёт в полной яви, в правде.

Тридесятое царство!

Сказано: «Если ты устал, начни ещё. Если ты изнемог, начни ещё и ещё». Правда, правда! Не малая, но великая правда! Но откуда же взять силы? Да всё из того же царства тридесятого!

5 Октября 1940 г.

Рерих Н.К. «Зажигайте сердца». М., 1975 г.

Н.К. Рерих с посохом. Наггар, 1938 г.

12 Октября 1940 г.
Н.К. Рерих

ШАТАНИЯ

Некий профессор ботаники критиковал рост бамбуков на моей картине «Лао-тзе».

Н.К. Рерих. Лао-тзы. 1924

Н.К. Рерих. Бамбук. Гималаи. 1924.

По словам «непререкаемого авторитета», столь высокие бамбуки не существуют. Профессор, очевидно, не знал об огромных королевских бамбуках Цейлона. Другой специалист осуждал развалины на картине «Страшный замок».

Н.К. Рерих. Страшный замок. (Этюд пня). 1909.

Специалисту не пришло на ум, что весь этот «Страшный замок» не что иное, как старый замшевший пенёк - очень страшный и величественный для муравьёв.

Сколько раз самый наиреальнейший кусок природы назывался небывальщиной! Уж не говорить о красках. Сочетания, этюдно взятые из природы, объявлялись невозможными, а формы зарисованные считались выдумкою.

Поучительно прочесть старые критики художественных произведений. Чего только не писалось о Мане, о Пювесе, о Сардженте, о Родене, о Гогене... Сравнительно немного времени прошло, а уже не верится, что подобная чушь могла занимать печатные строки. Неужели мозг человеческий так извращённо работал? Или какая-то животная злоба и зависть могли так уродовать ум?

Вообще любопытно находить старые газетные листы и удивляться, отчего самые, казалось бы, простейшие явления бывали настолько затемнёнными в глазах современников. Уже не говорим о Сезанне, Ван Гоге, Серра, Моне, Ренуаре и других более трудно понятных... Расползлись всякие кокто. Вспомним справедливые оценки Ромена Роллана.

Особенно удивляют нападки на Мане, на одного из самых сильных представителей новых завоеваний. Нападать на него - значило бы не знать путей лучших старинных нарастаний. Борения Леонардо, Тициана, Джорджоне, Греко и других великих «завоевателей» достаточно должны бы показывать, по каким вехам жило творчество, а между тем при каждом новом явлении скрипит отжившая ржавчина. Изучать! Изучать! Вот опять мы в теснинах. В Италию не поехать. В Париж письма не послать. Новых книг не получить. Не об открытиях, но о закрытиях слышно. Дожили до ликвидации! Ликвидация, упразднение, незнание, одичание... А расцвет?

12 Октября 1940 г.

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974

Н.К. Рерих

ПРЕДРАССУДКИ

Мысль взята под подозрение. История, археология, этнография - всё не допущено. Легенда, сказка - отвергнуты. Всё это вредно и недопустимо в искусстве, хотя бы и в частичном намёке. А вдруг репинские «Запорожцы» и суриковский «Ермак» окажутся этнографией?! Туда же попадут уборы венециановских поселян. Будет заподозрена врубелевская «Шехерезада». Уже не говорить о «Людовиках» Бенуа и сомовских фижмах. Конечно, Верещагин никогда не оправдается, да и «Московские боярыни» Рябушкина будут под вопросом.

Но к чему говорим о русском искусстве, когда предрассудки проползли повсюду? Что же делать с Гогеном, Галленом, Ходле-ром и множеством отличнейших художников? Уже не говорить о лучших старых мастерах, которым такие рассуждения и в мысли не приходили.

Как хохотали бы Дюрер, Хольбейн, Брейгель-старший, Кранах, наконец, Леонардо, Микеланджело и все великие, если бы им сказали, что чего-то «нельзя»! Они принимали самые узкие задания и легко проходили такие Сциллы и Харибды⁴. Мастера даже не поняли бы, если бы им начали толковать о придуманных границах дозволенного.

Искусство освобождалось, освобождалось и, наконец, стало втискиваться в кандалы предрассудков. Нельзя делать безобразное произведение - это ясно каждому. Но если Рембрандту хочется написать превосходный исторический шлем - кто же ему запретит? Если Гоццолли любит пышность узорных костюмов - кто же воспрепятствует? И вообще всякие препятствия в искусстве, разве они не предрассудки?

⁴ В греческой мифологии — два чудовища, живущие по обеим сторонам узкого пролива и губящие проплывавших между ними мореходов. - Ред.

Во времена упадка надевались всякие нелепые шоры, но возрождение всегда расцветало свободой творчества. Некогда было и думать об аптечных ярлыках и преградах, когда глаза открывались на жизнь, на великую реальность.

Путь реализма - здоровый путь. От него - бесчисленные находения. Именно реализм в своём вдохновенном вмещении освободит от всех гнилых предрассудков. В невежестве зарождается предрассудок. Реальное неограниченное знание освобождает от душных пережитков.

Кто же это пугает молодёжь? Кто вопит: «нельзя, нельзя»? Пусть будет «можно» во всём познании вдохновительной природы. «Можно, можно!»

[1940 г]

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МИР, 1995. Т.2

15 Октября 1940 г.

Н.К. Рерих

БУДУЩЕЕ

Удивительно, как бесследно проваливаются многие подробности прошлой жизни. Исчезают так начисто, словно бы никогда их и не было. Иногда Е.И. помянет такое, о котором у меня нет и следа. Даже многие болезни мои стёрлись. Недавно, когда я опять проделывал полный «курс» старой знакомой инфлюэнцы, Е. И. вспомнила об ужасных головных болях, бывших у меня. Странно, что и боли можно совершенно забывать. Может быть, всегдашнее устремление к будущему стирало прошлое.

Может быть, мало кто вспоминает о прошлом, как Е. И. и я. Даже очень светлое, насыщенное делами прошлое проваливается перед ненасытным будущим. И в самые тяжёлые часы мы реально жили для будущего. Самые трудные перестроения совершались без боли, ибо делалось это для будущего. И с годами, когда, казалось бы, горизонт будущего должен бы уменьшаться, та же самая неодолимая воля к будущему вела неудержно.

В будущем - благо. В будущем - магнит. В будущем - реальность. Любите прошлое, когда оно вынырнет из нажитых глубин, но живите будущим. Со всею судьбою, и кармою, и мойрою, и кисметом будущее притягательно.

«И это пройдёт», - повторяет человек слово восточной мудрости, когда вступает в новые теснины. Именно пройдёт, по закону эволюции. Мыслим о будущем не законами, но очарованиями будущих совершенствований. Твердыня Союза Народов, ещё не сложенная на земле, уже сияет в будущем. Не углубим подробности, ибо мысль о будущем должна быть прекрасна и не вместится в экономику сегодняшних будней.

Вот уже говорят о ненужности молоха-золота. Ценность труда - истинная ценность! Два десятка лет назад это казалось смешною утопией, а сейчас в бедствиях, в грозе и молнии человек уже прошёл и золотые теснины. И меч будет перековываться на плуг. И крылья вместо убийства и разрушения понесут знание и благо. Армагеддон пройдёт. После грозового вихря и ливня воскреснет радость мирного труда. Здравствуй, будущее!

15 Октября 1940 г.

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974

20 Октября 1940 г.
Н.К. Рерих

В АМЕРИКУ

Родные наши, последнее письмо Зины было от 19 Авг. С тех пор ничего не дошло. Может быть, и наши письма, которые мы пишем даже чаще, нежели через две недели, где-то плавают или залежались. Какая же тут может быть срочная переписка, когда нет никакой уверенности, что и как дойдёт? Сейчас я оправляюсь от очередного заболевания не только с высокой температурой, но и с необычайно низкой - температура колебалась от 94[°F] до 104[°F]. Даже было неполных 94[°F], а по нашему русскому градуснику было 34,8[°C]. Врач нашёл, что такой температуры не бывает у живых.

У Вас за это время, наверное, многое произошло, и бандиты опять проявили свои злодейства. Будем чётко помнить, что Президент Кулич приветствовал и признал Музей в его основной программе. Это обстоятельство неоспоримо. Оно является как бы разъяснением, почему на нашу общую Декларацию 1929 года ничего не последовало. Из текста самой Декларации ясно, что мы все и не спрашивали ничего, но единогласно декларировали наше решение о Музее. Также не забудем, что со времени наших деклараций прошло теперь уже более десяти лет, а десятилетний срок во всём мире почитался как нечто знаменательное. Если бы теперь тёмные покровители Хорша вздумали по своему объяснить всё связанное с Декларацией, то ведь нельзя же допустить, чтобы официальные круги молчаливо принимали - соглашались с Декларацией в течение десяти лет, а затем по чьим-то злобным наущениям предпринимали нечто противное. Молчание всегда считалось знаком согласия, об этом даже были классические поговорки. К тому же явное большинство Совета Музея существует, и против этого обстоятельства никто возразить не может.

Вообще Декларация 1929 года ещё окажется чрезвычайно полезной. Она ведь была постановлением Совета Музея, и Хорши под нею, в числе прочих членов, подписывались. Нельзя говорить, что постановления инкорпорированного учреждения не имеют никакого значения. В таком случае и все прочие постановления тоже не имели бы никакого значения во всех существующих учреждениях. Нельзя же предположить, что преступно сфабрикованные Хоршем какие-то бумажки имеют значение, а постановления Совета за подписью всех членов значения не имеют. Это абсурд, и даже самый слабый юрист не может с этим согласиться. Кто-то Вам говорил, что постановление Совета имеет лишь моральное значение. Конечно, поверх всех законов живёт закон моральный, и на нём зиждется право. Без сомнения, все друзья понимают, почему мы так неоднократно упоминали о Декларации 1929 года, а также о Совете Музея, который должен быть как бы общественным стражем этой Декларации.

Очень хорошо, что приветствие Президента Кулича упоминалось в нашей печатной литературе. Если бы даже кто-то злонамеренно похитил оригинал этого документа, то упоминание о нём было известно всем членам наших учреждений. Очень хорошо, что существует книжка о десятилетии учреждений, а также и «Вестник» 1929 и 1930 годов. Хорши и все их приспешники не могут отказываться от всего ими же написанного и в согласии с ними опубликованного. Очень печально, что Плаут по своей бездарности не использовал

именно этот печатный материал, ибо книги эти уже были целый ряд лет общественным достоянием. Хорошо, что все эти издания существуют в достаточном числе экземпляров и могут быть даваемы полезным людям. Обо всём том Вы все отлично знаете, но эти обстоятельства настолько краеугольны, что хочется во имя правды ещё и ещё подчеркнуть их.

Не посылаю Листов моего дневника, ибо не хочу утяжелять письмо, а кроме того, не знаю, какие именно Листы из моих прежних посылок прошли в местной печати. Напишите, что именно прошло и есть ли ещё у Вас запас? К сожалению, с почтой становится всё труднее, даже телеграммы берут вдвое больше времени, и там, где требовалось обычно двое суток, сейчас уже и пяти недостаточно. Наверное, не все вполне понимают эти экстраординарные условия. В газетах объявлено, что письмо в Англию отсюда идёт два месяца, а к этому прибавьте ещё больше недели на путь от гор до Бомбея и на цензуру. Не знаем, каким путем сейчас идёт воздушная почта, ибо тоже в газетах упоминалось о возможности перемен этого пути. Мы имели ещё августовское письмо из «Либерти» - скажите этим милым, добрым друзьям, что мы глубоко ценим и радуемся их светлым мыслям. Наверное, в разных странах многие друзья находятся в затруднениях - уж такие всюду перестановки.

Давно ли люди смеялись над словом «Армагеддон», а теперь именно оно вошло на страницы газет и журналов, но, к сожалению, полное понимание его почти всегда отсутствует.

Чуем, как многое Вы имели бы рассказать нам и по делам, и по Вашим душевным ощущениям. И мы хотели бы сказать Вам многое, многое, а вместо этого летит один листочек.

Кто-то думал, что ему суждена исключительная битва, а вот сейчас и весь мир сражается, борется, болеет.

20 Октября 1940 г.

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР. 1995. Т.2

23 Октября 1940 г.

Н.К. Рерих

НЕДОУМЕНИЯ

Сейчас мы как на острове. С каждым днём отрезанность всё возрастает. Ещё год назад была переписка, была осведомлённость, а теперь всё, как вихрем, выдуло. Все эти годы вспоминались многие друзья, странно умолкнувшие в своих достижениях.

Вот Сергей Маковский, талантливый, так много сделавший для искусства. Говорили, что он всё время в Париже, но нигде о его работе не слышно. Он владеет и слогом, и языками, имеет накопленные знания. Казалось бы, слово его так нужно во всех частях Европы и Заокеании. И ничего не слышно. Может быть, до нас не доходит, но всё-таки просочилось бы. Неужели умолк?

Вот Сергей Эрнст - тоже в Париже и сейчас в лучших годах своих. Одарённый и знающий, зорко следивший за искусством. Доброжелательный и умеющий работать. Неужели все эти годы пройдут для него без широких достижений? Он любит искусство, и, казалось, для него оно было потребностью, и

языками владеет. Такие деятели так нужны... Но ничего не слышно. Не случилось ли что-нибудь?

Вот Андрей Руднев - известный монголовед, учёный признанный - молчит долгое время. Может быть, идут накопления? Но мелькали какие-то вести об оставлении им учёной деятельности. Между тем Финляндия, где он живёт, была удобна для монголоведения, и близость таких учёных, как Тальгрэн, могла способствовать. Неужели умолк? Не хочется верить.

Вот Осип Дымов, давший целый ряд хороших литературных вещей. Не могла же его засосать Америка? Какова бы ни была его повседневная работа, Дымов не должен устать. Издавна, со времён «Содружества», он был полон мыслями и среди жизненной борьбы задумывал и творил глубокие вещи. Может быть, у него накапливается многое, но мы-то не слышим. Но всё же друзья дали бы знать.

Длинен список всяких таких недоумений. И всё это не слабые, ломимые судьбой люди. Всё это испытанные, знающие, любящие труд, творчество. Не допускаемы самоликвидация, сдача, поникание. Хотелось бы слышать обо всех умолкших...

23 Октября 1940 г.

Рерих Н. К. Россия. М.: МЦР, 1992

30 Октября 1940 г.

Н.К. Рерих

ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

Предубеждённость есть, прежде всего, невежественность. Кто-то предубеждался, не познав решающих обстоятельств. Скажут - а как же предвидение? Но ведь это уже прозрение, в котором человек что-то более дальнорозко увидал. Между тем предубеждение в самом слове напоминает, что человек чрезмерно рано сам себя в чём-то убедил. Значит, неведение позволило человеку написать себя чем-то предвзятым, необоснованным.

Наверное, кто-то будет думать, что предубеждение относится к чему-то суеверно средневековому. В наш же век блестящих открытий и изобретений, какое же может быть предубеждение? Всюду факты, всюду материальное познание, всюду, казалось бы, полнейшая обоснованность.

Но вот тут-то и закрадывается сомнительное «казалось бы». Факты-то фактами, но какие именно факты? Из любой самой нравственной книги можно нарвать отдельные выражения, которые будто бы покажут обратный смысл. Так же и знаменитая обоснованность, на каком именно основании она будет построена? Ведь можно самое замечательное явление пытаться насильственно приклеить к ничтожному основанию. Когда-то со временем более обширный ум усмотрит это несоответствие и внесёт поправки. Но что же будет происходить в течение этих, может быть, очень многих лет, пока молодые поколения будут вводимы в заблуждение?

Соизмеримость и целесообразность на первый взгляд представляются чем-то весьма лёгким и удобопринятым в современной жизни. На самом же деле эти краеугольные понятия особенно трудно применимы именно теперь, когда диапазон жизни простёрся от высочайших познаний до каменного ве-

ка в его полном смысле. Небрежение этими важными понятиями является одной из ближайших причин возникновения предубеждения.

Пора человеку сознаться, что его «цивилизованная» жизнь ещё полна всевозможных предубеждений. И в науке, и в искусстве роятся различные предубеждения, которые вредоносно препятствуют здоровому росту человеческих достижений. Изобретаются разные иностранно-сложные термины, а под ними кроются те же ветхие преграды и затемнение горизонтов.

Слово, зовущее и очаровательное слово «свобода» осаждено теми же тёмными предубеждениями. Страшное понятие «нельзя» вползает повсюду, и сколько лучших устремлений пресечено этим неумолимым палачом. Нечего опасаться хаоса, если соблюдена целесообразность и соизмеримость. Всякие желания «сублимаций» похвальны именно там, где за ними не скрывается предубеждённое отрицание. Несовместимы предубеждение и эволюция.

Что же мешало лучшим учёным, лучшим художникам быть вовремя признанными? Ведь «пока солнце взойдёт, роса очи выест». Мешало всё то же предубеждение. Кто-то, зачастую из низко личных соображений, предубедился и внушил эту заразу во всей окрестности.

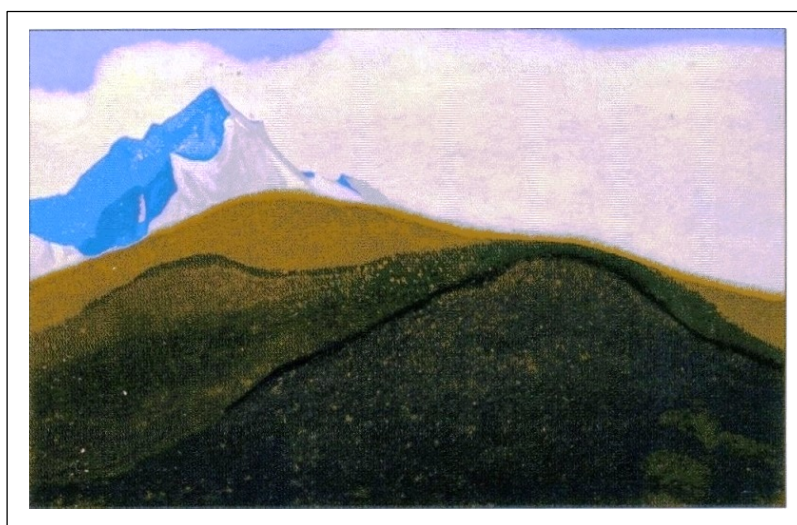
Легковеры ухватывают крылатое словечко, часто даже не думая, какой яд скрыт на острие этой стрелы злобы и зависти. И полетела по миру смертоносная стрелка. Кому какое дело, какие именно прекрасные замыслы она пресекает.

Многообразны предубеждения. Ещё одно своеобразное. Рузвельт для удачи своих выборов клянётся, что он, во всяком случае, отслужит полностью свой будущий срок. С предубеждением всегда связано самомнение. Где тот вождь, который клянётся после всех битв вернуться невредимым?

Укус пятисот пчёл равен укусу кобры.

30 Октября 1940 г.

Рерих Н. К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

Н.К. Рерих. Холмы. 1940.

НОЯБРЬ

Н.К. Рерих

СБОРЫ

Выставка уходит в Лагор⁶. Странно, что ближайший к нам центр оказывается последним. Ранее картины побывали в отдалённых городах - в Тривандруме, в Хайдерабаде, в Бомбее, в Ахмедабаде, в Бенаресе, в Люкноу, в Аллахабаде. Были приглашения из Калькутты, из Коломбо, а Лагор оказался позади. Так же, как и в Хайдерабаде, выставку устраивает Университет. Появились новые или, вернее, давние друзья со времён Европы и Америки. В общем, идут более шести десятков картин, а в доме их уход и не заметен - столько ещё остаётся. А что, если бы начать укладывать всё, даже и подумать страшно! Пусть бы часть осталась. Но, спрашивается, которая часть и где? Уже много таких путников, нашедших самые неожиданные пристанища. Многие из них безымянно потеряются. Подпись может быть кому-то не ясна.

Иногда доходят случайные вести из Средней Азии, что картины сохранены. Но столько всяких переустройств происходит, что никто не предусмотрит этих жизненных передрыг. Судьба картин, бывших в Китае или в Синцзяне, совсем не ясна. Пекинский Музей уже давно перевезён куда-то. Толком даже не понять. Сундуки и ящики в Синцзяне, может быть, прошли уже через многие руки. Даже, наверное, прошли.

Что говорить о далёких местах, когда в самой Европе неразбериха. Теперь запрещено из Индии посылать за границу книги, картины, рисунки, рукописи - словом, всё, в чём состоял жизненный обмен. Пропали рукописи, посланные в Китай, в Америку, в Ригу. А ведь всё это было очень нужно друзьям. Вообще трудно сказать, что именно за это время пропало. Лишь случайно убеждаемся, что пропав гораздо более, нежели кажется.

Где-то хорошие люди недоумевают, и огорчаются, и не понимают, отчего вести пресеклись. Ведь не все поймут армагеддонные условия. Продолжаются разговоры о культуре, но именно она-то и поражается и уродуется. Театр горит, а разодетые люди ещё пытаются войти.

Каждые сборы и радостны и потрясающи. Черта наносимая определяет, но и ограничивает. Не всё уместится. Значит, и в Индии приютятся гости. Кто о них позаботится? Друзей-то мы знаем. Но текуч слой человеческий. Сегодня одни, завтра другие. Достаточно навидались. Пусть будет, как должно быть. В сборах всегда кроется и начало чего-то. Конец или начало?

[1940 г.]

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974

9 ноября 1940 г.

Письмо Н.К. Рериха в Америку

9.XI.40

Родные наши. Сейчас получили письма Зины от 25-го сент[ября] и от 31-го авг[уста], как видите, последнее пришло позднее письма от 15-го

⁶ Ссылка: .Каталог выставки в Лахоре, 16-28.декабря.1940.

сент[ября]. Поистине, присланная Вам копия письма Гул. является историческим знаменем. Вот Вам голос порядочного человека, который понимает всю творимую несправедливость. Как прав он, что в некоторых других судах вещи разбираются по существу, на основании фактов, а не по каким-то предвзятым процедурам. Подавать-то счета некоторые люди отлично умеют, а вот ярко постоять за правду у них не хватает умения или желания. Прямо невозможно себе представить, чтобы игнорировались такие очевидные обстоятельства, которые упоминает Гул. Я могу судить лишь по русскому судопроизводству и должен сказать, что там подобная несправедливость была бы невозможна. У нас было много друзей и знакомых из судейского мира, и это были не только высококультурные, но и, в полном смысле слова, человеческие [люди]. Тут же мы наталкиваемся на какую-то бесчувственную машину, и к тому же действующую по какому-то внешнему влиянию. Если этот Маркс грабительствует, захватывая legasy, завещанную его тещей, то в Вашем распоряжении остаются лишь картины, с которыми, может быть, возможно что-либо сделать. Если появлялся покупатель, то могут так же точно появиться и какие-либо другие любители. Может быть, люди, запрашивающие Вас о картинах Музея, и не знают, что имеются картины, принадлежащие Е.И., на продажу. Очень любопытен эпизод с чикагской оперой. Весьма возможно, что и в других театральных предприятиях являются такие же желания, и если бы знать о них вовремя, то и отсюда кое-что можно было бы удовлетворить. И так, как и раньше искусство являлось единственным ресурсом, так оно остаётся и сейчас. Вы очень хорошо делаете, что ведёте список всех запрашивающих, а также и желающих иметь монографию. От полк[овника] М[ана] Вы получите (если только они дойдут благополучно) две монографии, чтобы удовлетворить двух записанных Вами кандидатов. Также Вы совершенно правы, полагая, что друзья в каком-то общем своём собрании должны обсудить положение вещей, иначе кто-либо из них потом может говорить, что что-то было сделано без его ведома и согласия. Их осведомлённость особенно нужна теперь, когда они ближайшим образом и в отношении самих себя заинтересованы. До приобретения ими shares было одно, но сейчас оно ещё более углубилось. Если бумаги, составленные Рок, так неудовлетворительны, то, может быть, общими силами можно их, хотя бы отчасти, чем-то исправить, ибо сама Рок всё же существует, и её прямая обязанность – охранить интересы лиц, ей доверявших. Мы дали телеграмму Катрин, чтобы дело о манус[криптах] сейчас не подымали. Вообще, по-прежнему по всем обстоятельствам предлагается протягивание до возможного приезда. Кто знает, может быть, он не за горами. Очень хорошо, что состоялся нуклеус Комитета Музея. Вместе с Вами вполне радуемся, что и группа молодых принимает в нём участие. Ведь заседания будут, наверное, нечасты, и потому никто не будет обременён.

Прилагаю письмо г-ну Зальцу, ибо знаю, что картина “Борис и Глеб” была куплена им в Сан-Франциско. Эта картина, как Вы знаете, была неоднократно воспроизведена в монографиях и в журналах – укажите на это собственнице. И у Ерёменко, и в маленькой монографии Корона Мунди, также и в последней Рижской, картина вышла хорошо. Часто собственники любят иметь воспроизведения принадлежащих им картин.

Слева: Н.К. Рерих. Борис и Глеб. 1919. (Ч/б воспроизведение в Монографии Ярёменко).
Справа: Н.К. Рерих. Борис и Глеб. 1919. (Частное собр. США.)

Вообще, Вам очень нужно иметь на руках некоторое количество монографии Корона Мунди, книжку "[Roerich Museum. A] Decade [of Activity]" и "Message" 1929-го и 30-го годов. Прежде всего, все члены Комитета Музея должны иметь эти источники на руках, ибо в них обрисован размер всей деятельности. Сейчас Светик прочёл трагический эпизод из жизни Модильяни, который умер в нищете в больнице, а двенадцать его картин продавались с трудом за пятьсот франков. Но через два-три года после его смерти те же картины шли за сотни тысяч франков. Такова жизнь. Невольно думается, что если Джакс[он], по существу, понимает дело, и даровит, и опытен, то, может быть, у него хватило бы воображения со всякими затяжками понаблюдать за делами, чтобы сохранить какую-то loop-hole для того, чтобы иметь возможность через некоторое время начать вновь дело против грабителей с какой-то другой стороны. Пока что ему можно было бы предложить обеспечение картинами, а по истечении пяти, шести лет он бы ничего не потерял. Мы глубоко понимаем, как рвётся Дедлей к более широкой деятельности. Конечно, в настоящие дни мировых потрясений нельзя ничего изменять и приходится выждать. Хорошо, что у Вас имеется вся серия книг "Ж[ивой] Этики", и под этим всесторонним руководством можно всячески совершенствоваться. В книгах каждый жизненный вопрос так обсужден всесторонне, что это помогает даже самому крутому всходу. Хорошо, что до Вас дошли оттиски, а Ваша посылка до нас так и не дошла. Кто знает, сколько нужнейших и срочных сообщений пропадает. Как дико подумать, в какое безобразия превращается доброе желание Флор[ентины], ближайшие родственники стараются всячески опорочить её дар. Также и с заказом покойного Крейна, который совершенно ясно выражен в письме, его родственниками была нарушена его добрая воля. А как бы эта сумма теперь пригодилась и Вам, и нам! Неужели же люди думают, что все их поступки растворяются в пространстве без всяких последствий для них? Истинно, лучше быть преследуемым, нежели преследователем! По нынешним временам мы не будем посылать новогодних приветствий и потому просим Вас принять наши лучшие пожелания к праздникам. Пожалуйста, передайте от нас и всем друзьям, что мы помним о них, ценим их устремления и желаем успеха. Обнимаем Вас от всего сердца, духом с Вами,

Н.Рерих.

Может быть, Люис из Филад[ельфии] заинтересован и в дальнейшей покупке картин? Помнится, он хотел иметь чуть ли не отдельную комнату.

Н.К. Рерих Письма в Америку (1923 -и 1947). М.: «Сфера». 1998.

15 ноября 1940 г.

Письмо Н.К. и Е.И. Перих в Америку:

15.XI.40

Родные наши. Сейчас дошло письмо от Зины от 3-го октября – сравнительно скоро. Очень понимаем все Ваши сообщения и соображения, возникшие около Комитета Музея. Очень печально, когда даже нечто очень простое и полезное обрастает всякими вредоносными улитками. Приходится брать вещи так, как они есть, и из худшего выбирать наилучшее. Если среди членов старого Комитета возможны всякие неуместные суждения, могущие повести к новым осложнениям, то лучше не будем вообще затрагивать старый Комитет – пусть он пребывает в прежнем его состоянии, но, увы, без главы, ибо председатель его, Флор[ентина], умерла. Теперь же, если, по счастью, имеется группа молодых и несколько преданных принципиальному делу душ, то пусть они образуют самостоятельную группу друзей Музея. При этом инициатива образования этой группы пусть исходит именно из этой группы. Кто-нибудь из них возьмёт на себя почин созвать собрание этой группы (которая может быть в одну из суббот или воскресенье, когда группа свободна) и предложит произвести выборы должностных лиц группы в лице председателя, его заместителя и секретаря. Вряд ли нужно избирать казначея, ибо какие же могут быть денежные средства у такой группы. Никто не может претендовать на эти выборы, ибо они произойдут по почину самой группы. В то же время никто не может запретить существование подобных групп друзей Музея. В конце концов, таких групп может быть и несколько, как выразителей общественного голоса. Каждое просветительное учреждение может иметь таких добровольных общественных охранителей. Они могут, со своей стороны, выражать полезные мнения, выступать печатным словом и протестовать в случае каких-либо вредоносных попыток по отношению к учреждению. Само собою разумеется, что голос таких групп должен быть согласован, чтобы не произошла неурядица. Впрочем, не будем заглядывать в будущее, ибо сейчас предполагается одна такая группа, которая пусть и осуществится в полном дружелюбии и преданности делу. От участников группы зависит избрание должностных лиц ее, и вполне естественно, если они пожелают иметь во главе лицо им близкое и имевшее ближайшее участие в делах учреждения. Думается, что такое положение вещей не вызовет новых осложнений. Глубоко понимаем, как и Вы, и Дедлей должны сердечно болеть, видя сожигание полезного дела, – всё это чрезвычайно прискорбно, и земных воздействий уже не имеется. Радуемся решению Эсберг и счастливой находчивости Зиночки.

Духом и сердцем с Вами,

Н.Перих.

Родная моя Зиночка. Как счастливы были мы узнать, что благодаря Зиночкиной находчивости удалось сохранить legасу для расплаты по некоторым адвокатским счетам. Вот уж поистине Верный Страж! Большой гнёт свалился с сердца. Что же касается до телеграммы о деле Джакс[она], то она была получена в дни болезни Н.К., и ввиду того, что температура Н.К. была выше 40 гр[адусов], Юр[ий] и Св[ятослав] не решились показать её ни ему, ни мне. Конечно, они поступили правильно, ибо нужно было избегать всяких волнений, и притом, чем могли мы помочь этому? Здоровье Н.К. последние два, три года очень пошатнулось. Сейчас ему лучше, но всё же он сидит на строгой диете, и мы стараемся всячески поддерживать спокойную атмосферу вокруг него. Но

сами знаете, как это трудно сейчас. О моём сердце не хочется писать, но оно мне надоело со своими непрекращающимися перебоями. Но скоро подойдут новые космические токи, и тогда будет легче и со здоровьем. Я всё более и более увлекаюсь астрологией. Истинно, астрология есть наука величайшая, наука будущего. Астрология указывает и на будущую победу в наших делах при условии, что мы охраним сроки. Пл[аут], упустивший срок в одном из дел, по-настоящему, подлежит суду. В былые времена такого адвоката лишали практики. Мнение Фиш. о том, что мы до сих пор не имели ни хороших адвокатов, ни справедливых решений, – ценно, но можно было бы высказаться ещё покрепче. Вообще, следовало бы собрать вместе имеющиеся у нас мнения выдающихся адвокатов, высказывавшихся вполне в нашу пользу, – их немало. Хотелось бы узнать, хотя бы от Фиш., возможно ли добиваться справедливости в тех делах, где противная сторона имеет особого “покровителя”? Относительно апелляции мы ничего определённо не можем сказать отсюда. Конечно, основа, что все дела должны по возможности растягиваться, остается в силе, но как это сделать? Вероятно, и в этом деле Вы, родные, посоветовались с друзьями, ведь все дела сейчас настолько переплетены, что никогда не знаете, насколько одно обстоятельство может прямо или косвенно отражаться на другом? Только наши адвокаты почему-то не умели или не желали использовать все козыри, имевшиеся в их руках. О многом приходится задумываться! Куда же пошла legасу Н.К.? Ведь и Джакс[он] тоже имел ее в виду. Мы всегда понимали, что Дж[аксон] и Дав[ид] — одно, а теперь выходит, точно бы они разделились в счетах. Как мы понимаем, с ними хотел поговорить Фиш., очень интересно, насколько удастся Фиш. их образумить?

Родные наши, понимаю все трудности, с которыми приходится сталкиваться, и потому горячая признательность идёт к Вам, нашим близким, за Ваш неуклонный дозор. Твёрдо знаю, что, несмотря на очевидность, конечная победа будет за нами. Всё складывается так неожиданно, так необычно, что и решения по всем обязательствам будут также необычны. Астрология в своих знаках не ошибается, дождёмся доброго дня, он так близок. О Комитете Н.К. уже писал, потому могу лишь добавить от себя, что лучше оставить старый Комитет спать, ведь кроме друзей там имеются очень неподходящие члены, и не знаю, насколько полезно начать вызывать их сейчас к жизни. Не скрою, очень больно было мне услышать, что Трудный Человек всё ещё не угомонился и продолжает извергать клевету и кощунства. Конечно, я знала, что в злобе на свою неудачу, она будет умалять всех и всё, но всё же изумительно наблюдать, какую бездну неизжитых чувств представляет собою некий человеческий дух! Трудный Человек был всегда очень легкомыслен, но сейчас это легкомыслие превышает все меры. Неужели она не задумывается о будущем, которое уже не за горами? Не писала ли она, что верит в Высшую Справедливость? Но, по-видимому, эта Высшая Справедливость сильно отличается в её представлении от Истинной Справедливости. И так можно в продолжение стольких лет приобщаться к учению высокой Этики. Можно являться свидетелем и участником чудесных больших дел, а затем, когда строительство нарушилось, и не без доли своей же вины, можно начать кощунствовать на самое Высокое и пенять на всех, только не на себя, пытаться свалить и свою вину на всех других. Ведь в своё время, внимая её отчаянным телеграммам, просьбам, я вступилась за неё перед тремя апостатами и их покровителем, и именно это обстоятельство, как я уже писала, дало возможность апостатам

взорвать всё построение. Они только искали повода, чтобы покончить с нею и со всеми нами. Но кто знает, как обернулось бы всё дело, если бы этот взрыв произошёл позднее, скажем, после возвращения Н.К.? Ведь они не могли найти ни одного повода, чтобы прекратить сотрудничество с нами. Трудный Человек с тем взрывом, который она им устроила, и в особенности же тем, что она заставила Глин. проболтаться ей, привела их в ярость и [всё] закончилось полным разрывом с нею и со стороны Гл. Так пусть не винит других, но оглянется и на свои поступки. Потому мой совет Зиночке – избегать столкновений с нею, ибо она может очень вредить; некоторая солидарность с нею необходима из-за дел. Итак, будем сугубо осторожны, чтобы не вызывать болезненных проявлений, сердце её ожесточилось. Ищите, родные, новых друзей, они подойдут, думаю, скоро, но зорко всматривайтесь и прислушивайтесь. Храните бережно дружбу со Стоу, такие люди, как он, встречаются нечасто, также любите Катрин и Инге. Думаю, что Катрин терпеливо относится к выходкам трудного человека из-за выставки Св[ятослава], она считает, вероятно со слов Св[ятослава], что трудный человек может в чём-либо быть полезен. Ведь Трудный Человек подчёркивал свою симпатию к Св[ятославу]. Посмотрим. Думаю, что и тут произойдёт большое разочарование. Но люди убеждаются лишь на своём личном опыте, а пока Св[ятослав] хранит иллюзию о возможности сотрудничества с трудным человеком. Мы-то уже знаем всю иллюзорность этого. Между прочим, мы телеграфировали Катр[ин], чтобы См[ит] не начинал вновь дела о мануск[риптах]. По некоторым обстоятельствам лучше не поднимать сейчас этого дела. Думаю, и Катр[ин] будет этим довольна. Мне так не хотелось бы отягощать её ничем, кроме дум о выставке. Св[ятослав] очень собирается в путь. Но ещё не знаем, когда финанс[овые] обстоятельства сложатся благоприятно. Всё затруднилось, всё становится сложнее, ждём не дождёмся перемены космических токов, чтобы облегчить общее напряжение.

Радовалась выходу “Аум”. Но не знаю, дойдёт ли эта книга до нас. Многое что не доходит. В новом переводе первой части “Л[истов] С[ада] М[ориц]” нужно следовать нумерации, принятой в оригинале. Но ещё лучше было бы, если бы вместо чисел, дней и месяцев была бы поставлена нумерация параграфов, как во всех прочих книгах; но чтобы сохранить характер первого издания, можно было бы оставить разделение на месяцы, заменив их только римскими цифрами. Последний параграф от 24-го марта можно поставить в конце книги без числа или же вообще выпустить его. Ведь Фр[ансис] не успела перевести последние строки из-за нашего отъезда. Конечно, каждый месяц будет начинать свою нумерацию, как это принято было во второй части “Л[истов] С[ада] М[ориц]”. Милому Дедлею скажите, что ценим его сердечное горение, это тот сезам, который открывает всё. Пусть спокойно продолжает работать, сейчас невозможно что-либо изменять. Скоро будут большие подвижки, нужно явить терпение. Пусть прочтёт о двух полководцах Акбара в “К[риптограммах] В[остока]” и радуется. Родные, ценим, и верим, и любим Вас.

Всем сердцем,

Елена Рерих.

Н.К. Рерих Письма в Америку (1923 –и 1947). М.: «Сфера». 1998.

«"Весть Тирону" – призыв к обороне Родины...» (Н.К. Рерих)

Н.К. Рерих. Весть Фёдору Тирону. 1917.

Н.К. Рерих. Весть Тирону. 1940.

15 ноября 1940 г.
Н.К. Рерих

ШУМ-ЗВОН

«Что ми шумить, что ми звенить рано пред зорями?»

Вот какие пышные шумы-звон. Более двух десятков королей, претендентов, более десятка президентов бродят по миру. Сонмы министров и генералов блуждают. Ещё недавно всё это, украшенное звёздами, заполняло страницы журналов. Сколько звёзд и крестов! Иногда и места на груди не хватало, а где же иначе их повесить?

Умерла пресловутая Лига Наций. Скончалась тихо, даже и газетных объявлений не было. Архив её из Женевского дворца скромно перебрался в провинциальное Нью-Джерси. А ведь совсем недавно надменная Лига изгоняла русское участие. Ломоносов говорил, что Академию от него отставили. Так и тут - Лигу отставили.

В дальних Гималаях долетают лишь отзвуки шумов. О мире всего мира! А когда он возможен, если лишь новые смертоубийства замышляются. Культура побивается. Некоторые ещё бодрятся, а сами отлично чувствуют, как отмирают новые культурные побег.

Постепенно всё приостанавливается. Нелепо уговаривать себя, что этого нет. Зло вросло в мир. Какая панацея отставит разложение?

Мелькнула неясная весть о ликвидации Рижского Музея. В Нью-Йорке - вандализм. Улетели пять зал старинных мастеров. Ещё раньше разлетелся Русский Музей в Обществе Поощрения. Завянет Париж. Не осыпался ли Брюгге? Держится ли Загреб? О Праге и не говорю.

Завяли добрые пожелания в Софии, в Женеве, в Коимбре. Скудны сведения из Аргентины, из Чили. А шум и звон в мире, даже земля сотрясается. Говорили, что земля со старых кладбищ особенно плодоносна. Да, да, новое вырастет. Никакие трясения не остановят весенних побегов. Препятствия - возможности.

Плодоносный дождь вызывается выстрелами. Не лопнула бы от взрывов планета! Мало ли что подумается. Хорошее становится нехорошим. Недоброе помогает добру. Саранча летит. Шум-звон.

15 Ноября 1940 г.

Рерих Н.К. «Листы дневника», т. 2. М., 1995 г.

ДЕКАБРЬ

8 декабря 1940 г.

Н.К. Рерих

КРАСНЫЙ ФЛАГ

«Красный флаг» - так называется редакторская статья в сегодня полученном номере «Гражданской и военной газеты» в Лагоре. Кто мог бы думать, что главная страница официозной пенджабской газеты может нести такую статью, полную одобрений советских действий!

На первых страницах последних номеров этой газеты пестрят выдержки из «Правды», из «Красной звезды», из «Красной Газеты». Читаем крупные сообщения о том, что русский подводный флот первый в мире, а скоро и надводный флот займёт такое же первенствующее место. Сообщаются твёрдые заявления, делаемые советскими дипломатами.

Не простое заигрывание с могучим медведем происходит, но звучит признание блестящих достижений русского народа. Много построено за последние годы, много завоёвано мирным трудом. Подвиг этот совершался не в сладких условиях. Множество тягот было преборено под свист и насмешки злопыхателей. Мерзкая клевета не однажды шипела и язвила о русских достижениях. Но вот переполнилась чаша мощи. Даже слепенькие прозрели, что с гигантским, мощным народом шутки плохи. Мечта о дружбе с великим медведем повсюду выросла. Безразлично, где она образовалась, искренне или же шепталась со скрежетом зубовным. История взвесит тайные думы и намерения. Важно, что там, где ещё недавно неслись злобные рычания, там теперь преклоняются перед мощью народа-богатыря.

Даже закоренелые в предрассудках поняли, что мировая ось зиждется на русской мощи. «Разве не зришь, как нагнетается ось мировая?» — спрашивал Вергилий. Тогда поэт не мог знать, что лишь образовывался народ, которому суждено будущее. И какое славное будущее! Вот и пришло оно, когда уже опочили и первый, и второй Рим.

Прекрасно, что нелегко завоевалось это будущее. Лёгкое строение от первого вихря и развалится. Великие камни сложил народ русский. На диво всем воздвиг не вавилонскую, но русскую башню. Стобашенный Кремль солнцесцев!

К чему пышные слова? Уж очень ликует сердце. Даже там, где ещё на наших глазах гнездились кислое подозрение - и там воздаётся хвала русскому народу. Зачем ховать в подполье то, чему суждено будущее. Слышите ли - будущее, и какое светлое!

8 декабря 1940 г.

«Наш современник». Москва, 1967, № 7.

10 декабря 1940 г.

Письмо Н.К. Рериха в Америку.

10.XII.40

Родные наши. Долетело грустное письмо Зиночки от 30-го октября, по истине печальны вести этого письма. Если даже среди друзей, как пишет Зина, замечаются необъяснимые шатания, то какой же успех можно ожидать! Если кто-то хвалит Рок так же, как прежде хвалили Плаута, то ясно ли хвалящим всё

губительное последствие, которое может произойти? Конечно, мы понимаем, насколько трудно в этом случае Зине, ибо эта фаза дела, прежде всего, находится в руках друзей. А при таком положении особенно трудно настаивать. Но, к сожалению, самому делу от этого не легче. За это время мы послали Вам телеграмму о Гул. по Совету В[еликого] В[ладыки]. Не знаем, что именно посоветует Вам Гул., соображаясь с местными формальностями. Но бывали же какие-то действия, которые производились “под протестом” (under protest). Может быть, каким-то путём удастся сохранить открытую дверь к будущим возможностям. Если Гул. даже при первом ознакомлении с несправедливым решением нашёл яркие доказательства несправедливости и неправильности, то, может быть, он найдёт и ещё многое существенное. Посылаем Вам оригинал телеграммы, в которой, за подписью Хорша, Совет Музея благодарит меня за щедрый дар для американской нации. Эта телеграмма доказывает, что и тогда, когда я подарил триптих “Жанна д’Арк”, все понимали, что Музей есть общественное учреждение, а потому и достояние Музея есть тоже общественное достояние. В случае каких-либо безобразий с картинами такая телеграмма может быть полезна. Посылаем и вторую телеграмму, которая, может быть, окажется полезной для Катрин, ибо в ней идёт речь о Joan’e на покупку соседнего дома. Надеемся, что это наше письмо с двумя оригиналами телеграмм дойдёт благополучно. Зина печалуется о пропаже пакета с параграфами “Надземного”. Эта пропажа совпала с поездкой Зины в Калифорнию, но тогда почтовые условия были ещё лучше, чем теперь, но сейчас посылка манускриптов, книг и даже картин запрещена. По-видимому, и газетные статьи, посланные Зиной, тоже пропали. Одно странно, что пакет тех же параграфов “Надземного” Гаральду *тогда* же дошёл благополучно. Как видите, с почтой совсем трудно, и жаль, что некоторые друзья, живущие в спокойных, нейтральных местах, не понимают всю сложность существующих условий. Некоторые думают, что мы куда-то уехали или что не хотим писать, и не задумываются, что могут быть и другие трудные условия. Вы поминаете в письме о молодых друзьях. Собирайте именно молодёжь, для которой вопросы творчества особенно близки. С каждым годом формируются новые молодые, которые о многом бывшем естественно вообще ничего не знают. Их нужно радушно принять, заботливо осведомить, чтобы произошло общение на почве сердечной дружбы. Иногда может казаться, что какие-то общественные круги уже исчерпаны, но это неверно. Общественность постоянно пополняется новыми подрастающими деятелями, и в них-то и заключается будущая ценность. А подходят они часто совершенно неожиданно. Вот, например, получили мы от неожиданного друга интереснейшую книгу о жизненности символов, подтверждающую научно истину, лежащую в основе легенд. Книгу “Аум” мы ещё не получили и очень этим опечалены. В случае каких-либо новых грабительских безобразий имейте в виду, что в “Нов[ом] Русск[ом] Слове” работал Дымов, который был очень дружелюбен, и он мог бы быть Вам полезен. Поищите его, передайте мой привет. До нас дошла его душевная статья по поводу смерти Жени Штемберг – жены Руманова, она была прекрасная музыкантша. В “Message” за 29-й и 30-й годы, а также в “Roerich Museum Bulletin” поминается масса самых разнообразных имён, из которых многие, наверное, дружелюбны, – просмотрите их, могут пригодиться. Конечно, с тех пор выросло почти целое новое поколение – все пути к нему. За это время уже прошла выставка Святослава в Грин Бее и теперь уже идёт в Мильвокэ. Ничего не

слыхали о них, а это было бы чрезвычайно интересно, также в связи с возможностями его будущих поездок. Между прочим, не знаете ли вы Арбеловых в Бразилии – не слыхали ли о них? Передайте наш привет Муромцевым. Давно не имеем от них известий. Не спросите ли у них адрес Ноки Сан-Галли. Передайте наш привет Стоксу, Катрин, Инге, надеемся, что здоровье С[офьи] Мих[айловны], а также и Ваша рука теперь лучше. Мы здоровьем сейчас похвалиться не можем, да и вообще в мире сейчас мало здоровья. Как мило и сердечно написал Дедлей при Вашем последнем письме. Воображаем, как напряжена его зимняя работа. Терпение, мужество преоборят все труднейшие обстоятельства. Сердечный привет Вам, наши родные, – духом с Вами,

Н.Рерих.

Письма в Америку

15 Декабря 1940 г.

Н.К. Рерих

ЕДИНЕНИЕ ИЛИ ГИБЕЛЬ

Так называлась хорошая статья. О том же были наполнены наши письма в Америку. Этими же самыми словами Е. И. уговаривала и заклинала Нью-Йорк, где раздоры среди сотрудников достигли предела. Сохранились потрясающие письма Е. И. Из них ясно, что уже в 1933 году нечто разрушительное должно совершиться. Точно чёрная завеса прикрыла глаза не видевших свою гибель. Ужасно видеть, когда люди вырывают свою основу и не думают о следствиях. Добро бы, если они не умеют думать о делах, о ближних. «На нет и суда нет!» Но ведь даже о себе забывают люди, куя цепи раздора и взаимоненависти. Через годы не верится, чтобы так безнадёжно было положение.

Но письма перед нами. Не сказать сильнее. Словарь предупреждений исчерпан. Как бы мировая язва прошла. Дела частные, дела групповые были предвестниками мировых бедствий. Когда получались письма Е. И., наверно, кто-то думал, что в них сказано преувеличенно. Близорукие полагали о каком-то запугивании. Но вот и десятилетие ещё не минуло, а всем должно быть ясно, что это были лишь предупреждения, притом самые неотложные, прямо трагичный С.О.С. какой-то. Каждый час был важен. Уж тут не о любви говорилось. Но хотя бы о деловом единении.

Каждый порознь не вытянет. Все открытия последнего времени достаточно ясно доказывают тягу к единению. Оказалось, что земля богата для всех. Всем хватит, если изыскание и распределение будет разумно. Идол золота пошатнулся, но зато выросло осознание ценности труда.

Столько красоты в мире, дыханье захватывает! А вместо действенного любованья и творчества троглодиты друг другу горло грызут. Не в далёких исторических периодах, но здесь, на веку человеческого, можно видеть, как совершаются разрушения. Да ещё какие! Непоправимые! Видели, как малая группа занялась взаимопожиранием. Зашатались уже сложенные устои. И кто решит, где границы зачатого вреда? На котором поколении иссякнет вредоносность? Ведь не потоп после, но боль планеты. И руками и мозгом ущербляются сокровища, для всех припасённые. От малого начинается и большая болезнь. Единение — или гибель.

15 Декабря 1940 г.

Рерих Н. К. Листы «дневника», т.2. М., 1995.

А. Скрябин

15 Декабря 1940 г.
Н.К. Рерих.

СКРЯБИН

Вот чудеса! Из Южной Америки дошла весть о праздновании, бывшем в Москве в Июле в Музее Скрябина. Почему такие радостные сообщения должны совершать кругосветное путешествие, а не прийти через Иран или Афганистан?

Москва. Мемориальный музей А. Скрябина.
Рабочий кабинет. (Старое и современное фото)

Всё связанное с именем Скрябина особенно радует. Последнее время на Западе его стали как-то избегать. И Стравинский и Кусевицкий замалчивали Скрябина, и капитальные его вещи стали редкими в концертах. Точно бы не по

плечу пришёлся. Кому-то не исполнить его было, а кому-то большое русское имя мешало.

Граммфон плохо передавал могучие созвучия скрябинских симфоний. «Поэма Экстаза» так отвратно звучала в граммофоне, что и слушать было оскорбительно. А ведь нельзя же мыслить о Скрябине без его симфоний, давших новые дали мировой музыке.

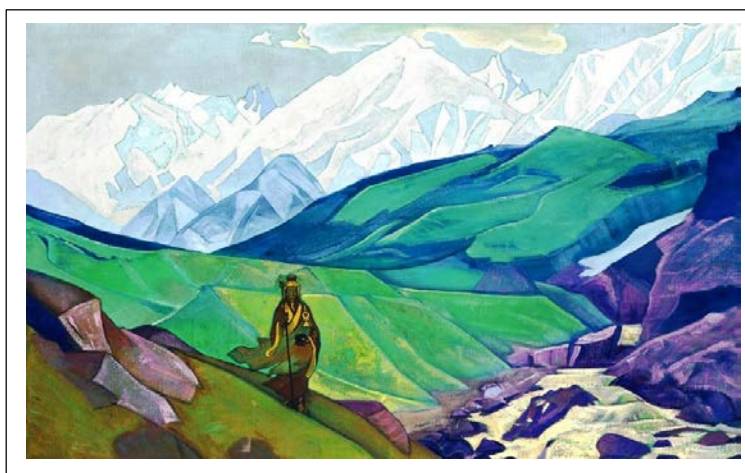
И вот не на чванном Западе, а в родной Москве чествуется память великого композитора. Собирают всё до него относящееся. Даже портреты не только его самого, но и друзей его сносятся в народную сокровищницу. Последнее весьма примечательно. Кто-то чуткий и заботливый хотел создать атмосферу, в которой крепло дарование. Пути эти были нелегки. Вставала злоба против всего нового. Рутинное ухо не воспринимало утончённых созвучий. Сами задания казались кому-то слишком выпреними. Словом, не оценивалась сущность творчества.

Сами мы видели, как некие посетители концертов пожимали плечами и даже уходили до окончания вещи. Но были и преданные ценители. Они-то почувяли, какая новая сила нарастала, и какие поворотные задания поднимут сердце молодёжи.

Не верилось, когда пришла весть о кончине Скрябина, такой нелепой, недопустимой. Прометеев огонь снова угас. Сколько раз что-то злое, роковое пресекало уже развернувшиеся крылья. Но «Экстаз» Скрябина сохранится среди победных достижений. Хорошая дальняя весть. Живёт в Москве имя Скрябина. Кто-то любит его и трудится над его достоянием. Наверно, молодёжь.

15 Декабря 1940 г.

«Наш современник». Москва, 1967, № 7

Н.К. Рерих. Йенно Гуйо Дья - друг путников. 1925.

20 декабря 1940 г.
Н.К. Рерих

ПУТНИКИ

Полагаю, что все наши общества нужно распустить. Настолько неестественны все условия, что никакое общение сейчас невозможно. Накрепко пресечены пути сообщения, а кооперация, прежде всего, растёт жизненными сношениями. Большинство групп не имеют никаких сообщений между собою. А в иных странах даже и внутренние сношения затруднены.

Хочется оградить друзей от всяких нареканий. Смятение в мире таково, что Лига Культуры кем-то может быть принята за какой-то Ку-Клукс-Клан. Семена просвещения не гниют. Посеянное добро взойдёт, а будет этот урожай групповым или индивидуальным, не всё ли равно?

На наших глазах прошли многие волны. Вот нерушимо осталось всё сделанное «Миром Искусства». Никакая история искусств не затемнит всё созданное этим движением. Ещё работают соучастники «Мира Искусства», хотя многих уже нет. Среди оставшихся ушёл дух корпоративности. Прискорбно, но как первый председатель «Мира Искусства» должен сказать, что личного единения в группе было мало, а то и вовсе не было, и это вредило итогам.

Среди работников Школы Поощрения не было раздора. Плоды преуспевания были отмечены, и всё же широко разлетелись наши питомцы. Каждый год их бывало свыше двух тысяч, а теперь слышим лишь о немногих. Жаль, когда после школы новые деятели искусства утеривают общение. Сколько новых достижений могло бы вырастать из крепкого единения!

Даже лично спаянные «Передвижники» не сохранили ядра. Правда, все начинатели вымерли, но могли же быть преемники? Приобщайте молодых. Незаметно минуют целые поколения. Выросшие не имеют связи даже с самыми живыми традициями. В своё время двери не были открыты. Достаточное общение не произошло.

Писал и говорил о возможности молодого поколения «Мира Искусства», но не восприняли. Также могло быть и молодое поколение «Передвижников», ибо народная традиция была жива. Конечно, сейчас нельзя думать о всяких полезных единениях, когда даже малые группы не могут между собою общаться. Армагеддон!

Кончается со-роковой год. До свидания, друзья! Переживём. «И это пройдёт». Закат - для восхода. Чистится обувь для нового пути.

20 Декабря 1940 г.

Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974

20 Декабря 1940 г.
Н.К. Рерих

МОЛОДЁЖИ

Вот и Уэллсовская федерация - просто эфемерида. Кто и как изберёт эти конклавы? Не попадут туда Платоны, Сократы, Аристотели, Пифагоры. Зато Гилберты Меррей, Мадариаги, Николаи Бутлеры, Рузвельты и прочие пустомели, наверное, протолкаются в эти говорильни. Чего доброго, пожалуй, и Жаны Кокто проползут. Точно бы царство роботов замышляется.

Покуда Уэллс критикует - он интересен, но как только дойдёт до конкретности, он становится менее убедительным и не даёт решения. Даже понятие кооперации не произнесено. Но ведь из сотрудничества зародится и федерация, здоровая, просвещённая, познавшая реальное энергетическое основание.

Специальный университет для образования супер-гомо-сапиенсов напоминает раджа-колледж для наследников махарадж. Народный учитель даст новые культурные победы. Поднятие масс на почве здорового просвещения заложит эволюцию человечества.

Освободитесь от предрассудков. Их слишком много в обиходе. Невежество ещё гнездится прочно. Раскрепостите мысль. Основывайтесь на фактах, но на таких, где потребуются и мощные телескопы, и чуткие микроскопы. Обуздайте уродливый спорт. Эллинский стадион не был схож с многими нынешними безобразиями.

Привлекайте к работе молодёжь. Она любит, когда к ней относятся серьёзно, по-настоящему. Во всех делах мы просили о допущении молодёжи. Она дополнит образование на самой деятельности. Будет творить. Весело открывать такие врата в будущее.

Ещё только недавно стали учиться думать о будущем. Не для себя это будущее. Эгоист к нему не обратится. Но ведь и всё на земле строилось не на краткий век человеческий. И в этом радость, в этом размах. И массы поймут, что дорога должна быть чиста не потому, что сам по ней пойдёшь, но пойдут и ближние и дальние.

Да, да, образуйте народного учителя. Дайте ему сносное существование. Зовите молодёжь сотрудниками во всех делах. Покажите молодым красоту творчества. Поймите энергетическое сотрудничество как реальнейшее познание.

20 Декабря 1940 г.

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

Н.К. Рерих. Сеча при Керженце. 1911.
(Государственный Русский музей. (2-й вар.)

Н.К. Рерих. Покорение Казани.
(Монография Ростиславова. 1918.)

25 декабря 1940 г.
Н.К. Рерих

КУЛЬТУРА?

В 1933 году некий Маслов, «директор Академии Художеств», изрезал два моих панно - «Сеча при Керженце» и «Казань». Этот вандализм вызвал протест со стороны художников, и Маслова судили. Знаем варварские нападения в Третьяковке на картину Репина «Иван Грозный» и на картину Милле «Анжелюс» в Лувре. Портрет Сарджента был изрезан в Лондоне. Израненные картины были подклеены и подмазаны, но всё же их нужно считать инвалидами. Со временем старые раны дадут себя знать.

Друзья не могли понять, почему пресловутый Маслов уничтожил именно эти два панно. «Сеча при Керженце» в первом варианте была приветствована в Париже в дягилевских постановках. Кстати, где это первое панно, а также и панно Серова? Вместо Маслова не съели ли их крысы? И «Сеча» и «Казань» были воспроизведены и в большой Монографии 1916 года, и в книгах Эрнста и Ростиславова. Вариант эскиза был на Международной выставке в Мальме в 1914 году и поступил в стокгольмское собрание Мансона. Достаточно были оценены эти панно, и тем страннее вандализм, над ними учинённый. Зачем? Культурно ли?

Вспоминаю это к сообщению о повреждениях в Лондоне и Манчестере и о налёте бомбовозов на Венецию. А вдруг шальная бомба попала в дворцы этого города-музея? Нельзя представить налёт на Акрополь или на Рим. Но также невозможно вообразить разрушение Венеции. С высоты можно нанести вред непоправимый.

Венеция, чудесная Венеция вся построена на сваях. Известно ли, как влияют на лагунную почву взрывы? Но знаем, что Кампанилла обрушилась от каких-то почвенных условий. Знаем, что большие суда опрокидываются не только от прямого удара бомбы, но и от взрыва вблизи судна. Из Лондона писали, что на расстоянии двухсот ярдов от взрыва летевшие железные балки пробивали крышу дома и проникали в квартиры. Последствия взрывов вообще не учесть. Но венецианские свайные лагунные дворцы и храмы могут быть особенно чутки к сотрясениям.

Иногда кажется, что прежде больше жалели произведения искусства. О Кампанилле больше ужасались... А теперь? Огрубение ли? Где же Культура?

25 Декабря 1940 г.

Рерих Н.К. Листы дневника. М.-МЦР, 1995. Т.2

Н.К. Рерих

УМУДРЁННОСТЬ

Энгр в своём дневнике отмечает: «Искусство возрождается у современников на развалинах творений древних, и надо стремиться оживить среди нас средства последних, продолжая их. Не надо колебаться копировать древних, произведения которых надо рассматривать как общее сокровище, где каждый может <...>

Искусный живописец, который не избегает риска быть испорченным дурными образцами, сумеет ими воспользоваться с выгодой. Он сумеет восполь-

зваться наиболее посредственными их видами, которые, проходя через его руки, приобретут совершенство; он сумеет найти в грубых опытах искусства, до его обновления, оригинальные идеи, обдуманые комбинации, более того - высшие способности изобретения.

Только самый низший стиль искусств, как в живописи, так и в поэзии и музыке нравится естественным образом всем вообще людям. Самые высшие достижения в искусстве не произведут никакого действия на совершенно некультуривированные умы, что известно по опыту. Тонкий и изящный вкус является плодом воспитания и привычки. Мы получаем при рождении только способность к выработке такого вкуса и к его образованию точно так же, как мы родимся с определённым расположением воспринимать законы и обычаи общества и с ними сообразоваться. Только в этом-то смысле и можно сказать, что эта способность естественна.

Следовательно, чтобы извлечь пользу из критики своих друзей, необходимо уметь различать путём познания их характера и вкуса, их опыта и их наблюдений, в какой степени они могут быть нам полезны. Чтобы быть хорошим критиком большого стиля в искусстве, нужно быть одарённым тем же очищенным вкусом, какой руководил самим художником в его произведении.

Искусство далеко не всегда вытекает из природы или имеет какое-либо непосредственное отношение к таковой, рассматриваемой как его образец; существуют даже искусства, которые основываются на принципах, диаметрально противоположных природе. Главная и наиболее важная вещь, которую надо знать в живописи, это то, что природа произвела наиболее прекрасного и наиболее подходящего в этом искусстве, чтобы из него сделать выбор. Таковы были вкус и манера чувствовать у древних».⁷

[1940 г.]

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

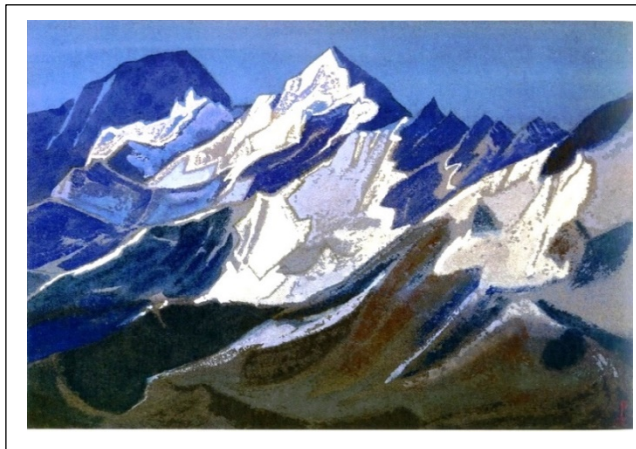

Н.К. Рерих. Книга жизни. 1930-е.

⁷ Энгр Ж.О.Д. Об искусстве. М., 1962.

1941 г.

ЯНВАРЬ

Н.К. Рерих. Гималаи (Сверкающие вершины). 1941.

1 января 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ПОЛНОТА ЖИЗНИ

Хорошо, что довелось воочию встретиться со значительными деятелями прошлого поколения. Лев Толстой, Владимир Соловьёв, Дмитрий Григорович, Максим Ковалевский, Владимир Стасов, Милютин... Затем Пуанкаре, Станиславский, Римский-Корсаков, Куинджи, Репин, Виктор Васнецов, Суриков, Пюви де Шаванн, Роден, Тенишева, Третьяков, Тагор, Лосский, Метальников, Врубель, Горький, Леонид Андреев, Блок, Дягилев, Ремизов - всё такое разнообразное! Даже вспоминать в одном ряду странно. Но в жизни все эти встречи и многие другие складывались под знаком дружелюбия и дружбы. С признательностью вспоминаются такие вехи пути.

Но где же полнота жизни, если нет претерпения предательства?

Испытали ненасытную враждебность клана Бенуа, которого Щербов называл коварным бен-Уа. Познали предвечные наскоки всяких макак и мартышек. Много чего было. Но этого мало. Говорят, что жизнь неполна без претерпения предательства. Должно оно произойти от сотрудника. Это "амплуа" предателя судьба предоставила американскому гангстеру. Подкрался под овечьей шкурой протоплут и архиклеветник Хорш. Не мы одни почувствовали его тёмную лапу. Как жаль, что Америка оказывается питомником гангстеризма - так признают и сами американские писатели.

С глубоким знанием гангстерского кодекса Хорш провёл давно задуманное предательство. Думается, что полнота жизни преисполнилась. Всё налицо, наполнена чаша.

В дни Армагеддона особенно звучит всякое человеконенавистничество. Экое длинное слово, но также пространно наносит оно вред Culture. Вот и ещё длинное слово - вредительство. Последние десятилетия образовали особый класс людей - вредителей. Говорят, что человеконенавистничество и вредительство всегда и раньше свирепствовали в полной мере. Но, кажется, что среди изгибов мнимого прогресса эти мрачные ехидны особенно кристалли-

зовались. Суперфосфаты мнимых достижений, вероятно, создали питательную почву для гадов.

Прошёл со-роковой год. Труден и наступающий. Пошлём всем друзьям привет на трудных путях.

1 Января 1941 г.

Н.К. Рерих, Листы дневника. М., 1995 г.

3 января 1941 г.

Письмо Н.К. Рериха в Америку.

3.I.41

Родные наши. Сейчас дошло письмо Зины от 25-го ноября – дошло необычайно быстро, и это даёт нам возможность сейчас же ответить. Вполне понимаем Ваше негодование по поводу того, что Плаут не сдал всех бумаг. Странно подумать, что он требовал не причитающиеся ему деньги, а сам даже не мог сдать нужных бумаг. Надеемся, что он, по крайней мере, дал расписку в том, что памянутые Вами бумаги им не сданы, ведь это же настоящий разбой – вымогать непричитающиеся деньги и в то же время не сдавать бумаг, относящихся до дела! Ведь можно подумать, что он сделал из этих бумаг какое-то недопустимое употребление, и до продажи включительно. Хорошо, что Плаут сдал Вам письмо Хорша от 8-го дек. 24-го года о ликвидации всех loan'ов. Это письмо храните, родные, всеми мерами, ибо оно несомненно потребуется.

Любопытно передаваемое Вами сведение Смита о манускриптах и о письмах Альмы. Конечно, Дедлей прав, полагая, что в этом заключается ловушка. Ни в коем случае нельзя соглашаться на обмен писем Альмы на манускрипты и какие-то некоторые картины. Нам нужна справедливость, а не торгашеские компромиссы. Теперь Вы еще раз убеждаетесь, как бездарны и зловредны были наши адвокаты, которые имели в руках лучшие козыри и не умели ими воспользоваться. Впрочем, можно радоваться, что письма Альмы не были в руках этих адвокатов, а то они бы давно перекочевали в стан противников. Во всяком случае, как мы уже писали, дело о манускриптах должно лежать под спудом; когда придёт время, вернёмся и к нему.

Как мы уже писали, присланный Смитом deposition не годен уже потому, что он адресован был на имя местного магистрата Тейлора, но местные магистраты сменяются у нас каждые два года, и со времени Тейлора у нас уже второй, потому упоминание имени несуществующего уже магистрата сделало бумагу недействительной. И со стороны прочих судебных формальностей, существующих здесь у нас, были ли выполнены все формальности, на что указывалось Плауту, когда его бумаги об этом деле были ему возвращены обратно здешним правительством? Принято ли это было во внимание Смитом, когда он мне послал эту deposition?

Описываемая Вами забота Давида о возможно ранней смерти дочери Флор[ентины] очень характерна. Заботясь о чужой смерти, позаботился ли он о своей собственной? Конечно, мы ещё не получили бумагу для подписи Е.И. Но пока думаем вместе с Вами, что вряд ли такая бумага вообще нужна. Возмутительно, что адвокаты требуют за издержки по делу “Сен”, тогда как они же сами пропустили сроки и тем нанесли нам же ущерб! По справедливости, они должны нам возместить ущербы, а не требовать ещё какие-то деньги! Вы знаете, что Джакс[он] брался за эти дела на contingency basis и никогда не предупредал Вас о том, что все расходы на дело должны быть ему уплачены. Если

бы мы знали, что дела принесут новые расходы, то никогда не допустили бы их. Поистине, письменные и подробнейшие договоры нужны прежде всего со своими же адвокатами. Странно, что “опытный” адвокат берётся за дело, якобы, с полным энтузиазмом, законно уверенный в успехе, а затем так же легко начинает уверять, что дело не имеет шансов.

Спрашивается, когда же он врал – вначале или, по каким-то таинственным причинам, в конце? Так как shares Painting Corporation теперь принадлежат друзьям, то сейчас все рассуждения о картинах, прежде всего, касаются их. Тем более непонятно, какие “некоторые картины” предлагаются в обмен на манускрипты, – опять жульническая ловушка! Каким образом Катрин, как Вы пишете, думает, что все shares теперь принадлежат одному Стоксу, тогда как и она денежно участвовала в выкупе этих shares, а теперь вместо Флор[ентины] также участвует и Инге? Всё это необходимо выяснить.

Неужели Смит не знает о выкупе shares и таким путём допускает нелепые переговоры со Стерном? Две англ[ийские] монографии Вам посланы.

Горевали о Вашей руке и новой неприятности от употребления консервов. Сколько болезней происходит от этих консервов! Давно указывалось не употреблять консервов, которые часто полны разложения. Самая простая пища – самая здоровая. Поберегите себя, ведь это второй случай Вашего отравления теми же консервами. Вспоминаем в книге “Земля Колумба” ужасную статью о том, как приготавливаются консервы. Понимаем, что Академия идет тихо, повсюду все культурное замерло. Кали Юга заканчивается проявлениями необычайного варварства и безумия. Очень хорошо, если выставка Свят[ослава] состоится в Чикаго и в Нью-Йорке. Опять же привлекайте молодых, в них будущее. Наши самые сердечные мысли с Вами обоими. Привет С[офье] М[ихайловне], Джину и всем друзьям.

Сердцем с Вами,

Н.Рерих.

Н.К. Рерих. Письма в Америку (1923-1947 гг.). М. "Сфера". 1998.

8 Января 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

Н.К. Рерих. Новая земля (Новгородцы). 1940.

"НОВАЯ ЗЕМЛЯ"

"Новая Земля" - северная картина. Новгородцы на расписных стругах среди льдов на крайнем Севере - может быть, у полюса. Ничего не страшится вольница. Дивуется на моржей и на льды бескрайние.

Думалось, когда-то отвезти картину на Родину. Но вышло иначе. С Лагорской выставкой пошли новгородцы к радже Тери-Гарвал на границу Непала. Вот куда забрались мужи Новгорода. Именно эту картину захотели молодые раджи.

Казалось бы, на выставке были и "Гималаи", и "Гуру Чарака", и "Вестник от Гор", и "Охота", и "Замок Такуров" - много было здешних помыслов. Но вот поверх всего приглянулись новгородцы. Сразу нагрузили на мотор - три моих и две Святослава картины - и уехали в свою удалённую вотчину. И фото не удалось снять, а там, на месте уж, наверно, снять не сумеют. Много не снятых картин.

В то же время ежегодник в Пальгате на самом юге Индии поместил своего "Святогора" - в горах. В Траванкоре - "Открываем врата", в Аллахабаде - "Новгородский погост". В Лагере воспроизведён "Старый Псков" из "Псковитянки". У Тагора - "Берендей". На "Новую Землю" всюду взглянули. А ведь говорили: "Не поймут!"

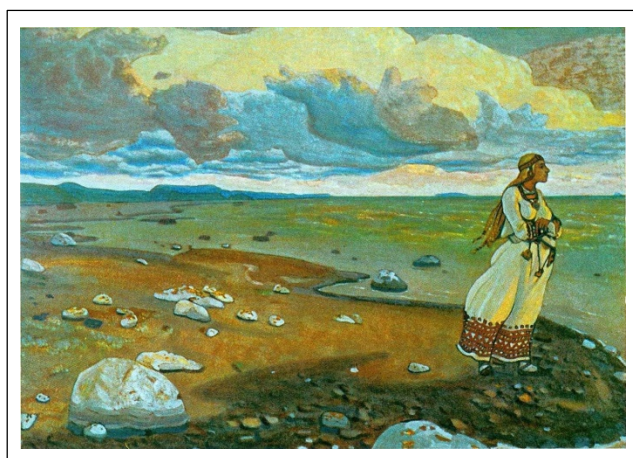
Почему не понять? Там, где нет предрассудков, там и понимание легко. Ведь оно не в рассудке, а в сердце. Вот мой "Микула" объехал и Ахмедабад, и Мисор, и Тривандрум, и Бомбей и во многих журналах был отпечатан. Был на выставках и "Иранский эпос", но всё же далекая "Новая Земля" приковала внимание. Трогательно нам видеть это внимание.

Имеются невежды, которые ничего-то не знают и пытаются ругать Индию. Недавно некий тип восхищался старинными индусскими тканями и тут же бессмысленно ругал Индию. Поносителю указали, что именно Индия творила эти ткани. Нельзя по невежеству ругать великую землю, где живёт высокая мысль и творчество. Ругатель устыдился.

Одни любят творящее "да", другие привержены к тупому "нет". "За морями - земли великие". "За горами - земля новая".

8 Января 1941 г.

"Неделя", 26 ноября - 2 декабря 1973

Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910.

14 Января 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ДОКОЛЕ?

"Тому, кто вверяет судьбу свою нашей судебной "справедливости", можно лишь пожелать - да поможет тебе Бог". Так говорит опытный американский адвокат. Помним изречение Гейнсборо о современных ему законниках. Даже из классических времён помним бесчисленные примеры. Уже в четвёртом классе гимназии учили речь Цицерона против Катилины. "Quousque tandem?" Именно, доколе? Но века бегут, а это "доколе" так и остаётся воплем неотвеченным.

А вот и другое. Ещё в 1920 году во время моей выставки у Гупиля в Лондоне заявился некий чиновник из Министерства Иностранных Дел и смутил бедного директора галереи. Сказал, что картины вовсе не мои, что Рерих убит в Сибири и сам чиновник присутствовал на панихиде. Пришлось повидать его и уверить в моей самоличности. Тем не менее, через десять лет мы встретились с тою же легендой в Лондоне. В 1930 году опять были те же нелепые шептания. Но особенно забавно, что в 1940 году в Лагере Святослав услышал ту же нелепицу, повторенную как известный факт. Значит, каждое десятилетие та же вредная ерунда будет повторяться. Неисповедимы пути, как ядовитая ехидна переползает океаны и горы.

Нечто подобное приходилось слышать о Куинджи. Там какой-то пастух в Крыму убил художника и завладел его картинами. Такая мрачная клевета ползала, и какие-то негодники или идиоты ее повторяли. Напоминало что-то из времен Челлини. Хотя и около Гойи было немало рассказней. Да и сами собратья-художники иногда не скупилась на словечки. Вспомнить, что Делакура или Руссо говаривали об Энгре или как чернили Мане. Всего бывало, но думается, неужели все без конца повторяется? Никакие Армагеддоны недостаточны, чтобы кто-то одумался.

Слишком слабы законы против клеветы. Во многих случаях они должны быть приравнены закону об убийстве. Убийство рукою или мыслью равноценны. Человеческое общество не может примириться с такими преступлениями. Законы против клеветы должны быть усилены. Но и сословие "законников" должно быть пересмотрено и очищено. Сказания о судьях неправедных и о мздоимцах создались из ужасов житейских. Доколе?

14 Января 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995.

20 января 1941 г.
Письмо Н.К. Рериха в Америку.

20.I.41

Родные наши. Сейчас одновременно пришли письма Зиночки от 2-го и от 12-го и 14-го дек. Истинно, добрые вести Ваши о выставке Святослава и о книге "Аум". Прекрасно, если владелец чикагской галереи произвёл на Зину отличное впечатление. Может быть, он будет полезен не только для этой одной выставки, но и для агентуры для Святослава, а также и для картин, принадлежащих Е.И. и друзьям? Кстати, вероятно, когда он был у Вас, он видел некоторые картины в студии, и не имел ли он желания взять в свою галерею парочку по своему выбору, – эти деньги Вам пригодились бы. Вообще в такой большой

стране, конечно, всего много. Именно, нужно всячески выходить из якобы закодированного круга грабителей и всяких призраков их “всесилия”. Успех книги “Аум” даже при тяжких временах и условиях лишь доказывает, какие существуют скрытые возможности. А главное – пусть подходят новые и молодые. Грубый перевод третьей книги с поправками и вставками и дополнениями из рижского издания был послан Вам, также как и перевод первой части “М[ира] Ог[ненного]”. Перевод третьей кн[и́ги] нового издания был послан на Ваш адрес, тогда как “М[ир] Ог[ненный]” может находиться у Катрин, если она не передала его Эми. Во всяком случае, сейчас третью кн[и́гу] издавать не нужно, ибо срок уже прошёл, и “М[ир] Ог[ненный]” будет более своевременен. Будем надеяться, что удачная продажа “Аум” даст возможность ускорить это издание.

Вполне понимаем, что сейчас вопрос учебных заведений и, в частности, Академий очень труден. Думается, что Вы не должны сейчас чрезмерно тратиться на Академию. Представляется, что временно она может быть ограничена студией Зины, ибо преподаватели по другим отделам, как Вы нам писали, должны вести занятия в своих студиях. Академия же является как бы агентурой для них, впрочем, само время Вам покажет новые обстоятельства, и могут наметиться и новые люди. Брэгдон писал (письмо его от 14-го сент[ября]), что очень многие люди спрашивают его о моих картинах и не знают, где и как повидать их. Я ему напомнил, что и у Вас имеется группа картин, принадлежащих Е.И. Если выставка Свят[ослава] будет в Чостерере, то Брэгдон мог бы быть полезен.

Будем надеяться, что в Чикаго будут осязательные результаты, которые помогут дальнейшим планам Святослава. Наверное, в случае запросов о некоторых уступках галерея снесётся с Вами или с автором. То, что Вы пишете о Давиде и Джакс[оне], поистине потрясает, особенно вспоминая, как эти же типы возмущались в своё время вымогательствами Плаута.

Странно, что Гулейдж., сравнительно посторонний для дела, сразу усмотрел существенные упущения в решении. Казалось бы, что даже эти два пункта, о которых Гулейдж. Вам так хорошо писал, уже являются сильною апелляцией. Его письмо у Вас имеется. Если даже по местным условиям невозможна будет апелляция, то хотелось бы в какой-то форме для будущего времени оставить след протеста, чтобы не выходило, что кто-то согласился с явными произведёнными несправедливостями. Любопытно, почему Джакс[он], который так был уверен в делах, вдруг только теперь просветился, что дела о налогах никогда не имеют успеха, и какие же шансы появились вдруг теперь?

Также остаётся совершенно непонятно, каким образом друзья, приобретшие картинные shares, вдруг оказываются как бы лишёнными их? Ведь деньги же ими за эти shares были заплачены! Этот вопрос сейчас особенно делается насущным, ибо, наверное, возникнет вопрос о картинах и будут попытки грабительского завладения. Вы пишете о некоторой пропаже Ваших писем к нам. Это вполне возможно, ибо даже телеграмма Катрин об операции дошла до нас через пять дней, а содержание её было важно и срочно. Таким образом, отложение дела на два месяца совершенно не отвечает нынешним почтовым условиям, ибо даже не может произойти оборота воздушного письма. Вот и сейчас, хотя мы пишем сейчас же по получении Ваших писем, но отлично знаем, что письмо от 20-го янв[аря] придёт к Вам лишь в начале марта. Странно,

что все эти реальные соображения кем-то всё же не принимаются во внимание.

Воображаем, как трудна работа Дедлея, но сейчас, по нынешним временам, каждый должен держаться хотя бы и за трудные якоря. Вы правы, что во время, когда все пространство наполнено всякими биллионными астрономическими цифрами, всё это происходит за счёт утеснения культуры.

Только подумать, какое благоденствие могло бы на Земле водвориться, если бы золотой поток обратился на культурные просветительные цели! Хорошо, что Ваша болезнь полегчала, но не нужно бросать прогревание синим светом. Здесь без электричества мы, к сожалению, лишены этого полезного воздействия.

Также радовались мы об успешном исходе операции Катрин. Это была трудная операция, и, вероятно, потребуется значительное время для восстановления энергии. Повсюду так трудно, и потому каждый успех и удача во сто крат ценнее. Пожалуйста, напишите заглавия моих статей, прошедших за это время в прессе. К сожалению, не могу послать новых, ибо посылки манускриптов и печатного материала прекращены. Знаем, что из самого трудного Вы изберёте наилучшее.

Мыслями и духом с Вами, *Н.Рерих*.

Н.К. Рерих. Письма в Америку (1923 - 1947). М. "Сфера". 1998.

22 января 1941 г.

Н.К. Рерих

ДОСМОТРЫ

"Как у сокола крылья связаны, и пути ему все заказаны". Вот и связаны и заказаны! Иное письмо проходит через шесть цензур и досмотров. Семнадцать лет Культурной работы не помогают. Искусство и наука не ограждают. Главное же в том, что теряется время. Иногда думается, что каравеллы Колумба были быстрее нынешних "воздушных" сообщений. Письма из Америки требуют четырёх месяцев, и наши письма ползут, конечно, с такою же скоростью. Конечно, время военное, и каждый принимает свои меры. Но все ли досмотрщики хороши? Знают ли, различают ли, что спешно и что нет? Через месяцы оказывается, что многие письма вообще не дошли. Потоплены или просто закинуты? Особенно же прискорбно, что многие друзья не представляют себе действительность. Они ещё живут в иллюзии, что сообщения нормальны. Досмотры для них лишь призраки. Но на деле и в области искусства и науки крылья связаны. И какие же пути?

Армагеддон гремит, и огромно его психическое влияние. Танец смерти не только на бранных полях, но во всей земной жизни. Пляшут в преддвериях гостиниц.

Борются и скачут, точно бы ничего и нет. Но сущность-то уже иная. Человечность уже сокрылась. Вот и выставки бывают, и журналы печатаются, и лекции идут, и театры гремят, словно бы ничего не случилось. Но случилось в самой сущности. Ничем не прикрыть глубоких трещин сознания. Конечно, выковывается и новое. Но его нужно увидеть и глазом новым. Коли что сотряслось, то нечего прикрываться. Нечего скрывать землетрясение под видом кирпичей загремевших.

Армагеддон кончится. Новое строительство опять воссияет. Не паника, не уныние, но дозор о Культуре нужен. Вот где настоящий досмотр у места. Не вредит ли что Культуре? Каковы досмотрщики? Известно ли им, что чем труднее час, тем заботливее нужно оберечь сад Культуры. Не сумели договориться о городах-музеях. Не хотели соборяне помыслить о самом нужном, чем жив человек. Пробовали говорить против войны, а о том, как разоружить сердце, не мечтали. Кто-то вообразил, что злоба и несправедливость - земные устои. За эту скверну придется поплатиться. Держите дозор за Культуру.

22 Января 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995.

26 января 1941 г. Лахор

Письмо С.Н. Рериха к Рерихам Н.К., Е.И., Юрию

Дорогие Пасик, Масик и Юсик и Все Домашние,
Посылаю это через полковника. Приехал в Лахор – тихо. В городе ничего особенного не делается. Того гляди всё замрёт. Объехал многих знакомых. Всё по-старому. Даже удивительно. Единственно, ребёнок Sall'ов ходить стал за моё отсутствие. Пока всё сегодня закрыто. Боюсь, что купить автомобиль будет трудно. Сразу это сделать нелегко. Надо всё испробовать. Автомобилей много, но всё не осмотреть хорошенько, и никак нельзя торопиться.

Завтра узнаю всё о картинах и пошлю их в Траванкор. Это будет очень приятно. По правде сказать, мне в этот раз всё показалось уже иначе, очевидно отсутствие соседки, всё как-то по-другому, и как-то контакты не чувствуются особенно. Дядюшки нет, он вернётся завтра только. С ним я поговорю о поступательных движениях. Всё, как я оставил, так и осталось. <J...'а> сегодня вышел и читается здесь. Стало теплее, но топить ещё надо.

Я думаю, иногда можно было бы попросить полковника переслать мне письмо.

Сегодня утром (27) устрою посылку вещей в Travancore. Всё берёт огромного времени. Сейчас иду отправлять вещи. – Отдали машинку, постараюсь её отдать < Azim'у>.

Крепко обнимаю,

Ваш Св.-

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

31 января 1941 г.

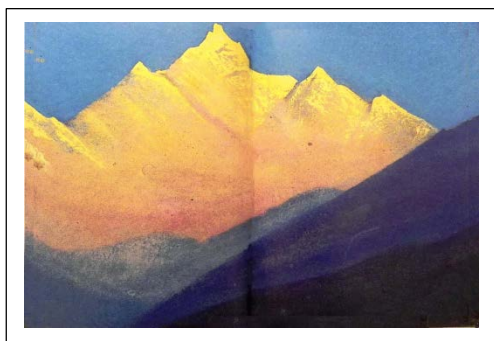
Письмо Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н.

31 января 1941 г.

Родной наш Светуня, сейчас получили твое письмо от 26-го, а по телеграмме твоей знаем, что картины были уже отосланы. Из этого полагаем, что и ты сам тоже на пути. Может быть, ты и ещё писал нам, и письмо где-то плавает. У нас только что произошёл прискорбный эпизод с американскою телеграммою от Фосдик, которая из Америки была отправлена 9 января, а дошла к нам лишь 29 января – целых 20 дней где-то гуляла. А из-за этого происходит недоразумение и убытки с адвокатами. В результате Фосдик может пострадать на 2200 с лишком долларов, ибо мы могли ответить лишь 29 января! Та-

кого эпизода с телеграммами ещё до сих пор не бывало. Также и письмо Кузенса к тебе плавало где-то 14 дней. Не передаём его содержания, ибо ты сам его увидишь. Пакет с эскизом пришёл, но, к сожалению, в смятом виде. Пришло письмо от Харвей и дочери Джипсона, конечно, всё с большим запозданием. Письма к нашему доктору, о которых ты знал, так и не пришли, а ведь, как ты знаешь, письма были от больной.

Одновременно с этим письмом в заказном пакете на имя Подувала (на Музей) посылаем квитанцию на ящик с двумя картинами. Картины следующие – «Новая Земля» и «Нанга Парбат».

Н.К. Рерих. Нанга Парбат. 1941.

Цены ты приблизительно себе представляешь и, конечно, сделаешь так, как лучше. При повеске этих картин не вешай их на слишком сильном свету – так для них лучше. Пожалуйста, попроси того человека, который на прошлой выставке снял фотографии, чтобы он снял и с теперешних картин, а кстати, дал бы хотя бы по одному отпечатку и из ранее снятых. Ведь у нас фотографический запас совершенно иссяк. По письму Джима видно, что он хочет что-то сделать, и именно он писал Рамасвами. Передай им, а также и всем друзьям наши сердечные приветы. Скажи Тампи, что мы не извеждали его о дне твоего приезда, ибо не знали точного срока. Впрочем, ты, вероятно, его известил или из Бомбея, или из Лагора. Это время наша почта совсем оскудела. В гулявшем пакете обе квитанции пришли. Также был пакет из Радио с проектом контракта, но мы его сейчас не пересылаем, ибо, наверно, ты их сам видел в Лагоре. Родовались, что тебе удалось так быстро отправить картины. Две добавочные картины посылаем с Тедж Рамом до Амритсара, а оттуда дальше пассажирским поездом. Дикенсы писали Ману, что они очень жалели, что не были в Лагоре во время выставки, ибо им очень хотелось иметь картину. Понимаем, что дорогой мотор в спешке купить трудно, и, конечно, ты сделаешь так, как лучше. Знаем о твоём очень удачном путешествии, шлём тебе самые лучшие наши мысли. Интересно твоё свидание с американским консулом и прочими друзьями. Посылай нам иногда телеграммы, ибо письма так задерживаются. Но, конечно, нет гарантии и в телеграммах – страшен эпизод с телеграммой от Фосдик. Привет всем друзьям.

Обнимаем тебя от всего сердца. Юсик пришёл за письмом и требует, чтобы и от него был послан тебе душевный привет. Родной мой птенчик, береги себя во всех отношениях. Целуем тебя без конца.

П. и М., Юсик

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

31 Января 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

БЫВШЕЕ

Всё это было. Был "Арчер". Было издательство нашего Музея. Был "Кор Арденс", была "Корона Мунди", был "Бюллетень". Был "Вестник Музея". Был журнал "Урусвати". Был "Вестник Гоуризогкара", была "Культура". Было издательство "Лига Культуры". Был "Алтаир", был "Угунс", была "Мысль", была "Фламма".

Всё это было. Начинало развиваться и под давлением разных обстоятельств поникало. Пишут и жалеют, что не сохранилась "Фламма". Только что получены были такие жаления. Но как преобороть грозную действительность? Даже обычная телеграмма в Нью-Йорк потребовала три недели в один конец. Не удивляйтесь, вчера произошёл такой плачевный эпизод, повлекший большие расходы и ущербы. Будем разыскивать причины, но ведь никто убытков не покроет.

Если такое случается с телеграммами, если письмо вместо двух дней проваливается на восемнадцать, то о каком же издательстве мечтать? Больше двух третей друзей вообще недосыгаемы. Жаль видеть, как издания уже начинали становиться на ноги, а затем жестоко пресекались. Вот "Фламма" прожила два года, но с войною скончалась. Некоторые подписчики из Франции и других стран Европы сетовали на прекращение издания. Но, спрашивается, как они могли бы сейчас получать "Фламму"?

Вот друзья в Индии: "Сколяр", "Кумар", "Модерн Ревью", "Индиан Ревью", "Хиндустан Ревью", "Твенти Сенчури", "Прабудха Бхарата", "Едюкешенал Ревью", "Висва Бхарата" (Тагор), "Дивайн Лайф", "Кесари", "Веданта", "Лидер", "Читра", "Калапака", "Мира", "Вижн", "Пис", "Ридерс Дайджест", "Кальян", "Динамани", "Калаймагал", "Нью Оутлук", "Пен Фрейнд", "Юнг Билдер", "Олд Колледж", "Ист энд Вест", "Маха Бодхи", "Буддист", "Бозат", "Шри Читра Угам", "Бхаша Пошини", "Индия", "Упасана", "Вишвал Бхарат", "Вичитра", "Навчетан", "Абхюдайя", "Стри Дхарма", "Бхарати", "Ориент", "Дон", "Саки", "Мисиндия", "Кочин Аргус", "Культура", "Ревью оф Философи энд Релиджен" и еще на местных наречиях.

Все друзья! Свыше тысячи статей, очерков и воззваний прошло через них. В одном "Сколаре" за десять лет ежемесячно было больше сотни. Культура, искусство, доброе слово о достижениях народа русского широко прошло по Индии и поанглийски, и по-хинди, и по-урду, и по-гуджрати, и по-сингалезски, и по-тамильски.

Кто читал? Где читали? Под какими бамбуками и баньянами и в каких хижинах слушали? О скверном не говорилось. Посылались добрые мысли. Привет незримым друзьям!

31 Января 1941 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

31 января 1941 г.

Письмо С.Н. Рериха к Рерихам Н.К, Е.И., Юрию

Дорогие Пасик, Масик и Юсик и Все Домашние.

Собираюсь на Юг, собираю все сведения. Прямо не знаю, как я поеду ещё в Ам[ерику]. Говорят, что с собой ничего брать нельзя, никакие «артиклы». Так что всё это очень проблематично. Придётся повидать всяких компетентных людей на месте. Но что делать, если это действительно так. Ездил в гости к Сосед. У них там неплохо. Занимаюсь здесь художеств. организациями. Всё движется. Вчера имел заседание с <...> и Министром. Всё это полезно. Как у Вас. Берегите себя.

Сведения о стране Кап[итализма], конечно, печальны. Если ничего нельзя брать, то спрашивается, зачем? и как!

Всё становится очень сложно. И <...> и надежда на особые условия. Соседка передала мне свои артиклы, но теперь это ни к чему, пожалуй. Кажется время пропущено уже. Что найдём на Юге, не знаю, но, может быть, что-нибудь неплохое. Столько можно было сделать, но всё берёт время.

Бомбей меня обеспокоил, конечно. Теперь, когда новые возможности в руках, всё кажется нельзя.

Насчёт автомобиля ничего ещё не сделал. Лучше подождать возвращения.

Крепко обнимаю,

Ваш СР

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

ФЕВРАЛЬ

7 Февраля 1941г. Гималаи

Н.К. Рерих

ДОЛОЙ ОСУДИТЕЛЬСТВО!

Грабарь сетует, зачем мы собирали голландцев. Он находит, что именно этих старинных мастеров мы не должны были собирать. А если собирали, то для какого-то "веса" в обществе. Грабарь захотел позабыть, что наши главные устремления были к пятнадцатому и шестнадцатому векам, к той тонкой декоративности, которая украшает жизнь вне веков и условностей. Уже не говорю, можно ли вторгаться в чуждую жизнь с необоснованными личными замечаниями. Где же граница насилия?

Другой писатель находит, что и Азию изучали мы из гордыни и тщеславия. Где же доказательства? Так же можно уверять, что Бенуа пишет из самонадеянности или из зависти. Шут с ним!

Хочется вспомнить, сколько радости дали и путешествия и собирание искусства. Радовались с Еленой Ивановной и каменному веку и старинным мастерам. Искали, собирали, изучали, складывали. Хорошие были вечера, когда после дневной работы, далеко за полночь радовались мы находкам. От многих приглашений воздержались мы, чтобы иметь наши вечера.

В душе близок был нам А. А. Голенищев-Кутузов. Он также безотчётно увлекался собирательством, особенно любил примитивы и считал радость искусству высшею радостью. Творящий поэт знал, что есть радость. Он же понял и Мусоргского. Уходя от земли, он завещал распродать своё картинное собрание: "Пусть опять разбегутся и доставят радость новым искателям". Странствие искусства!

В каждом странствии - своя красота. Объезжая мир, многожды радовались мы. С восторгом вспоминает Елена Ивановна нашу экспедицию на конях по всему сердцу Азии. Все трудности и невзгоды стираются перед каждодневным щедрым познанием и любованием. Именно каждый день новые кругозоры, новые очертания, новые краски, новые люди. И щедрота Азии. Сама пустыня наполнена красотой. А в Гималаях, в их горной державе, заключён магнит прекрасный. Никакая книга не передаст этих очарований. Сам прикоснись! Так же и в собирательстве необходимо личное прикосновение. Творчество радуется энергетическими выявлениями. И в собирательстве - творчество. И в странствии, в несравнимых сменах впечатлений растёт творчество. Как судить и осуждать творчество? Не лучше ли совместно порадоваться?

7 Февраля 1941

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995.

19 Февраля 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

НАЙДИТЕ ПРИВИВКУ

Не слишком ли много об американских "действиях"? Но были письма, и хочется кратко сказать о сущности грабительства редчайшего. Хорш задумывает над Музеем тонко построенное мошенничество. Он вводит правительство в заблуждение и своею клеветой устраивает иск за какие-то налоги с сумм экспедиции, хотя всем ведомо, что экспедиционные суммы налогу не подлежат. Эти же экспедиционные суммы, да ещё с процентами, Хорш требует себе обратно. В своей тёмной душе Хорш отлично знает, что он лжёт и подделывает, но он настоящий американский гангстер. Он отлично знает, насколько низко грабить целую группу деятелей и выживать их из дела, ими же созданного, но кодекс гангстеризма торжествует. Находятся среди министров, которые по таинственным причинам надоедают судьям по телефону и требуют неправого решения.

Мало ли сказаний о судьях неправедных! Но особенно любопытно, что люди отлично знают, что Хорш жулик, понимают все его махинации и фабрикация и всё-таки молчат. Является вопрос, возможно ли молчать там, где нарушается Культура, где могут быть вводимы в заблуждения молодые поколения? Не о себе пишу, но для тех, кто шатается под язвами клеветы. Только что о таких слышали из Чикаго и удивлялись этим неверам. Легко верят и вправо и влево, как гнилая тростинка сгибаются. Что же получится? Одни криводушничают. Другие промолчат. Третьи изобретут компромисс! Точно бы зло и добро могут в компромиссе ужиться. Образуются какие-то компрочикосы, вроде тех, которые уродовали детей, чтобы выгоднее на ярмарке продать уродцев. Сколько фабрик уродства существует, и вовсе не в темноте и в утайке, а на глазах у всех! Владычица цивилизация их бережёт и оправдывает за

сходную цену. Мать Культура может проливать потоки слёз, а владычица цивилизация хохотом встретит все попытки блага.

Был такой старинный романс, каждая строфа которого кончалась трагическим криком: "А она всё хохотала". Вот этот хохот гремит по миру. Власти мира сего хохочут на всех снимках в цилиндрах и регалиях. Ведь хохот считается признаком успеха. И как далёк он от светлой улыбки радости! Человек волен погрязнуть в любой мерзости. На то он имеет свободную волю. Но не имеет он права заражать молодёжь. Даже против сифилиса и туберкулёза находят средства борьбы. Не пора ли найти сыворотку против злобной мерзости?

19 Февраля 1941 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

20 февраля 1941 г

Письмо Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н.

20 февраля 1941 г.

Родной наш Светуня, очень радовались твоим вестям от 11 февраля. Ты уже имеешь нашу телеграмму, поясняющую, что прерывать или торопиться с производимой тобою работою не нужно, именно, смысл первой телеграммы и был, чтобы ты спокойно работал. Также ты имеешь нашу телеграмму – «Мадрас экзибишен аксептабл». На месте тебе виднее, какие там условия, но область Мадраса, как центр больший, чем Лагор, может представить большой интерес. Людей культурных там немало. Совет – не миновать Мадрас. Может быть, надумаем что-то подарить в Музей Блаватской в Адияре, но об этом решим позже, когда ты нам телеграфируешь о начале и конце выставки. Ведь письмо всё равно вовремя не успеет прийти, и потому лучше сообщаться телеграммами. Вообще очень интересно, сколько времени идут наши письма к тебе. Как поступить с машиной, тебе виднее, она будет очень нужна. Конечно, ты предварительно её испытаешь. Советуем открыть тебе хотя бы на минимальную сумму счёт в твоём Бомбейском банке. Может быть, Траванкор пожелал бы поручить тебе маленькую выставку своих художественных произведений для Америки, при таком обстоятельстве и многие условия переводов облегчатся. Верим, что всё будет так, как нужно. Радуемся, что ты встречаешь доброе отношение, и искусство твоё так ценится. Какие именно картины намечены? И на чём осталось дело с Афзалом? Удалось ли тебе вместо «Книги Жизни» оставить там «Сантану»? Мы уже писали, что получены драйвер лаясенси и токен на эту четверть, куда тебе её выслать? Но если у тебя что-то выйдет с машиной, то, вероятно, эти вещи тебе понадобятся. Очень прошу купить для меня коробочку простую, глухую, из слоновой кости, не шире и не выше от полутора до двух инчей, и чтобы крышечка плотно и крепко держалась. Тампи прислал местную газету с твоим портретом, на котором ты изуродован. Вкладываем записочку от Зины, общее письмо, относящееся к твоей Чикагской выставке, уже тебе было послано. Не тревожься. Всё будет хорошо. Передай Кузенсам наш сердечный привет, а также Тампи и всем друзьям. Храни здоровье, будь осторожен. Горюем, что тебе тяжело от жары. У нас сейчас дожди сильные, дорогу размыло, но необычно тепло. Обнимаем тебя крепко, береги себя, мой Птенчик.

П., М. и Юсик

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

24 Февраля 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

В ТРУДАХ

Выставка в Траванкоре. Для Государственного Музея "Шри Читралайан" приобретены мой диптих "Чаша Героя", "Вестник" и "Армагеддон". У Святослава: "Домой" (хорош лунный свет), "Гонец" (много движения и во всаднике и в туманах) и мой портрет. Уже три портрета в здешних музеях. В Аллахабаде - с книгой, в Бенаресе - рисунок, а теперь в Траванкоре - с камнем. Дома он назывался "Адамант". У каждого портрета было своё имя. В моём зале в Читралайан было десять картин, теперь ещё три.

Елена Ивановна вдруг пожалела "Армагеддон". Считает очень удачным. Хотела бы видеть его дома. А тут - ушёл навсегда, и даже фотографию не могли снять. Со многих не пришлось снять фото, а если и удалось, то уж очень плохие. Не передают соотношения тонов, так разве только очертания, да и те нередко искажаются. *Пожалуй, и я пожалел "Армагеддон" 1940 года. Первая версия 1936 года попала в Монографию, а между тем, вторая версия лучше.*

Армагеддон. 1936.

Армагеддон. 1940.

Остался эскиз пейзажа, но без толпы на переднем плане. Между тем протянувшаяся гидра толпы по линии была удачна, и огнистое небо удалось. Ну что же делать, пусть поживёт "Армагеддон" у мыса Коморина. Таких далёких вестников уже не собрать ни на какую выставку.

Траванкор преуспевает. Махарани заботится об искусстве. Имеет чутьё. Несмотря на войну, собирается строить новую большую галерею для картин. Святослав делает проект. Если бы не война, то много культурных начинаний повыросло бы. Есть приглашение в Мадрас, в Гайдерабад (Деккан) и даже в Манди. Но война всё удушает. Бодрятся. Делают вид, что наука и искусство не страдают, а сами отлично понимают, как глубоко заполз червь удушающий. В Амритсаре Общество хочет издать мою брошюру "Радость искусства", но нет уверенности, что она состоится. Вот и из Коимбры и из Женевы нет вестей. Дошла парижская газета от середины прошлого Мая - истинно рекорд. "Нью-Йорк Тайме" не приходит. "Студио" не приходит. Может быть, тоже через десять месяцев дойдут? И какими мертвецами покажутся эти пожелтевшие осенние листья! Сколько чего произойдёт! Живём в трудах.

24 Февраля 1941г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

24 февраля 1941 г

Письмо Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н.

24 февраля 1941 г.

Родной наш Светуся, радовались твоим вестям, телеграммам. Последняя телеграмма была от 21-го. Посылаем тебе с обратной распиской лайсенс и мотор-токен, а также гарвальское письмо. Конечно, весьма возможно, что они уже получили картину, ибо письма долго странствуют. Надеемся, что ты уже получил наше письмо с чеком, посланное 10 февраля. Странно, что письмо с чеком не дошло ещё и 21 февраля. В телеграмме мы просим тебя устроить фотографии с картин. Жалеем об «Армагеддоне», у нас была другая версия, которая, кстати, была и во всех здешних журналах. Если бы почему-либо вместо «Армагеддона» захотели бы взять «Книгу Жизни», или «Чараку», или «Новую Землю», или что-либо другое, мы ничего не имели бы против. Фотографии, прошлый раз снятые служащим департамента новостей, всё-таки были не так плохи и давали некоторое представление. В телеграмме упоминаем и о выставке в Мадрасе, где выставка может быть удачна очень, и могут быть полезнейшие знакомства.

Тампи прислал письмо, в котором пишет по твоему адресу всякие суперлативы – видимо, он действительно очень рад твоему приезду. Хотя его письмо от 11 февраля, но, по-видимому, картина «Новая Земля» уже дошла, ибо он пишет, что она ему больше всего нравится. Получили из Америки поздравительную телеграмму, которая хотя и была Лс, но шла девять дней. Опять пришли парижские газеты, уже за срок ещё более давний, именно от начала прошлого мая, это рекорд. Итак, тебе пришлось вспомнить и архитектуру. Но очень просим не слишком утомляться. Ведь жара, по-видимому, у вас большая. Не забывай также «Алесбюри дропс», они и в больших и малых аптеках имеются. По-видимому, картины, перечисленные тобою, предназначаются для Музея, иначе, почему среди них мой портрет? Для «Аркадии» ничего не нужно, но вот нам очень нужен большой лёгкий сундук для шуб. Так как письма наши иногда вообще не доходят или же берут какие-то долгие сроки, то сообщи нам телеграммой заранее о твоём передвижении и куда писать.

Итак, родной наш, совет тебе беречься, не забывать «Алесбюри дропс», именно, быть очень осторожным, не пересаливать ни в чём, не утомляться по такой жаре и не упустить выставку в Адиаре. Беспokoюсь очень о жаре, как ты её переносишь на этот раз, а ещё более жаркие месяцы впереди.

Кончаем письмо, чтобы не слишком утомлять цензора. Привет всем друзьям. Не думает ли кто из них приехать в Кулу? Целуем тебя крепко.

М., П. и Юсик

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

27 февраля 1941 г.

Н.К. Рерих

«ВЕСНА»

Пришло письмо от Конлана из Парижа. Обрадовались. Думали - будут новости. На конверте штемпель нечёток, но на письме дата - второе Июня прошлого года. Выходит, что письмо Конлана от шестого Июня мы получили в

Июле, а письмо его от второго Июня дошло в конце Февраля следующего года. Рекорд! С такой корреспонденцией не продвинешься!

Главная часть письма посвящена «Весне». Конлан негодует на Нижинскую, которая в своей книге наврала. Выходит по ней, что идея «Весны» принадлежит Нижинскому. По другому письму Конлана, Стравинский во сне получил идею «Весны». Для меня и места не остаётся. Между тем я получал гонорар не только как декоратор, но и как либреттист. Многожды писалось о моей мысли славянского балета, и Дягилев это знал. Впрочем, он и не скрывал, как зародилась вещь. Можно только удивляться желанием присвоить то, что заведомо принадлежит другому. В далёких Гималаях мы и не ведали бы о таких поползновениях людских, но Конлан, живя в Париже, оказался в курсе всяких выдумок и наветов. Не довольно ли о «Весне»? Особенно же теперь, когда наступает совсем иная весна.

Невыразима трагедия писем, доходящих через три четверти года. Так и не знаем, что случилось с самим Конланом. Он пишет, что Ш. попал в плен во Фландрии. Тоже не знаем о последующем. Конлан пока работал над биографией. Но и это звучит архаично. Конлан немного сурово отзываясь о Стравинском. Впрочем - ему виднее, и мы не можем знать парижских настроений. Замечание о Ларионове характерно. Жаль, когда художник оказывается грубияном. Еще существует наш Центр, но ведь и это уже сказка об осенних листьях.

Имеется выписка из «Студио». В ней говорится почти в моих словах об украшении общественных зданий, почт, железнодорожных станций... Конлан знал, что мне будет радостно читать такие призывы и во время Армагеддона. Пусть когда-то наступит весна. Пусть запомнят, что культура зачинается не в далёких отвлеченностях, но в быту, в украшении и улучшении каждой жизни. Пусть подумают об истинных ценностях. И в трудностях подумайте, чем жив человек. Трудная весна.

27 Февраля 1941 г.

Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974.

28 февраля 1941 г

Письмо Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н.

28 февраля 1941 г.

Родной наш Светуня, сейчас получили твою весть от 19-20, горюем, что наши письма не доходят или идут так безобразно, точно с злонамерением. Письма посылаем все не заказными, но это, как видишь, не ускоряет. Юрий сегодня едет с Азимом в Манди на фейр и дурбар, куда и ты получил приглашение. Пользуемся случаем, чтобы послать это письмо. Вчера послали тебе телеграмму и письмо о заказе большой картины 8 футов на 10 футов 6 инчей от большой бомбейской фирмы Инженеров и Контракторов, адрес их: Бомбей, Месензиес Лимитед, Пост Бокс 925. Телеграфный адрес: С... В... Возможности большие, картина предполагается в столовую, очень большую, 25 на 45 футов и вышины 15 футов. За лето ты мог бы её написать. Мы уже думаем о лете, какое оно здесь будет? Думаем, что проведём его, как всегда, дружно вместе здесь. Уверены, что ты сделаешь всё, как нужно. Конечно, и в Мадрасе будут полезные знакомства и могут быть продажи. Хотелось бы вообще продать побольше. Ты прав, что обстоятельства меняются, и многое невозможное сейчас становится возможным назавтра. О Чикаго мы имеем лишь письмо Зины об

открытии выставки, но о последующем ещё никаких вестей не дошло. Письма до нас стали доходить ещё хуже. Береги здоровье, будь очень осторожен. Друзья пишут, что с Бирб нужна большая осторожность и тактичность. Свои трудности везде. Зина писала, что было много запросов на картины, но, по обыкновению, вероятно, торгуются. Там наблюдается большое падение на цены. Неужели ты ещё не получил гарвальского чека, послан был 10 февраля. Вряд ли кто мог его стащить, ведь послано письмо заказным и чек на твоё имя. Интересно, что в Бомбее тебя называют Светозаром, звучит по-славянски. Целуем тебя крепко и торопимся отослать письмо с Юрием. Береги себя.

М., П. и Юсик

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

28 февраля 1941 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха в Америку.

28.II.41

Родные наши. Дошло письмо Зины от 12-го января об открытии выставки. Душевно радовались, видя, что выставка открылась так успешно, и настроение у Зиночки было бодрое. Поистине, каждый Ваш объезд новых мест даёт всему полезный поворот и поднимает и Ваше самочувствие.

Ужасно, когда приходится упираться в одну точку, а многие самые лучшие возможности как бы не существуют. Но все эти возможности имеются, и друзья, как старые, так и новые, находятся вокруг. Поэтому по-прежнему будем помнить и о молодых, и о новых. Только таким путём можно утверждать правду о вандализме и о грабителях.

Очень хорошо, что Зина пишет сжатый меморандум обо всём этом деле. Материалов у Вас – хоть отбавляй. И в наших семи меморандумах отсюда, а также и в письмах имеются многочисленные соображения и факты. Ведь в бумагах, возвращённых Плаутом, имеется бесконечное количество данных. Кстати, вернул ли наконец Плаут все бывшие у него документы, ибо он не имеет никакого права их задерживать?

Возвращаясь к выставке – интересно, от кого были запросы о картинах и в каких ценах были предложения? Хорошему покупателю можно всегда пойти навстречу. Почта продолжает давать перебои чрезвычайные. Так, Ваша поздравительная телеграмма, хотя и была *[срочной]*, но шла до нас девять дней. Также получили мы письмо Конлана, но оно оказалось от 2-го июня. От которого числа получила Зиночка письмо от Г.Г.Шкл[явера]? Наверное, ему трудно, но кому сейчас легко? Конечно, отсюда никаких сношений с Парижем не может быть.

Вы пишете, что получили две монографии от Гаральда, наверное, Вы получили также и две монографии от М., посланные нами. Интересно, сколько времени шли монографии от Гаральда и отсюда? Если у Вас имеются ещё запросы на монографии, то очень хорошо, что от Гаральда могут доходить к Вам. Не могу сказать ничего хорошего о здоровье Е.И. – перебои сердечные и боли. Всё это мучительно. Большая потеря в весе. При прошлом нашем письме от 17-го февраля были приложены приветы к 24-му марта, но дойдут ли они вовремя?

Хорошо, что Вы сохраняете добрые отношения с чикагской газетой, которая заменила “Рассвет”, если только эта новая газета хорошего направле-

ния. Прежний “Рассвет” в этом отношении был неплох, и даже орфография его была хороша.

В своём письме от 2-го июня Конлан приводит выписку из “Studio”, которая представляет из себя почти повторение смысла моих мотто для Мастер-Института и Корона Мунди. Значит, мы ещё раз убеждаемся, что сказанное двадцать лет тому назад остаётся в полной силе и люди под гнётом тяжких обстоятельств вспоминают именно эти заветы. Жалеем, что нельзя послать Вам печатных оттисков, ибо таких опять накопилось порядочно.

Удалось ли Вам поговорить с Третьяковым, не имеется ли у него проспектов на картины, находящихся в Академии? Если у него такая большая и хорошо обставленная галерея, то, значит, имеются и соответственные знакомства. При случае напишите Ватсону привет от меня и скажите, как я ценю его оценки. Не знаем, чем окончился вопрос о копирайте. Первый раз мы слышим, что могут быть такие затруднения. Но, по-видимому, как Вы пишете, продажа идёт хорошо. На чём решили? Сколько имён, и какие были избраны? Столько было переводчиков? Постепенно будете готовить первую часть “М[ира] Ог[ненного]”. Третья книга сейчас не по времени.

Как наши больные, давно не имеем от них сведений? Хотелось бы иметь все подробности об их самочувствии. Корреспонденция наша нас очень удручает, приходится делать припуск на два месяца на каждое письмо, ибо оно проходит чуть ли не три цензуры, а друзья не могут это принять в соображение. Впрочем, письма вообще почти прекратились. Наша переписка со Святославом, который находится на юге, должна происходить телеграммами, ибо письма берут более трёх недель, тогда как нормально они должны доходить на шестой, много седьмой день. Святослав очень жалуется на жару, которая ни днём, ни ночью не даёт отдыха. Всюду свои трудности. Как трогательно, что Джин с женою приехали на открытие, а Дедлей полон энергии даже при той трудной работе, которую ему приходится каждодневно нести! Дух закаляется именно в таком несломимом устремлении. Но лучшая полоса в наших делах всё же приближается.

Крепко Вас обнимаем и шлём лучшие мысли. Берегите здоровье. Сердечный привет всем друзьям.

Сердцем и духом с Вами, *Н.Рерих.*

Родная моя Зиночка, всё будет хорошо. Крепко целую Верного Стража. Самый сердечный привет Дедлею. Сердцем,

Е. Рерих.

Н.К. Рерих. Письма в Америку (1923 - 1947). М. "Сфера". 1998.

МАРТ

2 Марта 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

СИНТЕЗ

Иногда кажется, что многое без следа забывается, исчезает. С годами ли? Или нечто более важное прикрывает давно бывшее? Ни то, ни другое. Постоянно убеждаемся, что всё сохранно. Сложено глубоко и выявляется по мере надобности. Происходит синтез. Но трудно судить, когда именно и почему

что-либо понадобится. Назовём ли рефлексологией или чувствознанием или интуицией - безразлично!

Особенно же примечательно, что давнее встаёт всегда неожиданно в обновлённой форме, выявляя грань по обстоятельствам. При этом правда не будет нарушена, будет лишь подчеркнута какая-то её подробность. И нельзя насиловать синтез, так же, как невозможно требовать появления определённого сна. Тонко и сложен психический процесс, и формулы рассудка не действительны.

Трудно судить не от самости, не от своей преходящей минуты. Но увлекательно хотя бы иногда восчувствовать наслоения синтеза. Нечто когда-то значительное оказывается отставленным за ненадобностью. Нечто мелькнувшее, как дальняя зарница, вдруг вырастает до размеров, решающих целый этап жизни. Когда-то оно показалось ненужным, не стоящим внимания, но синтез сопоставил незримые нам причины и отчеканил следствие.

Марево (хорошее русское слово) вспыхивало, а за ним в дальней дали действовало мощнейшее обстоятельство. Марево, зарево, зарница вестники далёких событий. Северное сияние или Гималайское свечение напоминают о накоплениях, невнятных уху и глазу. Только сердце почует их, отстучит тревожно или торжественно.

Особая красота в том, что синтез связан с сердцем. Ещё не очень-то подробно изучена сердечная деятельность. Не мозг, но именно сердце отзвучит на все космические явления. И это радио в сущности своей и мощнее и утончённее, нежели грубая механика восприемников радиоволн.

Пространство может быть переполнено до отказа, и сердце может затрепетать смертельно. Тогда придёт на помощь синтез. Что-то отодвинет. Что-то выявит. Словно заботливый врач, восстаёт целесообразность. И утишается противоречие. Сделается так, как нужно.

2 Марта 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

3 Марта 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ДРУЗЬЯ!

Пришло письмо от И. - она, видимо, знает Алтаева. Ждёт моего указания по поводу одного мятущегося мальчика. Алтаев знает, что я пишу Вам. Пусть он передаст, что стихи и устремления мальчика трогательны. Пусть он прочтёт всю серию А. И. - книги, наверное, имеются у Алтаева. Помочь мальчику следует, и, прежде всего, нужно укрепить его добрые устремления. Заработок у него имеется, значит, всё дело в упрочении его мысленного творчества. Хорошо делает И., подбодряя первые шаги творчества. Жаль, что мальчику не пришлось кончить школу. Дисциплина всегда необходима, а способности помогли бы ему скорее довершить первую ступень образования. Задатки возможного совершенствования налицо. Видимо, уже имеется навык к труду, а эта каждодневная пранаяма - лучшее лекарство от всех слабостей.

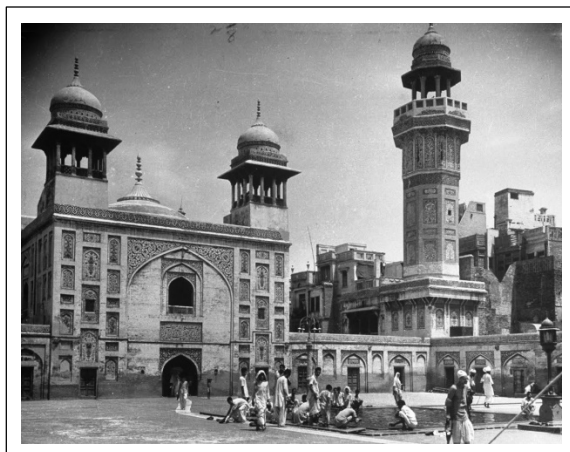
Пишут, что характер у него строптивый. Пусть помнит старую поговорку: "На сердитых воду возят". Если не удалось докончить школу - пусть сам довершает образование. Пусть не считает себя несчастным. Всякое уныние пресекает лучшие возможности.

Помню, как Куинджи осуждал каждое уныние: "Коли повесите нос книзу, то и небо не увидите". Трудная жизнь есть благо. Она закаляет доспех. Пусть мальчик читает. Пусть прочтёт "Твердыню пламенную" - она у кого-нибудь имеется. В ней он найдёт мои советы и благопожелания. Пусть и Алтаев скажет мальчику слово о бодрости труда, о несломимости.

Энергия неисчерпаема, лишь бы помнить о целесообразности. Вероятно, и самому Алтаеву трудно, и каждый подвиг нелёгок. И в этой трудности благо. И всем Вам нелегко. Знаем это. В дни Армагеддона всем трудно. И нечего скрывать от себя, что испытание мира безмерно. Дело не только в войне, но в убийстве мысленном. Кто-то думал, что в этом году всё кончится. Что кончится? Как кончится? Почему кончится? Ведь огромен посев всяких причин. Безмерны и следствия порожденные. Думаем о Вас. Посылаем мысли, а почта становится всё хуже. Крепитесь и любите друг друга. Сейчас каждое зернышко единения уже благо непобедимое.

3 Марта 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

Лахор, Пенджаб, Индия. (Фото 1944 г.)

3 марта 1941 г. Лагор

Письмо Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н.

3 марта 1941 г.

Родной наш Светуня, были очень рады получить твоё письмо от 23 февраля. Итак, у тебя много дела, Бог даст, и число артиклов возрастёт, – что очень полезно. Не удивись, что письмо из Лагора, ибо завтра, 4-го, мы с Юрием едем в Лагор на пару дней, чтобы там сделать доверенности для Америки, заодно сделаем доверенности и тебе. Юрий только что вернулся из Манди, куда он ездил с Азимом по приглашению Раджи на фейр. И Раджа и Нун – все очень дружелюбны. Летом Раджа опять собирается в наши края. Особенно не хлопчи о коврах, твои ковры покрыли лестницу, надеемся, лето продержатся. Во всяком случае, ничего дорого не нужно. Хорошо было бы, если бы ты купил два лёгких тюрбана – шарфы золотистого цвета или же лиловато-синий и тёмный красный, хочу иметь их для себя. Материал должен быть очень лёгким и тонким. Если и машину присмотришь, то, пожалуйста, такую, чтобы можно было легко влезать, хуже нет тесных и приземистых машин. Не гонись за модою, нам нужен воздух. Здесь сейчас все покупают шестиместные вагоны, говорят, они гораздо удобнее. Здесь уже появились такие, и сейчас в Лагор Па-

сик едет в такой машине. За эти дни из Америки ничего не пришло. Жаль, что Катрин и Инге оперировались во время открытия выставки и все заботы были на Зине и на Третьякове. Не забудь, чтобы в Тривандруме, так же как в прошлом году, сняли и дали бы нам хотя бы по два отпечатка фотографий. Надеюсь, что гарвальский чек придёт скоро и отъезд Мана на две недели в Лагор ничему не помешает. Все письма посылаем прямым путём, вернее, не заказными. Ты пишешь о хороших часах, но выясни, заслуживает ли их этот человек? Считаем, что конец сентября для нас будет очень значительным. Надеемся, что ты уже получил письмо из Бомбея о большом панно. На месте тебе виднее, как распределить время твоей работы. Крепко обнимаем тебя и целуем.

П., М., Юсик

Привет из Лагора. Здесь всё ладно. Желаем тебе всякие артикелсы. Дорогу за Манди совсем разломали, мы с трудом проехали. Мотор миссионера из Палампуре был совсем раздавлен. Раджа Манди очень дружелюбен. Жаль, что почта так безобразна. Действуй во благо. 8-го мы уже возвращаемся. Шлём тебе, родному нашему, лучшие мысли.

Привет друзьям.

Дорогой Света!

Вот и мы в Лахоре. Жарко и душно. В этом году очень ранняя весна, но, вероятно, апрель будет холоднее. Видели Манчанду по делу о доверенностях. Гостил с Хусейном в Манди во время Shivratri Fair¹ – было интересно и красочно. Жалели, что тебя не было. Крепко обнимаю.

Ю.Р.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

11 марта 1941 г. Кулу

Письмо Н.К., Е.И., и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н.

11 марта 1941 г.

Родной наш Светуся, ты уже имеешь нашу телеграмму о получении ньюс, они пришли в пяти конвертах. Кроме того, из твоего банка пришло уведомление и о взносах. Храним это уведомление. Пасик и Юсик уже вернулись, всё было ладно. Сделали доверенность и на тебя, от Пасика и Юсика. Оставили карточки губернатору, Юнгу, епископу и Сикандеру Х., Афзалу и сэру Абдул Кадиру. Видели Афзала, Кадиров (сэр и леди приехали к нам), Гупту и Дикенсона и Артура. Всё было дружелюбно. Фабри ещё не назначен, и против него были газетные выступления, но на это место имеется только два кандидата, и потому окончательное решение ещё не ясно. Но ты прав, симпатиями он не пользуется. Гупта вообще очень пессимистичен, но и это для тебя не новость. Дядюшка говорил о желательности получения зала, после чего возникнет суждение и о картинах. Ладно ли, что картины столько времени будут находиться в затворе? Видели Раджу Манди – дружелюбен и говорил о возможности выставки в Дели, в Олл Индия Файн Арт Сосайэти.

¹ Shivratri Fair переводится с санскрита как «Великая ночь Шивы». Махашиваратри – древний духовный праздник, посвящённый Шиве, богу индуистской божественной троицы Брахма-Вишну-Шива. – Ред.

Дорога около Джогидранаггара сделалась совершенно невозможной. Работают тяжёлые танки, которые срезают честь откоса, и ты можешь себе представить, во что превращается путь. Возможны и сюрпризы в виде оползней. Так, например, несколько минут до нашего проезда был оползнем раздавлен в лепёшку мотор миссионера из Палампура. По счастью, сам миссионер только что вышел из мотора. Итак, мы убедились воочию, что новенький модный мотор был буквально превращён в плоскую лепешку.

По Лагору мы ездили в том же моторе, как и ты. Бьюик был помещителем. Когда будешь решать о моторе, то обрати внимание, чтобы он был помещительным, имел приспособления для прикрепления вещей и не был бы таким сдавленно душным, как теперь некоторые модные кары. Ведь, прежде всего, нам нужны практичность и удобство. Азим знает о «Аленсбюри дропс» и знает их реакцию. В «Модерн Ревью» вышла статья миссис Сараджудин. Может быть, в твои места этот мартовский номер журнала дошёл быстрее, чем к нам. Была ли у тебя уже переписка о бомбейской картине? Их письмо мы тебе переслали. Каждый артикл теперь так ценен. Сейчас пришла телеграмма от Катрин, прилагаем её точную копию.

Думаем, что слово «ержент» не является ли искажением слова Дюрант, ибо Зина писала, что Третьяков имел сношения с Дюрант Рюэлем. Они спрашивают «ревьюс», но, очевидно, они не знают, что в настоящее время всё печатное отсюда не может быть посылаемо без какого-то особого разрешения и что такая посылка берёт крайне долгое время, и нельзя думать, что в шесть недель нечто подобное может дойти. Вот и теперь последнее письмо Зины было от 12 января, а обещанные ею рецензии, отосланные в тот же день, всё ещё не дошли. Может быть, из твоего места легче переслать что-либо печатное. Очень жаль, что все наши корреспонденты совершенно не представляют себе, насколько медленно идёт почта сюда и отсюда, и сколько цензур она проходит. Хотя мы и пишем о затрудненности почтовых сношений, но, видимо, друзьям, живущим в нормальных условиях, трудно представить себе мировой хаос. Если наш прогноз о галерее Дюран Рюэля правилен, то это хорошо, ибо она была не меньше других лучших галерей, а по нынешним временам, вероятно, американцам уезжать некуда. Относительно выставок, заказов и всяких работ делай так, как тебе по местным условиям удобнее.

Горы опять покрылись снегами, и два дня лил дождь со снегом, и сейчас прохладнее, а то становилось даже жарко, а в Лагере было до 90 градусов. Предполагают, что в апреле будет снова похолодание по всей Индии, дай-то Бог! В конце сентября планируем поехать в горы. Мотор очень пригодится. Тампи пишет, что он, к сожалению, ещё не получил от тебя трёх книг – его монографий. Дикенсон нам понравился, и не исключено, летом он побывает в наших краях. Съезд предполагается большой этим летом.

Заказал ли ты коробочку слоновой кости приблизительно от двух до трёх инчей ширины и высоты, причём крышка должна быть плотно пригнана, лучше, если будет привинчиваться? Высота может быть не больше двух инчей и даже немного меньше. Для работ в течение лета понадобится цинк, белила и несколько кистей, о чем мы уже писали. Очень нужны нам кальки на окна в мастерскую, они развалились. Выписали бы сами, но не знаем адреса бомбейского магазина. На всякий случай сообщи нам его телеграфно. Может быть, нам удастся выписать их до твоего проезда через Бомбей. Высота нужная футов семь с половиной, таких окон три, ширина их по шести футов. Может быть,

кальку придется сшивать, ибо имеется лишь в три фута ширины, тогда придется купить 45 футов. Крепко целуем тебя, береги здоровье.

П., М. и Юсик

Всё будет хорошо, не тревожься.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

13 Марта 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

АМЕРИКА

Сейчас пришли письма Зины от 23-29 Января. Они представляют целую горестную страницу нынешнего положения человеческой морали. Наверное, Вы сохраняете копии этих писем, и они являются целым томом повести о вопиющей несправедливости и злонамеренности. Будем хранить и Ваши слова и слова Джаксона, наконец, признавшего, что какая-то тёмная рука действует пресекающе во всех фазах этого дела; мы-то все давно это знаем, но очень важно, что и сторонний наблюдатель отмечает это позорное обстоятельство. Даже Гул. при поверхностном ознакомлении с делом в письме своём к Вам определённо указал пункты явного несправедливого решения. Наверное, и Джаксон, кроме этих пунктов, найдёт ещё многие, которые сделают его апилл ярким и неотразимым.

Конечно, для бандитской тёмной руки не существуют никакие законные доводы. Тьма хочет пресечь и разрушить Культурное дело и, как видим, не останавливается ни перед какими действиями. Очень жаль, что в истории Культуры останется такая вопиющая страница вандализма и несправедливости. Никакие тёмные руки не смогут её стереть, ибо живы свидетели этого безнравственного вандализма и гангстеризма. Гангстеры могут думать, что им удастся долго укрываться и прятаться за ширму разных аппаратов.

Хорошо делаете, что пишете меморандум всего дела, чтобы все потрясающие детали были запечатлены. Конечно, вы помяните добрым словом и того справедливого судью, который счёл своим долгом поднять голос за правду и не испугался закулисных телефонов. Также помяните и другого судью, который был возмущён вторжением в дело таинственных покровителей. В меморандуме должны быть выявлены как мрачные гангстеры, так и те немногие честные деятели, которые вставали за правду. Вы хорошо делаете, что составляете этот меморандум по частям, спеша внести в него всё, что еще свежо в памяти. Храните весь архив, всё посланное нами, копий у нас не осталось. Никогда не знаете, какая подробность окажется существенной. Часто кажущаяся незначительная подробность может явиться ключом к наиболее важному.

Преданность Ваша в защите Культурных дел навсегда останется памятником несломимого мужества в борьбе против мрачных сил тьмы. Гангстеры окопались на золотом основании, и тем труднее честной бедности бороться за правду. Правильно поступаете, имея глаз за всякую деятельность мошенников, многое может неожиданно обнаружиться. Также следите и за прессою и записывайте и отрицательных и положительных авторов. Можно будет найти нити связи с гангстерами.

13 Марта 1941 г.

Н.К. Рерих Листы «дневника», т.2. М., 1995.

19 Марта 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

АМЕРИКА

Письмо Ваше от 5-7 Февраля и телеграмма о деле Джаксона лишь ещё раз доказывают, насколько деятельны тёмные руки. Прямо можно удивляться этой ярости тёмных действий. А то, что Вы пишете о "курсе мистицизма", ещё более добавляет мрачную уродливость всего происходящего. Ещё раз можно убеждаться, насколько необходим дозор за мрачными деятелями. Пожалуйста, продолжайте и углубляйте его во всех доступных направлениях. Вы сами убедитесь, насколько необходима будет такая зоркость. Нормально рассуждая, положение ста вещей, составляющих собственность картин, совершенно ясно и неопровержимо. Так же точно шеры картинной корпорации твёрдо устанавливают преимущества за друзьями. Всё это неопровержимо, но для этого нужны какие-то своевременные действия. После друзей ещё могут претендовать бондхолдеры, но об этом нечего сейчас и говорить, ибо позиция друзей очень ясна и верна. Сумеет ли Рок что-либо своевременно сделать? Так же точно и Смит не упустит ли своих лучших возможностей? Например, мы никогда не слышали, как Смит уладил какие-то формальные промахи, допущенные Плаутом в связи с депозицией здесь по делу манускриптов. Если тогда что-то было не соблюдено с чисто формальной стороны, то ведь оно могло быть исправлено, и депозиция могла всё-таки состояться.

Чудовищное мошенничество, которому суждено рано или поздно быть раскрытым, должно быть утверждаемо при всех случаях, оно должно держаться на глазах общественного мнения. Каждая гласность, каждая правда укрепляет нашу общую позицию. Жаль, очень жаль, что в своё время друзья не нашли своевременным передачу моего письма Президенту. Теперь такое письмо уже не по времени, но тогда оно внесло бы новое определённое обстоятельство в историю дела. Грустно, что после стольких лет некоторые милые друзья не понимают, как точно нужно исполнять указания. Полумеры во всём ужасны.

Хорошо, что Вы продолжаете Ваш Меморандум, ничего, если он выходит объёмистым, сократить всегда можно, но важно не упустить характерные подробности. Ведь подобного дела в истории Культуры, в истории Искусства ещё не бывало, и это обстоятельство нужно поставить во главу Меморандума.

19 Марта 1941 г.

Н.К. Рерих Листы «дневника», т.2. М., 1995.

21 марта 1941 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К., Е.И., и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н.

21 марта 1941 г.

Родной мой Птенчик, послали вчера телеграмму тебе, ибо давно не имеем сведений от тебя. Тревожимся твоим самочувствием, ведь сейчас везде необычно жарко. У нас с каждым днём становится всё теплее. Уже отцвели абрикосы и сливы, цветут вишни и груши, и даже яблони уже в налитых бутонах. Твои цветы все рассажены, но видом пока очень чахлы, хуже всего флокс. Вистерия очень быстро наливается, и недели через полторы-две будет уже рас-

пускаться. Хотелось бы, чтобы ты ещё застал её в цвету. Когда думаешь ехать в Хайдарабад? Знаю, что там будет успех, знаю, что туда нужно ехать в апреле, но надеюсь, что ты не задержишься слишком долго и в половине апреля ты уже будешь с нами. Очень ждём тебя, и в этом году как-то ещё больше соскучились без тебя. Думаю, что и в Бомбее ты справишься быстро.

Получил ли ты моё письмо со вложением предложения от бомбейской фирмы написать для них большое панно? Также дошёл ли до тебя лиценс и токен для Ганиза? Послали тебе и гарвальское письмо о недоразумении с картиной. Ответил ли им соответственно? Из твоего банка приходит уже третий запрос о получении тобою чековой книжки, видимо, посланной уже давно. Письма из банка приходят в Наггар, и мы не знаем, что с ними делать. Думаю, лучше их хранить до твоего приезда.

Имею от Катрин два письма на мое имя, там же два письма и для тебя. Не думаю, что их стоит пересылать тебе, в них нет ничего спешного, а при медлительности настоящей почты они дойдут в твоё отсутствие. Катрин пишет, что операция была сделана, как говорят врачи, в самый последний момент. В общем, она чувствует себя много лучше, но сейчас простудилась и потому вернулась некоторая слабость. Пишет и об успехе чикагской выставки, но понаслышке, конечно. На выставке был продан один этюд улыбающегося человека в жёлтом на фоне зелёной воды за 150 долларов.

С.Н. Рерих. Мужчина из долины Кулу. 1937.

Запросов было много, но отпугивала величина картин, современные квартиры не вмещают таких гигантов. Но также несомненно, что именно большие полотна привлекают внимание и производят впечатление. Посылаю тебе стихотворение, посвящённое твоей картине. Катрин полагает, что ты имел бы большой успех и в Южной Америке. Франсис хотела бы способствовать этой выставке, но, как пишет Катрин, у неё много добрых намерений и слов, но когда доходит до действия, то она ни с места. Ожидают теперь выставку у Дюран Рюэля в конце апреля. Получили ещё одну книгу, монографию из американского Музея Модерн Арт. Эта книга ещё ужаснее прежних, просто идиотство! Но именно такие образцы помещаются ныне в музеи, точно бы задались целью как можно ярче представить безумие нашего века. Автор этих произведений, некто Клэ, уже немолодой человек, кажется, даже старик.

Маны ещё в Лагоре и неизвестно, когда вернутся, ибо оба простудились и ещё не начинали зубного лечения. Надеемся, что ты остался доволен своим пребыванием, также, что на этот раз будет уплачен проезд и провоз картин, ведь это стоит больших денег, а сейчас каждая копейка на счету, времена трудные впереди. Если с мотором хлопотно, то можно обойтись и без него. Азим приезжает тридцатого марта. Посылала его сестре рецепт от гойтры, но не знаю, получила ли она это письмо.

Родной мой Светуня, береги себя во всех отношениях и не слишком задерживайся, впрочем, тебе виднее, но хотелось бы всё закончить к середине апреля. Хотя и предсказывают похолодание в апреле, но всё же, думаю, ты устал от жары. Наш доктор занят продажей своих вещей, думает двигаться, но всё ещё не получил визы. Никак не может продать своих ковров, здесь дают слишком малые цены за хорошие вещи и платят лишь дороже стоимости за дребедень.

У нас новый слуга индус, очень хороший, ездил с Пасиком и Юсиком в Лагор, и они остались им очень довольны, говорят, такого ещё не было у нас за все годы. Покупаем ещё корову, местную, ибо породистые здесь не выживают. Сейчас я питаюсь апельсиновым соком, также грейпфрутами, хотелось бы, чтобы они долежали до тебя; тебе они тоже полезны, а Маны прислали сто апельсинов и 50 грейпфрутов по нашей просьбе. Говорят, что от диабета лучшее средство – это диета апельсиновая. Итак, родной, ждём тебя очень и знаем, что в Хайдерабаде будет очень удачно. Передай наш привет кому нужно. Береги себя, родной, обнимаем тебя и крепко-крепко целуем.

П. и М. и Юсик

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

24 Марта 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

БОРЬБА

"Не будет благом, если все начнут хвалить тебя. Каждое достойное действие должно иметь врагов. Но благо в том, если эти враги будут тебе желанными и жданными. А друзья действий твоих окажутся именно теми, о которых мечтал ты".

Из давних веков отмечена борьба в основе жизни. Должна быть радость в такой извечной борьбе. Что же образует эту радость? Сознание пашни и посева! Именно в борьбе неустанно сеются зерна будущих достижений.

В городском ли многолюдстве или в благоухании пустыни идёт та же борьба! Ее полюбить нужно, но легко ли? Но если удастся однажды возликовать борьбою за истину, за благо человека, то уже никогда не придавит тягость борения. Возникнут новые силы.

Но приходится твердить себе о сущности борьбы. Будут часы ныряния. Будем знать и такие пороги. Не удивимся, слыша о нагнетении друзей. Неизбежны такие часы. Не будем перегружаться, но вдохнём свежую прану. Вспомним о самом дорогом. Пусть прибой пробежит. Приливы и отливы - тот же пульс. "И это пройдёт". Новое вспыхнет нежданно, там, где рассудок и не предполагает.

В каждом новом заложена и новая борьба. И никуда от неё не уйдёшь. Лучшее ободрение будет в том, что с тобою желанные, а против те, кто и должен быть супротивником. Плохо, если супротивники сущности твоей согласятся с твоими деяниями. Пусть они всегда будут нападать и угрожать, и тем умножать твои силы.

Мысль о борьбе не есть труизм. Многообразие жизни создаёт и неповторимые грани борьбы. Испытайте землетрясения. Всё задвигалось, затрещало, попадало. Всё оказалось подвижным, и не знаешь, где предел и граница.

Борьба за правду есть посев блага. Живёт красота в каждой борьбе против лжи, лицемерия, несправедливости, невежества. Знает ли кто, как и где дозреют плоды борьбы героической? И кого напитают они? И какие сады расцветут от семян блага, труда? Но целительно будет благоухание. И не нам судить, где оно окажется особо потребным.

Бывает и трудно. На то и борьба. На то и битва. И опять же радость, если супротивники те, которые и должны быть ими. Ярая борьба, несменный дозор! Давно сказано: "Если устал, начни ещё. Если изнемог, начни ещё и ещё".

24 Марта 1941

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

Н.К. Рерих

СЧАСТЬЕ

Радиостанция в Дели просила дать беседу о счастье. Что есть счастье? Счастье есть радость, а радость - в красоте. Она есть очаг всех творческих сил человека. Не в золоте счастье. Многие примеры, как глубоко несчастны бывают богачи. Не в золоте красота жизни. В золоте роскошь. Но ведь роскошь обычно антипод красоты. Так же, как благодать, счастье - пугливая птичка. Легко отогнать волну счастья. Легко не почувать, откуда повеяло благодатное дуновение. В рутине каждодневного машинного труда нелегко распознать крыло счастья. Осудить ли тех, кому вообще о счастье не приходилось и слышать? Всем утеснённым, всем огорчённым в желчи и неприязни, даже само слово о счастье покажется насмешкой.

Скажут, "счастье" катается в блестящих моторах. "Счастье" упивается и нажирается в раззолочённых палатах. "Счастье" имеет власть притеснять, умалять, неправедничать и ломаться над слабым. "Счастье", как мрачный призрак, нависает и поганит каждый вздох и улыбку о прекрасном. Сказали ли в школах об этом размалёванном вампире, который в обиходе называется "счастьем мещанским"?

О жертвенности не сказали. Зато показали и воспели всю ложную позолоту прозябания. Да, показали и ухмылялись, называя наслаждение достижением. Много подделки, но особенно страшна подделка счастья. Как осуждать тянущихся к наслаждению, когда им и не говорили о жертвенности и о красоте подвига? А подвиги старых времён поставлены были под усмешку.

Больно видеть, как невежество топчет лучшие цветы. Мало утешения в том, что вандализм происходит по незнанию. Миллионы лет человеческой жизни дали множество достижений. Почему же отринуть их? Целесообразность учит бережности. Соизмеримость напоминает о гармонии, о ритме. Они - путь к счастью.

Не опасайтесь твердить о красоте. Необходима поливка Сада Прекрасного. Засуха погубит всё живое. Но если даже пустыни могут ожить под заботливою рукою, то и обиход может зацвести редчайшими цветами. Семья, вдохновлённая искусством, будет прочным оплотом государства. Целые страны живы хотя бы воспоминанием о своих творческих продвижениях. Даже далёкое достижение не ржавеет и спасает народ от разложения. Никто не дерзнёт сказать, что о красоте творчества уже достаточно сказано и сделано. Совершенство, познание, любование - беспредельны. Велик магнит счастья.

Хороша радость о прекрасных произведениях. Подъёмы счастья возникают и преображают всё окружающее. Первая ступень будет собирательством: "мои вещи", "моя радость". Но затем образуется и следующая ступень, когда условие самости уже отойдёт. Почему вещь "моя"? Надолго ли? Пусть она несёт радость всем. При таком мышлении зародится и третья ступень, возникнет расширение сознания. Вот где истинная, нестеснённая радость! Взлеты счастья!

"Когда говорим о сердце, говорим о Прекрасном". "Сердце несёт в себе красоту Бытия". Сердце, как творческий магнит, несёт в себе огненные энергии. Можно ли без этих максимумов касаться области радости и счастья? Чувствованием утверждается радость. Не возрадуется человек безобразию, если пылает его сердце. Вдохновительно, что, говоря о счастье, должно утверждать и радость и сердце - талисманы против отчаяния, скуки, падения, разложения. "Пусть сознание влечётся в самый Прекрасный Сад".

"Час утверждения Красоты в жизни пришёл. Пришёл в восстании народов. Пришёл в грозе и молнии".

Счастье - в гармонии, в равновесии. Но это равновесие зиждется на ритме. И солнце работает взрывами. Так же и эволюция полна взрывных революций. Сложны ритмы мироздания. Трудно расширенному сознанию, когда оно окунается в беспредельность. Недаром малые сознания по своему размеру чувствуют себя по-своему более счастливыми. Но счастье беспредельно, и оно знает неизбежность творческих полётов. Да совершится скорей!

Нелёгко путь к счастью, к равновесию энергий. И хорошо, что эти твердыни одолеваются в трудах. Велико мгновенное озарение, но нужно суметь охранить этот огненный цветок, чтобы он преобразил всю жизнь. Пусть светит всему кругозору. Не страшны тогда ужасы и призраки.

В счастье искореняется страх. Учат ли о том, как нужно изгонять страх? Мужество есть щит счастья. Но такой щит должен быть выкован в огне подвига. В любом обиходе, в каждом труде может коваться доспех подвига. Мудро произнесено "герои труда". Битва за лучшее будущее не только на полях сражений. Неумоимость, терпение, достижение лучшего качества испытываются в жизни каждого дня. Подвиг человечности нарастает в трудах. Счастье - в сознательном труде. Песнь труда есть великое созвучие всех взыскующих.

Многи препоны в потоках жизни. Многи опасные камни и стремнины. У счастья много врагов. Всякие злобы, уныния, зависти, клеветы, сомнения - мало ли что выползает и грызёт корни счастья. Среди мрачных врагов будет и чрезмерная механизация нашего века. Механизация может глушить народное творчество. Механизация может разрушать Культуру. Даже цивилизация может страдать от непомерной механизации. Вот усиленно развивают передачу энергии без проводов. На первый взгляд, польза несомненна и для телевидения, и для радио, и в многих новейших изобретениях. Но кто знает, насколько

можно нагнетать пространство насильно уловленными энергиями? Уже знаем, как переполняется пространство противными радиопередачами. Сбиваются токи и глохнут в непомерном напряжении. Доколе?

Конечно, беспроводная передача энергии помогает осознать позабытые силы человека. Энергия мысли до сих пор лишь частично признаётся, а для невежд остается в пределах какого-то колдовства. Беспорядочное, хаотическое мышление тоже будет в рядах врагов счастья. Учат ли в школах о значении мысли? Или же эта великая наука остаётся в числе запрещённых познаний? Доколе?

Натолкавшись и наблуждавшись, опять придут к красоте. Старая поговорка: "Красота спасёт мир" опять оживеет. Можно ли в дни Армагеддона говорить о красоте? И можно и должно. В красоте - не сентимент, но реальность, мощная, подымающая, ведущая. В глубинах сознания нечто уже было известно, но нужна была искра, чтобы заработала машина. Блеснёт искра, осияет блеском прекрасным, и умаявшийся труженик опять восстанет, полный сил и желаний. Захочет и совершит. А препоны и трудности окажутся возможностями.

Но не блеснет красота подслеповатому глазу. Нужно захотеть увидеть красиво. Без красивости, но в величии самой красоты. Счастье в том, что красота неиссякаема. Во всяком обиходе красота может блеснуть и претворить любую жизнь. Нет запретов для неё. Нет затворов пресекающих. На крылах красоты обновляются силы, и взор владеет пространством. Счастье - в радости. Радость - в красоте.

1941 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

25 Марта 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ВЕСТНИКИ

Забавно бывает слушать суждения о своих произведениях когда люди не подозревают, что автор перед ними. Помню как Брэнгвин описывал мне моих "Идолов", они ему понравились на выставке в Венеции. Принц Петр Греческий рассказывал о моей мозаике в Почаевской Лавре. Жорж Беллоус толковал о "Половецком стане". Много таких недоразумений. Не следует прерывать рассказчиков. Они говорят о чём-то, их поразившем, а это всегда любопытно.

Началось "Гонцом" - в Третьяковке. С тех пор много было "Вестников" и в Америке, и в Европе, а теперь "Вестник" останется в Траванкоре. Ишь, куда заехал! Доплыл - ведь и этот так же, как и первый, в челне (только на горном озере). Имеется в Адьяре "Вестник", также и в Аллахабаде. Теперь один побывает в Хайдерабаде. Все они разные, из разных народов, с разными вестями. И на конях, и на челнах, и на кораблях, и пешеходами - все они с чем-то неотложным, спешным.

Удивительно, сколько побочных обстоятельств вырастают, надвигаются, изменяют все начинания. Никуда не уйти от них. И бороться нельзя, только бы энергия не убывала. Только бы уныние в каком-то обличье не проникло. Ударность труда надо сберечь. Обстоятельства отойдут, изменятся. Благо, если можно признаться самому себе, что труд творчество не пострадало.

Как часто отмершее и не было, в сущности, живым. Сделало своё временное назначение и уступило место более спешному. Другой "Гонец" прискакал. Другой "Вестник" постучался. Бесчисленны, неохватны океанские волны. Не успеть усмотреть очертания, когда новый вал уже шумит и кажется самым примечательным.

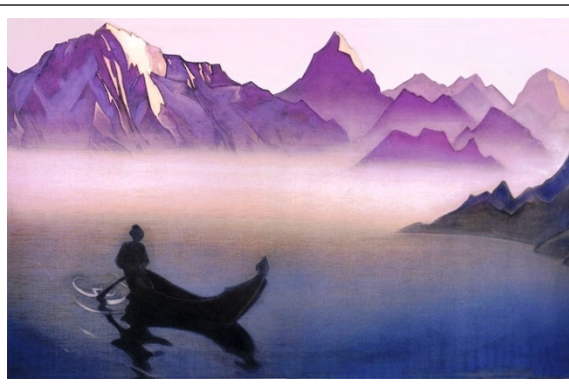
Ждут друзья весть. По-разному понимают её. Иногда радуются малой вести, а не большой. В разных странах и психология различна. Но вестник даже в одежде телеграфиста уже нечто особенное. Советуют: сообщайте всё значительное не письмом, а телеграфно. Как раньше говорили с волнением: "Телеграфическая депеша"! Значит, мол, что-то произошло. Что-то новое, обновляющее. Стучится вестник, и чем необычнее час, тем трепетнее ожидание. Мал конверт, скупы слова, но в них спешная весть. Хочу добрую весть!

25 Марта 1941 г.

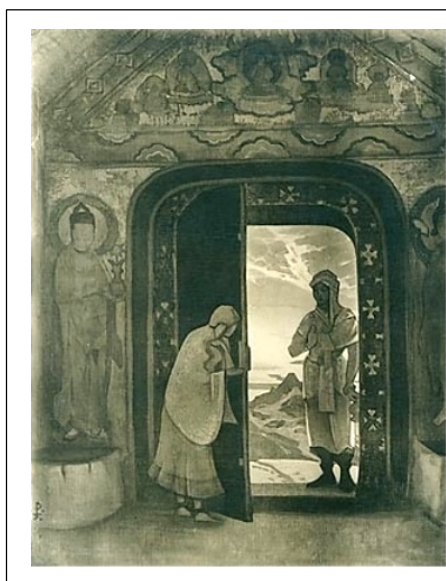
Н.К. Рерих Листы «дневника», т.2. М., 1995.

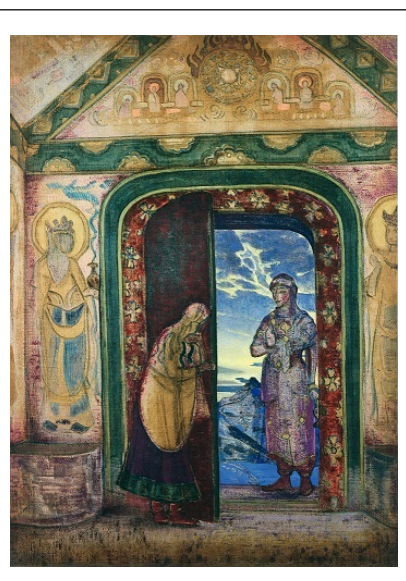
Н.К. Рерих. Гонец. 1897.

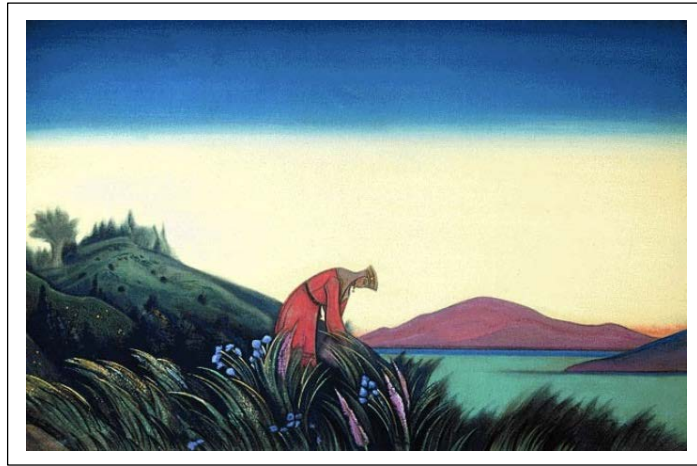
Н.К. Рерих. Вестник от Гималаев. 1940.

Н.К. Рерих. Вестник. 1924. (Адьяр).

Н.К. Рерих. Вестник. 1925.

Н.К. Рерих. Добрые травы. 1941.

26 Марта 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ОСОБАЯ ВЕСНА

Весна - на редкость дружная. Пышно зацвели персики, абрикосы, сливы, вишни. Догоняют их груши, яблоки, айва... Всё разукрасилось - точно бы перед чем-то наступающим. Благоухают глицинии, ирисы, гиацинты. Точно бы всё заторопилось. Елена Ивановна говорит: "Как никогда, хочется упиться цветами". Что это? Опять предвидение? Пока не было ни града, ни ливня. И цветы и овощи целы. Вылезают из земли лилии. Уже распускаются розы, фризии, туберозы, флоксы, гвоздики торопятся. Магнолия готовит цветы. За все годы не запомним такое цветение. Да, да всё зашпешило.

В журналах всё чаще повторяется слово о Культуре, об Искусстве. Как бы за якорь ухватились. Кто твердит добросовестно, а кто - лишь бы цветные очки надеть. В долину ожидается много разных приезжих. Именно разных. Точно бы открыли мирное место и торопятся вздохнуть в мире.

Маха Бодхи^{2*} думает осенью собирать всемирный конгресс о всеобщем мире. Не знаю, можно ли по нынешним временам вообще произносить слово "мир". Впрочем, во время самых кровопролитных войн происходили моления о мире всего мира. Так, вопреки очевидности, взывали, а сами, может быть, готовили яды и взрывы.

Написал: "Не убий", да и спрятал. Все именно твердят: "Убей, убей, покрепче убей, побольше убей", а о мире и не заикайся. Хорошо ещё, что "Культура" пока не заподозрена. Всё-таки она напоминает о чём-то мирном. Пишут, что в Лагоре уже приступлено к камуфляжу зданий. От кого в Лагоре? Почему не в Бомбее, не в Карачи, не в Мадрасе? От какого врага собирается защищаться и прятаться Лагор? Удивительно!

За последние дни пришло четыре новых журнала - все с упоминанием слова "Культура". Вероятно, сгущаются опять события, и люди, как заклинание, твердят о том понятии, где нет убийства. Не сегодня, так завтра услышим тяжкий войсковой шаг. Может быть, он уже гремит.

Радио у нас нет. Главная причина: пресловутый Ладен-Ла в свое время донёс правительству, что у нас имеется "подземный радио". Так и было доне-

² Общество по изучению буддизма (Калькутта) – Ред.

сено. Пусть не будет ни подземного, ни надземного. Неужели терпимы такие невежественные доносы? А ведь Ладен-Ла был почётным адъютантом Бенгальского губернатора. Вот так адъютант! А весна спешит. Хочет показаться во всей красе.

26 Марта 1941 г.

Н.К. Рерих "О Великой Отечественной войне". М., МЦР, 1994 г.

30 Марта 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

БЕЗУМИЯ

Брандес отлично оценивает Анатоля Франса. Точно бы сквозь оценку одного человека выступает суждение о всей Франции, о лучшей Франции. Толковали о судьбах бедной Франции, теперь разодранной на три части. Замутились судьбы. Много предвестников смуты вспыхивало. Одних вестников замечали, а другие, хотя и очень мрачные, проскальзывали неприметно. Среди них было и безумие Дешанеля. Безумный президент был бедствием всей страны. Никто не знает, когда началось это безумие. Во всяком случае, гораздо ранее, нежели Дешанель выскочил в окно вагона или влез в цилиндре в бассейн сада. Но даже и между такими явно безумными действиями президент подписывал декреты, представлял и, может быть, вовлекал страну в опасности.

Подлинный ужас в том, если глава государства безумен. Всякие прогрессивные параличи начинаются постепенно, и как судить, когда именно заболевший деятель должен быть отставлен от государственных обязанностей? Какие именно его декреты должны быть признаны патологическими? Даже явные безумцы иногда являют просветы мышления. Каждый посещавший убежища для умалишенных знает, какое обманчивое впечатление производят нервнобольные, одержимые маниями. Много анекдотов существует на эти темы. На первый взгляд, паралитик может произвести самое привлекательное впечатление. Никогда не знаете, где и как проявится опаснейшая мания.

Пример Дешанеля показателен. Прежде ярых припадков болезнь уже давно разрушала организм. Много мелких странностей было приписываемо оригинальности характера. Многим приходилось наблюдать, как так называемая неуравновешенность, наконец, превращалась в явно безумные, опасные поступки. Особый трагизм, неслыханный гран гиньоль³³, когда глава страны окажется таким опасно больным. Ещё большая драма, когда этот глава выборный и получится, что страна избрала безумца. Признаки паралича сказываются различно.

Можно ли утверждать, что паралич части тела не отзывается на всем организме? Должен ли ждать народ, пока его глава выбросится в окно вагона или влезет в бассейн? Безумие президента будет страшным символом. Нет ли ещё безумных президентов?

30 Марта 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995.

³³ Театральное представление, изобилующее различными преступлениями и "ужасами"; Гран Гиньоль - парижский театр, ставивший такие пьесы.

АПРЕЛЬ

4 Апреля 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ПУТИ МИРА

"Я - царь Гаммураби... Я показал людям свет. Путиами мира вёл их. И, дабы не угнетал сильный слабого, начертал я законы мои. Угнетённый да придёт перед лице мое, слова мои да услышит и будет оправдан".

За две тысячи лет до нашей эры начертались заветы о путях мира. Но не очистило эти пути человечество за целые тысячелетия. Всё завоевали... А что завоевали? Мережковский осуждает нашу цивилизацию:

"То, что мы называем "цивилизацией", и есть "Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным", ибо, воистину, душа цивилизации - блуд: за растленным обществом, растленною личностью - растленный пол. И ведь уж, конечно, не только языческой, но и нашей христианской цивилизации предсказан этот страшный суд".

Можно осуждать "цивилизацию" и в иных словах, но смысл осуждения останется полномерным. "Цивилизация" о путях мира не мыслила. Иногда, для обмана, она болтала о мирных соглашениях, но это была болтовня лишь для прикрытия корысти.

Но каждый путь мира не ржавеет, если в нём заключалась хоть доля искренности. Уважаем Гаммураби, почитаем Ашока за их мирные устремления. Среди правителей отмечены миротворцы.

Китайцы называют 1941 год - годом ползучего змея, а 1942 год - годом коня. Герои обычно на конях за правду сражались. С конём связаны подвиги. Трогательный "Конёк-горбунок" остался символом достижений. И пути его были путями мира. Русский народ знает об этих путях.

Народ, которому столько вверено, не забывает о Культуре. Именно среди народа легче всего провести грань между цивилизацией и её пасынком прогрессом и между Культурой, которая врождена и вспыхивает от огненной искры. Пути мира не могут быть насильно вбиты. Они живут в глубинах сознания. Для "цивилизации" - они утопия, но для Культуры они пути единые, пути верные, пути прямые. Красиво звучит - пути мира.

4 Апреля 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

7 Апреля 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ШЁПОТ

"Здесь не говорят о войне". Такая надпись развешана в вагонах, в гостиницах, на вокзалах, в банках - всюду, где люди встречаются. Радио ежедневно без усталости кричит о войне. Газеты полны фактами, слухами, досужими выдумками. На то оно и печатное слово.

"Хотя об этом и писали в газетах, но оно оказалось правдой", - так признался опытный газетчик. Однако что же делать с говором о войне? О чём не успевает вопить радио. Где границы войны? Надпись остаётся мёртвой бук-

вой, а люди болтают, шепчутся и выдумывают небылицы. Кажется, никогда столько не выдумывали!

Во зле иногда гнездится своего рода самоотвержение. В добре самоотречение. Что же в этом неслыханного - так и должно быть. Но откуда берётся самоотвержение во зле? Должно быть корыстно зло. Между тем можно заметить, что часто зло действует не в свою пользу. Злодей совершает поступки вопреки здравому смыслу, против себя самого. Или в ярости злодей уже не может взвесить последствий? Или карма ведёт его к разрешению причин и следствий? Много всяких предположений. Можно погрязнуть в миражах зла. Можно многое заставить, но где же будет исход?

Кто-то хочет спасти от золоткований. Чего проще?! Запретить говорить обо всём сущем, обо всём происходящем. Из пространства в уши немолчные голоса будут кричать и реветь, но люди будут лишь слушать и безмолвствовать. Своего рода железная маска. Но зато сколько шептаний растёт в полутёмках! Запретное всегда сладко. Ладно, мол, коли нельзя говорить, тогда будем шептать. В одной повести рассказывается, что когда было запрещено петь некую песню, то её начали думать. В ужасе человек вопит: "Они думают песенку".

Вот тут и поделайте! И делайте и не делайте! Как в игре: "Да и нет не говорите. Черного и белого не покупайте..." А ведь "барыня прислала сто рублей - что хотите, то купите".

Но как же в театре не говорить о театре? Как же умолчать перед ликом смерти или не возрадоваться рождению? Шёпоты! Шёпоты!

7 Апреля 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

«Ещё в школьное время именно "Нада" в Боснии была первым зарубежным журналом, где посылали мы привет братьям-славянам. "Нада" - означает "Надежда"...»

Н.К. Рерих. Иллюстрации к статье «Велики тетријеб» в журнале «Нада» (Сараево). 1896. № 4. Февраль, с. 66.

8 Апреля 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

"НАДА"

"Страдание и любовь - вот источники-близнецы неисчерпаемой красоты. Страдание! Божественно непризнанное! Мы обязаны ему всем, что есть в нас хорошего, всем, что придаёт ценность жизни; мы обязаны ему состраданием, мы обязаны ему мужеством, мы обязаны ему всеми добродетелями".

"О, несчастное блаженство! Лишённые страстей они не имеют искусства. И как могли бы они иметь поэтов? Они не могли бы склоняться к этической музе, вдохновляющейся страстями ненависти и любви, ни к музе комической, размерно смеющейся над пороками и смешными сторонами людей. Они слепы и глухи к чудесам поэзии. У них нет Вергилия, и их считают счастливыми, потому что у них есть подъёмные машины. А между тем один прекрасный стих сделал больше блага миру, чем все шедевры металлургии. Неутолимый прогресс! Этот народ инженеров не имеет больше ни страстей, ни поэзии, ни любви".

Можно не раз пройти по "Саду Эпикура". И почему только Эпикура? Этот сад многим принадлежит. Сейчас и славянство ходит по такому саду. Ещё не видно, когда одумается душа общеславянская. Вот за два часа до германского вторжения подписала Югославия договор о дружбе с русским народом. Не поздно ли вспомнил славянский народ, где живёт великий брат его? Хотя в бедствии вспомнили и бросили зов в будущее.

Сколько садов потоптано! Правда, их можно опять засадить. Забыв одно, можно вспомнить другое. Пел Петар Перун. Старые и новые песни сказывали о дружбе, о привет славянских народов. Ещё в школьное время именно "Нада" в Боснии была первым зарубежным журналом, где посылали мы привет братьям-славянам. "Нада" - означает "Надежда".

Была большая радость, когда просили статью для славянского журнала. В пятом классе гимназии особенно звучит такое приглашение. Протянулись нити к сербам, кроатам, чехам, лужичанам, словенцам, черногорцам, болгарам. Пусть "Нада" останется символом.

8 Апреля 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

13 Апреля 1941 г.
Н.К. Рерих

СМЕРЧ

На пути от Алжира к Мальте несколько смерчей окружало "Азей-Ле-Ридо". Было красиво наблюдать живые связи земли и неба. На пароходе уже беспокоились. Думали, не пришлось бы разбивать эти колонны из маленькой единственной пушки. Тревожно бегали люди, ожидая, что столб земно-небесный придвинется и натворит беду.

Красиво зарождение смерчей. Вспухнет пучина, а сверху уже тянется облачный палец. Ищет соединения. Ближе и ближе, темнее и явственней. И

вдруг строится столб. Чудесно, как в театре, и не приходит на ум, что эта великолепная декорация может опасно обрушиться.

Так же и во время грозы её опасность не мыслится, вытесненная величием. Помню, в Кулу спешили в грозу на моторе. Вокруг молния била и ломала огромные деревья. Увлекательно чудесно, когда в блеске голубого огня в щепки сметается вековой ствол. Наверно, была опасность, но при величественном зрелище об опасности не думается. Все бичи человечества исчезают.

Бичи - страх, злоба, раздражение, сомнение, уныние - мало ли их? Сколько ядов вырабатывают эти гнусные "домашние" лаборатории! Только теперь наука взялась исследовать такие очаги всяких болезней и бедствий. Теперь уже биологи серьёзно заговорили об ядах, творимых человеком в гневе и страхе. Даже слюна, как у бешеной собаки, становится ядовитой. Укус бешеного человека опасен так же, как и бешеного животного. А где пределы "бешенства"? "Раздражённый" человек уже даёт признаки аномальных выделений желёз, и отравлены его нервы. Тут уж одними каплями не отделаться. Медленно испаряется яд человеческий. Ещё не наблюдено, насколько он заражает атмосферу. Увы, велика сила этого яда.

Подобно смерчу, соединяются эманации людские с токами пространства. Подобное и привлекает подобное. Магнит зла тоже немаловажен. Магнитная субстанция делит и питает человечество. Не знают, не помнят, что сущее - мощная лаборатория. Говорят о спектральном анализе, об астрохимии, об энергиях и витаминах, но не хотят запомнить, что микрокосм человека живёт в пространстве. Существо не земное, но пространственное. Неужели оно должно выделять смертельные яды? Стоит ли столько искать витамины, если человек по-прежнему будет вырабатывать морбины? Может быть добрым смерчем человек.

13 Апреля 1941 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия». М. 1974 г.

15 Апреля 1941 г.

Н.К. Рерих

СИЛЬНЫ, БОГАТЫ

Радио передаёт Прокофьева и Штейнберга - теперь заслуженный деятель искусства. Радостно слышать русских деятелей, отличённых и оценённых. Ладно сделал Прокофьев, работая для родного народа. Ладно трудился Штейнберг на пашне музыкального просвещения.

Когда-то, когда свои мешали, Дягилев вынужден был искать заграничных отличий русскому делу, принуждён был! Иначе старые академии и консерватории не поверили бы. Ведь даже Римскому-Корсакову наполовину верили, а Мусоргского, самого Мусоргского, долго вообще не заметили. Менделеева в Академию не пускали. На наших глазах не пускали. Да ведь и Тургенев не по своей воле осел за границей. Травили и похуляли. Длинные синодики, но ведь это былое! Пусть оно отошло! Врубеля заметили, когда он начал слепнуть. Скорбно сказал Куинджи о Врубеле: "Ослеп! Ну, значит, теперь ему помогут".

Щусев говорил о членах Академии: "Они - старые, злые и опытные!" Он-то знал недра Академии и претерпевал. Ционглинский только руками разво-

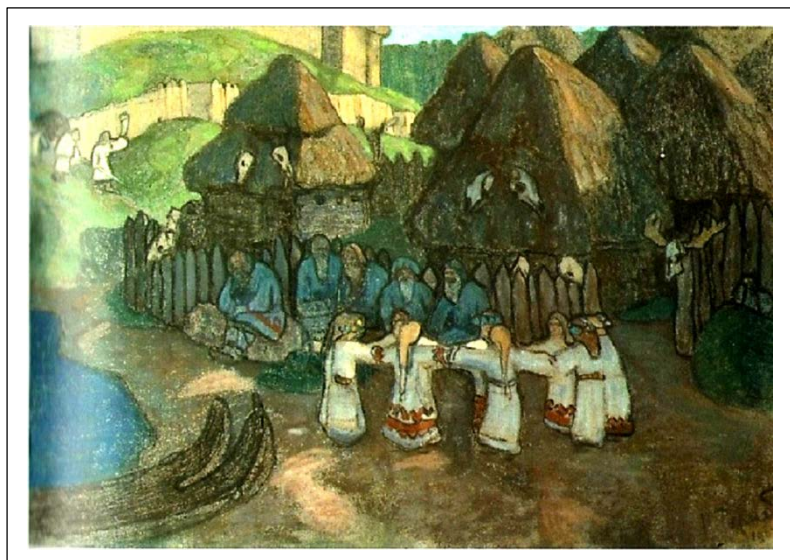
дил: "То есть непонятно, отчего люди злеют, попадая в Академию?" Добрые частенько оставались в меньшинстве. Сколько добрых предложений проваливалось! Оказывался нужным иноземный ярлычок. Так было, но так не будет.

Надлежит народу русскому не быть злым. Добролюбно оценил он и вождей, и полководцев, и учёных, и художников. Даже когда жилось голодно, народ тянулся к книге. Радовалось сердце, слыша о миллионах разошедшихся изданий. Добрым будет русский народ. Под его высоким покровом сойдутся многие народы. Сила притяжения не в злобе и ненависти, но в добре.

Русский народ запел, как никогда. А там, где песня, там и хорошо. Русский народ поёт: "Чем сильны мы и богаты", "Как высоко над нами наше небо". Славные песни. Помянута и Родина достойно. Героизмом звучат песни. Где геройство, там и творчество. Где творчество, там и будущее, светлое, беспредельное. Да, да, милый, родной народ, высоко твоё небо. Много богат ты и силен.

15 апреля 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

Н.К. Рерих. Хоровод. 1902.

24 Апреля 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

СИЛА НАРОДА

Пусть какой-то другой народ будет злым, коварным, жестоким, а народ русский будет народом добрым, отзывчивым, трудящимся в радости. Пусть зло (если оно необходимо) гнездится где-то в иных областях, но не на великой русской целине.

Довелось говорить со многими иноземцами, недавно побывавшими на нашей Родине. Все понимают доброту народа. Вот и наш милый индус «Сашка» тоже особенно прельщен именно этою народною особенностью. Это уже истинное достижение. Многими правилами сложилась такая черта.

Не притворная доброта сентиментализма, за которой много чего скрывается может, а доброта мудрая, кованая в горниле претерпеваний, живёт в русском народе. Если и вспыхнет гнев, то скоро потухнет он. И злопамятства нет. Некогда им заниматься, когда идёт стройка, да ещё какая! «Когда постройка идёт, всё идёт».

Всё отвратное забывается. Боль забывается. Из всего обихода запомнится хорошее, доброе, красивое. Даже удивительно проверить себя, насколько одно потухает и тонет, а другое, самое настоящее, бережно сохраняется в сознании. Говорят, что русский народ делает то, что ему на пользу. Да разве дурак он, чтобы делать себе во вред? В истории много раз Русь платила чужие долги. Довольно!

Записываю вот почему. Издатель просит в статье «Радость искусства» вынуть все ссылки на русское искусство и заменить их примерами из искусства Индии. Откуда сие? Конечно, не соглашусь. Впервые такое пожелание. Между тем именно русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила. Если бы даже и нашлись в Индии шовинистические элементы, то ведь не для них же пишутся зовы о радости искусства.

Шовинист подобен скупцу, который прячет серебро под порогом. В Азии про него говорят: «Почернеет лицо твоё, так же, как серебро в земле». Радость наша в том, что русский народ не шовинист. Он и добр от широты мысли. Он и беды переживёт, ибо высоко его небо. Если же где найдётся что полезное для русского обихода, то народ воспримет, но обратит по-своему. Сила народная лишь вырастает от всего полезного и прекрасного.

«Все мы от рожденья крылаты».

24 Апреля 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

Лондон. Разрушенный собор Св. Павла. 1941 г.

26 апреля 1941 г.

Н.К. Рерих

ОПАСНОСТЬ

Порушены собор св. Павла в Лондоне и государственная библиотека в Берлине. Синодик взаимных уничтожений растёт. Печатные листы сохранят для потомства совершенно невероятные угрозы Афинам и Риму. Пишут, что в

случае налёта на Рим итальянцы сбросят имеющиеся у них британские бомбы на Ватикан. Италия отрицает, но Англия настаивает. Целая половина первой страницы газеты занята этим против Ватикана сообщением. Не верится, но сейчас в мире всё возможно.

Умирающий Тагор вопиёт о кризисе цивилизации. Жалуется на ненависть, всюду обуявшую человечество. Теперь возмущаются рушением городов. Гибель грозит Рафаэлю, Микеланджело и всем титанам живописи, скульптуры и архитектуры, собранным в Риме.

Но молчали сердца человеческие, когда во время наших международных конференций в Бельгии предлагалось объявить некоторые исторические города неприкосновенными музеями. Предлагалось вынести из таких городов-музеев всю военную индустрию и вывести войска. Казалось, на таком предложении можно договориться. Теперь оно принесло бы полезные плоды. Но даже и не пытались обсудить государственно это вполне применимое соглашение. Многие учреждения и группы выдающихся деятелей сочувствовали и прекрасно высказались, но государственные аппараты промолчали. Онемели! Точно бы это до Европы и не касалось. А ведь конференции в Бельгии были десять лет тому назад. Было достаточно времени, чтобы попытаться договориться. Именно Европа почему-то промолчала. Впрочем, Масарик ещё в 1930 году говорил нам о неинтеллектуальной некооперации. Он, очевидно, имел основание к такому определению. С тех пор и Лига Наций скончалась, и многое случилось.

Новгород и некоторые русские города были объявлены городами-музеями, но Европа не сочла нужным озаботиться о своём достоянии. А ведь на нашей третьей конференции 1933 года в Вашингтоне было представлено тридцать шесть стран. Но опять-таки Европа не озаботилась, точно бы мешки с песком могут помочь. Вот уже и Рим, и Лондон, и Берлин, и Афины, и Каир под опасностью... Не проще ли было попытаться договориться о городах-музеях?

26 Апреля 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

МАЙ

5 Мая 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ДОСТОИНСТВО

"Америка отстранилась (алуф) от русского народа". Так заявил "премудрый" Корделл Халл, очевидно, по приказу Рузвельта. Безумный президент обозвал Линдберга "медным лбом". Какой ужас, какие площадные ругательства! Сегодня газета приписывает Кембелю слова: "Пусть мы упадочники, но, по крайней мере, мы не жёлтые". Неужели дипломат решился на такие губительные для себя и своей страны словечки?

Мы уже отмечали неоднократное враждебное отношение американского правительства к русскому народу. Семья Рузвельтов особенно отличилась в этом. Примеры общеизвестны. Не мудро такое поведение. А сейчас, когда всякие уоллесы и тому подобные оседлали параличного президента, особенно

убийственны для них разные наскоки на русский народ. Не даёт покоя русское растущее строительство.

Понимаем, что и русский музей неуместен для местных шовинистов. Мошенник Хорш учёл такие настроения. Нашлись и покладистые судьи. "Демократия, свобода, справедливость"! - не лозунги, но пустые слова. Если Америка действительно борется за эти три основы, она должна освободиться, прежде всего, от удушающих её мошенников.

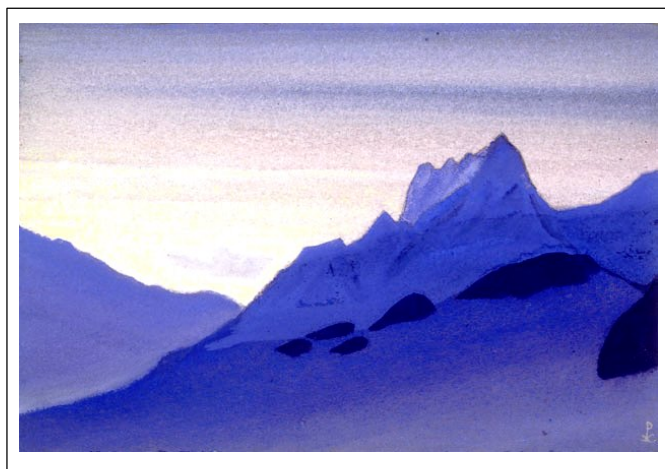
Впрочем, достаточно прочесть книгу Алексея Карреля, чтобы убедиться в истинном положении вещей. Глубокий психолог не без основания произнёс суровые суждения. Америка пожелала отстранить себя от народа русского. Конечно, это решение пресловутой американской администрации, а не народа Америки. Но от этого не легче, ибо общественное мнение молчит, и такое молчание лишь окрыляет преступные затеи.

Пора бы понять значение русских достижений. Народ русский незлобив, но не затроньте его достоинство! Он ищет правду. Всякое лицемерие ему несвойственно. Надменное отношение наш народ почует и отстранится в сердце своём. Сограждане сотрудничают, ибо все равны в своих правах, и пути им открыты. Ни классовые, ни расовые различия не беспокоят ум трудящихся.

Труд и творчество и радость. Неразумные, не затроньте русский народ в его достоинстве!

5 Мая 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995.

Н.К. Рерих. Гималаи (Начало нового дня). 1941.

14 мая 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ШЕСТВИЯ

Славно поют и играют рабочие ребятки под управлением Дунаевского. Правильно направлена молодая сила, и не коснётся её пошлость, этот бич фокстротного Запада. Не примитивна обработка детского творчества. Молодёжь учится справляться с построениями сложными. Как хорошо, что лучшие композиторы заботливо взглянули в горнило будущего.

Много маршевых темпов. Народ движется, устремляется к совершенствованию, и ему свойственны темпы хождения. Большинство хоровых песен годны для марша. Под них весело идти в общем подъёме. Удадь и задор силы живёт в народе. Ценно слушать, как спешит народ, молодое поколение к стройке. Хор и маршевый ритм слагают и ритм ускоренной работы.

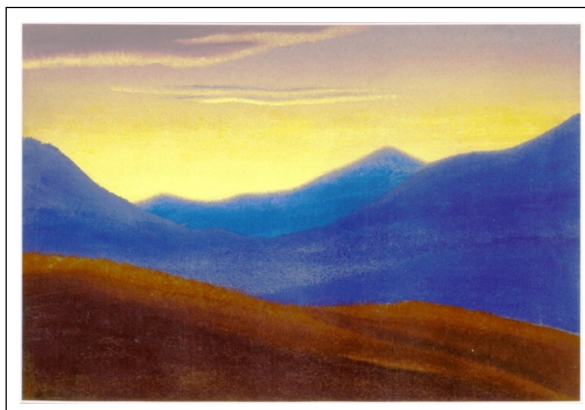
Труд любит песню. Неутомимые трудники любят петь. Много и старинных и новых песен гремит в народе. Заботятся о всех народностях, слитых в великом Союзе. Прислушиваются к армянским напевам, узнают лады литовские, эстонские, латышские. Возрождаются скрытые сокровища Кавказа, Таджикистана и всех далёких окраин. А в них захоронены были сокровища многих веков. Создаются новые музеи. Всё, что бывало так трудно для одиноких искателей, теперь облегчено народным порывом.

Вместо смятения и шатания открываются пути для всех странников Культуры и творчества. Не успеют снега сойти, а уже десятки экспедиций летят по всем необъятным краям. Все отрасли познания представлены, и находятся средства. А ведь прежде и сотню рублей трудно было выпросить на самое полезное дело. Думалось когда-то о всероссийских подписках, но начальство глушило каждое новое зачинание. Все мы прошли эти теснины. Но народ понял ценность исканий и обогатил сокровищницу. На всё хватит средств!

О многом хотелось бы списаться, поделиться накоплениями, но не дойдут эти добрые вести. Захлопнулись перевалы. Скончалась почта. Но не навечно пресечены пути. Культурные общения оживут. А пока мысленно приобщимся к строительству прекрасному и спешному. Спешат народные шествия.

14 Мая 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

Н.К. Рерих. Гималаи. (Солнце зашло). 1941.

15 мая 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

АМЕРИКА

Дошло письмо Зины от 27-го Марта и письмо Джина от 24-го Марта. Он пишет об устройстве комнаты "Фламмы", передайте ему наш самый сердечный привет. Хорошо делаете, что продолжаете записи о хоршевских ванда-

лизмах и мошенничествах. Таким образом, образуется поучительный документ о современном положении вещей. Наверное, вы отметили, что дело Джексона было отставлено без объяснения к тому причин. Очевидно, и тут поработала пресловутая тёмная рука "покровителя". Во всяком случае, чрезвычайно характерно, что даже вообще не дают представить свои соображения - хороша справедливость! Этот эпизод в ваших записях должен быть основательно подчёркнут как факт поразительный для современного морального упадка.

Не менее поразительно и предложение грабителей о том, чтобы выдать друзьям менее трети картин (если только вообще подобное рассуждение возможно). Друзья, как владельцы шер, имеют решающее большинство, и потому их голос должен быть подавляющим. Всё-таки характерно, что грабители в этом случае должны считаться с существованием картинной корпорации. Совершенно невероятно, почему большая часть картин принадлежит, по словам грабителей, "Мастер-Институту".

Теперь, вероятно, в ваших записях прибавятся и поразительные соображения о деле манускриптов. Наверное, и в этом деле тёмная рука будет действовать. Странно подумать, что будто бы манускрипты были подарены без всяких к тому доказательств. Если они были подарены г-же Хорш, не понимающей русского языка, то почему они хранились столько времени не у неё, а в общем помещении наверху в сейфе? Кроме того, и вы можете показать, что когда вы ей передавали эти хранившиеся у вас манускрипты, то вы не дарили ей их от нашего имени, но лишь давали на хранение.

Казалось бы, это дело совершенно просто и ясно, и даже нельзя себе представить, какими доказательствами грабители могут утверждать свои права на манускрипты. После этого каждый уличный грабитель, вытащив часы у соседа из кармана, будет уверять, что они были ему подарены. Вообще все эти дела поверх личного их значения являются ужасным показателем падения нравственности человечества. А общественное мнение, о котором столько всегда говорилось, молчит и тем способствует умножению вопиющих преступлений и разложению.

Наверное, у вас накапливаются ещё данные, подобные тем, о которых вам рассказал Народный. Без сомнения происходят различные прикровенные мошенничества. Мошенник не может быть таковым лишь в одном случае его прирождённое свойство скажется многообразно. Не без основания г-жа Хорш уверяла, что муж её не имеет принципов, видя, с её точки зрения, в этом особое достижение. Вот тоже показание современных положений вещей. Из таких отдельных проявлений складываются все безумия нынешних армагеддонных дней.

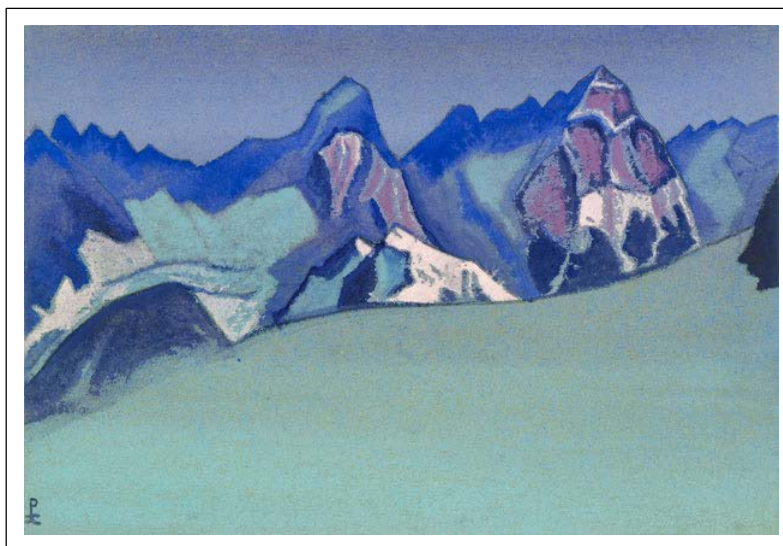
Понимаем, как Д. устремляется к лучшему будущему. В дни особого напряжения каждое светло ищущее сердце вопрошает - доколе же?! И в то же время каждый вдумчивый деятель понимает, что такое время нужно пережить под кровом, который у него сейчас имеется. Оборот письма берёт чуть ли не треть года - какие же возможны сношения при таком положении? Привет и тем молодым сотрудникам, о которых вы так тепло, писали. Сколько таких светлых очагов может гореть во имя Культуры? Конечно, этим труженикам нелегко, но они знают, что Культура первая страдает во всех мировых потрясениях. Хорошо делаете, что утверждаете в них доброе единение. Мало ли какие обиходные трения могут возникать, но соизмеримость должна подска-

зять, насколько нужно устремлять всё внимание к самому ценному и к самому важному.

Мы никаких писем теперь не получаем, и многие полезные начинания сейчас примолкли. Но всё это временно, а в конечном счете, благо победит, и многое нежданно послужит на пользу. По-прежнему обращайтесь самое сердечное внимание на молодежь. Они могут особенно реагировать на несправедливости, и в них лежит будущее. Среди них вы имеете сотрудников. Корреспондент Брэгдона спрашивал вас о Калачакре^{4*}; к сожалению, никаких трудов о Калачакре не издано, и статья Юрия в журнале Института (которая у вас, конечно, имеется) является, можно сказать, единственным сообщением об этом значительном явлении. Итак, по-прежнему будьте бодры.

15 Мая 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995.

Н.К. Рерих. Гималаи (Самоцветы гор). 1941.

15 мая 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

САМОЦВЕТ

Героизм и романтизм - близкие соседи. Оба они близки к социализму, общественности. Жизнь общественности, коллективного хозяйства строит светлое будущее. Не для себя, не для преходящего "я" работает коллектив.

Лишь бы только скорей осознали, как героичны утверждения общего блага. И романтизм как человечность несёт утончённость сознания. Всякая грубость не годится для новой стройки. Она была бы неуместна, как архаическая циклопическая кладка.

Когда уловимы радиоволны, когда понята наполненность пространства, тогда и насыщенность достижений не будет груба. И в этих прозрениях прав-

⁴ "Колесо времени" (санскр.) - в буддийской религиозно-мифологической системе ваджраяны отождествление макрокосма с микрокосмом, вселенной с человеком. - Ред.

ды воздвигнется достижение общего блага, а в нём и радость и счастье. Несёт их в себе человек и часто не знает, как вызвать действие рычага, всегда готового к преуспеянию.

Общественность должна порождать и глаз добрый. Без него не продвигаться. Хорош ли обычай во всём искать доброе начало? Много злых волков. Многие из них под овечьей шкурой. Пусть и укусят иногда. Лучше ошибиться во благе, нежели не рассмотреть добро.

Счастье - в нас самих. Чем ближе мы к общественности, тем и мегафон счастья может мощнее проявляться. Одиночества не существует. Весело помыслить об общем благе. Оно устремляет не к прошлому, а к будущему, к горнилу совершенствований.

Героизм, романтизм, социализм, все виды самоотвержения не на заоблачных вершинах, но здесь, в трудовой жизни. Каждое преодоление есть преуспеяние. Значит, здесь зарождается радость.

Каждый атом радости - как самоцвет. Коллектив - как ожерелье лучших самоцветов. Недра и высоты откроются - только бы порадоваться глазом добрым. Соревнование в добре, в преуспеянии сломит зло. Невежество корень зла. В познании добро преуспеет, а зло, невежественное отрицание рухнет.

Отрицание отрицаний есть закон диалектики. В утверждении ценности труда-творчества не может быть отрицаний. Отрицание есть отступление, но развитие движения устремит вперёд, только вперёд.

24 Мая 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

ИЮНЬ

1 июня 1941 г.

Н.К. Рерих

ТРУДНО

Святослав собирается уничтожить часть своих картин, которые перестали ему нравиться. Трудное это дело. Часто не угадать, что именно можно обречь огню.

В своё время было уничтожено порядочное количество картин, этюдов, эскизов. Да и теперь немало обречённых. А потом часто жалеешь, что нечто не было доведено. Если сегодня что-то разонравилось, не захочется ли вернуться к тому же? В конце концов, зря были порушены: "Каменный век", "Божий дом", "Охота", "Отдых" и многие другие. Лучше бы просто отставить и временно забыть. Потом, может быть, взглянулось бы глазом обновлённым. Иногда случайное освещение, настроение подскажет новый подход, а холст, уже напитанный краскою, заманчив.

Случается, что и о материале приходится пожалеть. Вот и сейчас материалы кончаются, а заменить нечем. Французский холст кончился, а нового не достать. Некоторые краски приканчиваются. Последние кисти в Бомбее и тоже заменить нельзя. Еще не окончилось двухлетие войны, а уже во многом недостаток. Так во всех культурных делах и не заметишь, как подберется мертвенное "нет".

"Холста больше нет", а бумажная ткань непригодна! Бумаги для пастелей нет, да и фиксатив кончается. Спирт трудно достать. Есть особый трагизм, ко-

гда самое обычное вещество исчезает, и торговец холодно замечает, что вряд ли скоро можно будет достать. Одно ушло на взрывчатые вещества, другое на палатки, третье на медикаменты. Там, где делали краски, теперь разводят военную химию. А другое по бедности вообще прекращается.

Конечно, в каждом конце заключено и начало. Но "улитка едет, когда-то будет". "Пока солнце выйдет - роса очи выест". А ведь ещё до двухлетия Армагеддона нужно дожить три месяца. Целых три месяца, почти сто дней! Да каких ещё дней! Каждый из них идёт за год.

1 Июня 1941 г.

Рерих Н.К. «Из литературного наследия», М., «Изобразительное искусство». 1974.

«В своё время было уничтожено порядочное количество картин, этюдов, эскизов... В конце концов, зря были порушены: "Каменный век", "Божий дом", "Охота", "Отдых"»

Н.К. Рерих. Каменный век. (Деревня первобытных). 1905. На открытке из собрания К. Кемпбелл надпись от руки: "Большая картина в светло-жёлтых тонах."

Н.К. Рерих. Божий дом. 1903. (Однотонное воспроизведение)

Н.К. Рерих. Слепой. 1941.

5 Июня 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

ЛИК АМЕРИКИ

Зина пишет от 5 Мая: "Теперь опишу Вам замечательную историю с "Эс-квайром" - журналом. Дедлей случайно прочёл в газете о том, что 12 главных членов корпорации "Эс-квайр", включая президента, казначея и секретаря, попались в мошенничестве на сумму свыше миллиона долларов в этом тёмном деле также замешаны известные банкиры и адвокаты "дефродинг мейл", что очень сурово преследуется законом. Их всех будут судить, а пока они на свободе под залог в сумму денег. Дедлей принёс мне эту заметку, и Вы можете себе представить, родные, как невероятно это нас возмутило. И вот этой шайке жуликов было оказано предпочтение судом в том, что дело было прекращено по их просьбе! Я немедленно написала письмо Джаксону, прося его употребить на пользу эту газетную заметку, т. е. представить её тому судье, который прекратил его дело из-за якобы Вашего отсутствия, и просить его, чтобы он назначил дело к слушанию, приняв во внимание все эти обстоятельства! Иначе выйдет, что пока жулики не разоблачены, с ними настолько считаются, что по их просьбе прекращают самые справедливые дела, а когда эти жулики, наконец, попадают, то и тогда с ними продолжают считаться! Вероятно, по принципу, что и после того, что они отсидят свой срок в тюрьме, они опять начнут ворочать большими делами, войдут в силу, и поэтому лучше быть на их стороне! Увидим, что Джаксон мне вообще ответит, но я решила с Дедлеем, что нам желательно добиться его реакции. Конечно, все такие события очень показательны - падение морали полное".

Страховиден такой лик Америки. Тьма гангстеров! И кто же очистит от них эту большую страну? Около Хорша и Уоллеса обнаружится таинственная шайка. Но когда это будет? Сколько зла успеет совершиться! Пусть друзья со-

бирают знаки мошенничеств и грабительств. Наверное, Хорш и его присные окажутся участниками многих тёмных дел.

Верховный судья Юз ушёл, отстранился от дел. Причина - расстроенное здоровье, но, думается, истинная причина иная. Юз - честный человек, и многое сейчас происходящее ему неуместно. Его называли совестью Америки. Неужели ушла совесть?

5 Июня 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995.

9 июня 1941 г. Прага

Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К.

Прага, 9 июня 1941

Дорогой Николай Константинович,

Не думайте, что я забыл о Вас. Часто, очень часто вспоминаю я о Вас и жалею, что общение между нами, волей-неволей, должно было прекратиться. А если бы я и забыл о Вас на короткий срок, то чудные картины Ваши, которые постоянно передо мною на стенах Русского Музея, снова напомнили бы мне о Вас. Впрочем, ни расстояние, ни время, ни чрезвычайные события уже не в силах уничтожить ту внутреннюю связь взаимного уважения и дружбы, которая, как я верю, образовалась между нами. Почему-то кажется мне, что даже взаимное желание наше однажды встретиться и, может быть, даже поработать вместе, рано или поздно осуществится. Пока же хочется послать Вам горячий, сердечный братский привет и просить передать мои чувства уважения и искреннего привета также высокочтимой Елене Ивановне и Святославу Николаевичу, а также хоть вкратце сообщить о том, что нам обоим интересно. Наш Музей находится по-прежнему в Збраславском замке и работает и развивается на прежних основаниях. Число постоянных посетителей в нем сильно увеличилось — отчасти благодаря соседству здешней Национальной галереи, о котором я Вам писал. Каждое воскресенье бывает в Музее от 150 до 300 человек посетителей. Духовный смысл и красота Ваших картин вошли уже глубоко и как нечто непреложное в сознание здешней публики. Есть лица, которые приходят в Музей снова и снова, а также приводят своих друзей и знакомых, чтобы полюбоваться Вашими картинами и показать их другим. И снова находятся люди, помнящие первую Вашу выставку в Европе. Словом, Вы стали здесь близки и дороги, Вас понимают, к Вам стремятся, — как это, без сомнения, происходит везде там, где Вы прошли: «тень Учителя» — следы его влияния — не исчезают. И я рад об этом снова и снова перед Вами свидетельствовать.

Сам я живу скромно со своей семьей. Старшая дочь моя Таня только что кончила русскую гимназию — «с отличием». Младшая дочка Олечка, о которой я Вам никогда ничего не писал, счастливая, светлая душенька, с которой нас соединяют особо глубокие и светлые внутренние отношения, солнышко моей жизни, — перешла в третий класс гимназии... потанцовывая изредка публично (она, как мне кажется, очень одарена к танцу, хотя, к сожалению, ему систематически не учится) и выступая в концертах с очень хорошим гимназическим хором. Жена моя работает в Психотехническом Институте (определяющем способности детей перед поступлением в школу) и дает уроки русского

и французского языков. Работает она, к сожалению, больше, чем может, и очень устает. Живем мы очень скромно...

Часто я думаю о Родине. Как хотел бы там быть! Освобождаюсь от тоски о Родине разве только в природе. А здесь — чудная природа: леса, горы, река... почти как было в моем родном Кузнецке, в Томской губернии, в предгорьях Алтая. И на одной только горной вершине под Збраславом, откуда открывается широкий вид на бесконечную, холмистую и покрытую лесом равнину, среди запахов лесных трав и цветов, под жгучим солнцем, забываю я иногда совсем, что я не дома... И, однако же, немножко — «дома», потому что — на родине Олечки...

За последний год я написал две драмы: «Рюрикович» и сцены из древнекитайской жизни «Цветок Небес». Первую драму читал — с успехом, кажется, — публично. Вторую — на литературном ужине у петербургской пожилой дамы, писательницы Софии Ивановны Таубе (Аничковой).

Работаю над книгой воспоминаний «Пережитое и передуманное», которую сначала я задумал как *исповедь*, а потом несколько изменил ее характер. Привожу в порядок свой собственный архив и архив нашего Музея.

Не знаю, почему мне захотелось сообщить Вам эти личные вещи. Может быть, потому что я знаю, что общение наше не может быть частым, и говорить хотелось только о том, чем действительно живу...

Я недавно перечитал Ваши письма ко мне. Это тоже заменяло до некоторой степени отсутствие новых вестей от Вас. Читая, глубоко чувствовал: как важно для меня было и сколько радостного и поучительного мне дали наши, пусть только заочные, отношения, и за них мне хочется от души Вас благодарить — и снова благодарить!

Приветствую Вас и весь Ваш дом снова и снова, надеюсь, что Вы бодры, здоровы и деятельны — и шлю Вам свои самые лучшие, сердечные пожелания.

Ваш — глубоко и душевно —

Валентин Булгаков

Архив Музея Рерихов, Москва.

10 Июня 1941 г.

Н.К. Рерих

ПРИЧИНЫ

Толковали о побуждениях многих деятелей, обвиняемых в честолюбии и тщеславии. Иногда это лишь признак внешности. Нередко причины бывают очень разнообразны и человечесны. Самооборона от зла заставляла даже сильных людей не пренебрегать панцирем мира сего. "С волками жить, по волчьи выть", - уже давно заметил русский народ. А монгол добавил: "Если твой спутник крив, то и ты поджимай глаз". Всё это самооборона. "Неволя заставит пройти через грязь, купаться же в ней свиньи лишь могут".

Сейчас забыта гуманитарная наука, и даже говорить о человечности не принято. Какая же история раскроет причины и следствия? Какой же судья скажет, отчего и как сложилась жизнь человеческая?

Нынешний Армагеддон показателен. Никогда ещё не произносилось столько лжи, столько бахвальства и всяких пустых слов, забываемых на дру-

гой день. Забываемых ли? Ведь уже они отложились в сознании и совершили своё отравление.

"Брань на вороту не виснет", - старается себя успокоить народ. Но в том-то и дело, что всякая гадость, ложь, клевета именно виснут на вороту, не столько у оклеветанного, как у самого клеветника. Макар получит на свою голову все разбросанные им шишки. Вовсе не "бедный Макар", а Макар заслуживший.

Причины и следствия! В какой неумолимой прогрессии нарастают следствия! Карма не есть нечто устрашающее. Наоборот, она напоминает о законе природы, реальном и целесообразном.

Миражная видимость часто не схожа с истинным побуждением. Будут отображены человеческие излучения, как фотография на паспорте. Именно наука, самая точная, самая справедливая поможет разобраться в истинных побуждениях и не судить необдуманно. Всё реально, и самая реальнейшая наука будет верным проводником. Реалист есть познаватель, а познание всегда неподкупно.

Механизация возможна там, где внутренне силен и сознателен человек. Без осознания, без мужества, без жертвенности, без подвига механизация будет отвратительной гримасой "цивилизации". Благие причины породят и славные следствия.

10 Июня 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

12 Июня 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

МАСТЕРСТВО

Гёте говорил своему другу, что всеми своими трудами он не мог заработать право сказать то, что он думает. Да, этот сильный, независимый человек в своих замечательных писаниях мог лишь давать намёки. Мудрая бережность и целесообразность доказывали размеры мыслителя. Иначе он не был бы воспринят современниками и, быть может, закинут в темницу, где надолго были бы запечатаны полезные достижения.

В соизмерении возможностей мыслитель был сходен со многими мыслителями Востока, туда причисляется и Эллада. И теперь можно встречать таких много знающих, но не скажущих словами. Даже при доверии многое покроется молчанием, ибо ведом вред разбрасывания знаний в неверные руки.

В любом мастерстве достижения выскажутся лишь там, где они будут обережены и применены разумно. И в искусстве можно наблюдать, как мудрый учитель сообщит свою опытность по частям тем ученикам, которые могут воспринять лучшие заветы.

Не пресловутые тайны, но реальные знания могут нарастать лишь целесообразно. Ценно наблюдать, как свободная наука расширяет свои кругозоры. Многое осмеянное и отвергнутое опять пересматривается, и точнейшие аппараты дают своё неоспоримое показание. Кое-что получит иное наименование - разве в имени сущность?

Каждая сводка научных известий приносит весть о познании тончайших энергий. Обследуются человеческие секреты, открывается новая связь

элементов, изучается пространство, и человек вооружается новой мощью для борьбы с преждевременным распадом. Лучшие учёные делаются и умелыми популяризаторами; народное сознание крепнет и расширяется. Равномерно нарастает ритм работы. А ведь ещё недавно о значении трудового ритма и не думали.

Индивидуальность понята и оценена в народном хозяйстве. Экономика делается всеобщим достоянием. Соревнование и сотрудничество стали основой продвижения. Народы понимают, что не в золоте дело, а в живом, преуспевающем труде.

И творчество нарастёт в мощном, огненном ритме. Народы отметят вехи своих восхождений творчеством во всех областях. Не в наименованиях дело, а в сущности, о которой возрадуются народы. Приди радость!

12 Июня 1941 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

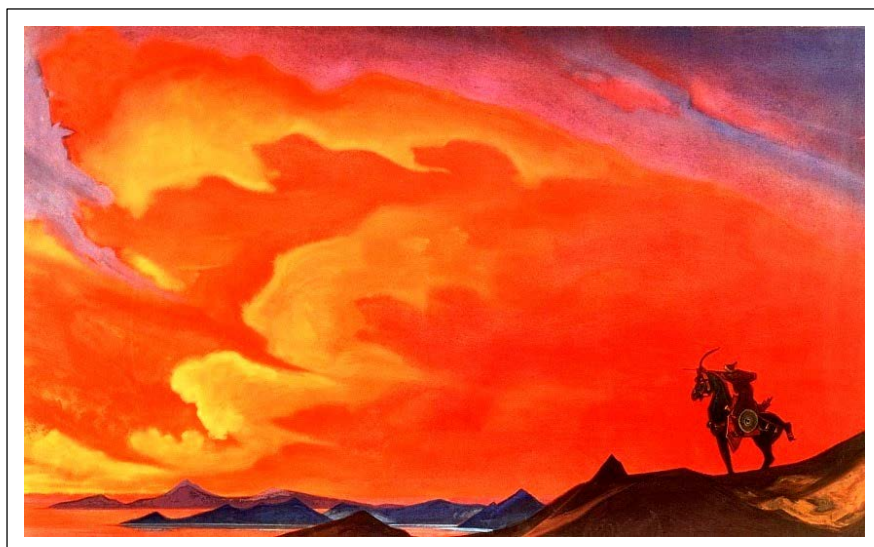
15 Июня 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ДУША НАРОДА

Слушали отрывки из новых опер русских. Пишутся целые оперы, растёт размах, рождается песня, - в ней "душа народа". Жаль, что нет телевизии. Хотелось бы посмотреть на новых композиторов, певцов, музыкантов. По некоторым голосам чуется молодость. Посмотреть бы!

Чуют ли они, что в Гималаях, среди снежных вершин, русская группа шлёт добрые мысли их творчеству? Не знаем наших зрителей, слушателей, читателей. А какое сотрудничество зародилось бы, если бы знать! Кабы знать! Хотелось бы послать им весточку, но и это невозможно. По избранным сюжетам, по найденным словам, по чувству звуков порадовались бы друг другу.

Н.К. Рерих. Гесэр-хан. 1941.

Не будет ли теперь написана опера о Гесэре-герое? Сколько у нас накопилось материалов из этого эпоса! Рядом с нами, за снежной горой Ладак - западный Тибет. Предание считает его родиной Гесэра. Туда ведут и древние ступени через перевал Ротанг - их сложил герой, когда шёл воевать против неправды. В Ладаке на скалах следы коня Гесэрова. Там же высится на горе светлая дверь в твердыню героя. Там песни о Гесэре и о жене его Бругуме.

Н.К. Рерих. Перевал Ротанг. 1936. Н.К. Рерих. Ладак (Конь Гесэр-хана). 1936.

Юрий записал много стихов Гесэриады и в ладакских и в амдосских версиях. Всё не издано. Теперь в Монголии и в Бурятии готовятся праздновать Гесэра-героя, справедливейшего и отважнейшего. Все материалы пригодились бы. Поучительно видеть, как прошла Гесэриада по всему сердцу Азии. Народы сложили свои лучшие думы.

Была у нас тибетская танка о Гесэре. Многие подвиги были на ней отображены, были даже сапоги-самоходы. Герой поспешал на помощь человечеству. Был у него и конь-летун. Умел герой оборотиться и любым зверем и птицею - всё на благо. В Каме - дворец его, а вместо балок положены богатырские мечи его воинства. Лобзанг приносил большую "редкость" - зуб коня Гесэра. В Спили много разных окаменелостей. У Джамсарано было собрано много стихов о Гесэре.

И вдруг радио кричит на весь мир о праздновании Гесэра. В Лахулл приходил певец - пел и играл о герое, и во всех селениях сходились слушать сказ, которым жива душа народа.

15 Июня 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995.

17 июня 1941 г. Гималаи
Н.К. Рерих

СЛУШАЙТЕ

Кто-то утверждал, что "симфония есть шум, удачно произведённый".

На концерте две соседки своим неумолчным говором не дают слушать. Наконец, одна из них замечает: "Манечка, а не пробовали вы слушать музыку с закрытыми глазами?" Сосед не выдержал: "А не пробовали вы слушать музыку с закрытым ртом?"

Во время лекции не будут шуметь, но во время музыки всяко бывает, и даже негодующее шиканье не всегда образумит крикливых. Беседу невежливо прервать. Этому обучили. Но музыка тоже беседа чувств. "Умейте творить, умеете и воспринимать". Теперь и космические радиоволны должны наводить на новые мысли. Просыпается постоянное чувство нового. В нём образуется ритм труда. Умение воспринимать, слушать - немалое искусство. Прослушать лекцию - ещё не значит её воспринять. Прослушать музыкальное произведение - ещё не значит воспринять и осознать его.

Почему так нужны напоминания? Если люди о чём-то не слышат, то, по их суждению, оно и не существует. "Мы думали, что вас и нет больше". "Да почему думали?" - "Да ничего не слышно было".

Если несчастное "я" не слышит, то значит нечто и не существует. Эгоизм завладевает человеком и заставляет забывать о соизмеримости. Вместо того, чтобы сказать чистосердечно: "Я этого не знаю", человек будет настаивать, что "это вообще не существует". Не учили соизмерять, не учили слушать, не учили искусству мышления. А если и учили, то через такую мёртвенную "логику", от которой сбегал каждый природномыслящий.

17 Июня 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

19 июня 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ГОЛОС ГОРЬКОГО

В Гималаях звучал голос Горького. Среди снежных вершин - русский голос. Хорошие призывные слова наполнили пространство. Звал великий писатель съезд литераторов к взаимному уважению. Научимся уважать друг друга, отвергнем равнодушие и будем учиться, учиться, учиться.

В пятилетие кончины Горького⁵ по всему миру прогремели его призывы. Пусть они достигнут сердца не одних литераторов, а всех художников всех областей искусства. Мастера должны уважать друг друга. Могут быть разные пути, но цель одна, и в этом преуспевании должно расти и взаимоуважение.

Совершенствование вносится не только самим мастерством, но и качеством мышления, сопровождающим творчество. Не следует думать, что если история искусств, к сожалению, дала многие примеры розни, вражды и злобности среди мастеров, то эти свойства неизбежны. Возвышение человеческой Культуры должно научить и взаимоуважению. Не во внешних условностях оно скажется, но претворит всё товарищеское взаимоотношение.

Это может быть достигнуто, если воля подскажет о строении лучшего будущего. Без лицемерия и притворства мастера могут понять, что служат преуспеванию народа. Каждый в своем кругу может вносить понятия взаимного уважения. Для этого не нужно трибун и кафедр; в повседневной жизни среди трудов сложится доброе чувство о товарищах. Не в постановлениях, но именно в чувстве укрепится желание взаимоуважения.

⁵ М. Горький (Род. 28 марта 1868 г. - Умер 18 июня 1936 г.)

Лучшие решения приходят в жизни в часы труда. Сколько постыдной озлобленности иссякнет, когда осознаётся вредоносность и невежественность бесцельного взаимоумаления, укушения. Именно невежественность роет ямы на пути народного шествия. Наплевано в питьевые колодцы, и кое-кто изумляется потом скверному вкусу воды.

Мудро, что голос Горького прозвучал и ещё раз напомнил о том, что так неотложно и так выполнимо. Друзья, ко всем, всем художникам обращался Алексей Максимович. В 1934 году он сказал о том, что всегда было нужно.

Пусть и эти заветы, прежде всего, будут выполнены в русском народе. Претерпел, преодолел народ и может среди победного "город строят" улыбнуться взаимно улыбкой доверия и уважения. Широко прозвучал голос Горького, и зов любимого писателя будет жить в сердце народа.

Послал статью о Горьком в "Сколар". Хотелось бы написать больше и о нём и о многом, но не такие теперь времена.

Всё, что угодно, может быть подведено под закон о защите Индии. Не оберёшься! Но тяжёк стал эзопов язык. Наверное, друзья удивляются, почему из писаний ушло яркое, точно бы всё делается по уровню полицейского. Вот из "Алтай-Гималаи" пришлось выкинуть больше трети книги - могло кому-то не понравиться. И без того около года бились, пока получили обратную визу в Индию. Но ведь об этих битвах друзья не знают. Многое им представляется совсем иначе. Сколько раз бывало, что хорошие люди сожалительно качали головой, говоря: "А нам всё это казалось совсем по-другому". Расстояния и обстоятельства перекрашивают многое по-своему.

19 Июня 1941 г.

Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

20 Июня 1941 г. Гималаи

Н.К. Рерих

СМЕКАЛКА

Часто вспоминаем сказ из петровских времён, как простой селянин перехитрил строителей искусных. Огромный камень мешал провести улицу отстроенного города. Строители предлагали взорвать камень и по частям убрать его. Стоял в сторонке селянин, ухмылялся. "Чего смеёшься?" спросил Пётр. - "Да коли прикажешь, завтра же этого камня не будет". "Делай, а сколько возьмёшь?" - "Двадцать пять рублей". - "Ладно, но не сняться". Собрал немедля селянин артель невеликую, вырыл рядом с камнем яму по его размерам, подкопал, свалил да и заровнял всё место как не бывало камня.

Вот и адмирал Макаров подсмотрел на оружейном заводе самоучное приспособление одного мастера, и получилось важнейшее усовершенствование. Да и тульские мастера стальную блоху подковали. В сельском хозяйстве складывалось много самодельных приспособлений, за которые на Западе получались бы дорогие патенты.

Теперь народная смекалка русская прорвала все заторы, и много замечательных достижений растёт в разных областях труда. Только что радио передало о полезнейших усовершенствованиях, достигнутых мастерами-рабочими. Разумная экономия сил и материалов происходит, когда тут же, среди машин, среди труда возникает воля к улучшению. Это и есть радостное совершенствование жизни, сложение счастливого будущего.

Строительство содержит в себе своего рода магнит. Бег большого корабля завлекает и малые лодочки. От ранних лет проснётся "здравый смысл", и заработает юный мозг на пользу великой стройки. Там, где прежде горели мученики науки, теперь будут радостно пылать сердца молодёжи, познавшей веление "можно". Вместо тёмного, мрачного "нельзя" зазвучит зовущее "можно". Вместо мертвенного "нет" засияет радужно светлое "да".

Давно об этом мечталось. Давно хотелось всеми силами поощрить молодёжь к достижениям. Только приоткрыть дверь, а там русская смекалка найдёт ход. Сотрудничество удесятрит силы. Много дано народу русскому.

20 Июня 1941 г.

Н.К. Рерих «Листы дневника», т.2. М., 1995 г.

21 Июня 1941г. Гималаи

Н.К. Рерих

БЕССПОРНОЕ

Экий спор! Один толкует: "Сам народ преуспел". Другой настаивает: "Без партии не вышло бы". Третий добавляет: "Без отваги не удалось бы". Четвёртый утверждает: "Сроки подошли". Если бы и сотню спорщиков собрать, каждый нашёл, что прибавить, но главное осталось бы незыблемо.

На русский народ обращены глаза всего мира. Все поняли, что он держит чашу весов. Он достиг, он преуспел. От него зависит решение. Об этом и спора не будет.

Простите, что опять записываю своё восхищение русскими достижениями. Яркие они, воодушевляют они, и радостно, что именно нашему народу выпала такая судьбина. Поверх всяких суждений и споров высится сияющая сущность.

Смешно видеть, как вокруг достижений русских плетутся всякие наветы, интриги. Каждое лукавое хитросплетение лишь показательно, насколько народы мира отдадут должное значению русской мощи. Сейчас об этом - ни напечатать, ни даже послать куда. Так - в пространство! "И высоко и далеко на родиму сторону!" Долетит ли мысль? Она-то долетит, но воспринята ли будет? Уж больно напряжены токи, напряжены люди.

Пусть бесспорное широко растекается. Укрепилось войско - бесспорно! Осознались колхозы - бесспорно! Растёт продукция и качество - бесспорно! Умножаются научные достижения - бесспорно! Звенит песнь, творятся произведения - бесспорно! Народу даётся образование и научные сведения - бесспорно. Слушают и в близких и в дальних странах о росте преуспеваний. Радуются друзья, закусывают губы враги.

Много врагов. По длине тени вычисляется рост предмета. "Скажи, кто твои враги, и я скажу, что ты есть". И народ русский может перечислять врагов. Каждое такое имячко будет ему почётно. Пусть злобствуют. Пусть наливаются завистью - это неизбежно. Бесспорное всегда особенно озлобляет вражескую сущность.

Один будет творить, другой будет осуждать. В этом противоречии рождаются новые искры движения, достижения. Горький издан в сорока миллионах, подумайте! Готовится народ почтить Лермонтова. Открыт в Куоккале музей

Репина. Сообщены широко творения русских композиторов. Довольно лежать в скрынях русским сокровищам. Пусть светят всему человечеству.

21 Июня 1941г.

Н.К. Рерих Листы «дневника», т.2. М., 1995.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Н.К. Рерих. Комета. 1941.

Н.К. Рерих

БУДУЩЕЕ

Вы спрашиваете меня о будущем некоторых стран и кончаете словами Бернарда Шоу, что "красный человек степей победит". Отвечу Вам вне географических ограничений. Сейчас и страны переименовываются и границы народов единого человечества колеблются.

Армагеддон, разгоревшийся в 1936 году, напомнил человечеству, какие именно основы создадут светлое будущее. Победит тот, кто сумеет покрыть механическую цивилизацию истинною Культурою.

Человечество переживает труднейший период переоценки ценностей, когда Культура проникает в широкие массы и совершается сдвиг сознания. Каждый деятель, понимающий значение Культуры, знает, насколько нелегко бороться с ветхими предрассудками и идти навстречу новому сознанию, открытому в сердцах молодых.

Во всей моей деятельности мне довелось близко встречаться с молодёжью и удостоверяться, насколько легко и естественно они мыслят об обновлении жизни, пока в них не проникнет ханжеская зараза предрассудков. Дети от самых ранних лет любят, когда им поручается работа взрослых, но по мере роста они заражаются "детскими" играми, вроде гольфа, футбола, кулачных боёв. Свиноподобное занятие валяться и бороться в грязи, к удивлению, находит своих энтузиастов. Такое времяпрепровождение, конечно, никто не назовёт культурным, ибо здоровый физический спорт не имеет ничего общего с безобразием приведённых уродств.

Победит тот, кто любит труд и понимает, что не золото, но именно трудовая единица является истинною ценностью. Преуспеют те народы, которые понимают красоту труда и не стремятся во что бы *[то]* ни стало иметь "гуд тайм". Конечно, может быть в отупении "гуд тайма" они стремятся прикрыть свою духовную нищету. Истинное доброе время может быть в возможности непрерывно творить свой любимый труд. Ведь и отдых заключается не в отупении, но в разумной смене труда и в накоплении новых впечатлений и творческих мыслей.

Происходящие переселения и переустройства имеют глубокое значение. В трудностях своих народы своеобразно преуспевают в сложении лучшего будущего.

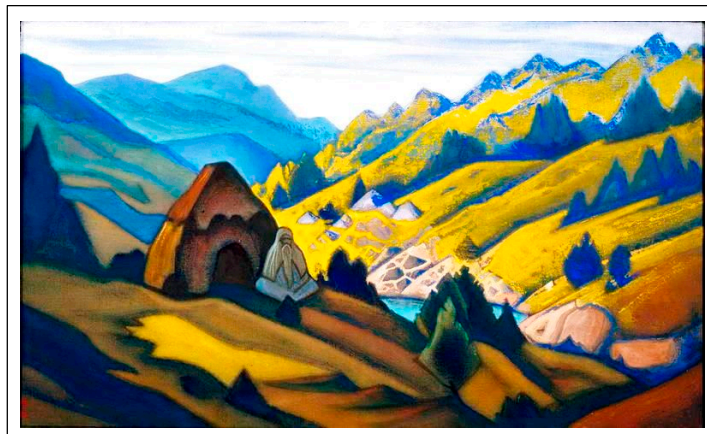
Вы спрашиваете также о положении в Европе нашего Пакта о Сохранении Культурных ценностей. Кто-то ему радуется, а некоторые не понимают его просветительного смысла. При начале европейской войны французские газеты вспомнили о Пакте. Впрочем, не забудем, что и идея Красного Креста осуществилась лишь через семнадцать лет, а казалось бы, уже чего проще она! Во всей жизни мы видим, что наиболее нужное встречает и наибольшие затруднения.

Победит тот, кто в основу поставит великое сотрудничество, любовь к труду и преданность Культуре. Искусство, наука и познание силы мысли приблизят светлое будущее.

[1939 г.]

Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 2. М. 1995 г.

«Хочется побеседовать со всеми ведомыми и неведомыми друзьями...»

Н.К. Рерих. Отшельник (Неведомый старик). 1941.

Н.К. Рерих

К ДАЛЬНИМ

Хочется побеседовать со всеми ведомыми и неведомыми друзьями. Знаем, что большинству из вас, а вернее, и всем нам сейчас тяжело. Ваша Культурная работа, как бы, не нужна. Часто о ней даже и заикаться не приходится.

Трудно и морально и денежно. Самые лучшие начинания неуместны. Отчаиваются соратники. Проползает сомнение. Слова о лучшем будущем кажутся химерами.

По счастью, в глубинах сознания, внесрочно и неумолчно, звучит голос победы. Много вы передумали, много перечитали, много беседовали, чтобы вызвать и укрепить этот спасительный приказ. Восхищение, восторг, радость тоже должны быть приказаны себе. В этом твёрдом ведении скажутся познания ваши, накопленные, собранные.

Приказ о радости вырастет из постоянного творческого делания. Будет оно или мысленное или действительное - безразлично. Важно, чтобы оно было, и тогда не обуяет вас отчаяние. Кто-то скажет - опять слова, а действительность больно ударяет нас. Того гляди, и череп проломит! Для кого слова, а кому и утверждение. И если в таком утверждении встретимся, то вместо слов вырастут решения.

Об Армагеддоне достаточно слышали и потому нечего поражаться. Происходит сложенное человечеством. Гроза и ливень, и вихрь! Если над вами есть кровля - переждите. Не бросайтесь опретью во тьму. Если бы мы могли по-прежнему общаться, многое могло быть обдуманно на пользу общую. Но ненастье настолько велико, что общения прерываются.

"И это пройдёт". Даже в трудные дни накопим и научимся. Среди накоплений будет ценным сознание о друзьях невидимых. Говорят, что и больным легче вместе. Так же и труждающимся легче сознавать о путниках на тех же путях.

О Культуре всегда уместно было мыслить, но теперь - особенно. Пусть даже о разных плоскостях её думается. Всё равно - лишь бы о строительстве, о познании, о труде сознательном. По этому направлению все вы мыслите на разных наречиях, в разных странах.

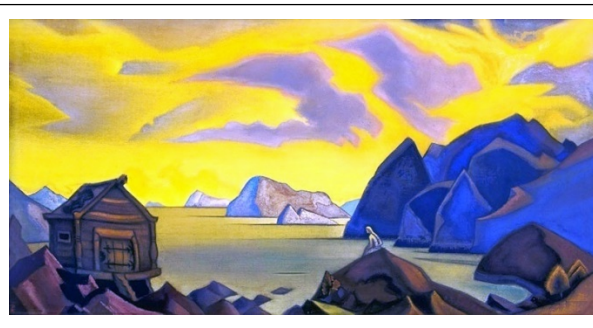
Реальность, действительность зовёт вас, и вы знаете, что добро едино во всём своём многообразии. К одному берегу пристанут труженики Культуры. Радостна будет встреча. Друзья, порадуемся!

(1941 г.)

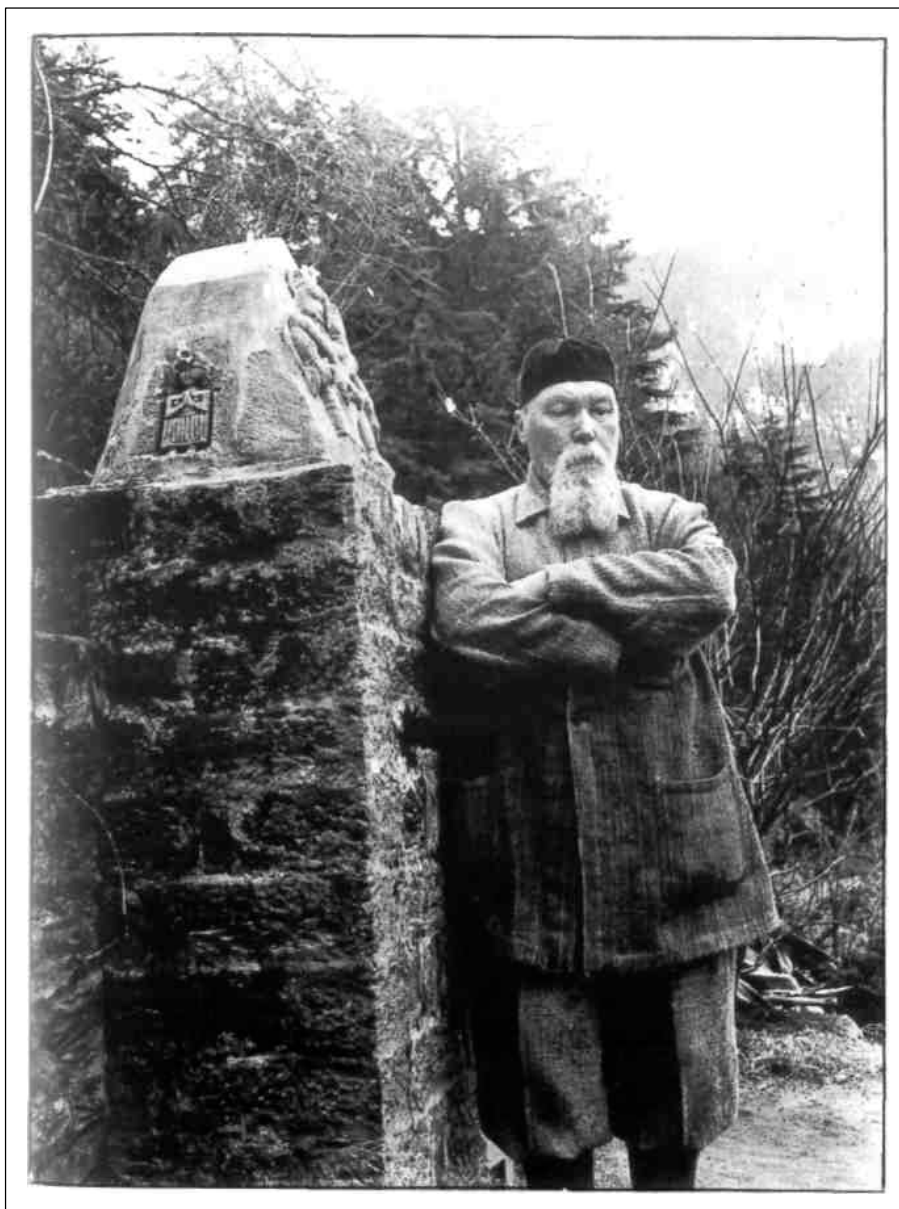
Н.К. Рерих "Из литературного наследия". М. 1974 г.

Н.К. Рерих. Ждут. 1917.

Н.К. Рерих. Ждущая. 1941.

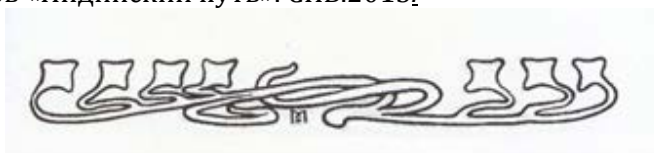
Н.К. Рерих в Кулу.
(Фото 1940-х гг.)

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Семейный архив Н.К. Рериха, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Отдел рукописей ГТГ. Фонды: 44, 106.
2. Периодические издания конца XIX- нач. XX вв., хранящиеся в Научной библиотеке Государственной Третьяковской галереи. Журналы: «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Мир искусства», «Жар-птица». «Зодчий», «Нива» и др.
3. Государственный архив Российской Федерации, Москва. Ф. Р-8350. Главный Концессионный Комитет при Совете Народных Комиссаров СССР. 1922 – 1937.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Москва.
5. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
6. Архив Columbia University Libraries, Bakhmeteff.
7. Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры, Дели). Ф. 1.
8. Архив Русского культурного центра, Дели, Индия. Ф. 1.
9. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 698.
10. Центральный государственный исторический архив СПб. Фонд 448. (ЦГИА СПб.)
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
12. Отдел рукописей Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина.
13. Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (ОР ИРЛИ РАН)
14. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ)
15. Архив Музея Рерихов, Москва.
16. Сергей Эрнст «Н.К. Рерих». 1918 г.
17. А.А. Ростиславов «РЕРИХ». Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.
18. Н.К. Рерих «Цветы Мории». Берлин 1921.
19. Н.К. Рерих. "Пути благословения". Алатас. 1924 г.
20. Ж. Сент-Илер «Криптограммы Востока». Париж. Я Поволоцкий и К°. 1929.
21. Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.
22. А.В. Ярёмченко «Николай Константинович Рерих». 1931. Нью-Йорк.
23. Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1933.
[К весне, вероятно, выйдет моя следующая книга, «Твердыня пламенная», посвящённая Всемирной Лиге Культуры, где меня избрали председателем. (Из письма 24 сентября 1932)]
25. Н.К. Рерих «Врата в будущее». – Рига: Угунс, 1936 - 326 с.
26. Н.К. Рерих «Нерушимое». – Рига: Угунс, 1936 - 349 с.
27. Игорь Грабарь «Моя жизнь» (автобиография). Изд. Искусство. 1937.
28. Рерих Н К. «Из литературного наследия», М., «Изобразительное искусство». 1974.
29. Каталог художественных произведений Н.К. Рериха с 1885 по 1974. Составил В.В. Соколовский. Новосибирск, Ротапринт НГУ, 1974. - 144 с.

30. 2 альбома с наклеенными фотографиями с картин Н.К. Рериха, составленные В.В. Соколовским. (*Место хранения - Государственный музей Востока.*)
31. Николай Рерих. Зажигайте сердца. М. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.
32. Грабарь И. Э. Письма (1917–1941). М.: Наука, 1977.
33. По тропам Срединной Азии / Пер. с англ. Н.Н. Зелинского. – Хабаровск, 1982.
34. В. Сидоров. Против течения: Повесть. - М.: М.А. "Мир через Культуру". 1992. - с. 96.
35. И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. СПб. 1993.
36. De visu 4(5)'93 . Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху. С. 30-49.
37. Сб. «Держава Рериха». М. Изобразительное искусство». М.1994.
38. Н.К. Рерих. Шамбала. М.: МЦР, 1994.
39. Н.К. Рерих «Листы дневника», тт. 1, 2, 3. Москва. 1995 - 1996.
40. Е. Яковлева «Театрально-декорационное искусство Н.К. Рериха». Изд. «Агни». 1996.
41. «Оккультизм и йога!». Ч. II. М. 1996.
42. Рерих Н.К. Гималаи – Обитель Света. Адамант. Самара: ТОО «Агни», 1996.
43. Фосдик З. Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами (По страницам дневника. 1922-1934). М.: Сфера, 1998.
44. П.К. Портнягин. Современный Тибет. (Экспедиционный дневник П. К. Портнягина) (1927-1928) // Ариаварта, № 2. 1998.
45. Н.К. Рерих Письма в Америку (1923 –и 1947). М.: «Сфера». 1998.
46. Н. Декроа. Тибетские странствования полковника Кордашевского. СПб., 1999.
47. Елена Ивановна Рерих. Письма (1919-1933) М.: МЦР, 1999.
48. Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.
49. Юрий Николаевич Рерих. Письма. (1919-1935 гг.) М.: МЦР 2002.
450. Вестник Ариаварты. 2002. № 2.
51. Откровение, (1920-1941). М. «Сфера». 2002.
52. Высокий путь. Ч. 1,2. Москва. «Сфера». 2002.
53. Вестник Ариаварты. 2003. № 1-2.
54. М.Л. Дубаев «Рерих». М., Молодая гвардия. 2003.
55. П.Ф. Беликов. «Святослав Рерих. Жизнь и творчество». М. 2004.
56. В.А. Росов. «Николай Рерих Вестник Звенигорода». Изд. Ариаварта-Персс, М. Кн. 1,2. 2004.
57. Е.И. Рерих. Листы дневника. (1927-28). Москва. 2006 .
58. Е. И. Рерих. Письма Том VII (1940-1947 гг.) – М.: Международный Центр Рерихов, 2007, 472 с.,
59. А. Анненко. «Владимир Шибаяев, секретарь Рериха». 2008.
60. Альбом «Николай Рерих». В 2-х томах. Самара: Агни; М.: Академия художеств; Цюрих: Кунст Бератунг, 2008.
61. Каталог. Живопись и рисунок. Николай Рерих, Святослав Рерих, Юрий Рерих, Елена Рерих. В 2-х томах МЦР. Москва, 2009.
62. Пётр Крылов Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов в музеях и собраниях Индии. СПб.2009.
63. Записи Учения Живой Этики. Т. 5-8. М. 2007- 2009.
64. "Ю.Н. Рерих. 110 лет со дня рождения". Сборник материалов научно-общественных чтений, Алматы, 2013.
65. Журнал "Дельфис" №80 (4/2014). Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе.
66. Пётр Крылов «Индийский путь». СПб.2015.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Н.К. Рерих. Шамбале Даик (Весть Шамбалы). 1940. На лицевой стороне обложки.
2. С.Н. Рерих. Портрет академика Н.К. Рериха. 1937.
3. Н.К. Рерих. Рамайна. 1937. С. 6..
- 4-5. Н.К. Рерих. Ковка меча 1941. / Н.К. Рерих. Микула Селянинович. 1937С. 8.
6. Н.К. Рерих. Башня ужаса. 1939 г. С. 9.
- 1938 г.**
7. Великая Китайская стена (открытое письмо). С 10.
8. Н.К. Рерих. Гималаи (Туман, скрывающий горные пространства). 1938. С.14.
9. Н.К. Рерих. Приказ Учителя. 1931.
10. Н.К. Рерих. Королевский монастырь. Тибет. 1932. . С. 30.
11. Н.К. Рерих. Мать Чингис-хана. 1931. С. 31.
- 12-14. Н.К. Рерих. Помни. 1924. / Жемчуг исканий. 1924. / Жар-цвет. 1924. С. 40.
15. Н.К. Рерих. Тень Учителя. 1933. С. 43.
- 16-17. Дом в Тойла (Эстония), в котором жил И. Северянин. / И. Северянин на рыбалке. Тойла-Ору (Эстония), *Фото до 1935 г.* С. 48.
18. Н.К. Рерих. Гуга Чохан. 1931. С. 52.
19. Н.К. Рерих. Серебряное царство. 1938. С. 53.
20. Н.К. Рерих. Дозорный Гималаев. (Ледяной сфинкс). 1938. С. 55.
21. Н.К. Рерих. Гималаи (Небесные ступени). 1938. С. 57.
22. Н.К. Рерих. Кришна. 1938. С. 58.
- 23-24. Леонардо да Винчи. Сидящий человек, этюд движения воды 1510. / Ленардо да Винчи. Битва при Ангиаре. Фреска. 1503-1506. С. 64.
25. А. Яковлев. Автопортрет. 1917. С. 72.
26. Н.К. Рерих. Гималаи (Облачные сны). 1938. С. 79.
- 27-29. Н.К. Рерих. Канченджунга 1924. / Белуха. 1926. / Эльбрус. Кавказ. 1926. . С. 84.
30. Н.К. Рерих. Мать Чингиз-хана. 1933. С. 85.
31. В.Ф. Булгаков и дочери Татьяна и Ольга. Фото 1931.С. 86.
32. Зал академика Н.К. Рериха в Русском Культурно-Историческом Музее в Праге 16 июня 1938 г. С. 87.
- 33-34. 2 фото 16 Июня 1938 г.: Открытие зала Н.К. Рериха. С. 88.
35. Н.К. Рерих. Ашрам. 1931. С. 91.
36. Н.К. Рерих. Зов. 1938. (*Ч/б воспроизведение*) (*Картина принесена в дар Красному Кресту*). С. 95.
37. Н.К. Рерих. Гималаи (Три витязя). 1938. С. 99.
38. Н.К. Рерих. Гималаи (Белеющиеся вершины). 1938. С. 101.
- 39-40. Н.К. Рерих. Жилище Гудинга. 1907. / Н.К. Рерих. Заклятие огня. 1907. С. 107.
41. Фото: Константин Сергеевич Станиславский. С. 108.
42. Н.К. Рерих. Гималаи (Видение синих пиков). 1938. С. 114.
43. Императорская академия художеств. Урок рисования. Фото 1890-х гг. С. 120.
- 1939 г.**
44. Н.К. Рерих. Гималаи (Ледяные волны). 1939. С. 140.
45. Н.К. Рерих. Древний Новгород. 1936. С. 142.
- 46-47. Новгородский Погост (Северная Русь). 1943. / Н.К. Рерих. Псков.1936. С. 146.
48. Н.К. Рерих. Древний Псков. 1936. С. 147.
- 49-50. Серов. Портрет Е.И. Рерих. 1909. / С.Н. Рерих. Портрет Е.И. Рерих. 1937. С. 152.
51. Фото: Владимир Алексеевич Щуко. С. 153.
52. Фото: Чарльз Крэн. С. 154.
53. Н.К. Рерих. Печаль. 1939. С. 156.
54. Н.К. Рерих. И открываем врата. 1939. С. 160.
56. Палаты Голицына. 1919. Эскиз декорации. С. 165.
57. Н.К. Рерих. Затмение. 1939. С. 174.
58. Автограф письма А.М. Ремизова, 29 апр. 1939 г. С. 178.

59. Фото: А.Н. Бенуа. 1940-е гг. С. 181.
58. Н. Богданов-Бельский. Деревенские мальчики. 1936. С. 187.
59. Н.К. Рерих. Бой. Эскиз для мозаики. 1906. С. 201.
60. Русский отдел на Всемирной выставке в Нью-Йорке. 30 апреля 1939 г. С. 203.
61. Диплом Почётного члена Комитета Культуры Аргентины. С. 207.
62. «Художественные сокровища России» - журнал, 1901 г. №1. С. 216.
63. Н.К. Рерих. Враг рода человеческого. 1914. С. 219.
64. Н.К. Рерих. Самолёт (Ковёр-самолёт). 1939. С. 220.
65. Руины Варшавы. (Фото 1939 г.) С. 223.
66. Н.К. Рерих. Египет. 1939. С. 224.
67. Н.К. Рерих. Ведущая. 1932. С. 226.
- 68-62. Н.К. Рерих. Настасья Микулишна. 1938. / Н.К. Рерих. Пустыня. 1938. С. 228.
- 69-70. Н.К. Рерих. Гималаи. (Голубые горы.) 1939. /
- Н.К. Рерих. Голос Монголии. 1937. С. 229.
71. Н.К. Рерих. Святейшая Тангла. 1939. С. 230.
72. Н.К. Рерих. Дозорный (Ледяной сфинкс). 1938. С. 242.
73. Н.К. Рерих. Гималаи (Созвучие очертаний). 1939. С. 253.
74. Н.К. Рерих. Полуночное. 1940. С. 256.
- 1940 г.**
75. Н.К. Рерих. Армагеддон. 1940. С. 257.
76. Н.К. Рерих. Тревога. 1939. С. 258.
77. Н.К. Рерих. Гималаи (Ушедшие в вечность). 1940. С. 263.
78. Н.К. Рерих. Гималаи. Венец земли. 1939. С. 265.
79. И.Н. Крамской. Портрет А.И. Куинджи. 1872. С. 269.
80. А.И. Куинджи. Лунная ночь на Днепре. 1880. С. 271.
81. Н.К. Рерих. Гималаи (Неприступная твердыня). 1940. С. 272.
- 82-83. Н.К. Рерих. Весть Тирону. 1940./
- Н.К. Рерих. Новая Земля. (Новгородцы) 1940. С. 279.
- 84-89. Н.К. Рерих Сантана. 1935-36. / Шамбале Даик. 1938. /
- Генисаретское озеро. 1939. / Брамапутра. До 1939. / И открываем врата. 1939. /
- Пламенные мысли (Мысли огненные). 1934. С. 283.
90. Н.К. Рерих. Философ. Тишина. 1940. С. 284.
91. Н.К. Рерих. Святогор. 1938. С. 288.
92. Н.К. Рерих. Гималаи (Земное и Небесное). 1940. С. 294.
93. Н.К. Рерих. Аллал Минг. 1920. Автоматический рисунок. С. 295.
94. Н.К. Рерих. Вестник от Гималаев. 1940. С. 297.
95. Н.К. Рерих. Сантана. 1935-36. С. 298.
96. Н.К. Рерих. Искандер и отшельник. 1938. М. 300.
- 97-98. Н.К. Рерих. Бхагаван. 1932. / Н.К. Рерих. Лао-цзы. 1937. С. 301.
99. Н.К. Рерих. Сантана. 1928 г. / 1938 г. С. 302.
100. Н.К. Рерих. Весть Шамбалы. 1939. С. 303.
101. Н.К. Рерих. Вести от Гималаев.. 1940. (Эскиз). С. 305.
102. Н.К. Рерих. Эскизы декорации к «Весне Священной». 1910. С. 307.
103. Н.К. Рерих. Половецкий стан. 1909. Музей Альберта и Виктории. С. 308.
- 104-106. Н.К. Рерих. Героика Китая. 1937./ Победные огни (Цветы Тимура). 1930-е -
- 1940./ Приданое китайской принцессы Уэн-Чинг" (Вэн-Чин). 1928-29. С. 309.
- 107-108. Н.К. Рерих. Весть от Гималаев (Направляясь домой). 1940. /
- Н.К. Рерих. Радовашеся Ярослав граду Киеву. 1938. С. 310.
109. Н.К. Рерих. Сергей-Строитель. 1940. С. 311.
110. Парад вермахта в Париже. Фото 1940 г. С. 314.
- 111-113. Н.К. Рерих. Гонец. 1897. / Сходятся старцы. 1897-1892. / Поход. 1899. С. 317.
- 114-117. Н.К. Рерих. Как перевелись богатыри на Руси. 1896. /
- Илья Муромец едет от гроба Святогора. 1896. / Микула Селянинович. 1937. /
- Настасья Микулична. 1938. С. 318.

- 118-119. Н.К. Рерих. Город строят. 1902. / Богатыри проснулись. 1940. С. 319.
120. Н.К. Рерих. Святой остров. 1917. С. 322.
121. Фото: Рабиндранат Тагор с учениками в Шантиникетан. С. 326.
122. Н.К. Рерих. Радовашеся Ярослав граду Киеву. (*Ч/Б воспр.*) / Наброски:
1. Общая композиция. 2. Ярослав. 3. Мужская фигура со свитком. 4. Свиток. С. 328.
123. Н.К. Рерих. Звезда героя. 1936. (*Музей Николая Рериха, Нью-Йорк*). С. 330.
124. Н.К. Рерих. Гималаи (Всплески света). 1940. С. 331.
125. Н.К. Рерих. Гималаи. 1940. С. 333.
126. 2 фото: Букингемский дворец после налёта немецких бомбардировщиков. Лондон, 13 сент. 1940 г. С. 335.
127. Н.К. Рерих. Клад захороненный. 1917. С. 339.
- 127-129. Н.К. Рерих. Стражи (Тридцатое царство). 1940. / Гималаи (Каменный страж). 1938. / Гималаи (Дозорный). 1939. С. 341.
- 130-131. Н.К. Рерих. По Ергору едет всадник. 1927. / Н.К. Рерих. Ковка меча (Нибелунги). 1940-41. С. 342.
132. Н.К. Рерих в Гималаях. Фото 1938 г. С. 343.
- 133-135. Н.К. Рерих. Лао-тзы. 1924. / Н.К. Рерих. Бамбук. Гималаи. 1924. / Н.К. Рерих. Страшный замок. (Этюд пня). 1909. С. 344.
136. Н.К. Рерих. Холмы. 1940. С. 350.
137. Н.К. Рерих. Борис и Глеб. 1919. С. 353.
- 138-139. Москва. Мемориальный музей А. Скрябина. / Рабочий кабинет. (*Старое и современное фото*). С. 361.
140. Н.К. Рерих. Йенно Гуйо Дья - друг путников. 1925. С. 362.
- 141-142. Н.К. Рерих. Покорение Казани. / Сеча при Керженце. 1911. С. 364.
143. Н.К. Рерих. Книга жизни. 1930-е. С. 366.
- 1941 г.**
144. Н.К. Рерих. Гималаи (Сверкающие вершины). 1941. С. 367.
145. Н.К. Рерих. Новая земля (Новугородцы). 1940. С. 369.
146. Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910. С. 370.
- 147-148. Н.К. Рерих. Армагеддон. 1936. / Армагеддон. 1940. С. 380.
149. С.Н. Рерих. Мужчина из долины Кулу. 1937. С. 391.
- 150-151. Н.К. Рерих. Гонец. 1897. / Н.К. Рерих. Вестник от Гималаев. 1940. / Н.К. Рерих. Вестник. 1924. (*Адьяр*). / Н.К. Рерих. Вестник. 1925. / С. 396.
- Н.К. Рерих. Добрые травы. 1941. С. 397.
- 155-156. 2 иллюстрации Н.К. Рериха к статье «Велики тетријеб» в журнале «Нада», 1896. С. 400.
157. Н.К. Рерих. Хоровод. 1941. С. 403.
158. Лондон. Разрушенный собор Св. Павла. Фото 1941 г. С. 404.
159. Н.К. Рерих. Гималаи (Начало нового дня). 1941. С. 406.
160. Н.К. Рерих. Гималаи. (Солнце зашло). 1941. С. 407.
161. Н.К. Рерих. Гималаи (Самоцветы гор). 1941. С. 409.
- 162-163. Н.К. Рерих. Каменный век. (Деревня первобытных). 1905./ Н.К. Рерих. Божий дом. 1903. С. 411.
164. Н.К. Рерих. Слепой. 1941. С. 412.
165. Н.К. Рерих. Гесэр-хан. 1941. С. 416.
- 166-167. Н.К. Рерих. Перевал Ротанг. 1936. / Ладак (Конь Гесэр-хана). 1936. С. 404
168. Н.К. Рерих. Комета. 1941. С. 417.
169. Н.К. Рерих. Отшельник (Неведомый старик). 1941. С. 422.
- 170-171. Н.К. Рерих. Ждут. 1917. / Ждущая. 1941. С. 423.
172. Н.К. Рерих в Кулу. (*Фото 1940-х гг.*) С. 424.

Н.К. Рерих
Великая симфония жизни (Автобиография).
Книга 18.

ОПЯТЬ ВОЙНА

ВСТУПЛЕНИЕ	
Н.К. Рерих. ОПЯТЬ ВОЙНА (Сентябрь 1939 г.)	5
Н.К. Рерих. ВОЙНА (Май 1939 г.)	7
Н.К. Рерих. МЕЧИ (1939)	9

ЧАСТЬ 1.

1938 г.

ЯНВАРЬ

Н.К. Рерих. ПАРАПСИХОЛОГИЯ (1 января 1938 г.)	11
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (2 января 1938 г. Наггар, Кулу)	14
Письмо Рихарда Рудзитиса к Елене и Николаю Рерихам (4 января 1938 г. Рига)	15
Письмо Н.К. Рериха в Америку (5, 8 января 1938 г. Наггар, Кулу)	17
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (8 января 1938 г. Наггар, Кулу)	18
Письмо Е.И. Рерих к Святополк-Четвертинской Е.К. (11 января 1938 г.)	21
Н.К. Рерих. ДУШЕВНОСТЬ (1938 г.)	22
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (15 января 1938 г. Наггар, Кулу)	23
Письмо Н.К. Рериха к Елене Писаревой (18 января 1938 г. Наггар, Кулу)	25
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (18 января 1938 г. Наггар, Кулу)	26
Письмо Н.К. Рериха в Америку (22 января 1938 г. Наггар, Кулу)	28
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (24 января 1938 г. Прага)	29
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (25 января 1938 г. Прага)	33
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (26 января 1938 г. Рига)	34
Письмо Н.К. Рериха в Америку (29 января 1938 г. Наггар, Кулу)	35
Письмо Рихарда Рудзитиса к Н.К. Рериху (30 января 1938 г. Рига)	36
Н.К. Рерих. НАРОД (1938 г.)	37
Н.К. Рерих. РУССКАЯ ИКОНА. (1938 г.)	37
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (31 января 1938 г. Прага)	38

ФЕВРАЛЬ

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (1 февраля 1938 г. Наггар, Кулу)	39
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (11 февраля 1938 г. Наггар, Кулу)	41
Письмо Н.К. Рериха к Булгакову к В.Ф. (17 февраля 1938 г. Наггар, Кулу)	42
Н.К. Рерих. ЛАДА (Февраль 1938 г.)	44

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (21 февраля 1938 г. Наггар, Кулу).....	45
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (21 февраля 1938 г. Наггар, Кулу).....	46
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (25 февраля 1936 г. Наггар, Кулу).....	47
Письмо Н.К. Рериха к Кауну Александру (25 февраля 1938 г. Наггар, Кулу).....	48
Письмо И. Северянина к Рериху Н.К. (28 февраля 1938 г. Toila).....	50

МАРТ

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (1 марта 1938 г. Наггар, Кулу).....	51
Письмо Е.И. Рерих к Катрин Кемпбелл (4 марта 1938 г. Наггар, Кулу).....	53
Письмо Н.К. Рериха в Америку (5 марта 1938 г. Наггар, Кулу).....	54
Н.К. Рерих. CREDO (1938 г.).....	55
Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к Лукину Г.Ф. (1 2 марта 1938 г. Наггар, Кулу).....	56
Письмо Н.К. Рериха к Северянину И. (21 марта 1938 г. Гималаи).....	58
Н.К. Рерих. ТВОРЧЕСТВО (24 марта 1938 г. Гималаи).....	59

АПРЕЛЬ

Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к З.Г. Лихтман, Ф. Грант, К. Кэмпбелл и М. Лихтману (8 апреля 1938 г. Наггар, Кулу).....	65
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (25 апреля 1938 г. Наггар, Кулу).....	68
Письмо А. Кауна к Рериху Н.К. (26 апреля 1938 г. Калифорния).....	69

МАЙ

Письмо Н.К. Рериха к Метальникову С.И. (2 мая 1938 г. Гималаи).....	70
Письмо И. Северянина к Рериху Н.К. (5 мая 1938 г. Estonie, Toila).....	71
Н.К. Рерих. АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ ([12 мая] 1938 г.).....	72
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (17 мая 1938 г. Гималаи).....	73
Письмо Е.И. Рерих к З.Г. Лихтман, К. Кэмпбелл и М. Лихтману (17 апреля 1938 г. Наггар, Кулу).....	74
Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к К. Кэмпбелл, З.Г. и М. Лихтманам (17 мая 1938 г. Наггар, Кулу).....	77
Н.К. Рерих. ЦИВИЛИЗАЦИЯ (20 мая 1938 г.).....	79
Н.К. Рерих. БУДЕМ БЕРЕЖЛИВЫ (1938 г.).....	82
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (24 мая 1938 г.).....	83
Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф. (31 мая 1938 г.).....	84

ИЮНЬ

Письмо Н.К. Рериха к Кауну Александру (11 июня 1938 г. Наггар, Кулу).....	86
Открытие зала Н.К. Рериха в Русском Культурно-Историческом Музее. (16 июня 1938 г. Прага).....	87
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (17 июня 1938 г. Прага).....	89
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (20 июня 1938 г. Гималаи).....	93
Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к З.Г. Лихтман (21 июня 1938г. Гималаи).....	93
Н.К. Рерих. ВАНДАЛЫ (24 июня 1938 г.).....	95
Н.К. Рерих. ПОТЕРИ (1938 г.).....	97
Письмо Н.К. Рериха к Северянину И. В. (27 июня 1938 г. Гималаи).....	98

ИЮЛЬ

Письмо И. Северянина к Рериху Н.К. (7 июля 1938 г. Toila).....	100
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (18 июля 1938 г.).....	100
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (19 июля 1938 г. Гималаи).....	101
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (22 июля 1938 г. Гималаи).....	102
Письмо А. Кауна к Рериху Н.К. (31 июля 1938 г. Калифорния).....	103

АВГУСТ

Письмо Н.К. Рериха к И.Э. Грабарю И.Э. (1 августа 1938 г. Наггар, Кулу)	104
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К. (2 августа 1938 г. Наггар, Кулу)	105
Письмо Н.К. Рериха к Северянину И. (3 августа 1938 г. Гималаи)	106
Н.К. Рерих. ТЕАТР (Август 1938 г.)	107
Н.К. Рерих. СТАНИСЛАВСКИЙ (1938 г.)	108
Письмо Н.К. Рериха в Правление Русского Культурно-Исторического Музея в Праге. (16 августа 1938 г.)	109
Н.К. Рерих. НОВОСТИ (17 августа 1938 г.)	110

СЕНТЯБРЬ

Письмо Н.К. Рериха к Кауну Александру (3 сентября 1938 г. Наггар, Кулу)	113
Н.К. Рерих. ВПЕРЕД (4 Сентября 1938 г.)	114
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (6 сентября 1938 г.)	115
Н.К. Рерих. СТИХИЯ (1938 г.)	117
Н.К. Рерих. АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ (28 Сентября 1938 г.)	117

ОКТАБРЬ

Стихи Н.К. Рериха. Перепечатано из THE VISION – октябрь 1938 года	121
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (19 октября 1938 г.)	122

НОЯБРЬ

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (4 ноября 1937 г. Наггар, Кулу)	123
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (5 ноября 1938 г.)	124
Письмо Алексиса Раннит к Рериху Н.К. (28 ноября 1937 г. Таллинн)	124

ДЕКАБРЬ

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (1 декабря 1938 г.)	125
Н.К. Рерих. ГОНЕНИЯ (1938 г.)	126
ХРОНИКА ВОЙНЫ («ГАЗЕТА ДЛЯ ВСЕХ». (Воскресенье, 25 декабря 1938 г.)	127
Академик Н.К. Рерих. РУССКАЯ ИКОНА (1938 г.)	130

1939 г.

ЯНВАРЬ

Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (1 января 1939 г. Прага)	131
Письмо С. Ремизовой к Рериху Н.К. (2 января 1939 г. Париж)	133
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (4 января 1939 г. Прага)	134
Письмо Н.К. Рериха к Буцену Ф. А. (4 января 1939 г.)	137
Письмо Н.К. Рериха к Муромцеву И.Э. (7 января 1939 г. Наггар, Кулу)	138
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (7 января 1939 г. Наггар, Кулу)	139
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (23 января 1939 г. Наггар, Кулу)	140
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (27 января 1939 г. Наггар, Кулу)	141

ФЕВРАЛЬ

Н.К. Рерих. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД (1 февраля 1939 г.)	143
Н.К. Рерих. ПСКОВ (1939)	147
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (2 февраля 1939 г.)	148
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (8 февраля 1939 г.)	149
Письмо А.Н. Бенуа к Рериху Н.К. (9 февраля 1939 г.)	150
Н.К. Рерих. ЛАДА (февр. 1939)	153
Н.К. Рерих. ЩУКО (14 февраля 1939)	154
Н.К. Рерих. ДРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (18 февраля 1939)	155
Н.К. Рерих. ЧАРЛЬЗ КРЭН (Февраль 1939)	157

Письмо А.Н. Бенуа к Рериху Н.К. (18 февраля 1939 г.) 161

МАРТ

Н.К. Рерих. МЕЧТЫ (1 марта 1939 г.) 162
Н.К. Рерих. ПЕТРОВ-ВОДКИН И ГРИГОРЬЕВ (9 марта 1939 г.)163
Н.К. Рерих. СЛАВА МУСОРГСКОМУ (Март 1939 г.)164
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (13 марта 1939 г.) 165
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (14 марта 1939 г.) 166
Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И.Ф. (22 марта 1939 г.)168
Н.К. Рерих. 24 МАРТА 1939 г. МУСОРГСКОМУ (Март 1939 г.)168
Н.К. Рерих. РАВНОДУШНЫЕ (24 марта 1939 г.)169
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (31 марта 1939 г.) 170

АПРЕЛЬ

Н.К. Рерих. GOOD FRIDAY (9 апреля 1939 г.) 171
Н.К. Рерих. МИР В МАСКЕ (21 апреля 1939 г.)172
Н.К. Рерих. «ПАРИЖ» (21 апреля 1939 г.)173
Н.К. Рерих. БУДУЩЕЕ (1939 г.) 174
Письмо Серафимы Павловны Ремизовой к Рериху Н.К.
Приложение: Письмо А.М. Ремизова (1939 г. 28 Апреля) 175-176

МАЙ

Н.К. Рерих. САМОЕ УТОМИТЕЛЬНОЕ (1 мая 1939 г.) 177
Н.К. Рерих. БЕНУА (10 мая 1939 г.)179
Н.К. Рерих. ЗНАЙТЕ (1939 г.)180
Петр Пильский. СЕДОЙ ВЕКОВОЙ ТУМАН (12 мая 1939 г.)181
Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (15 мая 1939 г.)186
Письмо Н. Богданова-Бельского к Рериху Н.К. (Рига 16 мая 1939 г.) 186
Н.К. Рерих. ГОРОДА ПОГЛАЩЁННЫЕ (18 мая 1939 г.)188
Н.К. Рерих. ОСТАНКИ (1939 г.)189
Н.К. Рерих. НОВИЗНА (20 мая 1939 г.) 190
Н.К. Рерих. ТУШИТЕЛИ (22 мая 1939 г.)191
Н.К. Рерих. ВОЙНА (23 мая 1939 г.) 192
Н.К. Рерих. ЗНАМЯ МИРА (24 мая 1939 г.)193
Н.К. Рерих. ТРИУМФ ЭЛЛАДЫ (1939 г.) 194
Письмо Н.К. Рериха к Альбуэрно Хосе. (25 мая 1939 г.) 196
Письмо И. Северянина к Рериху Н.К. (27 мая 1939 г.) 196

ИЮНЬ

Н.К. Рерих. ШОВИНИЗМ (3 Июня 1939 г.) 197
Н.К. Рерих. ПРОЧНАЯ РАБОТА ([3 Июня] 1939 г.)198
Письмо Сергея Ивановича Лю¹ к Рериху Ю.Н (18 июня 1939 г. Куньмин)200

ИЮЛЬ

Н.К. Рерих. ДРУЗЬЯМ-ХУДОЖНИКАМ (7 июля 1939 г.) 201
Н.К. Рерих. РУССКАЯ СЛАВА (27 июля 1939 г.)203

АВГУСТ

Диплом Почётного члена Комитета Культуры Аргентины.
(1 августа 1939 г. Буэнос-Айрес) 205

¹ Лю Сергей Иванович (преподаватель русского языка в Пекинском университете и Юго-Западном университете Китая) – ред.

Н.К. Рерих. "МИР ИСКУССТВА" (4 Августа 1939 г. Гималаи)	206
Письмо Ю.Н. Рериха к Лю С.И. (10 августа 1939 г. Наггар)	208
Н.К. Рерих. "МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ" (12 Августа 1939 г. Гималаи)	209
Письмо Е.И. Рерих и Н.К. Рериха к Рудзитису Р.Я. (12 Августа 1939 г. Гималаи)	210
Н.К. Рерих. "СОКОВИЩА РОССИЙСКИЕ" (12 Августа 1939 г. Гималаи)	212

СЕНТЯБРЬ

Письмо Е.И. Рерих к Вайчулянису К.С. (2 сентября 1939 г.)	214
Н.К. Рерих. ОПЯТЬ ВОЙНА (3 сентября 1939 г. Гималаи)	215
Н.К. Рерих. ОХРАНИТЕЛЯМ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (3 сентября 1939 г. Гималаи)	217
Н.К. Рерих. МЕЧИ (1939 г.)	218
Н.К. Рерих. ВПЕРЕД (1939 г.)	219
Н.К. Рерих. ЗАБОТА (1939 г.)	220
Н.К. Рерих. ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ (1939 г.)	221

ОКТАБРЬ

Письмо Н.К. Рериха к Беликову П.Ф. (19 октября 1938 г. Гималаи)	222
Н.К. Рерих. СПАСИТЕЛЬНИЦЫ (20 Октября 1939 г. Гималаи)	223
Н.К. Рерих. СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ (21 Октября 1939 г. Гималаи)	224
Н.К. Рерих. МИРАЖИ (22 Октября 1939 г. Гималаи)	225
Н.К. Рерих. ВСТРЕЧИ (24 Октября 1939 г. Гималаи)	227
Н.К. Рерих. ПРОПУСК (30 Октября 1939 г. Гималаи)	228

НОЯБРЬ

Н.К. Рерих. ПРОДАЖА КИНЖАЛОВ (1 ноября 1939 г. Гималаи)	230
Письмо Н.К. Рериха к Шибаеву В.А. (6 ноября 1939 г. Гималаи)	231
Письмо В.А. Шибаева к Рериху Н.К. (7 ноября 1939 г.)	231
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к членам Латвийского общества Рериха (9 ноября 1939 г. Гималаи)	232
Н.К. Рерих. ВРЕДИТЕЛИ (14 ноября 1939 г. Гималаи)	234
Н.К. Рерих. НУЖДА (1939 г.)	235
Н.К. Рерих. СУДЬБЫ (17 ноября 1939 г. Гималаи)	236
Письмо Н.К. Рериха в Америку (20 ноября 1939 г. Наггар, Кулу)	237
Н.К. Рерих. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ (25 ноября 1939 г. Гималаи)	240
Письмо Н.К. Рериха в Америку (27 ноября 1939 г. Наггар, Кулу)	240

ДЕКАБРЬ

Письмо Н.К. Рериха к Булгакову В.Ф. (4 декабря 1939 г.)	242
Н.К. Рерих. ОБЗОРЫ ИСКУССТВА (7 декабря 1939 г. Гималаи)	243
Н.К. Рерих. ЗНАЙТЕ (1939 г.)	244
Письмо Н.К. Рериха в Америку (10 декабря 1939 г. Наггар, Кулу)	245
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих – членам Латвийского общества Рериха (15 декабря 1939 г.)	247
Письмо Н.К. Рериха в Америку (18 декабря 1939 г. Наггар, Кулу)	248
Письмо Н.К. Рериха в Америку (30 декабря 1939 г. Наггар, Кулу)	250
Н.К. Рерих. БОЛЬНОЙ ГОД (Декабрь 1939 г.)	252-253

1940 г.

ЯНВАРЬ

Н.К. Рерих. БОЛЬ ПЛАНЕТЫ (1940 г.)	254
Н.К. Рерих. ТРЕВОЖНО (1940 г.)	256
Н.К. Рерих. СО-РОКОВОЙ (1940 г. Гималаи)	256
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (9 января 1940 г. Гималаи)	258

Н.К. Рерих. ВАЙЧУЛЯНИС (10 января 1940 г.)	259
Н.К. Рерих. ФЛОРЕНТИНА СУТРО (10 января 1940 г.)	260
Н.К. Рерих. ТУДА И ОТТУДА (1940 г.)	262
Н.К. Рерих. СКРЫНЯ (16 января 1940 г. Гималаи)	263
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (23 января 1940 г. Гималаи)	264
Н.К. Рерих. КУИНДЖИ (1940 г. Гималаи)	266
Н.К. Рерих. КРУЖНЫЕ ПУТИ (24 января 1940 г. Гималаи)	268
Н.К. Рерих. НАШЕ ЛАТВИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО (28 января 1940 г. Гималаи)	270
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (30 января 1940 г. Гималаи)	271
Н.К. Рерих. АМЕРИКА (30 января 1940 г. Гималаи)	273

ФЕВРАЛЬ

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (7 февраля 1940 г. Гималаи)	274
Н.К. Рерих. НАРОДНОСТЬ (14 февраля 1940 г. Гималаи)	275
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (17 февраля 1940 г. Гималаи)	277
Н.К. Рерих. СТРАННИКИ (1940 г. Гималаи)	280
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке (26 февраля 1940 г.)	281-283

МАРТ

Н.К. Рерих. РУССКОСТЬ (Март 1940 г.)	284
Н.К. Рерих. ДРУЗЬЯ (3 марта 1940 г.)	285
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку (Март 1940 г.)	286
Н.К. Рерих. НЕДОПИСАННОЕ (24 марта 1940 г.)	289
Н.К. Рерих. 24 МАРТА 1940 г. (1940 г.)	291-292

АПРЕЛЬ-МАЙ

Н.К. Рерих. МОЛОДОМУ ДРУГУ (8 апреля 1940 г.)	293
Н.К. Рерих. ЕЩЁ АМЕРИКА (8 апреля 1940 г.)	294
Н.К. Рерих. САНТАНА (1940 г.)	298
Н.К. Рерих. ПРОРОЧЕСТВО (1940 г.)	299
Н.К. Рерих. МИСТИЦИЗМ (1940 г.)	300-301

ИЮНЬ

Н.К. Рерих. ВСТРЕЧИ (1 июня 1940 г.)	306
Н.К. Рерих. НЕ ЗАМАЙ (10 июня 1940 г.)	311
Н.К. Рерих. НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ (14 июня 1940 г.)	312
Н.К. Рерих. АМЕРИКА (15 июня 1940 г.)	313
Н.К. Рерих. ПСИХИЧЕСКИЙ КАНИБАЛИЗМ (18 июня 1940 г.)	314
Н.К. Рерих. БЕЗУМИЕ (22 июня 1940 г.)	315
Н.К. Рерих. ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ НАРОДУ (24 июня 1940 г.)	316-319

ИЮЛЬ

Н.К. Рерих (о Листах дневника). ПОСЕВ (3 июля 1940 г.)	320
Н.К. Рерих. УБЕРЕГИТЕ (4 июля 1940 г.)	321
Н.К. Рерих. НА ОСТРОВЕ (7 июля 1940 г.)	322
Н.К. Рерих. ГРАБИТЕЛЬСТВО (23 июля 1940 г.)	323
Н.К. Рерих. ОПЯТЬ АМЕРИКА (1940 г.)	324
Н.К. Рерих. «ТАГОР. ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ» (25 июля 1940 г.)	326
Н.К. Рерих. СОТРУДНИКУ (29 июля 1940 г. Гималаи)	327-328

АВГУСТ

Н.К. Рерих. АМЕРИКА (2 августа 1940 г. Гималаи)	329
Н.К. Рерих. СБЛИЖЕНИЕ (1940 г.)	331
Н.К. Рерих. НУТРО (5 августа 1940 г.)	332

СЕНТЯБРЬ

Н.К. Рерих. ГОДОВЩИНА (1 сентября 1940 г.)	333
Н.К. Рерих. ЗА ЧТО? (10 сентября 1940 г.)	334
Н.К. Рерих. ДОГОВОР (1940 г.)	335
Н.К. Рерих. ПАМЯТКИ ([18 сентября] 1940 г. Гималаи)	336
Н.К. Рерих. ЗЕМЛЯ ОБНОВЛЁННАЯ (1940 г.)	337
Н.К. Рерих. АНТИФОБИИ (28 сентября 1940 г. Гималаи)	340

ОКТАБРЬ

Н.К. Рерих «ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО» (5 Октября 1940 г.)	341
Н.К. Рерих ШАТАНИЯ (12 Октября 1940 г.)	344
Н.К. Рерих ПРЕДРАССУДКИ (1940 г.)	345
Н.К. Рерих БУДУЩЕЕ (15 Октября 1940 г.)	346
Н.К. Рерих В АМЕРИКУ (20 Октября 1940 г.)	347
Н.К. Рерих НЕДОУМЕНИЯ (23 Октября 1940 г.)	348
Н.К. Рерих ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ (30 Октября 1940 г.)	349-350

НОЯБРЬ

Н.К. Рерих СБОРЫ (1940 г.)	351
Письмо Н.К. Рериха в Америку (9 ноября 1940 г.)	352
Письмо Н.К. и Е.И. Рерих в Америку (15 ноября 1940 г.)	354
Н.К. Рерих. ШУМ-ЗВОН (15 ноября 1940 г.)	357

ДЕКАБРЬ

Н.К. Рерих. КРАСНЫЙ ФЛАГ (8 Декабря 1940 г.)	358
Письмо Н.К. Рериха в Америку (10 декабря 1940 г.)	358
Н.К. Рерих. ЕДИНЕНИЕ ИЛИ ГИБЕЛЬ (15 Декабря 1940 г.)	360
Н.К. Рерих. СКРЯБИН (15 Декабря 1940 г.)	361
Н.К. Рерих. ПУТНИКИ (20 Декабря 1940 г.)	362
Н.К. Рерих. МОЛОДЁЖИ (20 Декабря 1940 г.)	363
Н.К. Рерих. КУЛЬТУРА (25 Декабря 1940 г.)	364
Н.К. Рерих. УМУДРЁННОСТЬ (1940 г.)	365-366

1941 г.

ЯНВАРЬ

Н.К. Рерих. ПОЛНОТА ЖИЗНИ (1 января 1941 г. Гималаи)	367
Письмо Н.К. Рериха в Америку (3 января 1941 г.)	368
Н.К. Рерих. "НОВАЯ ЗЕМЛЯ" (8 января 1941 г. Гималаи)	370
Н.К. Рерих. ДОКОЛЕ? (14 января 1941 г. Гималаи)	371
Письмо Н.К. Рериха в Америку (20 января 1941 г.)	371
Н.К. Рерих. ДОСМОТРЫ (22 января 1941 г. Гималаи)	373
Письмо С.Н. Рериха к Рерихам Н.К., Е.И., Юрию (26 января 1941 г. Лахор)	374
Письмо Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н. (31 января 1941 г.)	374
Н.К. Рерих. БЫВШЕЕ (31 января 1941 г. Гималаи)	376
Письмо С.Н. Рериха к Рерихам Н.К., Е.И., Юрию (31 января 1941 г.)	377

ФЕВРАЛЬ

Н.К. Рерих. ДОЛОЙ ОСУДИТЕЛЬНОСТЬ (7 февраля 1941 г. Гималаи)	377
Н.К. Рерих. НАЙДИТЕ ПРИВИВКУ (19 февраля 1941 г. Гималаи)	378
Письмо Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н. (20 февраля 1941 г.)	379
Н.К. Рерих. В ТРУДАХ (24 февраля 1941 г. Гималаи)	380
Письмо Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н. (24 февраля 1941 г.)	381
Н.К. Рерих. ВЕСНА (27 февраля 1941 г. Гималаи)	381

Письмо Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н. (28 февраля 1941 г.)	382
Письмо Н.К. Рериха в Америку (28 февраля 1941 г.)	383

МАРТ

Н.К. Рерих. СИНТЕЗ (2 марта 1941 г. Гималаи)	384
Н.К. Рерих. ДРУЗЬЯ (3 марта 1941 г. Гималаи)	385
Письмо Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н. (3 марта 1941 г. Лагор)	386
Письмо Е.И., Н.К. и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н. (11 марта 1941 г. Лагор)	387
Н.К. Рерих. АМЕРИКА (13 марта 1941 г. Гималаи)	389
Н.К. Рерих. АМЕРИКА (19 марта 1941 г. Гималаи)	390
Письмо Н.К., Е.И., и Ю.Н. Рерихов к Рериху С.Н. (21 марта 1941 г. Наггар, Кулу)	390
Н.К. Рерих. БОРЬБА (24 марта 1941 г. Гималаи)	392
Н.К. Рерих. СЧАСТЬЕ (1941 г.)	393
Н.К. Рерих. ВЕСТНИКИ (25 марта 1941 г. Гималаи)	395
Н.К. Рерих. ОСОБАЯ ВЕСНА (26 марта 1941 г. Гималаи)	397
Н.К. Рерих. БЕЗУМИЯ (30 марта 1941 г. Гималаи)	398

АПРЕЛЬ

Н.К. Рерих. ПУТИ МИРА (4 апреля 1941 г. Гималаи)	399
Н.К. Рерих. ШЁПОТ (7 апреля 1941 г. Гималаи)	399
Н.К. Рерих. «НАДА» (8 апреля 1941 г. Гималаи)	401
Н.К. Рерих. СМЕРЧ (13 апреля 1941 г. Гималаи)	401
Н.К. Рерих. СИЛЬНЫ, БОГАТЫ (15 апреля 1941 г. Гималаи)	402
Н.К. Рерих. СИЛА НАРОДА (24 апреля 1941 г. Гималаи)	403
Н.К. Рерих. ОПАСНОСТЬ (26 апреля 1941 г. Гималаи)	404

МАЙ

Н.К. Рерих. ДОСТОИНСТВО (5 мая 1941 г. Гималаи)	405
Н.К. Рерих. ШЕСТВИЯ (14 мая 1941 г. Гималаи)	406
Н.К. Рерих. АМЕРИКА (15 мая 1941 г. Гималаи)	407
Н.К. Рерих. САМОЦВЕТ (15 мая 1941 г. Гималаи)	409

ИЮНЬ

Н.К. Рерих. ТРУДНО (1 июня 1941 г. Гималаи)	410
Н.К. Рерих. ЛИК АМЕРИКИ (5 июня 1941 г. Гималаи)	412
Письмо В.Ф. Булгакова к Рериху Н.К. (Прага, 9 июня 1941 г.)	413
Н.К. Рерих. ПРИЧИНЫ (10 Июня 1941 г. Гималаи)	414
Н.К. Рерих. МАСТЕРСТВО (12 Июня 1941 г. Гималаи)	415
Н.К. Рерих. ДУША НАРОДА (15 Июня 1941 г. Гималаи)	416
Н.К. Рерих. СЛУШАЙТЕ (17 Июня 1941 г. Гималаи)	417
Н.К. Рерих. ГОЛОС ГОРЬКОГО (19 Июня 1941 г. Гималаи)	418
Н.К. Рерих. СМЕКАЛКА (20 Июня 1941 г. Гималаи)	419
Н.К. Рерих. БЕССПОРНОЕ (21 Июня 1941 г. Гималаи)	420

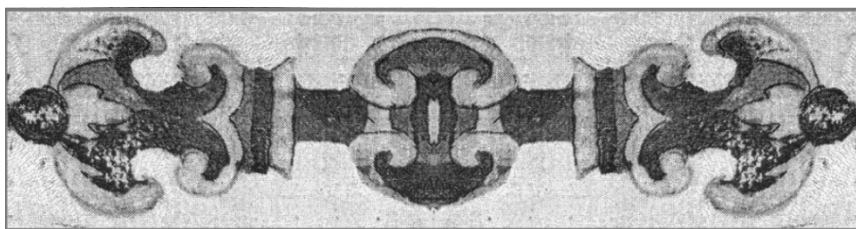
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Н.К. Рерих. БУДУЩЕЕ (1939 г.)	421
Н.К. Рерих. К ДАЛЬНИМ (1941 г.)	422-423

БИБЛИОГРАФИЯ	425
---------------------------	-----

СПИСОК ИЛЛЮСТАЦИЙ	427
--------------------------------	-----

ОГЛАВЛЕНИЕ	430
-------------------------	-----

ПРИМЕЧАНИЯ

При *передаче наименований географических объектов* (топонимов) принято сохранять их первоначальный звуковой строй в новой языковой среде. В случае отсутствия официальной общепринятой версии среди исследователей и переводчиков часто возникают разночтения т.к. одни и те же топонимы у соседних племён и групп могут различаться фонетически. Кроме того при воссоздании исходного названия средствами русского языка (алфавит, графика) трудно подобрать соответствующий эквивалент для столь отличных языков, (принадлежащих к разным языковым группам).

Так, например, на тибетском языке озеро "Нам-цо" - "Небесное озеро", на монгольском и маньчжурском языках оно произносится как "Тенгри-нор".

ПЕРЕЧЕНЬ ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ИМЁН

Авирах, Нуця, он же Баал Шем - Морис Моисеевич Лихтман.

Амрида - Катрин Кемпбелл-Стиббе.

Кай - Митусов Степан Степанович.

Логван, он же Одомар - Луис Леви Хорш.

Лепети (от фр. le'petit - маленький), он же "ручной зверь" - Шклявер Георгий Гаврилович.

Люмоу ("счастье, трижды позванное") - Святослав Николаевич Рерих.

Модра - Фрэнсис Грант.

Морей - Завадский Василий Васильевич.

Нару - Татьяна Денисовна, жена Гребенщикова Г.Д.

Ояна, Ента, она же "свидетельница" - Эстер Лихтман.

Порума, Нейта, Нефрура, она же Птичка Востока - Нетти Хорш.

Радна, она же Сохраняя, она же Иеровоам - Зинаида Григорьевна Лихтман (в девичестве Шафран, по второму браку Фосдик).

Смотрящая, она же Видящая - Софья Михайловна Шафран, мать Зинаиды Григорьевны Лихтман.

Тарухан - Гребенщиков Георгий Дмитриевич.

Талур - Рябинин Константин Николаевич.

Чахембула (Чахем-Була) - Кордашевский Николай Викторович.

Удрая, Тамерлан, Тимур, он же "пума", он же "ручной ворчун" - Юрий Николаевич Рерих.

Урусвати, она же Урукай - Елена Ивановна Рерих.

Ориола Хорш - дочка Луиса и Нетти Хорш.

Фуяма, Дордже, Акдордже - Николай Константинович Рерих.

Флавий - Фрэнк Хорш, сына Луиса и Нетти Хорш.

Яруя ("почитаю Бога") - Владимир Анатольевич Шибаяев.

Экз. 3.